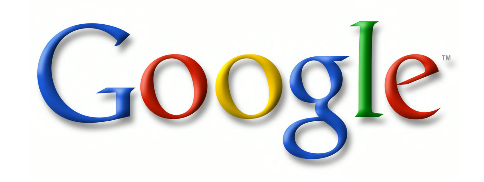

Эрнестъ Ренанъ

ЖИЗНЬ ІИСУСА

ПЕРЕВОДЪ

[illegible] всякихъ сокращеній съ 19-го [illegible]

Е. В. СВЯТЛОВСКАГО

съ портретомъ Ренана, [illegible]

Изд[illegible]

Эрнестъ Ренанъ

Эрнестъ Ренанъ

ЖИЗНЬ IИСУСА

ПЕРЕВОДЪ

без всякихъ сокращеній съ 19-го пересмотрѣннаго и дополненнаго изданія

Е. В. СВЯТЛОВСКАГО

съ портретомъ Ренана, исполненнымъ геліогравюрою

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Изданіе М. В. Пирожкова

1906

Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, Екатерининскій кан., 71—6.

Оглавленіе

СТРАН.

Свѣтлой душѣ

моей сестры Генріетты,

умершей

въ Библосѣ 24 сентября 1861 г.

Вспоминаешь-ли ты, покоясь на лонѣ Божіемъ, о тѣхъ длинныхъ дняхъ въ Газирѣ, когда наединѣ съ тобою я писалъ эти страницы, вдохновленныя мѣстами, которыя мы вмѣстѣ посѣтили? Ты сидѣла возлѣ меня молчаливо, перечитывала каждый листокъ и переписывала его тотчасъ послѣ того, какъ онъ былъ написанъ, а у нашихъ ногъ разстилались море, селенія, долины, горы. И когда послѣ томительнаго зноя миріады звѣздъ усѣивали небосклонъ, твои умные, осторожные вопросы, скромныя сомнѣнія заставляли меня возвращаться къ великому предмету нашихъ общихъ думъ. Однажды ты сказала мнѣ, что будешь любить эту книгу, прежде всего потому, что я писалъ ее вмѣстѣ съ тобою, и затѣмъ еще потому, что она тебѣ по душѣ. Если иногда ты опасалась, какъ бы не пришлось

услыхать о ней узкія сужденія какого нибудь легкомысленнаго человѣка, то всегда ты питала увѣренность въ томъ, что истинно религіозной душѣ въ концѣ концовъ она понравится. Среди этихъ милыхъ думъ смерть коснулась насъ обоихъ своимъ крыломъ; глубокій сонъ послѣ жестокой лихорадки овладѣлъ нами обоими въ одинъ и тотъ же часъ; и проснулся я одинокимъ! Теперь ты спишь въ землѣ Адониса близъ священнаго Библоса, близъ тѣхъ священныхъ водъ, съ которыми смѣшивались слезы женщинъ древнихъ мистерій. О мой добрый геній! Ты такъ меня любила, раскрой же мнѣ тѣ истины, которыя выше смерти, которыя не только разсѣеваютъ страхъ смерти, но почти внушаютъ любовь къ ней.

ЖИЗНЬ ІИСУСА

Предисловіе къ тринадцатому изданію

Первыя двѣнадцать изданій этого сочиненія очень мало отличаются одно отъ другого. Напротивъ, настоящее изданіе было пересмотрѣно и исправлено съ величайшей тщательностью. Въ теченіе четырехъ лѣтъ послѣ появленія этой книги, я безпрерывно работалъ надъ ея улучшеніемъ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ мнѣ облегчили эту задачу многочисленные критическіе отзывы о ней. Изъ нихъ я читалъ всѣ тѣ, которые казались мнѣ сколько-нибудь серьезными. Могу утверждать по чистой совѣсти, что ни разу никакія оскорбленія, или клеветы, которыя примѣшивались къ этимъ отзывамъ, не помѣшали мнѣ воспользоваться дѣльными указаніями, заключавшимися въ нихъ. Я все взвѣшивалъ и провѣрялъ. Если въ нѣкоторыхъ случаяхъ выражалось удивленіе, что я не отвѣчаю на тѣ или другіе упреки, поставленные мнѣ съ крайней самоувѣренностью, какъ будто дѣло шло о вполнѣ доказанныхъ промахахъ, то я поступалъ такъ не потому, что пренебрегалъ этими упреками, а потому что мнѣ невозможно было признать ихъ. Чаще всего въ такихъ случаяхъ я приводилъ въ примѣчаніяхъ или тексты, или тѣ соображенія, на основаніи которыхъ я не могъ измѣнить своего мнѣнія, или же старался помощью легкой редакціонной поправки пояснить, въ чемъ заключалось недоразумѣніе со стороны моихъ противниковъ. Мои примѣчанія, весьма сжатыя и заключающія въ себѣ лишь ссылки на первоисточники, все же могутъ въ достаточной степени познакомить опытнаго читателя съ тѣми соображеніями, которыми я руководствовался при составленіи моего текста.

Если бы я задался цѣлью подробно оправдываться во всѣх прегрѣшеніяхъ, въ которыхъ меня обвиняли, мнѣ пришлось бы увеличить втрое или вчетверо объемъ моей книги; мнѣ пришлос бы повторять вещи, которыя были уже давно сказаны, и даже в французской литературѣ; понадобилось бы вступить въ богослов скую полемику, отъ которой я положительно отказываюсь; по надобилось бы говорить о самомъ себѣ, чего я никогда не дѣлаю Я писалъ съ цѣлью изложить мои мысли для тѣхъ, кто ищет истину. Что же касается лицъ, которыя въ интересахъ своих вѣрованій желаютъ выставить меня невѣждой, кривотолкомъ ил недобросовѣстнымъ человѣкомъ, то у меня нѣтъ ни малѣйшаго желанія измѣнять ихъ образъ мыслей. Если такое мнѣніе необ ходимо для душевнаго спокойствія нѣкоторыхъ набожныхъ особъ то по истинѣ я бы постыдился его опровергать.

Кромѣ того, если бы я вступилъ въ словопренія, то чащ всего они касались бы пунктовъ, не имѣющихъ никакого отноше нія къ исторической критикѣ. Возраженія мнѣ были направлен съ двухъ противуположныхъ сторонъ. Одни изъ нихъ шли с стороны людей свободомыслящихъ, которые не вѣрятъ въ сверхъ естественное[1]), а, слѣдовательно, и въ боговдохновенность свя щеннаго писанія, или со стороны богослововъ либеральной пр тестантской школы, дошедшихъ до такого широкаго толковані догмы, что раціоналисту уже довольно легко придти съ ними к соглашенію. Эти противники стоятъ со мной на одной почвѣ мы исходимъ изъ однихъ и тѣхъ же принциповъ, мы можем спорить по правиламъ, принятымъ для всѣхъ вопросовъ исторі филологіи, археологіи. Что же касается опроверженій против моей книги, направленныхъ со стороны ортодоксальныхъ бог слововъ, будь то католическихъ, или протестантскихъ, которы

---

[1]) Подъ этимъ словомъ я разумѣю „сверхъестественное частное", — вм шательство божества съ опредѣленной цѣлью, чудо,—а не „сверхъестественн общее", т. е. скрытую въ природѣ душу, идеалъ, источникъ и конечную пр чину всего бытія.

признаютъ сверхъестественное и вѣрятъ въ священный характеръ книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта, то всѣ они являются результатомъ основного разномыслія, и такихъ опроверженій было больше всего. Если чудо имѣетъ подъ собой сколько-нибудь реальную почву, то моя книга представляетъ собой сплошное заблужденіе. Если Евангелія являются книгами боговдохновенными и, слѣдовательно, если все въ нихъ, отъ начала до конца, непреложная истина, то я сдѣлалъ большую ошибку, не ограничившись просто склеиваніемъ между собой обрывковъ четырехъ текстовъ, какъ это дѣлаютъ гармонисты, съ тѣмъ, чтобы создать такимъ образомъ одно въ высшей степени многословное, въ высшей степени противорѣчивое цѣлое. — И, наоборотъ, если чудо недопустимо, то я былъ правъ, разсматривая книги, которыя содержатъ разсказы о чудесахъ, какъ исторію съ примѣсью фикцій, какъ легенды, полныя неточностей, ошибокъ, систематическихъ вымысловъ. Если Евангелія такія же книги, какъ всякія другія, то я былъ правъ, когда относился къ нимъ такъ же, какъ любой ученый, изучающій эллинскія, арабскія, индійскія древности, относится къ легендарнымъ документамъ, составляющимъ предметъ его изученія. Для критики не существуетъ непогрѣшимыхъ текстовъ; первое ея правило допускать возможность погрѣшности въ томъ текстѣ, который она разсматриваетъ. Я вовсе не заслуживаю обвиненія въ скептицизмѣ и скорѣе принадлежу къ числу умѣренныхъ критиковъ, такъ какъ вмѣсто того, чтобы огульно отвергнуть документы, значеніе которыхъ умаляется столь крупной подмѣсью, я все же пытаюсь извлечь изъ нихъ путемъ осторожныхъ приближеній нѣчто историческое.

Нельзя было бы утверждать, что такая постановка вопроса заключаетъ въ себѣ petitio principii, что мы a priori допускаемъ предположеніе, требующее само по себѣ доказательствъ, именно, что чудесъ, разсказываемыхъ въ Евангеліи, въ дѣйствительности не было, и что Евангелія написаны безъ всякаго участія Божества. Оба эти отрицанія вовсе не являются у насъ результатомъ толкованія Евангелій, они предпосылаются этому толкованію. Они

представляютъ собой результатъ опыта, который остается неопровергнутымъ. Чудесъ никогда не бываетъ; одни легковѣрные люди воображаютъ, что видятъ ихъ; никто не можетъ привести для примѣра ни одного чуда, которое бы произошло при свидѣтеляхъ, вполнѣ способныхъ подтвердить его; никакое частное вмѣшательство Божества въ какое бы то ни было явленіе, будь то составленіе книги, или что либо иное, никогда не было доказано. Уже одно допущеніе сверхъестественнаго ставитъ насъ внѣ научной почвы; этимъ допускается совершенно ненаучное объясненіе, котораго не могъ бы признать никакой астрономъ, физикъ, химикъ, геологъ, физіологъ, котораго не долженъ признавать также и историкъ. Мы отрицаемъ сверхъестественное на томъ же основаніи, на какомъ мы отрицаемъ существованіе центавровъ и гиппогрифовъ: ихъ никто никогда не видалъ. Я отрицаю чудеса, о которыхъ разсказываютъ евангелисты, не потому, чтобы предварительно мнѣ было доказано, что эти авторы не заслуживаютъ абсолютнаго довѣрія. Но такъ какъ они расказываютъ о чудесахъ, я говорю: „Евангеліе представляетъ собою легенду; въ немъ могутъ быть историческіе факты, но, конечно, не все, что въ нихъ заключается, исторически вѣрно“.

Поэтому невозможно предполагать, чтобы ортодоксъ и раціоналистъ, отрицающій сверхъестественное, могли бы сколько-нибудь сговориться между собою въ подобныхъ вопросахъ. Въ глазахъ теологовъ, Евангелія и библейскія книги вообще не могутъ быть сравниваемы съ какими-либо другими книгами, онѣ вѣрнѣе лучшихъ историческихъ источниковъ, ибо онѣ непогрѣшимы. Напротивъ, для раціоналиста Евангеліе является источникомъ, къ которому слѣдуетъ прилагать общія правила критики источниковъ; по отношенію къ нему мы находимся въ томъ же положеніи, какъ арабологъ по отношенію къ Корану и Хадиѳу, какъ санскритологъ по отношенію къ Ведамъ и буддійскимъ книгамъ. Развѣ арабологи признаютъ Коранъ непогрѣшимымъ? Развѣ ихъ обвиняютъ въ томъ, что они фальсифицируютъ исторію, когда они разсказываютъ о происхожденіи ислама не такъ, какъ разсказываютъ о немъ

мусульманскіе теологи? Развѣ санскритологи принимаютъ „*Лалитавистару*“ (легендарное жизнеописаніе Будды) за біографію?

Но какъ же возможно объясниться между собой, исходя изъ противоположныхъ принциповъ? По всѣмъ правиламъ критики предполагается, что изучаемый документъ имѣетъ лишь относительное значеніе, что всякій документъ можетъ заключать въ себѣ ошибку, что его можно исправить, основываясь на другомъ документѣ лучшаго достоинства. Будучи убѣжденъ, что всѣ книги, завѣщанныя намъ прошлымъ, созданы людьми, ученый, не колеблясь, признаетъ тексты невѣрными, если они другъ другу противорѣчатъ, или утверждаютъ абсурдныя вещи, или категорически опровергаются болѣе авторитетнымъ свидѣтельствомъ. Напротивъ, ортодоксъ, напередъ увѣренный въ томъ, что въ священныхъ книгахъ не можетъ быть ни ошибокъ, ни противорѣчій, рѣшается, чтобы выйдти изъ затрудненія, на самыя сильныя, самыя отчаянныя средства. Такимъ образомъ, ортодоксальное толкованіе представляетъ собой сплошныя ухищренія; въ отдѣльномъ случаѣ можно допустить такой пріемъ, но тысячи уловокъ не могутъ быть всѣ правдивы. Если бы у Тацита, или Полибія, были такія очевидныя ошибки, какія напр. Лука дѣлаетъ по поводу Квиринія, или Ѳевды, мы сказали бы, что Тацитъ, или Полибій, ошибся. И разсужденія, которыхъ никто бы не допустилъ, если бы рѣчь шла о греческой или латинской литературѣ, гипотезы, которыя никогда бы не пришли въ голову какому нибудь Буассонаду, или даже Роллену, признаются правдоподобными, когда ими приходится оправдывать автора священной книги.

Такимъ образомъ именно ортодоксъ принимаетъ на вѣру положеніе, требующее доказательствъ, когда упрекаетъ раціоналиста въ томъ, что послѣдній искажаетъ исторію, если разсказываетъ ее не слово въ слово по документамъ, которые ортодоксъ считаетъ священными. Но изъ того, что фактъ записанъ въ книгѣ, нельзя заключать, что онъ вѣренъ. Чудеса Магомета совершенно также записаны, какъ и чудеса Іисуса, и конечно арабскія біографіи Магомета, напр написанная Ибнъ-Гишамомъ, носятъ гораздо болѣе

историческій характеръ, нежели Евангелія. Но развѣ это причина чтобы мы вѣрили въ чудеса Магомета? Мы относимся къ Ибнъ-Гишаму съ большимъ или меньшимъ довѣріемъ, пока нѣтъ причинъ отклонять его показанія. Но когда онъ начинаетъ разсказывать вещи совершенно невѣроятныя, мы безъ всякихъ затрудненій перестаемъ имъ руководствоваться. Разумѣется, если бы у насъ было четыре жизнеописанія Будды, частью сказочныхъ, частью другъ другу противорѣчащихъ, какъ это мы видимъ въ четырехъ Евангеліяхъ, и если бы какой нибудь ученый сдѣлалъ попытку очистить такіе четыре буддистскіе разсказа отъ заключающихся въ нихъ противорѣчій, то никто не обвинилъ бы этого ученаго въ томъ, что онъ искажаетъ тексты. Всѣ одобрили бы его попытки согласить между собой противурѣчивыя мѣста, найдти компромиссъ, создать нѣчто въ родѣ средняго изложенія, въ которомъ не заключалось бы ничего невозможнаго, гдѣ были бы взвѣшены всѣ противорѣчащія другъ другу свидѣтельства, по возможности безъ всякаго насилія надъ ними. Если бы послѣ всего этого буддисты стали кричать о лживости, о фальсификаціи исторіи, то мы вправѣ были бы отвѣтить имъ: „тутъ нѣтъ рѣчи объ исторіи, и если иногда приходилось отклоняться отъ вашихъ текстовъ, то это вина самихъ текстовъ, въ которыхъ заключаются невѣроятныя вещи и которые, кромѣ того, другъ другу противорѣчатъ“.

Въ основѣ всякаго спора о подобныхъ предметахъ лежитъ вопросъ о сверхъестественномъ. Если чудо и боговдохновеніе извѣстныхъ книгъ признавать реальностью, то нашъ методъ негоденъ. Если чудо и боговдохновенность книгъ представляются вѣрованіями безъ всякой реальной почвы подъ ними, то нашъ методъ хорошъ. Вопросъ же о сверхъестественномъ для насъ разрѣшается вполнѣ опредѣленно, при помощи того единственнаго довода, что нѣтъ основанія вѣрить въ такое явленіе, которое нигдѣ въ мірѣ экспериментально не подтверждается. Мы не вѣримъ въ чудеса совершенно такъ же, какъ не вѣримъ въ привидѣнія, въ діавола, въ колдовство, въ астрологію. Станемъ ли мы

опровергать шагъ за шагомъ длиннѣйшія разсужденія астролога, желая отвергнуть вліяніе созвѣздій на событія человѣческой жизни? Достаточно того вполнѣ отрицательнаго опыта, столь же нагляднаго, какъ наилучшее прямое доказательство, что никогда подобное вліяніе не было констатировано.

Я далекъ отъ мысли не признавать заслугъ, оказанныхъ наукѣ богословами! Разъискиваніе и возстановленіе текстовъ, которые служатъ документами для этой исторіи, является заслугой богослововъ, и зачастую именно ортодоксальныхъ. Работа критики была, наоборотъ, дѣломъ либеральныхъ богослововъ. Но никакой теологъ никогда не обладалъ однимъ качествомъ: качествомъ историка. Исторія по существу своему безпристрастна. У историка одна лишь забота: соблюсти истину и художественность (эти оба требованія нераздѣлимы, ибо искусство есть хранитель неисповѣдимыхъ законовъ истины). Единственный же интересъ теолога его догматъ. Ограничивайте значеніе этого догмата сколько хотите, все же для художника и критика бремя его невыносимо. Ортодоксальнаго теолога можно сравнить съ птицей въ клѣткѣ; для него невозможна никакая свобода движеній. Либеральный же теологъ это птица, которая лишилась нѣсколькихъ перьевъ въ крыльяхъ. Вы предполагаете, что она свободна, и это вѣрно до тѣхъ поръ, пока ей не понадобится совершить полетъ. Только тогда вы убѣдитесь, что она далеко не можетъ назваться вольнымъ чадомъ воздушныхъ пространствъ. Скажемъ смѣло: критическія изслѣдованія относительно происхожденія христіанства произнесутъ свое послѣднее слово только тогда, когда ими будутъ заниматься вполнѣ свѣтскія, мірскія головы, слѣдуя методу, усвоенному эллинистами, арабологами, санскритологами, учеными, чуждыми всякой теологіи, не помышляющими о томъ, чтобы установить или дискредитировать, отстоять или опровергнуть какіе бы то ни было догматы.

Смѣю сказать, что я денно и нощно думалъ объ этихъ вопросахъ, которые слѣдуетъ разсматривать безъ всякихъ иныхъ предвзятыхъ мыслей, кромѣ связанныхъ съ самымъ существомъ мышленія. Безспорно, наиболѣе важнымъ изъ нихъ представляется

вопросъ объ исторической цѣнности четвертаго Евангелія. Тот кто никогда не измѣнялъ своего мнѣнія по этому предмету, на полагать, еще не созналъ всей трудности рѣшенія этой задачи. Всѣ мнѣнія на счетъ этого Евангелія можно раздѣлить на четыр категоріи, которыя вкратцѣ резюмируются слѣдующимъ образомъ.

Первое мнѣніе: „четвертое Евангеліе было написано апостоломъ Іоанномъ, сыномъ Зеведеевымъ. Всѣ факты, приведенные въ этомъ Евангеліи, вѣрны; слова, влагаемыя его авторомъ въ уста Іисуса, дѣйствительно были имъ сказаны“. Таково мнѣніе ортодоксовъ. Съ точки зрѣнія раціональной критики оно совершенно не можетъ быть поддерживаемо.

Второе мнѣніе: „въ общемъ четвертое Евангеліе принадлежитъ апостолу Іоанну, хотя быть можетъ оно было редактировано и исправлено его учениками. Факты, передаваемые этимъ Евангеліемъ, имѣютъ своимъ непосредственнымъ источникомъ преданія объ Іисусѣ. Изреченія же представляютъ собой нерѣдко вольное сочиненіе, которое свидѣтельствуетъ лишь о томъ, какъ авторъ воспринялъ ученіе Іисуса“. Таково мнѣніе Эвальда, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ также Люкке, Вейссе, Рейсса. Этого мнѣнія держался и я въ моемъ первомъ изданіи этого сочиненія.

Третье мнѣніе: „Четвертое Евангеліе написано не апостоломъ Іоанномъ. Оно было ему приписано нѣкоторыми изъ его учениковъ около 100 года. Изреченія въ немъ почти сплошь вымышлены; но въ части повѣствовательной заключаются цѣнныя преданія, исходящія отчасти отъ апостола Іоанна“. Это мнѣніе Вейцзекера, Мишеля, Николя. Это мнѣніе и я нынѣ раздѣляю.

Четвертое мнѣніе: „Четвертое Евангеліе ни въ какомъ отношеніи не принадлежитъ апостолу Іоанну. Какъ по фактамъ, такъ и по изреченіямъ, которыя въ немъ приводятся, его нельзя признать исторической книгой. Это плодъ фантазіи, отчасти аллегорическаго характера, созданный около 150 года; въ этомъ твореніи авторъ предполагаетъ не разсказать дѣйствительно жизнь Іисуса, но выставить на первый планъ идею, которую онъ себѣ создалъ объ Іисусѣ“. Таковы съ нѣкоторыми видоизмѣненіями

мнѣнія Баура, Швенглера, Штраусса, Целлера, Фолькмара, Гильгенфельда, Шенкеля, Шольтена, Ревилля.

Я не могу всецѣло присоединиться къ этому послѣднему радикальному рѣшенію вопроса. Я все-таки думаю, что четвертое Евангеліе имѣетъ реальную связь съ апостоломъ Іоанномъ и что оно было написано въ концѣ 1-го вѣка. Тѣмъ не менѣе я признаю, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ моего перваго изданія, я слишкомъ склонялся въ сторону признанія достовѣрности этого источника. Теперь доказательность нѣкоторыхъ аргументовъ, на которыхъ я основывался, представляется мнѣ уже не столь неопровержимой. Теперь я болѣе не вѣрю тому, чтобы Св. Іустинъ ставилъ четвертое Евангеліе на одну доску съ синоптическими Евангеліями среди апостольскихъ книгъ. Существованіе пресвитера Іоанна, какъ лица безусловно отличнаго отъ апостола Іоанна, теперь представляется мнѣ довольно проблематичнымъ. Мнѣніе, будто Іоаннъ, сынъ Зеведеевъ, написалъ это твореніе, эту гипотезу, которую я никогда не считалъ вполнѣ доказанной, но къ которой я порою выказывалъ нѣкоторую слабость, нынѣ я окончательно отвергаю. Наконецъ, я признаю, что съ моей стороны было ошибкой категорически отрицать гипотезу о поддѣльной рукописи, приписываемой апостолу эпохи перехода отъ апостольскаго вѣка къ послѣдующему. Второе посланіе Петра, подлинность котораго никто не можетъ поддерживать достаточно убѣдительными доводами, представляетъ собою образецъ подобнаго сочиненія, правда, далеко не столь важнаго, какимъ можно считать четвертое Евангеліе. Въ концѣ концовъ въ данный моментъ сущность вопроса заключается не въ этомъ. Самое главное это опредѣлить, какъ слѣдуетъ относиться къ четвертому Евангелію при составленіи жизнеописанія Іисуса. Я продолжаю думать, что это Евангеліе представляется столь же цѣннымъ источникомъ, какъ и синоптическія, а иногда даже болѣе цѣннымъ. Развитіе этой точки зрѣнія настолько важно, что я посвятилъ ему особое приложеніе въ концѣ этой книги. Часть Введенія, относящаяся къ критикѣ четвертаго Евангелія, тоже была мною исправлена и дополнена.

Въ самомъ текстѣ книги многія мѣста также были измѣнены согласно съ тѣмъ, что сказано выше. Всѣ выраженія, болѣе или менѣе подтверждающія мысль, что четвертое Евангеліе написано апостоломъ Іоанномъ или вообще очевидцемъ фактовъ, разсказываемыхъ въ Евангеліи, были вычеркнуты. Чтобы набросать личность Іоанна, сына Зеведеева, я воображаю себѣ грубаго *Воанаргеса* по евангелисту Марку, ужаснаго ясновидца по Апокалипсису, а уже не того, преисполненнаго нѣжности мистика, который написалъ Евангеліе любви. Уже не съ прежней увѣренностью я настаиваю теперь на нѣкоторыхъ мелкихъ подробностяхъ, которыя даетъ намъ четвертое Евангеліе. Заимствованія, и безъ того ограниченныя, которыя я дѣлалъ изъ изреченій этого Евангелія, были еще болѣе сокращены. Я зашелъ слишкомъ далеко подъ вліяніемъ предполагаемаго апостола въ отношеніи обѣтованія Параклета. Точно также у меня нѣтъ прежней увѣренности въ томъ, что въ указаніи дня смерти Іисуса правда находится на сторонѣ четвертаго Евангелія, которое въ этомъ расходится съ синоптическими Евангеліями. Въ отношеніи же Тайной Вечери, наоборотъ, я настаиваю на своемъ мнѣніи. Повѣствованіе синоптическихъ Евангелій, которыя относятъ учрежденіе Евхаристіи къ послѣднему вечеру Іисуса, заключаетъ невѣроятность, почти равносильную чуду. По моему мнѣнію, эта версія принята евангелистами условно и основана на нѣкотораго рода миражѣ ихъ воспоминаній.

Критическій разборъ синоптиковъ по существу мною не измѣненъ. Я дополнилъ его и придалъ ему большую точность въ отношеніи нѣкоторыхъ пунктовъ, именно въ томъ, что касается Луки. Изученіе надписи Зенодора въ Баальбекѣ, предпринятое мною для „Mission de Phénicie", навело меня на мысль, что относительно Лизанія евангелистъ быть можетъ и не такъ глубоко заблуждался, какъ это полагаютъ нѣкоторые критики. Наоборотъ, что касается Квиринія, то послѣдній мемуаръ Моммсена рѣшилъ этотъ вопросъ вопреки третьему Евангелію. Евангеліе Марка представляется мнѣ все болѣе и болѣе первоначальнымъ типомъ синоптическаго повѣствованія, а текстъ его—наиболѣе заслуживающимъ довѣрія.

Параграфъ, относящійся къ апокрифамъ, получилъ большее развитіе. Я воспользовался важными текстами, опубликованными Церіани. Относительно книги Еноха я сильно колебался. Я не согласенъ съ мнѣніемъ Вейссе, Фолькмара, Гретца, которые предполагаютъ что эта книга написана послѣ Іисуса. Только о наиболѣе важной части ея, начиная съ главы XXXVII и до главы LXXI, я не осмѣливаюсь произнести окончательное рѣшеніе ни въ пользу аргументовъ Гильгенфельда, Колани, которые смотрятъ на эту часть, какъ на произведеніе, написанное послѣ Іисуса, ни въ пользу противуположнаго мнѣнія Гофмана, Дильмана, Кестлина, Эвальда, Люкке, Вейцзекера. Какъ важно было бы отъискать греческій текстъ этого капитальнаго сочиненія! Не знаю почему, но я упрямо вѣрю, что это не тщетная надежда. Во всякомъ случаѣ я относился съ извѣстнымъ сомнѣніемъ къ заключеніямъ, основаннымъ на указанныхъ главахъ. Напротивъ того, я указалъ на странное совпаденіе изреченій Іисуса, которыя содержатся въ послѣднихъ главахъ синоптическихъ Евангелій, съ апокалипсами, приписываемыми Еноху; открытіе полнаго греческаго текста посланія, приписываемаго Св. Варнавѣ, пролило свѣтъ на эти соотношенія, которыя были прекрасно разъяснены Вейцзекеромъ. Точно также мною были приняты во вниманіе извѣстные выводы Фолькмара относительно четвертой книги Ездры, за малыми исключеніями почти вполнѣ согласные съ данными Эвальда. Сверхъ того были прибавлены новыя цитаты изъ талмудистовъ. Нѣсколько расширено мѣсто, отведенное ученію ессеевъ.

Принятое мною рѣшеніе избѣгать библіографическихъ ссылокъ нерѣдко получало невѣрное толкованіе со стороны моихъ критиковъ. Мнѣ кажется, что я достаточно громко заявлялъ, какъ много я обязанъ представителямъ нѣмецкой науки вообще и каждому изъ нихъ въ частности, для того, чтобы подобное умалчиваніе не могло бы навлечь на меня обвиненія въ неблагодарности. Библіографія можетъ быть полезной только при извѣстной ея полнотѣ. Между тѣмъ на почвѣ евангельской критики германскій

геній развилъ такую дѣятельность, что если бы я вздумалъ цитировать всѣ сочиненія, относящіяся къ вопросамъ, затрагиваемымъ этой книгой, то мнѣ пришлось бы по меньшей мѣрѣ утроить размѣръ примѣчаній, и совершенно измѣнить характеръ моего труда. Нельзя достигнуть всего заразъ. Поэтому я принялъ за правило приводить лишь цитаты изъ первыхъ рукъ. Число ихъ благодаря этому значительно увеличилось. Сверхъ того, для удобства французскихъ читателей, которые не въ курсѣ этого предмета, я продолжалъ составлять общій списокъ трудовъ, изданныхъ на французскомъ языкѣ; подробности, которыя я долженъ былъ опустить, могутъ быть въ нихъ найдены. Многія изъ этихъ сочиненій не раздѣляютъ моихъ идей, но всѣ они таковы, что могутъ навести образованнаго человѣка на размышленія и поставить его въ уровень съ нашимъ изысканіемъ.

Ходъ повѣствованія мало измѣненъ. Смягчены нѣкоторыя слишкомъ рѣзкія выраженія на счетъ коммунистическаго духа, который былъ сущностью нарождающагося христіанства. Въ числѣ лицъ, имѣвшихъ отношенія къ Іисусу, я помѣстилъ нѣкоторыхъ, не упоминаемыхъ въ Евангеліяхъ, но извѣстныхъ намъ по свидѣтельскимъ показаніямъ, заслуживающимъ довѣрія. Измѣнено то, что относится къ имени Петра; точно такъ же я принялъ другую гипотезу относительно Левія, сына Алфеева, и его отношеній къ апостолу Матѳею. Что касается Лазаря, то теперь я безъ всякихъ колебаній присоединяюсь къ остроумной гипотезѣ Штрауса, Баура, Целлера, Шольтена, по которой нищій въ притчѣ Луки и воскресшій въ Евангеліи Іоанна представляютъ собой одно лицо. Мы увидимъ ниже, что я придаю этому лицу нѣкоторую реальность, комбинируя его съ Симономъ прокаженнымъ. Точно также я принимаю гипотезу Штрауса относительно нѣкоторыхъ изреченій, приписываемыхъ Іисусу въ его послѣдніе дни и сходныхъ съ цитатами изъ рукописей, распространенныхъ въ I вѣкѣ. Разборъ текстовъ, относящихся къ періоду общественной жизни Іисуса, приведенъ съ большею точностью. Измѣнена топографія Виѳфагіи и Далмануѳы. Вопросъ о Голгоѳѣ былъ снова

поднятъ согласно трудамъ де Вэгюэ. По указаніямъ одного лица, весьма освѣдомленнаго въ ботаникѣ, я научился отличать въ садахъ Галилеи растенія, которыя встрѣчались тамъ 18 вѣковъ тому назадъ, отъ занесенныхъ въ эту мѣстность впослѣдствіи. Точно также мнѣ сообщены о напиткѣ для распинаемыхъ на крестѣ нѣкоторыя свѣдѣнія, которымъ я далъ мѣсто въ моей книгѣ. Въ общемъ въ повѣствованіи о послѣднихъ часахъ жизни Іисуса я отмѣтилъ обороты рѣчи, которые могли бы показаться слишкомъ историческими. Здѣсь лучше всего можно приложить любимый методъ объясненій Штрауса, ибо тутъ на каждомъ шагу замѣчаются догматическія и символическія намѣренія.

Я уже говорилъ объ этомъ и повторяю еще разъ: если заставить себя, излагая жизнь Іисуса, упоминать только о несомнѣнныхъ фактахъ, то пришлось бы ограничиться лишь нѣсколькими строчками. Онъ существовалъ, былъ родомъ изъ Назарета въ Галилеѣ. Проповѣдь его была обаятельна и отъ нея сохранились въ памяти его учениковъ афоризмы, глубоко въ ней запечатлѣвшіеся. Главными изъ его двухъ учениковъ были Кифа и Іоаннъ, сынъ Зеведеевъ. Іисусъ возбудилъ къ себѣ ненависть правовѣрныхъ евреевъ, которымъ удалось предать его смертной казни при содѣйствіи Понтія Пилата, бывшаго въ то время прокураторомъ Іудеи. Онъ былъ распятъ на крестѣ за воротами города. Спустя нѣкоторое время распространился слухъ, будто онъ воскресъ. Вотъ все, что намъ было бы извѣстно съ достовѣрностью,— если бы даже не существовало Евангелій, или если бы признавать ихъ показанія ложными,—на основаніи текстовъ, подлинность и дата которыхъ безспорны, каковы, напр., несомнѣнно достовѣрныя посланія Св. Павла, посланія къ Евреямъ, Апокалипсисъ и другіе весьма надежные источники. Все, что выходитъ за предѣлы этихъ данныхъ, можетъ подлежать сомнѣнію. Что представляла собой его семья? Каковы были въ частности его отношенія къ Іакову, „брату Господню", который по смерти его игралъ столь важную роль? Существовали ли у него дѣйствительно какія-либо отношенія къ Іоанну Крестителю, и находились ли наиболѣе из-

вѣстные изъ его учениковъ въ числѣ послѣдователей Крестит
прежде чѣмъ перейдти къ нему? Въ чемъ состояли его месс
скія идеи? Смотрѣлъ ли онъ на самого себя какъ на Мес
Каковы были его апокалипсическія идеи? Вѣрилъ ли онъ въ
что появится въ видѣ Сына человѣческаго въ облакахъ? Вооб
жалъ ли онъ о себѣ, что можетъ творить чудеса? Приписыв
ли ему ихъ при жизни? Создалась ли легенда о немъ среди ок
жающихъ его при жизни его, и было ли это ему извѣстно? Как
былъ его нравственный обликъ? Каковъ былъ его взглядъ на
ступъ язычниковъ въ царство Божіе? Былъ ли онъ чистокровны
евреемъ, подобно Іакову, или же порвалъ всѣ связи съ іуда
момъ, подобно наиболѣе пылкимъ членамъ его церкви? Каки
порядкомъ шло развитіе его мысли?—Всѣ тѣ, которые требу
отъ исторіи только несомнѣннаго, должны оставить эти вопр
безъ отвѣта. Для подобныхъ вопросовъ Евангеліе свидѣтель сл
комъ ненадежный, ибо нерѣдко здѣсь встрѣчаются аргументы
пользу двухъ противуположныхъ положеній, и сверхъ того
тому, что обликъ Іисуса въ Евангеліяхъ измѣняется въ зави
мости отъ догматическихъ взглядовъ ихъ редакторовъ. Я ли
думаю, что при такихъ обстоятельствахъ позволительно стро
всякія предположенія при условіи выдавать ихъ лишь за то,
они собой представляютъ на самомъ дѣлѣ. Тексты, не облада
щіе историческою достовѣрностью, не могутъ давать полной у
ренности, но они даютъ нѣчто другое. Не должно отдаваться
съ слѣпымъ довѣріемъ; но не слѣдуетъ и отклонять ихъ по
занія съ несправедливымъ презрѣніемъ. Нужно стараться угада
что за ними скрывается, но при этомъ никогда не питать аб
лютной вѣры въ то, что найдено такимъ образомъ.

Странная вещь! Именно школа либеральной теологіи
ставляетъ самыя скептическія рѣшенія почти всѣхъ этихъ воп
совъ. Сенсаціонная апологетика христіанства пришла къ т
что признала выгоднымъ создать пустоту на мѣстѣ историческ
обстоятельствъ происхожденія христіанства. Чудеса, мессіан
пророчества, служившія нѣкогда основаніемъ христіанской ап

гіи, стали для нея препятствіемъ, ихъ пытаются устранить. Если вѣрить приверженцамъ этой теологіи, среди которыхъ я могъ бы назвать немало выдающихся критиковъ и благородныхъ мыслителей, то Іисусъ никогда не приписывалъ себѣ чудесъ; онъ не воображалъ себя Мессіей; онъ и не помышлялъ объ апокалипсическихъ изреченіяхъ по поводу конца міра, которыя ему приписываются. Ихъ ни мало не безпокоитъ, что Папій, столь точно передающій преданія, столь усердный въ дѣлѣ собиранія подлинныхъ словъ Іисуса, является экзальтированнымъ тысячелѣтникомъ, или что Маркъ, самый старый и авторитетный изъ евангелистовъ, почти исключительно занятъ описаніемъ чудесъ. Роль Іисуса умаляется до такой степени, что становится довольно затруднительнымъ даже опредѣлить, что онъ собой представлялъ. При такой гипотезѣ осужденіе его на смерть имѣетъ за собой не болѣе разумныхъ основаній, чѣмъ рокъ, сдѣлавшій его главой мессіанскаго и апокалипсическаго движенія. Развѣ Іисусъ былъ распятъ за свои нравственныя поученія, за нагорную проповѣдь? Конечно, нѣтъ. Эти истины уже издавна были ходячими въ синагогахъ. Никогда никого не убивали за ихъ повтореніе. Если Іисусъ былъ преданъ казни, то очевидно онъ говорилъ еще что-нибудь сверхъ этого. Одинъ ученый, принимавшій участіе въ подобныхъ дебатахъ, недавно писалъ мнѣ: „Нѣкогда приходилось доказывать во что бы то ни стало, что Іисусъ былъ Богомъ, а въ наши дни протестантская теологическая школа должна доказывать не только то, что онъ былъ не болѣе какъ человѣкомъ, но еще и то, что онъ самъ никогда иначе и не смотрѣлъ на себя. Стараются изобразить его человѣкомъ здраваго смысла и по преимуществу человѣкомъ практическимъ; его преобразуютъ по образу и по духу современной теологіи. Я согласенъ съ вами, что не такъ слѣдуетъ воздавать должное исторической правдѣ, что это скорѣе является пренебреженіемъ къ ея существеннѣйшей основѣ“.

Такая тенденція возникаетъ совершенно логически въ нѣдрахъ христіанства уже не въ первый разъ. Къ чему стремился Мар-

сіонъ? Къ чему стремились гностики II вѣка? Вычеркнуть изъ біографіи всю ея фактическую сторону, такъ какъ ихъ оскорбляли чисто человѣческія подробности ея. Бауръ и Штраусъ повиновались аналогичнымъ философскимъ требованіямъ. Божественный эонъ, который развивается при посредствѣ человѣчества, не имѣетъ ничего общаго съ анекдотическими событіями, съ частной жизнью индивидуума. Правда, Шольтенъ и Шенкель отстаиваютъ историческаго и реальнаго Іисуса; но ихъ историческій Іисусъ и не Мессія, и не пророкъ, и не еврей. Неизвѣстно, къ чему онъ стремился; и жизнь, и смерть его непонятны. Ихъ Іисусъ представляется своего рода эономъ, существомъ недосягаемымъ, неосязательнымъ. Чистая исторія не вѣдаетъ такихъ существъ. Чистая исторія должна воздвигать свое зданіе изъ двоякаго рода данныхъ, и если можно такъ выразиться, пользуясь двумя факторами: во-первыхъ, общимъ состояніемъ человѣческой души въ данной странѣ въ данный вѣкъ; во-вторыхъ, частными случаями, которые, комбинируясь съ общими причинами, опредѣляютъ ходъ событій. Объяснять исторію случаями было бы также ошибочно, какъ объяснять ее чисто философскими принципами. Оба объясненія должны взаимно поддерживать и дополнять другъ друга. Исторія Іисуса и апостоловъ должна быть прежде всего исторіей обширнаго смѣшенія идей и чувствъ. Этого однако недостаточно. Къ идеямъ и чувствамъ примѣшиваются тысячи случайностей, тысячи странностей, тысячи мелочей. Составить теперь точное изложеніе этихъ случайностей, странностей, мелочей, совершенно невозможно; то, что намъ сообщаетъ легенда въ этомъ отношеніи, можетъ быть правдой, но можетъ быть и неправдой. По моему мнѣнію, лучше всего держаться елико возможно ближе къ оригинальнымъ повѣствованіямъ, отдѣляя отъ нихъ все невозможное, относясь ко всему съ большимъ или меньшимъ сомнѣніемъ, и излагая въ видѣ предположеній различные способы, какими могло произойти данное событіе. Я не слишкомъ увѣренъ въ томъ, что обращеніе св. Павла произошло именно такъ, какъ разсказываютъ *Дѣянія*; но оно произошло какимъ-нибудь способомъ, который немногимъ отли-

ался отъ описаннаго, ибо св. Павелъ самъ разсказываетъ, что ему было видѣніе воскресшаго Іисуса, которое дало его жизни совершенно новое направленіе. Я не слишкомъ увѣренъ, что разсказъ *Дѣяній* о сошествіи св. Духа въ день Пятидесятницы исторически очень вѣренъ; но разсказы, которые распространялись о крещеніи огнемъ, заставляютъ меня думать, что въ кругу апостоловъ имѣла мѣсто сцена иллюзіи, причемъ молнія играла здѣсь такую же роль, какъ на Синаѣ. Точно также случайныя обстоятельства, истолковываемыя людьми съ живымъ и настроеннымъ воображеніемъ, были случайной причиной видѣній воскресшаго Іисуса.

Если свободомыслящіе теологи чувствуютъ отвращеніе къ подобнаго рода объясненіямъ, то это потому, что они не желаютъ подчинять христіанство общимъ законамъ другихъ религіозныхъ движеній; быть можетъ еще и потому, что они недостаточно знакомы съ наукой о духовной жизни человѣка. Нѣтъ религіозныхъ движеній, въ которыхъ подобныя самообольщенія не играли бы видной роли. Можно даже сказать, что въ извѣстныхъ общинахъ эти самообольщенія составляютъ обычное явленіе, какъ, напримѣръ, у протестантскихъ піэтистовъ, мормоновъ, въ католическихъ монастыряхъ. Въ такой экзальтированной средѣ обращенія происходятъ нерѣдко какъ послѣдствіе какого-либо случая, въ которомъ потрясенная душа человѣка усматриваетъ перстъ Божій. Вѣрующіе обыкновенно скрываютъ такіе случаи, такъ какъ въ нихъ всегда заключается нѣчто наивное; они остаются тайной между ними и небомъ. Для холодной или разсѣянной души случай не имѣетъ никакого значенія; для настроенной души тотъ же самый случай—божественное знаменіе. Конечно, было бы неправильно утверждать, что извѣстный случай, какъ фактъ, кореннымъ образомъ измѣнилъ св. Павла, св. Игнатія Лойолу, или вѣрнѣе, далъ толчокъ ихъ новой дѣятельности. Внутренняя работа этихъ сильныхъ натуръ подготовляла громовой ударъ; но самый ударъ грома обусловливался внѣшнимъ поводомъ. Всѣ эти явленія, въ концѣ концовъ, относятся къ моральному состоянію душъ, не имѣющему ничего общаго съ нынѣшнимъ. Древніе въ значительной части

своихъ дѣйствій руководствовались сновидѣніями, посѣтившими их въ предшествующую ночь, выводами, сдѣланными на основаніи слу чайнаго предмета, который первый бросился имъ въ глаза, зву ками, которые имъ будто бы слышались. Случалось, что судьб міра рѣшалъ полетъ птицы, направленіе вѣтра, головная боль Чтобы не получить упрека въ неправдивости и неполнотѣ, нужн упоминать объ этого рода случаяхъ, и даже тогда, когда он сообщаются въ документахъ, обладающихъ посредственной сте пенью достовѣрности, слѣдуетъ остерегаться обходить ихъ молча ніемъ. Въ сущности въ исторіи не бываетъ вполнѣ достовѣрных подробностей, а между тѣмъ подробности всегда имѣютъ нѣ которое значеніе. Талантъ историка заключается въ томъ, что бы создать правдивое цѣлое изъ частей, которыя сами по себ правдивы лишь отчасти.

Итакъ, можно отводить въ исторіи мѣсто частнымъ случаямъ вовсе не будучи раціоналистомъ старой школы, ученикомъ Павла Павелъ былъ такимъ теологомъ, который, желая давать чудесам какъ можно меньше мѣста и не дерзая признавать библейскі повѣствованія легендарными, насиловалъ ихъ для того, чтобы дат имъ естественное объясненіе. Павелъ надѣялся такимъ образом сохранить за Библіей всю ея авторитетность и раскрыть въ то ж время истинную мысль святыхъ авторовъ ея [1]). Я принадлежу к критикамъ мірянамъ; я думаю, что никакой разсказъ о сверхъ естественномъ событіи нельзя считать вѣрнымъ буквально; я пс лагаю, что на сто такихъ разсказовъ о сверхъестественномъ вс семьдесятъ обязаны своимъ происхожденіемъ народному вообра

1) Въ этомъ заключается комизмъ положенія Павла. Если бы онъ ограни чился утвержденіемъ, что въ основѣ многихъ изъ разсказовъ о чудесах имѣются естественные, неправильно понятые факты, то онъ былъ бы прав Но онъ впалъ въ наивность, доказывая, что святой повѣствователь хотѣл передать только самыя обыкновенныя вещи и что было бы заслугой перед библейскимъ текстомъ очистить его отъ чудесъ. Критикъ-міранинъ можетъ долженъ прибѣгать къ такого рода гипотезамъ, которыя именуются „раціон листическими"; теологъ же не вправѣ дѣлать этого, ибо такимъ гипотезам предпосылается положеніе, что самый текстъ не есть результатъ откровені

женію; тѣмъ не менѣе я допускаю, что въ извѣстныхъ болѣе рѣдкихъ случаяхъ легенда имѣетъ своимъ источникомъ реальный фактъ, передѣланный воображеніемъ. Изъ массы сверхъестественныхъ фактовъ, разсказанныхъ въ *Дѣяніяхъ*, въ пяти или шести случаяхъ я пытаюсь показать, какимъ образомъ могла произойдти иллюзія. Теологъ, всегда систематичный, желаетъ примѣнить одно единственное объясненіе ко всей Библіи изъ конца въ конецъ; критикъ полагаетъ, что надо испробовать всѣ объясненія, или вѣрнѣе, что надо послѣдовательно доказать примѣнимость каждаго изъ нихъ. То обстоятельство, что то или другое объясненіе можетъ не соотвѣтствовать нашему вкусу, не должно служить причиной, чтобы отъ него отказываться. Міръ—это комедія, божественная и адская въ одно и то же время, странный хороводъ, которымъ руководитъ геніальный хормейстеръ и въ которомъ добро и зло, дурное и прекрасное дефилируютъ передъ нами каждое на своемъ предназначенномъ мѣстѣ, стремясь къ достиженію таинственной конечной цѣли. Исторія не заслуживаетъ названія исторіи, если, читая ее, мы не будемъ поперемѣнно то восхищаться, то возмущаться, то приходить въ уныніе, то испытывать утѣшеніе.

Первая задача историка вѣрно изобразить среду, въ которой имѣлъ мѣсто разсказываемый фактъ. Такимъ образомъ, исторія происхожденія религій переноситъ насъ въ міръ женщинъ, дѣтей, горячихъ или заблуждающихся головъ. Перемѣстите тѣ же факты въ среду положительныхъ умовъ, они покажутся вамъ абсурдными, необъяснимыми, и вотъ почему для странъ съ тяжелой на подъемъ разсудительностью, какова, напр., Англія, невозможно ихъ понять. Нѣкогда столь прославленныя аргументаціи Шерлока, или Джильберта Уеста по поводу воскресенія изъ мертвыхъ, Литтльтона по поводу обращенія Св. Павла грѣшатъ не логикой: она у нихъ неотразима по своей силѣ; тутъ мы видимъ вѣрную оцѣнку разнообразія окружающей среды. Всѣ извѣстныя намъ религіозныя попытки представляютъ удивительную смѣсь великаго и страннаго. Прочитайте протоколы первоначальнаго сенсимонизма, опублико-

ванные съ удивительнымъ чистосердечіемъ его адептами [1]). Наряду съ отталкивающими фактами, пошлымъ витійствомъ, сколько прелести, какая искренность, лишь только на сцену выступаютъ женскія или мужскія фигуры изъ народа, внося съ собой наивныя признанія души, которая раскрывается подъ первымъ теплымъ лучомъ, падающимъ на нее! Мы знаемъ не одинъ примѣръ прекрасныхъ и прочныхъ движеній, основанныхъ на дѣтскихъ наивностяхъ. Нельзя искать соотвѣтствія между пожаромъ и искрой отъ которой онъ загорѣлся. Набожность Салетты представляется однимъ изъ великихъ религіозныхъ событій нашего времени [2]) Базилики Шартра, Лаона, внушающія такое уваженіе къ себѣ воздвигнуты на иллюзіяхъ этого же рода. Праздникъ Тѣла Господня основанъ на видѣніяхъ одной монахини изъ Люттиха, которая во время своихъ моленій всегда видѣла полную луну съ небольшимъ ущербомъ. Можно было бы привести примѣры вполнѣ искреннихъ движеній, возникшихъ вокругъ обманщиковъ. Въ обрѣтеніи святого копья въ Антіохіи обманъ совершенно очевиденъ, а между тѣмъ этотъ случай рѣшилъ судьбу крестовыхъ походовъ. Мормонизмъ, начала котораго столь постыдны, внушалъ мужество и самопожертвованіе. Религія друзовъ покоится на цѣломъ сплетеніи нелѣпостей и она все-таки имѣетъ своихъ набожныхъ послѣдователей. Исламизмъ, занимающій второе мѣсто среди міровыхъ событій, не существовалъ бы, если бы сынъ Амины не былъ эпилептикомъ. Кроткій и непорочный Францискъ Ассизскій не имѣлъ бы успѣха безъ брата Иліи. Человѣчество имѣетъ настолько слабый умъ, что самое чистое дѣло не обходится безъ содѣйствія какого либо нечистаго элемента.

Будемъ остерегаться примѣненія нашихъ добросовѣстныхъ толкованій и разсужденій холоднаго и яснаго ума къ дѣлу оцѣнки этихъ необычайныхъ событій, которыя въ одно и тоже время такъ значительно ниже, и такъ значительно выше насъ. Одинъ же

---

1) Oeuvres de Saint-Simon et d'Enfantin. Paris, Dentu, 1865—1866.

2) Поклоненіе въ Лурдѣ, повидимому, принимаетъ такіе же размѣры.

лаетъ видѣть въ Іисусѣ мудреца, другой—философа, третій—патріота, четвертый—добродѣтельнаго человѣка, пятый—моралиста, шестой — святого. Но въ немъ не было ничего подобнаго. Онъ былъ обаятеленъ. Не будемъ создавать прошлое по нашему образу и подобію. Не будемъ представлять себѣ Азію Европой. У насъ, напримѣръ, сумасшедшій является существомъ, выходящимъ изъ ряду вонъ; его истязаютъ, чтобы втиснуть въ норму; ужасные способы леченія въ старинныхъ домахъ умалишенныхъ были послѣдовательны съ точки зрѣнія схоластической и картезіанской логики. На востокѣ сумасшедшій—существо привиллегированное: онъ проникаетъ въ засѣданія высшихъ сановниковъ и никто не осмѣливается остановить его; его выслушиваютъ съ нимъ совѣтуются. На востокѣ считаютъ, что такой человѣкъ стоитъ ближе къ Богу, такъ какъ предполагается, что если его индивидуальный разумъ угасъ, то взамѣнъ этого ему предоставлено участіе въ божественномъ разумѣ. Въ Азіи не существуетъ обыкновенія при помощи тонкой насмѣшки отмѣчать у другого слабость мышленія. Одинъ мусульманинъ разсказывалъ мнѣ, что, когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ оказалась настоятельная необходимость нѣкоторыхъ починокъ могилы Магомета въ Мединѣ, то былъ сдѣланъ вызовъ каменщиковъ, желающихъ взяться за это дѣло, съ предупрежденіемъ, что тому, кто спустится въ это страшное мѣсто для работы, по окончаніи ея будетъ отрублена голова. И нашелся желающій, который спустился, выполнилъ работу и затѣмъ по выходѣ далъ себя казнить. „Это было необходимо,—замѣтилъ мнѣ разсказчикъ,—это мѣсто всѣ представляютъ себѣ извѣстнымъ образомъ и нельзя допустить, чтобы нашелся человѣкъ, который могъ бы разсказать, что оно устроено совсѣмъ не такъ“.

Взволнованная душа не можетъ похвалиться ясностью здраваго смысла. Между тѣмъ только взволнованная душа способна къ могучему творчеству. Я имѣлъ въ виду нарисовать картину, на которой краски ложились бы совершенно такъ, какъ въ природѣ; я хотѣлъ, чтобы она походила на человѣчество, то есть изображала бы въ одно и тоже время и великое и мелкое, чтобы на

ней видно было, какъ божественный инстинктъ увѣренно прокла дываетъ себѣ путь среди тысячи случайностей. Если бы въ тако картинѣ не было тѣней, то это доказывало бы, что она невѣрна Характеръ документовъ не даетъ возможности опредѣлить, въ ка кихъ случаяхъ иллюзія была несомнѣнна. Можно только сказать что иногда она бывала несомнѣнной. Невозможно годами вести жизнь чудотворца, и десятки разъ не попасть въ безвыходное по ложеніе, вынуждающее подчиниться толпѣ. Человѣкъ, при жизні сдѣлавшійся легендарнымъ, подпадаетъ подъ тиранническую власт своей же легенды. Дѣло начинается съ наивности, легковѣрія, абсо лютной невинности, а кончается всякаго рода затрудненіями и, чтобы сохранить за собой мнимое могущество, приходится выходить изъ этихъ затрудненій помощью отчаянныхъ средствъ. Принятыя на себя обязательства необходимо выполнить: неужели дать погибнуть дѣлу Божію только потому, что Богъ медлитъ проявить свок волю? Развѣ Жанна д'Аркъ не заставляла не разъ свои голоса высказываться сообразно требованіямъ момента? Если разсказъ о тайномъ откровеніи, которое она сдѣлала Карлу VII, сколько нибудь реаленъ, а это трудно отрицать, то остается только за ключить, что эта непорочная дѣвушка выдала за результат сверхъестественнаго внушенія то, что ей было сообщено по се крету. Изложеніе исторіи религіи, не проливающее сколько ни будь хотя бы косвеннаго свѣта на такого рода предположенія заслуживало бы обвиненія въ неполнотѣ.

Такимъ образомъ въ моемъ повѣствованіи необходимо был дать мѣсто каждому факту, какъ истинному, такъ и вѣроят ному, или возможному, съ указаніемъ степени его вѣроят ности. Въ такой исторіи приходится передавать не только то, ч было, но и то, что по всѣмъ вѣроятіямъ могло быть. Безпристр стіе, съ которымъ я обрабатывалъ мою тему, воспрещало мн отказываться отъ предположеній, даже неблагопріятныхъ; ибо, в самомъ дѣлѣ, много неблагопріятнаго для христіанства было в томъ, какъ происходили событія. Отъ начала до конца я неуклонн примѣнялъ одинъ и тотъ же пріемъ. Я передавалъ хорошія впеча

ленія, которыя на меня производили тексты; я не долженъ былъ умалчивать и о дурныхъ. Я хотѣлъ, чтобы книга моя сохранила свое значеніе даже въ томъ случаѣ, если настанетъ время, когда извѣстную степень обмана будутъ считать въ исторіи религіи элементомъ неизбѣжнымъ. Надо было изобразить моего героя прекраснымъ и обаятельнымъ (ибо такимъ онъ былъ безспорно); и надо было это сдѣлать, не взирая на такія его дѣйствія, которыя въ наши дни могли бы заслужить неблагопріятный отзывъ. Моя попытка создать живой, человѣчный, возможный обликъ была одобрена. Но заслуженны ли были бы эти похвалы, если бы я изобразилъ начала христіанства безъ малѣйшаго пятнышка? Это значило бы допустить величайшее изъ чудесъ. Въ результатѣ этого вышла бы картина въ высшей степени холодная. Я не говорю, что, за недостаткомъ тѣней, мнѣ слѣдовало ихъ измыслить. Но, по крайней мѣрѣ, я долженъ былъ предоставить каждому тексту издавать его собственный тонъ, пріятный или негармоничный. Если бы Гете былъ живъ, онъ призналъ бы за мной эту заслугу. Этотъ великій человѣкъ не простилъ бы мнѣ, если бы портретъ вышелъ у меня вполнѣ небеснаго характера; онъ пожелалъ бы видѣть въ немъ черты отталкивающія; ибо въ дѣйствительности происходили вещи, которыя оскорбили бы насъ, если бы намъ суждено было ихъ видѣть [1]).

Наконецъ тѣ же затрудненія представляетъ также и исторія апостоловъ. Эта исторія удивительна по своему. И однако, что можетъ быть оскорбительнѣе этой глоссолаліи, засвидѣтельство-

---

1) Во всякомъ случаѣ, такъ какъ при обработкѣ подобныхъ темъ назидательность должна стоять въ уровень съ важностью предмета, то я счелъ необходимымъ извлечь изъ „Жизни Іисуса“ небольшой томикъ, въ которомъ ничто не возмущало бы набожнаго читателя, не интересующагося критикой. Я озаглавилъ его „Іисусъ“ въ отличіе отъ настоящаго труда, который составляетъ собой часть серіи, изданной подъ общимъ заглавіемъ: *Исторіи началъ христіанства*. Ни одно изъ измѣненій, сдѣланныхъ въ изданіи, которое я нынѣ выпускаю для публики, не вошло въ этотъ томикъ; этотъ послѣдній я никогда не буду передѣлывать.

ванной неопровержимыми текстами Св. Павла? Свободомыслящіе теологи допускаютъ, что исчезновеніе тѣла Іисуса было одной изъ основъ вѣрованія въ воскресеніе изъ мертвыхъ. А развѣ это не равносильно тому, что въ тотъ моментъ у христіанства было двѣ совѣсти и что одна изъ нихъ создала иллюзію для другой? Если бы тѣ же ученики, которые похитили тѣло, бросились бы по городу съ крикомъ: „Онъ воскресъ"!—обманъ былъ бы очевиденъ. Но безъ сомнѣнія не одни и тѣ же лица совершали оба эти дѣйствія. Для того, чтобы вѣра въ чудо получила общее признаніе, нужно, чтобы кто нибудь одинъ взялъ на себя отвѣтственное дѣло распространенія перваго слуха; и обыкновенно эту роль не беретъ на себя главный дѣятель. Роль этого послѣдняго ограничивается тѣмъ, что онъ не опровергаетъ репутацію, которую ему создаютъ другіе. И въ сущности если бы онъ и взялся за такое опроверженіе, то это былъ бы потерянный трудъ; народное мнѣніе оказалось бы сильнѣе его [1]). Въ чудѣ Салетты ясно можно было видѣть фокусъ. Но убѣжденіе, что это послужитъ на пользу религіи, преобладало надъ всѣмъ [2]). Обманъ, если ему поддаются многіе, становится безсознательнымъ, или вѣрнѣе, онъ перестаетъ быть обманомъ и превращается въ недоразумѣніе. Въ такомъ случаѣ уже никто не обманываетъ преднамѣренно; всѣ обманываютъ невинно. Прежде во всякой легендѣ предполагались обманутые и обманщики; по нашему мнѣнію, всѣ участвующіе въ созданіи легенды являются одновременно и обманщиками и обманутыми. Другими словами, чудо предполагаетъ наличность трехъ условій: 1) всеобщаго легковѣрія; 2) нѣкоторой снисходительности со стороны извѣстной части соучастниковъ; 3) молчаливаго согласія главнаго дѣятеля. Реакція послѣ грубыхъ объясненій XVIII вѣка не должна доводить насъ до гипотезъ, въ которыхъ допускается

---

1) Такъ основатель бабизма и не пытался дѣлать чудеса и тѣмъ не менѣе еще при жизни своей прослылъ за первокласснаго чудотворца.

2) Affaire de la Salette, pièces du procès recueillies par I. Sabbatier, стр. 214, 252, 254 (Grènoble, Vellot, 1856).

дѣйствіе безъ причины. Легенда не можетъ возникнуть сама собой; ей надо помочь народиться. Эти точки отправленія легенды часто бываютъ почти неосязаемы. Народное воображеніе заставляетъ ее наростать, какъ комъ снѣга; и тѣмъ не менѣе она имѣетъ свое первоначальное ядро. Оба лица, составлявшія двѣ родословныя Іисуса, отлично знали, что ихъ данныя не отличались большой точностью. Апокрифическія книги, выдаваемыя за апокалипсы Даніила, Еноха, Ездры, принадлежали вполнѣ убѣжденнымъ авторамъ и, конечно, эти авторы отлично знали, что они не Даніилъ, и не Енохъ, и не Ездра. Азіатскій священникъ, сочинившій романъ Ѳеклы, объявлялъ же, что сдѣлалъ это изъ любви къ Павлу [1]. Тоже слѣдуетъ сказать объ авторѣ четвертаго Евангелія, несомнѣнно личности выдающейся. Выгоняйте иллюзію изъ религіозной исторіи въ одну дверь, она проникнетъ въ другую. Въ общей сложности едва ли найдется въ прошломъ сколько нибудь крупное событіе, всѣ обстоятельства котораго можно было бы признать вполнѣ достовѣрными. И мы останемся все таки французами, хотя Франція создалась вѣками вѣроломства. Вѣдь мы не откажемся отъ пользованія благами революціи на томъ основаніи, что революція совершила безчисленное множество преступленій? Если бы династіи Капетинговъ удалось дать намъ такой же хорошій конституціонный строй, какой существуетъ въ Англіи, то развѣ стали бы мы придираться къ способности исцѣлять золотуху, которая приписывалась Капетингамъ?

Одна наука чиста, ибо она отвлеченна; она не имѣетъ дѣла съ людьми, ей чужды задачи пропаганды. На ея обязанности доказывать, а не убѣждать и не совращать. Тотъ, кто открылъ теорему, публикуетъ ея доказательства для тѣхъ, кто способенъ ихъ понять. Ему нѣтъ надобности всходить на каѳедру, жестикулировать, нѣтъ надобности прибѣгать къ ораторскимъ уловкамъ, чтобы убѣдить тѣхъ людей, которые не видятъ, что теорема его рѣшена вѣрно. Конечно, энтузіазму присуща своя добросо-

[1] „Confessum id se amore Pauli fecisse". Тертулліанъ, De baptismo, 17.

вѣстность, но эта добросовѣстность отличается наивнымъ характеромъ; это не та глубокая, обдуманная добросовѣстность, которая свойственна ученому. Невѣжда поддается именно плохимъ доводамъ. Если бы Лапласу нужно было привлечь толпу въ пользу своей системы міра, ему нельзя было бы ограничиться математическими доказательствами. Литтрэ, составляя біографію человѣка, котораго считалъ своимъ учителемъ, могъ въ своей искренности не умалчивать даже о томъ, что не слишкомъ располагаетъ къ этому человѣка. Но это случай безпримѣрный въ исторіи религіи. Одна лишь наука ищетъ голую истину. Одна наука подтверждаетъ истину разумными доводами и подвергаетъ строгой критикѣ всѣ способы доказательства. Безъ сомнѣнія, благодаря этому, наука до сихъ поръ и не пользуется вліяніемъ на народъ. Быть можетъ въ будущемъ, когда просвѣщеніе проникнетъ въ народъ, какъ намъ это сулятъ, на толпу тоже будутъ дѣйствовать только разумныя, основательныя доказательства. Но было бы не очень справедливо судить о великихъ людяхъ прошлаго на основаніи этихъ же принциповъ. Встрѣчаются натуры, которыя не могутъ примириться съ своимъ безсиліемъ, которыя принимаютъ человѣчество такимъ, какъ оно есть, со всѣми его слабостями. Многое великое не могло бы совершиться безъ лжи и насилія. Если бы въ одинъ прекрасный день воплотившійся идеалъ явился передъ людьми съ цѣлью господствовать надъ ними, то онъ очутился бы передъ лицомъ глупости, которая желаетъ быть обманутой, передъ лицомъ злобы, которая требуетъ того, чтобы ее укротили. Безупреченъ только созерцатель, который стремится лишь найти истину, не заботясь ни о томъ, чтобы доставить ей торжество, ни о томъ, чтобы дать ей практическое примѣненіе.

Мораль не исторія. Рисовать и разсказывать не значитъ доказывать. Натуралистъ, который описываетъ превращенія хризалиды, относится къ ней безъ порицанія и безъ похвалы. Онъ не обвиняетъ ее въ неблагодарности за то, что она бросаетъ свой саванъ; не находитъ ее черезчуръ смѣлой за то, что она со-

здаетъ себѣ крылья; не называетъ ее безумной за стремленіе пуститься въ пространство. Можно быть страстнымъ поклонникомъ истины и красоты и тѣмъ не менѣе обнаруживать терпимость къ слабостямъ народа. Одинъ идеалъ не имѣетъ пятенъ. Наше счастье стоило нашимъ предкамъ цѣлыхъ потоковъ слезъ и крови. Для того, чтобы благочестивыя души испытывали нынѣ у подножія алтаря внутреннее утѣшеніе, которое даетъ имъ жизнь, понадобились цѣлые вѣка высокомѣрнаго принужденія, таинства жреческой политики, желѣзные прутья, костры. Уваженіе, которое внушаетъ къ себѣ всякое великое явленіе, не нуждается ни въ какихъ жертвахъ правдивости со стороны исторіи. Нѣкогда для того, чтобы быть добрымъ патріотомъ французомъ, нужно было вѣрить въ голубя Клодвига, въ національныя древности музея Сенъ-Дени, въ непорочность орифламмы, въ сверхъестественную миссію Жанны д'Аркъ; надо было вѣровать въ то, что Франція первая среди націй, что французская монархія первенствующая среди другихъ монархій, что Богъ оказываетъ особое предпочтеніе этой державѣ и постоянно занятъ тѣмъ, что оказываетъ ей покровительство. Теперь мы знаемъ, что Богъ покровительствуетъ одинаково всѣмъ державамъ, всѣмъ имперіямъ и королевствамъ, всѣмъ республикамъ; мы признаемъ, что многіе короли Франціи были людьми презрѣнными; мы признаемъ, что характеръ французовъ имѣетъ свои недостатки; мы громко восхищаемся массой вещей иностраннаго происхожденія. Развѣ поэтому мы не можемъ считаться хорошими французами? Напротивъ, можно сказать, что мы стали лучшими патріотами, такъ какъ вмѣсто того, чтобы закрывать глаза на свои недостатки, мы стараемся ихъ исправить, и вмѣсто того, чтобы хулить все чужеземное, мы стараемся перенимать все, что въ немъ есть хорошаго. Мы и христіане на такой же ладъ. Кто отзывается неуважительно о средневѣковой монархіи, о Людовикѣ XIV, о революціи, объ имперіи, тотъ обнаруживаетъ только дурной вкусъ. Тотъ же, кто говоритъ безъ надлежащей кротости о христіанствѣ и церкви, къ которой онъ принадлежитъ, тотъ повиненъ въ неблагодарности. Но сыновняя

признательность не должна доходить до того, чтобы не видѣть правды. Мы вовсе не обнаруживаемъ недостаточнаго уваженія къ правительству, когда отмѣчаемъ, что оно не могло удовлетворить противорѣчивымъ потребностямъ, присущимъ людямъ, ни къ религіи, утверждая, что она не можетъ избѣжать горькихъ упрековъ, которые знаніе ставитъ всякой вѣрѣ въ сверхъестественное. Отвѣчая тѣмъ, а не другимъ соціальнымъ требованіямъ, правительства падаютъ по тѣмъ самымъ причинамъ, которыя ихъ создали и нѣкогда составляли ихъ силу. Отвѣчая лишь требованіямъ сердца въ ущербъ требованіямъ разсудка, религіи падаютъ одна за другой, такъ какъ до сихъ поръ никакой силѣ не удалось заглушить голосъ разсудка.

Но горе и разуму, если въ одинъ прекрасный день онъ заглушитъ религію! Повѣрьте, что наша планета преслѣдуетъ извѣстную глубокую цѣль. Не высказывайтесь слишкомъ смѣло о безполезности той или другой ея части; не говорите, что надо уничтожить въ ней то или другое зубчатое колесо, такъ какъ, судя по внѣшности, оно только мѣшаетъ ходу другихъ частей всего механизма. Природа, одарившая животныхъ непогрѣшимымъ инстинктомъ, не влагала и въ человѣка ничего обманывающаго его. По его органамъ вы можете смѣло дѣлать заключеніе о его судьбѣ. Est Deus in nobis. Религіи, заблуждаясь въ своихъ попыткахъ доказать безконечное, опредѣлить его, или, если можно такъ выразиться, воплотить его, совершенно правдивы, когда только просто признаютъ его. Самыя крупныя заблужденія, которыя религіи примѣшиваютъ къ этому признанію, ничто по сравненію съ истиной, которую онѣ возвѣщаютъ. Самый послѣдній простакъ, лишь бы онъ слѣдовалъ культу своего сердца, болѣе просвѣщенъ относительно реальности вещей, нежели матеріалистъ, который думаетъ объяснять все случаемъ и не вѣритъ въ безконечное.

ВВЕДЕНІЕ,

въ которомъ говорится главнымъ образомъ объ оригинальныхъ документахъ исторіи происхожденія христіанства.

Исторія „Началъ христіанства“ должна охватывать собой весь смутный, и если можно такъ выразиться, подпольный періодъ, который простирается отъ первыхъ зачатковъ этой религіи до того момента, когда ея существованіе дѣлается общественнымъ фактомъ, очевиднымъ для всѣхъ и общепризнаннымъ. Подобная исторія должна бы состоять изъ четырехъ частей. Первая, которую я здѣсь и предлагаю публикѣ, разсматриваетъ самый фактъ, послужившій исходной точкой новаго культа; ее цѣликомъ наполняетъ дивная личность основателя религіи. Во второй, рѣчь шла бы объ апостолахъ, и объ ихъ непосредственныхъ ученикахъ, или, лучше сказать, о тѣхъ переворотахъ, какимъ подвергалась религіозная мысль въ теченіе двухъ первыхъ христіанскихъ поколѣній. Я закончилъ-бы ее около 100-го года, эпохой, когда послѣдніе изъ друзей Іисуса уже умерли и когда книги Новаго Завѣта почти уже фиксировались въ той формѣ, въ какой мы ихъ читаемъ нынѣ. Въ третьей части излагалось бы состояніе христіанства при Антонинахъ. Здѣсь было бы представлено, какъ оно постепенно развивается и выдерживаетъ почти непрерывную борьбу съ имперіей, которая, достигнувъ въ этотъ моментъ высшей степени административнаго совершенства, подъ управленіемъ философовъ борется въ лицѣ нарождающейся секты съ тайнымъ теократическимъ сообществомъ, упорно отрицающимъ имперію и постоянно подрывающимъ ея основы. Эта часть обнимала-бы собой весь второй вѣкъ. И, наконецъ, въ четвертой части были-бы описаны рѣшительные успѣхи, которые дѣлаетъ христіанство, начиная съ эпохи сирійскихъ императоровъ. Здѣсь мы увидали-бы: какъ рушится мудрый строй Антониновъ, какъ паденіе античной цивилизаціи становится неиз-

бѣжнымъ, какъ христіанство воспользовалось ея гибелью, какъ Сирія завоевала весь Востокъ, и Іисусъ, сообща съ богами и обоготворенными мудрецами Азіи, овладѣлъ обществомъ, которое уже не удовлетворялось философіей и чисто гражданскимъ строемъ государства. Въ эту эпоху религіозныя идеи расъ, населившихъ берега Средиземнаго моря, кореннымъ образомъ видоизмѣняются, повсюду восточные культы одерживаютъ побѣду и христіанство, сдѣлавшись весьма многолюдной церковью, окончательно забываетъ свои мечты о тысячелѣтнемъ царствѣ, разрываетъ послѣдні свои связи съ іудаизмомъ и цѣликомъ переходитъ въ міры греческій и латинскій. Борьба и литературная работа III вѣка, протекавшія уже открыто, были-бы намѣчены лишь въ общихъ чертахъ. Еще болѣе бѣгло очертилъ бы я преслѣдованія, происходившія въ началѣ IV вѣка, это послѣднее усиліе имперіи вернуться къ своимъ старымъ принципамъ, отказывавшимъ религіозной ассоціаціи въ какомъ либо мѣстѣ въ государствѣ. И, наконецъ, я ограничился бы лишь указаніемъ на перемѣну политики, которая, при Константинѣ, произвела перестановку ролей и обратила религіозное движеніе, наиболѣе свободное, наиболѣе добровольное по своему существу, въ оффиціальный культъ, подчиненный государству и въ свою очередь выступающій на путь преслѣдованія другихъ культовъ.

Не знаю, хватило ли бы моей жизни и силъ для выполненія столь обширнаго плана. Я былъ бы доволенъ, если-бы, окончивъ жизнеописаніе Христа, мнѣ удалось-бы написать исторію апостоловъ, какъ я ее понимаю, состояніе христіанской души въ теченіе первыхъ недѣль послѣ смерти Іисуса, удалось-бы разсказать, какъ сложился циклъ легендъ о воскресеніи изъ мертвыхъ, о первыхъ дѣяніяхъ Іерусалимской церкви, жизнь св. Павла, времена Нерона, возникновеніе Апокалипса, разрушеніе Іерусалима, основаніе еврейскихъ христіанскихъ общинъ Виѳаніи, о редактированіи Евангелій, о происхожденіи великихъ школъ Малой Азіи. На ряду съ этимъ удивительнымъ первымъ вѣкомъ все остальное блѣднѣетъ. По странной для исторіи особенности, намъ гораздо виднѣе процессы, происходившіе въ христіанскомъ мірѣ съ 50 по 75 годы, нежели съ 80 по 150.

Планъ, которому я слѣдовалъ въ этомъ трудѣ, помѣшалъ мнѣ ввести въ текстъ пространныя критическія разсужденія о встрѣченныхъ противорѣчіяхъ. Система примѣчаній къ тексту даетъ читателю возможность само-

провѣрить по источникамъ всѣ предположенія, высказанныя въ текстѣ. Въ этихъ примѣчаніяхъ я ограничивался исключительно цитированіемъ первоисточниковъ, другими словами, указаніемъ тѣхъ мѣстъ въ оригиналахъ, на которыхъ основывается каждое утвержденіе или каждое предположеніе. Я знаю, что для лицъ, мало знакомыхъ съ этихъ способомъ изученія предмета, были-бы необходимы многія другія подробности. Но у меня нѣтъ обыкновенія передѣлывать то, что сдѣлано и сдѣлано хорошо. Изъ сочиненій на французскомъ языкѣ приведу слѣдующія:

Études critiques sur l'Évangile de saint Mathieu, соч. Альберта Ревилля, пастора валлонской церкви въ Роттердамѣ (Leyde, Noothaven van Goor, 1862, Paris, Cherbuliez. Сочиненіе премированное обществомъ защиты христіанской религіи въ Гаагѣ).

Histoire de la théologie chrétienne au siècle apostolique, соч. Рейсса, профессора теологическаго факультета и протестантской семинаріи въ Страсбургѣ (Strasbourg, Treuttel et Wurtz, 2-e édition, 1860, Paris, Cherbuliez).

Histoire du canon des Écritures saintes dans l'Église chrétienne, его-же, (Strasbourg, Treuttel et Wurtz, 1863).

Des doctrines religieuses des Juifs pendant les deux siècles antèrieurs a l'ère chrétienne, соч. Мишеля Николя, профессора теологическаго протестантскаго факультета въ Монтабанѣ (Paris, Michel Lévy frères, 1860).

Études critiques sur la Bible (Nouveau Testament), его-же (Paris, Michel Lévy frères, 1864).

Vie de Jésus, соч. Штраусса, перев. академика Литтрэ (Paris, Ladrange, 2-e édition, 1856).

Nouvelle vie de Jésus, его-же, перев. Нефтцера и Дольфуса (Paris, Hetzel et Lacroix, 1864).

Les Évangiles, соч. Густава Эйхталя. Часть 1-ая: Examen critique et comparatif des trois premiers Évangiles. (Paris, Hachette, 1863).

Jésus Christ et les Croyances messianiques de son temps, соч. Колани, профессора теологическаго факультета и протестантской семинаріи въ Страсбургѣ, Strasbourg, Treuttel et Wurtz, (2-e édition, 1864. Paris, Cherbuliez).

Études historiques et critiques sur les origines du christianisme, соч. А. Стапа, (Paris, Lacroix, 2-e édition, 1866).

Études sur la biographie évangélique, соч. Ринтеръ де Лиссоля (Londres, 1854).

Revue de théologie et de philosophie chrétienne, редактируемый Колани съ 1850 по 1857 г.—Nouvelle Revue de théologie, продолженіе предъидущаго, съ 1858 по 1862 г.—Revue de théologie, troisième série, съ 1863. (Strasbourg, Treuttel et Wurtz. Paris, Cherbulicz).

Читатели, которые пожелаютъ справляться съ перечисленными сочиненіями, по большей части превосходными, найдутъ въ нихъ объясненіе множества пунктовъ, по которымъ я долженъ былъ быть очень краткимъ. Въ частности детальная критика евангельскихъ текстовъ Штрауса не оставляетъ желать ничего лучшаго. Хотя сперва Штраусъ и ошибался въ своей теоріи на счетъ редакціи Евангелій [1]) и хотя, по моему мнѣнію, его сочиненіе имѣетъ тотъ недостатокъ, что оно слишкомъ держится богословской почвы [2]), тѣмъ не менѣе, для того чтобы составить себѣ ясное понятіе о тѣхъ мотивахъ, которые мной руководили въ массѣ мелочей, неизбѣжно прослѣдить всю аргументацію, всегда остроумную, хотя иногда нѣсколько натянутую, которая заключается въ этой книгѣ въ прекрасномъ ея переводѣ моего ученаго собрата Литтре.

Въ отношеніи древнихъ свидѣтельствъ, мнѣ кажется, я не пренебрегъ ни однимъ изъ справочныхъ источниковъ. Объ Іисусѣ и эпохѣ, въ которую онъ жилъ, у насъ осталось пять большихъ собраній сочиненій, не считая массы другихъ разбросанныхъ данныхъ: 1) Евангеліе и вообще книги Но-

---

[1]) Крупныя открытія, сдѣланныя по этому вопросу, стали извѣстны лишь послѣ перваго изданія труда Штрауса. Ученый критикъ въ своихъ послѣдующихъ изданіяхъ отдаетъ имъ справедливость со свойственной ему выдающейся добросовѣстностью.

[2]) Едва ли нужно напоминать здѣсь, что ни одно слово во всей книгѣ Штрауса не даетъ повода для странной и нелѣпой клеветы, при помощи которой была сдѣлана попытка дискредитировать въ глазахъ поверхностныхъ людей эту книгу, написанную чрезвычайно умно, точно и добросовѣстно. Штраусъ не только никогда не отрицалъ существованія Іисуса, но каждая страница его книги предполагаетъ его существованіе. Вѣрно лишь то, что Штраусъ находитъ индивидуальный характеръ Іисуса для насъ гораздо болѣе непонятнымъ, нежели это было въ дѣйствительности.

го Завѣта; 2) книги Ветхаго Завѣта, называемыя апокрифическими; сочиненіе Филона; 4) сочиненіе Іосифа; 5) Талмудъ. Сочиненія Филона ѣютъ за собой то неоцѣненное преимущество, что изображаютъ намъ исли, бродившія во времена Іисуса въ умахъ, занятыхъ великими рели-озными вопросами. Правда, Филонъ жилъ совсѣмъ въ другой провинціи даизма, нежели Іисусъ, но подобно ему совершенно отрѣшился отъ арисейскаго духа, господствовавшаго въ Іерусалимѣ; Филонъ по истинѣ вляется старшимъ братомъ Іисуса. Ему было 62 года, когда пророкъ изъ Назарета достигъ высшей точки своей дѣятельности, и пережилъ его еще на 10 лѣтъ. Какъ жаль, что случай не привелъ его въ Галилею! Чего-бы только онъ намъ не повѣдалъ!

Іосифъ, писавшій главнымъ образомъ для язычниковъ, не обладаетъ такой-же искренностью стиля. Его краткія свѣдѣнія объ Іисусѣ, объ Іоаннѣ Крестителѣ, объ Іудѣ Гавлонитѣ, сухи и безкрасочны. Чувствуется, что онъ пытается изображать эти движенія, глубоко іудейскія по духу и по характеру, въ такой формѣ, которая была бы понятна грекамъ и римля-намъ. Я считаю его главу объ Іисусѣ [1]) въ цѣломъ подлинной. Она напи-сана совершенно въ духѣ Іосифа, и если этотъ историкъ упоминалъ объ Іисусѣ, то онъ долженъ былъ говорить о немъ именно такъ. Чувствуется только, что этотъ отрывокъ ретушевала рука христіанина, прибавившая къ нему нѣсколько словъ, безъ которыхъ онъ былъ-бы почти богохуль-ствомъ [2]), и можетъ быть также вычеркнувшая или исправившая нѣкоторыя выраженія [3]). Надо имѣть въ виду, что литературная слава Іосифа была создана христіанами, которые признали его сочиненія существенными до-кументами своей священной исторіи. Вѣроятно около II вѣка распростра-нилось одно изданіе этихъ сочиненій, исправленное согласно христіанскимъ идеямъ [4]). Во всякомъ случаѣ тотъ огромный интересъ, который представ-

[1]) Ant., XVIII, III, 3.

[2]) „Если позволительно называть его человѣкомъ“.

[3]) Вмѣсто „χριστὸς οὗτος ἦν“, было вѣроятно „χριστὸς οὗτος ἐλέγετο“. Ср. nt., XX, IX, 1; Оригенъ, In Matth., X, 17; Contre Celse, I, 47; II, 13.

[4]) Евсевій (Hist. eccl., 1, 11, и Démonstr. évangel.. III, 5) цитируетъ троки объ Іисусѣ въ томъ видѣ, какъ мы ихъ теперь находимъ у Іо-ифа. Оригенъ (Contre Cels., I, 47, II. 13), Евсевій (Hist. eccl., II, 23), Св.

ляютъ книги Іосифа для занимающаго насъ предмета, заключается въ яркомъ свѣтѣ, проливаемомъ ими на данную эпоху. Благодаря этому еврейскому автору, Иродъ, Иродіада, Антипа, Филиппъ, Анна, Каіафа, Пилатъ, представляются намъ такъ сказать осязаемыми лицами, которыя живутъ передъ нами съ поразительной реальностью.

Апокрифическія книги Ветхаго Завѣта, особенно еврейская часть сивиллиныхъ поэмъ, книга Еноха, Успеніе Моисея, четвертая книга Ездры, апокалипсъ Варуха, вмѣстѣ съ книгой Даніила, которая сама по себѣ представляетъ также настоящій апокрифъ, имѣютъ огромную важность для исторіи развитія мессіанскихъ теорій и для уразумѣнія воззрѣній Іисуса на царство Божіе [1]) Что же касается, въ частности книгъ Еноха [2]) и Успенія Моисея [3]), то ихъ усердно читали въ средѣ окружавшей Іисуса. Нѣкоторыя слова, приписываемыя синоптиками Іисусу, въ посланіи Св. Варнавы приводятся, какъ принадлежащія Еноху: ὡς Ἐνὼχ λέγει [4]) Весьма трудно опредѣлить даты различныхъ отдѣловъ, составляющихъ

Іеремія (De viris illustr., 2, 13), Свидасъ (о словѣ „Ἰώσηπος“) цитируютъ другой христіанскій варіантъ, который не встрѣчается ни въ одной изъ рукописей Іосифа, дошедшихъ до насъ.

[1]) Французскіе читатели могутъ справиться объ этомъ въ слѣдующихъ сочиненіяхъ: Александръ, Carmina sibyllina, Paris, 1851—56 Рейссъ, Les Sibylles chrétiennes въ Revue de théologie, апр. и май 1861 Колани, Jésus Christ et les croyances messianiques, стр. 16 и слѣд., не считая работъ Эвальда, Дильмана, Фолькмара, Гильгенфельда.

[2]) Посл. Іуды, 6, 14; 2 посл. Петра, II, 4; „Завѣтъ 12 патріарховъ“ Сим., 5, Левитъ, 10, 14, 16; Іуда, 18; Данъ, 5; Нефт., 4; Веніам., 9; Зав., 3

[3]) Посл. Іуды, 9. (см. Оригена, De principiis, III. II, 1; Дидимъ Александрійскій, Max. Bibl. Vet. Patr., IV, стр. 336). Ср. Матѳ., XXIV, 21 и сл. съ *Усп. Моис.*, с. 8 и 10 (стр. 104, 105, изд. Гильгенфельда); посл. къ Римл. II, 15, съ *Усп. Моис.*, стр. 99—100.

[4]) Посл. Варнавы, гл. IV, XVI (по Codex sinaiticus, изд. Гильгенфельда, стр. 8, 52), по сравненію съ книгой Еноха, LXXXIX, 56 и сл. Матѳ., XXIV, 22; Марка, XIII, 20. Другія совпаденія въ такомъ же родѣ см. ниже прим. 2 къ стр. XLII. Ср. также слова Іисуса въ передачѣ Папія (у Иринея, Adv. haer., V, XXXIII, 3—4) съ книгой Еноха. X, 19 и съ апокалипсомъ Варуха, § 29 (Церіани, Monum. sacra et profana, т. I, вып. I, стр. 80).

книгу, приписываемую этому патріарху. Конечно ни одинъ изъ нихъ не можетъ относиться къ эпохѣ раньше 150 г. до Р. Х.; нѣкоторые изъ нихъ быть можетъ были написаны рукой христіанина. Отдѣлъ, содержащій рѣчи, озаглавленныя „О подобіяхъ", занимающій главы отъ XXXVII до LXXI, тоже внушаетъ подозрѣніе въ томъ, что это христіанское сочиненіе. Но это не доказано [1]). Быть можетъ этотъ отдѣлъ подвергался только передѣлкамъ [2]). Мѣстами замѣчаются и другія добавки или ретушевки христіанскаго происхожденія.

Собраніе Сивиллиныхъ поэмъ требуетъ подобнаго же разбора; но тутъ различія установить легче. Наиболѣе древней частью является поэма, заключающаяся въ книгѣ III, стр. 97—817; она, повидимому, относится къ эпохѣ около 140 года до Р. Х. Что касается даты четвертой книги Ездры, то въ настоящее время всѣ согласны относить этотъ апокалипсисъ къ 97 г. по Р. Х. Онъ былъ передѣланъ христіанами. Апокалипсъ Варуха [3]) очень сходенъ съ апокалипсомъ Ездры; въ немъ мы встрѣчаемъ, какъ и у Еноха нѣкоторыя слова, приписываемыя Іисусу [4]). Относительно-же книги Даніила существуетъ много доказательствъ, не позволяющихъ сомнѣваться въ томъ, что эта книга является плодомъ сильнѣйшей экзальтаціи, вызванной среди евреевъ преслѣдованіями Антіоха. Къ этимъ доказательствамъ относятся: характеръ двухъ языковъ, на которыхъ она написана; употребленіе греческихъ словъ; ясное, опредѣленное указаніе, съ датами, на событія, которыя относятся къ эпохѣ Антіоха Епифана; невѣрныя изображенія древняго Вавилона, начерченныя въ этой книгѣ; общій тонъ красокъ, нисколько не напоминающій временъ плѣненія, и напротивъ, во

---

1) Я склоненъ думать, что въ Евангеліяхъ есть намеки на эту часть книги Еноха, или по меньшей мѣрѣ на подобныя же части ея. См. ниже прим. къ цитатѣ изъ кн. Премудрости въ концѣ гл. XXI.

2) Гл. LXVII, 4 и сл., гдѣ описаны вулканическія явленія въ окрестностяхъ Пуццоли, не можетъ служить доказательствомъ тому, что весь [отдѣ]лъ, къ которому она относится, написанъ позднѣе 79 г., когда про[и]зло изверженіе Везувія. Повидимому на явленія этого рода суще[ству]ютъ намеки и въ Апокалипсѣ, который относится къ 68 г.

[3]) Латинскій переводъ его съ сирійскаго оригинала только что из[далъ] Церіани, Anecdota sacra et profana, t. I., fasc. II. (Milan, 1866).

4) См. примѣчанія 3 и 4 на предъидущей стр.

многомъ соотвѣтствующій вѣрованіямъ, нравамъ, игрѣ фантазіи эпохи Селевкидовъ; апокалиптическая форма видѣній; мѣсто, занимаемое этой книгой въ еврейскомъ канонѣ, гдѣ она не входитъ въ серію пророковъ; пропускъ Даніила въ панегирикахъ Екклесіаста въ главѣ XLIX, между тѣмъ какъ казалось-бы его мѣсто именно здѣсь и т. д. Эту книгу не слѣдуетъ относить къ древней пророческой литературѣ; мѣсто ея въ апокалипсической литературѣ, въ качествѣ первообраза особаго вида творчества, въ которомъ вслѣдъ за ней должны были занять мѣсто различныя сивиллины поэмы, книга Еноха, Успеніе Моисея, Апокалипсъ Іоанна, Вознесеніе Исайи, четвертая книга Ездры.

Въ исторіи началъ христіанства до сихъ поръ слишкомъ пренебрегали Талмудомъ. Я раздѣляю мнѣніе Гейгера, что истинныя свѣдѣнія объ обстоятельствахъ, при которыхъ появился Іисусъ, слѣдуетъ искать именно въ этой странной компиляціи, гдѣ столько драгоцѣнныхъ разъясненій перемѣшаны съ самой пустой схоластикой. Такъ какъ христіанское и еврейское богословія въ сущности шли параллельными путями, то исторія одного не можетъ быть понята безъ исторіи другого. Сверхъ того, безчисленное множество фактическихъ подробностей, находящихся въ Евангеліяхъ, комментируются въ Талмудѣ. Обширные латинскіе сборники Лайтфута, Шеттгена, Буксторфа, Ото, уже дали намъ въ этомъ отношеніи много указаній. Я взялъ на себя трудъ провѣрить по оригиналу всѣ цитаты, которыя заимствовалъ, не дѣлая никакихъ исключеній. Сотрудничество въ этой части моей работы г. Нейбауера, человѣка весьма свѣдущаго въ талмудической литературѣ, дало мнѣ возможность пойти еще дальше и освѣтить нѣкоторыя части моего труда нѣсколькими новыми сопоставленіями. Здѣсь весьма важно различать эпохи, такъ какъ редакція Талмуда тянулась на пространствѣ почти отъ 200 до 500 г. Мы внесли въ это дѣло всю ту осмотрительность, какая только возможна при существующемъ положеніи этого рода работъ. Столь свѣжія даты могутъ, пожалуй, вызвать опасенія у людей, привыкшихъ придавать документу значеніе только для той эпохи, когда онъ самъ былъ составленъ. Но такая придирчивость здѣсь была бы неумѣстной. Обученіе у евреевъ со временъ династіи Асмонеевъ до II вѣка было главнымъ образомъ изустнымъ. Объ этомъ умственномъ состояніи не слѣдуетъ судить по обыкновеніямъ эпохи, когда много пишутъ.

ды, гомеровскія поэмы, древняя арабская поэзія сохранялись въ памяти въ теченіе вѣковъ и тѣмъ не менѣе эти произведенія обладаютъ весьма опредѣленными и притомъ чрезвычайно изящными формами. Въ Талмудѣ, напротивъ, форма не имѣетъ никакого значенія. Прибавимъ еще, что до *Мишны* Іуды Святого, за которой всѣ другія были забыты, встрѣчались попытки редактировать Талмудъ, относящіяся къ эпохѣ быть можетъ гораздо болѣе отдаленной, нежели обычно думаютъ. Стиль Талмуда напоминаетъ стиль примѣчаній; редакторы вѣроятно только распредѣляли по категоріямъ громадный ворохъ писаній, накоплявшихся у различныхъ школъ въ теченіе поколѣній.

Остается поговорить о документахъ, которые, представляя собой какъ-бы біографіи основателя христіанства, должны естественнымъ образомъ занимать первое мѣсто въ жизнеописаніи Іисуса. Подробный трактатъ о редакціи Евангелій самъ по себѣ составилъ-бы самостоятельную книгу. Благодаря прекраснымъ работамъ по этому вопросу, появившимся за послѣднія тридцать лѣтъ, задача, которую нѣкогда считали недоступной, нынѣ выполнена и если въ рѣшеніи ея, конечно, остается еще мѣсто для многихъ сомнѣній, то для надобностей исторіи оно вполнѣ удовлетворительно. Ниже намъ придется еще вернуться къ этому, такъ какъ составленіе Евангелій относится къ числу наиболѣе важныхъ для будущаго христіанской религіи фактовъ, какіе только имѣли мѣсто во второй половинѣ I вѣка. Здѣсь мы коснемся лишь одной стороны вопроса, которая имѣетъ существенное значеніе для нашего изложенія. Оставляя въ сторонѣ все, что относится къ картинѣ апостольской эпохи, мы разсмотримъ лишь въ какой мѣрѣ можно пользоваться для исторіи, которая составляется по принципамъ раціонализма [1]), данными, почерпнутыми изъ Евангелій.

Очевидно, что Евангелія отчасти легендарны, такъ какъ они полны чудесъ и сверхъестественнаго; но есть легенда и легенда. Никто не подвер-

---

[1]) Тѣ французскіе читатели, которые поинтересуются болѣе полнымъ и подробнымъ изложеніемъ предмета, могутъ познакомиться, сверхъ указанныхъ выше трудовъ Ревилля, Николя и Стапа, съ работами Рейса, Шерера, Швальба, Шольтена (въ переводѣ Ревилля) въ Revue de Théologie, t. X, XI, XV, вторая серія, II, III, IV; третья серія, I, II, III, IV и соч. Ревилля въ Revue de deux Mondes, 1 мая и 1 іюня 1866 г.

гаетъ сомнѣнію главные факты жизни Франциска Ассизскаго, хотя св
естественное встрѣчается въ его жизнеописаніи на каждомъ шагу. Н
ротъ, никто не даетъ вѣры „жизни Аполлонія Тіанскаго“, такъ как
была написана много лѣтъ спустя послѣ того какъ жилъ этотъ гер
притомъ въ видѣ настоящаго романа. Въ какую эпоху, чьими руками
какихъ условіяхъ были редактированы Евангелія? Въ этомъ и заключ
главный вопросъ, отъ рѣшенія котораго зависитъ мнѣніе о степени ихъ
стовѣрности.

Извѣстно, что каждое изъ четырехъ Евангелій озаглавлено им
лица извѣстнаго или въ исторіи апостоловъ, или въ самой евангел
исторіи. Ясно, что если эти заголовки вѣрны, Евангелія, не теряя с
легендарнаго характера, получаютъ высокое значеніе, такъ какъ он
носятся къ пятидесятилѣтію, непосредственно слѣдовавшему за смо
Іисуса, и притомъ два изъ нихъ даже и написаны очевидцами д
Іисуса.

Относительно Луки нѣтъ мѣста сомнѣніямъ. Евангеліе отъ Луки
настоящее сочиненіе, основанное на готовыхъ документахъ [1]). Это
человѣка, который выбираетъ источники, лишнее выкидываетъ, ком
руетъ. Несомнѣнно, что это тотъ-же авторъ, который писалъ Дѣянія
столовъ [2]). Авторъ же „Дѣяній“, повидимому, сотоварищъ св. Павла [3])
тулъ вполнѣ подходящій и для Луки [4]). Я знаю, что это заключеніе
ветъ не одно возраженіе, но по крайней мѣрѣ одинъ фактъ не подле
сомнѣнію: это, что авторъ третьяго Евангелія и Дѣяній принадлежал
второму поколѣнію апостоловъ, а для насъ этого достаточно. Сверхъ
дату этого Евангелія можно достаточно точно установить на осно
данныхъ самой этой книги. Глава XXI Евангелія отъ Луки, составляющая

---

1) Лука, I, 1—4.

2) Дѣянія, I, 1. Ср. Лука, I, 1—4.

3) Начиная съ главы XVI, 10, авторъ выдаетъ себя за очевид

4) Посланія къ Колосс. IV, 14; къ Филимону, 24; второе къ Тим
IV, 11. Такъ какъ Лука (сокращенное Луканъ) имя довольно рѣдк
здѣсь нечего опасаться одного изъ тѣхъ омонимовъ, которые вн
столько путаницы въ критическіе вопросы, возникающіе по повод
ваго Завѣта.

цѣлое со всѣмъ этимъ трудомъ, несомнѣнно была написана послѣ осады Іерусалима, но не черезъ очень большой промежутокъ времени [1]). Это уже даетъ намъ твердую почву, ибо мы имѣемъ дѣло слѣдовательно съ трудомъ одного лица, отличающимся большой законченностью.

Евангелія отъ Матѳея и Марка далеко не носятъ такого индивидуальнаго характера. Это сочиненія безличныя, въ которыхъ личность автора совершенно стушевывается. Собственное имя, поставленное въ заголовкѣ подобныхъ трудовъ, говоритъ очень мало. Сверхъ того, здѣсь не приложимы тѣ же разсужденія, какъ относительно Евангелія отъ Луки. Дата, выведенная изъ той или другой главы (какъ напр. Матѳея, XXIX, или Марка, XIII), строго говоря, не можетъ быть отнесена ко всему труду, ибо оба труда составлены изъ отрывковъ различныхъ эпохъ и весьма разнообразнаго происхожденія. Въ общемъ третье Евангеліе, повидимому, написано позднѣе двухъ первыхъ и носитъ на себѣ слѣды гораздо болѣе старинной редакціи. Тѣмъ не менѣе изъ этого не слѣдуетъ заключать, что оба Евангелія, Марка и Матѳея, были уже въ томъ видѣ, въ какомъ мы ихъ знаемъ, когда писалъ Лука. Эти двѣ книги, приписываемыя Матѳею и Марку, дѣйствительно, въ теченіе долгаго времени находились до нѣкоторой степени въ неизвѣстности и подвергались сомнѣніямъ. Въ этомъ отношеніи мы можемъ сослаться на свидѣтельство капитальной важности изъ эпохи первой половины II вѣка. Оно принадлежитъ Папію, епископу Гіераполиса, человѣку серьезному, знатоку преданія, въ теченіе всей своей жизни внимательно собиравшему все, что можно было узнать о личности Іисуса [2]). Заявивъ, что въ такого рода вопросахъ онъ отдаетъ предпочте-

---

[1]) Стихи 9, 20, 24, 28, 29—32. Ср. XXII, 36. Эти мѣста настолько поражаютъ, что авторъ самъ чувствуетъ возраженіе, которое можетъ возникнуть изъ предсказанія за столь короткій срокъ, и отражаетъ его или смягчая свои выраженія, какъ напр. у Марка, XIII, 14 и сл., 24, 29; Матѳея, XXIV, 15 и слѣд., 29, 33,—или давая на него отвѣты подобно Лукѣ, XVII, 20, 21.

[2]) У Евсевія, Hist. eccl. III, 39. Едва ли можно сомнѣваться въ достовѣрности этого мѣста. Дѣйствительно, Евсевій, не склонный преувеличивать авторитетъ Папія, видимо пришелъ въ отчаяніе отъ его наивности и узкаго сектантства (онъ принадлежитъ къ сектѣ тысячелѣтни-

ніе устному преданію передъ книгой, Папій упоминаетъ о двухъ сочиненіяхъ, посвященныхъ дѣяніямъ и словамъ Іисуса: 1) рукопись Марка, переводчика апостола Петра, краткая, неполная, составленная безъ хронологическаго порядка, обнимающая собой повѣствованія и рѣчи (λεχθέντα ἢ πραχθέντα), написанная по показаніямъ и воспоминаніямъ апостола Петра [1]; 2) сборникъ сентенцій (λόγια) на еврейскомъ [2]) языкѣ, написанный Матѳеемъ, „котораго всякій переводилъ [3]) какъ умѣлъ". Несомнѣнно, что эти двѣ характеристики вполнѣ отвѣчаютъ общей физіономіи обѣихъ книгъ, нынѣ называемыхъ Евангеліемъ отъ Матѳея и Евангеліемъ отъ Марка, изъ коихъ первое отличается своими длинными рѣчами, а второе особенной анекдотичностью; послѣднее гораздо точнѣе перваго въ отношеніи мелкихъ фактовъ, кратко до сухости, бѣдно изреченіями, довольно плохо составлено. Но все-же нельзя было бы утверждать, что эти книги, въ томъ видѣ, какъ мы ихъ знаемъ, абсолютно тожественны съ тѣми, которыя имѣлъ передъ собою Папій, прежде всего потому, что по словамъ Папія, сочиненіе Матѳея состояло исключительно изъ изреченій на еврейскомъ языкѣ и ходило по рукамъ въ видѣ различныхъ переводовъ, и затѣмъ потому, что рукописи Матѳея и Марка представлялись Папію совершенно отличными одна отъ другой, редактированными совершенно различно и притомъ написанными на разныхъ языкахъ. Между тѣмъ тексты Евангелія отъ Матѳея и Евангелія отъ Марка въ ихъ настоящемъ видѣ представляютъ параллельныя части настолько длинныя и настолько тожественныя, что слѣдуетъ предполагать, или что послѣдній редакторъ второго Евангелія имѣлъ передъ собой первое, или что оба Евангелія ско-

---

ковъ) и выходитъ изъ этого затрудненія, относясь къ этому автору, какъ къ человѣку ума не глубокаго. Ср. Иринея, Adv. haer., III, I, 1; V, XXXIII, 3—4.

[1]) Въ этомъ пунктѣ Папій ссылается на еще болѣе древній авторитетъ пресвитера Іоанна. (Объ этой личности см. примѣчаніе 2 на стр. LIII).

[2]) То есть на семитическомъ діалектѣ.

[3]) Ἡρμήνευσε. Сопоставленное съ ἑβραΐδι διαλέκτῳ это слово не можетъ имѣть иного значенія, кромѣ „переводить". Нѣсколькими строками выше употреблено въ смыслѣ драгомана, переводчика.

пированы съ одного общаго прототипа. Наиболѣе вѣроятнымъ представляется, что ни то, ни другое Евангеліе не дошли до насъ въ оригинальной редакціи, и что оба наши первыя Евангелія представляютъ собой уже передѣлки, въ которыхъ пробѣлы одного были пополнены текстомъ другого. Въ самомъ дѣлѣ, каждому было желательно имѣть болѣе полный экземпляръ. Христіанинъ, въ экземплярѣ котораго были одни изреченія, хотѣлъ пополнить его повѣствованіями, и наоборотъ. Такимъ образомъ „Евангеліе отъ Матѳея" заимствовало почти всѣ анекдоты, передаваемые Маркомъ, а Евангеліе отъ „Марка" нынѣ содержитъ массу чертъ, взятыхъ изъ *Logia* Матѳея. Сверхъ того, каждый черпалъ широкой рукой изъ евангельскихъ преданій, циркулировавшихъ вокругъ него. Преданія эти настолько мало использованы Евангеліями, что и Дѣянія апостоловъ и творенія болѣе древнихъ Отцовъ церкви цитируютъ много изреченій Іисуса, которыя представляются подлинными и которыхъ нѣтъ въ извѣстныхъ намъ Евангеліяхъ.

Для занимающаго насъ предмета не имѣетъ особаго значенія углубляться далѣе въ такой тонкій анализъ, и въ нѣкоторомъ родѣ возстанавливать съ одной стороны оригинальныя *Logia* Матѳея, а съ другой, первоначальное повѣствованіе въ томъ видѣ, какъ оно вышло изъ подъ пера Марка. Безъ сомнѣнія *Logia* для насъ представлены въ большихъ рѣчахъ Іисуса, которыя занимаютъ большую часть перваго Евангелія. Эти рѣчи, если ихъ выдѣлить изъ всего прочаго, образуютъ нѣчто цѣлое и законченное. Что касается повѣствовательной части перваго и второго Евангелій, то, повидимому, она основана на общемъ документѣ, текстъ котораго можно отличать то въ одномъ, то въ другомъ; второе Евангеліе, въ томъ видѣ какъ мы его теперь читаемъ, представляетъ собой воспроизведеніе этого текста съ очень небольшими измѣненіями. Другими словами, жизнеописаніе Іисуса у синоптиковъ основывается на двухъ оригинальныхъ документахъ: 1) на изреченіяхъ Іисуса, собранныхъ апостоломъ Матѳеемъ, и 2) на ...никѣ анекдотовъ и личныхъ справокъ, составленномъ Маркомъ по воспоминаніямъ Петра. Можно сказать, что мы имѣемъ оба эти документа, съ ...мѣсью данныхъ другого происхожденія, въ лицѣ двухъ первыхъ Еван..., не безъ основанія именуемыхъ „Евангеліемъ отъ Матѳея" и „Еван...мъ отъ Марка".

Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что изреченія Іисуса уже очень рано были записаны на арамейскомъ языкѣ, и также рано были записаны его замѣчательныя дѣянія. То не были опредѣленные, догматически установленные тексты. Кромѣ Евангелій, дошедшихъ до насъ, была еще масса другихъ, выражавшихъ притязанія на то, что они представляютъ собою показанія очевидцевъ [1]). Этимъ рукописямъ придавали мало значенія, и такіе собиратели, какъ Папій, открыто предпочитали имъ устныя преданія [2]). Такъ какъ, кромѣ того, всѣ ожидали близкаго конца міра, то никто не заботился сочинять книги для будущаго; дѣло шло лишь о томъ, чтобы сохранить у себя въ душѣ живой образъ того, кого надѣялись вскорѣ увидать грядущимъ въ облакахъ. Отсюда произошло, что евангельскіе тексты въ теченіе ста пятидесяти лѣтъ пользовались лишь небольшимъ авторитетомъ. Не затруднялись вводить въ нихъ добавленія, различнымъ образомъ комбинировать, пополнять одни другими. Бѣднякъ, имѣющій всего лишь одну книгу, желаетъ, чтобы въ ней было все, что ему по сердцу. Книжечки эти ходили по рукамъ; каждый вписывалъ на поляхъ своего экземпляра

---

[1]) Лука, I, 1—2; Оригенъ, Hom. in Luc., 1; Св. Іеремія, Comment. in Matth., prol.

[2]) Папій, у Евсевія. Н. Е. III, 39. Ср. Иринея, Adv. haer., III, II и III. См. также то, что относится къ Поликарпу въ отрывкѣ письма Иринея къ Флорину, сохранившагося у Евсевія, Н. Е., V, 20. Ὡς γέγραπται въ посл. св. Варнавы (Гл. IV, стр. 12, изд. Гильгенфельда) относится къ словамъ, которыя находятся у св. Матѳея, XXII, 14. Но эти слова, фигурирующія въ двухъ мѣстахъ у св. Матѳея (XXII, 16; XX, 14), могли попасть къ Матѳею изъ какой либо апокрифической книги, подобно тому какъ это случилось съ другими строками изъ Матѳея: гл. XXIII, 34 и слѣд., XXIV, 22 и далѣе. Ср. 4 книга Ездры, VIII, 3. Достойно замѣчанія въ той же главѣ посланія Варнавы (стр. 8, изд. Гильг.) странное совпаденіе одного мѣста, которое авторъ, основываясь на формулѣ „γέγραπται“, приписываетъ Еноху, съ Матѳ., XXIV, 22. Ср. также γραφή цитируемое въ посланіи Варнавы, гл. XVI (стр. 52, изд Гильг.) съ Енохомъ, LXXXIX, 56 и слѣд. См. ниже прим. въ концѣ гл. XXI. Во 2-мъ посланіи св. Климента (гл. II) и у св. Іустина, Apol. I. 67, синоптики цитируются уже рѣшительно какъ священное писаніе. 1 посл. къ Тим., V, 18. также представляетъ γραφή въ видѣ притчи, находящейся у Луки (X, 7). Это посланіе не принадлежитъ св. Павлу.

слова, притчи, которыя онъ слыхалъ гдѣ либо и которыя почему либо его поразили [1]). Такимъ образомъ прекраснѣйшее произведеніе въ мірѣ создано при помощи безъименнаго, вполнѣ народнаго сотрудничества. Ни одна изъ редакцій не имѣла абсолютной цѣнности. Два посланія, приписываемыя Клименту Римскому, цитируютъ слова Іисуса съ замѣтными варіаціями [2]). Іустинъ, часто ссылающійся на трудъ, который онъ называетъ „Воспоминаніями апостоловъ", имѣлъ передъ глазами евангельскіе документы нѣсколько отличные отъ дошедшихъ до насъ; во всякомъ случаѣ онъ ни мало не заботился о томъ, чтобы приводить ихъ текстуально [3]). Тотъ-же характеръ представляютъ евангельскія цитаты въ псевдо-климентовскихъ проповѣдяхъ евіонитскаго происхожденія. Вся суть была въ духѣ, а не въ буквѣ. Только когда преданіе стало ослабѣвать во второй половинѣ II вѣка, тексты съ именами апостоловъ или апостольскихъ мужей получили рѣшающее авторитетное значеніе и силу закона. Но и тогда свободныя сочиненія не запрещались абсолютно; по примѣру Луки, всѣ продолжали создавать для себя частныя Евангелія, различнымъ образомъ соединяя въ одно цѣлое болѣе древніе тексты [4]).

Кто бы не призналъ цѣнности документовъ, составленныхъ такимъ образомъ изъ трогательныхъ воспоминаній, изъ наивныхъ повѣствованій двухъ первыхъ христіанскихъ поколѣній, еще преисполненныхъ сильнымъ впечатлѣніемъ, которое произвелъ знаменитый основатель и которое, повидимому, значительно его пережило? Прибавимъ еще, что Евангелія, о которыхъ идетъ рѣчь, повидимому, представляютъ произведеніе вѣтви христіанской семьи, стоявшей наиболѣе близко къ Іисусу. Послѣдняя редакціонная работа надъ текстомъ, который носитъ имя Матѳея, повидимому, была сдѣлана въ одной

---

[1]) Такимъ образомъ прекрасный разсказъ Іоанна, VIII, 1—11, никогда не могъ найти себѣ опредѣленнаго мѣста въ принятыхъ Евангеліяхъ.

[2]) Посл. Климента, I, 13; II, 12.

[3]) Τὰ ἀπομνημονεύματα τῶν ἀποστόλων, ἃ καλεῖται εὐαγγέλια. (Можно подозрѣвать, что послѣднія слова вставлены по ошибкѣ). Іустинъ, Apol. I, 16, 17, 33, 34, 38, 45, 66, 67, 77, 78; Dial. cum Tryph., 10, 17, 41, 43, 51, 53, 69, 70, 76—78, 88, 100—108, 111, 120, 125, 132,

[4]) См. напр. Ѳеодоритъ, Haeret. fab., I, 20, относительно Евангелія Таціена.

изъ мѣстностей, расположенныхъ къ сѣверо-западу отъ Палестины, въ Гавлонидѣ, Гауранѣ, или Виѳаніи, гдѣ многіе христіане искали убѣжища въ эпоху римской войны, гдѣ еще во II вѣкѣ встрѣчались родственники Іисуса [1]), и гдѣ первое галилейское направленіе сохранилось долѣе, нежели гдѣ либо.

До сихъ поръ мы говорили только о трехъ такъ называемыхъ синоптическихъ Евангеліяхъ. Намъ остается еще разсмотрѣть четвертое, которое носитъ имя Іоанна. Здѣсь вопросъ значительно труднѣе. Наиболѣе близкій ученикъ Іоанна, Поликарпъ, часто цитирующій синоптиковъ въ своемъ посланіи къ Филиппійцамъ, совсѣмъ не упоминаетъ о четвертомъ Евангеліи. Папій, который тоже имѣлъ отношеніе къ школѣ Іоанна и который если и не былъ ученикомъ Іоанна, какъ думаетъ Ириней, то часто посѣщалъ его непосредственныхъ учениковъ, Папій, страстно собиравшій всѣ устныя повѣствованія объ Іисусѣ, не говоритъ ни слова о жизнеописаніи Іисуса, написанномъ апостоломъ Іоанномъ [2]). Если бы такое упоминаніе находилось въ его трудѣ, то Евсевій, который выискиваетъ у него все, что можетъ служить матеріаломъ для исторіи литературы апостольскаго вѣка, безъ сомнѣнія отмѣтилъ бы такой фактъ [3]). Іустинъ быть можетъ зналъ

[1]) Юлій Африканъ, у Евсевія, Hist. eccl., I, 7.

[2]) H. E., III, 39. Можно было бы склониться къ тому, чтобы принять за четвертое Евангеліе „повѣствованія“ Аристіона или „преданія“ лица, которое Папій называетъ пресвитеромъ Іоанномъ. Но, повидимому, Папій представляетъ себѣ эти повѣствованія и преданія не написанными. Если бы извлеченія, которыя онъ изъ нихъ приводитъ, принадлежали четвертому Евангелію, то Евсевій упомянулъ бы объ этомъ. Кромѣ того, относительно идей Папія извѣстно, что онѣ представляютъ собой идеи тысячелѣтника, послѣдователя Апокалипса, а никакъ не послѣдователя богословія четвертаго Евангелія.

[3]) Можно было бы возразить: Папій не говоритъ ни о Лукѣ, ни о Павлѣ, а между тѣмъ ихъ творенія существовали въ его времена. Но Папій былъ непремѣнно противникомъ Павла, а о трудѣ Луки, составленномъ въ Римѣ для совсѣмъ другой христіанской семьи, онъ могъ и не знать. Но какимъ образомъ, живя въ Гіераполисѣ, въ самомъ центрѣ школы Іоанна, онъ могъ бы пренебречь Евангеліемъ, написаннымъ такимъ учителемъ? Точно также нельзя ссылаться на то, что по поводу Поликарпа (IV, 14) и Ѳеофила (IV, 24). Евсевій не приводитъ всѣхъ ци-

четвертое Евангеліе [1]; но несомнѣнно онъ не считалъ его трудомъ апостола Іоанна, ибо, вполнѣ опредѣленно указывая на этого апостола, какъ на автора Апокалипсиса, онъ абсолютно не считается съ четвертымъ Евангеліемъ въ многочисленныхъ данныхъ о жизни Іисуса, которыя онъ извлекаетъ изъ „Воспоминаній апостоловъ"; болѣе того, во всѣхъ случаяхъ, гдѣ замѣчается противорѣчіе между четвертымъ Евангеліемъ и синоптиками, онъ становится на сторону мнѣнія діаметрально противоположнаго четвертому Евангелію [2]. Это тѣмъ удивительнѣе, что догматическія тенденціи этого Евангелія совершенно соотвѣтствуютъ взглядамъ самого Іустина.

Тоже самое слѣдуетъ сказать о лже-климентовыхъ проповѣдяхъ. Слова Іисуса, цитируемыя этой книгой, синоптическаго типа. Въ двухъ или трехъ мѣстахъ [3] есть, повидимому, заимствованія изъ четвертаго Евангелія. Но, конечно, авторъ „Проповѣдей" не придаетъ этому Евангелію апостольской авторитетности, такъ какъ по многимъ пунктамъ онъ вступаетъ съ нимъ въ очевидное противорѣчіе. Марсіонъ (около 140 г.), повидимому, также не зналъ этого Евангелія или не приписывалъ ему никакого значенія [4]; это

татъ, которыя сдѣланы этими Отцами изъ книгъ Новаго Завѣта. При совершенно особенномъ характерѣ главы III, 39. ссылка на четвертое Евангеліе, если бы только Евсевій нашелъ ее у Папія, была бы почти что неизбѣжной.

[1] Такъ можно думать по нѣкоторымъ мѣстамъ въ Apol., I, 32, 61; Dial. cum Tryph., 88. Теорія Logos у Іустина не такова, чтобы требовалось предположить будто бы она заимствована въ четвертомъ Евангеліи.

[2] См. ссылки въ примѣч. 3 на стр. XLIII. Въ особенности слѣдуетъ замѣтить Apol., I, 14 и слѣд., гдѣ ясно предполагается, что Іустинъ или не зналъ изреченій Іоанна, или не считалъ ихъ изложеніемъ ученія Іисуса.

[3] Hom., III, 52; XI, 26; XIX, 22. Замѣчательно, что цитаты, которыя дѣлаютъ повидимому изъ четвертаго Евангелія Іустинъ и авторъ „Проповѣдей", частью совпадаютъ между собой и представляютъ одни и тѣ же уклоненія отъ каноническаго текста. (Ср. приведенныя выше ссылки на Іустина, Apol., I, 22, 61; Dial. cum Tryph., 69). Это могло бы навести на мысль, что Іустинъ и авторъ „Проповѣдей" справлялись не съ четвертымъ Евангеліемъ, но съ тѣмъ источникомъ, изъ котораго черпалъ авторъ четвертаго Евангелія.

[4] Этому нисколько не противорѣчатъ нѣкоторыя мѣста у Тертулліана, De carne Christi, 3; Adv. Marc., IV, 3, 5.

Евангеліе такъ хорошо отвѣчало его идеямъ, что безъ сомнѣнія, если бы оно было ему извѣстно, онъ съ восторгомъ принялъ бы его, и въ своемъ стремленіи обладать идеальнымъ Евангеліемъ былъ бы вынужденъ составлять для себя исправленное изданіе Евангелія Луки. Наконецъ, апокрифическія Евангелія, которыя можно относить ко II вѣку, какъ напр. Первоевангеліе Іакова, Евангеліе Ѳомы Израильтянина [1]), пользовались какъ канвой синоптиками и вовсе не считались съ Евангеліемъ отъ Іоанна.

Не менѣе существенны недоразумѣнія, съ которыми мы сталкиваемся при чтеніи самого Евангелія отъ Іоанна. Какимъ образомъ рядомъ съ точными и опредѣленными указаніями, въ которыхъ по временамъ чувствуется свидѣтель очевидецъ, попадаются рѣчи совершенно отличныя отъ тѣхъ, которыя приводятся Матѳеемъ? Какимъ образомъ въ разбираемомъ Евангеліи нѣтъ ни одной притчи, ни заклинанія бѣсовъ? Какъ объяснить себѣ, что на ряду съ общимъ планомъ жизнеописанія Іисуса, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ болѣе удовлетворительнымъ и болѣе точнымъ, нежели у синоптиковъ, встрѣчаются странныя мѣста, въ которыхъ чувствуется догматическія тенденціи самого редактора, идеи, довольно чуждыя Іисусу, а по временамъ и указанія, заставляющія относиться къ добросовѣстности автора съ извѣстной осторожностью? Какъ, наконецъ, объяснить на ряду съ самыми чистыми, самыми справедливыми, по истинѣ евангельскими взглядами, эти темныя стороны, въ которыхъ мы привыкли узнавать вставки пламеннаго сектанта? Могъ ли въ самомъ дѣлѣ Іоаннъ, сынъ Зеведеевъ, братъ Іакова (о которомъ однако ни разу не упоминается въ четвертомъ Евангеліи), написать на греческомъ языкѣ эти лекціи отвлеченной метафизики, не имѣющія ничего себѣ подобнаго у синоптиковъ? Могъ ли авторъ Апокалипса [2]), по существу своему іудаистъ, въ теченіе немногихъ лѣтъ [3]),

---

[1]) Апокрифическія „Дѣянія Пилата", которыя дошли до насъ и въ которыхъ предполагается существованіе четвертаго Евангелія, совсѣмъ не тѣ, о коихъ упоминаютъ Іустинъ (Apol., I, 35, 48) и Тертулліанъ (Apol., 21). Весьма возможно, что эти Отцы упоминаютъ о „Дѣяніяхъ Пилата", только на основаніи легендарнаго слуха, а вовсе не какъ о книгѣ, которую они читали.

[2]) Ср. Іустинъ, Dial. cum Tryph., 81.

[3]) Апокалипсисъ написанъ въ 68 г. Предполагая, что Іоаннъ былъ

до такой степени отдѣлаться отъ своего стиля и идей? Могъ ли „апостолъ среди обрѣзанныхъ“ [1]) составить сочиненіе, болѣе враждебное къ іудаизму, нежели всѣ сочиненія Павла, трудъ, въ которомъ слово „іудей“ почти равносильно понятію „врага Іисуса“ [2])? Могъ ли тотъ апостолъ, на примѣръ котораго ссылались въ пользу своего мнѣнія [3]) приверженцы празднованія еврейской Пасхи, говорить съ нѣкотораго рода презрѣніемъ о „праздникахъ іудеевъ“, „Пасхѣ іудеевъ“ [4])? Все это весьма серьозно, и что касается лично меня, то я совершенно не допускаю мысли, чтобы четвертое Евангеліе было написано перомъ бывшаго галилейскаго рыбака. Но что вообще это Евангеліе вышло около конца I или въ началѣ II вѣка изъ одной изъ школъ Малой Азіи, примыкавшихъ къ Іоанну, что оно представляетъ собой варіантъ жизнеописанія учителя, заслуживающій, чтобы его не только принимали во вниманіе, но нерѣдко даже и предпочитали другимъ, это доказано съ извѣстной степенью вѣроятности, какъ внѣшними признаками, такъ и изученіемъ самаго документа, о которомъ идетъ рѣчь.

Прежде всего никто не выражаетъ сомнѣній въ томъ, что четвертое Евангеліе уже существовало около 170 г. Въ эту эпоху въ Лаодицеѣ на р. Ликѣ возникъ споръ относительно Пасхи, въ которомъ наше Евангеліе [5]) сыграло рѣшающую роль. Аполлинарій [6]), Аѳенагоръ [7]), Поликратъ [8]), авторъ посланія къ церквамъ въ Вѣнѣ и Ліонѣ [9]), проповѣдывали, идею, которая вскорѣ должна была сдѣлаться ортодоксальной, руководствуясь Евангеліемъ Іоанна. Ѳеофилъ Антіохійскій (около 180 г.) говоритъ по-

---

моложе Іисуса лѣтъ на десять, ему было около 60 лѣтъ, когда онъ писалъ Апокалипсисъ.

1) Посл. къ Гал., II, 9. Въ Апокалипсисѣ, II, 2, 14, повидимому, заключается непріязненный намекъ на Павла.

2) См. почти всѣ мѣста, гдѣ попадается слово Ἰουδαῖοι.

3) Поликратъ, у Евсевія, H. E., V, 24.

4) Іоаннъ, II, 6, 13; V, 1; VI, 4; XI, 55; XIX, 42.

5) Евсевій, Hist. eccl., IV, 26; V, 23—25; Дюканжъ, Chronique pascale, стр. 6 и слѣд.

6) Тамъ-же.

7) Legatio pro christ., 10.

8) У Евсевія, H. E., V, 42.

9) Тамъ-же, V, I.

ложительно, что авторъ четвертаго Евангелія Іоаннъ [1]). Ириней [2]) и канонъ Муратори [3]) констатируютъ полное торжество нашего Евангелія, послѣ чего сомнѣніямъ въ немъ уже нѣтъ мѣста.

Но если къ 170 г. четвертое Евангеліе является уже твореніемъ апостола Іоанна и признается вполнѣ авторитетнымъ, то очевидно, что оно не могло быть написано лишь незадолго передъ тѣмъ. Повидимому, имъ уже пользовался Татіенъ [4]), авторъ посланія къ Діогнету [5]). Роль нашего Евангелія въ гностицизмѣ, и въ частности въ системѣ Валентина [6]), въ монтанизмѣ [7]), въ спорѣ поднятомъ алогами [8]), не менѣе замѣчательна, и со второй половины II вѣка это Евангеліе оказывается замѣшаннымъ во всѣхъ спорахъ, и является краеугольнымъ камнемъ въ развитіи догмата. Развитіе школы Іоанна въ теченіе II вѣка замѣчается отчетливѣе другихъ [9]); Ириней вышелъ изъ школы Іоанна и между нимъ и апостоломъ стоялъ только одинъ Поликарпъ. Ириней же не выражаетъ и тѣни сомнѣнія на счетъ достовѣрности четвертаго Евангелія. Прибавимъ, что первое посланіе, приписываемое св. Іоанну, по всѣмъ видимостямъ, принадлежитъ тому же автору, какъ и четвертое Евангеліе [10]); посланіе же это было, повидимому,

---

1) Ad. Autolycum, II, 22.

2) Adv. haer., II, XXII 5; III, 1. Ср. Евсевій, Н. Е., V, 8.

3) Строка 9 и слѣд.

4) Adv. Graec., 5, 7. Все же сомнительно, чтобы гармонія Евангелій, написанная Татіеномъ, включала четвертое Евангеліе; заголовокъ Diatessaron быть можетъ не принадлежалъ самому Татіену. Ср. Евсевій, Н. Е., IV, 29; Θеодоритъ, Haeretic. fabul., I, 20; Епифанъ, Adv. haer., XLVI, 1; Фабрицій, Cod. apocr., I, 378.

5) Гл. 6—9, 11. Мѣста въ посланіяхъ, приписываемыхъ св. Игнатію, гдѣ усматриваютъ намеки на четвертое Евангеліе, сомнительной подлинности. Цельзъ, на котораго иногда ссылаются, совсѣмъ не авторитетъ, ибо онъ былъ современникомъ Оригена.

6) Ириней, Adv. haer., I, III, 6; III, XI, 7; св. Ипполитъ (?), Philosophumena, VI, II, 29 и сл. Тамъ же, VII, I, 22, 27.

7) Ириней, Adv. haer., III, XI, 9.

8) Епифанъ, Adv. haer., LI, 3, 4, 28; LIV, 1.

9) Письма Иринея къ Флорину у Евсевія, Н. Е., V, 20. Ср тамъ-же III, 39.

10) 1-ое посл. Іоанна, I, 3, 5. Оба произведенія отличаются большимъ

звѣстно Поликарпу [1]); утверждаютъ, что его цитировалъ и Папій [2]); Ириней признаетъ авторомъ его Іоанна [3]).

Теперь если мы станемъ искать разъясненій въ самомъ этомъ твореніи, то прежде всего мы замѣчаемъ, что авторъ его всюду говоритъ въ качествѣ свидѣтеля очевидца. Онъ желаетъ выдать себя за апостола Іоанна; совершенно ясно, что онъ вездѣ преслѣдуетъ интересы этого апостола. На каждой страницѣ обнаруживается намѣреніе усилить авторитетъ сына Зеведеева, показать, что онъ былъ предпочтенъ Іисусомъ и былъ просвѣщенъ болѣе другихъ учениковъ [4]), что во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ (на Тайной Вечери, на Голгоѳѣ, у гроба) ему принадлежало первое мѣсто. Мѣстами просвѣчиваютъ отношенія Іоанна къ Петру [5]), хотя въ общемъ братскія, но не безъ примѣси нѣкотораго соперничества, или ненависть Іоанна къ Іудѣ [6]), возникшая, быть можетъ, раньше его измѣны. Иной разъ навязывается мысль, что Іоаннъ, читая въ старости ходившія по рукамъ евангельскія повѣствованія, съ одной стороны, замѣчалъ въ нихъ нѣкоторыя неточности [7]), съ другой, былъ задѣтъ тѣмъ, что въ исторіи Христа ему

сходствомъ стиля, одними и тѣми же оборотами, одними и тѣми же излюбленными выраженіями.

[1]) Посл. къ Филип., 7. Ср. первое посл. Іоанна, IV, 2 и слѣд. Здѣсь могла быть простая случайность, происшедшая вслѣдствіе того, что оба произведенія принадлежатъ одной школѣ и одной эпохѣ. Подлинность посланія къ Поликарпу удостовѣрена.

[2]) Евсевій, Hist. eccl., III, 39. Странно было бы, чтобы Папій, не зная Евангелія, былъ знакомъ съ этимъ посланіемъ. Евсевій говоритъ только, что Папій пользуется доказательствами, взятыми изъ этого посланія. Это не равносильно цитированію. Быть можетъ, все дѣло лишь въ нѣсколькихъ словахъ, которыя, по мнѣнію Евсевія, плохого судьи въ вопросахъ критики, были заимствованы изъ посланія.

[3]) Adv. haer., III, XVI, 5, 8. Ср. Евсевій, Hist. eccl., V, 8.

[4]) Іоанна, XIII, 23 и слѣд.; XVIII, 15—16; XIX, 26; XX, 2 и слѣд. XXI, 7, 20 и слѣд.

[5]) Іоанна, XVIII, 15—16; XX, 2—6; XXI, 15—19. Ср. I, 35, 40, 41.

[6]) Іоанна, VI, 65; XII, 6; XIII, 21 и слѣд.

[7]) Самые отзывы пресвитера Іоанна объ Евангеліи отъ Марка (Папій у Евсевія, H. E., III, 39) дѣйствительно представляютъ собой благожелательную критику, или лучше сказать, нѣчто въ родѣ такого объ-

не отводили достаточно виднаго мѣста, и подъ вліяніемъ этого начиналъ диктовать массу вещей, которыя ему были извѣстны лучше, чѣмъ другимъ, и при томъ съ намѣреніемъ показать, что во многихъ случаяхъ, гдѣ говорилось только о Петрѣ, онъ былъ вмѣстѣ съ нимъ и даже впереди его [1]. Эти чувства легкой ревности обнаруживались между сыновьями Зеведеевыми и прочими учениками еще при жизни Іисуса [2]).

Со времени смерти своего брата Іакова, Іоаннъ остался единственнымъ наслѣдникомъ интимныхъ воспоминаній, хранителями которыхъ по общему признанію были эти два апостола. Эти воспоминанія могли храниться лицами, окружавшими Іоанна, и такъ какъ понятія той эпохи о литературной добросовѣстности значительно отличались отъ нашихъ, то какой либо ученикъ могъ взяться за перо вмѣсто апостола и сдѣлаться вольнымъ редакторомъ его Евангелія, или, что вѣрнѣе, это сдѣлалъ кто либо изъ тѣхъ многочисленныхъ сектантовъ, на половину уже отдавшихся гностицизму, которые еще начиная съ конца I вѣка принялись въ Малой Азіи коренным образомъ измѣнять идею Христа [3]). Онъ могъ также, не задумываясь, говорить отъ имени Іоанна, какъ не задумывался благочестивый авторъ второго посланія Петра написать его отъ имени этого апостола. Отождествляя себя съ любимымъ апостоломъ Іисуса, онъ усвоилъ себѣ всѣ его чувствованія, вплоть до его слабостей. Отсюда проистекаютъ эти вѣчныя напоминанія предполагаемаго автора о томъ, что онъ послѣдній изъ свидѣтелей очевидцевъ, оставшихся въ живыхъ [4]), отсюда и то удовольствіе, съ какимъ онъ берется разсказывать объ обстоятельствахъ, которыя могли быть извѣстны ему одному. Отсюда столько черточекъ мелочной точности, имѣ-

---

ясненія, на основаніи котораго можно было бы предположить, будто ученики Іоанна имѣли по одному и тому же предмету болѣе правильное воззрѣніе, нежели другіе.

[1]) Ср. Іоанна, XVIII, 15 и слѣд., и Матѳея, XXVI, 58; Іоанна, XX, 2—6, и Марка, XVI, 7. См. также Іоанна, I, 35 и слѣд.; XIII, 24—25; XXI, 7, 20 и слѣд.

[2]) См. ниже, глава IX.

[3]) См. посланіе къ Колосс., особенно II, 8, 18; посл. къ Тим., 1, 4 VI, 20 и 2-ое къ Тим., II, 18.

[4]) Іоанва, I, 14; XIX, 35; XXI, 24 и слѣд. Ср. первое посланіе Іоанна, 1, 3, 5.

ющихъ характеръ примѣчаній истолкователя: „было шесть часовъ“, „наступила ночь“, „имя рабу было Малхъ“, „они развели огонь, ибо было холодно“, „хитонъ-же былъ не сшитый“ [1]). Отсюда, наконецъ, и безпорядочность изложенія, неправильность въ ходѣ разсказа, безсвязность первыхъ главъ; все это признаки необъяснимые, если исходить изъ предположенія, что разбираемое Евангеліе представляетъ собой не болѣе, какъ богословское сочиненіе безъ всякаго историческаго значенія, но эти черты не трудно объяснить, если смотрѣть на разсказъ, какъ на воспоминанія старца, редактированныя безъ участія того, кому они принадлежатъ, воспоминанія то удивительной свѣжести, то видимо потерпѣвшія нѣкоторыя передѣлки.

Дѣйствительно, необходимо рѣзко отличать другъ отъ друга отдѣльныя части Евангелія Іоанна. Съ одной стороны, это Евангеліе представляетъ намъ канву жизнеописанія Іисуса, которая значительно отличается отъ синоптиковъ. Съ другой стороны, оно влагаетъ въ уста Іисуса рѣчи, по тону, стилю, пріемамъ, содержанію, не имѣющія ничего общаго съ Logia, переданными у синоптиковъ. Въ этомъ второмъ отношеніи разница такова, что приходится опредѣленно выбирать или то, или другое. Если Іисусъ говорилъ такъ, какъ утверждаетъ Матѳей, то онъ не могъ говорить такъ, какъ пишетъ Іоаннъ. Въ выборѣ между этими двумя авторитетами ни одинъ критикъ не колебался и не будетъ колебаться. Рѣзко отличаясь отъ простого, безпристрастнаго, выразительнаго тона синоптиковъ, Евангеліе Іоанна представляетъ на каждомъ шагу озабоченность апологета, заднія мысли сектанта, намѣреніе доказать тезисъ и убѣдить противниковъ [2]). Конечно, не напыщенными тирадами, тяжелыми, написанными плохимъ языкомъ, дающими нравственному чувству весьма мало, Іисусъ создавалъ свое божественное дѣло. Если бы даже Папій не сообщилъ намъ, что Матѳей записалъ поученія Іисуса на ихъ оригинальномъ языкѣ, естественность, невыразимая правдивость, несравненная прелесть изреченій, находящихся у

---

[1]) Нѣкоторыя изъ этихъ справокъ не могутъ имѣть серьезнаго значенія: I, 40; II, 6; IV, 52; V, 5, 19; VI, 9, 19; XXI, 11.

[2]) См., напримѣръ, главы XI и IX. Слѣдуетъ обратить особое вниманіе на странное впечатлѣніе, которое производятъ у Іоанна такія мѣста, какъ XIX, 35; XX, 31; XXI, 20—23, 24—25, если припомнить полное отсутствіе разсужденій, которымъ отличаются синоптики.

синоптиковъ, чисто еврейскіе обороты ихъ, сходство ихъ съ сентенціями еврейскихъ проповѣдниковъ того времени, полнѣйшая ихъ гармонія съ природой Галилеи—всѣ эти характерныя черты, при сличеніи ихъ съ туманной гностикой, извращенной метафизикой рѣчей Іоанна, достаточно громко говорили бы сами за себя. Этимъ я не хочу сказать, чтобы въ поученіяхъ Іоанна не было удивительныхъ проблесковъ, изреченій принадлежащихъ дѣйствительно Іисусу [1]). Но мистическій тонъ ихъ совершенно не отвѣчаетъ характеру краснорѣчія Іисуса, какъ мы себѣ его представляемъ со словъ синоптиковъ. Очевидно, здѣсь повѣялъ новый духъ, началась гностика; галилейская эра царства Божія кончилась, надежды на скорое пришествіе Христа отошли на задній планъ; настала эпоха безплодной метафизики, безпросвѣтной тьмы отвлеченнаго догмата. Здѣсь нѣтъ духа Іисуса, и если дѣйствительно сынъ Зеведеевъ писалъ эти страницы, то надо полагать, что онъ основательно забылъ за этой работой Генисаретское озеро и тѣ обаятельныя бесѣды, которыя онъ слышалъ на его берегахъ.

Сверхъ того есть еще одно обстоятельство, прекрасно свидѣтельствующее, что поученія, передаваемыя четвертымъ Евангеліемъ, не могутъ считаться исторически вѣрными, но что на нихъ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на сочиненіе, предназначенное для того, чтобы покрыть авторитетомъ Іисуса нѣкоторыя ученія, дорогія для редактора; это полнѣйшая ихъ гармонія съ умственнымъ состояніемъ Малой Азіи въ тотъ моментъ, когда они были написаны. Въ то время Малая Азія была театромъ страннаго движенія синкретической философіи; въ ней уже существовали всѣ зародыши гностицизма. Церинтъ, современникъ Іоанна, проповѣдывалъ, что эонъ, по имени Христосъ, путемъ крещенія соединился съ человѣкомъ, по имени Іисусомъ, и покинулъ его на крестѣ [2]). Повидимому нѣкоторые изъ учениковъ Іоанна успѣли уже отвѣдать изъ этого чуждаго имъ до тѣхъ поръ источника. Можно ли утверждать, что и самъ апостолъ не подвергся подобному же вліянію [3]), что и въ немъ не произошло переворота, ана-

---

[1]) Напр., IV, 1 и слѣд.; XV, 12 и слѣд. Многія изреченія, упоминаемыя четвертымъ Евангеліемъ, встрѣчаются и у синоптиковъ (XII, 16; XV, 20).

[2]) Ириней, Adv. haer., I, XXVI, 1.

[3]) На это указываетъ выраженія „logos“ (Апокалипсисъ, XIX, 13) и

логичнаго обращенію Св. Павла, главнымъ свидѣтельствомъ котораго является посланіе къ Колоссянамъ [1])? Конечно, нѣтъ. Могло случиться, что послѣ катастрофъ 68 г. (дата Апокалипсиса) и 70 г. (разрушеніе Іерусалима) престарѣлый апостолъ, одаренный пылкой и подвижной душой, разочаровавшійся въ вѣрованіи въ скорое пришествіе Сына человѣческаго въ облакахъ, склонился къ идеямъ, циркулировавшимъ вокругъ него, тѣмъ болѣе, что многія изъ нихъ прекрасно сливались съ нѣкоторыми христіанскими доктринами. Приписывая эти новыя идеи Іисусу, онъ только слѣдовалъ бы весьма естественной склонности. Наши воспоминанія измѣняются вмѣстѣ со всѣмъ нашимъ существомъ; идеалы личности, которую мы знали, измѣняются вмѣстѣ съ нами. Принимая Іисуса за воплощеніе истины, Іоаннъ могъ приписывать ему и то, что для него самого сдѣлалось истиной.

Впрочемъ гораздо вѣроятнѣе, что самъ Іоаннъ не принималъ въ этомъ никакого участія, что указанный переворотъ произошелъ вокругъ него, безъ сомнѣнія, даже послѣ его смерти, а не въ немъ самомъ. Глубокая старость апостола могла закончиться состояніемъ слабости, которое отдало его во власть окружающихъ [2]). Какой нибудь секретарь могъ воспользо-

---

особенно „агнецъ Божій", встрѣчающіяся и въ четвертомъ Евангеліи и въ Апокалипсисѣ.

[1]) Ср. посланіе къ Колосс., I, 13 и слѣд., съ посланіемъ къ Ѳессалоникійцамъ, самымъ древнимъ изъ извѣстныхъ намъ посланій Павла.

[2]) Нѣкоторыя изъ преданій (Евсевій, H. E., III, 39) ставятъ рядомъ съ нимъ въ послѣдніе годы его жизни нѣкій омонимъ *пресвитера Іоанна*, который, повидимому, брался за перо вмѣсто него и замѣщалъ его. Въ этомъ отношеніи подпись ὁ πρεσβύτερος подъ II и III посланіями Іоанна, написанными, повидимому, той же рукой, какъ четвертое Евангеліе и I посланіе, заставляетъ призадуматься. Однако существованіе этого пресвитера Іоанна далеко не достаточно установлено. Повидимому, это лицо вымышленное для удобства тѣхъ, которые, въ силу своей ортодоксальной разборчивости, не хотѣли приписывать Апокалипсисъ апостолу (см. ниже прим. къ гл. XVII, третье отъ конца главы). Аргументъ, который Евсевій извлекаетъ изъ одного мѣста у Папія въ пользу этой гипотезы, не имѣетъ рѣшающаго значенія. Слова ἢ τὶ Ἰωάννης въ этомъ мѣстѣ могутъ быть вставкой. Въ такомъ случаѣ слова πρεσβύτερος Ἰωάννης у Папія могли бы обозначать самого апостола Іоанна (Папій спеціально даетъ апостоламъ названіе πρεσβύτερος; ср. 1 посланіе Петра, V, 1), и Ириней

ваться этимъ состояніемъ и заставить выражаться своимъ стилемъ того, кого весь міръ называлъ по преимуществу „Старцемъ“, ὁ πρεσβύτερος. Нѣкоторыя части четвертаго Евангелія могли быть прибавлены впослѣдствіи, такова цѣликомъ XXI глава [1]), въ которой авторъ какъ бы задается мыслью воздать честь апостолу Петру послѣ его смерти и отвѣтить на возраженія, которыя могли бы возникнуть и уже возникали по поводу смерти самого Іоанна (ст. 21—23). Многія другія мѣста носятъ слѣды помарокъ и исправленій [2]). Книга эта, конечно, могла оставаться лѣтъ пятьдесятъ въ неизвѣстности, разъ что всѣ считали, что ее писалъ не Іоаннъ. Но понемногу къ ней стали привыкать и, наконецъ, признали ее. И даже раньше, чѣмъ она была признана канонической, многіе могли ею пользоваться, какъ книгой хотя и неособенно авторитетной, но весьма поучительной [3]). Съ другой стороны, разнорѣчія, встрѣчавшіяся въ ней съ синоптиками, которые пользовались гораздо большимъ распространеніемъ, долго не позволяли руководствоваться ею при составленіи описанія жизни Іисуса въ томъ видѣ, какъ ее себѣ воображали.

Такимъ толкованіемъ объясняется странное противорѣчіе между твореніями Іустина и псевдоклиментовыми „Проповѣдями“, въ которыхъ встрѣчаются слѣды четвертаго Евангелія, но въ которыхъ при этомъ оно не ставится на одну доску съ синоптиками. Отсюда происходитъ и тѣ ссылки, которыя дѣлаются на него приблизительно до 180 г. и которыя нельзя назвать прямыми цитатами. Отсюда, наконецъ, происходитъ та особенность четвертаго Евангелія, что оно какъ бы понемногу и медленно всплываетъ среди движеній въ церквахъ Азіи во II вѣкѣ, и сперва получаетъ приз-

---

былъ правъ, въ спорѣ съ Евсевіемъ, называя Папія ученикомъ Іоанна. Предположеніе это подтверждается еще и тѣмъ, что Папій выдаетъ *пресвитера Іоанна* за непосредственнаго ученика Іисуса.

1) Стихи 30—31, гл. XX, очевидно представляютъ собой старинную форму заключенія.

2) IV, 2 (ср. III, 22); VII, 22, и XII, 33, повидимому, написаны той же рукой, какъ и XXI, 19.

3) Такимъ образомъ валентиніанцы, которые ее принимали, и авторъ псевдоклиментовыхъ „Проповѣдей“ совершенно расходятся съ ней по вопросу о продолжительности общественной жизни Іисуса (Ириней, Adv. haer., I, III, 3; II, XXII, 1 и слѣд.; Homél. pseudo-clem., XVII, 19).

[зн]аніе со стороны гностиковъ [1]), но пользуется еще лишь весьма частич[н]ымъ кредитомъ въ ортодоксальной церкви, какъ объ этомъ можно судить [п]о спору относительно Пасхи, впослѣдствіи получившей всеобщее признаніе. Иногда я склоненъ думать, что Папій имѣлъ въ виду именно четвертое Евангеліе, когда противупоставлялъ точнымъ указаніямъ относительно жизни Іисуса длинныя рѣчи и странныя поученія, которыя влагаются въ его уста [и]ными авторами [2]). Папій и старая іудео-христіанская партія должны были считать эти послѣднія новшества весьма предосудительными. Тотъ фактъ, что книга, сперва признаваемая еретической, въ концѣ концовъ прокладываетъ себѣ путь въ ортодоксальную церковь и становится въ ней символомъ вѣры, нельзя, конечно, считать единичнымъ.

Я считаю по меньшей мѣрѣ весьма вѣроятнымъ, что книга была написана до 100 г., т. е. въ эпоху, когда синоптики были еще не вполнѣ канонизированы. Послѣ этой даты было бы непостижимо, чтобы авторъ до такой степени могъ эмансипироваться отъ „Апостольскихъ Воспоминаній". Для Іустина и, повидимому, также для Папія синоптики представляютъ единственный истинный источникъ жизнеописанія Іисуса. Если бы поддѣлка Евангелія была написана около 129 или 130 г., то она ограничилась бы обработкой по собственному усмотрѣнію принятой уже версіи, какъ это мы и видимъ въ апокрифическихъ евангеліяхъ, но не стала бы переиначивать сверху до низу уже авторитетно установленныя существенныя черты жизни Іисуса. Это такъ вѣрно, что со второй половины II вѣка такія противорѣчія становятся серьезнымъ аргументомъ въ рукахъ алоговъ и вынуждаютъ защитниковъ четвертаго Евангелія изобрѣтать довольно тяжеловѣсныя объясненія [3]). Нѣтъ никакихъ доказательствъ тому, чтобы редакторъ четвертаго Евангелія, работая надъ нимъ, не имѣлъ бы передъ собой

---

[1]) Валентинъ, Птоломей, Гераклеонъ, Василидъ, Аппель, наассеніане, ператы (Ириней, Adv. haer., I, VIII, 5; III, XI, 7; Оригенъ, In Ioann., VI, 8 и пр.; Епиф., Adv. haer., XXXIII, 3; и особенно Philosophumena, кн. VI и VIII). Остается сомнительнымъ, не приписывали ли Отцы Василиду и Валентину, надѣляя ихъ цитатами изъ четвертаго Евангелія, тѣхъ чувствъ, которыя, по мнѣнію Отцовъ, должны были господствовать въ школахъ, основанныхъ этими двумя учителями.

[2]) У Евсевія, Hist. eccl., III, 39.

[3]) Епиф., Adv. haer., LI; Евсевій, Hist. eccl., III, 24.

синоптическихъ Евангелій [1]). Поразительное сходство его повѣств
тремя прочими Евангеліями во всемъ томъ, что относится къ С
даетъ основаніе предполагать, что уже съ той поры для Страсте
для Тайной вечери [2]), существовалъ почти установленный текстъ
который заучивался наизусть.

На разстояніи вѣковъ было бы невозможно найти ключъ дл
всѣхъ этихъ странныхъ загадокъ и, конечно, мы встрѣтились бы с
неожиданностями, если бы намъ дано было проникнуть во вс
таинственной ефесской школы, повидимому, не разъ отклонявшейся
темныя пути. Но вотъ къ какому капитальному выводу приводи
дованіе. Всякій авторъ, который взялся бы написать жизнь Іи
предвзятой теоріи относительно сравнительной цѣнности Еванге
водствуясь единственно чувствами, вызванными самимъ предм
многихъ случаяхъ будетъ вынужденъ предпочесть повѣствованіе
Евангелія синоптическимъ Евангеліямъ. Въ особенности послѣдні
жизни Іисуса находятъ себѣ объясненіе только въ этомъ Евангел
подробности Страстей, непонятныя у синоптиковъ [3]), въ пов
четвертаго Евангелія получаютъ характеръ правдоподобнаго и во
И, наоборотъ, пусть кто бы то ни было попробуетъ составить ос
жизнеописаніе Іисуса, принимая въ соображеніе поученія, которы
Іоаннъ влагаетъ въ уста Іисуса. Этотъ пріемъ безпрестанно п
вать о себѣ и выставлять себя, эта вѣчная аргументація, эта
рисовка, эти длинныя разсужденія послѣ каждаго чуда, эти прям
и неуклюжія рѣчи, тонъ которыхъ часто бываетъ и неровенъ
раленъ [4]), всего этого человѣкъ со вкусомъ не потерпѣлъ бы н
восхитительными сентенціями, которыя, по синоптикамъ, состав

---

[1]) Совпаденія у Марка, 11, 9 и Іоанна, V, 8, 9; у Марка,
Іоанна, VI, 7; у Марка XIV, 4, и Іоанна, XII, 5; у Луки, XXIV
и Іоанна, XX, 1, 4, 5, 6, хотя сами по себѣ и странны, но д
объясняются воспоминаніями.

[2]) 1 посл. къ Корине., XI, 23 и слѣд.

[3]) Напримѣръ, то, что относится къ обличенію предатель

[4]) См. напр. II, 25; III, 32—33 и длинные диспуты въ гла
VIII, IX.

поученій Іисуса. Очевидно это искусственныя [1]) вставки для того, чтобы изобразить намъ проповѣдь Іисуса на подобіе діалоговъ Платона, въ которыхъ переданы намъ бесѣды Сократа. Это въ нѣкоторомъ родѣ варіаціи, которыя музыкантъ импровизируетъ на заданную тему. Самая тема, о корой идетъ рѣчь, можетъ быть и не лишена извѣстной подлинности, но въ исполненіи ея фантазія артиста даетъ себѣ полную волю. Чувствуется дѣланность, риторика, отдѣлка [2]). Прибавимъ еще, что мы не находимъ и словаря Іисуса въ тѣхъ отрывкахъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Выраженіе „царство Божіе", столь обычное для учителя [3]), встрѣчается здѣсь лишь одинъ разъ [4]). Зато стиль поученій, приписываемыхъ четвертымъ Евангеліемъ Іисусу, представляетъ полнѣйшую аналогію со стилемъ повѣствовательныхъ частей того же Евангелія и со стилемъ автора посланій Іоанна. Видно, что авторъ четвертаго Евангелія, когда писалъ эти поученія, руководствовался не своими воспоминаніями, но довольно однообразнымъ теченіемъ собственной мысли. Въ нихъ передъ нами раскрывается цѣлый новый мистическій языкъ, который характеризуется частымъ употребленіемъ словъ: „міръ", „истина", „жизнь", „свѣтъ", „тьма", и который принадлежитъ не столько синоптикамъ, сколько книгѣ Премудрости, Филону, валентиніанцамъ. Если Іисусъ когда либо говорилъ въ такомъ стилѣ, въ которомъ нѣтъ ничего еврейскаго, нѣтъ ничего іудейскаго, то какъ могло случиться, что изъ его слушателей лишь одинъ такъ хорошо сохранилъ секретъ употребленія этого стиля?

Въ исторіи литературы мы знаемъ впрочемъ примѣръ, представляющій нѣкоторую аналогію съ историческимъ явленіемъ, изложеннымъ здѣсь, и до извѣстной степени объясняющій его. Сократъ, не писавшій ничего, какъ и Іисусъ, извѣстенъ намъ по двумъ своимъ ученикамъ, Ксенофонту и Платону; первый по своей ясной, прозрачной, безличной редакціи, отвѣчаетъ синоптикамъ; второй своей мощной индивидуальностью напоминаетъ автора

---

[1]) Нерѣдко чувствуется, что авторъ ищетъ предлоговъ, чтобы вставить рѣчи (гл. III, V, VIII, XIII и слѣд.).

[2]) Напримѣръ глава XVII.

[3]) Это удостовѣряютъ, кромѣ синоптиковъ, Дѣянія, посланія Св. Павла, Апокалипсисъ.

[4]) Іоанна, III, 3, 5.

четвертаго Евангелія. Слѣдуетъ ли, излагая ученіе Сократа, держаться „Діалоговъ“ Платона, или „Бесѣдъ“ Ксенофонта? Въ этомъ отношеніи нѣтъ никакихъ сомнѣній: весь міръ придерживается „Бесѣдъ“, а не „Діалоговъ“. А между тѣмъ развѣ Платонъ не сообщаетъ ничего о Сократѣ? Развѣ можетъ добросовѣстная критика, составляя біографію Сократа, пренебречь „Діалогами“? Кто осмѣлился бы утверждать это?

Не высказываясь относительно фактической стороны вопроса о томъ, кто писалъ четвертое Евангеліе, и даже раздѣляя убѣжденіе, что ее писалъ никакъ не сынъ Зеведеевъ, можно все таки допустить, что это твореніе имѣетъ нѣкоторое право носить названіе „Евангелія отъ Іоанна“. Исторической канвой четвертаго Евангелія, по моему мнѣнію, является жизнь Іисуса въ томъ видѣ, какъ она была извѣстна средѣ, непосредственно окружавшей Іоанна. Я прибавлю, что, по моему мнѣнію, эта школа знала различныя внѣшнія обстоятельства жизни ея основателя лучше, нежели группа, изъ воспоминаній которой сложились синоптическія Евангелія. Напримѣръ, относительно пребыванія Іисуса въ Іерусалимѣ у нея были данныя, которыми не обладали другія Церкви. *Пресвитеръ Іоаннъ*, который, по всей вѣроятности, былъ не кто иной, какъ самъ апостолъ Іоаннъ, считалъ, какъ говорятъ, разсказъ Марка неполнымъ и безпорядочнымъ; у него была даже цѣлая система объясненій пробѣловъ этого повѣствованія [1]). Сверхъ того нѣкоторыя мѣста у Луки, въ которыхъ звучитъ какъ бы отголосокъ Іоанновыхъ преданій [2]), доказываютъ, что преданія, сохранившіяся въ четвертомъ Евангеліи, не были чѣмъ то совершенно невѣдомымъ для остальной христіанской семьи.

---

[1]) Папій, loc. cit. См. выше, стр. XL.

[2]) Таковы прощеніе грѣшницы, свѣдѣнія, которыя имѣетъ Лука о Виѳанской семьѣ, его характеристика Мареы, отвѣчающая διηκόνει Іоанна (XII, 2), свѣдѣнія его о путешествіи Іисуса въ Самарію, и даже, повидимому, о неоднократныхъ путешествіяхъ Іисуса въ Іерусалимъ, странная аналогія Лазаря у Луки и Лазаря у Іоанна, разсказъ о женщинѣ, отиравшей ноги Іисуса своими волосами, сообщеніе, что Іисуса водили на судъ къ тремъ сановникамъ, мнѣніе автора третьяго Евангелія будто нѣкоторые изъ учениковъ присутствовали при крестной смерти, разъясненія, которыя онъ даетъ относительно роли Анны при Каіафѣ, появленіе ангела во время агоніи Іисуса (ср. Іоаннъ, XII, 28—29).

Мнѣ кажется, этихъ объясненій достаточно для того чтобы при дальнѣйшемъ изложеніи были ясны мотивы, которые побудили меня отдавать предпочтеніе тому или другому изъ четырехъ источниковъ для жизнеописанія Іисуса. Въ общей сложности я причисляю четыре каноническія Евангелія къ достовѣрнымъ документамъ. Всѣ они принадлежатъ столѣтію, слѣдовавшему непосредственно за смертью Іисуса, но историческая цѣнность ихъ весьма различна. Въ отношеніи поученій очевидно заслуживаетъ особаго довѣрія Евангеліе Матѳея; въ немъ заключаются Logia, подлинныя записи живыхъ и непосредственныхъ воспоминаній объ ученіи Іисуса. Кроткое и вмѣстѣ съ тѣмъ грозное сіяніе, божественная сила, если можно такъ выразиться, подчеркиваютъ эти слова, выдѣляютъ ихъ изъ контекста и даютъ критикѣ возможность легко распознавать ихъ. Авторъ, задающійся мыслью создать себѣ на основаніи евангельской исторіи вѣрное представленіе, обладаетъ въ этомъ отношеніи превосходнымъ пробнымъ камнемъ. Истинныя слова Іисуса обнаруживаются, такъ сказать, сами собой; стоитъ лишь столкнуться съ ними въ этомъ хаосѣ преданій различной подлинности, какъ уже чувствуется ихъ звучность; они сами выдаютъ себя, сами занимаютъ свое мѣсто въ повѣствованіи и сохраняютъ въ немъ свою несравненную рельефность.

Повѣствовательныя части, группирующіяся въ первомъ Евангеліи вокругъ этого первоначальнаго ядра, обладаютъ различной степенью достовѣрности. Здѣсь встрѣчается много легендъ, довольно смутно очертанныхъ, порожденныхъ благочестіемъ второго христіанскаго поколѣнія [1]). Повѣствованія общія у Матѳея и Марка носятъ на себѣ слѣды ошибокъ переписчика, свидѣтельствующія о недостаточномъ его знакомствѣ съ Палестиной [2]). Многіе эпизоды повторяются два раза, нѣкоторыя изъ лицъ также раздвояются; это доказываетъ, что авторы пользовались различными источниками, грубо сливая ихъ между собой [3]). Евангеліе отъ Марка болѣе положительно, болѣе

---

[1]) Гл. I и въ особенности II. См. также XXVII, 3 и слѣд., 19, 51—53, 60; XXVIII, 2 и слѣд. по сравненію съ Маркомъ.

[2]) Ср. Матѳея, XV, 39, съ Маркомъ, VIII, 10. См. Comptes rendus de l'Acad. des Inscript. et Belles-Lettres, 17 авг. 1866.

[3]) Ср. Матѳея, IX, 27—31, и XX, 29—34, съ Маркомъ, VIII, 22—26, и X, 46—52; Матѳея, VIII, 28—34, съ Маркомъ, V, 1—20; Матѳея, XII, 38 и

опредѣленно, менѣе обременено эпизодами, вставленными впослѣдствіи. Изъ всѣхъ трехъ синоптиковъ онъ наиболѣе сохранилъ древній, оригинальный характеръ [1]), въ него меньше всего вкралось позднѣйшихъ элементовъ. Фактическія подробности у Марка отличаются чистотой, которой тщетно было бы искать у другихъ евангелистовъ. Онъ любитъ приводить извѣстныя слова Іисуса на сирійско-халдейскомъ языкѣ [2]). Онъ полонъ мелочныхъ наблюденій, которыя, безъ сомнѣнія принадлежатъ свидѣтелю очевидцу. Ничто не противорѣчитъ предположенію, что этотъ свидѣтель очевидецъ, видимо слѣдовавшій всюду за Іисусомъ, любившій его и сохранившій въ своей душѣ его живой образъ, былъ никто иной, какъ самъ апостолъ Петръ, какъ это и утверждаетъ Папій.

Что касается Евангелія Луки, то его историческая цѣнность значительно ниже. Это документъ второго разбора. Повѣствованіе носитъ здѣсь болѣе зрѣлый характеръ. Слова Іисуса болѣе обдуманны, болѣе сочинены. Нѣкоторыя сентенціи доведены до крайности и извращены [3]). Составляя Евангеліе внѣ Палестины и, конечно, послѣ осады Іерусалима [4]), авторъ его указываетъ мѣстности менѣе точно, нежели оба другіе синоптика; онъ имѣетъ ложное представленіе о храмѣ, въ видѣ зданія, въ которое ходятъ молиться [5]); онъ не упоминаетъ объ иродіанахъ; онъ опускаетъ подробности, съ тѣмъ, чтобы согласовать между собой различныя повѣствованія [6]); смягчаетъ нѣкоторыя частности, повторять которыя въ это время было уже неудобно, въ виду того, что вокругъ него идея о божественности Іисуса [7]) получала все болѣе экзальтированный характеръ; преувеличиваетъ чудес-

слѣд., съ Матѳеемъ, XVI, 1 и слѣд.; Матѳея, IX, 34 и слѣд. съ Матѳеемъ, XII, 24 и слѣд.

[1]) Ср. напримѣръ Марка, XV, 23, съ Матѳеемъ, XXVII, 34.

[2]) Маркъ, V, 41; VII, 34; XIV, 36; XV, 34. У Матѳея эта особенность встрѣчается только одинъ разъ (XXVII, 46).

[3]) Лука, XIV, 26. Правила для учениковъ (X, 4, 7) носятъ у него особенный характеръ экзальтированности.

[4]) XIX, 41, 43—44; XXI, 9, 20; XXIII, 29.

[5]) II, 37; XVIII, 10 и слѣд.; XXIV, 53.

[6]) IV, 16. Ср. мѣста, цитируемыя ниже въ примѣчан. 1 и 3 къ стр. 15.

[7]) III, 23. Онъ пропускаетъ сказанное у Марка, XIII, 32 (Матѳея, XXIV, 36).

ное [1]); совершаетъ ошибки хронологическія [2]) и топографическія [3]); опускаетъ еврейскія слова [4]) и, повидимому, плохо знаетъ еврейскій языкъ [5]), не цитируетъ ни одного слова изъ сказаннаго Іисусомъ на этомъ языкѣ, всѣ мѣстности называетъ ихъ греческими именами, иногда весьма неискусно исправляетъ слова Іисуса [6]). Чувствуется во всемъ этомъ компиляторъ, человѣкъ, не видавшій непосредственно свидѣтелей, работающій надъ письменными источниками и позволяющій себѣ изрядно ихъ насиловать для того, чтобы согласовать между собой. По всей вѣроятности, Лука имѣлъ передъ собой первоначальное повѣствованіе Марка и Logia Матѳея. Но онъ обращается съ ними весьма свободно; то онъ сливаетъ между собой воедино два эпизода или двѣ притчи [7]); то изъ одного дѣлаетъ два [8]). Онъ перетолковы-

---

1) IV; 14; XXII, 43, 44.

2) Напр., относительно переписи Квиринія, возмущенія Ѳевды и, быть можетъ, упоминанія о Лизаніи, хотя по этому послѣднему пункту можно и защищать точность евангелиста. См. Mission de Phénicie, стр. 317 и слѣд.; Corpus inscript. gr., n⁰ 4521, и addenda; Іосифъ., Ant., XVIII, VI, 10; XIX, V, 1; XX, VII, 1; B. I., II, XI, 5; XII, 8,

3) Ср. Лука, XXIV, 13, съ Іосифомъ, B. I., VII, VI, 6 (изд. Диндорфа). У Луки, I, 39 можетъ быть также заподозрѣна какая либо ошибка.

4) Ср. Лука, 1, 31, и Матѳея, I, 21; Лука, XX, 46, и Матѳея, XXIII, 7—8. Онъ избѣгаетъ словъ: авва, равви, корвона, корванъ, рака, Воанергесъ.

5) Св. Іеремія, In. Is., гл. VI (Opp., изд. Мартіанаи, III, 63—64). Евреизмы его стиля и нѣкоторыя черты іудеевъ, какъ, напр., въ Дѣяніяхъ, I, 12, вѣроятно, происходятъ отъ лицъ, которыхъ онъ навѣщалъ, изъ книгъ, которыя читалъ, документовъ, которыми руководствовался.

6) Напр. ἔργων (Матѳея, XI, 19) у него превращается въ τέκνων (Лука, VII, 35), передѣлка, которая путемъ обратнаго дѣйствія вошла въ большую часть рукописей Матѳея.

7) Напр., XIX, 12—27, гдѣ съ притчей о талантахъ соединена (ст. 12, 14, 15, 27) притча о рабахъ непокорныхъ. Въ притчѣ о богатомъ (XVI) также заключаются черты, которыя не особенно вяжутся съ главнымъ предметомъ (язвы, псы, и стихи 23 и слѣд.).

8) Такъ трапеза въ Виѳаніи у него является предметомъ двухъ разсказовъ (VII, 36—48, и X, 38—42). Тоже онъ дѣлаетъ и съ изреченіями. Такимъ образомъ слова Матѳея, XXIII, оказываются у Луки въ XI, 39 и слѣд., и въ XX, 46—47.

ваетъ документы по собственному разумѣнію; у него нѣтъ абсолютной объективности Матѳея и Марка. Можно составить себѣ извѣстное понятіе объ его вкусахъ и особенностяхъ: онъ отъявленный ханжа [1]); онъ настаиваетъ на томъ, что Іисусъ исполнялъ всѣ іудейскіе обряды [2]); онъ демократъ и экзальтированный евіонитъ, т. е. большой противникъ собственности и убѣжденъ, что наступитъ для бѣдныхъ возмездіе [3]); онъ любитъ больше всего анекдоты, въ которыхъ рельефно изображается обращеніе грѣшниковъ, возвеличеніе униженныхъ [4]), и нерѣдко измѣняетъ древнія преданія, чтобы придать имъ именно такую окраску [5]). На первыхъ же своихъ страницахъ онъ приводитъ легенды о дѣтствѣ Іисуса, разсказанныя съ тѣми длинными дополненіями, съ тѣми пѣснопѣніями и условными пріемами, которые составляютъ существеннѣйшія черты апокрифическихъ евангелій. Наконецъ, повѣствованіе о послѣднихъ дняхъ Іисуса онъ дополняетъ нѣкоторыми сантиментальными подробностями и приводитъ нѣкоторыя слова Іисуса рѣдкой красоты [6]), не встрѣчающіяся въ болѣе подлинныхъ повѣствованіяхъ и въ которыхъ чувствуется вліяніе легенды. Лука заимствовалъ ихъ, вѣроятно, изъ какого нибудь болѣе поздняго сборника, расчитаннаго главнымъ образомъ на то, чтобы возбудить благочестивыя чувства.

Естественно, что по отношенію къ документу такого рода требуется большая осторожность. Но было бы также неблагоразумно пренебрегать имъ, какъ и пользоваться имъ безъ разбора. Лука имѣлъ передъ глазами оригиналы,

---

[1]) XXIII, 56; XXIV, 53; Дѣянія, 1, 12.

[2]) II, 21, 22, 39, 41, 42. Это евіонистская черта. Ср. Philosophumena VII, VI, 34.

[3]) Притча о богатомъ и Лазарѣ. См. также VI, 20 и слѣд., 24 и слѣд. (ср. гораздо болѣе умѣренныя сентенціи у Матѳея, V, 3 и слѣд.); X, 7; XII, 13 и слѣд.; вся XVI; XXII, 35; Дѣянія, II, 44—45; V, 1 и слѣд.

[4]) Женщина, умастившая ноги, Закхей, добрый разбойникъ, притчи о фарисеѣ и мытарѣ, о блудномъ сынѣ.

[5]) Женщина, умастившая ноги, обращается у него въ обратившуюся грѣшницу.

[6]) Іисусъ, оплакивающій Іерусалимъ, кровавый потъ, встрѣча святыхъ женъ, добрый разбойникъ и пр. Слово къ іерусалимскимъ женщинамъ (XXIII, 28—29), конечно, могло войти сюда лишь послѣ осады 70 года.

которыхъ у насъ нѣтъ. Онъ не столько евангелистъ, сколько біографъ Іисуса, „гармонистъ“, корректоръ на подобіе Марсіона и Татіена. Но это біографъ перваго вѣка, дивный художникъ, который независимо отъ разъясненій, почерпнутыхъ имъ въ самыхъ древнихъ источникахъ, изображаетъ характеръ основателя необыкновенно удачными штрихами, съ воодушевленіемъ, рельефностью, которыхъ нѣтъ у двухъ другихъ синоптиковъ. Въ чтеніи его Евангеліе наиболѣе обаятельно, ибо къ несравненной красотѣ общаго фона онъ прибавляетъ художественность, чрезвычайно оригинально усиливающую впечатлѣніе отъ всего портрета, безъ малѣйшаго ущерба его правдивости.

Въ общемъ можно сказать, что редакція синоптиковъ прошла три стадіи: 1) состояніе оригинальнаго документа (λογια Матѳея, λεχθέντα ἤ πραχθέντα Марка),—первыя, нынѣ не существующія редакціи; 2) состояніе простой смѣси, гдѣ оригинальные документы безъ всякаго предумышленія слились въ одно цѣлое, при чемъ нигдѣ нельзя подмѣтить никакихъ личныхъ взглядовъ авторовъ (Евангелія Матѳея и Марка въ ихъ нынѣшнемъ видѣ); и 3) состояніе комбинированія, обдуманнаго и намѣреннаго редактированія, въ которыхъ ощущаются усилія примирить между собой различныя версіи (Евангеліе Луки, евангелія Марсіона, Татіена и пр.). Евангеліе отъ Іоанна, какъ уже было сказано, представляетъ собой твореніе совсѣмъ другого порядка и стоитъ совершенно особнякомъ.

Можно замѣтить, что я совсѣмъ не пользовался апокрифическими евангеліями. Эти сочиненія ни въ какомъ отношеніи не могутъ быть поставлены въ уровень съ каноническими Евангеліями. Это плоскія и ребяческія разглагольствованія; большею частью въ основѣ ихъ лежатъ каноническія Евангелія и къ нимъ они не прибавляютъ никогда ничего цѣннаго. Напротивъ, я съ большимъ вниманіемъ занимался собираніемъ отрывковъ, сохранившихся у Отцовъ Церкви, старинныхъ евангелій, существовавшихъ нѣкогда параллельно съ каноническими и нынѣ затерянныхъ, каковы евангелія отъ Іудеевъ, евангеліе отъ Египтянъ, евангелія Іустина, Марсіона, Татіена [1]). Два первыя особенно важны, потому что они редактированы на арамейскомъ языкѣ, какъ Logia Матѳея, потому что они, повидимому,

---

[1]) Дальнѣйшія подробности см. у Мишеля Николя, Études sur les Évangiles apocryphes (Paris, Lévy, 1866).

ваться этимъ состоянiемъ и заставить выражаться своимъ стилемъ того, кого весь мiръ называлъ по преимуществу „Старцемъ“, ὁ πρεσβύτερος. Нѣкоторыя части четвертаго Евангелiя могли быть прибавлены впослѣдствiи, такова цѣликомъ XXI глава [1]), въ которой авторъ какъ бы задается мыслью воздать честь апостолу Петру послѣ его смерти и отвѣтить на возраженiя, которыя могли бы возникнуть и уже возникали по поводу смерти самого Iоанна (ст. 21—23). Многiя другiя мѣста носятъ слѣды помарокъ и исправленiй [2]). Книга эта, конечно, могла оставаться лѣтъ пятьдесятъ въ неизвѣстности, разъ что всѣ считали, что ее писалъ не Iоаннъ. Но понемногу къ ней стали привыкать и, наконецъ, признали ее. И даже раньше, чѣмъ она была признана канонической, многiе могли ею пользоваться, какъ книгой хотя и неособенно авторитетной, но весьма поучительной [3]). Съ другой стороны, разнорѣчiя, встрѣчавшiяся въ ней съ синоптиками, которые пользовались гораздо большимъ распространенiемъ, долго не позволяли руководствоваться ею при составленiи описанiя жизни Iисуса въ томъ видѣ, какъ ее себѣ воображали.

Такимъ толкованiемъ объясняется странное противорѣчiе между творенiями Іустина и псевдоклиментовыми „Проповѣдями“, въ которыхъ встрѣчаются слѣды четвертаго Евангелiя, но въ которыхъ при этомъ оно не ставится на одну доску съ синоптиками. Отсюда происходятъ и тѣ ссылки, которыя дѣлаются на него приблизительно до 180 г. и которыя нельзя назвать прямыми цитатами. Отсюда, наконецъ, происходитъ та особенность четвертаго Евангелiя, что оно какъ бы понемногу и медленно всплываетъ среди движенiй въ церквахъ Азiи во II вѣкѣ, и сперва получаетъ приз-

былъ правъ, въ спорѣ съ Евсевiемъ, называя Папiя ученикомъ Iоанна. Предположенiе это подтверждается еще и тѣмъ, что Папiй выдаетъ *пресвитера Iоанна* за непосредственнаго ученика Iисуса.

1) Стихи 30—31, гл. XX, очевидно представляютъ собой старинную форму заключенiя.

2) IV, 2 (ср. III, 22); VII, 22, и XII, 33, повидимому, написаны той же рукой, какъ и XXI, 19.

3) Такимъ образомъ валентинiанцы, которые ее принимали, и авторъ псевдоклиментовыхъ „Проповѣдей“ совершенно расходятся съ ней по вопросу о продолжительности общественной жизни Iисуса (Ириней, Adv. haer., I, III, 3; II, XXII, 1 и слѣд.; Homél. pseudo-clem., XVII, 19).

ніе со стороны гностиковъ [1]), но пользуется еще лишь весьма частичнымъ кредитомъ въ ортодоксальной церкви, какъ объ этомъ можно судить по спору относительно Пасхи, впослѣдствіи получившей всеобщее признаніе. Иногда я склоненъ думать, что Папій имѣлъ въ виду именно четвертое Евангеліе, когда противупоставлялъ точнымъ указаніямъ относительно жизни Іисуса длинныя рѣчи и странныя поученія, которыя влагаются въ его уста иными авторами [2]). Папій и старая іудео-христіанская партія должны были считать эти послѣднія новшества весьма предосудительными. Тотъ фактъ, что книга, сперва признаваемая еретической, въ концѣ концовъ прокладываетъ себѣ путь въ ортодоксальную церковь и становится въ ней символомъ вѣры, нельзя, конечно, считать единичнымъ.

Я считаю по меньшей мѣрѣ весьма вѣроятнымъ, что книга была написана до 100 г., т. е. въ эпоху, когда синоптики были еще не вполнѣ канонизированы. Послѣ этой даты было бы непостижимо, чтобы авторъ до такой степени могъ эмансипироваться отъ „Апостольскихъ Воспоминаній“. Для Іустина и, повидимому, также для Папія синоптики представляютъ единственный истинный источникъ жизнеописанія Іисуса. Если бы поддѣлка Евангелія была написана около 129 или 130 г., то она ограничилась бы обработкой по собственному усмотрѣнію принятой уже версіи, какъ это мы и видимъ въ апокрифическихъ евангеліяхъ, но не стала бы переиначивать сверху до низу уже авторитетно установленныя существенныя черты жизни Іисуса. Это такъ вѣрно, что со второй половины II вѣка такія противорѣчія становятся серьезнымъ аргументомъ въ рукахъ алоговъ и вынуждаютъ защитниковъ четвертаго Евангелія изобрѣтать довольно тяжеловѣсныя объясненія [3]). Нѣтъ никакихъ доказательствъ тому, чтобы редакторъ четвертаго Евангелія, работая надъ нимъ, не имѣлъ бы передъ собой

[1]) Валентинъ, Птоломей, Гераклеонъ, Василидъ, Аппель, наассеніане, ператы (Ириней, Adv. haer., I, VIII, 5; III, XI, 7; Оригенъ, In Ioann., VI, 8 и пр.; Епиф., Adv. haer., XXXIII, 3; и особенно Philosophumena, кн. VI и VIII). Остается сомнительнымъ, не приписывали ли Отцы Василиду и Валентину, надѣляя ихъ цитатами изъ четвертаго Евангелія, тѣхъ чувствъ, которыя, по мнѣнію Отцовъ, должны были господствовать въ школахъ, основанныхъ этими двумя учителями.

[2]) У Евсевія, Hist. eccl., III, 39.

[3]) Епиф., Adv. haer., LI; Евсевій, Hist. eccl., III, 24.

синоптическихъ Евангелій [1]). Поразительное сходство его повѣствованія съ тремя прочими Евангеліями во всемъ томъ, что относится къ Страстямъ, даетъ основаніе предполагать, что уже съ той поры для Страстей, какъ и для Тайной вечери [2]), существовалъ почти установленный текстъ разсказа, который заучивался наизусть.

На разстояніи вѣковъ было бы невозможно найти ключъ для рѣшенія всѣхъ этихъ странныхъ загадокъ и, конечно, мы встрѣтились бы со многими неожиданностями, если бы намъ дано было проникнуть во всѣ секреты таинственной ефесской школы, повидимому, не разъ отклонявшейся на весьма темныя пути. Но вотъ къ какому капитальному выводу приводитъ изслѣдованіе. Всякій авторъ, который взялся бы написать жизнь Іисуса безъ предвзятой теоріи относительно сравнительной цѣнности Евангелій, руководствуясь единственно чувствами, вызванными самимъ предметомъ, во многихъ случаяхъ будетъ вынужденъ предпочесть повѣствованіе четвертаго Евангелія синоптическимъ Евангеліямъ. Въ особенности послѣдніе мѣсяцы жизни Іисуса находятъ себѣ объясненіе только въ этомъ Евангеліи; многія подробности Страстей, непонятныя у синоптиковъ [3]), въ повѣствованіи четвертаго Евангелія получаютъ характеръ правдоподобнаго и возможнаго. И, наоборотъ, пусть кто бы то ни было попробуетъ составить осмысленное жизнеописаніе Іисуса, принимая въ соображеніе поученія, которыя мнимый Іоаннъ влагаетъ въ уста Іисуса. Этотъ пріемъ безпрестанно проповѣдывать о себѣ и выставлять себя, эта вѣчная аргументація, эта неловкая рисовка, эти длинныя разсужденія послѣ каждаго чуда, эти прямолинейныя и неуклюжія рѣчи, тонъ которыхъ часто бываетъ и неровенъ и ненатураленъ [4]), всего этого человѣкъ со вкусомъ не потерпѣлъ бы на ряду съ восхитительными сентенціями, которыя, по синоптикамъ, составляли душу

---

[1]) Совпаденія у Марка, 11, 9 и Іоанна, V, 8, 9; у Марка, VI, 37, и Іоанна, VI, 7; у Марка XIV, 4, и Іоанна, XII, 5; у Луки, XXIV, 1, 2, 12, и Іоанна, XX, 1, 4, 5, 6, хотя сами по себѣ и странны, но достаточно объясняются воспоминаніями.

[2]) 1 посл. къ Коринѳ., XI, 23 и слѣд.

[3]) Напримѣръ, то, что относится къ обличенію предательства Іуды.

[4]) См. напр. II, 25; III, 32—33 и длинные диспуты въ главахъ VII, VIII, IX.

поученій Іисуса. Очевидно это искусственныя [1]) вставки для того, чтобы изобразить намъ проповѣдь Іисуса на подобіе діалоговъ Платона, въ которыхъ переданы намъ бесѣды Сократа. Это въ нѣкоторомъ родѣ варіаціи, которыя музыкантъ импровизируетъ на заданную тему. Самая тема, о корой идетъ рѣчь, можетъ быть и не лишена извѣстной подлинности, но въ исполненіи ея фантазія артиста даетъ себѣ полную волю. Чувствуется дѣланность, риторика, отдѣлка [2]). Прибавимъ еще, что мы не находимъ и словаря Іисуса въ тѣхъ отрывкахъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Выраженіе „царство Божіе“, столь обычное для учителя [3]), встрѣчается здѣсь лишь одинъ разъ [4]). Зато стиль поученій, приписываемыхъ четвертымъ Евангеліемъ Іисусу, представляетъ полнѣйшую аналогію со стилемъ повѣствовательныхъ частей того же Евангелія и со стилемъ автора посланій Іоанна. Видно, что авторъ четвертаго Евангелія, когда писалъ эти поученія, руководствовался не своими воспоминаніями, но довольно однообразнымъ теченіемъ собственной мысли. Въ нихъ передъ нами раскрывается цѣлый новый мистическій языкъ, который характеризуется частымъ употребленіемъ словъ: „міръ“, „истина“, „жизнь“, „свѣтъ“, „тьма“, и который принадлежитъ не столько синоптикамъ, сколько книгѣ Премудрости, Филону, валентиніанцамъ. Если Іисусъ когда либо говорилъ въ такомъ стилѣ, въ которомъ нѣтъ ничего еврейскаго, нѣтъ ничего іудейскаго, то какъ могло случиться, что изъ его слушателей лишь одинъ такъ хорошо сохранилъ секретъ употребленія этого стиля?

Въ исторіи литературы мы знаемъ впрочемъ примѣръ, представляющій нѣкоторую аналогію съ историческимъ явленіемъ, изложеннымъ здѣсь, и до извѣстной степени объясняющій его. Сократъ, не писавшій ничего, какъ и Іисусъ, извѣстенъ намъ по двумъ своимъ ученикамъ, Ксенофонту и Платону; первый по своей ясной, прозрачной, безличной редакціи, отвѣчаетъ синоптикамъ; второй своей мощной индивидуальностью напоминаетъ автора

---

[1]) Нерѣдко чувствуется, что авторъ ищетъ предлоговъ, чтобы вставить рѣчи (гл. III, V, VIII, XIII и слѣд.).

[2]) Напримѣръ глава XVII.

[3]) Это удостовѣряютъ, кромѣ синоптиковъ, Дѣянія, посланія Св. Павла, Апокалипсисъ.

[4]) Іоанна, III, 3, 5.

четвертаго Евангелія. Слѣдуетъ ли, излагая ученіе Сократа, держаться „Діалоговъ“ Платона, или „Бесѣдъ“ Ксенофонта? Въ этомъ отношеніи нѣтъ никакихъ сомнѣній: весь міръ придерживается „Бесѣдъ“, а не „Діалоговъ“. А между тѣмъ развѣ Платонъ не сообщаетъ ничего о Сократѣ? Развѣ можетъ добросовѣстная критика, составляя біографію Сократа, пренебречь „Діалогами“? Кто осмѣлился бы утверждать это?

Не высказываясь относительно фактической стороны вопроса о томъ, кто писалъ четвертое Евангеліе, и даже раздѣляя убѣжденіе, что ее писалъ никакъ не сынъ Зеведеевъ, можно все таки допустить, что это твореніе имѣетъ нѣкоторое право носить названіе „Евангелія отъ Іоанна“. Исторической канвой четвертаго Евангелія, по моему мнѣнію, является жизнь Іисуса въ томъ видѣ, какъ она была извѣстна средѣ, непосредственно окружавшей Іоанна. Я прибавлю, что, по моему мнѣнію, эта школа знала различныя внѣшнія обстоятельства жизни ея основателя лучше, нежели группа, изъ воспоминаній которой сложились синоптическія Евангелія. Напримѣръ, относительно пребыванія Іисуса въ Іерусалимѣ у нея были данныя, которыми не обладали другія Церкви. *Пресвитеръ Іоаннъ*, который, по всей вѣроятности, былъ не кто иной, какъ самъ апостолъ Іоаннъ, считалъ, какъ говорятъ, разсказъ Марка неполнымъ и безпорядочнымъ; у него была даже цѣлая система объясненій пробѣловъ этого повѣствованія [1]). Сверхъ того нѣкоторыя мѣста у Луки, въ которыхъ звучитъ какъ бы отголосокъ Іоанновыхъ преданій [2]), доказываютъ, что преданія, сохранившіяся въ четвертомъ Евангеліи, не были чѣмъ то совершенно невѣдомымъ для остальной христіанской семьи.

---

1) Папій, loc. cit. См. выше, стр. XL.

2) Таковы прощеніе грѣшницы, свѣдѣнія, которыя имѣетъ Лука о Виѳанской семьѣ, его характеристика Мареы, отвѣчающая διηκόνει Іоанна (XII, 2), свѣдѣнія его о путешествіи Іисуса въ Самарію, и даже, повидимому, о неоднократныхъ путешествіяхъ Іисуса въ Іерусалимъ, странная аналогія Лазаря у Луки и Лазаря у Іоанна, разсказъ о женщинѣ, отиравшей ноги Іисуса своими волосами, сообщеніе, что Іисуса водили на судъ къ тремъ сановникамъ, мнѣніе автора третьяго Евангелія будто нѣкоторые изъ учениковъ присутствовали при крестной смерти, разъясненія, которыя онъ даетъ относительно роли Анны при Каіафѣ, появленіе ангела во время агоніи Іисуса (ср. Іоаннъ, XII, 28—29).

Мнѣ кажется, этихъ объясненій достаточно для того чтобы при дальнѣйшемъ изложеніи были ясны мотивы, которые побудили меня отдавать предпочтеніе тому или другому изъ четырехъ источниковъ для жизнеописанія Іисуса. Въ общей сложности я причисляю четыре каноническія Евангелія къ достовѣрнымъ документамъ. Всѣ они принадлежатъ столѣтію, слѣдовавшему непосредственно за смертью Іисуса, но историческая цѣнность ихъ весьма различна. Въ отношеніи поученій очевидно заслуживаетъ особаго довѣрія Евангеліе Матѳея; въ немъ заключаются Logia, подлинныя записи живыхъ и непосредственныхъ воспоминаній объ ученіи Іисуса. Кроткое и вмѣстѣ съ тѣмъ грозное сіяніе, божественная сила, если можно такъ выразиться, подчеркиваютъ эти слова, выдѣляютъ ихъ изъ контекста и даютъ критикѣ возможность легко распознавать ихъ. Авторъ, задающійся мыслью создать себѣ на основаніи евангельской исторіи вѣрное представленіе, обладаетъ въ этомъ отношеніи превосходнымъ пробнымъ камнемъ. Истинныя слова Іисуса обнаруживаются, такъ сказать, сами собой; стоитъ лишь столкнуться съ ними въ этомъ хаосѣ преданій различной подлинности, какъ уже чувствуется ихъ звучность; они сами выдаютъ себя, сами занимаютъ свое мѣсто въ повѣствованіи и сохраняютъ въ немъ свою несравненную рельефность.

Повѣствовательныя части, группирующіяся въ первомъ Евангеліи вокругъ этого первоначальнаго ядра, обладаютъ различной степенью достовѣрности. Здѣсь встрѣчается много легендъ, довольно смутно очертанныхъ, порожденныхъ благочестіемъ второго христіанскаго поколѣнія [1]). Повѣствованія общія у Матѳея и Марка носятъ на себѣ слѣды ошибокъ переписчика, свидѣтельствующія о недостаточномъ его знакомствѣ съ Палестиной [2]). Многіе эпизоды повторяются два раза, нѣкоторыя изъ лицъ также раздвояются; это доказываетъ, что авторы пользовались различными источниками, грубо сливая ихъ между собой [3]). Евангеліе отъ Марка болѣе положительно, болѣе

---

1) Гл. I и въ особенности II. См. также XXVII, 3 и слѣд., 19, 51—53, 60; XXVIII, 2 и слѣд. по сравненію съ Маркомъ.

2) Ср. Матѳея, XV, 39, съ Маркомъ, VIII, 10. См. Comptes rendus de l'Acad. des Inscript. et Belles-Lettres, 17 авг. 1866.

3) Ср. Матѳея, IX, 27—31, и XX, 29—34, съ Маркомъ, VIII, 22—26, и X, 46—52; Матѳея, VIII, 28—34, съ Маркомъ, V, 1—20; Матѳея, XII, 38 и

опредѣленно, менѣе обременено эпизодами, вставленными впослѣдствіи. Изъ всѣхъ трехъ синоптиковъ онъ наиболѣе сохранилъ древній, оригинальный характеръ [1]), въ него меньше всего вкралось позднѣйшихъ элементовъ. Фактическія подробности у Марка отличаются чистотой, которой тщетно было бы искать у другихъ евангелистовъ. Онъ любитъ приводить извѣстныя слова Іисуса на сирійско-халдейскомъ языкѣ [2]). Онъ полонъ мелочныхъ наблюденій, которыя, безъ сомнѣнія принадлежатъ свидѣтелю очевидцу. Ничто не противорѣчитъ предположенію, что этотъ свидѣтель очевидецъ, видимо слѣдовавшій всюду за Іисусомъ, любившій его и сохранившій въ своей душѣ его живой образъ, былъ никто иной, какъ самъ апостолъ Петръ, какъ это и утверждаетъ Папій.

Что касается Евангелія Луки, то его историческая цѣнность значительно ниже. Это документъ второго разбора. Повѣствованіе носитъ здѣсь болѣе зрѣлый характеръ. Слова Іисуса болѣе обдуманны, болѣе сочинены. Нѣкоторыя сентенціи доведены до крайности и извращены [3]). Составляя Евангеліе внѣ Палестины и, конечно, послѣ осады Іерусалима [4]), авторъ его указываетъ мѣстности менѣе точно, нежели оба другіе синоптика; онъ имѣетъ ложное представленіе о храмѣ, въ видѣ зданія, въ которое ходятъ молиться [5]); онъ не упоминаетъ объ иродіанахъ; онъ опускаетъ подробности, съ тѣмъ, чтобы согласовать между собой различныя повѣствованія [6]); смягчаетъ нѣкоторыя частности, повторять которыя въ это время было уже неудобно, въ виду того, что вокругъ него идея о божественности Іисуса [7]) получала все болѣе экзальтированный характеръ; преувеличиваетъ чудес-

слѣд., съ Матѳеемъ, XVI, 1 и слѣд.; Матѳея, IX, 34 и слѣд. съ Матѳеемъ, XII, 24 и слѣд.

1) Ср. напримѣръ Марка, XV, 23, съ Матѳеемъ, XXVII, 34.

2) Маркъ, V, 41; VII, 34; XIV, 36; XV, 34. У Матѳея эта особенность встрѣчается только одинъ разъ (XXVII, 46).

3) Лука, XIV, 26. Правила для учениковъ (X, 4, 7) носятъ у него особенный характеръ экзальтированности.

4) XIX, 41, 43—44; XXI, 9, 20; XXIII, 29.

5) II, 37; XVIII, 10 и слѣд.; XXIV, 53.

6) IV, 16. Ср. мѣста, цитируемыя ниже въ примѣчан. 1 и 3 къ стр. 15.

7) III, 23. Онъ пропускаетъ сказанное у Марка, XIII, 32 (Матѳея, XXIV, 36).

ое [1]); совершаетъ ошибки хронологическія [2]) и топографическія [3]); опускаетъ еврейскія слова [4]) и, повидимому, плохо знаетъ еврейскій языкъ [5]), е цитируетъ ни одного слова изъ сказаннаго Іисусомъ на этомъ языкѣ, сѣ мѣстности называетъ ихъ греческими именами, иногда весьма неискусно справляетъ слова Іисуса [6]). Чувствуется во всемъ этомъ компиляторъ, человѣкъ, не видавшій непосредственно свидѣтелей, работающій надъ письменными источниками и позволяющій себѣ изрядно ихъ насиловать для того, чтобы согласовать между собой. По всей вѣроятности, Лука имѣлъ передъ собой первоначальное повѣствованіе Марка и Logia Матѳея. Но онъ обращается съ ними весьма свободно; то онъ сливаетъ между собой воедино два эпизода или двѣ притчи [7]); то изъ одного дѣлаетъ два [8]). Онъ перетолковы-

---

1) IV; 14; XXII, 43, 44.

2) Напр., относительно переписи Квиринія, возмущенія Ѳевды и, быть можетъ, упоминанія о Лизаніи, хотя по этому послѣднему пункту можно и защищать точность евангелиста. См. Mission de Phénicie, стр. 317 и слѣд.; Corpus inscript. gr., n⁰ 4521, и addenda; Іосифъ., Ant., XVIII, VI, 10; XIX, V, 1; XX, VII, 1; B. I., II, XI, 5; XII, 8,

3) Ср. Лука, XXIV, 13, съ Іосифомъ, B. I., VII, VI, 6 (изд. Диндорфа). У Луки, I, 39 можетъ быть также заподозрѣна какая либо ошибка.

4) Ср. Лука, 1, 31, и Матѳея, I, 21; Лука, XX, 46, и Матѳея, XXIII, 7—8. Онъ избѣгаетъ словъ: авва, равви, корвона, корванъ, рака, Воанергесъ.

5) Св. Іеремія, In. Is., гл. VI (Opp., изд. Мартіанаи, III, 63—64). Евреизмы его стиля и нѣкоторыя черты іудеевъ, какъ, напр., въ Дѣяніяхъ, I, 12, вѣроятно, происходятъ отъ лицъ, которыхъ онъ навѣщалъ, изъ книгъ, которыя читалъ, документовъ, которыми руководствовался.

6) Напр. ἔργων (Матѳея, XI, 19) у него превращается въ τέκνων (Лука, VII, 35), передѣлка, которая путемъ обратнаго дѣйствія вошла въ большую часть рукописей Матѳея.

7) Напр., XIX, 12—27, гдѣ съ притчей о талантахъ соединена (ст. 12, 14, 15, 27) притча о рабахъ непокорныхъ. Въ притчѣ о богатомъ (XVI) также заключаются черты, которыя не особенно вяжутся съ главнымъ [illegible]омъ (язвы, псы, и стихи 23 и слѣд.).

[illegible]акъ трапеза въ Виѳаніи у него является предметомъ двухъ раз[illegible]ь (VII, 36—48, и X, 38—42). Тоже онъ дѣлаетъ и съ изреченіями. [illegible]ь образомъ слова Матѳея, XXIII, оказываются у Луки въ XI, 39 и [illegible], и въ XX, 46—47.

ваетъ документы по собственному разумѣнію; у него нѣтъ абсолютной объективности Матѳея и Марка. Можно составить себѣ извѣстное понятіе объ его вкусахъ и особенностяхъ: онъ отъявленный ханжа [1]); онъ настаиваетъ на томъ, что Іисусъ исполнялъ всѣ іудейскіе обряды [2]); онъ демократъ и экзальтированный евіонитъ, т. е. большой противникъ собственности и убѣжденъ, что наступитъ для бѣдныхъ возмездіе [3]); онъ любитъ больше всего анекдоты, въ которыхъ рельефно изображается обращеніе грѣшниковъ, возвеличеніе униженныхъ [4]), и нерѣдко измѣняетъ древнія преданія, чтобы придать имъ именно такую окраску [5]). На первыхъ же своихъ страницахъ онъ приводитъ легенды о дѣтствѣ Іисуса, разсказанныя съ тѣми длинными дополненіями, съ тѣми пѣснопѣніями и условными пріемами, которые составляютъ существеннѣйшія черты апокрифическихъ евангелій. Наконецъ, повѣствованіе о послѣднихъ дняхъ Іисуса онъ дополняетъ нѣкоторыми сантиментальными подробностями и приводитъ нѣкоторыя слова Іисуса рѣдкой красоты [6]), не встрѣчающіяся въ болѣе подлинныхъ повѣствованіяхъ и въ которыхъ чувствуется вліяніе легенды. Лука заимствовалъ ихъ, вѣроятно, изъ какого нибудь болѣе поздняго сборника, расчитаннаго главнымъ образомъ на то, чтобы возбудить благочестивыя чувства.

Естественно, что по отношенію къ документу такого рода требуется большая осторожность. Но было бы также неблагоразумно пренебрегать имъ, какъ и пользоваться имъ безъ разбора. Лука имѣлъ передъ глазами оригиналы,

---

[1]) XXIII, 56; XXIV, 53; Дѣянія, 1, 12.

[2]) II, 21, 22, 39, 41, 42. Это евіонистская черта. Ср. Philosophumena VII, VI, 34.

[3]) Притча о богатомъ и Лазарѣ. См. также VI, 20 и слѣд., 24 и слѣд. (ср. гораздо болѣе умѣренныя сентенціи у Матѳея, V, 3 и слѣд.); X, 7; XII, 13 и слѣд.; вся XVI; XXII, 35; Дѣянія, II, 44—45; V, I и слѣд.

[4]) Женщина, умастившая ноги, Закхей, добрый разбойникъ, притчи о фарисеѣ и мытарѣ, о блудномъ сынѣ.

[5]) Женщина, умастившая ноги, обращается у него въ обратившуюся грѣшницу.

[6]) Іисусъ, оплакивающій Іерусалимъ, кровавый потъ, встрѣча святыхъ женъ, добрый разбойникъ и пр. Слово къ іерусалимскимъ женщинамъ (XXIII, 28—29), конечно, могло войти сюда лишь послѣ осады 70 года.

которыхъ у насъ нѣтъ. Онъ не столько евангелистъ, сколько біографъ Іисуса, „гармонистъ", корректоръ на подобіе Марсіона и Татіена. Но это біографъ перваго вѣка, дивный художникъ, который независимо отъ разъясненій, почерпнутыхъ имъ въ самыхъ древнихъ источникахъ, изображаетъ характеръ основателя необыкновенно удачными штрихами, съ воодушевленіемъ, рельефностью, которыхъ нѣтъ у двухъ другихъ синоптиковъ. Въ чтеніи его Евангеліе наиболѣе обаятельно, ибо къ несравненной красотѣ общаго фона онъ прибавляетъ художественность, чрезвычайно оригинально усиливающую впечатлѣніе отъ всего портрета, безъ малѣйшаго ущерба его правдивости.

Въ общемъ можно сказать, что редакція синоптиковъ прошла три стадіи: 1) состояніе оригинальнаго документа (λογια Матѳея, λεχθέντα ἤ πραχθέντα Марка),—первыя, нынѣ не существующія редакціи; 2) состояніе простой смѣси, гдѣ оригинальные документы безъ всякаго предумышленія сливались въ одно цѣлое, при чемъ нигдѣ нельзя подмѣтить никакихъ личныхъ взглядовъ авторовъ (Евангелія Матѳея и Марка въ ихъ нынѣшнемъ видѣ); и 3) состояніе комбинированія, обдуманнаго и намѣреннаго редактированія, въ которыхъ ощущаются усилія примирить между собой различныя версіи (Евангеліе Луки, евангелія Марсіона, Татіена и пр.). Евангеліе отъ Іоанна, какъ уже было сказано, представляетъ собой твореніе совсѣмъ другого порядка и стоитъ совершенно особнякомъ.

Можно замѣтить, что я совсѣмъ не пользовался апокрифическими евангеліями. Эти сочиненія ни въ какомъ отношеніи не могутъ быть поставлены въ уровень съ каноническими Евангеліями. Это плоскія и ребяческія разглагольствованія; большею частью въ основѣ ихъ лежатъ каноническія Евангелія и къ нимъ они не прибавляютъ никогда ничего цѣннаго. Напротивъ, я съ большимъ вниманіемъ занимался собираніемъ отрывковъ, сохранившихся у Отцовъ Церкви, старинныхъ евангелій, существовавшихъ нѣкогда параллельно съ каноническими и нынѣ затерянныхъ, каковы евангелія отъ Іудеевъ, евангеліе отъ Египтянъ, евангелія Іустина, Марсіона, Татіена [1]). Два первыя особенно важны, потому что они редактированы на арамейскомъ языкѣ, какъ Logia Матѳея, потому что они, повидимому,

---

[1]) Дальнѣйшія подробности см. у Мишеля Николя, Études sur les Évangiles apocryphes (Paris, Lévy, 1866).

представляютъ собой варіантъ Евангелія, приписываемый этому же апостолу, и потому что они служили евангеліемъ у *евіонитовъ*, т. е. у тѣхъ мелкихъ христіанскихъ общинъ Виѳаніи, которыя сохранили употребленіе сирійско-халдейскаго языка и которыя, повидимому, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ продолжали родъ Іисуса. Но слѣдуетъ сознаться, что въ томъ видѣ, въ какомъ они дошли до насъ, эти евангелія въ смыслѣ авторитетности уступаютъ редакціи Евангелія отъ Матѳея, которое мы имѣемъ.

Теперь, я полагаю, станетъ ясно, какую именно историческую цѣну я придаю Евангеліямъ. Это не біографіи въ родѣ Светонія, и не легендарные вымыслы въ родѣ Филострата; это легендарныя біографіи. Я охотно сопоставилъ бы ихъ съ легендами святыхъ, съ жизнеописаніями Плотина, Прокла, Исидора, и другими твореніями этого же рода, въ которыхъ историческая правда и стремленіе дать образцы добродѣтелей комбинируются въ различныхъ пропорціяхъ. Въ нихъ особенно чувствуется неточность, составляющая одну изъ основныхъ чертъ всякаго народнаго творчества. Представимъ себѣ, что лѣтъ пятнадцать—двадцать тому назадъ, три или четыре старыхъ солдата Имперіи взялись бы каждый по своему написать жизнь Наполеона по своимъ воспоминаніямъ. Ясно, что въ ихъ повѣствованіяхъ оказались бы многочисленныя ошибки, сильныя противорѣчія. Одинъ изъ нихъ поставилъ бы Ваграмъ раньше Маренго; другой, не колеблясь, описалъ бы, какъ Наполеонъ изгналъ изъ Тюльери правительство Робеспьера; третій пропустилъ бы экспедиціи самой высокой важности. Но, конечно, изъ такихъ наивныхъ разсказовъ въ результатѣ получилась бы одна въ высокой степени правдивая вещь, это характеръ героя, то впечатлѣніе, которое онъ производилъ на окружающихъ. И въ этомъ смыслѣ подобныя народныя исторіи имѣли бы больше значенія, нежели претенціозная оффиціальная исторія. Тоже самое можно сказать объ Евангеліяхъ. Обративъ все свое вниманіе исключительно на то, чтобы выставить превосходство своего учителя, его чудеса, его проповѣди, евангелисты обнаруживаютъ полнѣйшее равнодушіе ко всему, что не относится къ самому духу ученія Іисуса. Разнорѣчію относительно времени мѣста, лицъ, они не придавали никакого значенія; ибо насколько, каждому слову Іисуса они приписывали высшую степень вдохновленія, настолько же они были далеки отъ признанія подобнаго вдохновленія у редакторовъ. Эти послѣдніе и сами смотрѣли на себя лишь какъ на простыхъ

переписчиковъ и заботились только объ одномъ: не пропустить ничего, что имъ было извѣстно [1]).

Безспорно, что къ такимъ воспоминаніямъ должны были примѣшиваться отчасти предвзятыя идеи. Многіе разсказы, у Луки въ особенности, вымышлены, чтобы рѣзче выдѣлить извѣстныя черты физіономіи Іисуса. Самый его обликъ ежедневно претерпѣвалъ измѣненія. Іисусъ былъ бы единственнымъ въ своемъ родѣ явленіемъ въ исторіи, если бы при той роли, которую онъ игралъ, онъ не преобразился бы въ самое короткое время. Легенда Александра возникла прежде чѣмъ пресѣклось поколѣніе его полководцевъ, товарищей по оружію; легенда св. Франциска Ассизскаго возникла еще при его жизни. Быстрая метаморфоза сама собой произошла въ теченіе двадцати или тридцати лѣтъ, послѣдовавшихъ за смертью Іисуса, и внесла въ его біографію всѣ признаки идеализированной легенды. Смерть дѣлаетъ еще совершеннѣе самаго совершеннаго человѣка; она уничтожаетъ всѣ его недостатки въ глазахъ тѣхъ, кто его любилъ. Сверхъ того одновременно съ желаніемъ изобразить его, хотѣли и возвеличить его. Много анекдотовъ было придумано, только чтобы доказать, что въ немъ осуществились пророчества, которыя считались мессіанскими. Но не отрицая важнаго значенія этого пріема, не все имъ можно объяснить. Ни одно изъ іудейскихъ сочиненій той эпохи не даетъ серіи точно формулированныхъ пророчествъ, которыя предстояло осуществить Мессіи. Многія изъ мессіанскихъ ссылокъ, открытыхъ евангелистами, такъ недоказательны, извращены, что нѣтъ основанія думать, чтобы все это соотвѣтствовало общепринятому ученію. То разсуждали такимъ образомъ: „Мессія долженъ совершить такое то дѣло; такъ какъ Іисусъ есть Мессія, то Іисусъ, слѣдовательно, и совершилъ это дѣло". Или наоборотъ: „Съ Іисусомъ произошло то-то; такъ какъ Іисусъ есть Мессія, то это же должно было произойти съ Мессіей" [2]). Слишкомъ простыя объясненія всегда бываютъ невѣрны, если рѣчь идетъ объ анализѣ основъ тѣхъ глубокихъ созданій народнаго чувства, которыя ставятъ въ тупикъ всѣ системы своимъ богатствомъ и безконечнымъ разнообразіемъ.

Едва ли существуетъ необходимость упоминать о томъ, что, пользуясь

---

[1]) См., цитированное выше мѣсто у Папія.

[2]) См., напримѣръ, Іоанна, XIX, 23—24.

подобными документами и желая брать изъ нихъ только несомнѣнно установленные факты, приходится ограничиваться общимъ очеркомъ. Почти во всѣхъ исторіяхъ древности, даже и въ тѣхъ, которыя гораздо менѣе легендарны, нежели эта, подробности даютъ поводъ для безконечныхъ сомнѣній. Если передъ нами два разсказа объ одномъ и томъ же фактѣ, то весьма рѣдко бываетъ, чтобы они оба совпадали. Но при наличности одного лишь разсказа тѣмъ болѣе причинъ для затрудненій. Можно утверждать, что изъ числа анекдотовъ, изреченій, знаменитыхъ рѣчей, передаваемыхъ историками, нѣтъ ни одного строго достовѣрнаго. Развѣ существовали стенографы для записи этихъ крылатыхъ словъ? Развѣ былъ всегда наготовѣ лѣтописецъ, который бы записывалъ жесты, пріемы, чувства историческихъ лицъ? Сколько бы мы ни старались выяснить истину на счетъ того, какъ именно произошелъ тотъ или другой современный фактъ, мы этого не достигнемъ. Два разсказа свидѣтелей очевидцевъ объ одномъ и томъ же событіи существенно разнятся одинъ отъ другого. Слѣдуетъ ли поэтому отказываться отъ всякихъ красокъ въ повѣствованіи и ограничиваться изложеніемъ однихъ установленныхъ фактовъ? Это значило бы уничтожать исторію. Разумѣется, я увѣренъ, что за исключеніемъ нѣкоторыхъ краткихъ афоризмовъ, особенно запечатлѣвшихся въ памяти, ни одно изъ изреченій, передаваемыхъ Матѳеемъ, не можетъ считаться буквальнымъ; такимъ качествомъ едва могутъ похвалиться наши стенографическіе отчеты. Я охотно признаю, что превосходный разсказъ о Страстяхъ во многихъ отношеніяхъ только приблизительно вѣренъ. Но, однако, возможно ли составить исторію Іисуса, выпустивъ изъ нея эти проповѣди, благодаря которымъ физіономія его бесѣдъ передана намъ съ такой живостью, и ограничиться въ ней, подобно Іосифу и Тациту, однимъ сообщеніемъ, что „онъ былъ преданъ смертной казни по распоряженію Пилата, подстрекаемаго первосвященниками“? По-моему, это было бы еще бо́льшей неточностью, нежели та, которою мы рискуемъ, допуская подробности, почерпнутыя нами изъ текстовъ. Подробности эти не буквально вѣрны, но въ нихъ заключается высшая правда; онѣ болѣе истинны, нежели голая истина, въ томъ смыслѣ, что онѣ представляютъ собой истину, которая получила выразительный, краснорѣчивый характеръ, которая возведена на высоту идеи.

Я прошу тѣхъ читателей, которые найдутъ, что я далъ преувеличенную

вѣру повѣствованіямъ, большей частью легендарнымъ, принять въ расчетъ высказанное здѣсь мною соображеніе. Къ чему сведется жизнь Александра, если мы ограничимся лишь фактами, точно извѣстными о ней? Даже традиціи, невѣрныя въ извѣстной своей части, заключаютъ въ себѣ долю истины, которою исторія не можетъ пренебрегать. Никто не упрекалъ Шпренгера за то, что, составляя жизнеописаніе Магомета, онъ слишкомъ считался съ *Хадиѳомъ* или устными преданіями о пророкѣ, и нерѣдко приписывалъ своему герою буквальныя выраженія, извѣстныя лишь изъ этого источника. Между тѣмъ, преданія о Магометѣ въ историческомъ отношеніи ничуть не выше изреченій и повѣствованій, составляющихъ Евангелія. Они были написаны въ промежутокъ времени отъ 50 до 140 года геджиры. Составляя исторію іудейскихъ школъ въ эпохи, предшествовавшую и непосредственно слѣдовавшую за возникновеніемъ христіанства, никто не затруднится приписать Гиллелю, Шаммаи, Гамаліилу принципы, которые имъ приписываютъ *Мишна* и *Гемара*, несмотря на то, что эти обширныя компиляціи были редактированы много сотъ лѣтъ спустя послѣ этихъ учителей.

Что же касается тѣхъ читателей, которые, наоборотъ, думаютъ, что исторія заключается въ воспроизведеніи безъ всякихъ толкованій дошедшихъ до насъ документовъ, я прошу ихъ замѣтить, что въ данномъ случаѣ это не позволительно. Четыре главные документа явно противорѣчатъ другъ другу; сверхъ того иногда ихъ исправляетъ Іосифъ. Приходится выбирать. Если мы утверждаемъ, что извѣстное событіе не могло произойти въ одно и то же время двоякимъ способомъ, или способомъ невозможнымъ, то это не значитъ, что мы вносимъ въ исторію апріорную философію. Если историкъ обладаетъ многими различными варіантами одного и того же факта, если легковѣріе прилѣпило ко всѣмъ этимъ варіантамъ баснословныя подробности, то изъ этого онъ не долженъ заключать, что самый фактъ ложенъ; въ подобномъ случаѣ онъ долженъ быть осторожнымъ, обсуждать ...... прибѣгать къ наведенію. Есть категорія разсказовъ, по отношенію ...рымъ соблюденіе этого принципа особенно необходимо; это разсказы ...хъестественномъ. Если мы стараемся объяснить такіе разсказы, или ... ихъ къ легендамъ, это не значитъ, что мы искажаемъ факты во ...еоріи; это значитъ исходить именно изъ наблюденія фактовъ. Ни одно

изъ чудесъ, которыми переполнены старыя исторіи, не происходило въ научной обстановкѣ. Ни разу еще не измѣнявшій намъ опытъ, учитъ насъ, что чудеса происходятъ только въ эпохи и странахъ, гдѣ въ нихъ вѣрятъ, при людяхъ склонныхъ въ нихъ вѣрить. Никогда ни одного чуда не происходило въ собраніи людей, умственно способныхъ констатировать чудесный характеръ факта. Но ни люди изъ народа, ни вообще публика въ этомъ не компетентны. Для этого требуются большія предосторожности и долговременная привычка къ научнымъ изслѣдованіямъ. Развѣ мы не видѣли въ наши дни, какъ публика становилась жертвой грубыхъ фокусовъ или ребяческихъ иллюзій? Чудесные факты, засвидѣтельствованные цѣлымъ населеніемъ небольшихъ городовъ, благодаря строгому слѣдствію, оказывались уголовнымъ преступленіемъ [1]). Но такъ какъ доказано, что ни какое чудо въ наше время не выдерживаетъ серьезнаго разслѣдованія, то не остается ли заключить, что, вѣроятно, и чудеса прошлыхъ временъ, происходившія на глазахъ толпы, точно также оказались бы иллюзіей, если бы возможно было подробно разобрать ихъ.

Слѣдовательно, мы изгоняемъ чудо изъ исторіи не во имя той или другой философіи, а во имя постояннаго опыта. Мы не говоримъ, что „чудо невозможно“; мы говоримъ, что „до сихъ поръ не было констатировано ни одного чуда“. Что мы сдѣлаемъ, если завтра выступитъ чудотворецъ, съ гарантіями достаточно серіозными для того, чтобы имъ заняться, и, предположимъ, заявитъ, что онъ можетъ воскресить мертваго? Мы составимъ комиссію изъ физіологовъ, физиковъ, химиковъ, изъ людей опытныхъ въ исторической критикѣ. Эта комиссія выберетъ трупъ, убѣдится въ томъ, что онъ дѣйствительно мертвъ, назначитъ залъ, гдѣ будетъ произведенъ опытъ, установитъ всѣ необходимыя предосторожности, чтобы не оставалось никакихъ сомнѣній. Если при такихъ условіяхъ произойдетъ воскресеніе, то будетъ установлена вѣроятность его, почти равная несомнѣнности. Но такъ какъ необходимое свойство опыта заключается въ томъ, что онъ можетъ быть повторяемъ, такъ какъ мы должны имѣть возможность повторить то, что нами разъ сдѣлано, и такъ какъ въ понятіе о чудѣ не входитъ вопросъ о томъ, что трудно и что легко, то чудотворца пригласятъ повто-

---

[1]) См. Gazette des Tribunaux, 10 сент. и 11 ноября 1851, 28 мая 1857.

счета. Но масса націи этимъ, конечно, не могла довольствоваться. Одни, раздѣляя принципъ философскаго безсмертія, представляли себѣ, что праведники живутъ въ памяти Бога, вѣчно прославляются въ воспоминаніяхъ людей и произносятъ судъ надъ тѣми, кто ихъ преслѣдовалъ [1]). „Они живутъ передъ очами Бога;... Они вѣдомы Богу [2])“—вотъ въ чемъ заключается ихъ награда. Другіе, въ особенности фарисеи, прибѣгали къ догмату о воскресеніи [3]). Праведники воскреснутъ, чтобы принять участіе въ мессіанскомъ царствѣ. Они воскреснутъ во плоти, на глазахъ міра, въ которомъ они будутъ царями и судьями; они увидятъ торжество своихъ идей и униженіе своихъ враговъ.

У древняго израильскаго народа встрѣчаются лишь неясные слѣды этого основного догмата. Въ сущности саддукей, который не исповѣдывалъ его, былъ вѣренъ древнему іудейскому ученію; новаторомъ являлся фарисей, исповѣдывавшій воскресеніе изъ мертвыхъ. Но въ религіи обновленіе идетъ всегда отъ болѣе пылкой партіи; она движется, она и пользуется плодами движенія. Воскресеніе изъ мертвыхъ, идея совершенно отличная отъ безсмертія души, кромѣ того вполнѣ естественно вытекала изъ предшествующихъ доктринъ и изъ условій народа. Быть можетъ и Персія дала этому ученію кое какіе элементы [4]). Во всякомъ случаѣ, комбинируясь съ

---

[1]) Премудрость, гл. II—VI; VIII, 13; *Пиркэ Аботъ*, IV, 16; De rationis imperio, соч., приписываемое Іосифу, 8, 13, 16, 18. Слѣдуетъ еще замѣтить, что авторъ этого послѣдняго трактата ставитъ на второй планъ по его важности мотивъ личнаго возмездія. Главнымъ двигателемъ у мучениковъ является любовь къ Закону, выгоды, которыя ихъ смерть доставитъ народу, и слава, которая покроетъ ихъ имена. Ср. Премудрость, IV, 1 и слѣд.; Екклесіастъ, гл. XLIV и слѣд.; Іос., В. І., II, VIII, 10; III, VIII, 5.

[2]) Премудрость, IV, 1; De rat. imp., 16, 18.

[3]) 2 книга Маккав., VII, 9, 14; XII, 43—44.

[4]) Өеопомпъ, въ Diog. Laert., procem., 9.—*Бундехетъ*, гл. XXXI, Слѣды догмата воскресенія изъ мертвыхъ въ Авестѣ весьма сомнительнаго характера.

вѣрованіемъ въ Мессію и съ ученіемъ будущаго всеобщаго обновленія, догматъ воскресенія изъ мертвыхъ послужилъ основой для апокалипсическихъ теорій. Эти послѣднія, не будучи символами вѣры (правовѣрный іерусалимскій синедріонъ, повидимому, ихъ не признавалъ), всюду овладѣвали умами и вызывали во всемъ іудейскомъ мірѣ, изъ конца въ конецъ, чрезвычайное броженіе. Полное отсутствіе догматической строгости было причиной того, что въ одно и то же время допускались довольно противорѣчивыя мнѣнія, даже на счетъ основного пункта. То праведнику приходилось ожидать общаго воскресенія изъ мертвыхъ [1]), то тотчасъ послѣ смерти ангелы относятъ его на лоно Авраама [2]). То проповѣдуется общее воскресеніе [3]), то оно оказывается удѣломъ однихъ праведниковъ [4]). То предполагается при этомъ обновленная земля и новый Іерусалимъ, то требуется предварительно уничтоженіе вселенной.

Лишь только Іисусъ началъ мыслить, какъ тотчасъ же его охватила жгучая атмосфера, созданная въ Палестинѣ идеями, которыя я здѣсь изложилъ. Эти идеи не преподавались ни въ одной школѣ, но онѣ носились въ воздухѣ и вскорѣ душа юнаго реформатора проникласъ ими. Наши колебанія, наши сомнѣнія никогда въ немъ не пробуждались. Конечно, Іисусъ двадцать разъ сиживалъ безъ всякихъ сомнѣній на этой вершинѣ назаретской горы, гдѣ ни одинъ современный человѣкъ не усидитъ, не будучи охваченъ чувствомъ безпокойства по поводу своего предназначенія, быть можетъ и суетнаго. Лишенный чувства эгоизма, этого источника нашихъ печалей, побуждающаго насъ настойчиво отъискивать для добродѣтели загробные интересы, Іисусъ думалъ только о своемъ дѣлѣ, о своемъ народѣ, о человѣчествѣ.

---

1) Іоанна, XI, 24.
2) Луки, XVI, 22. Ср. De rationis imp., 13, 16, 18
3) Даніила, XII, 2.
4) Вторая книга Маккав., VII, 14.

Эти горы, море, лазурное небо, эти высокія равнины на горизонтѣ, для него были не меланхолическимъ видѣніемъ души, вопрошающей природу о своей судьбѣ, но опредѣленнымъ символомъ, просвѣчивающей тѣнью невидимаго міра и новаго неба.

Онъ никогда не придавалъ большого значенія политическимъ событіямъ своего времени, а быть можетъ былъ о нихъ и плохо освѣдомленъ. Династія Иродовъ жила въ мірѣ на столько для него чуждомъ, что безъ сомнѣнія онъ зналъ о ней лишь по наслышкѣ. Иродъ Великій умеръ въ самый годъ его рожденія, оставивъ по себѣ неизгладимыя воспоминанія, монументы, которые предназначались для того чтобы принудить даже самое неблагосклонное къ нему потомство поставить его имя рядомъ съ Соломономъ, и которые тѣмъ не менѣе остались незаконченными, такъ какъ ихъ невозможно было окончить. Этотъ тщеславный свѣтскій человѣкъ, запутавшійся въ лабиринтѣ религіозныхъ распрей, лукавый Идумеянинъ, обладалъ всѣми преимуществами, какія даетъ человѣку среди страстныхъ фанатиковъ полное хладнокровіе и разумъ, при полной безнравственности. Но его мысль о свѣтскомъ царствѣ Израиля, если бы даже она не была анахронизмомъ при томъ состояніи міра, при которомъ онъ ее задумалъ, несомнѣнно потерпѣла бы крушеніе, какъ и аналогичный проектъ Соломона, въ виду препятствій со стороны самаго характера націи. Три его сына были не болѣе, какъ римскими намѣстниками, подобными индійскимъ раджамъ подъ англійскимъ владычествомъ. Антипатръ или Антипа, тетрархъ Галилеи и Переи, подданнымъ котораго и былъ Іисусъ во всю свою жизнь, былъ ничтожествомъ и лѣнивцемъ [1]), любимцемъ и поклонникомъ Тиверія [2]), слишкомъ часто подпадавшимъ подъ дурное вліяніе своей второй

---

[1]) Іосифъ, Ant., XIVII, V, 1; VII, 1 и 2; Луки, III, 19.
[2]) Іосифъ, Ant., XVIII, III, 3; IV, 5; V. I.

жены Иродіады [1]). Филиппъ, тетрархъ Гавлонитиды и Васана, во владѣніяхъ котораго Іисусъ часто странствовалъ, былъ гораздо лучшимъ правителемъ [2]). Что касается Архелая, этнарха Іерусалима, то Іисусъ не могъ его знать. Ему было около 10 лѣтъ, когда Августъ смѣстилъ [3]) этого слабаго и безхарактернаго, а иногда свирѣпаго человѣка. Такимъ образомъ для Іерусалима исчезли послѣдніе признаки независимаго правительства. Іудея была присоединена къ Самаріи и Идумеѣ и образовала нѣчто въ родѣ придатка къ провинціи Сиріи, въ которой императорскимъ легатомъ былъ сенаторъ Публій Сульпицій Квириній, весьма извѣстный консуларій [4]). Цѣлая серія римскихъ прокураторовъ, подчиненныхъ въ болѣе важныхъ вопросахъ императорскому легату Сиріи, Копоній, Маркъ Амбивій, Анній Руфъ, Валерій Гратъ, и наконецъ (съ 26 г. нашей эры), Понтій Пилатъ, слѣдовали одинъ за другимъ [5]), причемъ всѣ они неустанно были заняты тушеніемъ вулкана, который производилъ изверженія подъ ихъ ногами.

Дѣйствительно, безпрерывныя возстанія, возбуждаемыя ревнителями моисеева закона, все это время не переставая потрясали Іерусалимъ [6]). Мятежники были обречены на неизбѣжную смерть, но когда дѣло касалось незыблемости Закона, смерть представлялась желанной. Фанатики, дошедшіе до той степени экзальтаціи, при которой жизнь теряетъ всякую цѣнность, дѣлали непрерывныя попытки сбросить рим-

---

1) Іосифъ, Ant. XVIII, VII, 1.

2) Тамъ-же, XVIII, IV, 6.

3) Тамъ-же, XVII, XII, 2 и B. I., II, 3.

4) Орелли, Inscr. lat., n° 3693; Генценъ, Suppl., n° 7041; Fasti proenesti 9 марта и 28 апр. (въ Corpus inscr. lat., I, 314, 317).; Боргези, Fast consulaires (еще неизд.) въ 742 г.; Моммсенъ, Res gestae divi Augu 111 и слѣд. Ср. Тацитъ, Ann., II, 30; III, 48; Страбонъ, XII, VI, 5.

кн. XVIII.

:н. XVII и XVIII, и B. I., кн. I и II.

скихъ орловъ, разрушить произведенія искусства, воздвигнутыя Иродомъ, и не всегда согласовавшіяся съ правилами моисеева закона [1]), взбунтоваться по поводу выставляемыхъ прокураторами щитовъ съ гербами, надписи на которыхъ представлялись идолопоклонническими [2]). Такимъ образомъ Іуда, сынъ Сарифея, Матвей, сынъ Маргалота, два довольно извѣстныхъ учителя Закона, составили партію, смѣло возстававшую противъ установленнаго порядка и продолжавшую это дѣло послѣ ихъ казни [3]). Самаритяне были охвачены движеніемъ такого же рода [4]). Повидимому у Закона никогда еще не было такого большого числа страстныхъ приверженцевъ, какъ въ тотъ моментъ, когда уже жилъ тотъ, кто долженъ былъ отмѣнить его всѣмъ авторитетомъ своего генія и своей великой души. „Зелоты“ (канаимъ) или „сикаріи“, благочестивые убійцы, ставившіе своей задачей убивать каждаго, кто отступитъ отъ Закона, уже начинали появляться [5]). Благодаря непреодолимой потребности того вѣка въ сверхъестественномъ и божественномъ, пользовались общимъ довѣріемъ, и представители совсѣмъ другого духа, волшебники, на которыхъ смотрѣли, какъ на божественныя существа [6]).

Гораздо болѣе вліянія на Іисуса оказало движеніе, поднятое Іудой Гавлонитомъ или Галилеяниномъ. Изъ всѣхъ мѣръ, которыя были введены въ странахъ, только что завоеванныхъ Римомъ, самой непопулярной была перепись [7]). Мѣра эта всегда удивляетъ народности, малопривыкшія къ податямъ

---

[1]) Іосифъ, Ant. XV, X, 4; B. I., I, XXXIII, 2 и слѣд. Ср. книга Еноха, XCVII, 13—14.

[2]) Филонъ, Leg. ad Caïum, § 38.

[3]) Іосифъ, Ant., XVII, VI, 2 и слѣд.; B. I., I, XXXIII, 3 и слѣд.

[4]) Іосифъ, Ant., XVIII, IV, 1 и слѣд.

[5]) Мишна, *Синедріонъ*, IX, 6; Іоанна, XVI, 2; Іос., B. I., книга IV и слѣд.; VII, VIII и слѣд.

[6]) Дѣянія, VIII, 9 и слѣд.

[7]) Discours de Claude, въ Ліонѣ, табл. II, sub fine; Де Буассье, Inscr. ant. de Lyon, стр. 136.

устанавливаемымъ центральной администраціей, и она въ особенности была ненавистна евреямъ. Извѣстно, что еще при Давидѣ перепись вызвала рѣзкія осужденія и угрозы со стороны пророковъ [1]). Дѣйствительно перепись является основой налога, налогъ же, съ точки зрѣнія чистой теократіи, самъ по себѣ почти что нечестивое дѣло. Богъ единый господинъ, котораго долженъ признавать человѣкъ, а потому уплата десятины свѣтскому правителю является до нѣкоторой степени замѣщеніемъ Бога этимъ правителемъ. Еврейская теократія, совершенно чуждая всякой идеи государственности, въ этомъ отношеніи послѣдовательно доходила до конца, до отрицанія гражданскаго общества и всякаго правительства. Деньги въ общественныхъ кассахъ считались крадеными [2]). Перепись, предписанная Квириніемъ въ 6 г. христіанской эры, пробудила эти идеи во всей ихъ силѣ и вызвала широкое броженіе. Движеніе охватило сѣверныя провинціи. Нѣкій Іуда, изъ города Гамалы на восточномъ берегу Тиверіадскаго озера, и фарисей, по имени Садокъ, создали многочисленную школу, отрицавшую законность налога и вскорѣ открыто возставшую противъ него [3]). Основныя начала этой школы гласили, что свобода выше жизни, и что никого не слѣдуетъ называть „господиномъ", такъ какъ это званіе принадлежитъ одному Богу. Іуда проповѣдывалъ много и другихъ принциповъ, о которыхъ Іосифъ умышленно умалчиваетъ, ибо онъ всегда старался какъ нибудь не скомпрометтировать своихъ единовѣрцевъ; иначе было бы не понятно, что за столь несложную идею, еврейскій историкъ отводитъ ему мѣсто среди философовъ своей націи и смотритъ на него, какъ на

---

[1]) Вторая книга Сам., XXIV.

[2]) Вавилонскій Талмудъ, *Баба кама*, 113, а; *Шаббатъ*, 33 в.

[3]) Іосифъ, Ant., XVIII, I, 1 и 6; XX, V, 2; B. I., II, VIII, 1; VII, VIII, 1; Дѣяпія, V, 37. Въ Дѣяніяхъ другой агитаторъ, Ѳевда, относится къ времени до Іуды Гавлонита, но это очевидно анахронизмъ: движеніе Ѳевды происходило въ 44 г. христіанской эры (Іосифъ, Ant., XX, V, 4).

основателя четвертой школы, параллельной фарисеямъ, саддукеямъ и ессеямъ. Очевидно Іуда былъ главой галилейской секты, исповѣдывавшей мессіанство, и въ заключеніе примкнувшей къ политическому движенію. Прокураторъ Копоній подавилъ возстаніе Гавлонита, но школа его осталась и сохранила своихъ вождей. Мы встрѣчаемъ ее снова чрезвычайно дѣятельной въ эпоху послѣдней борьбы іудеевъ съ римлянами [1]), подъ предводительствомъ Менахема, сына ея основателя, и Елеазара, его родственника. Іисусъ быть можетъ видѣлся съ Іудой, который понималъ іудейскую революцію столь отлично отъ него; во всякомъ случаѣ онъ былъ знакомъ съ его школой и, быть можетъ, именно какъ бы въ видѣ протеста противъ его заблужденія, онъ и произнесъ свой афоризмъ относительно динарія кесаря. Мудрый Іисусъ, далекій отъ мысли о какомъ бы то ни было возстаніи, воспользовался промахомъ своего предшественника и мечталъ о другомъ царствѣ и о другомъ освобожденіи.

Галилея представляла собой нѣчто въ родѣ горнила, въ которомъ бурлили и кипѣли самые разнородные элементы [2]). Необычайное презрѣніе къ жизни, или, лучше сказать, особенное влеченіе къ смерти, было естественнымъ слѣдствіемъ этихъ броженій [3]). Опытъ не считается ни во что во время великихъ фанатическихъ движеній. Въ Алжирѣ въ первое время французской оккупаціи каждую весну появлялись вдохновенные мятежники, которые объявляли, что они неуязвимы и посланы Богомъ изгнать невѣрныхъ; на слѣдующій годъ всѣ забывали объ ихъ смерти и ихъ преемники внушали такую же вѣру въ себя. Съ одной стороны весьма суровое, а съ другой еще не очень придирчивое, римское владычество пре-

---

[1]) Іосифъ, Ant., XX, V, 2; B. I., II, XXII, 8 и слѣд.; VII, VIII и слѣд.

[2]) Луки, XIII, 1. Галилейское движеніе Іуды, сына Езекіи, повидимому не носило религіознаго характера; впрочемъ, быть можетъ, Іосифъ умышленно скрываетъ этотъ характеръ (Ant., XVII, X, 5)

[3]) Іосифъ, Ant., XVI VI. 2. 3.; XVIII. I, 1.

доставляло большую свободу. Такіе грубые завоеват как ни жестоки въ своей расправѣ, не страдаютъ подо: тельностью, подобно всякой власти, поставившей себѣ дачей соблюденіе догмата. Они позволяли все вплоть до т момента, когда вмѣшательство считалось необходимымъ. всю его скитальческую жизнь, мы не знаемъ, чтобы Іис хотя бы одинъ разъ имѣлъ дѣло съ полиціей. Благод такой свободѣ вообще и исключительному положенію лилеи въ томъ отношеніи, что она гораздо меньше терп стѣсненій отъ фарисейскаго педантизма, жизнь въ этой стности представляла серьезное преимущество передъ Іеру лимомъ. Революція, или другими словами, мессіанство вск жило здѣсь всѣмъ головы. Всѣмъ вѣрили въ предстоящее ближайшемъ будущемъ обновленіе; священное писаніе пе толковывалось въ самыхъ различныхъ смыслахъ и дав пищу самымъ колоссальнымъ упованіямъ. Въ каждой строч незатѣйливыхъ книгъ Ветхаго Завѣта усматривалось о щаніе и въ нѣкоторомъ родѣ программа будущаго царст которое должно было дать миръ праведникамъ и навѣки печатлѣть твореніе Божіе.

Во всѣ времена это раздѣленіе на двѣ партіи, проти положныя по интересамъ и идеямъ, служило для еврейс націи залогомъ силы въ области моральной. Всякій нарс призванный для высокой миссіи, долженъ представлять бой полный міръ, заключающій въ своихъ нѣдрахъ пр воположные полюсы. Въ Греціи на разстояніи нѣскольк миль находились Спарта и Аѳины, для поверхностнаго блюдателя два антипода, по существу же—сестры соперни необходимыя одна для другой. Тоже было и въ Іудеѣ. Е развитіе на Сѣверѣ, въ извѣстномъ смыслѣ, было не ст блестящимъ, какъ въ Іерусалимѣ, то въ общемъ оно б столь же плодотворнымъ; наиболѣе живыя начинанія іу скаго народа шли всегда оттуда. Полное отсутствіе чутк къ природѣ, доходившее до нѣкоторой сухости, узости, с

гости, сообщало чисто іерусалимскимъ начинаніямъ характеръ грандіозный, но въ тоже время печальный, безплодный, отталкивающій. Іерусалимъ не могъ бы завоевать человѣчество при помощи своихъ торжественныхъ учителей, безвкусныхъ канонистовъ, лицемѣрныхъ и желчныхъ ханжей. Сѣверъ далъ міру наивную Самаритянку, смиренную Хананеянку, страстную Магдалину, добраго воспитателя Іосифа, Дѣву Марію. Сѣверъ одинъ создалъ христіанство; наоборотъ Іерусалимъ—истинная родина упорствующаго іудаизма, созданнаго фарисеями, фиксированнаго Талмудомъ и дошедшаго до насъ, переживъ средніе вѣка.

Чарующая природа помогла съ своей стороны сложиться этому уму, гораздо менѣе строгому, настроенному не такъ болѣзненно монотеистически, и если можно такъ выразиться, придававшему всѣмъ мечтамъ Галилеи прелестный, идиллическій отпечатокъ. Сосѣдняя область Іерусалима представляется быть можетъ самой печальной мѣстностью въ мірѣ. Напротивъ, Галилея, вся покрытая зеленью, очень тѣнистая, очень веселая, по истинѣ страна Пѣсни пѣсней, страна пѣснопѣній Возлюбленнаго [1]). Въ теченіе марта и апрѣля это сплошной коверъ цвѣтовъ, несравненныхъ по свѣжести красокъ. Животныя здѣсь малорослыя, необычайной кротости. Легкія и быстрыя горлицы, черные дрозды, легкіе до такой степени, что даже трава подъ ними не гнется, хохлатые жаворонки, опускающіеся чуть не у самыхъ ногъ путника, ма-

[1]) Іосифъ, B. I., III, III, 2. Ужасное состояніе, въ которое нынѣ приведена эта страна, особенно близъ Тиверіадскаго озера, не должно насъ смущать. Эта выжженная мѣстность нѣкогда была земнымъ раемъ. Тиверіадскія воды, нынѣ отвратительное мѣстечко, прежде были самымъ [illegible]иснымъ уголкомъ въ Галилеѣ (Іосифъ, Ant., XVIII, III, 3). Іосифъ [illegible]ud., III, X, 8), восхваляетъ прекрасныя деревья Генисаретской рав[illegible] гдѣ теперь нѣтъ ни одного деревца. Антонинъ Мученикъ, въ [illegible]., слѣдовательно за пятьдесятъ лѣтъ до нашествія мусульманъ, [illegible]ываетъ Галилею покрытой роскошной растительностью и сравни[illegible]ъ ее по плодородію съ Египтомъ (Itin., § 5).

ленькія рѣчныя черепахи, съ кроткими блестящими глазками, аисты съ цѣломудренной и строгой осанкой, отличаются отсутствіемъ всякой пугливости и очень близко подпускаютъ къ себѣ людей, словно приманивая ихъ къ себѣ. Нигдѣ въ мірѣ горный пейзажъ не развертывается въ такой гармоничности, не вызываетъ столь возвышенныхъ думъ. Іисусъ, повидимому, особенно любилъ горы. Всѣ важнѣйшія событія его жизни происходили на горахъ: здѣсь онъ больше всего вдохновлялся [1]); здѣсь онъ велъ тайныя бесѣды съ древними пророками, здѣсь онъ явился своимъ ученикамъ послѣ того какъ преобразился [2]).

Эта прелестная мѣстность, сдѣлавшаяся въ настоящее время, благодаря необыкновенному разоренію населенія, которое причинилъ турецкій исламизмъ, до такой степени унылой и печальной, но гдѣ все, что не успѣлъ человѣкъ разрушить, дышетъ запущеніемъ, кротостью, нѣжностью, во времена Іисуса цвѣла благосостояніемъ и весельемъ. Галилеяне считались людьми энергичными, честными и трудолюбивыми [3]). За исключеніемъ Тиверіады, построенной Антипой въ честь Тиверія (около 15 г. до Р. Х.) въ римскомъ стилѣ [4]), въ Галилеѣ не было большихъ городовъ. Тѣмъ не менѣе она была густо заселена, покрыта маленькими городами и большими селеніями, повсюду отлично обработана [5]). По развалинамъ, оставшимся здѣсь отъ прежняго блеска, видно, что жители ея занимались земледѣліемъ, но не были одарены художественнымъ чутьемъ, мало заботились о роскоши, относились совершенно индифферентно къ красотѣ формъ, и исключительно отдавались идеализму. Страна изобиловала свѣжей водой и плодами; виноградники и смоковницы осѣ-

---

[1]) Матѳея, V, I; XIV, 23; Луки, VI, 12.
[2]) Матѳея, XVII, I и слѣд.; Марка, IX, I и слѣд.; Луки, IX, 28 и слѣд.
[3]) Іосифъ, B. I., III, III, 2.
[4]) Іосифъ, Ant., XVIII, II, 2; B. I., II, IX, I; Vita, 12, 13, 64
[5]) Іосифъ, B. I., III, III, 2.

няли своей тѣнью большія фермы; сады состояли изъ яблонь, орѣшника и гранатовыхъ деревьевъ [1]). Вино было превосходное, если судить по тому, которое нынѣ евреи выдѣлываютъ въ Сафедѣ, и его пили въ большомъ количествѣ [2]). Но эта жизнь въ довольствѣ и полномъ удовлетвореніи ничуть не походила на тупой матеріализмъ нашего крестьянина, на грубое веселье Нормандіи, или тяжеловѣсное веселье фламандцевъ. Жизнь эта одухотворялась эфирными мечтами, поэтическимъ мистицизмомъ, въ которомъ небо и земля сливались между собой. Пусть себѣ суровый Іоаннъ Креститель остается въ своей іудейской пустынѣ, пусть онъ тамъ проповѣдуетъ покаяніе, питаясь вмѣстѣ съ шакалами одной саранчей. Должны ли гости жениха поститься, когда женихъ съ ними? Радость будетъ дѣломъ царства Божія. Развѣ она не дочь смиренныхъ сердцемъ, благожелательныхъ людей?

Такимъ образомъ, вся исторія нарождавшагося христіанства была восхительной пасторалью. Мессія на брачномъ пирѣ, грѣшница и добродѣтельный Закхей, приглашенные къ его трапезамъ, основатели царства небеснаго въ видѣ званыхъ на брачный пиръ,—вотъ на что дерзнула Галилея, что она допускала. Греція при помощи скульптуры и поэзіи рисовала жизнь человѣческую въ видѣ чудныхъ картинъ, но въ нихъ никогда не было ни глубокой перспективы, ни далекихъ горизонтовъ. Здѣсь не было ни мрамора, ни превосходныхъ ху-

---

[1]) Это можно себѣ представить по нѣкоторымъ уголкамъ въ окрестностяхъ Назарета. Ср. Пѣснь пѣсней, II, 3, 5, 13; IV, 13; VI, 6, 10; VII, 8, 12; VIII, 2, 5; Антонинъ Мученикъ, 1. с. Общій характеръ большихъ мызъ сохранился еще довольно хорошо на югѣ Тирской провинціи (древнее племя Ашеръ). Слѣды стариннаго палестинскаго земледѣлія, съ его высѣченными въ скалѣ приспособленіями (гумна, виноградные тиски, зернохранилища, колоды, мельницы и т. п.), встрѣчаются здѣсь на каждомъ шагу.

[2]) Матѳея, IX, 17; XI, 19; Марка, II, 22; Луки, V, 37; VII, 34; Іоанна, II, 3 и слѣд.

дожниковъ, ни изящнаго, утонченнаго языка. Но зато Галилея создала въ народномъ воображенiи величайшiй изъ идеаловъ, ибо за этой идиллiей чувствуется дыханiе судьбы человѣчества, самая картина озаряется лучами солнца царства Божiя.

Въ такой чарующей обстановкѣ жилъ и выросталъ Iисусъ. Начиная съ дѣтства онъ ежегодно совершалъ путешествiе въ Iерусалимъ на праздники [1]). Паломничество для провинцiальныхъ евреевъ было особенно привлекательнымъ торжествомъ. Цѣлый рядъ псалмовъ былъ посвященъ восхваленiю такихъ путешествiй всей семьей [2]), которыя затягивались на нѣсколько дней; они совершались весной; путники отправлялись по горамъ и долинамъ и шли подъ впечатлѣнiемъ священнаго страха, внушаемаго святыми мѣстами, и радостнаго ощущенiя непосредственной близости братьевъ [3]), имѣя въ перспективѣ пышное великолѣпiе Iерусалима. Дорога, по которой Iисусъ обыкновенно слѣдовалъ въ такихъ путешествiяхъ та же, по какой ходятъ и теперь, черезъ Гинею и Сихемъ [4]). Отъ Сихема до Iерусалима она довольно трудная, но сосѣдство старинныхъ святилищъ, Силоамской купели и Виѳезды, близъ которыхъ она проходитъ, поддерживаетъ душевное напряженiе. Послѣднее мѣсто остановки [5]),—*Аинъ-ель-Гарамiэ*, прелестный, меланхолическiй уголокъ и едва ли можно съ чѣмъ-нибудь сравнить впечатлѣнiя, которыя испытываютъ здѣсь путники, располагаясь на ночлегъ. Долина очень узка и

---

[1]) Луки, II, 41.

[2]) Лука, II, 42—44.

[3]) См. въ особенности псалмы 84, 122, 133 (Vulg., 83, 121, 132).

[4]) Луки, IX, 51—53; XXII, 11; Iоанна, IV, 4; Iосифъ, Ant., XX, VI, I; B. I., II, XII, 3; Vita, 52. Однако часто паломники направлялись черезъ Перею, чтобы обойти Самарiю, гдѣ они подвергались опасности, Матѳея, XIX, I Марка, X, I.

[5]) По Iосифу (Vita, 52) путешествiе продолжалось три дня. Но переходъ отъ Сихема до Iерусалима обыкновенно полагалось дѣлать въ два прiема.

рить его чудесное дѣяніе при другихъ условіяхъ, надъ другими трупами, въ другой обстановкѣ. Если чудо будетъ каждый разъ удаваться, то будутъ доказаны двѣ вещи: во первыхъ, что въ мірѣ случаются сверхъестественные факты и, во вторыхъ, что способность совершать ихъ принадлежитъ или можетъ быть передаваема извѣстнымъ лицамъ. Но кто же не знаетъ, что при такихъ условіяхъ никогда не происходило чудесъ, что до сихъ поръ всякій разъ чудотворецъ самъ выбиралъ предметъ для опыта, обстановку, публику, что, кромѣ того, чаще всего самъ народъ, вслѣдствіе присущей ему непреодолимой потребности видѣть въ великихъ событіяхъ и въ великихъ людяхъ нѣчто божественное, создастъ легенды о чудесахъ заднимъ числомъ? Итакъ, пока состояніе нашихъ знаній не измѣнится, мы будемъ придерживаться того принципа исторической критики, что разсказъ о сверхъестественномъ не можетъ быть принятъ, какъ таковой, что онъ всегда указываетъ на легковѣріе или обманъ, что обязанность историка истолковать его и открыть, какова въ немъ доля правды и какова доля заблужденія.

Таковы правила, которымъ я слѣдовалъ при составленіи настоящаго труда. Къ чтенію текстовъ я имѣлъ возможность присоединить важный источникъ для освѣщенія фактовъ, личное посѣщеніе тѣхъ мѣстъ, гдѣ происходили событія. Научная миссія, имѣвшая задачей изслѣдованіе древней Финикіи и находившаяся въ 1860 и 1861 гг. подъ моимъ руководствомъ, дала мнѣ случай поселиться на границахъ Галилеи и часто по ней путешествовать. Я изъѣздилъ всю евангельскую область вдоль и поперекъ; побывалъ въ Іерусалимѣ, на Хевронѣ, въ Самаріи; я не пропустилъ ни одной мѣстности, сколько нибудь имѣвшей значеніе для исторіи Іисуса. Такимъ образомъ вся эта исторія, которая на пространствѣ вѣковъ какъ бы виситъ въ облакахъ невещественнаго міра, получила въ моихъ глазахъ плоть, такую реальность, что это меня изумило. Поразительная согласованность текстовъ съ мѣстностью, чудесная гармонія евангельскаго идеала съ пейзажемъ, послужившимъ для него рамкой, были для меня истиннымъ откровеніемъ. У меня передъ глазами явилось пятое евангеліе, отрывочное, но все же доступное для чтенія, и съ той поры, сквозь повѣствованія Матѳея и Марка, мнѣ представлялось уже не отвлеченное существо, о которомъ можно сказать, что такого никогда не было на свѣтѣ, а дивный образъ

человѣка, который живетъ, движется. Лѣтомъ, будучи вынужденъ переселиться въ Газиръ, въ Ливанскихъ горахъ, чтобы немного отдохнуть, я бѣглыми чертами запечатлѣлъ образъ, который предсталъ передо мной, и результатомъ этого явился настоящій мой трудъ. Когда жестокое испытаніе ускорило мой отъѣздъ отсюда, мнѣ оставалось лишь проредактировать нѣсколько страницъ. Такимъ образомъ, эта книга была написана очень близко отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ родился и жилъ Іисусъ. Со времени моего возвращенія оттуда [1]) я безпрестанно пополнялъ и провѣрялъ въ подробностяхъ тотъ набросокъ, который спѣшно писалъ въ маронитской хижинѣ, имѣя при себѣ лишь пять-шесть книгъ для справокъ.

Быть можетъ многіе пожалѣютъ о томъ, что мой трудъ принялъ такимъ образомъ характеръ біографіи. Когда я задумалъ въ первый разъ исторію началъ христіанства, я дѣйствительно хотѣлъ написать исторію ученій, въ которой людямъ не было бы отведено почти никакого мѣста; Іисусъ былъ бы едва лишь упомянутъ въ ней; задачей такой исторіи было бы главнымъ образомъ показать, какимъ образомъ идеи, созданныя его именемъ, зародились и потомъ распространились по всему свѣту. Но впослѣдствіи я понялъ, что исторія состоитъ не изъ однихъ отвлеченій, что люди въ ней имѣютъ больше значенія, нежели доктрины. Реформація совершена не извѣстной теоріей объ оправданіи и искупленіи, а Лютеромъ, Кальвиномъ. Парсизмъ, эллинизмъ, іудаизмъ могли бы комбинироваться подъ всѣми возможными формами, ученія о воскресеніи изъ мертвыхъ и о „Словѣ" могли бы развиваться вѣками, не создавъ того плодотворнаго, единственнаго, грандіознаго явленія, которое носитъ названіе христіанства. Это явленіе дѣло рукъ Іисуса, св. Павла, апостоловъ. Написать исторію Іисуса, св. Павла, апостоловъ это и значитъ написать исторію началъ христіанства. Предшествовавшія религіозныя движенія относятся къ нашей темѣ лишь поскольку они служатъ для объясненія личности этихъ необыкновенныхъ людей, которые, конечно, не могли не имѣть связи съ тѣмъ, что имъ предшествовало.

Въ этомъ усиліи оживить великія души прошлаго позволительно допустить извѣстную долю прорицаній и предположеній. Жизнь великаго чело-

---

[1]) Я возвратился изъ этого путешествія въ октябрѣ 1861 г. Первое изданіе „Жизнь Іисуса" появилось въ іюнѣ 1863 г.

вѣка представляетъ собой органическое цѣлое, которое нельзя изобразить простымъ подборомъ мелкихъ фактовъ. Необходимо, чтобы глубокое чувство охватывало и объединяло всю ихъ совокупность. Въ такомъ дѣлѣ хорошимъ руководителемъ является художественное чутье; здѣсь было бы надъ чѣмъ поработать такому выдающемуся художнику, какъ Гете. Существеннымъ условіемъ художественнаго произведенія является созданіе жизненнаго цѣлаго, въ которомъ всѣ части соотвѣтствуютъ другъ другу и подчинены одна другой. Въ исторіяхъ, въ родѣ настоящей, важнымъ признакомъ приближенія къ истинѣ можно признать такое комбинированіе текстовъ, при которомъ составилось бы вполнѣ логичное и правдоподобное повѣствованіе и не слышно было бы ни одной фальши. На каждомъ шагу надо сообразоваться съ внутренними законами жизни, съ ходомъ органическихъ процессовъ, съ законами свѣта и тѣней; ибо здѣсь рѣчь идетъ не объ установленіи фактическихъ обстоятельствъ, которыя невозможно провѣрить, а о томъ, чтобы открыть самую душу исторіи; надо изслѣдовать не маловѣроятность мелочей, а правильность общаго чувства, правдивость красокъ. Всякая черта, не соотвѣтствующая правиламъ классическаго повѣствованія, есть уже предостереженіе въ этомъ отношеніи, ибо фактъ, который является предметомъ разсказа, соотвѣтствовалъ природѣ вещей, былъ, слѣдовательно, натураленъ, гармониченъ. Если автору не удается дать ему такой характеръ, то это безспорный признакъ того, что фактъ не достаточно выясненъ. Предположимъ, что художникъ, взявшись реставрировать Минерву Фидія по старымъ описаніямъ, создалъ бы нѣчто сухое, нескладное, неестественное; что слѣдовало бы заключить изъ этого? Только одно: что тексты нуждаются въ освѣщеніи ихъ художественнымъ вкусомъ, что надъ ними нужно осторожно поработать для того, чтобы они сблизились и составили цѣлое, въ которомъ всѣ данныя пришли бы въ счастливое сочетаніе. Но можно ли быть увѣреннымъ, что въ такомъ случаѣ получится точка въ точку греческая статуя? Нѣтъ; но, по крайней мѣрѣ, это будетъ уже не каррика-
олучится общій духъ художественнаго произведенія, одна изъ тѣхъ
въ которой оно могло существовать.

постоянное ощущеніе передъ собой живого организма я, не коле-
взялъ своей руководящей нитью въ общемъ расположеніи повѣство-
Достаточно прочитать Евангелія, чтобы убѣдиться въ томъ, что ре-

дакторы ихъ, имѣя въ душѣ очень вѣрный планъ жизнеописанія Іисуса, не руководствовались достаточно точными хронологическими данными; кромѣ того, и Папій особенно отмѣчаетъ это и подтверждаетъ свое мнѣніе свидѣтельствомъ, повидимому, почерпнутымъ у самого апостола Іоанна [1]). Выраженія: „во время оно", „послѣ того"..., „тогда"..., „и бысть, что"..., и пр. означаютъ лишь простые переходы, предназначенные для связи между различными эпизодами. Оставить всѣ указанія, даваемыя Евангеліями, въ томъ безпорядкѣ, въ какомъ они переданы намъ преданіемъ, не значило бы написать исторію Іисуса, совершенно также, какъ нельзя было бы въ біографіи какого нибудь знаменитаго лица смѣшать въ одну пеструю кучу письма и анекдоты, относящіеся къ его молодости, старости, зрѣлому возрасту. Коранъ, представляющій также въ самомъ спутанномъ видѣ обрывки изъ различныхъ эпохъ жизни Магомета, открылъ свой секретъ геніальному критику; нынѣ почти совершенно точно установленъ тотъ хронологическій порядокъ, въ которомъ были написаны всѣ эти отдѣльныя части. Такая разработка Евангелія представляется дѣломъ гораздо болѣе труднымъ, такъ какъ жизнь Іисуса была менѣе продолжительна и въ ней было меньше внѣшнихъ событій, нежели въ жизни основателя ислама. Тѣмъ не менѣе попытку найти нить, чтобы при ея помощи выйти изъ этого лабиринта, нельзя было бы назвать безплоднымъ кропотливымъ трудомъ. Мы не слишкомъ злоупотребимъ правомъ создавать гипотезы, если предположимъ, что основатель религіи начинаетъ съ того, что опирается на моральные афоризмы, которые уже циркулируютъ въ его эпоху, и на пріемы, которые въ его время общеупотребительны. Достигнувъ извѣстной зрѣлости и вполнѣ овладѣвъ своей идеей, онъ находитъ удовлетвореніе въ особомъ родѣ спокойнаго, поэтическаго краснорѣчія, уклоняющагося отъ всякихъ словопреній, кроткаго и свободнаго, какъ чистое чувство. Постепенно онъ экзальтируется, приходитъ въ возбужденіе, встрѣчая оппозицію, и кончаетъ полемикой и рѣзкимъ осужденіемъ. Таковы періоды, которые можно ясно различить въ Коранѣ. Порядокъ, принятый съ необычайно тонкимъ тактомъ синоптиками, предполагаетъ аналогичный ходъ. Прочитайте внимательно Матѳея и въ распредѣленіи поученій вы увидите градацію довольно сходную съ той,

---

[1]) У Евсевія, Hist. eccl., III, 39.

торую мы указали выше. Сверхъ того, обратите вниманіе на сдержанность въ оборотахъ рѣчи, которыми мы пользуемся, когда дѣло касается изложенія прогресса идей Іисуса. Читатель можетъ, если онъ это предпочитаетъ, усматривать въ подраздѣленіяхъ, принятыхъ въ этомъ отношеніи, лишь перерывы, неизбѣжные при методическомъ изложеніи глубокой и сложной мысли.

Наконецъ, если любовь къ предмету можетъ помочь его уразумѣнію, то, надѣюсь, читатель признаетъ, что въ такомъ именно отношеніи къ дѣлу у меня не было недостатка. Для того, чтобы написать исторію религіи, необходимо, во первыхъ, исповѣдывать ее въ прошломъ (безъ этого нельзя понять, чѣмъ она прельстила и удовлетворила человѣческое сознаніе) и, во вторыхъ, потерять абсолютную вѣру въ нее, ибо абсолютная вѣра не вяжется съ правдивой исторіей. Но любовь возможна безъ вѣры. Для того, чтобы не быть привязаннымъ ни къ одной изъ формъ, вызывающихъ обожаніе людей, нѣтъ надобности отказываться отъ того, что въ нихъ есть добраго и прекраснаго. Никакое преходящее явленіе не исчерпываетъ божества; Богъ открывался людямъ до Іисуса, — будетъ открываться имъ и послѣ него. Проявленія Бога, скрытаго на днѣ человѣческаго сознанія, всѣ одного и того же порядка, хотя они бываютъ существенно различны между собой, и при этомъ носятъ тѣмъ болѣе божественный характеръ, чѣмъ болѣе они велики и неожиданны. Поэтому Іисусъ не можетъ принадлежать исключительно тѣмъ, кто называетъ себя его учениками. Онъ составляетъ гордость всякаго, кто носитъ въ своей груди сердце человѣческое. Слава его заключается не въ томъ, что онъ выходитъ за предѣлы всякой исторіи; истинное поклоненіе ему заключается въ признаніи, что вся исторія безъ него непостижима.

ГЛАВА I

Мѣсто Іисуса въ всемірной исторіи

Главнымъ событіемъ всемірной исторіи является тотъ переворотъ, при посредствѣ котораго благороднѣйшія расы человѣчества перешли отъ древнихъ религій, извѣстныхъ подъ общимъ неопредѣленнымъ названіемъ языческихъ, къ религіи, основанной на идеѣ единаго божества, троичности, воплощенія Сына Божія. Для этого обращенія потребовалось около тысячелѣтія. Новая религія употребила только на свою организацію по меньшей мѣрѣ триста лѣтъ. Но исходной точкой переворота, о которомъ идетъ рѣчь, послужило событіе, имѣвшее мѣсто въ царствованія Августа и Тиверія. Въ эту эпоху жилъ великій человѣкъ, который своей смѣлой иниціативой и той преданностью, какую онъ съумѣлъ внушить къ себѣ, создалъ и самый объектъ, и исходную точку будущей вѣры человѣчества.

Съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ сталъ отличаться отъ животнаго, онъ сдѣлался религіознымъ, то-есть началъ видѣть въ природѣ нѣчто сверхъ реальности и въ самомъ себѣ нѣчто по ту сторону смерти. Это чувство въ теченіе тысячелѣтій приводило къ самымъ страннымъ заблужденіямъ. У многихъ расъ оно не заходило за предѣлы вѣрованія въ колдуновъ въ грубой формѣ, какъ это можно еще встрѣтить въ нѣкоторыхъ пунктахъ Океаніи. У нѣкоторыхъ народностей религіозное чувство привело къ тѣмъ постыднымъ сценамъ бойни, которыя характеризуютъ древнюю религію Ме-

ксики. Другія страны, въ особенности Африка, въ этомъ отношеніи не шли далѣе фетишизма, то-есть поклоненія матеріальнымъ объектамъ, которымъ приписывалась сверхъестественная сила. Подобно тому, какъ инстинктъ любви въ извѣстные моменты возвышаетъ самаго обыденнаго человѣка надъ самимъ собой, а въ другой разъ превращается въ развратъ и звѣрство, божественное свойство религіозности въ теченіе долгаго промежутка времени могло представлять собой разъѣдающую язву, отъ которой слѣдовало избавить родъ человѣческій, въ источникъ заблужденій и преступленій, къ искорененію котораго мудрецы должны были прилагать всѣ свои старанія.

Блестящія цивилизаціи, которыя были созданы со временъ весьма отдаленной древности въ Китаѣ, въ Вавилонѣ, въ Египтѣ, внесли въ религію нѣкоторый прогрессъ. Китай быстро усвоилъ извѣстную степень посредственнаго здраваго смысла, который удержалъ его отъ крупныхъ заблужденій. Ни преимущества, ни злоупотребленія религіознаго генія были ему неизвѣстны. Во всякомъ случаѣ, съ этой стороны Китай не имѣлъ никакого вліянія на направленіе великаго теченія человѣческой мысли. Религіи Вавилона и Сиріи никогда не могли отдѣлаться отъ лежавшей въ ихъ основѣ чувственности; вплоть до тѣхъ поръ пока онѣ не угасли въ IV и V вѣкахъ нашей эры, онѣ оставались школами безнравственности, въ которыхъ иногда, благодаря нѣкоторой поэтической созерцательности, открывались свѣтлые горизонты божественнаго міра. Въ Египтѣ, несмотря на нѣкотораго рода внѣшній фетишизмъ, уже въ раннюю эпоху были созданы метафизическіе догматы и высшій символизмъ. Но безъ сомнѣнія, эти толкованія утонченной теологіи не б[illegible] первобытными. Человѣкъ, владѣя ясной идеей, никогда [illegible] старался маскировать ее символами: чаще всего только по[illegible] долгихъ размышленій и въ виду невозможности для че[illegible]вѣческой мысли примириться съ абсурдомъ, онъ пускае[illegible]

въ поиски идей, скрывающихся подъ старыми мистическими образами, смыслъ которыхъ утраченъ. И, наконецъ, вѣра человѣчества вышла не изъ Египта. Элементы, перешедшие въ религію христіанина при посредствѣ тысячи превращеній изъ Египта и Сиріи, представляютъ собой внѣшнія формы, не имѣющія большого значенія, или шлаки, какіе всегда можно встрѣтить въ культѣ наиболѣе очищенномъ отъ пережитковъ. Огромнымъ недостаткомъ религій, о которыхъ идетъ рѣчь, является ихъ суевѣрный характеръ; онѣ выбросили въ міръ милліоны амулетовъ и талисмановъ. Ни одна великая идея не могла родиться у расъ, приниженныхъ вѣковымъ деспотизмомъ и привыкшихъ къ государственнымъ учрежденіямъ, отнимавшимъ у индивидуумовъ почти всякую свободу мысли.

Поэзія души, вѣра, свобода, честь, самоотверженіе появились въ мірѣ вмѣстѣ съ двумя великими расами, которыя, въ извѣстномъ смыслѣ, составляютъ человѣчество—я говорю о расѣ индо-европейской и о расѣ семитической. Первое религіозное міросозерцаніе индоевропейской расы было по существу натуралистическимъ. Но то былъ натурализмъ, отличавшійся глубиной и нравственностью, любовное отношеніе человѣка къ природѣ, восхитительная поэзія, полная чувства безконечнаго, словомъ основа всего того, что впослѣдствіи долженъ былъ выразить геній германцевъ и кельтовъ, въ лицѣ своихъ Шекспировъ, Гете. Это была не религія, не строго обдуманная нравственность; то была меланхолія, нѣжность, воображеніе; прежде всего это было глубокомысліе, т. е. существенное условіе и нравственности и религіи. Но вѣра человѣчества не могла выйти отсюда, ибо эти старые культы лишь съ большимъ трудомъ могли освободиться отъ политеизма и не выливались въ достаточно ясный символъ. Браманизмъ дожилъ до нашихъ дней лишь благодаря изумительной привиллегіи консервированія, которою, повидимому, обладаетъ Индія. Буддизмъ потерпѣлъ неудачу во всѣхъ своихъ попыткахъ распространиться къ

Западу. Друидизмъ остался исключительно національной формой безъ всякаго мірового значенія. Греческія попытки реформъ, орфизмъ, мистеріи, были недостаточны для того, чтобы дать душѣ солидную пищу. Одна Персія успѣла создать для себя догматическую религію, почти монотеистическую и организованную весьма мудро; но весьма возможно, что эта организація была подражаніемъ или позаимствованіемъ. Во всякомъ случаѣ Персія не обратила міръ въ свою вѣру; напротивъ, она сама обратилась въ новую вѣру, когда на ея границахъ развернулось знамя единаго божества, провозглашеннаго исламомъ.

Такимъ образомъ, слава созданія религіи человѣчества принадлежитъ семитической расѣ [1]). Еще въ доисторическія времена бедуинскій патріархъ подготовлялъ всемірную вѣру въ своемъ шатрѣ, котораго не коснулись беззаконія міра, уже успѣвшаго развратиться. Сильнѣйшая антипатія къ чувственнымъ культамъ Ѳиріи, большая простота быта, полное отсутствіе храмовъ, низведеніе идола до степени ничтожнаго терафима,—вотъ въ чемъ заключалось превосходство этой вѣры. Среди другихъ семитическихъ кочевыхъ племенъ племя Бенъ-Израиля уже было намѣчено для великаго будущаго. Старинныя связи съ Египтомъ и сдѣланныя у него позаимствованія, обширность которыхъ не легко поддается опредѣленію, только увеличивали отвращеніе къ идолопоклонству. „Законъ", или Тора, написанный въ весьма отдаленныя времена на каменныхъ доскахъ и приписываемый великому освободителю этого племени, Моисею, представлялъ

---

[1]) Напомню, что это названіе здѣсь относится просто къ народамъ, которые говорятъ, или говорили, на одномъ изъ языковъ, называемыхъ семитическими. Подобная терминологія, конечно, весьма ошибочна, но это слово принадлежитъ къ числу тѣхъ, въ родѣ „готической архитектуры", „арабскихъ цифръ", которыя приходится оставлять въ употребленіи для того, чтобы быть понятымъ, хотя и установлено, что они сами по себѣ могутъ внушить невѣрное понятіе.

собой уже цѣлый кодексъ монотеизма и, по сравненію съ установленіями Египта и Сиріи, заключалъ въ себѣ мощные зародыши соціальнаго равенства и нравственности. Переносный ковчегъ, украшенный на крышкѣ сфинксомъ [1]), съ кольцами по сторонамъ для поручней, составлялъ всю религіозную утварь; въ немъ складывались всѣ священные предметы націи, ея реликвіи, сувениры и, наконецъ, „книга", хроника этого племени, которая велась непрерывно, но записи въ которую заносились весьма скупо [2]). Родъ, на обязанности котораго лежало носить ковчегъ и охранять этотъ переносный архивъ, какъ состоявшій въ непосредственной близости къ нему и располагавшій имъ, очень скоро пріобрѣлъ выдающееся значеніе. Но не отсюда вышло то учрежденіе, которому принадлежало будущее. Еврейскій жрецъ не слишкомъ отличался отъ другихъ жрецовъ античнаго міра. Существеннѣйшая черта, отличающая Израиль отъ другихъ теократическихъ народностей, заключается въ томъ, что, у него жрецъ всегда былъ подчиненъ индивидуальному вдохновенію. Помимо жрецовъ, у каждаго кочевого племени былъ свой „нави", или пророкъ, нѣчто въ родѣ живого оракула, съ которымъ совѣщались по вопросамъ неяснымъ, требующимъ для своего разрѣшенія высокой степени ясновидѣнія. „Нави" Израиля, организованные въ группы или школы, обладали огромнымъ значеніемъ. Защитники древняго демократическаго духа, враги богатыхъ, противники всякаго рода политической организаціи и всего того, что увлекло бы Израиль на путь, которымъ шли другія націи, они были истиннымъ орудіемъ религіознаго первенства еврейскаго народа. Съ раннихъ поръ они исповѣдывали безграничныя упованія

---

[1]) Ср. Лепсіусъ, „Denkmäler aus Aegypten und Aethiopien," VIII, табл. 245; Де Руже, Etude sur une stèle égypt. apartenant à la Bible imper. (Paris, 1858); Де Вогюэ, Le Temple de Jerusalem, стр. 33; Гюньо, Rel. de. l'ant., табл. 173.

[2]) 1-ая Книга Царствъ, X, 25.

и когда народъ, отчасти подъ вліяніемъ ихъ неполитичныхъ совѣтовъ, былъ раздавленъ ассирійской державой, они провозгласили, что Іудѣ предназначено царство безъ границъ, что нѣкогда Іерусалимъ будетъ столицей всего міра и весь родъ людской будетъ еврейскимъ. Іерусалимъ съ его храмомъ представлялся имъ въ видѣ города, расположеннаго на вершинѣ горы, къ которой должны были стекаться всѣ народы, въ видѣ оракула, которому предстоитъ возвѣстить міровой законъ, въ видѣ центра идеальнаго царства, въ которомъ родъ людской, умиротворенный Израилемъ, снова обрѣтетъ всѣ радости Эдема [1]).

Здѣсь уже слышатся до той поры невѣдомые мотивы, восхваляющіе мученичество и прославляющіе могущество „человѣка скорби". По поводу нѣкоторыхъ изъ этихъ великихъ страстотерпцевъ, которые, подобно Іереміи, обагряли своей кровью улицы Іерусалима, одинъ вдохновенный поэтъ создалъ пѣснь, посвященную страданіямъ и тріумфу „служителя Божія", и какъ бы сосредоточившую въ себѣ всю пророческую силу Израиля [2]). „Ибо Онъ взошелъ передъ нимъ, какъ отпрыскъ и какъ ростокъ изъ сухой земли; нѣтъ въ немъ ни вида, ни величія; и мы видѣли Его, и не было въ немъ вида, который привлекалъ бы насъ къ Нему. Онъ былъ презрѣнъ и умаленъ предъ людьми, мужъ скорбей и извѣдавшій болѣзни, и мы отвращали отъ Него лицо свое; Онъ былъ презираемъ, и мы ни во что не ставили Его. Но Онъ взялъ на себя наши немощи и понесъ наши болѣзни; а мы думали, что Онъ былъ поражаемъ, наказуемъ и уничиженъ Богомъ. Но Онъ изъязвленъ былъ за грѣхи наши и мучимъ за беззаконія наши; наказаніе мира нашего было на

---

[1]) Исайя, II, 1,—4, и въ особенности главы XL и сл., LX и сл.; Михей, IV, 1 и сл. Надо помнить, что вторая часть книги пророка Исайи, начиная съ главы XL, принадлежитъ не Исайѣ.

[2]) Исайя, LII, 13 и слѣд. и вся LIII.

Немъ, и ранами Его мы исцѣлились. Всѣ мы блуждали, какъ овцы, совратились каждый на свою дорогу,—и Господь возложилъ на Него грѣхи всѣхъ насъ. Онъ истязуемъ былъ, но страдалъ добровольно и не открывалъ устъ Своихъ; какъ овца, веденъ былъ Онъ на закланіе и какъ агнецъ предъ стригущимъ его безгласенъ, такъ Онъ не отверзалъ устъ Своихъ... Ему назначили гробъ съ злодѣями, но Онъ погребенъ у богатаго, потому что не сдѣлалъ грѣха, и не было лжи въ устахъ Его. Но Господу угодно было поразить его, и Онъ предалъ Его мученію; когда же душа Его принесетъ жертву умилостивленія, Онъ узритъ потомство долговѣчное, и воля Господня благоуспѣшно будетъ исполняться рукою Его".

Въ тоже время крупныя измѣненія произошли въ Торѣ. Были созданы новые тексты, которымъ приписывалось, что они представляютъ собой истинный законъ Моисея, какъ, наприм., Второзаконіе, и которые на самомъ дѣлѣ вносили духъ, значительно отличавшійся отъ духа древнихъ кочевниковъ. Господствующей чертой этого новаго духа былъ фанатизмъ. Изступленные вѣрующіе безпрестанно взываютъ къ насилію противъ всѣхъ, кто уклоняется отъ культа Іеговы; имъ удалось ввести кровавый кодексъ, карающій смертью за отступленіе отъ религіи. Благочестіе почти всегда влечетъ за собой странныя противуположенія жестокости и кротости. Такое усердіе, чуждое грубой простотѣ нравовъ во времена Судей, сообщало проповѣди неслыханные въ мірѣ до тѣхъ поръ ноты внутренняго волненія и нѣжнаго умиленія. Теперь начинаетъ уже чувствоваться сильная наклонность къ рѣшенію соціальныхъ вопросовъ; въ кодексъ проникаютъ утопіи, мечты о совершенномъ обществѣ. Такимъ образомъ Пятикнижіе, представляя собой смѣсь патріархальной морали и пламенной вѣры, первобытной созерцательности и утонченной набожности, т. е. чувствъ, подобныхъ тѣмъ, которыми было переполнено сердце Іезекіиля, Осіи, Іереміи, приняло окончательно ту

въ которой оно намъ извѣстно и превратилось на всѣ времена въ абсолютный законъ національнаго генія.

Какъ только была создана эта великая книга, исторія еврейскаго народа начала развертываться съ неудержимой стремительностью. Великія государства, возникавшія одно за другимъ въ восточной Азіи, отняли у Израиля всякую надежду на земное господство и повергли его въ религіозное мечтательство, которому онъ предавался съ мрачной страстностью. Не заботясь особенно ни о національной династіи, ни о политической независимости, онъ примирялся съ любымъ правительствомъ, которое предоставляло ему свободу культа и право жить по своимъ обычаямъ. Такимъ образомъ отнынѣ для Израиля не существовало ни иного направленія, кромѣ указываемаго его религіозными энтузіастами, ни иныхъ враговъ, кромѣ враговъ единаго Божества, ни иной родины, кромѣ своего Закона.

И надо замѣтить при этомъ, что этотъ Законъ обладалъ всей полнотой соціальнаго и моральнаго закона. Это было созданіе людей, проникнутыхъ высокимъ идеаломъ будущей жизни и вѣровавшихъ въ то, что они открыли лучшіе способы осуществить его. Всѣ были убѣждены въ томъ, что при точномъ соблюденіи *Торы* нельзя не достигнуть полнѣйшаго блаженства. *Тора* не имѣетъ ничего общаго съ „законами" греческими или римскими, которые разсматриваютъ лишь отвлеченное право и мало входятъ въ вопросы счастья и нравственности частныхъ лицъ. Уже напередъ можно было предчувствовать, что выводы, проистекающіе изъ еврейскаго закона, будутъ относиться къ соціальному, а не политическому строю, что задача, надъ которой работаетъ этотъ народъ, царство Божіе, а не гражданская республика, всемірное учрежденіе, а не національность, или отечество.

Пройдя черезъ многіе періоды упадка, Израиль изумительно сохранилъ свое призваніе. Цѣлый рядъ благочестивыхъ мужей, Ездра, Неемія, Осія, Маккавеи, пожираемыхъ

рвеніемъ къ Закону, выступалъ одинъ за другимъ послѣдовательно на защиту древнихъ учрежденій. Идея, что Израиль святой народъ, племя, избранное Богомъ и связанное съ нимъ договоромъ, укоренялась все болѣе и болѣе непоколебимо. Души преисполнялись необъятнымъ ожиданіемъ. Весь индоевропейскій міръ принялъ рай за источникъ своего происхожденія; всѣ его поэты оплакивали исчезнувшій золотой вѣкъ. Израиль перемѣстилъ золотой вѣкъ въ будущее. Псалмы, эта вѣчная поэзія религіозныхъ умовъ, звучатъ экзальтированнымъ піэтизмомъ и его божественной, меланхолической гармоніей. Израиль дѣйствительно сталъ по преимуществу Божьимъ народомъ, въ то время какъ вокругъ него языческія религіи все болѣе приходили въ упадокъ, превращаясь въ Персіи и Вавилонѣ въ оффиціальное шарлатанство, въ Египтѣ и Сиріи—въ грубое идолопоклонство, въ греческомъ и латинскомъ мірѣ—въ обрядовую внѣшность. То что совершали христіанскіе мученики въ первые вѣка нашей эры, то, что совершали и совершаютъ въ нѣдрахъ самого христіанства, вплоть до нашего времени, жертвы воинствующаго правовѣрія, евреи совершали уже въ теченіе двухъ вѣковъ, предшествовавшихъ христіанской эрѣ. Они были живымъ протестомъ противъ суевѣрія и религіознаго матеріализма. Необычайное возбужденіе идеями, которыя приводили къ самымъ противуположнымъ выводамъ, придавало евреямъ въ эту эпоху характеръ самаго замѣчательнаго, самаго оригинальнаго народа въ мірѣ. Распространеніе ихъ по всему побережью Средиземнаго моря и употребленіе ими греческаго языка, который они усвоили себѣ внѣ Палестины, подготовили пути для пропаганды, совершенно безпримѣрной у древнихъ обществъ, разбитыхъ на мелкія національности.

До эпохи Маккавеевъ, іудейство, несмотря на упорство, съ которымъ оно провозглашало, что будетъ нѣкогда религіей всего рода человѣческаго, представляло черты, характерныя для всѣхъ другихъ античныхъ культовъ: это былъ культъ

даннаго рода и племени. Израильтянинъ, конечно, думалъ что его культъ лучшій, и говорилъ объ иноземныхъ богахъ съ презрѣніемъ. Но сверхъ того онъ вѣрилъ, что религія истиннаго Бога и создана только для него одного. Кто входитъ въ еврейскую семью[1]), тотъ тѣмъ самымъ принимаетъ культъ Іеговы; вотъ и все. Ни одинъ израильтянинъ не помышлялъ совращать чужеземца въ религію, которая составляетъ наслѣдіе сыновъ Авраама. Развитіе піэтизма, со временъ Ездры и Нееміи, привело съ собой болѣе стойкую и логичную концепцію. Іудейство сдѣлалось истинной религіей самымъ абсолютнымъ образомъ; всякому желающему предоставлялось право вступить въ нее[2]); вскорѣ привлеченіе къ ней какъ можно больше послѣдователей стали считать благочестивымъ дѣломъ[3]). Безъ сомнѣнія благородное чувство, возвышавшее Іоанна Крестителя, Іисуса, Св. Павла надъ расовыми идеями, еще не существовало. По странному противорѣчію самихъ совращенныхъ (прозелитовъ) мало уважали и относились къ нимъ съ презрѣніемъ[4]). Но идея исключительной религіи, идея, что въ мірѣ есть нѣчто выше отечества, крови, законовъ, идея, которая создала впослѣдствіи апостоловъ и мучениковъ, была уже основана. Глубокое сожалѣніе къ язычникамъ, каково бы ни было их блестящее свѣтское положеніе, отнынѣ стало уже чисто еврейскимъ чувствомъ[5]). Руководители народа пытались цѣло

---

[1]) Руѳь, кн. 1., 16.

[2]) Есфирь, IX, 27.

[3]) Матѳей, XXIII, 15; Іосифъ, Vita, 23.; Bell. Jud., II, XVII, 10; VII, III, 3; Ant., XX, II, 4; Горацій, Sat., I, IV, 143.; Ювен., XIV, 96 и сл.; Тацитъ, Ann. II, 85; Hist., V, 5; Діонъ Кассій, XXXVII, 17. Часто рабамъ давали свободу при условіи, что они останутся евреями. Леви (изъ Бреславля), Epigraphische Beitrage zur Gesch. der Juden, стр. 299 и слѣд.

[4]) Мишна, *Шевіитъ*, X, 9. Вавилонскій Талмудъ, *Ниддахъ*, листъ 13 в; *Іебамотъ*, 47 в; *Киддушимъ*, 70 в; Мидрашъ, *Іалкутъ Руѳь*, fol 163d.

[5]) Апокрифическое посл. Варуха, у Фабриція, Cod. pseud., V. T., II, 147 и сл., и у Церіани, Monum. sacra et prof., I, fasc. II, стр. 96 и сл.

серіей легендъ, представляющихъ образцы непоколебимой тойкости (Даніилъ и его товарищи, мать Маккавеевъ и ея семь сыновей [1]), романъ александрійскаго ристалища [2]), внушить идею, что̀ добродѣтель заключается въ фанатической приверженности къ опредѣленнымъ религіознымъ учрежденіямъ.

Преслѣдованія Антіоха Епифана обратили эту идею въ страсть, почти въ безуміе. Въ этомъ было нѣчто весьма сходное съ тѣмъ, что произошло при Неронѣ спустя двѣсти тридцать лѣтъ. Гнѣвъ и отчаяніе повергали вѣрующихъ въ міръ видѣній и мечтаній. Появился первый апокалипсисъ, книга Даніила. Это было какъ бы возрожденіемъ пророковъ, только въ формѣ, сильно отличавшейся отъ древней, и съ болѣе широкимъ взглядомъ на судьбы міра. Книга Даніила дала въ нѣкоторомъ родѣ окончательное выраженіе мессіанскимъ упованіямъ. Мессія представляется уже не въ видѣ царя, на подобіе Давида и Соломона, и не въ видѣ теократическаго Кира моисеева закона; онъ изображается „сыномъ человѣческимъ", появляющимся въ облакѣ [3]), сверхъестественнымъ существомъ, призваннымъ судить міръ и главенствовать въ золотомъ вѣкѣ. Быть можетъ нѣкоторыя черты этого новаго идеала заимствованы у *Сосіоша* изъ Персіи, великаго ожидаемаго въ будущемъ пророка, который приготовитъ царство Ормузда [4]). Во всякомъ случаѣ неизвѣстный авторъ книги Даніила имѣлъ рѣшительное вліяніе на религіозное

---

[1]) 2 книга Маккавеевъ, VII, и De Maccabaeis, приппс. Іосифу. Ср. Посланіе къ Евреямъ, XI, 33 и сл.

[2]) 3 книга Маккавеевъ (апокриф.); Руфинъ, Suppl. ad Ios., Contra Apionem, II, 5.

[3]) Даніилъ, VII, 13 и сл.

[4]) *Вендидадъ*, XIX, 18, 19; *Минокиредъ*, эпизодъ, опубликованный въ Zeitschr. der deutschen morgenländischen Gesellschaft, I, 268; *Бундехешъ*, XXXI. Отсутствіе точной хронологіи для текстовъ Зенда и Пехльви оставляетъ большой просторъ для сомнѣній относительно этой связи между еврейскими и персидскими вѣрованіями.

событіе, которому суждено было преобразовать міръ. Онъ создалъ всю постановку, всѣ техническія выраженія новаго мессіанства, и къ нему приложимо то, что Іисусъ сказалъ объ Іоаннѣ Крестителѣ: „до него пророки, послѣ него царство Божіе". Нѣсколько лѣтъ спустя тѣ же идеи были воспроизведены въ книгѣ, приписанной патріарху Еноху [1]). Ессеизмъ, повидимому, находившійся въ прямой связи съ апокалипсической школой, возникъ около этого же времени [2]) и представлялъ собой какъ бы первый набросокъ великаго ученія, которое вскорѣ должно было конституироваться и перевоспитать родъ человѣческій.

Однако не слѣдуетъ думать, что это движеніе, столь глубоко религіозное и страстное, имѣло въ качествѣ двигателей особенные догматы, какъ это и бывало во всѣхъ случаяхъ борьбы, возникавшей въ нѣдрахъ самого христіанства. Еврей этой эпохи былъ меньше всего теологомъ. Онъ не задумывался надъ сущностью Божества; вѣрованія въ ангеловъ, о концѣ міра, о лицахъ Божества, зачатки которыхъ уже можно было различить, были вольными вѣрованіями, разсужденіями, которымъ каждый могъ предаваться по свойствамъ его ума, но о которыхъ огромное большинство никогда и не слыхивало. И именно наиболѣе ортодоксальные люди стояли внѣ всѣхъ этихъ частныхъ измышленій и держались закона моисеева во всей его чистотѣ. Въ то время не существовало догматической власти, аналогичной той, которую правовѣрное христіанство предоставило Церкви. Лихорадочная погоня за опредѣленіями, превратившая исторію Церкви въ исторію безконечныхъ словопреній, начинается лишь съ III вѣка, когда христіанство попало въ руки резонерствующихъ расъ, увлекавшихся діалектикой и метафизикой. Пренія происхо

---

[1] Ср. Введеніе, стр. XXXIV—XXXV.

[2]) Первое точное указаніе на ессеевъ встрѣчается около 106 г. до Р. Х. Іосифъ, Ant,. XIII, XI, 2.; В. I., I, III, 5.

дили также и у іудеевъ; пламенные послѣдователи школъ давали почти на всѣ волнующіе вопросы противоположныя рѣшенія: но въ этихъ диспутахъ, главныя черты которыхъ сохранились въ Талмудѣ, нѣтъ ни слова, относящагося къ спекулятивной теологіи. Весь іудаизмъ сводился къ соблюденію и поддержанію закона, такъ какъ онъ справедливъ и такъ какъ при строгомъ соблюденіи его можно достигнуть блаженства. Никакого credo, никакого теоретическаго символа. Послѣдователь одной изъ самыхъ смѣлыхъ арабскихъ философскихъ школъ, Моисей Маймонидъ, могъ сдѣлаться оракуломъ синагоги, потому что онъ былъ очень опытнымъ канонистомъ.

Въ царствованіе послѣднихъ Асмонеевъ и Ирода экзальтація еще усилилась. Наступилъ почти непрерывный рядъ религіозныхъ движеній. По мѣрѣ того какъ власть дѣлалась болѣе свѣтской и переходила въ руки невѣрныхъ, еврейскій народъ жилъ все менѣе и менѣе для земли и его все болѣе поглощала усиленная внутренняя работа. Міръ, развлекавшійся другими событіями, не имѣлъ никакого представленія о томъ, что происходило въ этомъ заброшенномъ уголкѣ Востока. Однако умы, стоявшіе выше своихъ современниковъ, были болѣе освѣдомлены. Чуткій и прозорливый Виргилій, подобно таинственному эхо, отвѣчаетъ Исайѣ; рожденіе ребенка повергаетъ его въ мечты о всемірномъ возрожденіи [1]). Такія грезы были дѣломъ обычнымъ и составляли какъ бы особый родъ литературы, которому давали названіе сивиллиной. Только что образовавшаяся Имперія возбуждала воображеніе; великая эра мира, въ которую вступало человѣчество, и та меланхолическая чувствительность, которая овладѣваетъ умами

---

[1]) Egl., IV. Cumaeum carmen (ст. 4) представлялъ собой сивилльскій апокалипсисъ, проникнутый философіей исторіи, свойственной востоку. См. Сервій и Carmina sibyllina, III, 97—817. Тацитъ, Hist. V., 13; Светоній, Vesp., 4; Іосифъ, B. I., VI, ст. 4.

послѣ длинныхъ періодовъ революціи, порождали повсюду преувеличенныя безпредѣльныя надежды.

Въ Іудеѣ напряженное ожиданіе дошло до своихъ крайнихъ предѣловъ. Святые люди, въ числѣ которыхъ легенда упоминаетъ о престарѣломъ Симеонѣ, будто бы державшемъ Іисуса на рукахъ, и объ Аннѣ, дочери Фануила, имѣвшей репутацію пророчицы [1]), проводили всю жизнь возлѣ храма, въ постѣ и молитвахъ, чтобы Господу угодно было не отозвать ихъ отъ жизни раньше, чѣмъ они увидятъ сбывшимися упованія Израиля. Въ этомъ чувствуется могучее назрѣваніе, приближеніе чего то невѣдомаго.

Эта смутная смѣсь ясновидѣнія и грезъ, эта смѣна надеждъ и разочарованій, эти стремленія, постоянно подавляемыя ненавистной дѣйствительностью, нашли себѣ наконецъ выразителя въ несравненномъ человѣкѣ, которому всемірное сознаніе присвоило титулъ Сына Божія и присвоило вполнѣ справедливо, ибо онъ заставилъ религію сдѣлать шагъ, съ которымъ ничто не можетъ сравняться и подобнаго которому, вѣроятно, никогда и не будетъ.

---

[1]) Лука, II, 25 и слѣд.

ГЛАВА II

,ѣтство и молодость Іисуса.—Его первыя впечатлѣнія.

Іисусъ родился въ Назаретѣ[1]), маленькомъ городкѣ Гаеи, который раньше ничѣмъ не былъ знаменитъ[2]). Въ еніе всей своей жизни онъ носилъ прозвище „назарянина“[3]) олько при помощи довольно большой натяжки[4]) въ ле-

) Матѳея, XIII, 54 и слѣд.; Марка, VI, I и слѣд.; Іоанна, I, 45—46.

) Онъ не упоминается ни въ книгахъ Ветхаго Завѣта, ни у Іосифа, въ Талмудѣ. Но онъ названъ въ литургіи Калира, 9 de ab.

) Матѳея, XXVI, 71; Марка, I, 24; XIV, 67; Луки, XVIII, 37; XXIV, 19; нна, XIX, 19; Дѣянія, II, 22; III, 6; X, 38. Ср. Іоанна, VII, 41—42; Дѣ, II, 22; III, 6; IV, 10; VI, 14; XXII, 8; XXVI, 9. Отсюда названіе „на яне“ (Дѣянія, XXIV, 5), которое іудеи долго давали христіанамъ, оторое имъ и теперь еще даютъ во всѣхъ мусульманскихъ странахъ.

⁴) Этотъ эпизодъ вымышленъ для согласованія съ Михеемъ, V, I. Песь, произведенная Квириніемъ, съ которой легенда связываетъ ешествіе въ Виѳлеемъ, происходила по меньшей мѣрѣ на 10 лѣтъ же того года, въ которомъ, по указаніямъ Луки и Матѳея, Іисусъ лся. Въ самомъ дѣлѣ оба евангелиста относятъ годъ рожденія уса къ царствованію Ирода (Матѳея, II, 1, 19, 22; Луки, 1, 5) Переъ же Квиринія имѣла мѣсто лишь послѣ смѣщенія Архелая, то ь спустя 10 лѣтъ послѣ смерти Ирода, въ 37 г. эры Акціума (Іосифъ, ., XVII, XIII, 5; XVIII, I, 1; II, 1). Надпись, при помощи которой нѣіа пытались установить, что Квириній произвелъ двѣ переписи знана подложной (см. Орелли, Insc. lat., n⁰ 623 и добавленіе Генцена ъ тѣмъ же номеромъ; Боргези, Fastes consulaires, еще не изданныя, 742 г.). Квириній могъ два раза занимать должность легата Сиріи, перепись была произведена лишь при второмъ назначеніи его (Момнъ, Res gestae divi Augusti, Берлинъ, 1865, стр. 111, и слѣд.). Во вся-

гендѣ о его жизни, удалось перенести мѣсто его рожденія въ Виѳлеемъ. Ниже мы познакомимся[1]) съ мотивомъ этой подтасовки и почему она была необходимымъ результатомъ роли Мессіи, которую приписывали Іисусу[2]). Годъ его рожденія съ точностью неизвѣстенъ. Онъ родился въ царство-

---

комъ случаѣ, перепись должна была относиться къ провинціямъ, обращеннымъ въ римскія, а не къ царствамъ и тетрархіямъ, особенно при жизни Ирода Великаго. Тексты, при помощи которыхъ стараются доказать, что нѣкоторыя изъ статистическихъ и кадастровыхъ мѣръ, предписанныхъ Августомъ, должны были распространяться на владѣнія Ирода, или не заключаютъ въ себѣ того, что имъ приписываютъ, или принадлежатъ христіанскимъ авторамъ, заимствовавшимъ эти данныя въ Евангеліи отъ Луки. Сверхъ того, самый мотивъ, которымъ объясняютъ путешествіе семьи Іисуса въ Виѳлеемъ, лучше всего доказываетъ, что это вовсе не историческій фактъ. Іисусъ не принадлежалъ къ колѣну Давидову (см. ниже, глава XV), а если бы и принадлежалъ, то все же оставалось бы непонятнымъ, почему его родители были вынуждены, ради чисто кадастровой и финансовой мѣры, отправиться для записи въ мѣстечко, изъ котораго ихъ предки выселились за тысячу лѣтъ до этого. Требуя этого отъ нихъ, римская власть санкціонировала бы притязанія, которыя имѣли для нея самой весьма угрожающій характеръ.

[1]) Гл. XV.

[2]) Матѳея, II, 1 и слѣд.; Луки, II, 1 и слѣд. Отсутствіе этого эпизода у Марка, и два параллельныя мѣста у Матѳея, XIII, 54, и у Марка, VI, 1, въ которыхъ Назаретъ является родиной Іисуса, доказываютъ, что въ первоначальномъ текстѣ, который далъ повѣствовательную канву для нынѣшнихъ Евангелій отъ Матѳея и отъ Марка, такой легенды совсѣмъ не было. Только въ виду повторныхъ возраженій пришлось прибавить въ началѣ Евангелія отъ Матѳея оговорки, противорѣчіе которыхъ съ остальнымъ текстомъ было недостаточно очевидно, для того чтобы явилась необходимость соотвѣтственно исправить мѣста, написанныя сперва съ совсѣмъ иной точки зрѣнія. Напротивъ того, Лука (IV, 16), писавшій обдуманно, для того чтобы быть послѣдовательнымъ, употребилъ болѣе смягченное выраженіе. Что касается четвертаго евангелиста, то ему о путешествіи въ Виѳлеемъ ничего неизвѣстно; для него Іисусъ попросту родомъ изъ „Назарета“ или „Галилеянинъ“, и объ этомъ упоминается какъ разъ въ двухъ случаяхъ, гдѣ было бы въ высокой степени важно напомнить, что онъ родился въ Виѳлеемѣ (I, 45—46; VII, 41—42).

ваніе Августа, вѣроятно около 750 г. эры города Рима[1]), то есть за нѣсколько лѣтъ до 1 года эры, которую всѣ цивилизованные народы исчисляютъ съ предполагаемаго дня его рожденія [2]).

Имя Іисусъ, которое ему дали, есть измѣненное Іошуа. Это было довольно распространенное имя; но естественно, что въ послѣдствіи въ немъ стали отъискивать таинственный смыслъ и намекъ на роль Спасителя [3]). Быть можетъ и самъ Іисусъ, подобно всѣмъ мистикамъ, возбуждалъ свое воображеніе въ этомъ направленіи. Въ исторіи извѣстенъ не одинъ случай, гдѣ имя, данное ребенку безъ всякой задней мысли, послужило поводомъ для великой исторической миссіи. Пылкія натуры никогда не могутъ примириться со взглядомъ, какъ на случайность, на что либо къ нимъ относящееся. Для нихъ все, что къ нимъ относится, предъуказано Богомъ и они видятъ знакъ высшей воли въ самыхъ ничтожныхъ обстоятельствахъ.

Населеніе Галилеи было очень смѣшанное, на что указываетъ и самое ея названіе[4]). Во времена Іисуса въ числѣ ея жителей насчитывалось много не-іудеевъ (финикіяне, сирійцы, аравитяне и даже греки) [5]). Въ странахъ съ такимъ смѣшаннымъ населеніемъ, случаи обращенія въ іудаизмъ были совсѣмъ не рѣдкостью. Поэтому здѣсь невозможно поднимать вопросъ о расѣ и доискиваться, какая именно кровь текла въ жилахъ того, кто больше всѣхъ содѣйствовалъ искорененію различій людей по крови.

---

[1]) Матѳея, II, 1, 19, 22; Луки, 1, 5. Иродъ умеръ въ первой половинѣ 750 г., что соотвѣтствуетъ 4 году до Р. Х.

[2]) Извѣстно, что вычисленіе, положенное въ основу общепринятой эры, произведено было въ VI столѣтіи Діонисіемъ Малымъ. Это вычисленіе заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя чисто гипотетическія данныя.

[3]) Матѳея, I, 21; Луки, 1, 31.

[4]) Gelil haggoyim—„кругъ язычниковъ“.

[5]) Страбонъ, XVI, II, 35; Іосифъ, Vita, 12.

Онъ вышелъ изъ среды народа[1]). Отецъ его Іосифъ и мать Марія были людьми средняго достатка, ремесленниками, жившими своимъ трудомъ[2]), въ состояніи, столь обычномъ для Востока, которое нельзя назвать ни довольствомъ, ни бѣдностью. Благодаря крайней простотѣ нравовъ, въ такихъ странахъ не существуетъ потребностей въ томъ, что у насъ входитъ въ понятіе о пріятной и удобной жизни; привиллегія богача становится почти безполезной и всѣ обращаются въ добровольныхъ бѣдняковъ. Съ другой стороны, полное отсутствіе вкуса къ искусству и ко всему тому, что придаетъ матеріальной жизни извѣстное изящество, сообщаетъ здѣсь хозяйству людей, ни въ чемъ не нуждающихся, внѣшній видъ недостатка. Если не считать нѣкоторыхъ непріятныхъ и отталкивающихъ особенностей, которыя исламъ внесъ съ собой во всю Святую землю, городъ Назаретъ во времена Іисуса быть можетъ не слишкомъ отличался отъ того, что онъ представляетъ и теперь[3]). Мы узнаемъ улицы, гдѣ онъ игралъ ребенкомъ, въ этихъ каменистыхъ тропинкахъ или въ этихъ маленькихъ переулкахъ, отдѣляющихъ хижины одну отъ другой. Безъ всякаго сомнѣнія домъ Іосифа походилъ на эти бѣдныя лачуги, въ которыя свѣтъ проникаетъ черезъ дверь, и которыя служатъ въ одно и тоже время и мастерской, и кухней, и спальней; вся ихъ обстановка состоитъ изъ

---

[1]) Ниже (глава XV) мы разъяснимъ происхожденіе родословной, сочиненной для того, чтобы произвести его отъ колѣна Давидова. Евіониты съ полнымъ основаніемъ отрицали эти родословныя. (Епиф., Adv haer., XXX, 14).

[2]) Матѳея, XIII, 55; Марка, VI, 3; Іоанна, VI, 42.

[3]) Грубый внѣшній видъ развалинъ, которыми покрыта Палестина, показываетъ, что тѣ города, которые здѣсь не перестраивались по римскому образцу, были очень плохо выстроены. Что касается формы домовъ, то въ Сиріи, она до такой степени непосредственно и властно предписывается самымъ климатомъ, что едва ли она когда либо подвергалась измѣненіямъ.

цыновки, нѣсколькихъ подушекъ на полу, изъ одного или двухъ глиняныхъ сосудовъ и раскрашеннаго сундука.

Семья его, происходила ли она отъ одного или нѣсколькихъ браковъ, была довольно многочисленна. У Іисуса были братья и сестры[1]) и, повидимому, онъ былъ старшимъ[2]). Ни о комъ изъ нихъ ничего неизвѣстно, ибо тѣ четыре лица, которыхъ выдаютъ за его братьевъ и изъ числа которыхъ одинъ, Іаковъ, пріобрѣлъ важное значеніе въ первые годы христіанства, приходились ему двоюродными братьями. Дѣйствительно, у Маріи была сестра, которую звали тоже Маріей[3]); она была замужемъ за нѣкіимъ Алфеемъ или Клеопой—обоими этими именами, повидимому, обозначается одно и то же лицо[4]),—и у нея было нѣсколько сыновей, игравшихъ видную

---

[1]) Матѳея, I, 25 (заимствованный текстъ); XII, 46 и слѣд.; XIII, 55 и слѣд.; Марка, III, 31 и слѣд.; VI, 3; Луки, II, 7; VIII, 19 и слѣд.; Іоанна, II, 12; VII, 3, 5, 10; Дѣянія, 1, 14; Гегезиппъ, у Евсевія, H. E., III, 20. Утвержденіе, будто бы слово ah (братъ) по еврейски имѣетъ болѣе обширное значеніе, нежели у насъ, совершенно ложно. Значеніе слова „ah" вполнѣ тожественно съ значеніемъ слова „братъ". Употребленіе въ видѣ метафоры, также какъ неправильное, ошибочное примѣненіе слова, ровно ничего не говорятъ противъ его истиннаго значенія. Можно ли утверждать, что наше слово „братъ" не имѣетъ весьма опредѣленнаго значенія на томъ основаніи, что проповѣдники называютъ своихъ слушателей „своими братьями"? Но очевидно, что въ указанныхъ выше цитатахъ, слово „братъ" употребляется не въ переносномъ смыслѣ. См. въ особенности Матѳея, XII, 46 и слѣд., гдѣ также исключается неправильный смыслъ слова „двоюродный братъ".

[2]) Матѳея, I, 25; Луки, II, 7. Текстъ Матѳея можетъ вызвать сомнѣнія у критика, текстъ же Луки—никакихъ.

[3]) Іоанна, XIX, 25. Довольно странно, что двѣ сестры носили одно и тоже имя. Здѣсь вѣроятно какая нибудь неточность, происшедшая отъ обыкновенія давать имя Маріи всѣмъ почти Галилеянкамъ безъ различія.

[4]) Этимологически эти имена не тожественны. Ἀλφαῖος—транскрипція сирійско-халдейскаго имени Halphei; Κλεωπᾶς или Κλεόπας—сокращенное Κλεόπατρος. Но могла произойти искусственная замѣна одного другимъ,

роль среди учениковъ Іисуса. Эти двоюродныя братья, во послѣдовавшіе за молодымъ учителемъ въ то время, как родные братья не вѣровали въ него [1]), получили прозвиш „братьевъ Господнихъ" [2]). Родные братья Іисуса, равно какъ ихъ мать, получили извѣстность лишь послѣ его смерти [3]) Но и тогда они, повидимому, не пользовались такимъ уважe ніемъ, какъ ихъ двоюродные братья, которые пошли за Хрі стомъ болѣе самостоятельно, въ характерѣ которыхъ был какъ бы больше оригинальности. Имена ихъ были неизвѣстн до такой степени, что когда евангелистъ перечисляетъ у тами людей изъ Назарета природныхъ братьевъ Іисуса, то пер выми ему навертываются имена сыновей Клеопы.

подобно тому, какъ Іосифовъ называли „Гегезиппъ", Еліакимовъ „А оимъ" и т. п.

[1]) Іоанна, VII, 3 и слѣд.

[2]) Дѣйствительно, четыре лица, выдаваемыя (Матөея, XIII, 55; Марк VI, 3) за братьевъ Іисуса: Іаковъ, Іосифъ или Іосій, Симонъ и Іуда, ока зываются, или почти оказываются, сыновьями Маріи и Клеопы. Матөе XXVII, 56; Марка, XV, 40; XVI, 1; Луки, XXIV, 10; Посл. Гал., 1, 19; Пос Іакова, I, 1; Посл. Іуды, 1; Евсевій, Chron. ad. ann. R. DCCCX; Hist. eccl III, 11, 22, 32 (по Гегезиппу); Constitut. apostol., VII, 46. Однако, лиш гипотеза, предложенная нами, въ состояніи устранить огромное затру неніе, безъ котораго нельзя допустить, чтобы двѣ сестры, имѣвшія т три или четыре сына, носили одно и тоже имя, и чтобы Іаковъ и С монъ, два первыхъ іерусалимскихъ епископа, удостоенные называть „братьями Господними", были тѣми родными братьями Іисуса, котор сперва относились къ нему непріязненно и обратились лишь впослѣ ствіи. Евангелистъ, слышавъ, что четверыхъ сыновей Клеопы называю „братьями Господними", могъ по ошибкѣ привести ихъ имена въ текс Матөея, XIII, 55 (также и у Марка, VI, 3), вмѣсто именъ родныхъ бра евъ Іисуса, остававшихся всегда въ неизвѣстности. Этимъ объясняет почему характеръ лицъ, называемыхъ „братьями Господними", напримѣ Іакова, такъ отличается отъ характера родныхъ братьевъ Іисуса, ка онъ очерченъ у Іоанна, VII, 3 и слѣд. Выраженіе „братья Господни" первоначальной Церкви очевидно обозначало нѣчто въ родѣ зва параллельнаго званію апостоловъ. Ср. посланія къ Галат., I, 19, пер къ Кориө., IX, 5.

[3]) Дѣянія, I, 14.

Сестры его вышли замужъ въ Назаретѣ[1]) и тамъ же онъ провелъ годы своей ранней молодости. Назаретъ былъ маленькій городокъ, расположенный въ широкой долинѣ у вершины группы горъ, замыкающей на сѣверѣ равнину Ездрелона. Въ настоящее время въ немъ насчитывается отъ трехъ до четырехъ тысячъ жителей, и въ этомъ отношеніи возможно, что и не произошло большой перемѣны [2]). Зимой здѣсь бываетъ довольно холодно и климатъ очень здоровый. Подобно всѣмъ іудейскимъ городкамъ того времени, Назаретъ представлялъ собой группу хижинъ, выстроенныхъ безъ всякаго стиля, и имѣлъ тотъ общій видъ, печальный и бѣдный, какимъ отличаются всѣ поселенія въ семитическихъ странахъ. Дома, повидимому, и тогда не многимъ отличались отъ тѣхъ каменныхъ кубиковъ, не имѣющихъ ни внѣшней, ни внутренней изящности, которые нынѣ покрываютъ самыя богатыя части Ливана, и которые, среди виноградниковъ и фиговыхъ деревьевъ, всетаки оставляютъ довольно пріятное впечатлѣніе. Окрестности города прелестны и ни одинъ уголокъ въ мірѣ не располагаетъ такъ хорошо къ мечтаніямъ объ абсолютномъ счастьи. Даже и теперь Назаретъ восхитительное мѣсто для отдыха путешественника, быть можетъ единственное въ Палестинѣ, гдѣ онъ чувствуетъ нѣкоторое облегченіе отъ той тяжести, которая давитъ его душу среди окружающей ни съ чѣмъ несравнимой пустыни. Населеніе здѣсь отличается веселымъ и гостепріимнымъ характеромъ; сады свѣжи и зелены. Антонинъ Мученикъ, жившій въ концѣ VI вѣка, рисуетъ очаровательную картину плодородія окрестностей Назарета, которыя онъ сравниваетъ съ раемъ [3]). Нѣкоторыя изъ долинъ къ востоку отъ города вполнѣ оправдываютъ

[1]) Матѳея, XIII, 56; Марка, VI, 3.

[2]) По Іосифу (В. I., III, 2), въ самомъ маленькомъ городкѣ Галилеи было по меньшей мѣрѣ пять тысячъ жителей. Вѣроятно эти данныя преувеличены.

[3]) Itiner., § 5.

это описаніе. Фонтанъ, у котораго нѣкогда сосредоточивалась вся жизнь и веселье этого маленькаго города, нынѣ разрушенъ; его потрескавшіеся водоемы даютъ мутную воду. Но красота женщинъ, которыя здѣсь собираются подъ вечеръ, та красота, которая была замѣчена еще въ VI вѣкѣ, и которую считали даромъ Дѣвы Маріи [1]), поразительно сохранилась и донынѣ. Это сирійскій типъ во всей его прелести, полный томности. Не можетъ быть сомнѣній въ томъ, что и Марія бывала здѣсь почти ежедневно, и съ кувшиномъ на плечѣ, присоединялась къ вереницѣ своихъ соотечественницъ, оставшихся безвѣстными. Антонинъ Мученикъ отмѣчаетъ, что іудейскія женщины вообще относятся къ христіанамъ презрительно, а здѣсь онѣ очень привѣтливы. И въ наши дни религіозная вражда въ Назаретѣ не такъ остра, какъ въ другихъ мѣстахъ.

Горизонтъ города не великъ, но если подняться немного выше, взойти на плоскогорье, гдѣ вѣчно дуетъ вѣтеръ, и очутиться такимъ образомъ выше всего города, то откроется великолѣпная перспектива. На Западѣ развертываются прекрасныя линіи Кармеля, которыя заканчиваются вершиной, обрывомъ падающей въ море. Дальше видны двойная вершина, господствующая надъ Магеддо, гористая страна Сихемъ съ святынями вѣка патріарховъ, горы Гельбоэ, небольшая живописная группа горъ, съ которой связаны то прелестныя, то страшныя воспоминанія Сулема и Ендора, Ѳаворъ, напоминавшій древнимъ женскую грудь своей закругленной формой. Въ небольшой впадинѣ между горами Сулемъ и Ѳаворъ открывается видъ на долину Іордана и на возвышенныя равнины Переи, образующія на востокѣ непрерывную линію. На сѣверѣ горы Сафедъ, постепенно понижаясь къ морю, скрываютъ Сен-Жанъ-д'Акръ, но оставляютъ на виду очертанія залива Каифа. Таковъ былъ горизонтъ, который откры-

---

[1]) Антонинъ Мученикъ, loc. cit.

вался передъ Іисусомъ. Этотъ очаровательный кругозоръ, колыбель царства Божія, цѣлыми годами былъ его міромъ. Жизнь его почти и не заходила за предѣлы, въ которыхъ прошло его дѣтство. Въ самомъ дѣлѣ, на сѣверѣ отсюда почти видна на склонахъ Гермона Кесарея Филиппійскаго, самый отдаленный пунктъ, до котораго онъ доходилъ въ странѣ язычниковъ, а на югѣ, за этими уже не столь живописными горами Самаріи, уже предчувствуется печальная Іудея, словно высушенная жгучимъ вѣтромъ отвлеченности и смерти.

Если когда либо міръ, оставаясь христіанскимъ, но усвоивъ себѣ болѣе высокое понятіе о томъ, въ чемъ заключается истинное уваженіе къ его первоисточнику, вздумаетъ замѣнить подлинными святыми мѣстами апокрифическія и жалкія святилища, съ которыми связывалось благочестіе грубыхъ вѣковъ, то на этой назаретской возвышенности онъ воздвигнетъ свой храмъ. Здѣсь, на томъ мѣстѣ, гдѣ появилось христіанство, въ центрѣ, изъ котораго распространялась дѣятельность его основателя, должна бы возвышаться великая церковь, гдѣ могли бы молиться всѣ христіане. Здѣсь-же, на этой землѣ, въ которой покоятся плотникъ Іосифъ и тысячи безвѣстныхъ назарянъ, никогда не заходившихъ за предѣлы своей долины, философъ нашелъ бы лучшее мѣсто, нежели гдѣ либо на всемъ свѣтѣ, для того чтобы предаться созерцанію человѣческихъ дѣлъ, находить утѣшеніе отъ оскорбленій, которыя они наносятъ наиболѣе дорогимъ для насъ инстинктамъ, для того, чтобы увѣровать въ божественную конечную цѣль, къ которой идетъ человѣчество черезъ безчисленныя препятствія, не взирая на всяческую суету.

ГЛАВА III

Воспитаніе Іисуса

Эта улыбающаяся и въ то же время величественная природа была единственной воспитательницей Іисуса. Онъ учился читать и писать [1]) безъ сомнѣнія по восточному методу, который заключается въ томъ, что ребенку даютъ книгу и заставляютъ повторять ее въ тактъ съ его маленькими товарищами, до тѣхъ поръ пока онъ не выучитъ ее наизусть [2]). Однако сомнительно, чтобы онъ хорошо понималъ еврейскія книги на ихъ оригинальномъ языкѣ. У біографовъ онъ ихъ цитируетъ въ переводѣ на арамейскій языкъ [3]); его правила экзегетики, насколько мы можемъ ихъ себѣ представить по словамъ его учениковъ, весьма походили на тѣ, которыя тогда были въ ходу и составляли духъ *Таргуммима и Мидрашима* [4]).

Школьными учителями въ іудейскихъ городахъ были *гаццаны* или синагогальные чтецы[5]). Іисусъ мало посѣщалъ школы болѣе высокаго уровня, книжниковъ или *соферимъ* (быть можетъ въ Назаретѣ ихъ и не было) и не имѣлъ никакого званія изъ числа тѣхъ, которые въ глазахъ толпы даютъ права на ученость [6]). Но было бы большой ошибкой ду-

---

[1]) Іоанна, VIII, 6.

[2]) „Завѣтъ двѣнадцати патріарховъ“, Левій, 6.

[3]) Матѳея, XXVII, 46; Марка, XV, 34.

[4]) Іудейскіе переводы и комментаріи библейскихъ книгъ.

[5]) Мишна, *Шаббатъ*, 1,3

[6]) Матѳея, XIII, 54 и слѣд.; Іоанна, VII, 15.

ать, что Іисусъ былъ невѣждой въ томъ смыслѣ, какъ ы понимаемъ это слово. У насъ школьное воспитаніе проодитъ черту, рѣзко отличающую въ отношеніи личной цѣности тѣхъ, кто получилъ его, отъ тѣхъ, кто имъ не воспольовался. Не такъ было на Востокѣ, и вообще въ доброе старое ремя. То состояніе грубости, въ которомъ у насъ, въ силу ашей изолированной и чисто индивидуальной жизни, остается еловѣкъ, не прошедшій школу, неизвѣстно въ обществѣ, гдѣ равственная культура и въ особенности общій духъ времени взаимно передаются, благодаря постоянному соприкоиовенію людей между собой. Арабъ, не имѣвшій никакого чителя, тѣмъ не менѣе часто бываетъ весьма развитымъ, бо его шатеръ представляетъ собой въ нѣкоторомъ родѣ ткрытую всегда и для всѣхъ академію, гдѣ изъ встрѣчъ юдей хорошо воспитанныхъ рождается великое умственное даже литературное движеніе. Деликатность въ обращеніи и онкій умъ на Востокѣ не имѣютъ ничего общаго съ тѣмъ то у насъ называютъ воспитаніемъ. Здѣсь какъ разъ наобооть, педантами и неблаговоспитанными людьми считаютъ менно ученыхъ. Въ этомъ соціальномъ строѣ невѣжество, насъ осуждающее человѣка занимать низшую ступень въ бществѣ, является принадлежностью великаго и вполнѣ оригинальнаго дѣятеля.

Мало вѣроятно, чтобы Іисусъ зналъ греческій языкъ, который вообще былъ слабо распространенъ въ Іудеѣ внѣ правяихъ классовъ, и внѣ городовъ, населенныхъ язычниками, акъ Кесарія [1]). Роднымъ языкомъ Іисуса былъ сирійскій, смѣшанный съ еврейскимъ, нарѣчіе, на которомъ тогда говорила Палестина [2]). Тѣмъ болѣе нѣтъ основаній предполагать, что

[1]) Мишна, *Шекалимъ*, III, 2; Іерусалимскій Талмудъ, *Мегилла*, галка XI; *Сота*, VII, 1; Вавилонскій Талмудъ, *Баба кама*, 83 а; *Мегилла* b и слѣд.

[2]) Матѳея, XXVII, 46; Марка, III, 17; V, 41; VII, 34; XIV, 36; XV, 34 Выаженіе ἡ πάτριος φωνή, у писателя этого времени всегда означаетъ

бы онъ имѣлъ какое нибудь понятіе о греческой культур
Эта культура была изгнана палестинскими учителями, пред
вавшими одинаково проклятію и „того, кто выкармливал
свиней, и того, кто обучалъ своего сына греческой наукѣ“ [1]
Во всякомъ случаѣ она не проникала въ такіе мелкіе го
родки, какъ Назаретъ. Правда, не взирая на проклятія учи
телей, нѣкоторые евреи уже успѣли познакомиться съ эл
линской культурой. Не говоря уже объ іудейской школ
Египта, попытки слить эллинизмъ съ іудаизмомъ происходил
въ теченіи почти двухъсотъ лѣтъ; одинъ еврей, по имен
Николай изъ Дамаска, считался въ это время наиболѣе вы
дающимся, наиболѣе образованнымъ, наиболѣе уважаемым
человѣкомъ своего вѣка. Вскорѣ послѣ этого Іосифъ дол
женъ былъ дать другой примѣръ вполнѣ эллинизировавш
гося еврея. Но Николай былъ евреемъ только по крови; Іо
сифъ заявляетъ, что онъ исключеніе среди своихъ соотече
ственниковъ [2]), и вся схизматическая школа Египта до такой
степени отрѣшилась отъ Іерусалима, что о ней не сохрани
лось никакого воспоминанія ни въ Талмудѣ, ни въ іудей

семитическое нарѣчіе, на которомъ говорили въ Палестинѣ (2 кн. Мак
кав., VII, 21, 27; XII, 37; Дѣянія, XXI, 37, 40; XXII, 2; XXVI, 14; Іосифъ, Ant
XVIII, VI, 10; XX до конца; B. I, prooem., I; V, VI, 3; V, IX, 2; VI, II, 1; Contr
Apion, I, 9; De Macc,, 12, 16). Ниже мы покажемъ, что нѣкоторые изъ доку
ментовъ, послужившихъ основаніемъ для синоптическихъ евангелій был
написаны на этомъ семитическомъ нарѣчіи. Тоже относится и ко мно
гимъ апокрифамъ (4 книга Маккавеевъ, XVI, ad calcem, и пр.). Нако
нецъ, христіанство, непосредственно вышедшее изъ перваго галиле
скаго движенія (назарсяне, евіониты и пр.), очень долго продолжавш
гося въ Виѳаніи и Гауранѣ, говорило на семитическомъ нарѣчіи (Евс
вій, De situ et nomin. loc. hebr., слово Χωβά; Епиф., Adv. haer., XXIX
7, 9; XXX, 3; Св. Іеремія, In. Matth., XII, 13; Dial. adv. Pelag., III, 2).

1) Мишна, *Синедріонъ*, XI, 1; Вавилонскій Талмудъ, *Баба кама*, 82
и 83 а; *Сота*, 49, *а* и *b*; *Менахотъ*, 64 b. Ср. 2 кн. Маккав., IV, 10
слѣд.

2) Іосифъ, Ant., XX, XI, 2.

скомъ преданіи. Несомнѣнно, что въ Іерусалимѣ очень мало изучали греческій языкъ, что на греческія науки здѣсь смотрѣли какъ на нѣчто опасное и даже рабское, что ихъ объявляли годными самое большое для женщинъ въ качествѣ украшенія [1]). Единственно изученіе Закона считалось занятіемъ и либеральнымъ и достойнымъ серьезнаго человѣка [2]) Одинъ ученый раввинъ отвѣтилъ такъ на вопросъ, въ какое время дня всего приличнѣе преподавать дѣтямъ „греческую мудрость": „не днемъ, и не ночью, ибо сказано о законѣ: изучай его день и ночь" [3]).

Итакъ до Іисуса не дошелъ ни прямо, ни косвенно, ни одинъ элементъ эллинской науки. Онъ не зналъ ничего, кромѣ іудаизма; умъ его сохранилъ ту свѣжую наивность, которую всегда ослабляетъ обширное и разнообразное образованіе. Въ нѣдрахъ самаго іудаизма онъ оставался чуждымъ многихъ теченій, нерѣдко параллельныхъ ему. Съ одной стороны на него повидимому не оказалъ непосредственнаго вліянія аскетизмъ ессеевъ [4]) и терапевтовъ [5]); съ другой стороны ему были неизвѣстны прекрасныя теоріи религіозной философіи, выработанныя іудейской школой Александріи; геніальнымъ истолкователемъ ихъ былъ его современникъ Филонъ. Многія сходныя черты, которыя находятъ у него съ Филономъ [6]), эти превосходныя правила любви къ

---

[1]) Іерусалимскій Талмудъ, *Пэахъ*, I, 1.

[2]) Іосифъ, Ant., loc. cit; Оригенъ, Contra Celsum, II, 34.

[3]) Іерусалимскій Талмудъ, *Пэахъ*, I, 1; Вавилонскій Талмудъ, *Менахотъ*, 99 в.

[4]) Ессеи ни разу не фигурируютъ въ писаніяхъ нарождающагося христіанства.

[5]) *Терапевты* Филона представляютъ собой вѣтвь ессеевъ. Самое названіе ихъ повидимому есть греческій переводъ ессеевъ (Ἐσσαῖοι, asaya, „врачи"). См. Филонъ, De vita contempl, § 1; В. I., II, VIII, 6; Епифанъ, Adv. haer., XXIX, 4.

[6]) См. въ особенности трактаты: Quis rerum divinarum haeres sit и De philantropia Филона.

вляетъ славу своей страны. Величайшіе люди націи зачастую именно тѣ, которыхъ она предаетъ смертной казни. Сократъ прославилъ Аѳины, считавшія, что съ нимъ жить нельзя. Спиноза—величайшій изъ современныхъ евреевъ, а между тѣмъ синагога изгнала его со срамомъ. Іисусъ былъ славой народа Израиля, который его распялъ.

Колоссальная мечта въ теченіе вѣковъ жила въ іудейскомъ народѣ, она возрождала его безпрестанно, когда онъ падалъ. Чуждаясь теоріи индивидуальныхъ возмездій, которую распространяла Греція подъ видомъ ученія о безсмертіи души, Іудея сосредоточила на своемъ національномъ будущемъ всю силу любви и желаній. Она считала, что ей дано божественное обѣтованіе въ видѣ безпредѣльнаго будущаго, и такъ какъ, начиная съ IX вѣка до Р. Х., горькая дѣйствительность выражалась постояннымъ усиленіемъ царства міра сего и грубо разрушала всѣ вожделѣнія евреевъ, то они бросились въ комбинаціи самыхъ невозможныхъ идей, покушались на самые странные извороты. До вавилонскаго плѣненія, когда всякая будущность націи на землѣ была уничтожена отдѣленіемъ сѣверныхъ племенъ, родилась мечта о возстановленіи дома Давида, о примиреніи между обѣими частями націи, о тріумфѣ теократіи и о побѣдѣ культа Іеговы надъ всѣми идолопоклонническими культами. Въ эпоху плѣненія, поэтъ, полный гармоніи, рисовалъ пышность будущаго Іерусалима, обратившаго въ своихъ данниковъ всѣ народы и самые отдаленные острова, такими нѣжными красками, что можно подумать, будто лучъ свѣта изъ глазъ Іисуса проникъ въ его душу черезъ огромное пространство шести вѣковъ [1]).

Побѣды Кира, казалось, на нѣкоторое время осуществили все, на что надѣялись евреи. Важные ученики Авесты и поклонники Іеговы возмнили себя братьями. Персіи удалось, из-

---

[1]) Исайя, *LX* и слѣд.

и Псалмовъ, то сложилось убѣжденіе, что всѣ до извѣстной степени мистическія выраженія въ нихъ относились къ Мессіи, и въ немъ старались заранѣе отъискать типъ того, кому суждено было осуществить всѣ національныя упованія. Іисусъ раздѣлялъ общія симпатіи къ этого рода аллегорическимъ толкованіямъ. Но истинная библійская поэзія, ускользавшая отъ наивныхъ іерусалимскихъ толкователей, была во всей своей полнотѣ открыта его дивному генію. Законъ, повидимому, не производилъ на него обаятельнаго впечатлѣнія; онъ думалъ, что могъ бы создать и лучшіе законы. Но религіозная поэзія Псалмовъ находила чудные отзвуки въ его лирической душѣ; эти священные гимны остались на всю жизнь его духовной пищей и поддержкой. Истинными его учителями сдѣлались пророки, въ особенности Исаія и его продолжатели во времена плѣненія, съ ихъ блестящими мечтами о будущемъ, ихъ бурнымъ краснорѣчіемъ, съ ихъ бранью, перемѣшанной чарующими образами. Безъ сомнѣнія онъ читалъ также и многія апокрифическія сочиненія, то есть труды въ ту эпоху довольно современные, авторы коихъ, чтобы придать себѣ авторитетъ, которымъ въ то время пользовались лишь самыя древнія рукописи, прикрывались именами пророковъ и патріарховъ. Особенно его поразила книга Даніила [1]). Эта книга, написанная неизвѣстнымъ экзальтированнымъ евреемъ временъ Антіоха Епифана подъ принятымъ имъ самимъ псевдонимомъ древняго мудреца [2]), резюмировала духъ послѣдняго времени. Ея авторъ, истинный творецъ философіи исторіи, первый осмѣлился объявить ходъ всемірной исторіи и слѣдовавшія одна за другой имперіи не болѣе какъ явленіемъ, подчиненнымъ судьбамъ іудейскаго народа. Съ самой юности своей Іисусъ былъ

[1]) Матѳея. XXIV, 15; Марка XIII, 14.

[2]) Легенда Даніила сложилась еще въ VI вѣкѣ до Р. Х. (Іезекіиль, XIV, 14 и слѣд.; XXVIII, 3). Впослѣдствіи предполагали, что онъ жилъ во вр мена Вавилонскаго плѣненія.

проникнутъ этими высокими упованіями. Быть можетъ онъ читалъ также и книги Еноха, которыя въ то время пользовались уваженіемъ наравнѣ съ священнымъ писаніемъ[1]), и другія книги въ этомъ родѣ, столь сильно возбуждавшія народную фантазію. Пришествіе Мессіи во всей его славѣ и со всѣми его ужасами, гибель націй, обрушивающихся одна на другую, крушенія неба и земли, давали постоянно пищу его воображенію, и такъ какъ всѣ эти перевороты ожидались въ ближайшемъ будущемъ, такъ какъ многіе пытались уже вычислить срокъ ихъ наступленія, то и вся область сверхъестественнаго, въ которую увлекаютъ такого рода видѣнія, начала представляться ему совершенно естественной и простой.

Изъ каждаго слова его наиболѣе удостовѣренныхъ поученій явствуетъ, что онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія объ общемъ состояніи міра. Онъ представлялъ себѣ, что міръ раздѣляется на царства, которыя ведутъ между собой войны; онъ не зналъ, повидимому, ничего ни о „римскомъ мірѣ", ни о новомъ состояніи общества, которымъ прославился его вѣкъ. Онъ не имѣлъ опредѣленнаго понятія о могуществѣ Имперіи, до него дошло только имя „Кесаря". На его глазахъ строились въ Галилеѣ и въ ея сосѣдствѣ Тиверіада, Іуліада, Діокесарея, Кесарея, пышныя творенія Иродовъ, которыя предназначались ими для того, чтобы этими великолѣпными сооруженіями доказать свое восхищеніе рим-

---

[1]) Посланіе Іуды, 6, 14 и слѣд.; 2 посл. Петра, II, 4, 11; Завѣтъ двѣнадцати патріарховъ; Симеонъ, 5; Левій, 10, 14, 16; Іуда, 18; Зав., 3; Дан. 5; Веніам., 9; Навфал., 4; Посл. Варнавы, гл. 4, 16 (по Синайскому кодексу). См. выше, введеніе, стр. XXXIV—XXXV. „Книга Еноха" составляетъ одну изъ частей эѳіопской Библіи. Въ томъ видѣ, въ какомъ она намъ извѣстна по эѳіопской версіи, она состоитъ изъ отдѣльныхъ частей различной даты. Нѣкоторыя изъ этихъ частей имѣютъ сходство съ поученіями Іисуса. Ср. напр. гл. XCVI и XCIX съ Евангеліемъ отъ Луки, VI, 24 и слѣд.

ской цивилизаціей и свою преданность членамъ семьи Августа; по странной игрѣ случая теперь эти названія, совершенно исковерканныя, носятъ жалкіе поселки Бедуиновъ. Вѣроятно онъ видѣлъ и Себасту, построенную Иродомъ Великимъ, показной городъ, по развалинамъ котораго можно думать, что онъ перенесенъ сюда весь сразу готовымъ, подобно машинѣ, которую остается только поставить на свое мѣсто. Эта безвкусная архитектура, эти постройки, которыя по частямъ привозились въ Іудею на корабляхъ, эти сотни колоннъ, всѣ одного діаметра, украшавшія какую нибудь безвкусную „улицу Риволи",—вотъ что онъ называлъ „царствами міра и всей ихъ славой". Но эта показная роскошь это административное и оффиціальное искусство, конечно, были ему въ высшей степени не по вкусу. Онъ любилъ галилейскія деревни, эти безпорядочныя группы хижинъ и сельско-хозяйственныхъ сооруженій, отчасти высѣченныхъ въ скалахъ, колодцевъ, гробницъ, садовъ съ фиговыми и оливковыми деревьями. Онъ всегда держался ближе къ природѣ. Дворъ царя представлялся ему мѣстомъ, гдѣ всѣ люди ходятъ въ роскошныхъ одеждахъ [1]. Прелестныя небывальщины, которыми полны его притчи, когда онъ выводитъ на сцену [2] царя и знатныхъ людей, свидѣтельствуютъ, что онъ всегда представлялъ себѣ аристократическое общество, какъ молодой поселянинъ, который видитъ „свѣтъ" сквозь призму своей наивности.

Еще менѣе была ему знакома новая идея, созданная греческой ученостью, эта основа всей философіи, вполнѣ подтвержденная и современной наукой, заключающаяся въ отрицаніи сверхъестественныхъ силъ, которыя, по наивной вѣрѣ древнихъ, управляютъ будто бы вселенной. Почти за сто лѣтъ до него Лукрецій великолѣпно выразилъ незыблемость общаго закона природы. Отрицаніе чудесъ, мысль, что все въ мірѣ происхо-

---

[1] Матѳея, XI, 8.
[2] См. наприм., Матѳея, XXII, 2. и слѣд.

дитъ по законамъ природы, въ которые не могутъ вмѣшиваться никакія высшія существа, была общепризнанной во всѣхъ великихъ школахъ, во всѣхъ странахъ, получившихъ науку изъ Греціи. Быть можетъ эта идея не была чуждой также и Вавилону и Персіи. Но объ этихъ успѣхахъ науки Іисусъ не имѣлъ понятія. И быть можетъ никогда еще евреи не были такъ охвачены жаждой чудесъ. Филонъ, жившій въ крупномъ центрѣ интеллигенціи и получившій весьма обширное образованіе, обладалъ также знаніями химерическаго характера и низкой пробы.

Въ этомъ отношеніи Іисусъ ничѣмъ не отличался отъ своихъ соотечественниковъ. Онъ вѣрилъ въ дьявола, котораго считалъ за духа зла [1]), и, какъ и весь міръ, воображалъ, что нервная болѣзнь происходитъ отъ того, что больнымъ овладѣваетъ демонъ, который его и волнуетъ. Чудесное было для него не исключеніемъ, а нормальнымъ явленіемъ. Понятіе о сверхъестественномъ со всѣми его невозможностями, создается лишь послѣ того какъ народилась экспериментальная наука о природѣ. Человѣкъ, не имѣющій никакого представленія о физикѣ, который вѣритъ, что молитвой можно измѣнить ходъ облаковъ, болѣзнь и самую смерть, конечно не увидитъ въ чудѣ ничего особеннаго, такъ какъ весь ходъ вещей для него является результатомъ свободной воли Божества.

Въ такомъ умственномъ состояніи всегда находился Іисусъ. Но на его великую душу такія вѣрованія производили совсѣмъ другое дѣйствіе, нежели это бываетъ у обыкновенныхъ людей. У обыкновеннаго человѣка вѣра въ особое вмѣшательство Божества вызываетъ простодушное легковѣріе и шарлатанскія плутни. У Іисуса эта вѣра связывалась съ глубокимъ сознаніемъ близкихъ сношеній между человѣкомъ и Богомъ и съ преувеличенной вѣрой въ внутреннюю силу

---

[1]) Матѳея, VI, 13.

человѣка; эти прекрасныя заблужденія составляли источникъ его собственной силы; ибо если впослѣдстіи они могли повредить ему въ глазахъ физика и химика, то въ его эпоху они давали ему такую силу, какой не пользовался ни одинъ человѣкъ ни до него, ни послѣ него.

Его своеобразный характеръ обнаружился очень рано. Легенда любитъ разсказывать, что онъ съ дѣтства возсталъ противъ родительской власти и бросивъ избитые пути слѣдовалъ своему призванію [1]). Несомнѣнно по крайней мѣрѣ что онъ не придавалъ значенія родственнымъ связямъ. Его собственная семья, повидимому, не любила его [2]), и по временамъ онъ самъ бываетъ жесткимъ по отношенію къ ней [3]). Какъ всѣ люди, занятые исключительно своей идеей, Іисусъ пересталъ считаться съ кровными узами. Такія натуры признаютъ единственной связью между людьми идею. „Вотъ матерь моя и братья мои, говорилъ онъ, указывая на своихъ учениковъ; ибо кто будетъ исполнять волю Отца моего Небеснаго, тотъ Мнѣ братъ, и сестра, и мать!" Но простые люди понимали его иначе, и однажды одна женщина сказала ему: „блаженно чрево, носившее Тебя, и сосцы, Тебя питавшіе!— А онъ отвѣтилъ: Блаженны слышащіе слово Божіе и соблюдающіе его"! [4]) Вскорѣ онъ долженъ былъ пойдти еще дальше въ этомъ смѣломъ отрицаніи природы, и мы увидимъ, что онъ отвергнулъ все человѣческое, кровь, любовь, родину, и открылъ свою душу и сердце исключительно идеѣ, представлявшейся ему въ видѣ абсолютной правды.

---

[1]) Лука, II, 42 и слѣд. Апокрифическія евангелія полны подобныхъ исторій, доведенныхъ до смѣшного.

[2]) Матѳея, XIII, 57; Марка, VI, 4; Іоанна, VII, 3 и слѣд. См. ниже глава IX.

[3]) Матѳея, III, 48; Марка, VIII, 33; Луки, VIII, 21; Іоанна, II, 4; Евангеліе отъ Іудеевъ, у Св. Іеремія, Dial. adv. Pelag. III, 2.

[4]) Луки, XI, 27 и слѣд.

ГЛАВА IV

Міръ идей, въ которомъ развивался Іисусъ

Трудно понять явленія первобытнаго образованія земнаго шара, такъ какъ огонь, въ которомъ онъ пылалъ, уже погасъ и земля охладилась. Точно также и всякія объясненія представляются неудовлетворительными, когда наши скромные аналитическіе пріемы приходится примѣнять къ переворотамъ созидательныхъ эпохъ, рѣшавшихъ судьбы человѣчества. Іисусъ жилъ въ одинъ изъ такихъ моментовъ, когда всѣ карты общественной жизни раскрываются и ставка человѣческой дѣятельности увеличивается во сто кратъ. Въ такія времена каждый, взявшій на себя великую роль, рискуетъ жизнью, ибо подобныя движенія предполагаютъ такую свободу дѣйствій, такое отсутствіе всякихъ мѣръ предосторожности, которое не можетъ обойдтись безъ страшной развязки. Въ настоящее время человѣкъ мало рискуетъ, но мало и выигрываетъ. Въ героическія эпохи человѣческой дѣятельности человѣкъ рискуетъ всѣмъ но и выигрываетъ все. Добрые и злые, или по меньшей мѣрѣ считающіе себя такими или признаваемые за добрыхъ и злыхъ, образуютъ два противуположныхъ лагеря. Путь къ апоѳеозу идетъ черезъ эшафотъ; характеры пріобрѣтаютъ рѣзко выраженныя черты и запечатлѣваются въ памяти человѣчества въ видѣ вѣчныхъ типовъ. За исключеніемъ французской революціи, ни одинъ изъ историческихъ моментовъ не былъ такимъ подходящимъ для развитія скрытыхъ силъ, которыя человѣчество держитъ какъ бы въ запасѣ и

проявляетъ только въ дни своего горячечнаго состоянія и гибели, какъ именно эпоха, въ которую сложился характеръ Іисуса.

Еслибы управленіе міромъ было задачей, чисто спекулятивной и еслибы обязанность возвѣстить себѣ подобнымъ, во что имъ надлежитъ вѣровать, возлагалась бы на величайшаго философа, то великія моральныя и догматическія правила, называемыя религіей, создавались бы въ полномъ спокойствіи, путемъ умозрѣній. Но на самомъ дѣлѣ бываетъ не такъ. За исключеніемъ Сакъя-Муни, великіе основатели религій не были метафизиками. Самый буддизмъ, родившійся изъ чистаго умозрѣнія, завоевалъ полъ Азіи по чисто политическимъ и моральнымъ мотивамъ. Что касается семитическихъ религій, то философскаго въ нихъ такъ мало, какъ только это возможно. Моисей и Магометъ были не умозрителями, а людьми дѣла. Они овладѣли человѣчествомъ потому, что требовали отъ своихъ современниковъ дѣйствій. Точно также и Іисусъ не былъ богословомъ, или философомъ, создавшимъ болѣе или менѣе сложную систему. Чтобы сдѣлаться ученикомъ Іисуса не было надобности подписаться подъ какой либо программой, или присягнуть какому либо вѣроисповѣданію; нужно было только одно,—привязаться къ нему, любить его. Онъ никогда не спорилъ о Богѣ, ибо чувствовалъ его непосредственно въ самомъ себѣ. Подводные камни метафизическихъ тонкостей, на которые наткнулось христіанство въ III вѣкѣ, были созданы отнюдь не основателемъ его. У Іисуса не было ни догматовъ, ни системъ; у него было твердое личное рѣшеніе, которое, будучи интенсивнѣе всякой иной искусственно созданной воли, и до нынѣ управляетъ судьбами человѣчества.

У еврейскаго народа было то преимущество, что со времени вавилонскаго плѣненія до среднихъ вѣковъ, онъ всегда находился въ весьма напряженномъ состояніи. Поэтому блюстители его національнаго духа въ теченіе всего этого длин-

наго періода пишутъ какъ бы подъ вліяніемъ сильнѣйшаго лихорадочнаго состоянія, благодаря которому они идутъ или по ту, или по сю сторону разума, и рѣдко по его среднему пути. Никогда человѣкъ не ставилъ задачъ своего будущаго и своихъ судебъ съ болѣе отчаянной смѣлостью, не былъ болѣе склоненъ впадать въ крайности. Еврейскіе мыслители, не отдѣляя судебъ человѣчества отъ судьбы своей крошечной расы, первые взяли на себя трудъ создать общую теорію развитія человѣческаго рода. Греція, всегда замыкавшаяся въ самой себѣ и прислушивавшаяся внимательно только къ распрямъ между своими маленькими городами, имѣла превосходныхъ историковъ; стоицизмъ возвѣстилъ величайшіе принципы обязанностей человѣка, какъ гражданина міра и какъ члена великаго братства; но до наступленія римской эпохи тщетно было бы искать въ классической литературѣ общей системы философіи исторіи, охватывающей все человѣчество. Еврей, напротивъ, благодаря нѣкотораго рода пророческому чутью, которое по временамъ даетъ семиту чудесную спо-способность постигать великія загадки будущаго, заставилъ исторію проникнуть въ религію. Быть можетъ онъ обязанъ этимъ до извѣстной степени Персіи. Персъ съ древнихъ временъ понималъ исторію міра, какъ рядъ эволюцій, съ особымъ пророкомъ во главѣ каждой изъ нихъ. Каждому пророку назначенъ свой „хацаръ" или тысячелѣтнее царство (хиліазмъ) и изъ этихъ послѣдовательныхъ эръ, аналогичныхъ милліонамъ вѣковъ, предназначенныхъ каждому индійскому буддѣ, слагается цѣпь событій, подготовляющихъ царство Ормузда. Въ концѣ временъ, когда исполнится циклъ хиліазмовъ, наступитъ окончательный рай. Тогда люди будутъ жить счастливо, земля превратится въ равнину, всѣ будутъ говорить на одномъ языкѣ, для всѣхъ будетъ одинъ законъ, одно правительство. Но этому будутъ предшествовать страшныя катастрофы. Даякъ (сатана персовъ) порветъ цѣпи, которыми онъ скованъ, и обрушится на міръ. Два пророка явятся

утѣшать людей и подготовлять великое событіе [1]). Эти идеи распространялись по всему свѣту и достигали до Рима, гдѣ подъ вліяніемъ ихъ былъ созданъ циклъ пророческихъ поэмъ; основными ихъ идеями было подраздѣленіе исторіи человѣчества на періоды, послѣдовательное появленіе боговъ, соотвѣтствующихъ этимъ періодамъ, полное обновленіе міра и въ концѣ концовъ наступленіе золотого вѣка [2]). Книга Даніила, нѣкоторые отдѣлы книги Еноха и сивиллины книги [3]) являются іудейскимъ выраженіемъ той же теоріи. Конечно, мысли эти не были общимъ достояніемъ. Сперва ихъ раздѣляли лишь нѣкоторые люди съ живымъ воображеніемъ и склонные къ чужеземнымъ доктринамъ. Сухой авторъ книги Эсфирь съ его узкими взглядами никогда не помышлялъ объ остальномъ мірѣ иначе, какъ съ презрѣніемъ и съ пожеланіями ему всякихъ бѣдъ [4]). Разочарованный эпикуреецъ, писавшій Екклезіаста, такъ мало мыслитъ о будущемъ, что считаетъ излишнимъ даже работать для дѣтей; для эгоистическаго холостяка послѣднимъ словомъ мудрости представляется обращеніе своего капитала въ пожизненную ренту [5]). Но великія дѣла народа обыкновенно совершаются его меньшинствомъ. При всѣхъ своихъ недостаткахъ, жесткости, эгоизмѣ, насмѣшливости, жестокости, узкости, софистикѣ, хитрости,—еврейскій народъ тѣмъ не менѣе является творцомъ прекраснаго движенія безкорыстнаго энтузіазма, отмѣченнаго исторіей. Партія оппозиціи всегда соста-

---

1) *Ясна*, XII, 24; Θеопомпъ, у Плут., De Iside et Osiride, § 47; *Минохиредъ*, см. Zeitschrift der deutschen morgenlaendischen Gesellschaft, I, стр. 163.

2) Виргилій, IV, экл.; Сервій, о 4 ст. этой эклоги; Нигидій, въ цитатѣ Сервія о 10 ст.

3) Carm. sibyll., кн. III, 97—817.

4) Эсфирь, VI, 13; VII, 10; VIII, 7; 11—17; IX, 1—22. Ср. съ апокрифическими отдѣлами: IX, 10—11; XIV, 13 и слѣд.; XVI, 20, 24.

5) Екклезіастъ, 1, 11; II, 16, 18—24; III, 19—22; IV, 8, 15—16; V, 17—18; VI, 3,—6; VIII, 15; IX, 9, 10.

вляетъ славу своей страны. Величайшіе люди націи зачастую именно тѣ, которыхъ она предаетъ смертной казни. Сократъ прославилъ Аѳины, считавшія, что съ нимъ жить нельзя. Спиноза—величайшій изъ современныхъ евреевъ, а между тѣмъ синагога изгнала его со срамомъ. Іисусъ былъ славой народа Израиля, который его распялъ.

Колоссальная мечта въ теченіе вѣковъ жила въ іудейскомъ народѣ, она возрождала его безпрестанно, когда онъ падалъ. Чуждаясь теоріи индивидуальныхъ возмездій, которую распространяла Греція подъ видомъ ученія о безсмертіи души, Іудея сосредоточила на своемъ національномъ будущемъ всю силу любви и желаній. Она считала, что ей дано божественное обѣтованіе въ видѣ безпредѣльнаго будущаго, и такъ какъ, начиная съ IX вѣка до Р. Х., горькая дѣйствительность выражалась постояннымъ усиленіемъ царства міра сего и грубо разрушала всѣ вожделѣнія евреевъ, то они бросились въ комбинаціи самыхъ невозможныхъ идей, покушались на самые странные извороты. До вавилонскаго плѣненія, когда всякая будущность націи на землѣ была уничтожена отдѣленіемъ сѣверныхъ племенъ, родилась мечта о возстановленіи дома Давида, о примиреніи между обѣими частями націи, о тріумфѣ теократіи и о побѣдѣ культа Іеговы надъ всѣми идолопоклонническими культами. Въ эпоху плѣненія, поэтъ, полный гармоніи, рисовалъ пышность будущаго Іерусалима, обратившаго въ своихъ данниковъ всѣ народы и самые отдаленные острова, такими нѣжными красками, что можно подумать, будто лучъ свѣта изъ глазъ Іисуса проникъ въ его душу черезъ огромное пространство шести вѣковъ [1]).

Побѣды Кира, казалось, на нѣкоторое время осущес[твили] все, на что надѣялись евреи. Важные ученики Авесты и по[клон]ники Іеговы возмнили себя братьями. Персіи удалось,

---

1) Исайя, *LX* и слѣд.

гнавъ многообразныхъ „дэвъ“ и превративъ ихъ въ демоновъ („дивъ“), извлечь нѣчто въ родѣ монотеизма изъ древнихъ арійскихъ фантазій, по существу своему натуралистическихъ. Пророческій тонъ многихъ поученій Ирана представлялъ много сходства съ нѣкоторыми сочиненіями Осіи и Исайи. При Ахеменидахъ [1]) Израиль успокоился, а при Ксерксѣ (Ассуръ), говорятъ, сталъ даже страшить самихъ иранцевъ. Но торжествующее и подъ часъ грубое вступленіе греческой и римской цивилизаціи въ Азію снова повергло его въ мечтанія. Теперь, болѣе чѣмъ когда либо, онъ сталъ призывать Мессію, какъ судію и мстителя народовъ. Онъ чувствовалъ потребность въ полномъ обновленіи, въ переворотѣ, который всколыхнулъ бы землю сверху до низу; лишь въ этомъ онъ нашелъ бы удовлетвореніе неутолимаго чувства мести, возбуждаемаго въ немъ сознаніемъ своего превосходства и картиной своихъ униженій [2]).

Если бы Израиль обладалъ такъ называемой спиритуалистической доктриной, которая дѣлитъ человѣка на двѣ части, на тѣло и душу, и считаетъ совершенно естественнымъ, что душа продолжаетъ жить въ то время, какъ тѣло истлѣваетъ, то для такого приступа гнѣва и энергическаго протеста не было бы ни почвы, ни основаній. Но такое ученіе, вышедшее изъ греческой философіи, не согласовалось съ традиціями еврейской мысли. Въ древнихъ еврейскихъ книгахъ нѣтъ и слѣда воздаяній и каръ въ будущей жизни. Пока существовала идея солидарности племени, естественно было не думать о строгомъ воздаяніи каждому по его заслугамъ. Тѣмъ хуже для благочестиваго человѣка, если онъ попалъ въ эпоху нечестія; наравнѣ со всѣми другими ему

[1]) Вся книга Эсфирь дышетъ большой преданностью этой династіи. Екклесіастъ, написанный, повидимому, въ ту-же эпоху, представляетъ странное ослабленіе іудейскихъ идей.

[2]) Апокриф. посланіе Варуха, у Фабриція. Cod. pseud., V, T., II, стр. 147 и слѣд., и у Церіани, Monum. sacra et prof., I, fasc. I, стр. 96 и слѣд.

придется подвергнуться общественнымъ бѣдствіямъ, какъ результатамъ общаго нечестія. Это ученіе, завѣщанное мудрецами школы патріарховъ, ежедневно встрѣчалось съ непримиримыми противорѣчіями. Оно было сильно поколеблено еще во времена Іова; три старца, Ѳемаитянинъ, Наамитянинъ, Савхеянинъ, исповѣдывавшіе ее, были людьми отсталыми, и молодой Еліуй, вмѣшавшійся въ разговоръ, въ возникшемъ при этомъ спорѣ, съ первыхъ же словъ своихъ осмѣливается высказать мысль, по существу своему, революціонную: „Не многолѣтніе мудры, не старики разумѣютъ правду“ [1]. При всѣхъ осложненіяхъ, которыя вторглись въ міръ со времени Александра, принципъ этихъ старцевъ и моисеева закона сталъ еще менѣе терпимъ [2]. Никогда еще Израиль не былъ такъ вѣренъ Закону, между тѣмъ онъ подвергался свирѣпому преслѣдованію отъ Антіоха. Развѣ только какой нибудь риторъ, привыкшій повторять устарѣлыя фразы, лишенныя смысла, осмѣлился бы въ то время утверждать, что эти несчастія народъ навлекъ на себя своимъ нечестіемъ [3]. Какъ! Іегова забудетъ навѣки эти жертвы, умирающія за вѣру, этихъ героевъ Маккавеевъ, эту мать съ ея семью сыновьями, предоставитъ ихъ могильному тлѣнію [4])? Невѣрующій саддукей свѣтскаго образа мыслей могъ бы не испугаться такого результата своего поступка; мудрецъ, въ родѣ Антигона изъ Соко [5]), могъ бы проповѣдывать, что не слѣдуетъ быть добродѣтельнымъ подобно рабу, въ ожиданіи награды за это, что нужно быть добродѣтельнымъ безъ раз-

---

1) Іова, XXXIII, 9.

2) Замѣчательно, однако, что Іисусъ, сынъ Сираха, строго придерживается его (XVII, 26—28; XXII, 10—11; XXX, 4 и слѣд.; XLI, 1—2; XLIV, 9) Авторъ „Премудрости“, напротивъ, совершенно противуполож
(IV, 1, греческій текстъ).

3) Эсфирь, XIV, 6—7 (апокриф.); апокрифическое посла
(Фабрицій и Церіани, loc. cit.).

4) Вторая книга Маккавейская, VII.

5) *Пиркэ Аботъ*, I, 3.

мрачна; черная вода вытекаетъ изъ скалъ, пронизанныхъ гробницами. Я думаю, что это та самая „долина плача“, которая воспѣта въ псалмѣ 83 [1]), и которая обратилась въ эмблему жизни для упоительнаго и печальнаго мистицизма среднихъ вѣковъ. На слѣдующій день, рано утромъ будетъ достигнута цѣль путешествія, Іерусалимъ; и понынѣ ожиданіе увидать его поддерживаетъ бодрость каравана, вечеръ проходитъ быстро и легкій сонъ спускается на усталыхъ путниковъ.

Эти путешествія, въ которыхъ вся нація обмѣнивалась идеями и благодаря которымъ ежегодно въ столицѣ создавались очаги сильнѣйшаго возбужденія, приводили Іисуса въ соприкосновеніе съ душей его народа и, безъ сомнѣнія, сами по себѣ внушали ему живѣйшую антипатію къ заблужденіямъ офиціальныхъ представителей іудаизма. Утверждаютъ, что пустыня была для него второй школой и что онъ живалъ въ ней по долгу [2]). Но Богъ, котораго онъ въ ней находилъ не былъ его Богомъ. Это былъ скорѣе Богъ Іова, суровый и грозный, никому не прощающій. Иногда сатана являлся сюда искушать его. Но тогда онъ возвращался въ свою милую Галилею и находилъ здѣсь своего Отца небеснаго среди зеленыхъ холмовъ и свѣтлыхъ фонтановъ, среди женщинъ и дѣтей, которыя съ радостной душой и ангельскимъ пѣснопѣніемъ въ сердцахъ ожидали спасенія Израиля.

---

[1]) Псалтырь, пс. 83, ст. 7.
[2]) Луки. IV, 42; V. 16.

ГЛАВА V

Первые афоризмы Іисуса.—Его идеи о Богѣ Отцѣ и объ истинной религіи.—Первые ученики

Іосифъ умеръ раньше, чѣмъ его сынъ началъ играть какую-либо роль въ общественной жизни. Такимъ образомъ Марія стала главой семьи и этимъ объясняется, почему Іисуса чаще всего называли „сыномъ Маріи“ [1]), когда хотѣли отличить его отъ его многочисленныхъ соименниковъ. Повидимому, оставшись послѣ смерти мужа одинокой въ Назаретѣ, она переселилась въ Кану [2]), откуда, можетъ быть, она и была родомъ. Кана [3]) небольшой городокъ въ двухъ или двухъ съ половиной часахъ пути отъ Назарета, расположенный у подножія горъ, составляющихъ сѣверную границу равнины Азохисъ [4]). Видъ этой равнины, которая чрезвычайно живописно замыкается Назаретскими горами и холмами Сефорисъ,

---

1) Это выраженіе принадлежитъ Марку Ср Матѳея, XIII, 55. Маркъ вообще не упоминаетъ объ Іосифѣ; напротивъ четвертое Евангеліе и Лука предпочитаютъ называть Іисуса „сыномъ Іосифа“. Луки, III, 23; IV, 22; Іоанна, 1, 46; VI, 42. Странно, что въ четвертомъ Евангеліи мать Іисуса ни разу не названа по имени. Имя „Бенъ Іосифъ“, которымъ въ Талмудѣ названъ одинъ изъ Мессій, наводитъ на многія размышленія.

2) Іоанна, II, I; IV, 46. Это было извѣстно одному Іоанну.

3) Нынѣ *Кана-ель-Джелиль*, тоже, что Кана Галилейская временъ крестовыхъ походовъ. (см. Archives des missions scientifiques, 2-ая серія, т. III., стр. 370). Не слѣдуетъ смѣшивать съ *Кефръ-Кенна*, мѣстечкомъ, расположеннымъ къ С. С. З. отъ Назарета (*Кафархеммэ* крестоносцевъ).

4) Нынѣ *Ель-Буттофъ*.

не такъ величественъ, какъ видъ Назарета. Повидимому, Іисусъ жилъ нѣкоторое время въ этомъ мѣстечкѣ. Вѣроятно здѣсь прошла часть его юности и здѣсь же онъ впервые обратилъ на себя общее вниманіе [1]).

Онъ занимался ремесломъ своего отца, который былъ плотникомъ [2]). Это положеніе не было ни унизительнымъ, ни непріятнымъ. Еврейскій обычай требовалъ, чтобы человѣкъ, посвятившій себя умственному труду, зналъ какое либо ремесло. Самые знаменитые изъ учителей были ремесленниками [3]); такъ напр., св. Павелъ, получившій тщательное воспитаніе, дѣлалъ палатки, или ткалъ ковры [4]). Іисусъ не былъ женатъ. Всю силу своей любви онъ обратилъ на то, что считалъ своимъ высшимъ призваніемъ. Необыкновенно нѣжное чувство къ женщинамъ [5]), которое у него замѣчается, не отдѣлялось въ немъ отъ безграничной преданности своей идеѣ. Подобно Франциску Ассизскому и Франциску Сальскому, онъ относился, какъ къ сестрамъ, къ тѣмъ женщинамъ, которыя отдавались одному съ нимъ дѣлу; у него была своя св. Клара, своя Франсуаза Шанталь. Только возможно, что онѣ любили больше его самого, чѣмъ его дѣло; безъ сомнѣнія, не столько онъ любилъ, сколько его любили. И какъ это часто бываетъ у слишкомъ возвышенныхъ натуръ, нѣжность сердца у него обратилась въ безконечную кротость, въ неопредѣленную мечтательность, всеобщую обаятельность. Его дружескія и свободныя, но вполнѣ нравственныя отношенія съ женщинами сомнительнаго поведенія точно также объясняются страстной преданностью его славѣ Отца, вну-

Іоанна, II, 11; IV, 46. Одинъ изъ учениковъ Іисуса былъ родомъ
ı. Іоанна, XXI, 2; Матѳея, X, 4, Марка, III, 18.
эея, XIII, 55; Марка, VI, 3; Іустинъ, Dial. cum Tryph., 88.
рим. „Равви Іоханапъ, башмачникъ, Равви Исаакъ кузнецъ".
ıнія, XVIII, 3.
̛м. ниже глава IX.

шавшей своего рода влеченіе ко всѣмъ прекраснымъ со-
даніямъ, которыя могли бы послужить для этой славы [1]).

Каковъ былъ ходъ развитія мысли Іисуса въ этотъ темны
періодъ его жизни? Съ какими умозрѣніями онъ выступил
впервые на путь пророка? Это неизвѣстно, такъ какъ истор
его дошла до насъ въ видѣ отрывочныхъ повѣствованій без
точной хронологіи. Но ходъ развитія живыхъ существъ всюд
одинъ и тотъ же и безъ сомнѣнія ростъ столь сильной на-
туры, какой былъ Іисусъ, строго слѣдовалъ законамъ эво-
люціи. Высокое познаніе Божества, которымъ онъ былъ обя-
занъ никакъ не іудаизму и которое, повидимому, было сущ-
ностью его великой души, было до нѣкоторой степени глав-
ной основой его существа. Въ этой области болѣе всег
приходится отрѣшаться отъ свойственныхъ намъ идей
отъ тѣхъ анализовъ, надъ которыми мелкіе умы исто-
щаютъ свои силы. Для того чтобы ясно понять особый от-
тѣнокъ благочестія Іисуса, нужно отрѣшиться отъ всего, что
стоитъ между Евангеліемъ и нами. Деизмъ и пантеизмъ сдѣ-
лались двумя полюсами богословія. Жалкія умозрѣнія схола-
стики, сухость мысли Декарта, глубокая нерелигіозност
XVIII вѣка, умаливъ Бога, ограничивъ его до извѣстной сте-
пени, исключивъ изъ понятія о Богѣ все, что не есть Богъ
заглушили въ современномъ раціонализмѣ всякое плодо-
творное чувство Божества. Въ самомъ дѣлѣ, если Богъ ест
опредѣленное существо внѣ насъ, то человѣкъ, воображаю-
щій будто онъ состоитъ въ особыхъ сношеніяхъ съ Богомъ
не болѣе какъ „духовидецъ", а такъ какъ физика и физіо-
логія удостовѣряютъ, что всякое сверхъестественное видѣніе
есть иллюзія, то мало мальски послѣдовательный деистъ дол-
женъ признать невозможность понять великія вѣрованія прош-
лаго. Съ другой стороны пантеистъ, отрицая индивидуальност
Божества, на столько далекъ отъ Бога живого древнихъ ре

[1]) Луки, VII, 37 и слѣд.; Іоанна, IV, 7 и слѣд., VIII, 3 и слѣд.

лигій, насколько это возможно. Были-ли деистами, или пантеистами въ нѣкоторые моменты своей подвижнической жизни, люди, достигавшіе высшаго пониманія Бога, Сакъя-Муни, Платонъ, св. Павелъ, св. Францискъ Ассизскій, св. Августинъ? Такого вопроса нельзя и ставить. Всякія физическія и метафизическія доказательства бытія Бога встрѣтили бы со стороны этихъ великихъ людей полнѣйшее равнодушіе. Они ощущали божество въ самихъ себѣ. И въ первыхъ рядахъ этой великой семьи истинныхъ сыновъ Божіихъ надо поставить Іисуса. У Іисуса не было видѣній; Богъ не говорилъ съ нимъ, какъ съ существомъ, стоящимъ внѣ его; Богъ жилъ въ немъ; онъ чувствовалъ его въ себѣ и бралъ изъ своего сердца то, что оно ему говорило объ его Отцѣ. Онъ жилъ на лонѣ Бога, находясь съ нимъ въ постоянномъ общеніи; онъ не видѣлъ его, но слышалъ, не нуждаясь ни въ громѣ, ни въ пылающей купинѣ, какъ Моисей, ни въ знаменательной бурѣ, какъ Іовъ, ни въ оракулѣ, какъ древніе греки, ни въ домашнемъ геніи, какъ Сократъ, ни въ ангелѣ Гавріилѣ, какъ Магометъ. Здѣсь не при чемъ такія фантазіи и галлюцинаціи, какія были у св. Терезы. Объясненіе „суфи", возвѣщающаго, что онъ равенъ Богу, тоже явленіе иного порядка. Іисусъ ни разу не выражалъ святотатственной мысли будто онъ равенъ Богу. Іисусъ думаетъ, что онъ находится въ прямыхъ сношеніяхъ съ Богомъ, вѣритъ, что онъ сынъ Божій. Высшее познаніе Бога, какое только было у человѣчества, это то, которое имѣлъ Іисусъ.

Съ другой стороны понятно, что исходя изъ такого душевнаго настроенія, Іисусъ не могъ сдѣлаться умозрительнымъ философомъ въ родѣ Сакъя-Муни. Евангеліе стоитъ [illegible] отъ схоластической богословіи [1]). Умозрѣнія грече-

[1]) Поученія, приписываемыя Іисусу четвертымъ Евангеліемъ, заклю[illegible] въ себѣ зачатки богословія. Но эти поученія абсолютно противо[illegible] тѣмъ, которыя находятся въ синоптическихъ Евангеліяхъ, безъ [illegible]каго сомнѣнія, представляющихъ собою первоначальныя „Logia", и

скихъ учителей о божественной сущности проистекаютъ изъ совсѣмъ другого духа. Все богословіе Іисуса въ томъ, что Богъ познается непосредственнымъ Отцемъ. И это было у него не теоретическимъ принципомъ, не ученіемъ, болѣе или менѣе доказаннымъ, которое онъ старался внушить другимъ. Онъ не приводилъ своимъ ученикамъ никакихъ доводовъ разсудка [1]), не требовалъ отъ нихъ никакого умственнаго напряженія. Онъ проповѣдывалъ не свои убѣжденія, а себя самого. Нерѣдко, особенно великія и особенно безкорыстныя натуры, при особенной возвышенности духа, носятъ именно такой характеръ вѣчнаго прислушиванія къ самимъ себѣ и крайней степени чувствительности, въ общемъ свойственной женщинамъ [2]). У нихъ увѣренность въ томъ, что Богъ живетъ въ нихъ и вѣчно занятъ ими, до такой степени сильна, что онѣ нисколько не опасаются импонировать другимъ; наша сдержанность, уваженіе къ чужому мнѣнію, отчасти составляющія наше безсиліе, имъ совершенно несвойственны. Эта экзальтированная индивидуальность не есть эгоизмъ, ибо подобные люди, одержимые своей идеей, съ полной готовностью отдаютъ свою жизнь, чтобы ею запечатлѣть свое дѣло: это доведенное до крайности отождествленіе своего „я“ съ тѣмъ дѣломъ, которому оно себя отдаетъ. Тѣ, которые видятъ въ новомъ ученіи только личную фантазію основателя, гордятся такимъ отношеніемъ его къ своему дѣлу; для другихъ, которые видятъ только результаты, въ этомъ заключается перстъ Божій. Здѣсь безуміе соприкасается съ вдохновленностью, но только безумный никогда не пользуется успѣхомъ. До сихъ поръ умственное помѣшательство еще никогда не вліяло сколько нибудь серьезно на ходъ человѣчества.

потому ихъ слѣдуетъ относить къ документамъ исторіи апостоловъ, а не къ элементамъ жизни Іисуса.

[1]) См. Матѳея, IX, 9 и другія аналогичныя повѣствованія.

[2]) См., наприм., Іоанна, XXI, 15 и слѣд., хотя, повидимому, четвертое Евангеліе преувеличиваетъ эту черту.

Безъ сомнѣнія Іисусъ не сразу дошелъ до такой высшей степени самопознанія. Но возможно, что съ первыхъ своихъ шаговъ онъ уже опредѣлялъ свои отношенія къ Богу, какъ сына къ отцу. Въ этомъ заключается главная его оригинальность и въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго признака его расы [1]). Ни іудей, ни мусульманинъ не понимали этой восхитительной теологіи, основанной на любви. Богъ Іисуса не тотъ грозный владыка, который насъ убиваетъ, когда ему вздумается, проклинаетъ. когда ему вздумается, спасаетъ, когда ему вздумается. Богъ Іисуса нашъ Отецъ. Мы чувствуемъ его, прислушиваясь къ легкому дуновенію, которое въ насъ взываетъ: „Авва, Отче"! [2]) Богъ Іисуса не пристрастный деспотъ, избравшій Израиль своимъ народомъ и покровительствующій ему противъ всѣхъ и вопреки всѣмъ Это Богъ человѣчества. Іисусъ не можетъ сдѣлаться ни патріотомъ, какъ Маккавеи, ни теократомъ, какъ Іуда Гавлонитъ. Смѣло возвысившись надъ предразсудками своей націи, онъ основываетъ всеобщее братство по Богу. Гавлонитъ проповѣдывалъ, что лучше умереть, нежели называть „господиномъ" кого либо, кромѣ Бога; Іисусъ предоставляетъ называться „господиномъ" кому угодно, а для Бога сохраняетъ болѣе нѣжное названіе. Отдавая земнымъ властямъ, представителямъ силы въ его глазахъ, дань почтенія, полную ироніи, онъ создаетъ высшее утѣшеніе, прибѣжище къ Отцу, который у каждаго есть на небесахъ, истинное царство Божіе, которое каждый носитъ въ своемъ сердцѣ.

„Царство Божіе" или „царство Небесное" [3]) были люби-

---

1) Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ пунктахъ, прекрасная душа Филона сходится съ душой Іисуса. De confus. ling., § 14; De migr. Abr., § 1; De somniis, II, § 41; De agric. Noe, § 12; De mutatione nominum, § 4.

2) Посланіе св. Павла къ Галатамъ, IV, 6.

3) Слово „небо" на языкѣ раввиновъ того времени есть синонимъ слова „Богъ", которое избѣгали произносить. См. Бухсторфъ, Lex. chald.

мыми выраженіями Іисуса для опредѣленія того переворота, который онъ вносилъ въ міръ [1]). Какъ и всѣ почти мессіанскіе термины, эти слова взяты изъ книги Даніила. По словамъ автора этой необыкновенной книги, за четырьмя свѣтскими царствами, которымъ суждено погибнуть, послѣдуетъ пятое, царство „святыхъ", которое будетъ вѣчнымъ [2]). Естественно, что это царство Божіе на землѣ служило темой для самыхъ различныхъ толкованій. Для многихъ это было царство Мессіи или новаго Давида [3]); для іудейской теологіи „царство Божіе" чаще всего не что иное, какъ самый іудаизмъ, истинная религія, монотеистическій культъ, благочестіе [4]). Въ послѣднее время своей жизни, Іисусъ, повидимому, думалъ, что царство это должно осуществиться матеріально, путемъ внезапнаго обновленія міра. Однако безъ сомнѣнія не въ этомъ заключалась его первоначальная идея [5]). Чудная мораль, которую онъ извлекаетъ изъ познанія Бога Отца, не свойственна тѣмъ энтузіастамъ, которые вѣрятъ въ близкую кончину міра и подготовляютъ себя къ химерической катастрофѣ путемъ аскетической жизни: это мораль міра, который живетъ и хочетъ жить. „Царство Божіе среди васъ есть", говорилъ онъ тѣмъ, кто пытался тща-

talm. rabb., слово שָׁמַיִם и Даніила, IV, 22, 23. Ср. Матѳея, XXI, 25; Марка, XI, 30, 31; Луки, XV, 18, 21; XX, 4, 5.

[1]) Это выраженіе повторяется на каждой страницѣ синоптическихъ Евангелій, въ Дѣяніяхъ апостоловъ, въ посланіяхъ св. Павла. Если оно всего лишь одинъ разъ встрѣчается въ четвертомъ Евангеліи (III, 3 и 5), то это потому, что поученія, передаваемыя этимъ Евангеліемъ, далеко не представляютъ собой истинныхъ словъ Іисуса.

[2]) Даніила, II, 44; VII, 13, 14, 22, 27; Апокалипсисъ Варуха, у Церіани, Monum. sacra et prof., т. I, серія II, стр. 82.

[3]) Марка, XI, 10; Таргумъ Іонаѳана: Исайя, XL, 9; LIII, 10; Михея, IV, 7.

[4]) Мишна, *Беракотъ*, II, 1, 3; Іерусалимскій Талмудъ, *Беракотъ*, II, 2; *Киддушинъ* I, 2; Вавилонскій Талмудъ, *Беракотъ*, 15а; *Мекилта*, 42в; *Сифра*, 170 в. То же выраженіе часто повторяется въ *Мидрашимъ*.

[5]) Матѳея, V, 10; VI, 10, 33; XI, 11; XII, 28; XVIII, 4; XIX, 12; Марка, X, 14, 15; XII, 34; Луки, XII, 31.

тельно установить признаки его будущаго пришествія [1]. Реалистическое пониманіе будущаго пришествія было лишь облакомъ, мимолетнымъ заблужденіемъ, которое смерть заставила забыть. Іисусъ—основатель истиннаго царства Божія, царства кроткихъ и смиренныхъ, вотъ какимъ былъ Іисусъ первыхъ дней его жизни [2], дней ничѣмъ неомраченной непорочности, когда голосъ его Отца звучалъ въ его груди съ наибольшей чистотой тембра. Тогда въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, можетъ быть, года, Богъ дѣйствительно обиталъ на землѣ. Голосъ молодого плотника вдругъ принялъ необыкновенную мягкость. Все его существо дышало безконечной обаятельностью и кто раньше его видалъ, теперь его не узнавалъ [3]. У него еще не было учениковъ и группа, собравшаяся вокругъ него, не была ни сектой, ни школой; но въ ней уже чуялся общій духъ, нѣчто поразительное и привлекательное. Его привѣтливый характеръ и, быть можетъ, обольстительная внѣшность [4], какая иногда встрѣчается у еврейской расы, создали вокругъ него особую увлекательную атмосферу, отъ вліянія которой никто изъ среды этихъ добродушныхъ и наивныхъ племенъ не могъ устоять.

И рай, дѣйствительно, снизошелъ бы на землю, если бы

---

1) Луки, XVII, 20—21. Переводъ „внутри васъ есть“ менѣе точенъ, хотя въ сущности и не уклоняется отъ мысли Іисуса, приведенной въ этомъ мѣстѣ.

2) Дѣйствительно, великая апокалипсическая теорія Сына человѣческаго у синоптиковъ приводится лишь въ главахъ, предшествующихъ повѣствованію о Страстяхъ. Первыя проповѣди, особенно у Матѳея, чисто нравственнаго характера.

3) Матѳея, XIII, 54 и слѣд.; Марка, VI, 2 и слѣд.; Іоанна, VI, 42.

4) Преданіе о безобразіи Іисуса (Іустинъ, Dial. cum Tryph., 85, 88, 100; Климентъ Алекс., Paedag., III, 1; Strom., VI, 17; Оригенъ, Contre Celse, VI, 75; Тертулліанъ, De Carne Christi, 9; Adv. Iudaeos, 14) произошло изъ желанія видѣть въ немъ осуществленіе одной изъ тѣхъ чертъ, которыя считались мессіанскими (Исайя, LIII, 2). Въ первые вѣка не существовало никакого традиціоннаго портрета Іисуса. Св. Августинъ, De Trinitate, VIII, 4, 5. Ср. Иринея, Adv. haer., I, XXV, 6.

идеи молодого учителя такъ далеко не зашли за тотъ уровень средней добродѣтели, выше котораго человѣческому роду до сихъ поръ никогда не удавалось возвышаться. Братство людей сыновъ Божіихъ и всѣ моральныя послѣдствія, которыя отсюда проистекаютъ, были выведены съ необыкновенно тонкимъ чутьемъ. Подобно всѣмъ раввинамъ своего времени, Іисусъ былъ очень мало склоненъ къ послѣдовательнымъ разсужденіямъ, излагалъ свое ученіе въ краткихъ афоризмахъ, въ выразительной формѣ, иногда загадочныхъ и странныхъ [1]). Нѣкоторыя изъ этихъ правилъ взяты изъ книгъ Ветхаго Завѣта. Другія принадлежали болѣе современнымъ ученымъ, напр. Антигону изъ Соко, Іисусу, сыну Сирахову, Гиллелю, и дошли до Іисуса не путемъ ученыхъ изслѣдованій, а благодаря тому, что они часто повторялись въ видѣ пословицъ. Синагога была богата правилами, очень удачно формулированными и составлявшими нѣчто въ родѣ ходячей литературы въ пословицахъ [2]). Іисусъ принялъ почти цѣликомъ это изустное ученіе, но вдохнулъ въ него высшую идею [3]). Обыкновенно онъ заходилъ еще дальше въ обязанностяхъ, намѣченныхъ Закономъ и древними; онъ стремился къ совершенству. Въ этомъ первоначальномъ ученіи его были зародыши всѣхъ добродѣтелей: смиренія, всепрощенія,

---

[1]) Въ „Logia" св. Матѳея многіе изъ подобныхъ афоризмовъ соединены вмѣстѣ, чтобы составить длинное поученіе. Но отрывочность чувствуется здѣсь въ искусственности изложенія.

[2]) Изреченія іудейскихъ учителей того времени собраны въ небольшой книжкѣ, озаглавленной *Пиркэ Абботъ*.

[3]) Сопоставленія будутъ сдѣланы ниже, по мѣрѣ того, какъ они представятся. Иногда высказывалось предположеніе, что такъ какъ редакція Талмуда относится къ болѣе позднему времени, нежели Евангелія, то іудейскіе компиляторы могли дѣлать позаимствованія изъ христіанской морали. Но это не допустимо; правила Талмуда, отвѣчающія евангельскимъ сентенціямъ, снабжены весьма точными датами въ видѣ именъ тѣхъ учителей, которымъ эти правила приписывались, а это исключаетъ всякую возможность позаимствованія.

милосердія, самоотреченія, строгости по отношенію къ самому себѣ,—добродѣтелей, которыя были съ полнымъ правомъ названы христіанскими, если подъ этимъ разумѣть, что Христосъ дѣйствительно ихъ проповѣдывалъ. Въ отношеніи справедливости онъ ограничивался повтореніемъ общераспространеннаго изреченія: „Итакъ во всемъ, какъ хотите, чтобы съ вами поступали люди, такъ поступайте и вы съ ними“ [1]). Но эта старая, все еще довольно эгоистичная истина, его не удовлетворяла. Онъ доходилъ до крайности:

„Но кто ударитъ тебя въ правую щеку твою, обрати къ нему и другую; и кто захочетъ судиться съ тобой и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду“ [2]).

„Если же правый глазъ твой соблазняетъ тебя, вырви его и брось отъ себя“ [3]).

„Любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящихъ васъ и молитесь за обижающихъ васъ и гонящихъ васъ“ [4]).

„Не судите, да не судимы будете [5]). Прощайте и прощены будете [6]). Будьте милосерды, какъ и Отецъ вашъ милосердъ [7]). Блаженнѣе давать, нежели принимать“ [8]).

„Кто возвышаетъ себя, тотъ униженъ будетъ, а кто унижаетъ себя, тотъ возвысится [9]).

---

[1]) Матѳея, VII, 12; Луки, VI, 31. Это изреченіе есть и у Товита, IV, 16. Гиллель обыкновенно имъ пользовался (Вавил. Талм., *Шаббатъ*, 31а) и заявлялъ, подобно Іисусу, что въ немъ заключается въ сокращенномъ видѣ весь Законъ.

[2]) Матѳея, V, 39 и слѣд.; Луки VI, 29. Ср. Іеремію, *Плачъ*, III, 30.

[3]) Матѳея, V, 29—30, XVIII, 9; Марка, IX, 46.

[4]) Матѳея, V, 44, Луки, VI, 27. Ср. Вавил. Талм., *Шаббатъ*, 88в; *Іома*, 23а.

[5]) Матѳея, VII, 1; Луки, VI, 37. Ср. Вавил. Талм., *Кетуботъ*, 105в.

[6]) Луки, VI, 37. Ср. Левитъ, XIX, 18; Притчъ, XX, 22; Екклесіастъ, XXVIII, 1 и слѣд.

[7]) Луки, VI, 36, Сифре, 51в (Зультцбахъ, 1802).

[8]) Изреченіе это приводится въ Дѣяніяхъ, XX, 35.

[9]) Матѳея, XXIII, 12; Луки, XIV, 11; XVIII, 14. Сентенціи, которыя

По поводу милостыни, благочестія, добрыхъ дѣлъ, кротости, миролюбія, полнаго сердечнаго безкорыстія, ему почти нечего было прибавить къ ученію синагоги [1]). Но онъ умѣлъ давать своей проповѣди такой умилительный характеръ, что давно извѣстные афоризмы казались чѣмъ-то новымъ. Мораль слагается не изъ принциповъ, болѣе или менѣе удачно выраженныхъ. Поэзія поученія, внушающая къ нему любовь, имѣетъ гораздо больше значенія, чѣмъ самое поученіе, взятое какъ отвлеченная истина. И нельзя отрицать, что эти принципы, заимствованные Іисусомъ у его предтечей, производятъ въ Евангеліи совсѣмъ другое впечатлѣніе, нежели въ древнемъ Законѣ, въ *Пиркэ Аботъ*, или въ Талмудѣ. Міръ былъ завоеванъ и преобразованъ не древнимъ Закономъ, и не Талмудомъ. Евангельская мораль, какъ ни мало въ ней оригинальнаго, въ томъ смыслѣ, что ее можно было бы всю цѣликомъ составить изъ болѣе древнихъ нравственныхъ началъ, тѣмъ не менѣе остается высшимъ продуктомъ творчества человѣческаго духа, лучшимъ изъ кодексовъ совершенной жизни, какіе когда либо были составлены моралистами.

Іисусъ никогда не проповѣдывалъ противъ Моисеева Закона, но чувствуется, что онъ понималъ его недостаточность и давалъ это понять. Онъ постоянно повторялъ, что нужно дѣлать больше того, чему учили древніе ученые [2]). Онъ запрещалъ всякое жесткое слово [3]), запрещалъ разводъ [4]) и всякія клятвы [5]), порицалъ месть [6]), осуждалъ

приводитъ Св. Іеремія изъ „Евангелія отъ Іудеевъ“ (коммент. въ Посланіи къ Ефесеямъ, V, 4; въ книгѣ Іезекіиля, XVIII; Dial. adv. Pelag., III, 2), проникнуты тѣмъ же духомъ. Ср. Вавил. Талм., *Ерубинъ*, 13в.

[1]) Второзак., XXIV, XXV, XXVI и пр.; Исайя, LVIII, 7; книга Притчъ XIX, 17; *Пиркэ-Аботъ*, I; Іерусалимскій Талмудъ, *Пэахъ*, I, 1; Вавилонскій Талмудъ, *Шаббатъ*, 63а; Вав. Талм., *Баба-Кама*, 93а.

[2]) Матѳея, V, 20 и слѣд.

[3]) Матѳея, V, 22.

[4]) Тамъ же, V, 31 и слѣд. Ср. Вавилонскій Талмудъ, *Синедріонъ*, 22а.

[5]) Матѳея, V, 33 и слѣд.

[6]) Тамъ же, V, 38, и слѣд.

Безъ сомнѣнія Іисусъ не сразу дошелъ до такой высшей степени самопознанія. Но возможно, что съ первыхъ своихъ шаговъ онъ уже опредѣлялъ свои отношенія къ Богу, какъ сына къ отцу. Въ этомъ заключается главная его оригинальность и въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго признака его расы [1]). Ни іудей, ни мусульманинъ не понимали этой восхитительной теологіи, основанной на любви. Богъ Іисуса не тотъ грозный владыка, который насъ убиваетъ, когда ему вздумается, проклинаетъ, когда ему вздумается, спасаетъ, когда ему вздумается. Богъ Іисуса нашъ Отецъ. Мы чувствуемъ его, прислушиваясь къ легкому дуновенію, которое въ насъ взываетъ: „Авва, Отче“! [2]) Богъ Іисуса не пристрастный деспотъ, избравшій Израиль своимъ народомъ и покровительствующій ему противъ всѣхъ и вопреки всѣмъ Это Богъ человѣчества. Іисусъ не можетъ сдѣлаться ни патріотомъ, какъ Маккавеи, ни теократомъ, какъ Іуда Гавлонитъ. Смѣло возвысившись надъ предразсудками своей націи, онъ основываетъ всеобщее братство по Богу. Гавлонитъ проповѣдывалъ, что лучше умереть, нежели называть „господиномъ“ кого либо, кромѣ Бога; Іисусъ предоставляетъ называться „господиномъ“ кому угодно, а для Бога сохраняетъ болѣе нѣжное названіе. Отдавая земнымъ властямъ, представителямъ силы въ его глазахъ, дань почтенія, полную ироніи, онъ создаетъ высшее утѣшеніе, прибѣжище къ Отцу, который у каждаго есть на небесахъ, истинное царство Божіе, которое каждый носитъ въ своемъ сердцѣ.

„Царство Божіе“ или „царство Небесное“ [3]) были люби-

---

[1]) Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ пунктахъ, прекрасная душа Филона сходится съ душой Іисуса. De confus. ling., § 14; De migr. Abr., § 1; De somniis, II, § 41; De agric. Noe, § 12; De mutatione nominum, § 4.

[2]) Посланіе св. Павла къ Галатамъ, IV, 6.

[3]) Слово „небо“ на языкѣ раввиновъ того времени есть синонимъ слова „Богъ“, которое избѣгали произносить. См. Буксторфъ, Lex. chald.

чтобы убѣдиться смотрятъ ли на нихъ, оказывавшихъ милостыню съ шумомъ и отмѣчавшихъ свои одежды особыми значками, по которымъ въ нихъ узнавали бы благочестивыхъ людей, всѣ эти кривлянья фальшивой набожности возмущали его. „Они уже получаютъ награду свою, говорилъ Іисусъ; у тебя-же, когда творишь милостыню, пусть лѣвая рука твоя не знаетъ, что творитъ правая, чтобы милостыня твоя была втайнѣ, и Отецъ твой, видящій тайное, воздастъ тебѣ явно [1]) И когда молишься, не будь какъ лицемѣры, которые любятъ въ синагогахъ и на углахъ улицъ, останавливаясь, молиться, чтобы показаться передъ людьми. Истинно говорю вамъ, что они уже получаютъ награду свою. Ты же, когда молишься, войди въ комнату твою, и затворивъ дверь твою, помолись Отцу твоему, который втайнѣ; и Отецъ твой, видящій тайное, воздастъ тебѣ явно. А молясь, не говорите лишняго, какъ язычники; ибо они думаютъ, что въ многословіи своемъ будутъ услышаны. Не уподобляйтесь имъ; ибо знаетъ Отецъ вашъ, въ чемъ вы имѣете нужду, прежде вашего прошенія у него“ [2]).

Онъ не признавалъ никакихъ внѣшнихъ признаковъ аскетизма и довольствовался молитвой, или скорѣе созерцаніемъ на горахъ и въ уединенныхъ мѣстахъ, гдѣ [3]) человѣкъ всегда искалъ Бога. Это высшее познаніе отношеній человѣка къ Богу, которое и послѣ Іисуса было доступно лишь немногимъ душамъ, резюмировалось въ молитвѣ, составленной имъ изъ благочестивыхъ изреченій, бывшихъ въ употребленіи у евреевъ и раньше; этой молитвѣ онъ научилъ своихъ учениковъ [4]):

---

[1]) Матѳ., VI, 1 и слѣд. Ср. Екклесіастъ, XVII, 18; XXIX, 15; Вавилон... Талм., *Хагига*, 5а; *Баба батра*. 9в

[2]) Матѳея, VI, 5—8.

[3]) Матѳ. XIV, 23; Луки, IV, 42; V, 16; VI, 12.

[4]) Матѳея, VI, 9 и слѣд.; Лука, XI, 2 и слѣд. См. Вавил. Талм., *Бе...а; котъ*, 29в, 30а и въ особенности выраженіе אבינו שבשמים

„Отче нашъ, сущій на небесахъ! да святится имя Твое; да пріидетъ царствіе Твое; да будетъ воля Твоя и на землѣ, какъ на небѣ; хлѣбъ нашъ насущный, дай намъ на сей день; и прости намъ долги наши, какъ и мы прощаемъ должникамъ нашимъ; и не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго“ [1]). Онъ особенно настаивалъ на томъ, что Отецъ небесный знаетъ лучше насъ, что намъ нужно, и что мы чуть не оскорбляемъ его, когда просимъ у него чего либо опредѣленнаго [2]).

Все это для Іисуса было только прямымъ слѣдствіемъ изъ великихъ принциповъ, установленныхъ іудаизмомъ; но оффиціальные классы націи обнаруживали все большую склонность забывать ихъ. Греческія и римскія молитвы почти всегда были отмѣчены эгоизмомъ. Никогда языческій жрецъ не говорилъ своему послѣдователю: „итакъ, если ты принесешь даръ свой къ жертвеннику, и тамъ вспомнишь, что братъ твой имѣетъ что нибудь противъ тебя, оставь тамъ даръ твой передъ жертвенникомъ, и пойди, прежде помирись съ братомъ твоимъ, и тогда приди и принеси даръ твой [3])“. Одни іудейскіе пророки, въ особенности Исайя, съ самыхъ древнихъ временъ чувствуя антипатію къ жрецу, предвидѣли истинный характеръ того культа, которымъ человѣкъ обязанъ Богу: „Къ чему мнѣ множество жертвъ вашихъ? говоритъ Господь. Я пресыщенъ всесожженіями овновъ и тукомъ откормленнаго скота... Куреніе отвратительно для Меня... Ваши руки полны крови... очиститесь. Удалите злыя дѣянія ваши отъ очей Моихъ, перестаньте дѣлать зло, научитесь дѣлать добро... тогда придите“ [4]). Въ послѣднее время, нѣкоторые изъ учителей, Симонъ правед-

---

[1]) Т. е. діавола.

[2]) Лука, XI, 5 и слѣд.

[3]) Матѳея, V, 23—24.

[4]) Исайи, I, 11 и слѣд. Ср. тамъ-же, LVIII; книги Осіи, VI, 6; Малахіи, I, 10 и слѣд.

ный [1]), Іисусъ, сынъ Сираха [2]), Гиллель [3]), почти дошли до истины и проповѣдывали, что сущность Закона вкратцѣ это справедливость. Филонъ въ іудейско-египетскомъ мірѣ одновременно съ Іисусомъ пришелъ къ идеямъ высшей моральной святости, прямымъ результатомъ которой является равнодушіе къ установленнымъ обрядамъ [4]). Шемайя и Авталіонъ также не разъ оказывались весьма либеральными казуистами [5]). Вскорѣ равви Іохананъ началъ ставить дѣла милосердія выше самаго изученія Закона [6]). Но одинъ Іисусъ, тѣмъ не менѣе высказалъ все это совершенно точно и опредѣленно. Никто не былъ въ меньшей степени жрецомъ, нежели Іисусъ, никто не былъ большимъ врагомъ формы, которая, подъ предлогомъ содѣйствія религіозности, заглушаетъ ее. Въ этомъ смыслѣ мы всѣ его ученики и послѣдователи; въ этомъ смыслѣ онъ положилъ вѣчный краеугольный камень, основалъ истинную религію, и если религія составляетъ сущность человѣчества, то этимъ онъ заслужилъ, чтобы его возводили на степень божества. Черезъ его посредство въ міръ вошла абсолютно новая идея, идея культа, основаннаго на чистотѣ сердца и на братствѣ людей; идея эта стоитъ на такой высотѣ, что въ этомъ отношеніи христіанская церковь коренньмъ образомъ отступила отъ намѣреній своего основателя и даже въ наши дни лишь немногія души способны всецѣло ей отдаваться.

Его чуткое отношеніе къ природѣ ежеминутно подсказываетъ ему крайне образныя выраженія. Иногда афоризмы его

---

1) *Пиркэ-Аботъ*, 1, 2.

2) Екклесіастъ, XXXV, 1 и слѣд.

3) Іерус. Талм., *Песахимъ*, VI, 1; Вавил. Талм., тоже, 66а; *Шаббатъ*, 31а.

4) Quod Deus immut., § 1—2; De Abrahamo, § 22; Quis rerum divinum haeres, § 13 и слѣд.; 55, 58 и слѣд.; De profugis, § 7 и 8; Quod omnis probus liber; De vita contemplativa.

5) Вавилонск. Талмудъ, *Песахимъ*, 67в.

6) Іерусалимск. Талмудъ, *Пэахъ*, I, 1.

отличаются замѣчательной мѣткостью, которую у насъ принято называть остроуміемъ; въ другихъ случаяхъ ихъ живая форма проистекаетъ изъ удачнаго пользованія народными пословицами. „Какъ скажешь брату твоему: дай я выну сучекъ изъ глаза твоего; а вотъ въ твоемъ глазѣ бревно? Лицемѣръ, вынь прежде бревно изъ твоего глаза и тогда увидишь, какъ вынуть сучекъ изъ глаза брата твоего [1])".

Эти поученія, долго копившіяся въ душѣ молодого учителя, уже начали группировать вокругъ него нѣсколькихъ послѣдователей. Образованіе небольшихъ церквей было въ духѣ времени; это былъ вѣкъ ессеніянъ и терапевтовъ. Со всѣхъ сторонъ появлялись раввины, проповѣдывавшіе каждый свое ученіе: Шемая, Авталіонъ, Гиллель, Шаммаи, Іуда Гавлонитъ, Гамаліилъ и многіе другіе, наполнявшіе Талмудъ своими поученіями [2]), Въ то время писали мало; іудейскіе ученые не составляли книгъ; все дѣло ограничивалось бесѣдами и публичными чтеніями, которымъ пытались придать такой характеръ, чтобы они легче запоминались [3]). Поэтому когда въ одинъ прекрасный день молодой плотникъ изъ Назарета началъ излагать передъ толпой эти поученія, которыя для большинства были уже извѣстны, но которыя, благодаря ему, должны были впослѣдствіи переродить весь міръ, то это само по себѣ не было событіемъ. Стало однимъ раввиномъ больше (правда, это былъ самый привлекательный изъ всѣхъ), и вокругъ него сгруппировалось нѣсколько молодыхъ людей, жадно его слушавшихъ и искавшихъ невѣдомаго. Надо время, чтобы преодолѣть человѣческое невниманіе. Христіанъ въ это время еще не было; но истинное хри-

---

[1]) Матѳея, VII, 4—5; Луки, VI, 41 и слѣд. Ср. Вавилонскій Талмудъ, *Баба батра*, 15в; Ерахинъ, 16в.

[2]) См. въ особенности *Пиркэ Абботъ*, гл. I.

[3]) Талмудъ, представляющій собой сводку этого обширнаго движенія школъ, впервые начали составлять письменно лишь во II вѣкѣ нашей эры.

стіанство было уже основано и конечно оно никогда не было до такой степени совершенно, какъ именно въ этотъ моментъ. Іисусу уже нечего было къ нему прибавить для большей его прочности. Напротивъ, онъ ему повредилъ, ибо для успѣха каждой идеи, необходима уступка; изъ жизненной борьбы никогда нельзя выйти незапятнаннымъ.

Въ самомъ дѣлѣ недостаточно познавать добро; надо дать ему среди людей преуспѣяніе. Для этого необходимы средства менѣе опрятныя. Конечно, если бы Евангеліе ограничилось нѣсколькими главами Матѳея и Луки, оно было бы ближе къ совершенству и не давало бы въ настоящее время столько поводовъ для возраженій; но не будь въ немъ чудесъ, развѣ оно завоевало бы міръ? Еслибы Іисусъ умеръ въ тотъ моментъ своей жизни, до котораго мы нынѣ дошли въ нашемъ изложеніи, конечно, въ его жизнеописаніи не было бы иной страницы, дѣйствующей на насъ непріятно, но ставши болѣе великимъ въ глазахъ Бога, онъ остался бы неизвѣстенъ людямъ; онъ затерялся бы въ толпѣ безвѣстныхъ великихъ людей, безспорно лучшихъ изъ всѣхъ, истина не получила бы всеобщаго распространенія и человѣчество не воспользовалось бы громаднымъ нравственнымъ превосходствомъ, которымъ надѣлилъ Іисуса его Отецъ. Іисусъ сынъ Сираха, и Гиллель высказывали почти столь же возвышенныя истины, какъ и Іисусъ Христосъ. Однако Гиллель никогда не прослыветъ за истиннаго основателя христіанства. Въ области нравственности, какъ и въ искусствѣ, то, что говорится, не имѣетъ никакого значенія; важно только то, что дѣлается; въ этомъ все. Идея, скрытая въ картинѣ Рафаеля, стоитъ не многаго, все дѣло въ самой картинѣ. Также и въ морали, истина получаетъ нѣкоторую цѣнность только когда она выходитъ изъ области чувства, а всю свою цѣну она пріобрѣтаетъ только когда осуществляется въ мірѣ какъ фактъ. Люди посредственной нравственности иногда писали довольно хорошія поученія. Съ другой стороны люди весьма

добродѣтельные иной разъ ничего не сдѣлали, чтобы распространить въ мірѣ традицію истины. Пальма же первенства принадлежитъ тому, кто былъ силенъ и на словахъ и на дѣлѣ, кто не только прочувствовалъ добро, но своей кровью далъ ему восторжествовать. Съ этой точки зрѣнія Іисусу нѣтъ равнаго; слава его вполнѣ ему принадлежитъ и будетъ вѣчно обновляться.

ГЛАВА VI

Іоаннъ Креститель.—Путешествіе Іисуса къ Іоанну Крестителю и пребываніе его въ пустынѣ іудейской.—Іисусъ принимаетъ отъ Іоанна крещеніе.

Около этого времени появился и несомнѣнно имѣлъ сношенія съ Іисусомъ, необыкновенный человѣкъ, роль котораго, за отсутствіемъ документовъ, остается для насъ до извѣстной степени загадочной. Эти отношенія принудили молодого пророка изъ Назарета до нѣкоторой степени уклониться отъ своего пути; но, съ другой стороны, они же внушили ему нѣкоторыя многія важныя подробности его религіознаго учрежденія, и во всякомъ случаѣ, дали его ученикамъ весьма сильный авторитетъ въ дѣлѣ возвеличенія ихъ учителя въ глазахъ извѣстныхъ классовъ іудейскаго населенія.

Около 28 г. нашей эры (пятнадцатый годъ царствованія Тиверія) по всей Палестинѣ распространился слухъ о нѣкоемъ Іохананѣ или Іоаннѣ, молодомъ аскетѣ, полномъ огня и страсти. Іоаннъ происходилъ изъ семьи священника [1]), и родился, повидимому, въ Іуттѣ, близъ Хеврона, или въ самомъ Хевронѣ [2]). Хевронъ, патріархальный городокъ, расположен-

---

[1]) Луки, I, 5; ср. также Евангеліе *евіонитовъ*, сохраненное Епифаномъ (Adv. haer., XXX, 13).

[2]) Луки, I, 39. Не безъ основанія предполагали, что городъ Ю... (Іисусъ Навинъ, XV, 55; XXI, 16) есть тотъ самый „городъ Іудинъ", о... торомъ говорится въ цитируемомъ мѣстѣ Евангелія отъ Луки. Робинс... (Biblical Researches, I, 494; II, 206) однако разыскалъ эту самую К... подъ этимъ самымъ именемъ, въ двухъ часахъ къ югу отъ Хеврона.

ный въ двухъ шагахъ отъ пустыни Іудейской и въ нѣсколькихъ часахъ пути отъ великой пустыни Аравійской, былъ въ то время тѣмъ же, что и теперь, однимъ изъ оплотовъ семитическаго духа въ самой чистой его формѣ. Съ дѣтства Іоаннъ былъ *назиромъ*, т. е. былъ посвященъ на нѣкоторыя воздержанія [1]). Съ самаго начала его уже привлекала къ себѣ пустыня, которая можно сказать была кругомъ него [2]). Тамъ онъ велъ образъ жизни индійскаго іога, одѣваясь въ шкуры и верблюжью власяницу, питаясь лишь акридами и дикимъ медомъ [3]). Вокругъ него образовался кружокъ учениковъ, которые вели такой же образъ жизни и слушали его суровыя поученія. Можно было бы совсѣмъ перенестись на берега Ганга, если-бы нѣкоторыя особенныя черты не выдавали въ этомъ пустынникѣ послѣдняго потомка великихъ пророковъ Израиля.

Съ тѣхъ поръ какъ еврейская нація съ нѣкотораго рода отчаяніемъ стала вдумываться въ свое мистическое призваніе, народное воображеніе было особенно склонно увлекаться ученіемъ древнихъ пророковъ. Изъ всѣхъ же великихъ личностей прошлаго, воспоминанія о которыхъ возбуждали и волновали народъ подобно сновидѣніямъ безпокойной ночи, величайшимъ былъ Илія. Этотъ гигантъ среди пророковъ, въ своемъ суровомъ уединеніи на горѣ Кармель, велъ образъ жизни дикихъ животныхъ, жилъ въ пещерахъ, откуда появлялся, словно буря, чтобы низлагать царей или возводить ихъ на престолъ, и мало по малу, путемъ послѣдовательныхъ превращеній, обратился въ сверхчеловѣческое существо, то видимое, то невидимое, и не вкусившее смерти. Вообще вѣрили, что рано или поздно Илія вернется и возстановитъ

---

1) Луки, I, 15.

2) Тамъ же, 1, 80.

3) Матѳея, III, 4; Марка, I, 6; отрывки изъ Евангелія *евіонитовъ* у Епифана (Adv. haer., XXX, 13).

Израиль [1]). Строгій образъ жизни, которую онъ велъ, страшныя воспоминанія, которыя послѣ него остались и подъ впечатлѣніемъ которыхъ Востокъ живетъ и донынѣ [2]), вся эта мрачная фигура, которая вплоть до нашихъ дней заставляетъ трепетать и можетъ убивать, вся эта миѳологія, полная мщенія и ужасовъ, живѣйшимъ образомъ поражала умы и въ нѣкоторомъ родѣ клала свой отпечатокъ на всѣ порожденія народной фантазіи. Каждый, кто претендовалъ на сильное вліяніе въ народѣ, долженъ былъ подражать Иліѣ, а такъ какъ пустынническій образъ жизни былъ характернѣйшей чертой этого пророка, то „Божьяго человѣка" представляли себѣ въ видѣ отшельника. Предполагалось, что у всѣхъ святыхъ были свои дни покаянія, пустыннической жизни, воздержанія [3]). Такимъ образомъ условіемъ высшаго призванія и вступленіемъ въ него было удаленіе въ пустыню.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эта мысль о подражаніи сильно занимала Іоанна [4]). Жизнь анахорета, какъ она ни противорѣчитъ древнему духу еврейскаго народа, и какъ ни мало въ ней общаго съ тѣми обѣтами, которые приносились назирами и рехабитами, все таки со всѣхъ сторонъ вторгалась въ Іудею. Близъ родины Іоанна, на берегахъ Мертваго озера, селились ессеніане [5]). Воздержаніе отъ мяса, вина, чувственныхъ наслажденій, считалось послушничествомъ, обя-

---

1) Малахія, III, 23—24 (по vulg. IV, 5—6); Екклесіастъ, XLVIII, 10 Матѳея, XVI, 14; XVII, 10 и слѣд.; Марка, VI, 15; VIII, 28; IX, 10 и слѣд.; Луки, IX, 8, 19; Іоанна, I, 21, 25.

2) Свирѣпый Абдалла, паша въ Сенъ-Жанъ-д-Акрѣ, чуть не умеръ отъ страха, увидавъ его во снѣ, стоящимъ на своей горѣ. На картинахъ въ христіанскихъ церквахъ его окружаютъ срубленныя головы мусульмане боятся его.

3) *Вознесеніе Исайи*, II, 9—11.

4) Луки, I,17.

5) Плиній, Hist. nat., V, 17; Епиф., Adv. haer., XIX, 1 и 2. Де Соси Voyage autour de la Mer Morte, I, стр. 142 и слѣд.

зательнымъ для людей откровенія [1]). Главу секты воображали себѣ отшельникомъ, имѣющимъ свои правила и свой уставъ, подобно основателямъ монашескихъ орденовъ. Учителя молодыхъ людей бывали иногда чѣмъ то въ родѣ анахоретовъ [2]), довольно похожихъ на браминскихъ *гуру* [3]). Не сказалось ли въ этомъ, въ самомъ дѣлѣ, отдаленное вліяніе индійскихъ *муни*? Не направили ли свои стопы въ Іудею нѣкоторые изъ тѣхъ бродячихъ буддистскихъ монаховъ, которые обходили весь свѣтъ, подобно францисканцамъ впослѣдствіи, проповѣдуя своимъ внѣшнимъ поучительнымъ видомъ и обращая людей, не понимавшихъ ихъ языка, и которые несомнѣнно заходили и въ Сирію и въ Вавилонъ [4])? На это нѣтъ отвѣта. Спустя нѣкоторое время Вавилонъ превратился въ истинный очагъ буддизма; Будаспъ (Бодисатва) былъ извѣстенъ какъ халдейскій мудрецъ и основатель сабизма. Что собой представлялъ *самый сабизмъ*? На это указываетъ этимологія этого индійскаго слова [5]): *баптизмъ*, т. е. религія, требующая повторныхъ крещеній, корень существующей еще донынѣ секты, которую называютъ „христіанами святого Іоанна" или мендаитами, а по арабски ель-могтасила, т. е., „баптистами" [6]). Во всѣхъ этихъ туманныхъ аналогіяхъ ра-

---

1) Даніилъ, I, 12 и слѣд.; X, 2 и слѣд.; Енохъ, LXXXIII, 2; LXXXV, 3; 4 книга Ездры, IX, 24, 26; XII, 51.

2) Іосифъ, Vita, 2.

3) Духовные наставники.

4) Эту мысль я развилъ въ другомъ моемъ сочиненіи (Hist. genér. des langues semitiques, III, IV, 1; Journ. Asiat., февраль—мартъ, 1856)

5) Арамейскій глаголъ *себа*, отъ котораго происходитъ названіе секты *сабіевъ*, есть синонимъ βαπτίζω.

6) Подробнѣе я разбиралъ это въ Journal Asiatique, ноябрь—декабрь, 1853 и авг.-сент. 1855. Замѣчательно, что елхасаиты, сабійская или баптистская секта, жили почти въ той же мѣстности, какъ ессеніане, по восточному берегу Мертваго моря и ихъ съ ними смѣшивали. (Епиф., Adv. haer., XIX, 1, 2, 4; XXX, 16, 17; LIII, 1 и 2; Philosophumena, IX, III, 15 и 16; X, XX, 29).

зобраться очень трудно. Секты, наполняющія промежутки между іудаизмомъ, христіанствомъ, баптизмомъ и сабизмомъ, встрѣчавшіяся въ мѣстности за Іорданомъ въ теченіе первыхъ вѣковъ нашей эры [1]), благодаря туманности свѣдѣній, которыя о нихъ дошли до насъ, представляютъ для критики одну изъ самыхъ трудныхъ задачъ. Во всякомъ случаѣ можно думать, что многія изъ внѣшнихъ обрядностей Іоанна, ессеніанъ [2]) и духовныхъ іудейскихъ наставниковъ того времени получили свое происхожденіе отъ недавнаго вліянія изъ глубины Востока. Основной обрядъ, которымъ характеризовалась секта Іоанна и отъ котораго онъ получилъ свое прозваніе, всегда гнѣздился въ Халдеѣ и тамъ составлялъ культъ, который существуетъ до нашихъ дней.

Обрядъ этотъ есть крещеніе или погруженіе въ воду всего тѣла. Омовенія были уже обычными у іудеевъ, какъ и во всѣхъ восточныхъ религіяхъ [3]). Ессеніане дали имъ особенно обширное примѣненіе [4]). Крещеніе стало обычной церемоніей при вступленіи новообращенныхъ въ нѣдра іудейской религіи, нѣчто въ родѣ посвященія [5]). Однако, до нашего крещенія, погруженію никогда не придавали ни такого значенія, ни такой формы. Іоаннъ избралъ ареной своей дѣятельности часть пустыни Іудейской, сосѣднюю съ Мертвымъ моремъ [6]). Въ тѣ періоды, когда онъ совершалъ крещенія

---

1) См. данныя Епифана о ессеніанахъ, гемеробаптистахъ, назареяхъ, оссенахъ, навореянахъ, евіонитахъ, сампсеяхъ (Adv. haer., кн. I и II), также данныя автора Philosophumena объ елхасаитахъ (кн. IX и X).

2) Епиф., Adv. haer. XIX, XXX, LIII.

3) Марка, VII, 4. Іосифъ, Ant., XVIII, V, 2; Іустинъ, Dialog. cum. Tryph. 17, 29, 80; Епиф., Adv. haer., XVII.

4) Іосифъ, B. I., II, VIII, 5, 7, 8, 13.

5) Мишна, *Песахимъ*, VIII, 8; Вавилонскій Талмудъ, *Іебамотъ*, 46 a; *Керитутъ*, 9, a; *Абода Цара*, 57 a; *Массекетъ Геримъ* (изд. Кирхгейма, 1851), стр. 38, 40.

6) Матѳея, III, 1; Марка, I, 4.

онъ переходилъ на берега Іордана [1]), или въ Виѳанію, или Виѳавару [2]), на восточномъ берегу, вѣроятно напротивъ Іерихона, или въ мѣстности, которая называлась *Енонъ* или „Колодцы" [3]), близь Салима, гдѣ было много воды [4]). Тамъ къ нему стекались и получали отъ него крещеніе [5]) огромныя толпы, особенно изъ колѣна Іудина. Однимъ словомъ такимъ образомъ онъ сдѣлался вліятельнѣйшимъ изъ самыхъ вліятельныхъ людей въ Іудеѣ и съ нимъ всѣмъ приходилось считаться.

Народъ считалъ его пророкомъ [6]) и многіе воображали, что онъ воскресшій Илія [7]). Вѣра въ подобныя воскресенія

---

[1]) Луки, III, 3.

[2]) Іоанна, I, 28; III, 26. Во всѣхъ древнихъ рукописяхъ значится *Виѳанія*, но такъ какъ въ этой мѣстности нѣтъ никакой Виѳаніи, то Оригенъ (Comment. in Ioann., VI 24), предложилъ замѣнить это названіе *Виѳаварой*, и эта поправка была въ общемъ принята. Въ концѣ концовъ оба эти слова по своему значенію тожественны и, повидимому, означаютъ собой мѣсто, гдѣ есть переправа черезъ рѣку на паромѣ.

[3]) *Енонъ* есть множественное число отъ халдейскаго слова *енаванъ*, „колодцы".

[4]) Іоанна, III, 23. Мѣстоположеніе этого пункта внушаетъ сомнѣнія. Синоптики единогласно переносятъ сцену крещенія Іоанномъ на берега Іордана (Матѳея, III, 6; Марка, I, 5; Луки, III, 3). Но обстоятельство, указанное въ четвертомъ Евангеліи, „тамъ было много воды", совершенно безсмысленно, если рѣчь идетъ о мѣстности, расположенной очень близко къ рѣкѣ. Сравненіе же стиховъ 22 и 23 главы III Іоанна съ стихами 3 и 4 главы IV того же Евангелія даетъ основаніе думать, что Салимъ находился въ Іудеѣ. Повидимому, въ окрестностяхъ Хеврона, близь развалинъ, называемыхъ *Раметъ-ель-Халиль*, есть мѣсто, вполнѣ удовлетворяющее всѣмъ этимъ требованіямъ (Сеппъ, Ierusalem und das Heilige Land, Шаффгаузенъ, 1863, I, стр. 520 и слѣд.). По св. Іеремiѣ Салимъ итъ гораздо дальше на сѣверъ, близь Виѳъ-Шеана или Скиѳопо-. Однако Робинзонъ (Biblical Res., III, 333) не нашелъ въ этихъ гахъ ничего, что оправдывало бы такое указаніе.

[5]) Марка, I, 5; Іосифъ, Ant., XVIII, V, 2.

[6]) Матѳея, XIV, 5; XXI, 26.

[7]) Матѳея, XI, 14; Марка, VI, 15; Іоанна, I. 21.

была въ то время очень распространена [1]); вѣрили въ то, что Богъ воскреситъ изъ мертвыхъ нѣкоторыхъ изъ древнихъ пророковъ, чтобы они явились руководителями Израиля къ его конечной судьбѣ [2]). Другіе видѣли въ Іоаннѣ самого Мессію, хотя онъ и не заявлялъ притязаній на это [3]). Священники и книжники, составлявшіе оппозицію этому возрожденію пророковъ и всегда враждебно относившіеся къ энтузіастамъ, презирали его. Но популярность Крестителя импонировала имъ и они не осмѣливались возражать противъ него [4]). Это была полная побѣда народнаго чувства надъ жреческой аристократіей. Когда первосвященниковъ заставляли ясно высказываться насчетъ этого пункта, они всегда оказывались въ большомъ затрудненіи [5]).

Въ концѣ концовъ крещеніе въ глазахъ Іоанна имѣло значеніе лишь внѣшняго признака, который долженъ былъ производить впечатлѣніе и подготовлять умы къ нѣкоторому сильному движенію. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ въ высшей степени увлекался мессіанской надеждой. „Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное“ [6]). Онъ предсказывалъ „великій будущій гнѣвъ“, т. е. предстоящія ужасныя катастрофы [7]), говорилъ, что „уже и сѣкира при корнѣ деревъ лежитъ“ и что скоро дерево будетъ брошено въ огонь. Онъ изображалъ Мессію съ лопатой въ рукѣ, собирающимъ пшеницу свою въ житницу и сжигающимъ солому. Покаяніе, символомъ котораго было крещеніе, милостыня, исправленіе нравовъ [8]) были для Іоанна главными средствами подгот

---

1) Матѳея, XIV, 2; Луки, IX, 8.
2) Ср. выше стр. 74, примѣчаніе 1.
3) Луки, III, 15 и слѣд.; Іоанна, I, 20.
4) Матѳея, XXI, 25 и слѣд.; Луки, VII, 30.
5) Матѳея, loc. cit.
6) Матѳея, III, 2.
7) Тамъ-же, III, 7.
8) Луки, III, 11—14; Іосифъ, Ant., XV, VIII, 2.

виться къ предстоящимъ событіямъ. Въ точности неизвѣстно на какой именно день онъ ожидалъ эти событія. Вѣрно только то, что онъ съ большой энергіей проповѣдывалъ противъ тѣхъ же противниковъ, которыхъ впослѣдствіи обличалъ также и Іисусъ, противъ богатыхъ, священниковъ, фарисеевъ, книжниковъ, словомъ противъ оффиціальнаго іудаизма; вѣрно также и то, что, подобно Іисусу, онъ былъ принятъ главнымъ образомъ презираемыми классами населенія [1]). Званіе сына Авраамова онъ ставилъ ни во что, и говорилъ, что Богъ могъ бы надѣлать сыновъ Авраамовыхъ изъ придорожныхъ камней [2]). Повидимому, у него не было даже въ зародышѣ великой идеи, которая доставила торжество Іисусу, идеи чистой религіи; и въ то же время онъ оказалъ огромную услугу именно этой идеѣ, замѣнивъ узаконенныя церемоніи, для совершенія которыхъ требовалось участіе священниковъ, частнымъ обычаемъ, подобно тому какъ средневѣковые флагеланты были предшественниками Реформаціи, такъ какъ они отняли у оффиціальнаго духовенства монополію совершенія таинствъ и отпущенія грѣховъ. Общій тонъ его проповѣдей былъ строгъ и суровъ. Повидимому, онъ употреблялъ противъ своихъ противниковъ самыя рѣзкія выраженія [3]). Это были сплошныя и притомъ грубыя ругательства. Весьма вѣроятно, что онъ не чуждался политики. Іосифъ, близко стоявшій къ нему черезъ своего учителя Бану, дѣлаетъ на это прозрачные намеки [4]) и то же самое заставляетъ предполагать

---

1) Матѳея, XXI, 32; Луки, III, 12—14.

2) Матѳея, III, 9.

3) Матѳея, III, 7; Луки, III, 7.

4) Ant., XVIII, V, 2. Надо замѣтить, что когда Іосифъ излагаетъ тайное и болѣе или менѣе мятежное ученіе кого либо изъ своихъ соотечественниковъ, то онъ старательно сглаживаетъ въ немъ всякіе слѣды мессіанскихъ вѣрованій, и чтобы не возбудить подозрѣній у Римлянъ покрываетъ такія ученія лакомъ банальности, вслѣдствіе чего всѣ вожди іудейскихъ сектъ оказываются у него похожими на проповѣдниковъ морали или на стоиковъ.

катастрофа, пресѣкшая его жизнь. Ученики его также вели очень строгій образъ жизни [1]), часто постились, принимали печальный и озабоченный видъ. По временамъ въ школѣ поднимался вопросъ объ общности имущества и о томъ, что богатые должны раздѣлять между всѣми все, что у нихъ есть [2]). Бѣдный уже оказывается въ роли того, кто въ первой линіи долженъ воспользоваться царствомъ Божіимъ.

Хотя ареной дѣятельности Крестителя была Іудея, слава его быстро распространилась по Галилеѣ и достигла до Іисуса, который своими первыми проповѣдями уже образовалъ возлѣ себя небольшой кругъ слушателей. Пользуясь сравнительно еще небольшимъ авторитетомъ и, безъ сомнѣнія, также подъ вліяніемъ естественнаго желанія увидѣть учителя, ученіе котораго имѣло столько точекъ соприкосновенія съ его идеями, Іисусъ покинулъ Галилею и отправился вмѣстѣ съ своей небольшой школой къ Іоанну [3]). Эти вновь пришедшіе крести-

---

1) Матѳея, IX, 14.

2) Луки, III, 11. (плохой авторитетъ).

3) Матѳея, III, 13 и слѣд.; Марка, I, 9 и слѣд.; Луки, III, 21 и слѣд.; Іоанна, I, 29 и слѣд.; III, 22 и слѣд. По синоптикамъ Іисусъ идетъ къ Іоанну раньше, чѣмъ начать свою общественную дѣятельность. (Ср. Евангеліе евіонитовъ у Епифана, Adv. haer., XXX, 13, 14; Іустинъ, Dial. cum Tryph., 88). Но если правда то, что они говорятъ, будто Іоаннъ сразу узналъ Іисуса и сдѣлалъ ему почетный пріемъ, то надо предполагать, что Іисусъ въ то время былъ уже довольно извѣстнымъ учителемъ. По четвертому Евангелію Іисусъ приходитъ къ Іоанну два раза: въ первый разъ будучи еще неизвѣстнымъ, второй разъ съ толпой учениковъ. Не касаясь здѣсь вопроса о точныхъ путяхъ, по которымъ слѣдовалъ Іисусъ (вопросъ неразрѣшимый, въ виду противорѣчивости документовъ и въ виду того, что евангелисты не особенно заботились о точности въ этомъ отношеніи), не отвергая и того, что Іисусъ могъ сдѣлать путешествіе къ Іоанну въ то время, когда самъ еще не пользовался извѣстностью, мы принимаемъ данныя четвертаго Евангелія (III, 22 и слѣд.), по которымъ Іисусъ, прежде нежели крестился у Іоанна, имѣлъ уже организованную школу. Первыя страницы четвертаго Евангелія представляютъ отрывки, сшитые между собой. Строго хронологи-

лись у него, какъ и всѣ остальные. Іоаннъ очень хорошо принялъ этихъ отроившихся галилейскихъ учениковъ и не видѣлъ ничего худого въ томъ, чтобы они отличались и впредь отъ его учениковъ. Оба учителя были люди молодые; у нихъ было много общихъ идей; они полюбили другъ друга и соперничали передъ публикой взаимными любезностями. Съ перваго взгляда такое отношеніе Іоанна представляется удивительнымъ и многіе склонны подвергать этотъ фактъ сомнѣнію. Смиреніе никогда не составляло отличительной черты сильныхъ духомъ іудеевъ. Казалось бы, что такой рѣзкій человѣкъ, нѣчто въ родѣ постоянно раздраженнаго Ламменэ, долженъ былъ придти въ ужасное бѣшенство и не потерпѣть ни соперничества, ни половинчатой приверженности. Но такой взглядъ основывается на неправильномъ пониманіи личности Іоанна. Его представляютъ себѣ какъ человѣка зрѣлаго, между тѣмъ какъ онъ былъ одного возраста съ Іисусомъ [1]), т. е. по понятіямъ того времени былъ совсѣмъ молодымъ человѣкомъ [2]). Въ мірѣ идей онъ былъ вовсе не отцомъ, а только братомъ Іисуса.

Эти два молодые энтузіаста, полные однѣхъ и тѣхъ же надеждъ и ненависти, могли сойтись на общемъ дѣлѣ и поддерживать другъ друга. Конечно, старый учитель, увидавъ, что къ нему пришелъ человѣкъ, не пользующійся извѣстностью, и сохраняетъ при этомъ по отношенію къ нему независимый видъ, возмутился бы; едва ли найдется примѣръ чтобы глава школы оказывалъ горячій пріемъ тому, кто долженъ сдѣлаться его преемникомъ. Но молодости свойственны всякія самоотреченія и можно допустить, что Іоаннъ, распо-

---

ческій порядокъ, который здѣсь подчеркивается, происходитъ отъ особенной склонности автора къ кажущейся точности. См. выше Введеніе, стр. XXXVII,

[1]) Луки, 1, хотя всѣ подробности повѣствованія, особенно относящіяся къ родству Іисуса съ Іоанномъ, легендарны.

[2]) Ср. Іоанна, VIII, 57.

знавъ въ Іисусѣ духъ аналогичный съ собственнымъ, принялъ его безъ всякой личной задней мысли. Затѣмъ эти добрыя взаимныя отношенія послужили исходной точкой для системы, развитой евангелистами, конечная цѣль которой была дать первую точку опоры божественной миссіи Іисуса въ видѣ свидѣтельства Іоанна. Авторитетъ, пріобрѣтенный Іоанномъ Крестителемъ, былъ такъ великъ, что казалось нигдѣ въ мірѣ нельзя было бы найти лучшей гарантіи. Креститель не только не отрекся отъ своего значенія передъ лицомъ Іисуса, но, напротивъ, Іисусъ все время, пока оставался у него, признавалъ его старшинство и лишь очень робко обнаруживалъ при немъ свой геній.

Повидимому, Іисусъ, несмотря на свою оригинальность, былъ подражателемъ Іоанна, по крайней мѣрѣ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль. Его путь представлялся ему еще неяснымъ. Сверхъ того и во всю свою жизнь Іисусъ дѣлалъ много уступокъ общему мнѣнію и допускалъ многое, вовсе не отвѣчавшее его направленію, или мало безпокоившее его, по той простой причинѣ, что это было популярно; но всѣ эти уступки никогда не вредили его основной мысли и были ей подчинены. Крещеніе получило благодаря Іоанну большую важность; Іисусъ счелъ себя обязаннымъ поступать подобно ему: онъ крестился, и крестились также его ученики [1]). Безъ сомнѣнія они сопровождали эту церемонію проповѣдями, тожественными съ проповѣдями Іоанна. Такимъ образомъ къ Іордану стекались со всѣхъ сторонъ баптисты, поученія которыхъ пользовались большимъ или меньшимъ успѣхомъ. Ученикъ скоро сравнялся съ учителемъ и всѣ стали стремиться получить крещеніе отъ него. Въ этомъ отношеніи между учениками началось нѣкотораго рода со-

---

[1]) Іоанна, III, 22—26; IV, 1—2. Слова въ скобкахъ во 2 стихѣ, повидимому, прибавлены впослѣдствіи или представляютъ собой запоздалую оговорку редактора, который самъ себя поправляетъ.

знованіе [1]); послѣдователи Іоанна приходили къ нему жаваться на постоянно усиливающіеся успѣхи молодого Галеянина, крещеніе котораго, по ихъ словамъ, угрожало въ оромъ времени совсѣмъ вытѣснить крещеніе Іоанна. Но а вождя не унижались до такихъ мелочей. По нѣкотоымъ преданіямъ [2]) Іисусъ образовалъ группу своихъ наиолѣе знаменитыхъ учениковъ именно изъ школы Іоанна. ревосходство Іоанна было слишкомъ безспорно, для того тобы Іисусъ, еще не пользовавшійся извѣстностью, могъ бы одумать вести съ нимъ борьбу. Онъ просто хотѣлъ окрѣпуть въ его тѣни и считалъ необходимымъ для того, чтобы ривлечь къ себѣ толпу, употреблять тѣ самыя внѣшнія средства, которыя доставили Іоанну такой удивительный успѣхъ. Когда послѣ заключенія Іоанна въ темницу, Іисусъ снова началъ проповѣдывать, то первыя слова, которыя ему приписываютъ, были повтореніемъ одной изъ обычныхъ фразъ Крестителя [3]). Многія другія выраженія Іоанна также встрѣчаются дословно въ поученіяхъ Іисуса [4]). Повидимому, обѣ школы долго существовали такимъ образомъ въ добромъ согласіи [5]) между собой, и послѣ смерти Іоанна, Іисусъ, какъ вѣрный его союзникъ, однимъ изъ первыхъ былъ извѣщенъ объ этомъ событіи [6]).

Пророческая карьера Іоанна была очень скоро прервана. Подобно другимъ древнимъ іудейскимъ пророкамъ, онъ всегда относился къ установленной власти [7]) въ высшей степени отрицательно. Крайняя рѣзкость, съ которой онъ выражался на счетъ властей, не могла не вызвать репрессій противъ него.

---

1) Іоанна, III, 26; IV, 1.
2) Іоанна, I, 35 и слѣд.; ср. Дѣянія, I, 21—22.
3) Матѳея, III, 2; IV, 17.
4) Матѳея, III, 7; XII, 34; XXIII, 33.
5) Тамъ же, XI, 2—13.
6) Тамъ же, XIV, 12
7) Луки, III, 19.

Въ Іудеѣ Пилатъ, повидимому, не безпокоилъ Іоанна, но по ту сторону Іордана, въ Переѣ, онъ оказывался во владѣніяхъ Антипы. Этотъ тиранъ обратилъ вниманіе на политическую закваску, плохо замаскированную въ проповѣдяхъ Іоанна. Большія собранія людей, привлекаемыхъ религіознымъ и патріотическимъ энтузіазмомъ къ Крестителю, внушали нѣкоторыя подозрѣнія [1]). Кромѣ того, къ государственнымъ мотивамъ присоединялось и личное оскорбленіе, такъ что гибель суроваго цензора нравовъ стала неизбѣжной.

Иродіада, внучка Ирода Великаго, представляетъ собой одинъ изъ наиболѣе выдающихся характеровъ среди трагической семьи Иродовъ. При своей жестокости, страстности и честолюбіи, она ненавидѣла іудаизмъ и презирала законы [2]). Она была замужемъ, вѣроятно противъ собственнаго желанія, за своимъ дядей, Иродомъ, сыномъ Маріамны [3]), которую Иродъ Великій лишилъ наслѣдства [4]) и которая никогда не играла никакой роли въ общественной жизни. Подчиненное положеніе ея мужа, по сравненію съ другими членами семьи, не давало ей покоя: она хотѣла властвовать во что бы то ни стало [5]). Антипа оказался орудіемъ, которымъ она воспользовалась. Этотъ слабохарактерный человѣкъ безумно увлекся ею, обѣщалъ жениться на ней и развестись съ своей первой женой, дочерью Харета, царя Петры и Эмира, сосѣднихъ племенъ въ Переѣ. Аравитянская княжна, провѣдавъ объ этомъ планѣ, рѣшила бѣжать. Не выдавая этого своего намѣренія, она выразила притворное желаніе посѣтить Ма-

---

[1]) Іосифъ, Ant., XVIII, V, 2.

[2]) Іосифъ, Ant., XVIII, V, 4.

[3]) Матѳей (XIV, 3, по греческому тексту) и Маркъ (VI, 17) называютъ его Филиппомъ, но это очевидно недосмотръ (см. Іосифъ, Ant., XVIII, V, 1 и 4). Филиппъ былъ женатъ на Саломеѣ, дочери Иродіады.

[4]) Іосифъ, Ant., XVII, IV, 2.

[5]) Іосифъ, Ant., XVIII, VII, 1, 2; B. I., II, X, 6.

херонъ, находившійся во владѣніяхъ ея отца, и заставила воиновъ Антипы проводить ее туда [1]).

Макуръ [2]) или Махеронъ, колоссальная крѣпость, построенная Александромъ Янни и затѣмъ еще укрѣпленная Иродомъ, находилась въ одномъ изъ самыхъ уединенныхъ оазисовъ къ востоку отъ Мертваго моря [3]). То была дикая, оригинальная мѣстность, о которой ходило много странныхъ легендъ и которая считалась населенной демонами [4]). Крѣпость была расположена какъ разъ на границѣ владѣній Харета и Антипы, и въ данный моментъ находилась во власти Харета [5]). Будучи предупрежденъ заранѣе, онъ подготовилъ все для бѣгства своей дочери и она, переѣзжая отъ одного племени къ другому, благополучно добралась до Петры.

Тогда и состоялся бракъ Антипы съ Иродіадой, представлявшій собой почти кровосмѣшеніе [6]). Іудейскіе законы относительно брака всегда были камнемъ раздора между безбожнымъ родомъ Иродовъ и строгими іудеями [7]). Такъ какъ члены этой многочисленной и довольно изолированной семьи были вынуждены заключать между собой браки, то въ результатѣ происходили постоянныя нарушенія препятствій, установленныхъ въ этомъ отношеніи закономъ. Іоаннъ, выступивъ съ энергичнымъ порицаніемъ поступка Антипы [8]), былъ только выразителемъ общественныхъ чувствъ.

---

[1]) Іосифъ, Ant., XVIII, V, 1.

[2]) Это названіе приводится іерусалимскимъ Талмудомъ (*Шебіитъ*, IX, 2) и оно же находится въ Толкованіяхъ Іонафана и Іерусалима (Числъ, XXII, 35).

[3]) Нынѣ Мкуръ, близъ оазиса Зерка-Маинъ. См. карту Мертваго моря, изд. M. Vignes (Paris, 1865).

[4]) Іосифъ, De bello Iud., VII, VI, 1 и слѣд.

[5]) Іосифъ, Ant. XVIII, V, 1.

[6]) Левитъ, XVIII, 16.

[7]) Іосифъ, Ant., XV, VII, 10.

[8]) Матѳея, XIV, 4; Марка, VI, 18; Луки. III, 19.

Этого было слишкомъ достаточно для Антипы, чтобы дать ходъ своимъ подозрѣніямъ. Онъ приказалъ взять Крестителя и заключить въ крѣпость Махеронъ, которою онъ овладѣлъ вѣроятно послѣ бѣгства дочери Харета [1]).

Антипа, скорѣе трусливый, нежели жестокій человѣкъ, не желалъ смерти Іоанна. По нѣкоторымъ слухамъ можно думать, что онъ опасался вызвать народное возстаніе [2]). По другой версіи [3]), онъ даже находилъ удовольствіе въ поученіяхъ узника и бесѣды съ нимъ вызывали у него большое смущеніе. Вѣрно однако то, что заключеніе Іоанна продлилось и что онъ, находясь въ темницѣ, сохранилъ за собой обширную свободу дѣйствій [4]). Онъ имѣлъ сношенія съ своими учениками и мы еще увидимъ, что у него были сношенія также и съ Іисусомъ. Вѣра его въ близкое пришествіе Мессіи только укрѣплялась; онъ внимательно слѣдилъ за ходомъ движенія и старался открыть въ немъ признаки, указывающіе на осуществленіе надеждъ, которыя онъ питалъ.

---

1) Іосифъ, Ant., XVIII, V, 2.

2) Матѳея, XIV, 5.

3) Марка, VI, 20. Я читаю ἠπόρει, а не ἐποίει. Ср. Луки IX, 7.

4) Восточная тюрьма не одиночная камера: заключенный, прикованный за ноги, помѣщается во дворѣ у всѣхъ на виду, или въ открытомъ помѣщеніи, и бесѣдуетъ со всѣми проходящими.

ГЛАВА VII

Развитіе идей Іисуса о царствѣ Божіемъ

Вплоть до взятія Іоанна подъ стражу, что мы относимъ приблизительно къ 29 г., Іисусъ не покидалъ окрестностей Мертваго моря и Іордана. Всѣ смотрѣли тогда на пребываніе въ пустынѣ Іудейской, какъ на подготовленіе къ великимъ дѣяніямъ, какъ на нѣкотораго рода „удаленіе" передъ совершеніемъ дѣлъ общественнаго характера. Іисусъ подчинился этому обычаю, слѣдуя примѣру своихъ предшественниковъ, и провелъ сорокъ дней въ полномъ одиночествѣ, въ строгомъ постѣ, не имѣя другого общества, кромѣ дикихъ звѣрей. Воображеніе его учениковъ сильно работало надъ этимъ пребываніемъ его въ пустынѣ. По народнымъ вѣрованіямъ пустыня была наполнена демонами [1]). Мало найдется на свѣтѣ такихъ унылыхъ, Богомъ забытыхъ, безжизненныхъ мѣстностей, какъ скалистый склонъ, составляющій западный берегъ Мертваго моря. Разсказывали, что въ то время, какъ онъ скитался въ этой ужасной пустынѣ, онъ подвергался страшнымъ испытаніямъ, что сатана то стращалъ его видѣніями, то искушалъ соблазнительными обѣщаніями и что, наконецъ, въ награду за его побѣду, ангелы явились служить ему [2]).

---

[1]) Товія, VIII, 3; Луки, XI, 24.

[2]) Матѳея, IV, 1 и слѣд.; Марка, I, 12—13; Луки, IV, 1 и слѣд. Безъ сомнѣнія, поразительная аналогія между этими разсказами и легендами

По всей вѣроятности Іисусъ узналъ объ арестѣ Іоанна Крестителя, когда вышелъ изъ пустыни. Теперь ему уже не было основанія продолжать свое пребываніе въ странѣ, которая представлялась ему на половину чужеземной. Быть можетъ, кромѣ того, онъ опасался подвергнуться тѣмъ же преслѣдованіямъ, какъ Іоаннъ, и онъ не хотѣлъ рисковать собой въ то время, когда въ виду того, что онъ былъ еще мало извѣстенъ, его смерть не могла бы послужить для успѣшнаго распространенія его идей. Онъ возвратился въ Галилею [1]), свою настоящую родину, до извѣстной степени обогатившись важнымъ опытомъ и, почерпнувъ въ своихъ отношеніяхъ съ великимъ человѣкомъ, столь отличнымъ отъ него, сознаніе своей собственной оригинальности.

Въ общемъ вліяніе Іоанна на Іисуса было скорѣе вреднымъ для него, нежели полезнымъ. Оно задержало его развитіе: по всему можно думать, что когда онъ отправлялся внизъ по теченію Іордана, то идеи его имѣли несомнѣнно превосходство надъ идеями Іоанна, и что онъ на время склонился къ баптизму только въ видѣ уступки. Быть можетъ, если-бы Креститель, авторитету котораго ему было бы трудно не подчиниться, остался на свободѣ, то Іисусъ не съумѣлъ бы стряхнуть съ себя ига обрядовъ и внѣшнихъ формъ культа, и въ такомъ случаѣ, безъ сомнѣнія, онъ остался бы въ роли безвѣстнаго іудейскаго сектанта; ибо міръ не замѣнилъ бы однѣхъ обрядностей другими. Христіанство привлекло возвышенные умы именно въ качествѣ религіи, освободившейся отъ всякихъ внѣшнихъ формъ. Но

изъ *Вендидадъ* (farg. XIX) и *Лалитавистары* (гл. XVII, XVIII, XXI) даетъ поводъ считать это пребываніе въ пустынѣ не болѣе, какъ миѳомъ. Но сухое и точное повѣствованіе объ этомъ у Марка, представляющее очевидно первоначальную редакцію, заставляетъ предполагать, что въ основѣ его лежалъ реальный фактъ, послужившій впослѣдствіи темой для легендарныхъ сказаній.

[1]) Матѳея, IV, 12; Марка, I, 14; Луки, IV, 14; Іоанна, IV, 3.

какъ только Креститель былъ заключенъ въ тюрьму, школа его сильно сократилась въ численности, и Іисусъ былъ предоставленъ собственному своему развитію. Единственно, чѣмъ онъ былъ обязанъ Іоанну, это тѣмъ, что онъ научился у него искусству проповѣдывать и пріобрѣтать послѣдователей среди народа. Дѣйствительно, послѣ этого проповѣдь Іисуса отличалась большей силой и получила въ народѣ особую авторитетность [1]).

Повидимому, знакомство Іисуса съ Іоанномъ содѣйствовало также разработкѣ его идей о „царствѣ Небесномъ", и не столько путемъ вліянія со стороны Крестителя, сколько путемъ естественной эволюціи собственной мысли Іисуса. Съ этого времени лозунгомъ его стала „благая", вѣсть, что приближается царство Божіе [2]). Іисусъ теперь уже не ограничивается ролью обаятельнаго моралиста, умѣющаго вложить въ нѣсколько живыхъ и краткихъ афоризмовъ поученіе высокой нравственности; онъ становится геніальнымъ революціонеромъ, который пытается обновить міръ въ самыхъ его основахъ и осуществить на землѣ созданный имъ идеалъ. „Человѣкъ, ожидающій царства Божія", становится синонимомъ ученика Іисуса [3]). Какъ уже было сказано [4]), это выраженіе „царство Божіе", или „царство Небесное", давно было обычнымъ для іудеевъ. Но Іисусъ придалъ ему нравственный смыслъ, соціальное значеніе, которое едва осмѣливался предугадывать самъ авторъ книги Даніила въ своемъ апокалипсическомъ энтузіазмѣ.

Зло царствуетъ въ мірѣ, какъ таковомъ. Сатана „князь міра сего" [5]) и все ему повинуется. Цари умерщвляютъ пророковъ.

---

[1]) Матѳея, VII, 29; Марка, I, 22; Луки, IV, 32,

[2]) Марка, I, 14—15.

[3]) Тамъ же, XV, 43.

[4]) См. выше, стр. 59 и 60.

[5]) Іоанна, XII, 31; XIV, 30; XVI, 11. Ср. 2 посл. къ Коринѳ., IV, 4; къ Ефес., II, 2.

Священники и книжники сами не исполняютъ того, что предписываютъ другимъ. Праведники подвергаются преслѣдованіямъ; слезы единственный удѣлъ добрыхъ. Такимъ образомъ „міръ" является враждебнымъ для Бога и праведниковъ [1]); но Богъ проснется и отмститъ за своихъ святыхъ. День этотъ приближается, ибо беззаконіе дошло до своихъ предѣловъ. Настанетъ очередь царства добра.

Наступленіе этого царства добра будетъ великимъ внезапнымъ переворотомъ. Міръ какъ бы перевернется; такъ какъ его настоящее состояніе дурно, то для того чтобы представить себѣ будущее, достаточно вообразить себѣ почти прямую противуположность существующаго. Первые станутъ послѣдними [2]). Въ человѣчествѣ водворится новый порядокъ. Въ настоящее время добро и зло перемѣшаны между собой, какъ пшеница и плевелы въ полѣ; господинъ предоставляетъ имъ произростать вмѣстѣ; но наступитъ часъ, когда ихъ насильственно отдѣлятъ другъ отъ друга [3]). Царство Божіе уподобится огромному улову неводомъ, въ который попадаетъ и хорошая и дурная рыба; хорошую собираютъ въ сосуды, худую выбрасываютъ вонъ [4]). Зародышъ этого великаго переворота сперва будетъ незамѣтенъ. Онъ подобенъ горчичному зерну, которое мельче всѣхъ сѣмянъ, но когда оно брошено въ землю, то изъ него выростаетъ дерево, на вѣтвяхъ котораго птицы садятся отдыхать [5]); или его можно сравнить съ закваской, положенной въ тѣсто, и вызывающей броженіе

---

[1]) Іоанна, I, 10; VII, 7; XIV, 17, 22, 27; XV, 18 и слѣд.; XVI, 8, 20, 33; XVII, 9, 14, 16, 25. Этотъ оттѣнокъ слова „міръ" особенно характеренъ въ посланіяхъ апостола Павла, а также въ посланіяхъ, приписываемыхъ Іоанну.

[2]) Матѳея, XIX, 30; XX, 16; Марка, X, 31; Луки, XIII, 30.

[3]) Матѳея, XIII, 24 и слѣд.

[4]) Матѳея, XIII, 47 и слѣд.

[5]) Матѳея, XIII, 31 и слѣд.; Марка, IV, 31 и слѣд.; Луки, XIII, 19 и слѣд.

во всей массѣ [1]). Цѣлая серія подобныхъ притчъ, нерѣдко довольно темныхъ, предназначалась для того, чтобы выразить всю неожиданность этого внезапнаго переворота, кажущіяся несправедливости, которыя при немъ произойдутъ, его неизбѣжный и безповоротный характеръ [2]).

Кто установитъ это царство Божіе? Напомнимъ, что первая мысль Іисуса, продуманная имъ такъ глубоко, что по всей вѣроятности у нея не было особой исходной точки, но она имѣла корни въ самомъ его существѣ, была та, что онъ есть сынъ Божій, довѣренный своего Отца, исполнитель его воли. Слѣдовательно, отвѣтъ на подобный вопросъ былъ для него совершенно ясенъ. Убѣжденіе, что онъ водворитъ царство Божіе, совершенно овладѣло всѣмъ его существомъ. Онъ считалъ себя міровымъ реформаторомъ. Небо, земля, вся природа, безуміе, болѣзнь и смерть не болѣе какъ орудія въ его рукахъ. Въ увлеченіи своей героической волей онъ считалъ себя всемогущимъ. Если земля не подчинится этому послѣднему преобразованію, то она будетъ уничтожена, очищена огнемъ и дыханіемъ Бога. Будетъ создана новая твердь небесная и весь міръ будетъ населенъ ангелами Божіими [3]).

Слѣдовательно основной мыслью Іисуса былъ коренной переворотъ [4]), захватывающій самую природу. Съ этого момента онъ, безъ сомнѣнія, отказался отъ политики; примѣръ Іуды Гавлонита показалъ ему безполезность народныхъ возстаній. Онъ никогда не думалъ о возмущеніи противъ римлянъ и тетрарховъ. Ему былъ чуждъ необузданный анархическій принципъ Гавлонита. Подчиненіе его установленнымъ властямъ было по существу насмѣшкой, но по формѣ полнымъ. Онъ уплачивалъ подать Цезарю, чтобы не прогнѣвать

---

[1]) Матѳея, XIII, 33; Луки, XIII, 21.

[2]) Матѳея, XIII вся; XVIII, 23 и слѣд.; XX, 1 и слѣд., Луки, XIII, 18 и слѣд.

[3]) Матѳея, XXII, 30. Ср. слова Іисуса, приведенныя въ посланіи Варнавы, 6: ἰδοὺ ποιῶ τὰ ἔσχατα ὡς τὰ πρῶτα (изд. Гильгенфельда, стр. 18).

[4]) Ἀποκατάστασις πάντων. Дѣянія, III, 21.

его. Свобода и право не отъ міра сего; зачѣмъ же портить жизнь напрасной щепетильностью? Въ своемъ презрѣніи къ земному, въ убѣжденіи, что существующій міръ не стоитъ того, чтобы о немъ думать, онъ находилъ себѣ убѣжище въ своемъ идеальномъ царствѣ; онъ основалъ такимъ образомъ то великое ученіе высшаго презрѣнія [1]), истинное ученіе о свободѣ духа, которое только и даетъ душевный міръ. Но онъ еще не возвѣстилъ: „царство мое не отъ міра сего". Въ его взглядахъ, самыхъ опредѣленныхъ, все еще было много неяснаго. По временамъ въ умѣ его пробѣгали странныя сомнѣнія. Въ пустынѣ іудейской Сатана предлагалъ ему земныя царства. Не имѣя понятія о силахъ римской имперіи, основываясь на томъ энтузіазмѣ, какой господствовалъ въ Іудеѣ, и который вскорѣ послѣ того окончился страшнымъ вооруженнымъ возстаніемъ, онъ могъ надѣяться, опираясь на смѣлость и численность своихъ приверженцевъ, создать новое царство. И быть можетъ онъ не разъ задавалъ себѣ вопросъ, осуществится ли царство Божіе силою, или кротостью, возстаніемъ, или смиреніемъ? Разсказываютъ, будто однажды жители Галилеи задумали завладѣть имъ и провозгласить его царемъ [2]). Іисусъ бѣжалъ отъ нихъ въ горы и нѣкоторое время жилъ тамъ въ одиночествѣ. Его прекрасная натура удержала его отъ ошибки, благодаря которой онъ обратился бы въ агитатора, или въ главу секты, въ родѣ Ѳевды, или Баркохебы.

Переворотъ, который онъ хотѣлъ совершить, былъ чисто нравственный переворотъ; но онъ еще не дошелъ до того, чтобы ввѣрить его осуществленіе ангеламъ и послѣдней трубѣ. Онъ хотѣлъ дѣйствовать на людей и посредствомъ людей. Духовидецъ, у котораго нѣтъ другой мысли, кромѣ идеи о близости страшнаго суда, не прилагалъ бы столько стараній

1) Матѳея, XVII, 23—26; XXII, 16—22.
2) Іоанна, VI, 15.

къ улучшенію душъ, не создалъ бы прекраснѣйшаго ученія нравственности, какое когда либо имѣло человѣчество. Безъ сомнѣнія въ его мысли было много неяснаго, и скорѣе благородное чувство, нежели заранѣе обдуманное намѣреніе, побуждало его къ великому дѣлу, которое при посредствѣ его осуществилось, хотя и далеко не тѣмъ способомъ, какъ онъ себѣ представлялъ.

Дѣйствительно, онъ клалъ основаніе царству Божію, я хочу сказать, царству духа, и если нынѣ Іисусъ можетъ видѣть съ высоты лона своего Отца, какіе плоды принесло его дѣло въ исторіи человѣчества, то онъ съ полнымъ правомъ можетъ сказать: „Вотъ то, чего я хотѣлъ“. То, что Іисусъ основалъ, что на вѣки осталось отъ него, за исключеніемъ всѣхъ несовершенствъ, которыя примѣшиваются ко всему, что только осуществляется человѣчествомъ, это ученіе о свободѣ духа. Еще въ Греціи по этому предмету высказывались прекрасныя мысли [1]). Многіе стоики находили средство быть свободными подъ управленіемъ тирана. Но въ общемъ древній міръ представлялъ себѣ свободу не иначе, какъ въ связи съ опредѣленными политическими формами; либералами были Гармодій и Аристогитонъ, Брутъ и Кассій. Истинный христіанинъ гораздо менѣе связанъ какими бы то ни было цѣпями; здѣсь на землѣ онъ не болѣе, какъ изгнанникъ; что ему за дѣло до временнаго господина земли, которая для него не родина? Свобода для него заключается въ истинѣ [2]). Іисусъ не достаточно былъ знакомъ съ исторіей, для того чтобы понимать, до какой степени такое ученіе было какъ разъ своевременнымъ въ тотъ моментъ, когда пришелъ конецъ республиканской свободѣ и когда мелкія городскія конституціи испускали свое послѣднее дыханіе въ поглощавшей ихъ единой римской имперіи. Въ этомъ отношеніи имъ руководили

---

[1]) См. *Стобе*, Florilegium, гл. LXII, LXXVII, LXXXVI и слѣд.

[2]) Іоанна, VIII, 32 и слѣд.

съ чудесной твердостью его удивительный здравый смыслъ и поистинѣ пророческое чутье, указывавшее ему въ чемъ заключается его миссія. Своими словами: „воздайте кесарево кесарю, а божье Богу“, онъ создалъ нѣчто чуждое политикѣ, настоящее убѣжище для души среди царства грубой силы. Несомнѣнно, что такое ученіе представляло свои опасности. Принять за принципъ, что признакомъ законной власти является надпись на монетѣ, провозгласить, что совершенный человѣкъ платитъ подать изъ презрѣнія къ ней и желая избѣгнуть спора, это значитъ уничтожить республику, созданную по древнимъ образцамъ, и открыть полный просторъ для всяческой тираніи. Въ этомъ смыслѣ христіанство сильно содѣйствовало ослабленію чувства гражданскаго долга и отдавало міръ въ абсолютную власть совершившихся фактовъ. Но учредивъ громадный свободный союзъ, который съумѣлъ въ теченіе трехсотъ лѣтъ обходиться безъ политики, христіанство съ избыткомъ пополнило тотъ ущербъ, который отъ него потерпѣли гражданскія добродѣтели. Благодаря ему власть государства была ограничена лишь земнымъ; духъ былъ освобожденъ, или, по крайней мѣрѣ, страшный гнетъ римскаго всемогущества былъ навсегда сокрушенъ.

Человѣкъ, занятый главнымъ образомъ обязанностями общественной жизни, не прощаетъ другимъ людямъ, если они ставятъ что либо выше его партійныхъ интересовъ. Онъ порицаетъ тѣхъ, кто подчиняетъ политическіе вопросы соціальнымъ и проповѣдуетъ нѣкотораго рода индифферентизмъ къ политикѣ. Въ извѣстномъ смыслѣ онъ, пожалуй, правъ, такъ какъ всякое направленіе, которое стремится исключить всѣ другія, не можетъ быть оправдано съ точки зрѣнія правильнаго руководства дѣлами человѣчества. Но много ли сдѣлали партіи для прогресса общей нравственности человѣческаго рода? Если бы Іисусъ, вмѣсто того чтобы основывать свое царство Небесное, отправился въ Римъ, погрузился бы въ заговоры противъ Тиверія, или предался оплакиванію Германика,

что сталось бы съ міромъ? При всемъ строгомъ республиканствѣ и патріотическомъ рвеніи, онъ не остановилъ бы великаго теченія событій своего вѣка, между тѣмъ, какъ объявивъ, что политика не имѣетъ значенія, онъ пробудилъ въ мірѣ сознаніе той истины, что родина это еще не все, и что человѣкъ стоитъ и выше и впереди гражданина.

Наши принципы положительной науки не совмѣщаются съ фантастической частью программы Іисуса. Мы знаемъ исторію земли; такой переворотъ, какого ожидалъ Іисусъ, происходитъ только вслѣдствіе геологическихъ, или астрономическихъ причинъ, между которыми, съ одной стороны, и нравственностью, съ другой, никогда не было констатировано никакой связи. Но если мы желаемъ быть справедливыми къ великимъ дѣятелямъ, мы не должны обращать вниманія на тѣ предразсудки, которые они раздѣляли. Колумбъ открылъ Америку, исходя изъ совершенно ложныхъ идей; Ньютонъ считалъ свое безумное толкованіе апокалипсиса столь же вѣрнымъ, какъ и свою теорію тяготѣнія. Не ставить же намъ того или другого дюжиннаго человѣка изъ числа нашихъ современниковъ выше, напримѣръ, Франциска Ассизскаго, или св. Бернарда, или Жанны д'Аркъ, или Лютера, на томъ основаніи, что онъ свободенъ отъ тѣхъ заблужденій, которыя раздѣляли тѣ дѣятели? Не станемъ же мы оцѣнивать людей по правильности ихъ понятій въ физикѣ, или по большей или меньшей точности ихъ свѣдѣній объ истинной системѣ міра? Постараемся лучше уяснить себѣ положеніе Іисуса и то, въ чемъ заключалась его сила. Деизмъ XVIII вѣка и извѣстнаго рода протестантизмъ пріучили насъ смотрѣть на основателя христіанской религіи только какъ на великаго моралиста, благодѣтеля человѣчества. Мы видимъ въ Евангеліи лишь добрыя нравоученья; мы мудро опускаемъ завѣсу на странное умственное состояніе, которое его породило. Есть люди, которые сожалѣютъ и о томъ, что французская революція не разъ отступала отъ принциповъ, и что

не мудрые и умѣренные люди ее дѣлали. Но не будемъ вязывать нашихъ мелкихъ программъ разсудительной б жуазіи этимъ необычайнымъ движеніямъ, которыя до та степени намъ не по росту. Будемъ продолжать восхищат „евангельской моралью"; не будемъ вводить въ религіоз воспитаніе нашего времени ту химеру, которая была ду Евангелія; но не будемъ воображать, что простыми иде о счастьи или индивидуальной нравственности можно п вернуть міръ. Идея Іисуса была гораздо глубже; то б самая революціонная идея, какая когда либо зарождал въ человѣческомъ мозгу; историкъ долженъ считаться ней во всей ея цѣлости, не обращая вниманія на ценз которая выкидываетъ изъ нея какъ разъ именно то, бл даря чему она была способна возродить человѣчество.

Въ сущности идеалъ всегда есть утопія. Что мы дѣла когда хотимъ въ настоящее время представить себѣ Хр въ современномъ духѣ, утѣшителя, судью новыхъ врем То самое, что Іисусъ совершилъ 1830 лѣтъ тому назадъ. воображаемъ себѣ условія реальнаго міра не такими, как они на самомъ дѣлѣ; мы рисуемъ себѣ, какъ моральный осв дитель, безъ оружія, разбиваетъ оковы негра, улучшаетъ ложеніе пролетаріата, освобождаетъ угнетенныя націи. забываемъ, что для осуществленія этого надо предварител перевернуть весь міръ, измѣнить климатъ Виргиніи и Ко измѣнить кровь и расовыя свойства милліоновъ людей, вести наши сложныя соціальныя отношенія до химеричес простоты, вывести политическія наслоенія Европы изъ естественнаго порядка. „Всеобщій переворотъ" Іисуса [1]) б бы не менѣе труденъ. Эта новая земля, новое небо, но Іерусалимъ, сходящій съ неба, этотъ возгласъ: „се творю новое!" [2])—все это черты общія всѣмъ реформаторамъ. Вс

---

[1]) Дѣянія, III, 21.
[2]) Апокалипсисъ, XXI, 1. 2. 5.

контрастъ между идеаломъ и печальной дѣйствительностью будетъ вызывать у человѣчества подобное возмущеніе противъ холоднаго разсудка, которое дюжинные умы будутъ называть безуміемъ, пока въ одинъ прекрасный день эти идеи не восторжествуютъ, и тѣ, кто боролся противъ нихъ, первые же не признаютъ ихъ высшій смыслъ.

Конечно, нельзя было бы даже пытаться отрицать, что существовало нѣкоторое противорѣчіе между догматомъ близкой кончины міра и обычной моралью Іисуса, пріуроченной къ такому состоянію человѣчества, которое довольно сходно съ существующимъ въ дѣйствительности [1]). Но это противорѣчіе именно и обезпечивало успѣхъ его дѣла. Одинъ тысячелѣтникъ не создалъ бы ничего прочнаго; одинъ моралистъ не создалъ бы ничего могущественнаго. Милленаризмъ далъ толчокъ, мораль обезпечила будущее. Такимъ образомъ въ христіанствѣ соединились два условія великихъ успѣховъ въ мірѣ, революціонная исходная точка и жизненность. Все, что желаетъ расчитывать на успѣхъ, должно отвѣчать этимъ двумъ требованіямъ, ибо міръ желаетъ въ одно и тоже время измѣняться и жить. Іисусъ, въ то самое время, когда возвѣщалъ въ человѣчествѣ переворотъ, не имѣвшій ничего себѣ подобнаго въ прошломъ, проповѣдывалъ принципы, на которыхъ общество покоится вотъ уже восемнадцать вѣковъ.

Дѣйствительно, главное отличіе Іисуса отъ агитаторовъ его времени и послѣдующихъ вѣковъ заключается въ его полнѣйшемъ идеализмѣ. Въ нѣкоторомъ отношеніи Іисусъ является анархистомъ, ибо онъ не имѣетъ никакого представленія о гражданскомъ правительствѣ. Такое правительство онъ считаетъ просто на просто злоупотребленіемъ. Онъ отзы-

---

[1]) Англійскія секты тысячелѣтниковъ представляютъ такія же противорѣчія, т. е., съ одной стороны, вѣрованіе въ близкую кончину міра и рядомъ съ этимъ, съ другой стороны, много здраваго смысла въ практической жизни, необыкновенное знаніе коммерческаго дѣла и промышленности.

вается о немъ въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, какъ человѣкъ, вышедшій изъ народа и не имѣющій понятія о политикѣ. Всякое должностное лицо представляется ему естественнымъ врагомъ людей Божіихъ; онъ возвѣщаетъ своимъ ученикамъ, что имъ предстоятъ столкновенія съ властями и ни на минуту ему не приходитъ въ голову, что это можетъ быть стыдно [1]). Но при этомъ у него никогда не замѣчается ни малѣйшаго стремленія занять мѣсто властей и богатыхъ. Онъ стремится уничтожить богатство и власть, а вовсе не завладѣть ими. Онъ предсказывалъ ученикамъ, что они подвергнутся преслѣдованіямъ и мученіямъ [2]); но ни разу у него н появляется мысли о вооруженномъ сопротивленіи. Идея, чт всемогущество достигается страданіями и смиреньемъ, чт надъ силой можно восторжествовать чистотой сердца, тако собственная идея Іисуса. Его нельзя назвать спиритуалистом ибо для него все заканчивается осязательнымъ осуществл ніемъ. Но онъ въ то же время полнѣйшій идеалистъ, так какъ матерія для него является лишь символомъ идеи, а вс реальное—живымъ выраженіемъ невидимаго міра.

Къ кому же обращаться за помощью, для того чтоб основать царство Божіе? На этотъ счетъ у Іисуса никогд не было никакихъ сомнѣній. То, что люди считаютъ велкимъ, въ глазахъ Бога мерзость [3]). Основателями царств Божія будутъ простые люди. Не богатые, не книжники, н священники, а женщины, люди изъ народа, униженные, маленькіе люди [4]). Великій признакъ Мессіи „благовѣствовані нищимъ“ [5]). Здѣсь снова беретъ верхъ идиллическая кротка

[1]) Матѳея, X, 17—18; Луки, XII, 11.

[2]) Матѳея, V, 10 и слѣд.; X вся; Луки, VI, 22 и слѣд.; Іоанна, X 18 и слѣд.; XVI, 2 и слѣд.; 20, 33; XVII, 14.

[3]) Луки, XVI, 15.

[4]) Матѳея, V, 3, 10; XVIII, 3; XIX, 14, 23—24; XX, 16; XXI, 31; XXII, и слѣд.; Марка, X, 14, 15; 23—25; Луки, I, 51—53; IV, 18 и слѣд.; VI, 2 XIII, 30; XIV, 11; XVIII, 14, 16—17, 24—25.

[5]) Матѳея, XI, 5.

натура Іисуса. Мечта его—громадная соціальная революція, при которой всѣ положенія переставятся, при которой все, что имѣло значеніе въ этомъ мірѣ, будетъ унижено. Міръ увѣруетъ въ него; міръ убьетъ его. Но ученики его будутъ не отъ міра [1]). Они составятъ небольшую группу униженныхъ и смиренныхъ, которая побѣдитъ своимъ униженіемъ. Чувство, по которому понятіе „мірянинъ" является противоположностью понятію „христіанинъ", находитъ себѣ такимъ образомъ полное оправданіе въ самыхъ мысляхъ учителя [2]).

---

[1]) Іоанна, XV, 19; XVIII, 14, 16.

[2]) См. въ особенности гл. XVII Іоанна, въ которой приводится если не подлинное поученіе, сказанное Іисусомъ, то во всякомъ случаѣ чувство, глубоко запечатлѣвшееся у его учениковъ и совершенно логически вытекающее изъ поученій ихъ учителя.

ГЛАВА VIII

Іисусъ въ Капернаумѣ

Такъ какъ идея Іисуса все болѣе и болѣе властно овладѣвала имъ, то отнынѣ ему предстояло съ роковой невозмутимостью слѣдовать по тому пути, какой намѣчался передъ нимъ его удивительнымъ геніемъ и необыкновенными условіями, среди которыхъ онъ жилъ. До сихъ поръ онъ сообщалъ свои мысли лишь нѣкоторымъ лицамъ, которыя тайно были привязаны къ нему; отнынѣ онъ сталъ проповѣдывать публично и привлекать къ себѣ послѣдователей. Ему было около тридцати лѣтъ [1]). Конечно, небольшая группа послѣдователей, сопровождавшихъ его къ Іоанну Крестителю, увеличилась и, быть можетъ, къ ней присоединились нѣкоторые изъ учениковъ Іоанна [2]). Съ этимъ первоначальнымъ ядромъ будущей Церкви онъ смѣло приступилъ, тотчасъ по возвращеніи изъ Галилеи, къ „благовѣствованію царства Божія". Царство это приближается и онъ, Іисусъ, есть тотъ самый „Сынъ человѣческій", который являлся Даніилу въ

---

1) Луки, III, 23; Евангеліе евіонитовъ, у Епифана, Adv. haer., XXX 13; Валентинъ у св. Иринея, Adv. haer., I, I, 3; II, XXII, 1 и слѣд., и у Епифана, Adv. haer., LI, 28—29. Слова въ Евангеліи отъ Іоанна, VIII, 57, ничего не доказываютъ; здѣсь „пятьдесятъ лѣтъ" означаютъ просто извѣстный человѣческій возрастъ вообще.Ириней (Adv. haer., II, XXII, 5 и слѣд.) является какъ бы отголоскомъ указаннаго мѣста въ Евангеліи оанна, VIII, 57, хотя онъ претендуетъ на то, что опирается будто бы на преданіе „древнихъ" отцовъ Азіи.

2) Іоанна, I, 37 и слѣд.

дѣ божественнаго подготовителя послѣдняго и высшаго ткровенія.

Припомнимъ, что, по понятіямъ іудеевъ, относившихся трицательно къ искусству и миѳологіи, простая форма чеовѣка стоитъ выше формы херувимовъ и тѣхъ фантастичекихъ животныхъ, которыми народная фантазія, послѣ того какъ она подверглась ассирійскому вліянію, окружаетъ божественное величіе. Уже въ книгѣ Іезекіиля [1]), существо, сиящее на верховномъ тронѣ, гораздо выше чудовищъ мистической колесницы; великій провозвѣстникъ откровенія въ пророческихъ видѣніяхъ имѣетъ образъ человѣческій. Въ книгѣ Даніила, въ видѣніи царей, изображенныхъ въ видѣ животныхъ, въ моментъ когда начинается страшный судъ и раскрылись книги, существо „похожее на сына человѣческаго", приближается къ „Ветхому днями", который даетъ ему власть судить міръ и вѣчно властвовать надъ нимъ [2]). *Сынъ человѣческій* на семитическихъ языкахъ, и въ особености на арамейскихъ нарѣчіяхъ, означаетъ просто *человѣка*. Но это мѣсто въ книгѣ Даніила поразило умы; по крайней мѣрѣ у нѣкоторыхъ школъ [3]) понятіе *сынъ человѣческій* сдѣлалось однимъ изъ эпитетовъ Мессіи, какъ судьи міра и царя новой эры, которая должна была начаться [4]). Такимъ образомъ, примѣняя этотъ эпитетъ къ самому себѣ, Іисусъ объявлялъ

---

[1]) I, 5, 26 и слѣд.

[2]) Даніила, VII, 4, 13—14, Ср. VIII, 15; X, 16.

[3]) Въ эпизодѣ, который приводится у Іоанна, XII, 34, іудеи видимо не понимаютъ смысла этого слова.

[4]) Матѳея, X, 23; XIII, 41; XVI, 27—28; XIX, 28; XXIV, 27, 30, 37, 39, 44; XXV, 31; XXVI, 64; Марка, XIII, 26; XIV, 62; Луки, XII, 40; XVII, 24, 26, 30; XXI, 27, 36; XXII, 69; Дѣянія, VII, 55. Въ этомъ отношеніи особенно поучительны слѣдующія строки: Іоанна, V, 27, въ сопоставленіи съ Апокалипсисомъ, I. 13; XIV, 14. Ср. Еноха, XLVI, 1—4; XLVIII, 2—3; LXII, 5, 7, 9, 14; LXIX, 26, 27, 29; LXX, 1 (по Дильману); 4 книга Ездры, XIII, 2 и слѣд.; 12 и слѣд.; 25, 32 (версіи эѳіопская, арабская и сирійская, изд. Эвальда, Фолькмара и Церіани); Вознесеніе Исайи, латинскій

себя Мессіей и возвѣщалъ близкую катастрофу, въ которой онъ долженъ былъ явиться судьей, облеченнымъ всей властью, переданной ему „Ветхимъ днями“ [1]).

На этотъ разъ проповѣдь новаго пророка имѣла рѣшительный успѣхъ. Группа мущинъ и женщинъ, носившихъ на себѣ, всѣ безъ исключенія, отпечатокъ одного и того же духа юношеской чистоты и наивной невинности, послѣдовала за нимъ и стала называть его Мессіей. Такъ какъ Мессія долженъ былъ принадлежать къ колѣну Давида, то естественно его стали называть и сыномъ Давидовымъ, что было синонимомъ Мессіи. Іисусъ охотно позволялъ давать себѣ это названіе, хотя оно до нѣкоторой степени и ставило его въ затрудненіе, такъ какъ онъ происходилъ изъ народа. Для него любимымъ эпитетомъ былъ „сынъ человѣческій“, эпитетъ съ виду скромный, но непосредственно связанный съ мессіанскими идеями. Этимъ именемъ онъ самъ себя называлъ такъ часто [2]), что въ его устахъ „сынъ человѣческій“ сдѣлался синонимомъ мѣстоименія „я“, котораго онъ вообще избѣгалъ. Но, обращаясь къ нему, ему никогда не давали этого названія, безъ сомнѣнія, потому что оно вполнѣ подходило бы къ нему только въ день его будущаго пришествія.

Въ эту эпоху жизни Іисуса ареной его дѣятельности былъ небольшой городъ Капернаумъ, расположенный на берегу Генисаретскаго озера. Названіе Капернаумъ, которое происходитъ отъ слова *кафаръ*, „селеніе“, повидимому, означаетъ

текстъ Венеціи, 1522 (колл. 702 по изд. де Минь); Іустина, Dial. cum Tryph., 49, 76. Эпитетъ Мессіи „сынъ женщины“ встрѣчается лишь одинъ разъ въ книгѣ Еноха, LXII, 5. Надо замѣтить, что вся часть книги Еноха, заключающая въ себѣ главы XXXVII—LXXI, представляетъ собой, быть можетъ, ошибочную вставку. 4 книга Ездры была написана при Нервѣ евреемъ, подвергавшимся вліянію христіанскихъ идей.

[1]) Іоанна, V, 22, 27.

[2]) Этотъ эпитетъ повторяется въ Евангеліяхъ 83 раза и всегда въ рѣчахъ самого Іисуса.

ородское поселеніе древняго характера, въ противуположность большимъ городамъ, выстроеннымъ по римскому образцу, какъ, напр., Тиверіада [1]). Названіе это было такъ мало извѣстно, что Іосифъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій [2]) принимаетъ его за названіе фонтана, который, слѣдовательно, пользовался большей извѣстностью, нежели селеніе, расположенное возлѣ него. Подобно Назарету, Капернаумъ не имѣлъ прошлаго и не принималъ участія въ свѣтскомъ движеніи, которое поддерживали Ироды. Іисусъ очень привязался къ этому городу, и онъ сдѣлался для него какъ бы вторымъ отечествомъ [3]). Вскорѣ по своемъ возвращеніи онъ сдѣлалъ попытку по отношенію къ Назарету, но она не имѣла успѣха [4]). По наивному замѣчанію одного изъ своихъ біографовъ, онъ не могъ сдѣлать здѣсь ни одного большого чуда [5]). Здѣсь всѣ знали его семью, не пользовавшуюся большимъ значеніемъ, и это слишкомъ вредило его авторитету. Его не могли здѣсь признавать сыномъ Давида, такъ какъ всѣ ежедневно встрѣчались съ его братомъ, сестрой, зятемъ. Кромѣ того замѣчательно, что его семья оказывала ему довольно сильное противодѣйствіе и рѣшительно отказывалась вѣрить въ его божественную миссію [6]). Былъ даже такой моментъ,

---

[1]) Правда, что въ Телль-Хумѣ, который обыкновенно отождествляютъ съ Капернаумомъ, сохранились остатки довольно пышныхъ монументовъ. Но не считая того, что правильность этого отождествленія сомнительна, эти монументы, быть можетъ, относятся къ II и III вѣкамъ по Р. Х.

[2]) B. I., III. X, 8.

[3]) Матѳея, IX, 1; Марка, II, 1. Дѣйствительно въ талмудическихъ сочиненіяхъ Капернаумъ упоминается, какъ городъ *минимовъ*, или еретиковъ; эти *минимы* очевидно и были христіане. См. Мидрашъ, *Когелетъ*, стихъ VII, 26.

[4]) Матѳея, XIII, 54 и слѣд.; Марка, VI, 1 и слѣд.; Луки, IV, 16 и слѣд.; 23—24; Іоанна, IV, 44.

[5]) Марка, VI, 5. Ср. Матѳея, XIII, 58; Луки, IV, 23.

[6]) Матѳея, XIII, 57; Марка, VI, 4; Іоанна, VII, 3 и слѣд.

когда его мать и братъ утверждали, что онъ потерялъ разсудокъ, относились къ нему, какъ къ экзальтированному мечтателю и намѣревались удержать его силой [1]). Болѣе пылкіе Назореяне хотѣли, какъ говорятъ, убить его, сбросивъ съ обрыва [2]). Іисусъ замѣчаетъ, что въ этомъ отношеніи онъ раздѣлялъ общую участь великихъ людей, и примѣняетъ къ себѣ пословицу: „нѣсть пророкъ въ отечествѣ своемъ".

Эта неудача нисколько не лишила его мужества. Онъ вернулся въ Капернаумъ [3]), гдѣ встрѣчалъ гораздо лучшее отношеніе къ себѣ и отсюда организовалъ цѣлую серію миссій въ сосѣдніе небольшіе городки. Населеніе этой прекрасной и плодородной мѣстности собиралось почти только по субботамъ. Этотъ день онъ выбралъ для своихъ поученій. Въ то время каждый городъ имѣлъ свою синагогу, или мѣсто для собраній. Обыкновенно это была довольно малыхъ размѣровъ прямоугольная зала, съ портикомъ греческаго стиля. Евреи, не имѣвшіе собственной архитектуры, никогда не заботились объ оригинальности стиля этого рода зданій. Остатки многихъ древнихъ синагогъ и въ настоящее время встрѣчаются въ Галилеѣ [4]). Всѣ онѣ построены изъ цѣнныхъ матеріаловъ, но довольно безвкусно, благодаря обилію орнаментовъ съ мотивами изъ растительнаго царства и всякаго рода завитковъ, характеризующихъ монументы іудеевъ [5]). Вну-

---

[1]) Марка, III, 21, 31 и слѣд.; надо имѣть въ виду связь между стихами 20, 21, 31, даже если въ стихѣ 31 читать καὶ ἔρχονται, а не ἔρχονται οὖν.

[2]) Луки, IV, 29. Вѣроятно рѣчь идетъ о скалѣ, находящейся близъ Назарета надъ нынѣшней церковью маронитовъ, а не о *горѣ Низверженія*, которая лежитъ отъ Назарета въ разстояніи одного часа пути. См. Робинсонъ, II, 335 и слѣд.

[3]) Матѳея, IV, 13; Луки, IV, 31; Іоанна, II, 12.

[4]) Въ Телль-Хумѣ, Ирбидѣ (Арбела), Мейронѣ (Меро), въ Ишѣ шала), въ Касіунѣ, Набартейнѣ, въ Кефръ-Береимѣ двѣ.

[5]) Я не рѣшаюсь еще высказаться о возрастѣ этихъ монумен ни, слѣдовательно, утверждать, что Іисусъ поучалъ въ какой либо этихъ синагогъ. Сколько интереса представляла бы съ точки зрѣнія

реннее убранство синагоги состояло изъ скамей, каѳедры для публичныхъ чтеній, шкафа для храненія священныхъ свитковъ [1]). Эти зданія, не имѣвшія ничего общаго съ храмомъ, были центромъ всей жизни іудеевъ. По субботамъ сюда собирались для молитвы и для чтенія Закона и Пророковъ. Такъ какъ іудаизмъ не имѣлъ духовенства въ тѣсномъ смыслѣ этого слова внѣ Іерусалима, то на этихъ собраніяхъ любой изъ присутствующихъ могъ встать, прочитать мѣста изъ священнаго писанія, установленныя для даннаго дня (*параша* и *гафтара*), и затѣмъ прибавить къ прочитанному *мидрашъ*, т. е. собственные свои комментаріи, въ которыхъ онъ могъ развивать свои идеи [2]). Таково происхожденіе „гомеліи“, усовершенствованный образецъ которой мы находимъ въ небольшихъ трактатахъ Филона. Всякій имѣлъ право и возражать и ставить вопросы лектору; такимъ образомъ этого рода собранія быстро выродились въ свободную сходку. Она имѣла своего предсѣдателя [3]), „старѣйшинъ“ [4]), *гаццана*, т. е. довѣреннаго лектора или сторожа [5]), „посыль-

---

кой гипотезы, синагога въ Телль-Хумѣ! Древнѣйшей изъ всѣхъ синагогъ мнѣ представляется большая синагога въ Кефръ-Береимѣ. Стиль ея довольно строгій. Въ синагогѣ въ Касіунѣ находится греческая надпись временъ Септимія Севера. Важное значеніе, пріобрѣтенное іудаизмомъ въ Галилеѣ послѣ войны Адріана, даетъ основаніе предполагать, что многія изъ этихъ построекъ не старше III вѣка, т. е. эпохи, когда Тиверіада стала въ нѣкоторомъ родѣ столицей іудаизма. См. Journal Asiatique, дек. 1864, стр. 531 и слѣд.

[1]) 2 кн. Ездры, VIII, 4; Матѳея, XXIII, 6; Посл. Іакова, II, 3; Мишна, *Мегилла*, III, 1; Рошъ хашанна, IV, 7 и пр. См. также любопытное описаніе александрійской синагоги въ Вавилонскомъ Талмудѣ, *Сукка*, 51 в.

[2]) Филонъ, цит. у Евсевія, Proep. evang., VIII, 7 и Quod omnis probus liber, § 12; Луки, IV, 16; Дѣянія, XIII, 15; XV, 21; Мишна, *Мегилла*, III, 4 и слѣд.

[3]) Ἀρχισυνάγωγος. Ср. Гаруцци, Dissert. archeol., II, 161 и слѣд.

[4]) Πρεσβύτεροι.

[5]) Ὑπηρέτης.

ныхъ“ [1]), нѣчто въ родѣ секретарей или вѣстниковъ, при помощи которыхъ поддерживались сношенія синагогъ между собою, *шаммаша* или книгаря [2]). Такимъ образомъ синагоги были настоящими маленькими независимыми республиками; у нихъ была собственная обширная юрисдикція, онѣ гарантировали отпущеніе на волю, брали подъ свое покровительство вольноотпущенниковъ [3]). Подобно всѣмъ городскимъ общинамъ вплоть до позднѣйшихъ временъ римскаго владычества синагоги выдавали почетные дипломы [4]), издавали постановленія, имѣвшія силу закона для данной общины, налагали тѣлесныя наказанія, исполнителями которыхъ обыкновенно являлись *гаццаны* [5]).

При той крайней умственной живости, которой всегда отличались евреи, подобное учрежденіе, не смотря на строгость своихъ постановленій, не могло не давать поводовъ для весьма горячихъ споровъ. Благодаря синагогамъ, съ другой стороны, іудаизмъ былъ въ силахъ выдержать восемнадцать вѣковъ преслѣдованій, сохранивъ всю свою неприкосновенность. Каждая синагога представляла собой какъ бы обособленный мірокъ, въ которомъ сохранялся національный духъ и который служилъ готовой ареной для внутреннихъ раздоровъ. Здѣсь растрачивалась огромная сумма страстей. Борьба изъ

---

1) Ἀπόστολοι или ἄγγελοι.

2) Διάκονος. Марка, V, 22, 35 и слѣд.; Луки, IV, 20; VII, 3; VII, 41—49, XXIII, 14; Дѣянія, XIII, 15; XVIII, 8, 17; Апокалипсъ, II, 1; Мишна, *Іома*, VII, 1; *Рошъ хашана* IV, 9; Іерусал. Талм., *Синедріонъ*, I, 7; Епиф., Adv. haer., XXX, 4, 11.

3) Antiqu. du Bosph. Cimm., надписи № 22 и 23, и Mélanges greco-latins С.-Петербургской Академіи, т. II, стр. 200 и слѣд.; Леви, Epigraphische Beiträge zur. Gesch. der Iuden, стр. 273 и слѣд., 298 и слѣд.

4) Надпись Беренисы въ Corpus inscr. graec., № 5361; надпись въ Касіунѣ, въ Iourn. Asiat., l. c.

5) Матѳея, V, 25; X, 17; XXIII, 34; Марка, XIII, 9; Луки, XII, 11; XXI, 12; Дѣянія, XXII, 19; XXVI, 11; 2 посл. къ Корине, XI, 24; Мишна, *Маккотъ*, III, 12; Вав. Талм., *Мегилла*, 7 b; Епиф., Adv. haer., XXX, 11.

за предсѣдательства была ожесточенной. Почетное кресло въ первомъ ряду было наградой за высокое благочестіе, или привиллегіей богатства, которая больше всего внушала зависти [1]).

Съ другой стороны полная свобода, предоставляемая всякому желающему сдѣлаться лекторомъ и комментаторомъ священнаго писанія, давала полную возможность для пропаганды новыхъ взглядовъ. Въ этомъ заключался одинъ изъ главныхъ источниковъ силы Іисуса и въ то же время самое обычное изъ средствъ, которыя онъ употреблялъ для того чтобы положить основаніе своему ученію [2]). Онъ входилъ въ синагогу, вставалъ чтобы читать, гаццанъ подавалъ ему свитокъ, онъ развертывалъ его и, прочтя назначенные на этотъ день отрывки, *параша* или *гафтара*, начиналъ развивать свои идеи, исходя изъ прочитаннаго [3]). Такъ какъ въ Галилеѣ было мало фарисеевъ, то пренія съ противниками здѣсь не доходили до той степени рѣзкости и язвительности, которыя въ Іерусалимѣ остановили бы его съ первыхъ же шаговъ. Добрые Галилеяне никогда не слыхали поученій, болѣе подходящихъ для ихъ свѣтлаго настроенія [4]). Ему удивлялись, лелѣяли его, находили, что онъ говоритъ прекрасно и убѣдительно. Онъ съ увѣренностью разрѣшалъ самые трудные вопросы; почти поэтическій характеръ его поученій плѣнялъ эти свѣжіе умы народа, еще не высушенные педантизмомъ ученыхъ.

Такимъ образомъ авторитетъ молодого учителя возросталъ со дня на день и естественно, что чѣмъ больше въ него вѣрили, тѣмъ больше и онъ вѣровалъ въ самого себя. Поприще его дѣятельности было очень ограничено. Она не заходила за предѣлы бассейна Тиверіадскаго озера, и даже

---

[1]) Матѳея, XXIII, 6; Посл. Іакова, II, 3; Вав. Талм., *Сукка*, 51 в.

[2]) Матѳея, IV, 23; IX, 35; Марка, I, 21, 39; VI, 2; Луки, IV, 15; 16, 31, 44; XIII, 10; Іоанна, XVIII, 20.

[3]) Луки, IV, 16 и слѣд. Ср. Мишна, *Іома*, VII, 1.

[4]) Матѳея, VII, 28; XIII, 54; Марка, I, 22; VI, 1; Луки, IV, 22, 32.

здѣсь была особенно излюбленная имъ мѣстность. Озеро эт имѣетъ до 21 километра въ длину и 12 килом. наибольше ширины; хотя общее очертаніе его представляетъ довольн правильный оваль, но, начиная отъ Тиверіады и до усть Іордана, находится заливъ, кривая котораго занимаетъ окол трехъ лье. Здѣсь оказалась та нива, на которой сѣмя, бр шенное Іисусомъ, нашло, наконецъ, хорошо подготовленну почву. Бросимъ взглядъ на эту мѣстность, стараясь при этом поднять завѣсу опустошенія и траура, наброшенную на не Исламомъ.

При выходѣ изъ Тиверіады встрѣчаются прежде всег обрывистыя скалы, гора, словно ниспадающая въ море. Да лѣе горы раздвигаются; равнина (ель-Гуверъ) разстилаетс здѣсь почти на уровнѣ озера. Это прелестная, ярко зеле ная роща, по которой пробѣгаетъ множество ручьевъ, отча сти вытекающихъ изъ большого круглаго бассейна антич ной постройки *(Айнъ-ель-Мудаввара)*. При входѣ въ эту рав нину, которая составляетъ Генисаретскую низменность, на ходится жалкая деревушка *Медждель*. На другомъ конц этой равнины, если идти по берегу, мы встрѣчаемъ мѣсто, гд прежде былъ городъ (*Ханъ-Минья*), прекрасную рѣчку *(Айнъ етъ-Танъ)*, и очаровательную узкую, высѣченную въ скалахъ тропинку, по которой, конечно, не разъ проходилъ Іисусъ и которая служитъ сообщеніемъ между Генисаретской равни ной и сѣвернымъ берегомъ озера. Въ разстояніи четверт часа пути отсюда мы переходимъ небольшую рѣчку съ со леной водой (*Айнъ-этъ-Табига*), вытекающую изъ земли мно гими широкими ключами въ нѣсколькихъ шагахъ отъ озер и впадающую въ него среди густой зеленой чащи. Наконецъ въ разстояніи еще 40 минутъ пути, на безплодномъ склонѣ который тянется отъ Айнъ-этъ-Табиги къ устью Іордана, по падаются нѣсколько хижинъ и довольно монументальныя ра валины, извѣстныя подъ именемъ *Телль-Хумъ*.

Во времена Іисуса на пространствѣ отъ деревни Медж

дель и до Телль-Хума было разбросано пять небольшихъ городковъ, о которыхъ человѣчество вѣчно будетъ говорить не меньше, чѣмъ о Римѣ и Афинахъ. Изъ этихъ пяти городовъ, Магдала, Дальманува, Капернаумъ, Виѳсаида, Хоразинъ [1]), въ настоящее время можно съ точностью указать мѣсто только перваго. Ужасное селеніе Меджедель безъ сомнѣнія сохранило и названіе и мѣсто города, изъ котораго происходила самая вѣрная изъ поклонницъ Іисуса [2]). Мѣстоположеніе Дальманувы [3]) совершенно неизвѣстно [4]). Возможно, что Хоразинъ находился немного въ глуби страны, въ сѣверномъ направленіи [5]). Что же касается Виѳсаиды и Капернаума, то по-истинѣ ихъ чисто случайно ставятъ на мѣсто Телль-Хума, Айнъ-этъ-Тина, Ханъ-Миньи, Айнъ-Медаввары [6]). Можно подумать, что въ отношеніи топографіи, какъ

---

[1]) Древній Киннеретъ исчезъ, или названіе его было измѣнено.

[2]) Извѣстно, дѣйствительно, что Магдала находилась очень близко отъ Тиверіады. Іерус. Талмудъ, *Маашаротъ*, III, 1; *Шебіитъ*, IX, 1; *Ерубинъ*, V, 7.

[3]) Марка, VIII, 10. Въ параллельномъ мѣстѣ у Матѳея, XV, 39, въ текстѣ стоитъ Μαγδαλά, но это сравнительно позднѣйшая поправка истиннаго названія Μαγαδαν (ср. ниже, стр. 112, прим. 2). Самое слово Μαγαδαν представляется мнѣ измѣненіемъ Δαλμανουθα. См. Comptes rendus l'Acad. des. inscr. et. B.—L., 17 авг. 1866).

[4]) Въ разстояніи полутора часа пути отъ мѣста, гдѣ Іорданъ вытекаетъ изъ озера, на самомъ Іорданѣ находятся слѣды древняго поселенія, называемаго *Дальгамія* или *Дальмамія*. См. Томсона, The Land and the Book, II, стр. 60—61 и карту Ванъ-де-Вельде. Но по Марку, VIII, 10, можно предполагать, что Дальманува находилась на берегу озера.

[5]) Въ мѣстности называемой *Хорази* или *Биръ-Керазе*, повыше Телль-Хума. См. карту Ванъ-де-Вельде, и Томсона, op. cit., II, стр. 13).

[6]) Старинная гипотеза, отождествляющая Телль-Хумъ съ Капернаумомъ, хотя въ послѣднее время сильно оспаривалась, тѣмъ не менѣе все еще имѣетъ многихъ защитниковъ. Лучшій аргументъ въ пользу ея самое названіе *Телль-Хумъ. Телль* входитъ въ названіе многихъ деревень и, быть можетъ, замѣняетъ прежній *Кафаръ* (см. примѣръ, приведенный въ Archives des missions scientif., 2 серія, т. III, стр. 369). Съ другой стороны близъ Телль-Хума нѣтъ другого колодца, который бы соотвѣтство-

и въ отношенiи исторiи, существовалъ глубокiй замыселъ скрыть всѣ слѣды великаго учителя. Сомнительно, чтобы въ этой мѣстности, такъ основательно опустошенной, когда либо удалось точно опредѣлить тѣ пункты, куда бы человѣчество могло стекаться для того, чтобы цѣловать отпечатокъ ногъ великаго учителя.

Озеро, обширный горизонтъ, кустарникъ, цвѣты—вотъ все, что осталось отъ небольшого округа, въ которомъ Iисусъ положилъ начало своего божественнаго дѣла. Деревья исчезли совершенно. Въ этой мѣстности, гдѣ нѣкогда растительность была такъ роскошна, что Iосифъ видѣлъ въ этомъ нѣкотораго рода чудо, такъ какъ, по его словамъ, природѣ вздумалось свести здѣсь и взрастить рядомъ растенiя холодныхъ странъ, произведенiя жаркаго пояса, и деревья умѣреннаго климата, приносящiя круглый годъ плоды и цвѣты [1],—въ этой мѣстности, въ настоящее время, приходится за сутки впередъ расчитывать, гдѣ на слѣдующiй день можно будетъ остановиться и найти хоть немного тѣни. Озеро сдѣлалось пустыннымъ. Единственная лодка, въ самомъ жалкомъ состоянiи, разсѣкаетъ нынѣ тѣ волны, которыя нѣкогда были такъ богаты жизнью и радостью. Впрочемъ вода въ озерѣ по прежнему подвижна и прозрачна [2]. Берега, состоящiе изъ скалъ или галекъ, скорѣе напоминаютъ берегъ моря, нежели озера, какъ, напр., берега Самохонитскаго озера. Берега здѣсь чистые, безъ тины, съ постояннымъ легкимъ прибоемъ волнъ. Въ озеро

валъ описанному у Iосифа (В. I., III, X, 8). Этотъ капернаумскiй колодезь, повидимому, и есть Айнъ-Медаввара; но Айнъ-Медаввара находится на разстоянiи 3—4 километровъ отъ озера, между тѣмъ какъ Капернаумъ былъ рыбачiй городъ на самомъ берегу озера (Матѳея, IV, 13; Iоанна, VI, 17). Въ отношенiи Виѳсаиды затрудненiя еще больше, ибо въ гипотезѣ, получившей довольно общее признанiе, о существованiи двухъ Виѳсаи[д], одной на восточномъ, а другой на западномъ берегу озера, въ раз[стоя]нiи двухъ—трехъ лье одна отъ другой, все таки много страннаго.

[1] В. I., III, X, 8; Вав. Талм., *Песахимъ*, 8в; Сифре, *Везотъ Хабберака*.

[2] В. I., III, X, 7; Жакъ де Витри, въ Gesta Dei per Fr'ancos, I, 1075.

врѣзываются небольшіе мысы, покрытые олеандрами, тамариндами и каперсовыми колючими кустами; въ особенности въ двухъ мѣстахъ, у истока Іордана, близъ Тарихеи, и на берегу Генисаретской равнины, встрѣчаются чарующіе уголки, гдѣ прибой волнъ теряется въ густой зелени среди цвѣтовъ. Въ устьѣ ручья Айнъ-Табига находится масса хорошенькихъ раковинъ. Тучи водяныхъ птицъ покрываютъ озеро. Горизонтъ залитъ ослѣпительнымъ солнцемъ. Вода цвѣта небесной лазури, въ глубокой рамкѣ горячихъ утесовъ, съ высоты горъ Сафедъ представляется словно налитой на днѣ золотой чашѣ. На сѣверѣ бѣлыми линіями вырисовываются на небѣ снѣжныя вершины Гермона; на западѣ волнистыя плоскогорья Гавлонитиды и Переи, абсолютно безплодныя и укутанныя подъ лучами солнца какъ бы въ особаго рода бархатистую дымку, образуютъ компактную массу горъ или, лучше сказать, весьма возвышенную, длинную терассу, которая, начиная отъ Кесареи Филиппійской, тянется безконечно по направленію къ югу.

Жара на берегахъ озера въ настоящее время очень тягостна. Озеро расположено во впадинѣ, лежащей на 189 метровъ ниже уровня Средиземнаго моря [1]) и, такимъ образомъ, находится въ тѣхъ же условіяхъ, какъ и Мертвое море [2]). Прежде этотъ чрезмѣрный зной умѣрялся роскошной растительностью; трудно понять, какимъ образомъ въ такомъ знoѣ, какимъ нынѣ представляется, начиная съ мая мѣсяца, весь бассейнъ этого озера, могла когда либо происходить столь чудесная дѣятельность. Впрочемъ, Іосифъ находилъ климатъ этой страны довольно умѣреннымъ [3]). Безъ сомнѣнія здѣсь,

---

[1]) По даннымъ г. Винь (Connaissance des temps pour 1866), которыя почти совпадаютъ съ данными капитана Линчъ у Риттера (Erdkunde, XV, I ч., стр. XX) и г. Берту (Bulletin de la soc. de géogr., 2 серія, XII, стр. 146).

[2]) Уровень Мертваго моря въ два раза ниже Средиземнаго.

[3]) В. I., III, X, 7 и 8.

какъ въ римской Кампаньи, произошло нѣкоторое измѣненіе климата, вызванное историческими причинами. Исламизмъ и въ особенности мусульманская реакція противъ крестовыхъ походовъ, подобно дуновенію смерти, высушили любимую мѣстность Іисуса. Прекрасная страна Генисаретская не подозрѣвала, что въ лицѣ этого мирнаго скитальца рѣшаются ея собственныя судьбы. Такой опасный соотечественникъ, какъ Іисусъ, имѣлъ бы роковое значеніе для всякой страны, которая получила бы грозную славу его родины. Галилея сдѣлалась для всѣхъ предметомъ или любви, или ненависти; два соперничавшіе между собой фанатизма стремились обладать ею, и такимъ образомъ цѣной своей славы она должна была обратиться въ пустыню. Но кто бы осмѣлился сказать, что Іисусъ былъ бы счастливѣе, если бы прожилъ всю свою жизнь въ своей деревнѣ въ полной неизвѣстности? Кто бы вспомнилъ объ этихъ неблагодарныхъ назореянахъ, если бы одинъ изъ нихъ, рискуя будущимъ своего городка, не призналъ своего Отца и не объявилъ себя сыномъ Божіимъ?

Итакъ пять или шесть большихъ селеній, расположенныхъ на разстояніи получаса пути одно отъ другого, таковъ былъ мірокъ Іисуса въ ту эпоху, которой мы занимаемся. Повидимому, онъ никогда не бывалъ въ Тиверіадѣ, этомъ вполнѣ свѣтскомъ городѣ, населенномъ главнымъ образомъ язычниками; здѣсь же находилась обычная резиденція Антипы [1]). Однако, иногда онъ удалялся изъ своихъ любимыхъ мѣстъ. Онъ отправлялся въ лодкѣ на восточный берегъ, напр. въ Гергесу [2]). По направленію къ сѣверу онъ бывалъ въ Па-

---

[1]) Іос., Ant., XVIII, II, 3; Vita, 12, 13. 64.

[2]) Я раздѣляю мнѣніе Томсона (The Land and the Book, II, 34 и слѣд по которому Гергеса, упоминаемая у Матѳея (VIII, 28), тожественна съ ха нейскимъ городомъ Гиргашъ (Бытія, X, 16; XV, 21; Второзак., VII, I; Іису Навина, XXIV, 11) и находилась на мѣстѣ, нынѣ называемомъ *Керза* *Герза*, на восточномъ берегу, почти напротивъ Магдалы. Маркъ (V, Лука (VIII, 26) пишутъ *Гадара* или *Гераза* вмѣстѣ *Гергеса*. Но приня

неасъ или Кесареѣ Филиппа [1]) у подножія Гермона. Наконецъ однажды онъ сдѣлалъ путешествіе въ сторону Тира и Сидона [2]), въ страну, которая въ это время удивительно процвѣтала. Во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ онъ оказывался среди язычниковъ [3]). Въ Кесареѣ онъ видѣлъ знаменитый гротъ Паніумъ, въ которомъ предполагался истокъ Іордана и съ которымъ народныя вѣрованія связали странныя легенды [4]); онъ имѣлъ возможность полюбоваться мраморнымъ храмомъ, который былъ воздвигнутъ близъ этого мѣста Иродомъ въ честь Августа [5]); вѣроятно ему случалось останавливаться передъ многочисленными статуями, посвященными Пану, Нимфамъ, Эхо грота, и быть можетъ, въ то время уже поставленными въ этомъ мѣстѣ благочестивыми людьми [6]). Іудей эфемеристъ, привыкшій считать чужеземныхъ боговъ или обоготворенными людьми, или демонами, долженъ былъ, конечно, смотрѣть на всѣ эти пластическія воспроизведенія, какъ на идоловъ. Чары натуралистическихъ культовъ, восхищавшія болѣе впечатлительныя расы, не могли его привлечь. Безъ

Гергесу за *Геразу* невозможно, ибо евангелисты говорятъ, что этотъ городъ былъ близъ озера и напротивъ Галилеи. Что касается ***Гадары***, нынѣ ***Омъ-Кеисъ***, находящейся въ разстояніи полутора часа пути отъ озера и отъ Іордана, то всѣ обстоятельства мѣста, приведенныя у Марка и Луки, къ ней совсѣмъ не подходятъ. Сверхъ того, можно допустить, что *Гергеса* обратилась въ *Герасу*, имя довольно извѣстное, но топографическая невозможность примириться съ такимъ чтеніемъ текста заставила принять *Гадару*. Ср. Оригенъ, Comment. in Ioann., VI, 24; X, 10; Евсевій и св. Іеремія, De situ et nomin. loc. hebr., Γεργεσά, Γεργασέ.

[1]) Матѳея, XVI, 13; Марка, VIII, 27.

[2]) Матѳея, XV, 21; Марка, VII, 24, 31.

[3]) Іосифъ, Vita, 13.

[4]) Іосифъ, Ant., XV, X, 3; B. I., I, XXI, 3; III, X, 7; Бенжаменъ де Тудель, стр. 46, изд. Ашера.

[5]) Іосифъ, Ant., XV, X, 3; B. I., I, XXI, 3. Ср. монеты Филиппа. Мадденъ, Hist. of jewisch coinage, стр. 101 и слѣд.

[6]) Corpus inscr. gr., № 4537, 4538, 4538в, 4539. Правда, большая часть изъ этихъ надписей относится къ болѣе поздней эпохѣ.

сомнѣнія, онъ не имѣлъ никакого понятія о томъ, что еще сохранилось отъ первоначальнаго культа, болѣе или менѣе аналогичнаго съ іудейскимъ, въ древнемъ святилищѣ Мелькарта въ Тирѣ [1]). Едва ли могло ему улыбаться язычество, которое воздвигало въ Финикіи на каждомъ холмѣ по храму съ священной рощей, ни весь этотъ блескъ крупной промышленности и мірскихъ богатствъ [2]). Монотеизмъ отнимаетъ всякую способность понять языческія религіи; мусульманинъ, попавшій въ страну политеистовъ, словно не видитъ ничего вокругъ себя. Безъ сомнѣнія, Іисусъ ничего не вынесъ изъ этихъ путешествій. Онъ постоянно возвращался къ своимъ излюбленнымъ Генисаретскимъ берегамъ. Здѣсь былъ центръ его думъ; здѣсь онъ находилъ и вѣру и любовь.

---

[1]) Луціанъ (ut fertur), De dea syria, 3.

[2]) Слѣды богатой языческой цивилизаціи той эпохи встрѣчаются еще по всему Беледъ-Бемарраху, особенно же въ горахъ, образующихъ мысъ Бланъ и мысъ Накуру.

ГЛАВА IX

Ученики Іисуса

Въ этомъ земномъ раю, котораго до тѣхъ поръ почти не коснулись великіе историческіе перевороты, населеніе жило въ полнѣйшей гармоніи съ самой мѣстностью, въ трудѣ, честно, полное веселой и нѣжной радости бытія. Тиверіадское озеро одно изъ наиболѣе рыбныхъ озеръ въ мірѣ [1]). Весьма успѣшныя рыбныя ловли были организованы особенно въ Виѳсаидѣ, Капернаумѣ, и на нихъ было основано извѣстнаго рода благосостояніе жителей. Эти рыбачьи семьи составляли мирное и кроткое общество, связанное многочисленными узами родства, по всему описанному нами побережью озера. Не слишкомъ занятой образъ жизни оставлялъ полный просторъ воображенію. Идеи царства Божія пользовались въ этихъ небольшихъ общинахъ добродушныхъ людей большимъ успѣхомъ, нежели гдѣ либо. Сюда не проникло еще ни слѣда того, что называется цивилизаціей, въ греческомъ и мірскомъ смыслѣ. То не была наша германская или кельтская серьезность; хотя сплошь и рядомъ доброта ихъ была поверхностной, безъ надлежащей глубины, нравы ихъ все же отличались привѣтливостью, и въ нихъ самихъ было что то интеллигентное и изящное. Можно думать, что они были довольно похожи на луч-

[1]) Матѳея, IV, 18; Луки, V, 44 и слѣд.; Іоанна, I, 44; XXI, 1 и слѣд.; Іосифъ, В. I., III, X, 7; Іерусалимскій Талмудъ, *Песахимъ*, IV, 2; Вавилонскій Талмудъ, *Вава кама*, 80 в.; Жакъ де Витри, въ Gesta Dei per Francos, I, стр. 1075.

шія изъ Ливанскихъ племенъ, только сверхъ того у нихъ было свойство, которымъ эти послѣднія не отличаются: свойство давать изъ своей среды великихъ людей. Іисусъ поистинѣ нашелъ здѣсь свою семью. Онъ поселился съ ними какъ свой человѣкъ. Капернаумъ сдѣлался „его роднымъ городомъ“ [1]) и среди небольшого кружка, который его обожалъ, онъ забылъ своихъ скептическихъ братьевъ, неблагодарный Назаретъ и его насмѣшливую недовѣрчивость.

Въ особенности одна семья въ Капернаумѣ сдѣлалась ему близкой, и потому что въ домѣ ея онъ находилъ пріятный пріютъ, и потому что къ ней принадлежали его преданнѣйшіе ученики. То была семья двухъ братьевъ, сыновей нѣкоего Іоны, который вѣроятно умеръ въ эпоху, когда Іисусъ поселился на берегахъ озера. Эти братья были Симонъ, по прозванію на сирійско-халдейскомъ языкѣ, одинъ *Кифа*, по гречески *Петръ*, что означаетъ „камень“ [2]), а другой—Андрей. Они были родомъ изъ Виѳсаиды [3]), и когда Іисусъ началъ свою общественную жизнь, то засталъ ихъ уже въ Капернаумѣ. Петръ былъ женатъ и имѣлъ дѣтей; съ нимъ жила и мать его жены [4]). Іисусъ любилъ эту семью и обыкновенно жилъ въ ея домѣ [5]). Андрей былъ, повидимому, ученикомъ Іоанна Крестителя и, быть можетъ, Іисусъ знавалъ его на берегахъ Іордана [6]). Оба

---

[1]) Матѳея, IX, 1; Марка, II, 1—2.

[2]) Прозвище Κηφᾶς, повидимому, тожественно съ Καϊαφᾶς, которое носилъ первосвященникъ Іосифъ Каіафа. Прозвище Петръ встрѣчается въ видѣ собственнаго имени одного изъ современниковъ апостола, упоминаемыхъ Іосифомъ, въ Ant., XVIII, VI, 3. Поэтому можно думать, что Іисусъ не давалъ Симону прозвище Кифа или Петръ, но только далъ особое толкованіе имени, которое этотъ ученикъ уже раньше носилъ.

[3]) Іоанна, I, 44.

[4]) Матѳея, VIII, 14; Марка, I, 30; Луки, IV, 38; 1 посл. Коринѳ., I[illegible] 1 посл. Петра, V, 13; Климентъ Алекс., Strom., III, 6; VII, 11; Лже-Кл[illegible] Recogn., VII, 25; Евсевій, H. E., III, 30.

[5]) Матѳея, VIII, 14; XVII, 24; Марка, I, 29—31; Луки, IV, 38.

[6]) Іоанна, I, 40 и слѣд.

брата не переставали постоянно заниматься рыбачествомъ, даже и въ то время, когда, повидимому, они были всего болѣе преданы дѣлу своего учителя [1]). Іисусъ, любившій игру словъ, говорилъ иногда, что сдѣлаетъ изъ нихъ ловцовъ человѣковъ [2]). Среди его учениковъ, дѣйствительно, у него не было болѣе вѣрныхъ и преданныхъ ему.

Другая семья зажиточнаго рыбака, владѣльца нѣсколькихъ лодокъ [3]), Забдіи, или Зеведея, также оказывала Іисусу горячій пріемъ. Зеведей имѣлъ двухъ сыновей, старшаго Іакова, и младшаго, Іоанна, который впослѣдствіи былъ призванъ къ столь рѣшительной роли въ исторіи народившагося христіанства. Оба были очень усердными учениками. По нѣкоторымъ указаніямъ можно думать, что Іоаннъ, какъ и Андрей, былъ извѣстенъ Іисусу по школѣ Іоанна Крестителя [4]). Во всякомъ случаѣ семьи Іоны и Зеведея были, повидимому, тѣсно связаны между собой [5]). Саломея, жена Зеведея, была очень привязана къ Іисусу и сопровождала его вплоть до самой его смерти [6]).

Дѣйствительно, женщины горячо принимали Іисуса. Онъ относился къ нимъ съ той сдержанностью, благодаря которой между обоими полами оказывается возможной очень нѣжная идейная связь. Отдѣленіе мужчинъ отъ женщинъ, препятствовавшее у восточныхъ народовъ развитію всякой деликатности, безъ сомнѣнія, въ ту эпоху, какъ и въ наши дни, въ селахъ

---

1) Матѳея, IV, 18; Марка, I, 16; Луки, V, 3; Іоанна, XXI, 3.

2) Матѳея, IV, 19; Марка, I, 17; Луки, V, 10.

3) Марка, 1, 20; Луки, V, 10; VIII, 3; Іоанна, XIX, 27.

4) Іоанна, I, 35 и слѣд. Постоянный пріемъ въ четвертомъ Евангеліи облекать имя Іоанна нѣкоторой таинственностью даетъ поводъ думать, что ученикъ, имя котораго не названо въ этомъ мѣстѣ, былъ именно самъ Іоаннъ.

5) Матѳея, IV, 18—22; Луки, V, 10; Іоанна, I, 35 и слѣд.; XXI, 2 и слѣд.

6) Матѳея, XXVII, 56; Марка, XV, 40; XVI, 1.

и деревняхъ было далеко не такимъ строгимъ, какъ въ большихъ городахъ. Три или четыре преданныя галилеянки всегда слѣдовали за молодымъ учителемъ и оспаривали другъ у друга удовольствіе слушать его и по очереди услуживать ему [1]). Онѣ вносили въ новую секту тотъ элементъ энтузіазма и чудеснаго, важность котораго уже становится теперь очевидной. Одна изъ нихъ, Марія изъ Магдалы, столь прославившая во всемъ мірѣ имя своего бѣднаго городка, повидимому, была чрезвычайно экзальтированной женщиной. Говоря языкомъ того времени, она была одержима семью демонами [2]), другими словами, страдала необъяснимыми нервными болѣзнями. Іисусъ успокоилъ эту разстроенную натуру своей чистой и кроткой красотой. Магдалина была ему вѣрна вплоть до Голгоѳы и на другой день послѣ его смерти сыграла первостепенную роль, такъ какъ она была главнымъ источникомъ распространенія вѣры въ его воскресенье, какъ мы это увидимъ ниже. Іоанна, жена Кузы, одного изъ управителей Антипы, Сусанна и другія, оставшіяся неизвѣстными по имени, постоянно также слѣдовали за нимъ и служили ему [3]). Нѣкоторыя изъ нихъ были богаты и, благодаря своимъ средствамъ, давали молодому пророку возможность жить, не занимаясь своимъ прежнимъ ремесломъ [4]).

Многія другія лица постоянно сопровождали его и признавали его своимъ учителемъ: Филиппъ изъ Виѳсаиды, Наѳанаилъ, сынъ Толмаи или Птоломея, изъ Каны, ученикъ первыхъ временъ [5]), Матѳей, вѣроятно, тотъ самый, который сдѣлался Ксенофонтомъ нарождающагося христіанства. По

[1]) Матѳея, XXVII, 55—56; Марка, XV, 40—41; Луки, VIII, 2—3; XXIII, 49.

[2]) Марка, XVI, 9; Луки, VIII, 2; Ср. Товита, III, 8; VI, 14.

[3]) Луки, VIII, 3; XXIV, 10.

[4]) Луки, VIII, 3.

[5]) Іоанна, I, 44 и слѣд.; XXI, 2. Я допускаю возможнымъ отождествлять Наѳанаила съ апостоломъ, который фигурируетъ въ спискѣ подъ именемъ *Варъ-Толмаи* или *Варѳоломея*.

словамъ преданія [1]), онъ былъ сборщикомъ пошлинъ и слѣдовательно долженъ былъ владѣть перомъ свободнѣе, нежели всѣ прочіе. Быть можетъ онъ уже задумывалъ написать „Logia“ [2]), которыя составляютъ основу того, что намъ извѣстно о поученіяхъ Іисуса. Въ числѣ учениковъ называютъ еще Ѳому или Дидима [3]), которымъ иногда овладѣвали сомнѣнія, но который былъ, повидимому, человѣкомъ сердца и благородныхъ порывовъ [4]); Левія или Ѳаддея; Симона Зилота [5]), быть можетъ, ученика Іуды Гавлонита, принадлежавшаго къ партіи *кананитовъ*, которая въ то время уже существовала, а вскорѣ должна была сыграть столь видную роль въ іудейскихъ движеніяхъ; кромѣ того были тутъ Іосифъ Варсава, прозванный Юстомъ; Матѳій [6]); загадочная личность, извѣстная подъ именемъ Аристіона [7]); наконецъ Іуда, сынъ Симона, изъ города Керіота, оказавшійся исключеніемъ среди этого вѣрнаго кружка и получившій столь страшную извѣстность. Повидимому, онъ былъ единственнымъ ученикомъ не изъ числа галилеянъ; Керіотъ, городъ на крайнемъ югѣ въ колѣнѣ Іудиномъ [8]), находился въ разстояніи дня пути по ту сторону Хеврона.

Мы уже видѣли, что собственная семья Іисуса была мало къ нему расположена [9]). Однако Іаковъ и Іуда, двоюродные

---

[1]) Матѳея, IX, 9; X, 3.

[2]) Папій, у Евсевія, Hist. eccl., III, 39.

[3]) Это второе имя представляетъ собой греческій переводъ перваго.

[4]) Іоанна, XI, 14; XX, 24 и слѣд.

[5]) Матѳея, X, 4; Марка, III, 18; Луки, VI, 15; Дѣянія, I, 13; евангеліе *евіонитовъ*, у Епифана, Adv haer., XXX, 13.

[6]) Дѣянія, I, 21—23; Ср. Папій, у Евсевія, Hist. eccl., III, 39.

[7]) Папій (тамъ же), какъ и апостолы, называетъ его опредѣленно ученикомъ Господа, приписываетъ ему разсказы о поученіяхъ Господа, и связываетъ его съ *пресвитеромъ Іоанномъ*. Объ этомъ послѣднемъ см. выше, Введеніе, стр. LIII.

[8]) Нынѣ *Киріетейнъ* или *Кереитейнъ*.

[9]) Эпизодъ, передаваемый у Іоанна, XIX, 25—27, повидимому, даетъ основаніе предполагать, что въ извѣстный періодъ общественной жизни

братья Іисуса, сыновья Маріи Клеопы [1]), уже съ этой поры находились среди его учениковъ и сама Марія Клеопа находилась въ числѣ женщинъ, сопровождавшихъ его на Голгоѳу [2]) Но въ эту эпоху матери его возлѣ него не было видно. Лишь послѣ смерти Іисуса, Марія стала внушать къ себѣ большое уваженіе [3]) и ученики начали стараться привязать ее къ себѣ [4]). Тогда же члены семьи основателя христіанства составили вліятельную группу, извѣстную подъ названіемъ „братьевъ Господа", долго стоявшую во главѣ іерусалимской церкви [5]) и, послѣ взятія города штурмомъ, укрывшуюся въ Виѳаніи [6]). Самая близость къ нимъ представлялась уже важнымъ преимуществомъ, совершенно также, какъ послѣ смерти Магомета, жены и дочери пророка, не имѣвшія при жизни его никакого значенія, пріобрѣли большой авторитетъ.

Среди этой группы друзей Іисусъ очевидно нѣкоторымъ оказывалъ предпочтеніе и въ нѣкоторомъ родѣ образовалъ изъ нихъ болѣе тѣсный кружокъ. Повидимому, въ этотъ небольшой совѣтъ входили въ первой линіи оба сына Зеведеева, Іаковъ и Іоаннъ. Оба были полны огня и страсти. Іисусъ очень остроумно прозвалъ ихъ „сынами громовыми" за ихъ крайнюю ревность, которая, будь громъ въ ея распоряженіи, слишкомъ часто пускала бы его въ ходъ [7]). Въ особенности

Іисуса собственные его братья отдалялись отъ него. Если въ роднѣ Іисуса различать двухъ Іаковов, то нѣкоторый намекъ на враждебность Іакова „брата Господня", можно видѣть въ посл. Гал., II, 6 (ср. I, 19; II, 9, 11).

1) См. выше, стр. 19 и слѣд.

2) Матѳея, XXVII, 56; Марка, XV, 40; Іоанна, XIX, 25.

3) Дѣянія, I, 14; Ср. Луки, I, 28; II, 35, гдѣ внушается уже истинное уваженіе къ Маріи.

4) Іоанна, XIX, 25 и слѣд.

5) См. выше, примѣч. къ стр. 20—21.

6) Юлій Африканъ, у Евсевія, H. E., I, 7.

7) Марка, III, 17; IX, 37 и слѣд.; X, 35 и слѣд.; Луки, IX, 49 и слѣд. 54 и слѣд. Такой характеристикѣ Іоанна соотвѣтствуетъ и Апокалипсисъ. Ср. особенно главы II и III, въ которыхъ ненависть бьетъ черезъ край. Ср. черту фанатизма, о которой сообщаетъ Ириней, Adv. haer., III, III.

младшій братъ, Іоаннъ, былъ, повидимому, на очень короткой ногѣ съ Іисусомъ. Быть можетъ, ученики, которые позднѣе сгруппировались вокругъ второго сына Зеведеева и, повидимому, записали его воспоминанія такимъ способомъ, что въ нихъ недостаточно скрыты интересы школы, до извѣстной степени преувеличивали сердечное расположеніе Іисуса къ нему [1]). Знаменательно однако, что въ синоптическихъ Евангеліяхъ, Симонъ сынъ Іонинъ, или Петръ, Іаковъ, сынъ Зеведеевъ, и Іоаннъ, братъ его, составляютъ нѣчто въ родѣ интимнаго комитета, къ которому Іисусъ прибѣгаетъ въ извѣстные моменты, когда онъ сомнѣвается въ вѣрѣ и разумѣ остальныхъ [2]). Кромѣ того эти три лица, повидимому, занимались сообща и рыбной ловлей [3]). Іисусъ былъ глубоко привязанъ къ Петру. Прямой, откровенный, поддающійся первому впечатлѣнію характеръ Петра нравился Іисусу, который по временамъ даже посмѣивался надъ его рѣшительностью. Петръ, не будучи склоненъ къ мистикѣ, сообщалъ учителю свои наивныя сомнѣнія, свои страхи, свои чисто человѣческія слабости [4]), съ чистосердечной откровенностью, напоминающей Жуанвилля при Св. Людовикѣ. Іисусъ относился къ нему по дружески, съ полнымъ довѣріемъ и уваженіемъ. Что касается Іоанна, то надо полагать много прелести было въ его молодости [5]), горячности [6]) и живомъ воображеніи [7]). Индиви-

[1]) Іоанна, XIII, 23; XVIII, 15 и слѣд.; XIX, 26—27; XX, 2, 4; XXI, 7, 20 и слѣд.

[2]) Матѳея, XVII, I; XXVI, 37; Марка, V, 37; IX, I; XIII, 3; XIV, 33; Луки IX, 28. Предположеніе, будто Іисусъ сообщилъ этимъ тремъ ученикамъ нѣкоторое тайное ученіе, было распространено съ самыхъ древнихъ временъ. Странно, что въ Евангеліи, приписываемомъ Іоанну, ни разу не упоминается объ Іаковѣ, его братѣ.

[3]) Матѳея, IV, 18—22; Луки, V, 10; Іоанна, XXI, 2 и слѣд.

[4]) Матѳея, XIV, 28; XVI, 22; Марка, VIII, 32 и слѣд.

[5]) Онъ жилъ, повидимому, до 100 г. по Р. Х. См. четвертое Евангеліе, XXI, 15—23, и древніе источники, собранные Евсевіемъ, Н. Е., III, 20, 23.

[6]) См. стр. 120, примѣчаніе 7.

[7]) Апокалипсъ написанъ, повидимому, несомнѣнно имъ.

дуальность этого необыкновеннаго человѣка развилась вполнѣ гораздо позднѣе. Если онъ и не былъ авторомъ четвертаго Евангелія, которое носитъ его имя и которое заключаетъ въ себѣ столь цѣнныя разъясненія (хотя характеръ Іисуса въ немъ во многихъ отношеніяхъ искаженъ), то по меньшей мѣрѣ возможно, что онъ далъ для него матеріалъ. Привыкнувъ перебирать свои воспоминанія съ лихорадочнымъ безпокойствомъ экзальтированной души, онъ могъ преобразить своего учителя въ полной увѣренности, что рисуетъ именно его, и дать такимъ образомъ ловкимъ поддѣлывателямъ поводъ къ составленію книги, при редакціи которой добросовѣстность, повидимому, не играла первенствующей роли.

Въ зарождавшейся сектѣ не существовало никакой іерархіи въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Всѣ должны были называться „братьями", и Іисусъ положительно запрещалъ всякія наименованія, указывавшія на превосходство, въ родѣ, *равви*, „учитель", „отецъ", такъ какъ онъ одинъ есть учитель, и одинъ Богъ есть отецъ. Кто большій, тотъ долженъ быть слугой другихъ [1]). Тѣмъ не менѣе Симонъ, сынъ Іонинъ, пользовался среди равныхъ большимъ значеніемъ. Іисусъ жилъ у него и поучалъ, сидя въ его лодкѣ [2]); его домъ былъ центромъ евангельской проповѣди. Въ глазахъ толпы онъ являлся главой всей группы и къ нему обращаются собиратели пошлины за уплатой взносовъ, слѣдующихъ съ общины [3]). Симонъ первый призналъ Іисуса Мессіей [4]). Въ моментъ упадка своей популярности Іисусъ спрашиваетъ своихъ учениковъ: „не хотите ли и вы отойдти?" Симонъ отвѣчаетъ: „Господи, къ кому намъ идти? Ты имѣешь глаголы вѣчной жизни" [5]). Іисусъ неоднократно предоставляетъ ему

1) Матѳея. XVIII, 4; XX, 25—26; XXIII, 8—12; Марка, IX, 34; X, 42—46.
2) Луки, V, 3.
3) Матѳея, XVII, 23.
4) Матѳея, XVI, 16—17.
5) Іоанна, VI, 68—70.

нѣкотораго рода главенство [1]) въ своей церкви и истолковываетъ его сирійское прозвище Кифа (камень) въ томъ смыслѣ, что онъ будетъ краеугольнымъ камнемъ новаго зданія [2]). Былъ одинъ моментъ, когда Іисусъ какъ бы обѣщаетъ ему „ключи отъ царства Небеснаго" и право произносить на землѣ рѣшенія, которыя всегда будутъ утверждаться и въ вѣчности [3]).

Нѣтъ сомнѣнія, что это первенство Петра вызывало нѣкоторую ревность. Она возгоралась особенно въ видахъ будущаго, въ виду царства Божія, гдѣ всѣ ученики будутъ возсѣдать на тронахъ, по правую и по лѣвую руку своего учителя, и судить двѣнадцать колѣнъ Израилевыхъ [4]). Ставился вопросъ, кто же окажется въ такомъ случаѣ ближе къ Сыну человѣческому, въ качествѣ, въ нѣкоторомъ родѣ, перваго министра. На это званіе изъявляли претензію оба сына Зеведеева. Занятые этой мыслью, они выдвинули впередъ свою мать, Саломею, которая однажды отвела Іисуса въ сторону и начала просить у него для своихъ сыновей этихъ почетныхъ мѣстъ [5]). Іисусъ отклонилъ эту просьбу своимъ обычнымъ изреченіемъ, что кто возвеличивается, будетъ униженъ, и что царство небесное будетъ принадлежать малымъ. Это произвело во всей общинѣ нѣкоторую сенсацію; возникло большое неудовольствіе противъ Іакова и Іоанна [6]). То же самое соперничество сказывается, повидимому, въ Евангеліи, приписываемомъ Іоанну; предполагаемый повѣствователь постоянно повторяетъ здѣсь, что онъ былъ „любимымъ

---

[1]) Матѳея, X, 2; Луки, XXII, 32; Іоанна, XXI, 15 и слѣд.; Дѣянія, I, II, V и др.; Посл. къ Галат., I, 18; II, 7—8.

[2]) Матѳея, XVI, 18; Іоанна, I, 42.

[3]) Матѳея, XVI, 19. Правда, та же власть была дана всѣмъ апостоламъ (Матѳея, XVIII, 18).

[4]) Матѳея, XVIII, 1 и слѣд.; Марка, IX, 33; Луки, IX, 46; XXII, 30.

[5]) Матѳея, XX, 20 и слѣд.; Марка, X, 35 и слѣд.

[6]) Марка, X, 41.

ученикомъ", которому учитель, умирая, довѣрилъ свою мать; въ то же время онъ старается выставить себя на ряду съ Симономъ Петромъ, а иногда даже и впереди его, въ тѣхъ важныхъ событіяхъ, въ которыхъ болѣе древніе евангелисты его совсѣмъ пропустили [1]).

Изъ числа приведенныхъ здѣсь лицъ, всѣ, о которыхъ что либо намъ извѣстно, были сперва, повидимому, рыбаками. Въ странѣ, отличающейся простотой нравовъ, гдѣ всѣ жители трудятся, эта профессія вовсе не стояла на самой низкой степени, какъ это навязывалось ей различными проповѣдниками, желавшими сильнѣе оттѣнить чудесное происхожденіе христіанства. Во всякомъ случаѣ къ высшему классу населенія ни одинъ изъ учениковъ не принадлежалъ. Только Левій, сынъ Алфеевъ, и можетъ быть также апостолъ Матѳей, были сборщиками податей [2]). Но въ Іудеѣ это названіе давалось не генеральнымъ откупщикамъ, людямъ высокаго званія, которыхъ въ Римѣ называли publicani и которые всегда принадлежали къ сословію римскихъ всадниковъ [3]). Здѣсь это были лишь агенты генеральныхъ откупщиковъ, чиновники низшаго разряда, простые таможенные. Благодаря большой дорогѣ изъ д'Акра въ Дамасъ, которая была одной

---

[1]) Іоанна, XVIII, 15 и слѣд.; XIX, 26—27; XX, 2 и слѣд.; XXI, 7, 21. Ср. I, 35 и слѣд., гдѣ ученикъ, не названный по имени, вѣроятно, никто иной, какъ Іоаннъ.

[2]) Матѳея, IX, 9; X, 3; Марка, II, 14; III, 18; Луки, V, 27; VI, 15; Дѣянія, I, 13; евангеліе *евіонитовъ*, у Епиф., Adv. haer., XXX, 13. Въ первоначальномъ текстѣ значится: „Левій, сынъ Алфея". Послѣдній редакторъ перваго Евангелія замѣнилъ это имя Матѳеемъ, на основаніи болѣе или менѣе достовѣрнаго преданія, по которому этотъ апостолъ принадлежалъ къ той же профессіи (Матѳея, X, 3). Надо припомнить, что единственн часть въ нынѣшнемъ Евангеліи отъ Матѳея, которая можетъ прин жатъ этому апостолу, это поученія Іисуса. См. Папія, у Евсевія, eccl., III, 39.

[3]) Цицеронъ, De provinc. consular., 5; Pro Plancio, 9; Тацитъ, An IV, 6; Плиній, Hist. nat., XII, 32; Аппіанъ, Bell. civ., II, 13.

изъ самыхъ древнихъ дорогъ въ мірѣ и, пересѣкая Галилею, проходила возлѣ самаго озера [1]), здѣсь было особенно много должностныхъ людей этого рода. Въ самомъ Капернаумѣ, который быть можетъ лежалъ на этомъ пути, было большое число такихъ сборщиковъ [2]). Профессія эта нигдѣ не бываетъ популярной, но у іудеевъ занятіе этого рода считалось совсѣмъ преступнымъ. Подать, только что введенная въ Іудеѣ, казалась признакомъ подданства; школа Іуды Гавлонита проповѣдывала, что уплата подати сама по себѣ языческое дѣяніе. Такимъ образомъ и сборщики внушали ревнителямъ Закона отвращеніе. Ихъ перечисляли не иначе, какъ вмѣстѣ съ убійцами, разбойниками на большихъ дорогахъ, съ людьми позорной жизни [3]). Евреи, соглашавшіеся занять такую должность, подвергались исключенію изъ общины и не допускались къ присягѣ; кассы ихъ считались проклятыми и казуисты запрещали даже размѣнивать въ нихъ деньги [4]). Эти бѣдные люди, отверженные обществомъ, видѣлись только между собой. Іисусъ принялъ обѣдъ, предложенный ему Левіемъ, гдѣ присутствовало, какъ говорилось въ то время, „много мытарей и грѣшниковъ". Это былъ большой скандалъ [5]); въ домахъ съ такой дурной славой можно было рисковать встрѣтиться съ

---

[1]) Она пользовалась извѣстностью до временъ крестовыхъ походовъ подъ названіемъ приморскаго пути (via Maris). См. Исайя, IX, I; Матѳея, IV, 13—15; кн. Товита, I, 1. Я думаю, что дорога, высѣченная въ скалѣ близь Айнъ-етъ-Тина, составляла часть ея, и что дорога эта шла къ *мосту дочерей Іакова,* также какъ и въ настоящее время. Часть дороги отъ Айнъ-етъ-Тина къ этому мосту носитъ слѣды античной постройки.

[2]) Матѳея, IX, 9 и слѣд.

[3]) Матѳея, V, 46—47; IX, 10, 11; XI, 19; XVIII, 17; XXI, 31—32; Марка, II, 15—16; Луки, V, 30; VII, 34; XV, 1; XVIII, 11; XIX, 7; Луціанъ, Necyo, mant., 11; Dio Chrysost., orat. IV, p. 85; orat. XIV, p. 269. (изд. Эмперіуса); Мишна, *Недаримъ*, III, 4.

[4]) Мишна, *Вава Кама*, X, 1; Іерус. Талм., *Демаи*, II, 3; Бавил. Талм., *Синедріонъ*, 25 в.

[5]) Луки, V, 29 и слѣд.

дурнымъ обществомъ. Но мы не разъ еще увидимъ, что Іисусъ не мало не заботится о томъ, чтобы какъ нибудь не оскорбить предразсудковъ благомыслящихъ людей, старается поднять классы, униженные правовѣрными, и такимъ образомъ подвергаетъ себя самымъ рѣзкимъ упрекамъ со стороны ханжей. Фарисейство ставило спасеніе въ зависимость отъ соблюденія безчисленныхъ обрядностей и отъ нѣкотораго чисто внѣшняго благочинія. Истиннаго моралиста, который выступилъ съ проповѣдью, что Богу нужно только одно, правдивость чувствъ, должны были принять съ благословеніями всѣ души, которыхъ еще не успѣло искалѣчить оффиціальное лицемѣріе.

Іисусъ былъ обязанъ этими безчисленными побѣдами отчасти также и тому, что его личность и его слова были обаятельны до безконечности. Одно проникновенное слово, одинъ взглядъ, скользнувшій по наивной совѣсти, которая только ожидала пробужденія, создавали ему пылкаго ученика. Иногда онъ пользовался невинной уловкой, къ которой впослѣдствіи прибѣгала Жанна д'Аркъ. Онъ дѣлалъ видъ, будто знаетъ нѣкоторую тайну того лица, которое онъ хотѣлъ завербовать, или же напоминалъ ему какое либо обстоятельство, особенно милое его сердцу. Говорятъ, такимъ именно образомъ онъ растрогалъ Наѳанаила [1], Петра [2], Самаритянку [3]. Скрывая истинную причину своей силы, я хочу сказать, своего превосходства надъ окружающими, онъ дѣлалъ уступку идеямъ своего времени, причемъ надо замѣтить, что эти идеи онъ вполнѣ раздѣлялъ, и позволялъ думать, что откровеніе свыше раскрывало передъ нимъ всѣ тайны сердца. Всѣ вѣрили, что онъ живетъ въ сферѣ, недоступной остальному человѣчеству. Говорили, будто онъ бесѣдуетъ

---

[1] Іоанна, I, 48 и слѣд.
[2] Іоанна, I, 42.
[3] Іоанна, IV, 17 и слѣд. Ср. Марка, II, 8; III, 2—4; Іоанна, II, 24—25.

вершинахъ горъ съ Моисеемъ и Иліей [1]); вѣрили и въ то, что въ минуты его уединенія, ангелы слетались поклоняться ему и такимъ образомъ поддерживали его сверхъестественныя сношенія съ Небомъ [2]).

---

[1]) Матѳея, XVII. 3: Марка, IX, 3; Луки, IX, 30–31.
[2]) Матѳея, IV, 11; Марка, I, 13.

ГЛАВА X

Нагорная проповѣдь

Таковъ былъ кружокъ лицъ, сплотившихся вокругъ Іисуса на берегахъ Тиверіадскаго моря. Аристократія въ немъ был представлена сборщикомъ податей и женой управителя. Осталь ное составляли рыбаки и простолюдины. Они отличалис крайнимъ невѣдѣніемъ; они были не глубокаго ума, вѣрил въ привидѣнія и въ духовъ [1]). Въ эту первую христіанску общину не проникъ ни одинъ элементъ эллинской культур въ еврейскомъ смыслѣ образованіе ея было также далек неполнымъ; за то члены ея были исполнены добрыхъ чувствъ доброй воли. Благодаря прекрасному климату Галилеи, в жизнь этихъ честныхъ рыбаковъ была сплошнымъ очарова ніемъ. Поистинѣ прологомъ царства Божія была жизнь этих простыхъ, добрыхъ и счастливыхъ людей, которые то бе заботно покачивались на волнахъ своего прелестнаго мален каго моря, то мирно спали на его берегахъ. Мы себѣ предст вить не можемъ всего очарованія жизни, протекающей таким образомъ подъ открытымъ небомъ, того ровнаго и яркаг въ то же время, внутренняго огня, который получается отъ этог постояннаго общенія съ природой, сладкихъ сновидѣній в тихія ночи при свѣтѣ звѣздъ, подъ безконечно глубоким синимъ куполомъ неба. Въ такую ночь, подложивъ камен подъ голову, Іаковъ прочелъ въ звѣздахъ обѣтованіе бе

[1]) Матѳея, XIV, 26; Марка. VI, 49; Луки, XXIV. 39 Іоанна. VI, 19.

численнаго потомства, и увидѣлъ таинственную лѣстницу, по которой ангелы восходили и нисходили съ земли на небо и обратно. Въ эпоху Іисуса и небеса еще не закрылись, и земля еще не остыла. Небо отверзалось надъ Сыномъ человѣческимъ и ангелы Божіи восходили и нисходили къ нему [1]; всюду были видѣнія царства Божія, ибо человѣкъ носилъ ихъ въ сердцѣ своемъ. Эти чистыя и кроткія души созерцали вселенную въ ея идеальномъ источникѣ; быть можетъ, міръ раскрывалъ свою тайну божественно-ясному сознанію этихъ счастливыхъ дѣтей, которыя за чистоту своего сердца были допущены предстать передъ лицомъ Бога.

Іисусъ съ своими учениками почти всегда жилъ подъ открытымъ небомъ. То онъ входилъ въ лодку и отсюда поучалъ своихъ слушателей, толпившихся на берегу [2]. То онъ усаживался на одномъ изъ холмовъ, окаймлявшихъ озеро, гдѣ воздухъ такъ чистъ, и горизонтъ такъ ясенъ. Вѣрное стадо его весело бродило за нимъ, подбирая вдохновенія своего учителя во всей свѣжести ихъ начальнаго разцвѣта. Иногда возникало какое нибудь наивное сомнѣніе, ставился слегка скептическій вопросъ. Іисусъ одной улыбкой, однимъ взглядомъ разсѣевалъ возраженія. На каждомъ шагу, въ каждой тучкѣ, проносившейся по небу, въ прозябавшемъ зернѣ, въ желтѣвшемъ злакѣ, чудился признакъ приближающагося царства; казалось, что наступилъ канунъ дня, когда можно будетъ видѣть Бога, когда всѣ станутъ господами міра; слезы превращались въ радость; на землю нисходило всеобщее утѣшеніе.

„Блаженны нищіе духомъ, говорилъ учитель, ибо ихъ есть царство небесное!“

„Блаженны плачущіе, ибо они утѣшатся!“

„Блаженны кроткіе, ибо они наслѣдуютъ землю!“

---

[1] Іоанна, I, 51.

[2] Матѳея, XIII, 1—2; Марка, III, 9; IV, 1; Луки, V, 3.

„Блаженны алчущіе и жаждующіе правды, ибо они насытятся!“

„Блаженны милостивые, ибо они помилованы будутъ!“

„Блаженны чистые сердцемъ, ибо они Бога узрятъ!“

„Блаженны миротворцы, ибо они будутъ наречены сынами Божіими!“

„Блаженны изгнанные за правду, ибо ихъ есть царство небесное [1])!“

Проповѣдь его была пріятная и нѣжная, дышала естественностью и благоуханіемъ полей. Онъ любилъ цвѣты и пользовался ими для прелестныхъ и поучительныхъ сравненій. Птицы небесныя, море, горы, дѣтскія игры постоянно фигурируютъ въ его поученіяхъ. Стиль его не имѣлъ ничего общаго съ греческими періодами, скорѣе напоминалъ обороты рѣчи еврейскихъ притчъ, въ особенности сентенціи іудейскихъ ученыхъ, его современниковъ, въ родѣ тѣхъ, какія встрѣчаются въ *Пиркэ Аботъ*. Мысли его развивались не въ длинныхъ предложеніяхъ, а въ изреченіяхъ въ родѣ употребительныхъ въ Коранѣ; впослѣдствіи они были связаны въ одно цѣлое и такимъ образомъ составились длинныя поученія, записанныя Матѳеемъ [2]). Между этими различными отрывками не было связующихъ переходныхъ вставокъ; однако большею частью они были проникнуты общимъ духомъ, который объединялъ ихъ въ одно цѣлое. Но въ особенности онъ былъ неподражаемъ въ своихъ притчахъ. Въ іудаизмѣ не существовало никакихъ образцовъ для этой чарующей формы поученія [3]). Онъ ее создалъ. Правда, въ буддійскихъ

[1]) Матѳея, V, 3—10; Луки, VI, 20—25.

[2]) Они получили названіе „*Λόγια κυριακά*“. Папій у Евсевія, Н. Е., III, 39.

[3]) Апологъ, который мы читаемъ въ кн. Судей, IX, 8 и слѣд., 2 Самуила, XII, I и слѣд., лишь по формѣ напоминаетъ евангельскія при Глубокая оригинальность притчъ заключается въ чувствѣ, котор онѣ преисполнены. Притчи въ *Мидрашимъ* тоже отличаются совс другимъ духомъ.

книгахъ встрѣчаются притчи совершенно такого же духа и съ такимъ же построеніемъ, какъ въ Евангеліи [1]). Но трудно было бы допустить, что бы въ этомъ сказывалось вліяніе буддизма. Для объясненія этого сходства быть можетъ достаточно сказать, что какъ нарождающееся христіанство, такъ и буддизмъ, были проникнуты однимъ и тѣмъ же духомъ кротости и глубиной чувства.

Въ результатѣ простого и тихаго образа жизни, который вели въ Галилеѣ, было полнѣйшее равнодушіе ко всякой внѣшности и къ суетнымъ излишествамъ въ отношеніи утвари и одежды, въ которыхъ нашъ печальный климатъ заставляетъ насъ нуждаться. Холодныя страны, вынуждая человѣка вѣчно бороться съ внѣшнимъ міромъ, даютъ слишкомъ высокую цѣнность стремленію къ благосостоянію. Наоборотъ, страны, вызывающія лишь малочисленныя потребности, являются родиной идеализма и поэзіи. Всѣ аксессуары жизни здѣсь ничтожны по сравненію съ радостью бытія. Украшенія домовъ здѣсь излишни, ибо въ нихъ стараются оставаться какъ можно меньше. Подкрѣпляющая и регулярная пища болѣе суровыхъ климатовъ для юга оказывается тяжелой и непріятной. Что касается роскоши одежды, то какъ соперничать съ той, которою Богъ одарилъ землю и птицъ небесныхъ? Трудъ въ этого рода климатахъ является безполезнымъ; результаты его не стоятъ того, во что онъ обходится. Полевыя животныя одѣты лучше самаго богатаго человѣка, а они ничего не дѣлаютъ. Это презрѣніе къ труду, которое чрезвычайно возвышаетъ душу, когда въ основѣ его не лежитъ лѣность, подсказывало Іисусу прелестныя поученія: „Не собирайте себѣ сокровищъ на землѣ, гдѣ моль и ржа истребляютъ и гдѣ воры подкапываютъ и крадутъ, говорилъ онъ, но соби- себѣ сокровища въ небѣ, гдѣ ни моль, ни ржа не ис- ютъ и гдѣ воры не подкапываютъ и не крадутъ. Ибо

[1]) См. въ особенности „Лотусъ доброй вѣры“, гл. III и IV.

гдѣ сокровище ваше, тамъ будетъ и сердце ваше [1]). Никто не можетъ служить двумъ господамъ: ибо или одного будетъ ненавидѣть, а другого любить, или одному станетъ усердствовать, а о другомъ не радѣть. Не можете служить Богу и Маммонѣ [2]). Посему говорю вамъ: не заботьтесь для души вашей, что вамъ ѣсть и что пить, ни для тѣла вашего, во что одѣться. Взгляните на птицъ небесныхъ: онѣ не сѣютъ, ни жнутъ, ни собираютъ въ житницы, и Отецъ вашъ Небесный питаетъ ихъ. Вы не гораздо ли лучше ихъ? Да и кто изъ васъ, заботясь, можетъ прибавить себѣ росту хотя на одинъ локоть? И объ одеждѣ, что заботитесь? Посмотрите на полевыя лиліи, какъ онѣ ростутъ: не трудятся, ни прядутъ, но говорю вамъ, что и Соломонъ во всей славѣ своей не одѣвался такъ, какъ всякая изъ нихъ; если же траву полевую, которая сегодня есть, а завтра будетъ брошена въ печь, Богъ такъ одѣваетъ, кольми паче васъ, маловѣры? И такъ не заботьтесь и не говорите: что намъ ѣсть, или что пить, или во что одѣться? Потому что всего этого ищутъ язычники и потому что Отецъ вашъ Небесный знаетъ, что вы имѣете нужду во всемъ этомъ. Ищите же прежде царства Божія и правды Его, и это все приложится вамъ. Итакъ не заботьтесь о завтрашнемъ днѣ, ибо завтрашній самъ будетъ заботиться о своемъ: довольно для каждаго дня своей заботы [3])".

Это чисто галилейское настроеніе чувствъ имѣло рѣшающее вліяніе на судьбу возникавшей секты. Счастливая группа людей, полагавшаяся на Отца Небеснаго во всемъ, что касалось удовлетворенія ея потребностей, приняла главнымъ своимъ правиломъ смотрѣть на жизненныя заботы, какъ на

---

[1]) Ср. Вавил. Талм., *Вава ватра*, 11 а.

[2]) Богъ богатства и подземныхъ сокровищъ, въ родѣ Плутоса финикійской и сирійской миѳологіи.

[3]) Матѳея, VI, 19-21, 23-34; Луки, XII, 22-31, 33-34; XVI, 13. Ср. поученія Луки, X, 7-8, проникнутыя такой же наивностью, и Вавил. Талм., *Сота*, 48 в.

ло, которое заглушаетъ въ человѣкѣ зародыши всего хорошаго [1]). Ежедневно она просила у Бога хлѣба на слѣдующій день [2]). Для чего собирать въ сокровищницы? Царство Божіе приближается. „Продавайте имѣнія ваши и давайте милостыню, говорилъ учитель. Приготовляйте влагалища неветшающія, сокровище, не оскудѣвающее на небесахъ [3])“. Что можетъ быть безсмысленнѣе сбереженій для наслѣдниковъ, которыхъ никогда не придется увидать [4])? Какъ примѣръ безумія Іисусъ любилъ приводить случай съ человѣкомъ, который, увеличивъ свои житницы и накопивъ въ нихъ добра на много лѣтъ, умеръ прежде, нежели успѣлъ воспользоваться своимъ имуществомъ [5])! Разбои, сильно укоренившіеся въ Галилеѣ [6]), съ своей стороны, подкрѣпляли этого рода воззрѣнія. Бѣднякъ, который нисколько не страдалъ отъ разбоевъ, могъ смотрѣть на себя, какъ на любимца Бога, между тѣмъ какъ богатый человѣкъ, собственность котораго была мало обезпечена, и былъ въ сущности обездоленъ. Въ нашихъ обществахъ, основанныхъ на весьма строгихъ понятіяхъ о собственности, положеніе бѣднаго ужасно; ему буквально нѣтъ мѣста на землѣ. Цвѣты, травы, тѣнь существуютъ лишь для тѣхъ, кто владѣетъ землей. На востокѣ же это дары Божіи, которые никому не принадлежатъ. Собственникъ имѣетъ ничтожное преимущество; природа составляетъ общее достояніе.

Въ концѣ концовъ, нарождавшееся христіанство въ этомъ отношеніи только шло по слѣдамъ іудейскихъ сектъ, основанныхъ на отшельнической жизни. Принципъ коммунизма

---

[1]) Матѳея, XII, 22; Марка, IV, 19; Луки, VIII, 14.

[2]) Матѳея, VI, 11; Луки, XI, 3; таковъ смыслъ слова ἐπιούσιος.

[3]) Луки, XII, 33-34. Ср. совершенно такія же прекрасныя правила, которыя Талмудъ приписываетъ Монобазу. Іерус. Талмудъ, *Пеахъ*, 15 в.

[4]) Луки, XII, 20.

[5]) Луки, XII, 16 и слѣд.

[6]) Іосифъ, Ant., XVII, X, 4 и слѣд.; Vita, 11 и пр.

былъ душой этихъ сектъ (ессеніане, терапевты), на которыхъ и фарисеи, и садукеи смотрѣли одинаково неодобрительно. Мессіанизмъ, имѣвшій у правовѣрныхъ іудеевъ чисто политическій характеръ, у этихъ сектъ превращался въ соціализмъ. Эти маленькія церкви, въ которыхъ быть можетъ не безъ основанія предполагалось подражаніе нео-пиѳагорейскимъ учрежденіямъ, думали водворить на землѣ небесное царство посредствомъ спокойнаго, уравновѣшеннаго, созерцательнаго образа жизни, предоставляющаго свободу каждому индивидууму. Утопіи блаженной жизни, основанныя на братствѣ людей и на чистомъ культѣ истиннаго Бога, занимали всѣ возвышенные умы и вызывали со всѣхъ сторонъ смѣлыя, искреннія попытки, не имѣвшія впрочемъ будущаго [1]). Въ этомъ отношеніи Іисусъ, связи котораго съ ессеніанами трудно установить съ точностью (въ исторіи сходство далеко еще не всегда опредѣляетъ собой и связь), конечно, имѣлъ съ ними много родственнаго. Въ теченіи нѣкотораго періода времени общая собственность была правиломъ новаго сообщества [2]). Скупость была смертнымъ грѣхомъ [3]); слѣдуетъ однако замѣтить, что „скупость", къ которой христіанская мораль такъ строго относилась, была въ то время не болѣе какъ привязанностью къ собственности. Первымъ условіемъ для того, чтобы сдѣлаться ученикомъ Іисуса, было продать свое имущество и деньги раздать нищимъ. Тѣ, кого такая крайность пугала, не могли вступать въ общину [4]). Іисусъ неоднократно повторялъ, что тотъ, кто нашелъ царство Божіе, долженъ купить его цѣной всего своего имущества, и что при этомъ онъ все таки останется въ барышѣ. „Человѣкъ, на-

---

[1]) Филонъ, Quod omnis probus liber и De vita contemplativa; Іос., Ant. XVIII, I, 5; B. I., II, VIII, 2—13; Плиній, Hist. nat., V, 17; Епифанъ, Adv. haer., X, XIX, XXIX, 5.

[2]) Дѣянія, IV, 32, 34—37; V, I и слѣд.

[3]) Матѳея, XIII, 22; Луки, XII, 15 и слѣд.

[4]) Матѳея, XIX, 21; Марка, X, 21 и слѣд., 29—30; Луки, XVIII, 22, 23, 2

шедшій сокровище, скрытое на полѣ, говорилъ онъ, не теряя ни минуты идетъ и продаетъ все, что имѣетъ и покупаетъ поле то. Купецъ, нашедъ одну драгоцѣнную жемчужину, пошелъ и продалъ все, что имѣлъ, и купилъ ее [1]". Къ сожалѣнію, неудобства подобнаго режима не замедлили обнаружиться. Понадобилось имѣть казначея. Для этого избрали Іуду изъ Керіота. Справедливо, или нѣтъ, но его обвиняли въ томъ, что онъ обворовалъ общую кассу [2]); громадная тяжесть антипатій скоплялась надъ его головой.

Иногда учитель, болѣе освѣдомленный въ небесномъ, нежели въ земномъ, проповѣдывалъ еще болѣе странное политико-экономическое ученіе. Въ одной притчѣ восхваляется управитель, который пріобрѣталъ себѣ друзей среди бѣдныхъ на счетъ своего господина, съ тѣмъ, чтобы бѣдные въ свою очередь ввели его въ царство небесное. Дѣйствительно, такъ какъ предполагалось, что распорядителями въ этомъ царствѣ будутъ бѣдные, то они и будутъ пускать въ него только тѣхъ, которые имъ подавали. Слѣдовательно, предусмотрительный человѣкъ долженъ стараться пріобрѣсти ихъ расположеніе. „Слышали все это и фарисеи, которые были сребролюбивы, говоритъ евангелистъ, и они смѣялись надъ нимъ [3]". Но слышали ли они также и слѣдующую грозную притчу? „Нѣкоторый человѣкъ былъ богатъ, одѣвался въ порфиру и виссонъ и каждый день пиршествовалъ блистательно. Былъ также нѣкоторый нищій, именемъ Лазарь, который лежалъ у воротъ его въ струпьяхъ и желалъ напитаться крошками, падающими со стола богача, и псы, приходя, лизали струпья его. Умеръ нищій и отнесенъ былъ Ангелами на лоно Авраамово; умеръ и богачъ и похоронили его [4]); и въ адѣ, будучи

[1]) Матѳея, XIII, 44, 46.
[2]) Іоанна, XII, 6.
[3]) Луки, XVI, 1—14.
[4]) См. греческій текстъ.

въ мукахъ, онъ поднялъ глаза свои, увидѣлъ вдали Авраа и Лазаря на лонѣ его, и возопивъ, сказалъ: отче Авраам умилосердись надо мною и пошли Лазаря, чтобы омочил конецъ перста своего въ водѣ и прохладилъ языкъ мой, иб я мучусь въ пламени семъ! Но Авраамъ сказалъ: чадо! вспо мни, что ты получилъ уже доброе въ жизни твоей, а Лазар злое; нынѣ же онъ здѣсь утѣшается, а ты страдаешь [1)]". Чт можетъ быть справедливѣе? Впослѣдствіи эта притча полу чила названіе притчи „о зломъ богачѣ". Но это притча „прост о богачѣ". Онъ попалъ въ адъ, потому что былъ богачемъ потому что не роздалъ свое имѣніе бѣднымъ, потому чт ѣлъ хорошо, въ то время какъ другіе, у его порога, ѣл плохо. Наконецъ въ другой моментъ, моментъ менѣе силь наго преувеличенія, когда Іисусъ высказываетъ принцип продажи своего имущества и раздачи его бѣднымъ лишь въ видѣ совѣта для самоусовершенствованія, у него все же вы рывается слѣдующее страшное восклицаніе: „Удобнѣе вер блюду пройти сквозь игольныя уши, нежели богатому войт въ царство Божіе [2)]".

При всемъ этомъ Іисусъ былъ преисполненъ чувствомъ удивительной глубины, также какъ и кучка радостныхъ дѣте которыя его сопровождали, и это чувство сдѣлало изъ не навѣки истиннаго творца душевнаго мира, великаго утѣш теля въ жизни. Освободивъ человѣка отъ того, что онъ н

---

1) Лука, XVI, 19—25. Извѣстно, что Лука обнаруживаетъ явную н клонность къ коммунизму (ср. VI, 20-21, 25-26) и я полагаю, что он преувеличилъ этотъ оттѣнокъ въ поученіяхъ Іисуса. Тѣмъ не менѣе въ всемъ повѣствованіи совершенно ясны слѣды „Λόγια" Матѳея.

2) Матѳея, XIX, 24; Марка, X, 25; Луки, XVIII, 25; евангеліе отъ Евр ѳвъ, у Гильгенфельда, Nov. Test. extra canonem receptum, fasc. IV, ст 17. Это изреченіе въ видѣ пословицы находится и въ Талмудѣ (Вави Талм., *Веракотъ*, 55 в, *Вава метсія*, 38 в.) и въ Коранѣ (изр. VII, 38 Оригенъ и греческіе переводчики, не знавшіе этой семитической по словицы, по ошибкѣ предполагали, что здѣсь говорится о морском канатѣ (κάμιλος).

вывалъ „житейскими заботами", Іисусъ могъ доходить до крайностей и нанести ударъ существеннѣйшимъ условіямъ человѣческаго общества; но онъ при этомъ положилъ начало тому высшему спиритуализму, который въ теченіи вѣковъ наполнялъ души радостью въ этой юдоли слезъ. Онъ поразительно вѣрно подмѣтилъ, что невнимательность людей, отсутствіе у нихъ философскаго взгляда и морали, чаще всего происходятъ отъ развлеченій, которымъ они предаются, отъ заботъ, которыя ихъ осаждаютъ и которыя безмѣрно усложняются благодаря цивилизаціи [1]). Такимъ образомъ Евангеліе было лучшимъ лекарствомъ отъ докучности обыденной жизни, вѣчнымъ Sursum corda, могущественнымъ отвлеченіемъ отъ жалкихъ земныхъ заботъ, нѣжнымъ призывомъ, въ родѣ сказаннаго Іисусомъ Мареѣ: „Мареа, Мареа, ты заботишься и суетишься о многомъ, а одно только нужно". Благодаря Іисусу въ самой тусклой жизни, поглощаемой печальными и унизительными обязанностями, бывали свои проблески небеснаго свѣта. Въ нашемъ дѣловомъ обществѣ воспоминаніе о свободной жизни въ Галилеѣ является какъ бы благоуханіемъ, которое доносится съ того свѣта, „росой Ермонской" [2]), которая не дала черствости и суетности всецѣло завладѣть Божьей нивой.

---

[1]) Матѳея, XIII, 22.
[2]) Псалтирь, CXXXIII, 3.

ГЛАВА XI.

Царство Божіе, познаваемое какъ господство бѣдныхъ.

Эти нравственныя правила, годныя для страны, гдѣ жизнь поддерживается воздухомъ и свѣтомъ, этотъ нѣжный коммунизмъ кучки дѣтей Божіихъ, довѣрчиво живущихъ на лонѣ своего отца, могли удовлетворять наивную секту, ожидавшую ежеминутно осуществленія своей утопіи. Но ясно было, что подобные принципы не могли бы объединить все общество въ одно цѣлое. Іисусъ очень скоро понялъ, что оффиціальный міръ никакъ не примкнетъ къ его царству. Онъ принялъ свое рѣшеніе въ виду этого съ крайней смѣлостью. Онъ пренебрегъ этимъ міромъ людей съ черствымъ сердцемъ и узкими предразсудками, и обратился къ людямъ простымъ. Произойдетъ обширное измѣненіе расы. Царство Божіе предназначается: 1) для дѣтей и для тѣхъ, кто на нихъ походитъ; 2) для отверженныхъ существующаго строя, для жертвъ соціальнаго высокомѣрія, отталкивающаго хорошихъ, но смиренныхъ людей; 3) для еретиковъ и схизматиковъ, мытарей, самаритянъ, язычниковъ изъ Тира и Сидона. Весьма характерная притча объясняла и узаконяла этотъ призывъ, обращенный къ народу [1]: царь дѣлаетъ брачный пиръ и посылаетъ своихъ рабовъ звать приглашенныхъ. Всѣ отказываются; нѣкоторые дурно обходятся съ посланными. Тогда

---

[1]) Матѳея, XXII, 2 и слѣд.; Луки, XIV, 16 и слѣд.; ср. Матѳея, VIII, 11—12; XXI, 33 и слѣд.

царь принимаетъ рѣшительныя мѣры. Порядочные люди не захотѣли пойти по его зову; въ такомъ случаѣ онъ позоветъ первыхъ встрѣчныхъ, людей, собирающихся на площадяхъ и на распутьи, бѣдныхъ, нищихъ, калѣкъ, кого угодно; надо наполнить залъ, „и сказываю вамъ, что никто изъ тѣхъ званныхъ, не вкуситъ моего ужина".

Чистый *евіонизмъ*, т. е. ученіе, по которому спасутся одни бѣдные (*евіонимъ*), по которому наступаетъ царство бѣдныхъ, сталъ доктриной Іисуса. „Горе вамъ богатые, говорилъ онъ, ибо вы уже получили свое утѣшеніе! Горе вамъ, пресыщенные нынѣ, ибо взалчете! Горе вамъ, смѣющіеся нынѣ, ибо восплачете и возрыдаете [1])!"—„Когда дѣлаешь ужинъ, говорилъ онъ также, не зови друзей твоихъ, ни братьевъ твоихъ, ни родственниковъ твоихъ, ни сосѣдей богатыхъ, чтобы и они когда не позвали, и не получилъ ты воздаянія. Но когда дѣлаешь пиръ, зови нищихъ, увѣчныхъ, хромыхъ, слѣпыхъ, и блаженъ будешь, что они не могутъ воздать тебѣ, ибо воздастся тебѣ въ воскресеніи праведныхъ [2])". Вѣроятно въ этомъ именно смыслѣ онъ часто повторялъ: „будьте добрыми купцами [3])", т. е., помѣщайте ваши капиталы, имѣя въ виду царство Божіе, раздавайте ваше имущество бѣднымъ, слѣдуя старинной пословицѣ: „благотворящій бѣдному даетъ взаймы Господу [4])".

Въ этомъ однако не было ничего новаго. Самое экзальтированное демократическое движеніе, о которомъ только сохранилось у человѣчества воспоминаніе (и также единственное, имѣвшее успѣхъ, ибо только одно оно оставалось въ

---

[1]) Луки, VI, 25.

[2]) Луки, XIV, 12—14.

[3]) Это слово сохранилось въ очень старинномъ и употребительномъ преданіи. Псевдо-климентовы поученія, II, 51; III, 50; XVIII, 20; Климентъ Алекс., Strom., I, 28. Оно встрѣчается также у Оригена, Св. Іереміи и у большого числа Отцовъ Церкви.

[4]) Притчъ, XIX, 17.

области чистой идеи), уже давно волновало еврейскую расу. Мысль, что Богъ есть мститель за бѣднаго и слабаго противъ богатаго и сильнаго, повторяется чуть не на каждой страницѣ книгъ Ветхаго Завѣта. Изъ всѣхъ исторій въ исторіи Израиля народный духъ господствовалъ съ наибольшимъ постоянствомъ. Пророки, эти истинные трибуны, и можно сказать, самые смѣлые изъ трибуновъ, непрерывно гремѣли противъ великихъ міра и установили тѣсную связь между понятіями: „богатый, нечестивый, жестокосердый, злой", съ одной стороны, и словами: „бѣдный, кроткій, смиренный, благочестивый", съ другой стороны [1]. При Селевкидахъ, когда почти всѣ аристократы сдѣлались отступниками и перешли въ эллинизмъ, эти ассоціаціи идей только еще болѣе укрѣпились. Въ книгѣ Еноха находятся еще болѣе энергичныя проклятія, нежели въ Евангеліяхъ, по адресу міра богатыхъ, сильныхъ [2]. Роскошь здѣсь выставляется какъ преступленіе. Въ этомъ странномъ апокалипсѣ „сынъ человѣческій" свергаетъ царей съ ихъ троновъ, вырываетъ ихъ изъ чувственной жизни, ввергаетъ въ адъ [3]. Выступленіе Іудеи на поприщѣ мірской жизни, только что происшедшее вторженіе въ нее чисто свѣтскаго элемента роскоши и зажиточности, вызывали энергичную реакцію въ пользу патріархальной простоты нравовъ. „Горе вамъ, презирающимъ хижину и наслѣдіе вашихъ отцовъ! Горе вамъ, сооружающимъ дворцы потомъ другихъ! Каждый камень, каждый кирпичъ въ нихъ есть преступленіе [4]"! Слово „бѣдный" (*евіонъ*) сдѣлалось синонимомъ „святого", „друга Господа". Галилейскіе ученики

---

[1] См. Амоса, II, 6; Исайи, LXIII, 9; Псалтирь, XXV, 9; XXXVII, 11; LXIX, 33 и вообще еврейскіе словаря на слова

אביון, דל, עני, ענו, חסיד, עשיר, הוללים, עריץ.

[2] Главы LXII, LXIII, XCVII, C и CIV.

[3] Енохъ, гл. XLVI (быть можетъ христіанскаго происхожденія

[4] Енохъ, XCIX, 13, 14.

Іисуса любили называть себя этимъ именемъ [1]; въ теченіе долгаго времени такъ же называли іудействующихъ христіанъ Виѳаніи и Гаурана (назореи, евреи), которые оставались вѣрными какъ языку, такъ и первоначальнымъ поученіямъ Іисуса, и которые гордились тѣмъ, что въ ихъ средѣ будто бы остались потомки его семьи [2]. Въ концѣ II вѣка эти сектанты, остававшіеся внѣ великаго теченія, которое охватило прочія Церкви, считались уже еретиками (*евіониты*) и для объясненія этого названія даже измыслили не существовавшаго ересіарха *Евіона* [3].

Не трудно предвидѣть, что такое преувеличенное отношеніе къ бѣдности не могло существовать слишкомъ долго. То былъ одинъ изъ тѣхъ утопическихъ элементовъ, какіе всегда примѣшиваются къ великимъ актамъ и надъ которыми время произноситъ свой судъ. Перейдя въ широкіе круги человѣческаго общества, христіанство рано или поздно должно было съ большой легкостью примириться съ существованіемъ богатыхъ въ его средѣ, совершенно такъ же, какъ буддизмъ, исключительно монашествующій при своемъ зарожденіи, какъ только число обращенныхъ стало увеличиваться, началъ признавать въ своей средѣ и міранъ. Но слѣды происхожденія сохраняются навсегда. Хотя христіанство скоро переросло и забыло *евіонизмъ*, но тѣмъ не менѣе оставило во всей исторіи христіанскихъ учрежденій свою за-

---

[1]) Посл. Іакова, II, 5 и слѣд.

[2]) Юлій Африканъ, у Евсевія, H. E., I, 7; Евсевій. De situ et nom. loc. hebr., слово Χωβά; Оригенъ, Contre Celse, II, 1; V, 61; Епифанъ, Adv. haer., XXIX, 7, 9; XXX, 2, 18.

[3]) См. въ особенности Оригенъ, Contre Celse, II, 1; De principiis, IV, 22. Ср. Епифанъ, Adv. haer., XXX, 17. Ириней, Оригенъ, Евсевій, апостольскія учрежденія, не знали о существованіи такихъ личностей. Авторъ Philosophumena, повидимому, сомнѣвается на этотъ счетъ (VII, 34 и 35; X, 22 и 23). Басня относительно *Евіона* была распространена Тертулліаномъ и въ особенности Епифаномъ. Наконецъ относительно этимологіи Ἐβίων=πτωχός всѣ Отцы Церкви были между собой согласны.

закваску, которая не погибла. Сборникъ Logia или поученій Іисуса составлялся или по меньшей мѣрѣ пополнялся въ евіонитскихъ церквахъ Виѳаніи [1]). „Бѣдность“ осталась идеаломъ, отъ котораго истинный послѣдователь Іисуса не можетъ отрѣшиться. Истиннымъ евангельскимъ состояніемъ стало состояніе человѣка, который ничего не имѣетъ; нищенство сдѣлалось добродѣтелью, святымъ состояніемъ. Великое умбрійское движеніе XIII вѣка, которое изъ всѣхъ попытокъ создать религію больше всего приближалось къ галилейскому движенію, происходило исключительно во имя бѣдности. Францискъ Ассизскій, изъ всѣхъ людей въ мірѣ больше всего походившій на Іисуса по своей выдающейся добротѣ и по той чуткости и нѣжности, съ которой онъ сливался съ жизнью вселенной, былъ бѣднякомъ. Нищенствующіе монашескіе ордена, безчисленныя коммунистическія секты среднихъ вѣковъ (бѣдные Ліона, бегарды, добрые люди, фратрицелли, униженные, евангельскіе бѣдные, сектаторы „вѣчнаго евангелія“) выдавали себя за истинныхъ учениковъ Іисуса, да и были ими дѣйствительно. Но и на этотъ разъ самыя невозможныя мечты новой религіи дали свои плоды. Благочестивое нищенство, причиняющее столько безпокойства нашимъ промышленнымъ и административнымъ обществамъ, въ свое время и подъ подходящимъ для него небомъ, было полно очарованія. Оно открывало массѣ кроткихъ и созерцательныхъ умовъ единственное состояніе, которое имъ нравилось. Конечно, когда бѣдность становится любимымъ и желательнымъ состояніемъ, когда нищаго ставятъ на пьедесталъ и поклоняются рубищу бѣдняка, то это можетъ не слишкомъ коснуться политической экономіи, но истинный моралистъ не въ состояніи оставаться равнодушнымъ къ такому явленію. Для того, чтобы сносить свое бремя, человѣчеству необходимо вѣрить, что бремя это не вполнѣ окупается заработной пла-

---

[1]) Епифанъ, Adv. haer., XIX, XXIX и XXX, въ особенности XXIX, 9.

той. И самая великая услуга, какую ему можно оказать, это почаще напоминать ему, что оно живетъ не однимъ хлѣбомъ.

Подобно всѣмъ великимъ людямъ, Іисусъ любилъ народъ и чувствовалъ себя съ нимъ отлично. По его мысли Евангеліе создано для бѣдныхъ; имъ оно несетъ „благую вѣсть" о спасеніи [1]). Всѣ презрѣнные съ точки зрѣнія правовѣрнаго іудаизма получаютъ отъ него предпочтеніе. Любовь къ народу, жалость къ его безсилію, чувство демократическаго вождя, который ощущаетъ въ себѣ духъ толпы и считаетъ себя его естественнымъ истолкователемъ, просвѣчиваютъ ежеминутно въ каждомъ изъ его дѣяній, въ каждомъ изъ его поученій [2]).

Избранная кучка, дѣйствительно, представляла довольно смѣшанный характеръ и ригористы были бы имъ не мало удивлены. Въ ней насчитывались люди, которыхъ ни одинъ уважающій себя іудей не сталъ бы посѣщать [3]). Быть можетъ въ этомъ обществѣ, неподчинявшемся правиламъ общинъ, Іисусъ находилъ больше благородства и сердечности, нежели среди педантической буржуазіи, склонной къ формализму, гордой своею кажущейся нравственностью. Фарисеи, преувеличивая моисеевы предписанія, дошли до того, что считали для себя оскверненіемъ всякое соприкосновеніе съ людьми менѣе строгаго образа жизни; въ отношеніи пищи они почти приближались къ дѣтскимъ предразсудкамъ индійскихъ кастъ. Презирая такія жалкія искаженія религіознаго чувства, Іисусъ любилъ принимать пищу съ тѣми, кто являлся жертвой этихъ предразсудковъ [4]); возлѣ него встрѣчали людей, о которыхъ говорили, что они ведутъ дурной образъ жизни, правда, быть можетъ, только на томъ основаніи, что они не раздѣляли смѣшныхъ предубѣжденій хан-

---

[1]) Матѳея, X, 23; XI, 5; Луки, VI, 20—23.

[2]) Матѳея, IX, 36; Марка, VI, 34.

[3]) Матѳея, IX 10 и слѣд; Луки. XV вся.

[4]) Матѳея, IX, 11; Марка, II, 16; Луки, V, 30.

жей. Фарисеи и книжники возмущались. „Посмотрите, говорили они, съ кѣмъ онъ ѣстъ!“ Но тогда у Іисуса находились мѣткія возраженія, приводившія лицемѣровъ въ отчаяніе: „Не здоровые имѣютъ нужду во врачѣ, а больные [1])“; или: „кто изъ васъ, имѣя сто овецъ и потерявъ одну изъ нихъ, не оставитъ девяносто девяти въ пустынѣ, и не пойдетъ за пропавшей, пока не найдетъ ея? а нашедъ, возьметъ ее на плеча свои съ радостью [2])“; или: „сынъ Человѣческій пришелъ взыскать и спасти погибшее [3])“, или еще: „я пришелъ призвать не праведниковъ, но грѣшниковъ къ покаянію [4])“; наконецъ дивная притча о блудномъ сынѣ, гдѣ любовь оказываетъ предпочтеніе грѣшнику передъ тѣмъ, кто всегда оставался праведнымъ. Слабыя или провинившіяся женщины, пораженныя такой снисходительностью и впервые приходя въ соприкосновеніе съ добродѣтелью, полной привлекательности, свободно приближались къ нему. „О! говорили брезгливые люди, этотъ человѣкъ не пророкъ; ибо, будь онъ пророкомъ, онъ отлично зналъ бы, что женщина, которая къ нему прикасается, грѣшница“. Іисусъ отвѣчалъ на это притчей о кредиторѣ, который простилъ своимъ должникамъ ихъ долги разной величины, и не боялся при этомъ предпочесть участь того должника, кому былъ прощенъ большій долгъ [5]). Онъ оцѣнивалъ состоянія души лишь по суммѣ любви, которая къ-

---

1) Матѳея, IX, 12.

2) Луки, XV, 4 и слѣд.

3) Матѳея, XVIII, 11 (?); Луки, IX, 10.

4) Матѳея, IX, 13.

5) Луки, VII, 36 и слѣд. Лука, который любитъ выдвигать все, что относится къ прощенію грѣшниковъ (ср. X, 30 и слѣд.; XV вся; XVII, 16 и слѣд. XVIII, 10 и слѣд.; XIX, 2 и слѣд.; XXIII, 39 — 43), с[illegible] этотъ разсказъ, воспользовавшись подробностями другого [illegible] именно, эпизода умащенія ногъ, имѣвшаго мѣсто въ Виѳані[illegible] сколько дней до смерти Іисуса. Однако прощеніе грѣшницы сос[illegible] безспорно, одинъ изъ существеннѣйшихъ эпизодовъ въ жизн[illegible] Ср. Іоанна, VIII, 3 и слѣд.: Папій, у Евсевія, Hist. eccl., III, 39.

нимъ примѣшивается. Женщины, съ сердцемъ переполненнымъ слезами и расположенныя, благодаря сознанію своихъ грѣховъ, къ смиренію и самоуничиженію, были ближе къ его царству, нежели посредственныя натуры, которымъ зачастую нельзя ставить въ заслугу то, что онѣ не дошли до паденія. Съ другой стороны понятно, что эти нѣжныя души, видя въ своемъ присоединеніи къ сектѣ легкое средство для своего возрожденія, страстно къ нему привязывались.

Онъ не только нимало не старался смягчить ропотъ, который вызывало его презрѣніе къ соціальной брезгливости своей эпохи, онъ, напротивъ, какъ бы находилъ удовольствіе въ томъ, чтобы возбуждать его. Никогда еще никто не выражалъ такъ открыто своего презрѣнія къ „міру", составляющаго первое условіе великихъ дѣлъ и великой оригинальности. Онъ прощалъ богатому только въ тѣхъ случаяхъ, когда вслѣдствіе какихъ либо предубѣжденій этотъ богатый пользовался въ обществѣ дурной славой [1]). Онъ явно предпочиталъ людей вольнаго поведенія и не слишкомъ уважаемыхъ почетными правовѣрными членами общества. „Мытари и блудницы впередъ васъ идутъ въ царство Божіе, говорилъ онъ этимъ послѣднимъ. Ибо пришелъ къ вамъ Іоаннъ путемъ праведности и вы не повѣрили ему, а мытари и блудницы повѣрили ему; вы же и видѣвши это, не раскаялись послѣ, чтобы повѣрить ему [2])". Не трудно понять, какимъ кровнымъ оскорбленіемъ звучалъ для людей, сдѣлавшихъ себѣ профессію изъ важности и строгой морали, такой упрекъ въ томъ, что они не послѣдовали хорошему примѣру, который имъ давали женщины веселаго поведенія.

Онъ не обнаруживалъ никакихъ внѣшнихъ признаковъ благочестія, ни строгой нравственности. Онъ не бѣгалъ отъ веселья, охотно ходилъ на свадебные пиры. Одно изъ его

---

[1]) Луки, XIX, 2 и слѣд.
[2]) Матѳея, XXI, 31—32.

чудесъ, по преданію, было совершено для свадебной потѣхи, Свадьбы на востокѣ празднуются вечеромъ. Каждый гость вооружается фонаремъ; эти движущіеся взадъ и впередъ огоньки производятъ очень пріятное впечатлѣніе. Іисусъ любилъ эти веселыя и оживленныя картины и черпалъ изъ нихъ темы для своихъ притчъ [1]). И когда такое поведеніе его сравнивали съ образомъ жизни Іоанна Крестителя, то иные возмущались [2]). Однажды въ день, когда ученики Іоанна и фарисеи соблюдали постъ, его спросили: „почему ученики Іоанновы и фарисейскіе постятся, а твои не постятся?“—„И сказалъ имъ Іисусъ: могутъ ли поститься сыны чертога брачнаго, когда съ ними женихъ?.. Но придутъ дни, когда отнимется у нихъ женихъ и тогда будутъ поститься въ тѣ дни [3])“. Его настроеніе тихой радости выражалось остроумными замѣчаніями, милыми шутками. „Но кому уподоблю родъ сей? Онъ подобенъ дѣтямъ, которыя сидятъ на улицѣ и, обращаясь къ своимъ товарищамъ, говорятъ:

Мы играли вамъ на свирѣли
И вы не плясали,
Мы пѣли вамъ печальныя пѣсни,
И вы не рыдали“ [4]).

„Ибо пришелъ Іоаннъ, ни ѣстъ, ни пьетъ; и говорятъ: въ немъ бѣсъ. Пришелъ сынъ человѣческій, ѣстъ и пьетъ; и говорятъ: вотъ человѣкъ, который любитъ ѣсть и пить вино, другъ мытарямъ и грѣшникамъ. И оправдана премудрость чадами ея [5])“.

---

1) Матѳея, XXV, 1 и слѣд.

2) Марка, II, 18; Луки, V, 33.

3) Матѳея, IX, 14 и слѣд.; Марка, II, 18 и слѣд.; Луки, V, 33 и слѣд.

4) Намекъ на какую нибудь дѣтскую игру.

5) Матѳея, XI, 16 и слѣд.; Луки, VII, 34 и слѣд. Пословица эт... начаетъ: „человѣческая мысль слѣпа; мудрость дѣлъ Божіихъ ...щается только самими этими дѣлами“. Я читаю ἔργων, какъ зн... въ рукописѣ „В“ Ватикана и въ Codex sinaiticus, а не τέκνων. Матѳея, XI, 19, исправленъ по тексту Луки, VII, 35, который п... лялся болѣе понятнымъ.

Такъ онъ ходилъ по Галилеѣ, какъ бы въ вѣчномъ праздникѣ. Онъ пользовался для своихъ путешествій услугами мула, этимъ удобнымъ и безопаснымъ восточнымъ способомъ передвиженія. Большіе черные глаза мула, осѣненные длинными рѣсницами, удивительно кротки. Иногда ученики Іисуса устраивали ему сельское торжество, въ которомъ главную роль играли ихъ одежды, замѣнявшія собой ковры. Ученики покрывали ими его мула или разстилали ихъ по землѣ на его пути [1]). Если онъ останавливался въ чьемъ либо домѣ, то это было для всѣхъ живущихъ въ немъ радостнымъ событіемъ и цѣлымъ торжествомъ. Въ городкахъ и крупныхъ поселкахъ онъ встрѣчалъ самый горячій пріемъ. На востокѣ, каждый домъ, въ которомъ остановился чужеземецъ, обращается въ публичное мѣсто. Все населеніе сходится сюда; сбѣгаются дѣти; прислуга ихъ разгоняетъ, они снова врываются. Іисусъ не выносилъ, чтобы съ этими наивными слушателями грубо обращались; онъ подзывалъ ихъ и цѣловалъ [2]). Матери, поощряемыя такимъ его отношеніемъ, приносили къ нему своихъ грудныхъ дѣтей, чтобы онъ коснулся ихъ [3]). Женщины умащали ему голову масломъ и обмывали ему ноги благовонными жидкостями. Ученики иногда отталкивали ихъ, чтобы онѣ не надоѣдали; но Іисусъ любилъ древніе обычаи и всякія проявленія простоты сердца, и заглаживалъ обиды, нанесенныя его черезъ чуръ усердными друзьями. Онъ заступался за тѣхъ, кто хотѣлъ его почтить [4]). И женщины и дѣти обожали его. Его недруги чаще всего упрекали его въ томъ, что онъ заставлялъ чуждаться своей семьи эти нѣжныя существа, всегда податливыя на соблазнъ [5]).

---

1) Матѳея, XXI, 7—8

2) Матѳея, XIX, 13 и слѣд.; Марка, IX, 36; X, 13 и слѣд.; Луки, XVIII, 15—16.

3) Марка, X, 13 и слѣд; Луки, XVIII, 15.

4) Матѳея. XXVI, 7 и слѣд.; Луки, VII, 37 и слѣд.; Марка, XIV, 3 и слѣд.

5) Евангеліе Марсіона, прибавленіе къ ст. 2 къ гл. XXIII Луки (Епиф.,

Такимъ образомъ нарождающаяся религія во многихъ отношеніяхъ была религіей женщинъ и дѣтей. Дѣти образовали вокругъ Іисуса какъ бы молодую гвардію, прославлявшую его царское достоинство; они устраивали ему маленькія оваціи, которыя ему очень нравились, называли его „сыномъ Давидовымъ“, кричали ему „Осанна“ [1])! и носили передъ нимъ пальмовыя вѣтви. Подобно Саванаролѣ, Іисусъ быть можетъ пользовался ими, какъ орудіемъ благочестивыхъ миссій; онъ очень былъ радъ, когда видѣлъ, что эти юные апостолы, нисколько его не компрометтировавшіе, бросаются впередъ и называютъ его такъ, какъ самъ онъ не осмѣливался себя называть. Онъ предоставлялъ имъ въ этомъ отношеніи полную свободу дѣйствій, и когда его спрашивали, слышитъ ли онъ, какъ его возвеличиваютъ, онъ отвѣчалъ уклончиво, что хвала, которая срывается съ юныхъ устъ, наиболѣе пріятна Богу [2]).

Онъ не упускалъ случая повторять, что дѣти святыя существа [3]), что царство Божіе принадлежитъ дѣтямъ [4]), что надо обратиться въ дѣтей, чтобы войти въ него [5]), что надо принимать его, какъ дитя [6]), что отецъ небесный скрываетъ свои тайны отъ мудрыхъ и открываетъ ихъ дѣтямъ [7]). Представленіе о своихъ ученикахъ у него почти сливается

Adv haer., XLII, 11). Если сокращенія Марсіона не представляютъ критической цѣнности, то нельзя сказать того же объ его добавленіяхъ, когда они проистекаютъ не изъ предвзятаго мнѣнія, а изъ самаго состоянія рукописей, которыми онъ пользовался.

[1]) Кличъ, который раздавался во время процессіи при праздновавіи Скиноппгіи („кучки“), при чемъ потрясали пальмовыми вѣтвями. Мишна *Сукка*, III. 9. Обычай этотъ существуетъ до сихъ поръ у евреевъ.

[2]) Матѳея, XXI, 15—16.

[3]) Матѳея, XVIII, 5, 10, 14; Луки XVII, 2.

[4]) Матѳея, XIX, 14; Марка, X, 14; Луки, XVIII, 16.

[5]) Матѳея, XVIII, 1 и слѣд.; Марка, IX, 33 и слѣд.; Луки, IX,

[6]) Марка, X, 15.

[7]) Матѳея, XI, 25; Луки, X, 21.

съ представленіемъ о дѣтяхъ [1]). Однажды, когда между ними произошелъ споръ о первенствѣ, что случалось нерѣдко, Іисусъ взялъ ребенка, поставилъ его среди нихъ и сказалъ: „вотъ кто больше всѣхъ; кто умалится, какъ это дитя, тотъ и больше въ царствѣ небесномъ [2])".

Дѣйствительно, во владѣніе землей вступало дѣтство во всемъ его божественномъ самовольствѣ, со всѣмъ его наивнымъ упоеніемъ радостью. Всѣ думали, что съ минуты на минуту наступитъ столь желанное царствіе. Каждый воображалъ уже себя сидящимъ на тронѣ рядомъ съ учителемъ [3]). Шелъ споръ изъ за мѣстъ [4]); старались вычислить дни. Все это называлось „благой вѣстью"; новому ученію другого имени не было. Общая мечта выливалась въ одномъ словѣ „рай", старинномъ словѣ, заимствованномъ еврейскимъ, какъ и всѣми восточными языками, у Персіи, и первоначально означавшемъ сады царей Ахеменидовъ: чудный садъ, гдѣ будетъ вѣчно продолжаться та очаровательная жизнь, которая уже началась здѣсь на землѣ [5]). Сколько времени продолжалось такое упоеніе, неизвѣстно. Въ теченіе этого волшебнаго движенія никто не измѣрялъ времени, какъ не считаютъ его во снѣ. Теченіе времени пріостановилось; недѣля была все равно, что столѣтіе. Но длился ли онъ годы, или мѣсяцы, этотъ сонъ былъ такъ прекрасенъ, что человѣчество жило имъ и впослѣдствіи, и до сихъ поръ мы находимъ утѣшеніе въ томъ, что стараемся уловить его уже поблѣднѣвшее благоуханіе. Никогда еще столько счастья не заставляло высоко подниматься грудь человѣческую. Въ этомъ усиліи, самомъ могучемъ, какое когда либо человѣ-

---

1) Матѳея, X, 42; XVIII, 5, 14; Марка, IX, 36; Луки, XVII, 2.

2) Матѳея, XVIII, 4; Марка, IX, 33—36; Луки, IX, 46—48.

3) Луки, XXII, 30.

4) Марка, X, 37, 40—41.

5) Луки, XXIII, 43; 2 посл. Коринѳ., XII, 4. Ср. Carm. sibyll. prooem., 86; Вавилонскій Талмудъ, *Хагига*, 14 в.

чество совершало, желая стать выше своей планеты, оно на одно мгновеніе забыло свинцовую тяжесть, гнетущую его къ землѣ и всѣ печали этого міра. Блаженъ, кто своими глазами видѣлъ этотъ божественный расцвѣтъ, и хотя бы въ теченіи одного дня раздѣлялъ со всѣми эту несравненную иллюзію! Но еще блаженнѣе тотъ, сказалъ бы намъ Іисусъ, кто, освободившись отъ великой иллюзіи, воспроизведетъ въ себѣ это небесное видѣніе, и съумѣетъ, безъ всякихъ мечтаній о тысячелѣтнемъ царствѣ, о химерическомъ раѣ, безъ всякихъ небесныхъ знаменій, одной своей непреклонной волей и поэзіей своей души, снова создать въ своемъ сердцѣ истинное царство Божіе.

ГЛАВА XII

сольство Іоанна Крестителя изъ тюрьмы къ Іисусу.—Смерть Іоанна.—Отношеніе его школы къ школѣ Іисуса

Въ то время какъ радостная Галилея ликовала по поводу ришествія своего любимца, печальный Іоаннъ изнывалъ подъ іяніемъ тщетныхъ ожиданій и несбывшихся желаній въ воей темницѣ въ Махеронѣ. До него долетали слухи объ спѣхахъ молодого учителя, котораго онъ видѣлъ въ числѣ воихъ учениковъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Говорили, будто тотъ Мессія, о которомъ предсказывали пророки которому суждено возстановить израильское царство, теерь явился и свидѣтельствуетъ о своемъ пришествіи чудыми дѣлами въ Галилеѣ. Іоаннъ хотѣлъ удостовѣриться въ праведливости этихъ слуховъ, и такъ какъ онъ свободно носился съ своими учениками, то онъ избралъ двухъ изъ ихъ и послалъ ихъ въ Галилею къ Іисусу [1]).

Посланные два ученика застали Іисуса въ самомъ разгарѣ го славы. Праздничное настроеніе, господствовавшее вокругъ его, поразило ихъ. Привыкшіе къ постамъ, къ усерднымъ олитвамъ, къ жизни вполнѣ созерцательной, они съ изуленіемъ чувствовали себя будто внезапно перенесенными въ ентръ радостей пришествія [2]). Они сообщили Іисусу о цѣли воего посольства: „Ты ли тотъ, которому надлежитъ придти?

---

[1]) Матѳея, XI, 2 и слѣд.; Луки VII, 18 и слѣд.

[2]) Матѳея, XI, 14 и слѣд.

Дожидаться ли намъ другого?“ Іисусъ уже не сомнѣвался въ своей роли Мессіи, перечислилъ имъ дѣла, которыми должн было характеризоваться наступленіе Царства Божія, исцѣленіе больныхъ, благовѣствованіе о грядущемъ спасеніи, во вѣщенное бѣднымъ. Эти дѣла онъ совершалъ. „Блаженъ тот прибавилъ онъ, кто не усомнится во мнѣ!“ Неизвѣстно, з сталъ ли этотъ отвѣтъ Іоанна Крестителя въ живыхъ, и ес засталъ, то въ какое настроеніе привелъ этого сурова аскета. Умеръ ли онъ утѣшеннымъ, въ увѣренности, ч тотъ, кого онъ возвѣщалъ, уже явился, или же въ немъ ос лись сомнѣнія на счетъ миссіи Іисуса? У насъ нѣтъ объ это никакихъ свѣдѣній. Но зная, что школа его довольно до еще продолжала существовать параллельно съ христіански Церквами, можно придти къ заключенію, что при всемъ у женіи къ Іисусу, Іоаннъ не смотрѣлъ на него, какъ на того, кс предстоитъ осуществить божественныя обѣтованія. И смер положила конецъ его сомнѣніямъ. Непреодолимая своб духа отшельника неизбѣжно должна была увѣнчать его б покойную, полную мученій жизнь единственнымъ концо которого она была достойна.

Снисходительность, обнаруженная къ нему на первы порахъ Антипой, не могла долго продолжаться. По слова христіанскаго преданія при всѣхъ бесѣдахъ Іоанна съ т рархомъ, онъ не переставалъ повторять ему, что бракъ незаконенъ и что онъ долженъ отослать Иродіаду [1]). Ле себѣ представить, какую ненависть должна была пит внучка Ирода Великаго къ этому надоѣдливому совѣтни И она только выжидала удобнаго случая, чтобы его погуби

Дочь ея отъ перваго брака, Саломея, такая же разврат и самолюбивая, какъ и она, приняла участіе въ выполне ея плановъ. Въ этомъ году (вѣроятно 30 г. по Р. Х.) Анти въ день своего рожденія находился въ Махеронѣ. Ир

---

[1]) Матѳея, XIV, 4 и слѣд.; Марка, VI, 18 и слѣд.; Луки, III, 19.

Великій построилъ въ стѣнахъ этой крѣпости роскошный дворецъ [1]), въ которомъ тетрархъ часто проводилъ время. Онъ далъ здѣсь большое пиршество, на которомъ Саломея исполнила одинъ изъ характерныхъ танцевъ, не считающихся въ Сиріи неприличными для высокопоставленной женщины. Восхищенный Антипа спросилъ у танцовщицы, что она желаетъ получить отъ него въ награду и та по внушенію матери отвѣтила: „голову Іоанна на этомъ блюдѣ“ [2]). Антипа былъ недоволенъ, но не хотѣлъ отказать ей. Воинъ взялъ блюдо, отсѣкъ голову узника и принесъ ее Саломеѣ [3]).

Ученики Крестителя получили его тѣло и похоронили его. Народъ былъ очень недоволенъ. Шесть лѣтъ спустя Харетъ напалъ на Антипу, желая вернуть себѣ Махеронъ и отомстить за безчестіе, нанесенное его дочери; Антипа былъ разбитъ на голову и общій голосъ объяснялъ его пораженіе наказаніемъ за убійство Іоанна [4]).

Извѣстіе о смерти Іоанна принесли Іисусу ученики самого Крестителя [5]). Послѣдній шагъ, сдѣланный Іоанномъ къ Іисусу, окончательно установилъ тѣсную связь между обѣими школами. Іисусъ, спасаясь насилій со стороны Антипы, принялъ нѣкоторыя предосторожности и удалился въ пустыню [6]). За нимъ послѣдовало много народу. Благодаря крайней умѣренности въ потребностяхъ, святые люди перебивались кое какъ въ пустынѣ, но естественно, что въ этомъ видѣли чудо [7]). Съ этого времени Іисусъ упоминалъ объ Іоаннѣ съ удвоеннымъ восхищеніемъ. Онъ не колеблясь призналъ [8]), что

---

[1]) Іос., De Bello jud., VII, VI, 2.

[2]) Блюдо, на которомъ на Востокѣ подаютъ напитки и яства.

[3]) Матѳея, XIV. 3 и слѣд.; Марка, VI, 14—29; Іос., Ant., XVIII, V, 2

[4]) Іосифъ, Ant., XVIII, V, 1 и 2.

[5]) Матѳея, XIV, 12.

[6]) Матѳея, XIV, 13.

[7]) Матѳея, XIV, 15 и слѣд.; Матѳея, VI, 35 и слѣд.; Луки, IX, 11 и слѣд.; Іоанна, VI, 2 и слѣд.

[8]) Матѳея, XI, 7 и слѣд.; Луки, VII, 24 и слѣд.

Іоаннъ былъ болѣе чѣмъ пророкомъ, что Законъ и древніе пророки имѣли силу только до него [1]), что онъ ихъ отмѣнилъ, но что царство небесное въ свою очередь и его отмѣнитъ. Наконецъ въ общей исторіи христіанства онъ отводилъ ему особое мѣсто, именно, онъ видѣлъ въ немъ связь между Ветхимъ Завѣтомъ и пришествіемъ новаго царства.

Пророкъ Малахія, мнѣнію котораго на этотъ счетъ придавалось большое значеніе [2]), весьма категорически возвѣщалъ о предшественникѣ Мессіи, который долженъ будетъ подготовить людей къ окончательному обновленію, другими словами, предсказывалъ появленіе предтечи, который приготовитъ путь для избранника Божія. Въ качествѣ посланника ожидали не кого иного, какъ пророка Илію, и по весьма распространенному вѣрованію, онъ вскорѣ долженъ былъ спуститься съ неба, куда онъ былъ взятъ живымъ, и путемъ покаянія приготовить людей къ великому событію и примирить Бога съ его народомъ [3]). Нѣкоторые полагали, что вмѣстѣ съ Иліей явится или патріархъ Енохъ, которому въ послѣдніе два вѣка стали приписывать высокое значеніе [4]), или Іеремія [5]), считавшійся въ нѣкоторомъ родѣ покровителемъ народа, постоянно предстательствующимъ за него передъ трономъ Бога [6]). Эта же идея, что два древнихъ пророка должны воскреснуть, чтобы играть роль предшественниковъ Мессіи, съ поразительной аналогіей встрѣчается въ

---

1) Матѳея, XI, 12—13.; Луки, XVI, 16.

2) Малахія, III и IV; Екклезіастъ, XLVIII, 10; см. выше, глава VI.

3) Матѳея, XI, 14; XVII, 10; Марка, VI, 5; VIII, 28; IV, 10 и слѣд., Луки, IX, 8, 19; Іоанна, I, 21; Іустинъ, Dial. cum Tryph., 49.

4) Екклезіастъ, XLIV, 16; 4 кн. Ездры, VI, 26; VII, 28; ср. XIV, 9 и послѣднія строки сирійскаго, эѳіопскаго, арабскаго и арамейскаго переводовъ. (Фолькмаръ, Esdra proph., стр. 212; Церіани, Monum. sacra et prof., т. 1, в. II, стр. 124; Армянская Библія Зораба, Венеція, 1805, прибавл. стр. 25).

5) Матѳея, XVI, 14.

6) 2 книга Маккав., XV. 13 и слѣд.

ученіи парсовъ, и потому многіе склонны думать, что она заимствована именно оттуда [1]). Какъ бы то ни было, въ эпоху Іисуса она несомнѣнно входила въ кругъ іудейскихъ теорій о Мессіи. Допускалось, что появленіе двухъ „вѣрныхъ свидѣтелей“, въ покаянныхъ одеждахъ, будетъ прологомъ великой драмы, которая разыграется къ изумленію вселенной [2]).

Понятно, что, раздѣляя этого рода идеи, Іисусъ и его ученики, не могли ни минуты сомнѣваться на счетъ миссіи Іоанна Крестителя. Когда книжники въ видѣ возраженія указывали имъ, что не можетъ быть рѣчи о Мессіи, такъ какъ не явился еще Илія [3]), они отвѣчали, что Илія уже являлся, что Іоаннъ и былъ воскресшимъ Ильей [4]). Дѣйствительно, своимъ образомъ жизни, своимъ отношеніемъ къ установленной политической власти, Іоаннъ напоминалъ эту удивительную личность древней исторіи Израиля [5]). Іисусъ не обходилъ молчаніемъ заслуги и превосходство своего предшественника. Онъ говорилъ, что среди дѣтей человѣческихъ не рождалось болѣе великаго человѣка. Онъ энергично порицалъ фарисеевъ и книжниковъ за то, что они не приняли его крещенія и не послушались его голоса [6]).

Ученики Іисуса раздѣляли принципы своего учителя. Въ

---

[1]) Тексты, цитируемые Анкетиль-Дюперрономъ изъ *Зендъ-Авесты*, I, 2 ч., стр. 46, испр. Шпигелемъ, въ Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft, I, 261 и слѣд.; извлеченіе изъ *Джамаспъ-Намэ въ Авестѣ*, у Шпигеля, I, стр. 34. Ни одинъ изъ парсійскихъ текстовъ, дѣйствительно внушающихъ мысль о воскресшихъ пророкахъ въ роли предтечей, нельзя считать древнимъ; однако идеи, заключающіяся въ этихъ текстахъ, представляются гораздо болѣе древними, нежели эпоха редакціи этихъ текстовъ.

[2]) Апокалипсъ, XI, 3 и слѣд.

[3]) Марка, IX, 10.

[4]) Матѳея, XI, 14; XVII, 10—13; Марка, VI, 15; IX, 10—12; Луки, IX, 8; Іоанна, I, 21—25.

[5]) Луки, I, 17.

[6]) Матѳея, XXI, 32; Луки, VII, 29—30.

первомъ поколѣніи христіанъ [1]) уваженіе къ Іоанну было неизмѣннымъ преданіемъ. Его считали даже родственникомъ Іисуса [2]). Его крещеніе разсматривалось, какъ первое событіе и въ нѣкоторомъ родѣ, какъ обязательное вступленіе всей евангельской исторіи [3]). Для того чтобы поддержать его миссію общепризнаннымъ авторитетомъ, создали разсказъ, будто бы Іоаннъ съ перваго взгляда на Іисуса провозгласилъ его Мессіей, что онъ признавалъ себя ниже Іисуса, недостойнымъ развязать шнурки его башмаковъ; что сперва онъ будто бы отказывался крестить Іисуса и утверждалъ, что наоборотъ Іисусъ долженъ его крестить [4]). Это были преувеличенія, которыя въ достаточной степени опровергаются послѣднимъ посольствомъ Іоанна къ Іисусу, какъ бы вызваннымъ нѣкоторымъ сомнѣніемъ [5]). Но въ болѣе общемъ смыслѣ Іоаннъ остался въ христіанской легендѣ тѣмъ, чѣмъ онъ и былъ на самомъ дѣлѣ, строгимъ подготовителемъ, печальнымъ проповѣдникомъ покаянія передъ радостнымъ прибытіемъ жениха, пророкомъ, возвѣстившимъ царство Божіе и умершимъ не дождавшись его наступленія. Этотъ гигантъ въ исторіи происхожденія христіанства, аскетъ, питавшійся акридами и дикимъ медомъ, рѣзкій обличитель заблужденій, игралъ роль горечи, приготовляющей уста къ сладости царства Божія. Казнь его открыла собой эру христіанскаго мученичества; онъ былъ первымъ свидѣтелемъ обновившагося самосознанія. Міряне, распознавшіе въ немъ своего непримиримаго врага,

---

[1]) Дѣянія, XIX, 4.

[2]) Луки, I.

[3]) Дѣянія, I, 22; X, 37—38. Это станетъ совершенно понятнымъ, если допустить, какъ это дѣлаетъ четвертый евангелистъ (гл. I), что первыхъ и самыхъ главныхъ изъ своихъ учениковъ Іисусъ пріобрѣлъ именно въ школѣ Іоанна.

[4]) Матѳея, III, 14, и слѣд.; Луки, III, 16; Іоанна, I, 15 и слѣд.; V, 32—33.

[5]) Матѳея, XI, 2 и слѣд.; Луки, VII, 18 и слѣд.

е могли оставить его въ живыхъ; и его обезображенный рупъ, повергнутый на порогѣ христіанства, намѣтилъ тотъ кровавый путь, по которому послѣ него должны были пройти столько другихъ мучениковъ.

Школа Іоанна не погибла вмѣстѣ съ своимъ основателемъ. Нѣкоторое время она продолжала существовать отдѣльно отъ школы Іисуса и сперва въ добромъ согласіи съ ней, Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ смерти обоихъ учителей все еще практиковалось крещеніе Іоанна. Нѣкоторые принадлежали одновременно къ обѣимъ школамъ; напримѣръ, знаменитый Аполлоній, соперникъ св. Павла (около 54 г.) и значительное число христіанъ въ Эфесѣ [1]). Іосифъ принадлежалъ къ школѣ (53 г.) аскета, по имени Бану [2]), который представляетъ большое сходство съ Іоанномъ Крестителемъ, а быть можетъ былъ его ученикомъ. Этотъ Бану [3]) жилъ въ пустынѣ, одѣвался древесными листьями; онъ питался только дикими растеніями и плодами и часто днемъ и ночью погружался въ холодную воду, чтобы очиститься. Іаковъ, называемый „братомъ Господнимъ", соблюдалъ подобныя же аскетическія правила [4]). Позднѣе, около конца I вѣка, баптизмъ вступилъ въ борьбу съ христіанствомъ, особенно въ Малой Азіи. Авторъ книгъ, приписываемыхъ евангелисту Іоанну, борется противъ него, повидимому, путемъ перетолковыванія его смысла [5]). Одна изъ сивиллиныхъ [6]) поэмъ, повидимому, принадлежитъ этой школѣ. Что касается сектъ гемеробаптистовъ, баптистовъ, елхасаитовъ (*сабійцы*, *могтасила* араб-

---

1) Дѣянія, XVIII, 25; XIX, 1—5. Ср. Епиф., Adv. haer., XXX, 16.

2) Vita, 2.

3) Быть можетъ это не кто иной, какъ Бунаи, котораго Талмудъ причисляетъ къ ученикамъ Іисуса? (Вавил. Талм., *Синедріонъ*, 43 а).

4) Гегезиппъ, у Евсевія, H. E., II, 23.

5) Еванг., I, 8, 26, 33; IV, 2; 1 посл., V, 6. Ср. Дѣянія, X, 47.

6) Книга IV. См. въ особенности ст. 157 и слѣд.

скихъ писателей [1]), которыя во второмъ вѣкѣ наполняли Сирію, Палестину, Вавилонію, и остатки которыхъ существуютъ до нашего времени подъ названіемъ мендаитовъ, или „христіанъ св. Іоанна", то онѣ скорѣе того же происхожденія, какъ и школа Іоанна Крестителя, нежели являются истиннымъ потомствомъ Іоанна. Настоящая его школа, наполовину создавшаяся вмѣстѣ съ христіанствомъ, превратилась въ небольшую христіанскую ересь и угасла въ неизвѣстности. Іоаннъ какъ бы предчувствовалъ будущее. Если бы онъ поддался жалкому соперничеству, онъ былъ бы теперь забытъ въ толпѣ сектантовъ своей эпохи. Ставъ выше своего самолюбія, онъ пріобрѣлъ славу и завоевалъ себѣ исключительное положеніе въ религіозномъ пантеонѣ человѣчества.

---

[1]) Напоминаю, что *сабійцы* тожественны съ арамейскимъ слово „баптисты". *Могтасила* означаетъ то же самое на арабскомъ языкѣ.

ГЛАВА XIII

Первыя выступленія въ Іерусалимѣ

Іисусъ отправлялся въ Іерусалимъ на праздникъ Пасхи почти ежегодно. Подробности каждаго изъ этихъ путешествій мало извѣстны, ибо синоптики о нихъ мало говорятъ [1]), а

[1]) Однако они смутно упоминаютъ о нихъ. Имъ также хорошо извѣстны, какъ и четвертому Евангелію, отношенія Іисуса къ Іосифу Ариматеейскому. Самъ Лука (X, 38—42) зналъ Виѳанскую семью. Лука имѣлъ нѣкоторое неясное представленіе о системѣ путешествій Іисуса согласно четвертому Евангелію. Дѣйствительно, въ его Евангеліи маршрутъ Іисуса, начиная съ гл. IX, 51 и до гл. XVIII, 31, до такой степени страненъ, что приходится предположить, что Лука смѣшалъ въ этихъ главахъ эпизоды различныхъ путешествій. Сценой для эпизодовъ, разсказанныхъ въ главахъ: X, 25 и слѣд.; X, 38 и слѣд.; XI, 29 и слѣд.; XI, 37 и слѣд.; XII, 1 и слѣд.; XIII, 10 и слѣд.; XIII, 31 и слѣд.; XIV, 1 и слѣд.; XV, 1 и слѣд.;— является, повидимому, Іерусалимъ, или его окрестности. Затрудненіе въ этой части повѣствованія проистекаетъ, повидимому, изъ того, что Лука насильственно укладываетъ свои матеріалы въ рамку синоптиковъ, изъ которой онъ не осмѣливается выступать. Большая часть рѣчей противъ фарисеевъ и саддукеевъ, произнесенныхъ по синоптикамъ въ Галилеѣ, имѣютъ смыслъ только для Іерусалима. Наконецъ промежутокъ времени, который по синоптикамъ отдѣляетъ входъ Іисуса въ Іерусалимъ отъ Страстей, хотя онъ могъ достигать и нѣсколькихъ недѣль (Матѳея, XXVI, 55; Марка, XIV, 49), все таки недостаточенъ для объясненія всего, что должно было произойти между прибытіемъ Іисуса въ этотъ городъ и его смертью. Слова Матѳея, XXIII, 37, и Луки, XIII, 34, повидимому, подтверждаютъ это положеніе; можно однако сказать, что это не болѣе, какъ цитата, подобно тексту Матѳея, XXIII, 34, относящаяся вообще къ тѣмъ усиліямъ спасти народъ, которыя Богъ совершалъ черезъ своихъ пророковъ.

данныя на этотъ счетъ четвертаго Евангелія весьма туманны [1]). Повидимому, важнѣйшее изъ посѣщеній Іисусомъ столицы имѣло мѣсто въ 31 г. и, несомнѣнно, послѣ смерти Іоанна. Его сопровождали многіе изъ его учениковъ. Хотя Іисусъ не придавалъ большого значенія паломничеству, но, не желая оскорблять общественнаго мнѣнія евреевъ, съ которымъ онъ еще не порвалъ окончательно, онъ соглашался на нихъ. Кромѣ того эти путешествія имѣли существенное значеніе для его плановъ; ибо онъ уже чувствовалъ, что для того, чтобы играть первостепенную роль, ему надо выйти изъ Галилеи и аттаковать іудаизмъ въ его твердынѣ, которой былъ Іерусалимъ.

Маленькая галилейская община являлась здѣсь довольно таки безпочвенной. Іерусалимъ былъ въ то время почти тѣмъ же, что и въ настоящее время, городомъ педантизма, язвительныхъ остротъ, словопреній, ненавистничества, умственнаго ничтожества. Фанатизмъ доходилъ здѣсь до крайнихъ предѣловъ; религіозныя возстанія возникали ежедневно. Господствовали фарисеи; единственнымъ занятіемъ было изученіе Закона, доведенное до самыхъ ничтожныхъ мелочей; все сводилось къ чистѣйшей казуистикѣ. Этотъ исключительно теологическій и каноническій культъ не давалъ ничего для возвышенія умовъ. Происходило нѣчто аналогичное съ безплодной доктриной мусульманскаго факи, съ этимъ пустопорожнимъ ученіемъ, которое вращается вокругъ мечети и ведетъ

---

[1]) Точно отмѣчены два паломничества (Іоанна, II, 13 и V, I), не считая послѣдняго путешествія (VII, 10), изъ котораго Іисусъ уже не возвращался въ Галилею. Первое изъ нихъ имѣло мѣсто еще въ то время, когда Іоаннъ совершалъ свои крещенія. Слѣдовательно оно приходилось на пасху 29 г. по Р. Х. Однако обстоятельства, описываемыя такъ какъ бы произошли во время этого путешествія, относятся къ болѣе ранней эп (ср. въ особенности Іоанна, II, 14 и слѣд., и Матѳея, XXI, 12—13; Мар XI, 15—17 и Луки. XIX, 45—46). Очевидно, или въ первыхъ главахъ че вертаго Евангелія перепутаны даты, или авторъ смѣшалъ между с обстоятельства, относящіяся къ различнымъ путешествіямъ.

ько къ потерѣ времени и безполезной тратѣ силъ на діа-
стику, безъ всякой пользы для дисциплины ума. Теологи-
ское воспитаніе современнаго духовенства, при всей его
хости, все-таки не даетъ представленія объ этомъ, ибо
оха Возрожденія внесла во всѣ наши науки, даже наиболѣе
покорныя, нѣкоторую долю литературности и методики,
лагодаря которымъ схоластика приняла болѣе или менѣе
уманитарную окраску. Наука іудейскаго ученаго, *софера* или
нижника, была чисто варварской, абсурдной, лишенной вся-
каго моральнаго элемента [1]). Къ довершенію несчастья, она
внушала тому, кто истратилъ всѣ силы на ея пріобрѣтеніе,
чувство смѣшной гордости. Гордясь мнимымъ знаніемъ, ко-
торое стоило такихъ трудовъ, іудейскій книжникъ относился
къ греческой культурѣ съ тѣмъ же презрѣніемъ, съ какимъ
ученый мусульманинъ нашего времени относится къ европей-
ской цивилизаціи, и которое свойственно католическому бо-
гослову старой школы по отношенію къ свѣтскимъ знаніямъ.
Общимъ свойствомъ этихъ схоластическихъ культуръ является
то, что онѣ притупляютъ умъ ко всему изящному, и воспи-
тываютъ уваженіе лишь къ головоломному ребячеству, на
которое растрачивается вся жизнь и на которое создается
взглядъ, какъ на естественное занятіе людей, сдѣлавшихъ
серьезность своей профессіей [2]).

Этотъ ненавистный міръ не могъ не тяготить весьма сильно
прямую и нѣжную душу и совѣсть сѣверныхъ израильтянъ.
Презрѣніе іерусалимскихъ гражданъ къ галилеянамъ еще
болѣе усиливало эту отчужденность. Въ прекрасномъ храмѣ,
предметѣ всѣхъ ихъ стремленій, они зачастую встрѣчали лишь
притѣсненія. Казалось спеціально для нихъ былъ написанъ
стихъ изъ псалма паломниковъ: „Желаю лучше быть у по-

---

[1]) Объ этомъ можно судить по Талмуду, этому отголоску еврейской схоластики того времени.

[2]) Іосифъ, Ant., XX, XI, 2.

рога въ домѣ Божіемъ“ [1]). Первосвященникъ презрительно усмѣхался, видя ихъ наивную набожность, почти совершенно такъ же, какъ духовенство въ Италіи, освоившееся съ святилищами до фамиліарности, относится съ холодностью и почти съ насмѣшкой къ жаркой вѣрѣ пришедшаго издалека пилигрима. Галилеяне говорили на мѣстномъ довольно испорченномъ нарѣчіи; произношеніе словъ было у нихъ неправильно; они смѣшивали различныя придыханія, откуда происходили недоразумѣнія, надъ которыми было много смѣха [2]). Въ вопросахъ религіи ихъ считали невѣжественными и недостаточно правовѣрными [3]); выраженіе „глупый Галилеянинъ“ стало поговоркой [4]). Считали (и не безъ основанія), что іудейская кровь у нихъ съ сильной примѣсью, и безспорнымъ признавалось, что изъ Галилеи не могло быть пророка [5]). Отодвинутые такимъ образомъ на самыя границы, почти за предѣлы іудаизма, бѣдные галилеяне для поддержанія своихъ надеждъ могли ссылаться лишь на одинъ, довольно плохо истолкованный текстъ изъ Исайи [6]): „Земля Завулонова и земля Неѳалимова, на пути приморскомъ [7]), за Іорданомъ, Галилея языческая! Народъ, сидящій во тьмѣ, увидѣлъ свѣтъ великій, и сидящимъ въ странѣ и тѣни смертной возсіялъ свѣтъ“. Родной городъ Іисуса пользовался, повидимому, особенно

---

[1]) Псалтирь, пс. 83, ст. 11.

[2]) Матѳея, XXVI, 73; Марка, XIV, 70; Дѣянія, II, 7; Вавил Талм., *Эрубинъ*, 53 а и слѣд.; Берешитъ равва, 26 с.

[3]) Мѣсто трактата *Эрубинъ*, цитир. выше; Мишна, *Недаримъ*, II, 4; Іерусал. Талм., *Шаббатъ*, XVI, и до конца; Вавил. Талм., *Вава ватра*, 25 в.

[4]) *Эрубинъ*, loc. cit., 53 в.

[5]) Іоанна, XII, 52. Современная экзегетика доказала, что два или три пророка были родомъ изъ Галилеи; но доводы, которыми эт[illegible] тверждается, во времена Іисуса были неизвѣстны. Относительно [illegible] Иліи см. Іос., Ant., VIII, XIII, 2.

[6]) Исайя, IX, 1—2; Матѳея, IV, 13 и слѣд.

[7]) См. выше, стр. 125. прим. 1.

дурной славой. Говорятъ, народная поговорка гласила: „изъ Назарета можетъ ли быть что доброе?“ [1]).

Необыкновенная скудость природы въ окрестностяхъ Іерусалима, съ своей стороны, должна была увеличивать нерасположеніе Іисуса. Долины здѣсь безводны, почва безплодна и камениста. Когда глазъ встрѣчаетъ впадину Мертваго моря, то видъ открывается до нѣкоторой степени поразительный, но за исключеніемъ этого онъ очень монотоненъ. Одинъ холмъ Мизпа, съ связанными съ нимъ воспоминаніями изъ самой древней исторіи Израиля, привлекаетъ къ себѣ вниманіе. Во времена Іисуса городъ имѣлъ почти тотъ же архитектурный характеръ, какъ и теперь. Въ немъ правда не было древнихъ монументовъ, ибо до династіи Асмонеевъ евреи чуждались почти всякаго рода искусствъ; Іоаннъ Гирканъ началъ украшать его, а Иродъ Великій сдѣлалъ его великолѣпнымъ. Иродовы постройки соперничаютъ съ самыми законченными монументами античнаго міра своимъ грандіознымъ характеромъ, совершенствомъ выполненія и красотой матеріаловъ [2]). Около этой эпохи въ окрестностяхъ Іерусалима воздвигалось много гробницъ, оригинальныхъ по стилю [3]). Стиль этихъ монументовъ былъ греческій, приспособленный къ іудейскимъ обычаямъ, и значительно измѣненный соотвѣтственно ихъ принципамъ. Скульптурные орнаменты на мотивы изъ міра животныхъ, которые Иродъ себѣ позволялъ къ великому неудовольствію ригористовъ, здѣсь были совершенно изгнаны и замѣнены орнаментами изъ растительнаго міра. Пристрастіе древнихъ обитателей Финикіи и Палестины къ монолитнымъ сооруженіямъ, высѣченнымъ въ скалѣ, какъ бы возрождалось въ этихъ оригинальныхъ

---

[1]) Іоанна, I, 46 (слабый авторитетъ).

[2]) Іос., Ант., XV, VIII—XI; В. I., V, V, 6; Марка, XIII, 1—2.

[3]) Такъ назыв. могилы Судей, Авессалома, Захаріи, Іосафата, св. Іакова. Ср. описаніе гробницы Маккавеевъ въ Модинѣ (1 книга Маккавейская, XIII, 27 и слѣд.).

гробницахъ, гдѣ греческіе ордена такъ странно примѣшиваются къ зодчеству троглодитовъ. Іисусъ, смотрѣвшій на произведенія искусства, какъ на пышную выставку тщеславія, относился къ этимъ монументамъ неблагосклонно [1]). Его абсолютный спиритуализмъ и установившееся убѣжденіе, что образъ стараго міра преходящъ, ограничивали его интересы однимъ духовнымъ.

Храмъ въ эпоху Іисуса былъ совсѣмъ новымъ и внѣшняя его отдѣлка была даже не совсѣмъ окончена. Иродъ началъ его перестройку въ 20 и 21 г. до Р. Х., съ цѣлью согласовать его съ характеромъ другихъ сооруженій. Нефъ или корабль храма былъ оконченъ въ восемнадцать мѣсяцевъ, портики за восемь лѣтъ [2]); но пристройки подвигались медленно и были окончены лишь не задолго до взятія Іерусалима [3]). Іисусъ вѣроятно смотрѣлъ на работы, производившіяся здѣсь, не безъ тайнаго неудовольствія. Эти расчеты на продолжительное будущее были какъ бы оскорбленіемъ его близкому пришествію. Болѣе проницательный, нежели невѣрующіе и фанатики, онъ предвидѣлъ, что эти прекрасныя сооруженія очень недолговѣчны [4]).

Въ общемъ храмъ представлялъ чудное по своей внушительности зрѣлище, и нынѣшній *харамъ* [5]), при всей его красотѣ, едва лишь даетъ объ этомъ нѣкоторое представленіе.

---

1) Матѳея, XXIII, 29; XXIV, 1 и слѣд.; Марка, XIII, 1 и слѣд.; Луки, XXI, 5 и слѣд. Ср. Книга Еноха, XCVII, 13—14; Вавилонскій Талмудъ, *Шаббатъ*, 33 в.

2) Іосифъ, Ant., XV, XI, 5, 6.

3) Іос., Ant., XX, IX, 7; Іоанна, II. 20.

4) Матѳея, XXIV, 2; XXVI, 61; XXVII, 40; Марка, XIII, 2; XIV, 58; XV, 29; Луки, XXI, 6; Іоанна, II, 19, 20.

5) *Вогюэ*, Le Temple de Iérusalem (Paris, 1864). Нѣтъ сомнѣнія, что храмъ и его ограда занимали мѣсто мечети Омара и *харама*, или священнаго двора, окружающаго мечеть. Площадка харама въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ, именно въ томъ мѣстѣ, куда евреи ходятъ плакать, составляетъ самый цоколь Иродова храма.

Его дворы и прилегающіе къ нимъ портики были мѣстомъ ежедневнаго стеченія толпы народа, такъ что все это громадное пространство служило въ одно и тоже время храмомъ, форумомъ, судомъ, университетомъ. Здѣсь сосредоточивались всѣ пререканія между собой іудейскихъ школъ, все каноническое обученіе, судебные процессы и гражданскія дѣла словомъ вся дѣятельность націи [1]). Здѣсь постоянно шелъ бой аргументами, какъ на аренѣ для словесныхъ турнировъ, оглашавшейся софизмами и хитросплетеніями. Такимъ образомъ храмъ имѣлъ большое сходство съ мусульманской мечетью. Римляне, относившіеся въ эту эпоху съ полнымъ уваженіемъ къ чужеземнымъ религіямъ, пока онѣ оставались на своей собственной территоріи [2]), не позволяли себѣ даже входить въ это святилище; надписи на греческомъ и латинскомъ языкахъ указывали, до какого пункта разрѣшался доступъ для не евреевъ [3]). Но башня Антонія, главный центръ римской власти, господствовала надъ всей оградой и позволяла видѣть все, что внутри нея происходитъ [4]). Полицейская власть въ храмѣ принадлежала іудеямъ: особый комендантъ завѣдывалъ его управленіемъ, приказывалъ отпирать и затворять ворота, не позволялъ входить на паперть съ палкой въ рукѣ, въ пыльной обуви, съ какой либо ношей, или съ цѣлью сократить путь [5]). Особенно тщательно наблюдалось за тѣмъ, чтобы во внутренніе портики не вошелъ кто либо въ состояніи, по закону считающемся нечистымъ. Среди перваго двора были устроены особыя помѣщенія для женщинъ, огороженныя деревянными заборами.

---

[1]) Луки, II, 46 и слѣд.; Мишна, *Синедріонъ*, X, 2; Вав. Талм., *Синедріонъ*, 41 а; *Рошъ хашана*, 31 а.

[2]) Светоній, Aug., 93.

[3]) Филонъ, Legatio ad Caium, § 31; Іос., B. I., V, V, 2; VI, II, 4; Дѣянія, XXI, 28.

[4]) Слѣды этой башни и нынѣ видны въ южной части харама.

[5]) Мишна, *Беракотъ*, IX, 5; Вавил. Талм., *Іебамотъ*, 6 в.; Марка, XI, 16.

Здѣсь Іисусъ проводилъ всѣ дни во время своего пребыванія въ Іерусалимѣ. На праздникахъ въ этомъ городѣ происходило чрезвычайное стеченіе народа. Пилигримы группами съ десять-двадцать человѣкъ заполоняли все и жили той безпорядочной толпой, въ которой такъ нравится жить восточному человѣку [1]). Іисусъ терялся въ этой толпѣ и его бѣдные галилеяне, группировавшіеся вокругъ него, производили здѣсь мало впечатлѣнія. Вѣроятно онъ чувствовалъ, что находится здѣсь среди враждебнаго міра, который отнесется къ нему съ полнымъ презрѣніемъ. Все, что онъ видѣлъ кругомъ себя, раздражало его. Самый храмъ, какъ и вообще всякія мѣста, усиленно посѣщаемыя благочестивыми людьми, представлялъ собой не слишкомъ поучительное зрѣлище. Обряды богослуженія сопровождались довольно отталкивающими подробностями, и особенно торговлей, ради которой въ священной оградѣ устроился цѣлый рядъ лавокъ. Здѣсь продавали жертвенныхъ животныхъ; тутъ же были мѣняльныя лавки; по временамъ можно было вообразить себя на базарѣ [2]). Низшіе служителя при храмѣ разумѣется исправляли свои обязанности со всей вульгарностью и отсутствіемъ религіознаго чувства, свойственными низшему духовенству всѣхъ временъ. Это пренебрежительное и небрежное обращеніе съ священными предметами оскорбляло религіозное чувство Іисуса, иногда доходившее до щепетильности [3]). Онъ говорилъ, что домъ молитвы обращенъ въ притонъ воровъ. Однажды онъ не могъ сдержать своего негодованія, разогналъ ударами бича изъ веревокъ этихъ низкихъ продавцовъ и опрокинулъ ихъ столы [4]). Вообще онъ не любилъ

[1]) Іосифъ, В. І., II, XIV, 3; VI, IX, 3. Ср. Псалтирь, пс. 132.

[2]) Вавилонскій Талм., *Рошъ хашана*, 31а; *Синедріонъ*, 41а; *Шаббатъ*, 15а.

[3]) Марка, XI, 16.

[4]) Матѳея, XXI, 12 и слѣд.; Марка, XI, 15 и слѣд.; Луки, XIX, 45 и слѣд.; Іоанна, II, 14 и слѣд.

рама. Въ усвоенномъ имъ культѣ своего Отца не было мѣста этимъ сценамъ, годнымъ для бойни. Всѣ эти старинныя удейскія установленія ему не нравились, и онъ страдалъ, когда былъ вынужденъ сообразоваться съ ними. Такимъ образомъ храмъ или мѣсто его не внушали какихъ-либо благочестивыхъ чувствъ на первыхъ порахъ христіанства іудействующимъ христіанамъ. Истинно новые люди испытывали отвращеніе къ этой античной святынѣ. Константинъ и первые христіанскіе императоры приказали сохранить языческія постройки Адріана [1]). Только враги христіанства, въ родѣ Юліана, почитали это мѣсто [2]). Когда Омаръ вступилъ въ Іерусалимъ, мѣсто, гдѣ находился храмъ, было преднамѣренно загрязнено изъ ненависти къ евреямъ [3]). И только исламъ, т. е. въ нѣкоторомъ родѣ возстановленіе іудаизма въ томъ, что въ немъ наиболѣе характерно дли семитической расы, воздалъ ему почести. Это мѣсто всегда считалось антихристіанскимъ.

Гордость іудеевъ довершила недовольство ими Іисуса и сдѣлало для него пребываніе въ Іерусалимѣ тягостнымъ. По мѣрѣ того какъ созрѣвали великія идеи Израиля, первосвященничество приходило въ упадокъ. Учрежденіе синагогъ создало огромное преимущество истолкователю Закона, книжнику, передъ священникомъ. Священники существовали лишь въ Іерусалимѣ, да и здѣсь роль ихъ сводилась къ выполненію лишь обрядовъ, подобно нашимъ приходскимъ священникамъ, лишеннымъ права проповѣди; такимъ образомъ они были оттѣснены на задній планъ ораторомъ синагоги, казуистомъ, *соферомъ* или книжникомъ, хотя онъ былъ и міряниномъ. Знаменитые талмудисты не были священниками; по понятіямъ того времени это были ученые. Правда, іерусалимскій

---

1) Itin. a Burdig. Hierus, стр. 152 (изд. Шотта); Св. Іеремія, у Исайи, II, 8, и у Матѳея, XXIV, 15.

2) Амміенъ Марцеллинъ, XXIII, 4.

3) Евтихій, Ann., II. 286 и слѣд. (Оксфордъ, 1659).

первосвященникъ занималъ въ глазахъ націи весьма высокій постъ, но онъ отнюдь не стоялъ во главѣ религіознаго движенія. Верховный жрецъ, достоинство котораго было унижено Иродомъ [1]), все болѣе и болѣе становился римскимъ сановникомъ [2]), и его часто смѣщали для того, чтобы дать другимъ воспользоваться выгодами его званія. Почти всѣ священники были противниками фарисеевъ, этихъ чрезвычайно экзальтированныхъ ревнителей изъ мірянъ, и принадлежали къ сектѣ саддукеевъ, т. е. принадлежали къ той невѣрующей аристократіи, которая образовалась при храмѣ, жила на счетъ алтаря, но ясно видѣла его суетность [3]). Жреческая каста на столько обособилась отъ національнаго чувства и отстала отъ великаго религіознаго направленія, увлекавшаго за собой народъ, что самое названіе „саддукей" (*садоки*), сперва означавшее просто члена жреческаго рода Садока, сдѣлалось синонимомъ „матеріалиста" и „эпикурейца".

Со временъ царствованія Ирода Великаго въ развращеніи первосвященника принялъ участіе еще болѣе пагубный элементъ. Иродъ, увлекшись любовью къ Маріамнѣ, дочери нѣкоего Симона, сына Воета изъ Александріи, и желая жениться на ней (около 28 г. до Р. Х.), не нашелъ другого средства облагородить своего будущаго тестя и возвысить его до себя, какъ сдѣлавъ его первосвященникомъ. Этотъ родъ интригановъ и держалъ въ своихъ рукахъ, почти безъ перерыва, въ теченіе тридцати пяти лѣтъ верховную жреческую власть [4]). Находясь въ тѣсной связи съ царствующимъ домомъ, онъ потерялъ эту власть только послѣ сверженія Архелая, и снова получилъ ее (въ 42 г. по Р. Х.), когда

---

1) Іосифъ, Ant., XV, III, 1, 3.

2) Іосифъ, Ant., XVIII, II.

3) Дѣянія, IV, I и слѣд.; V, 17; XIX, 14; Іос., Ant., XX, IX, I; *Пиркэ Аботъ*, 1, 10. Ср. Тосифта, *Менахотъ*, II.

4) Іос. Ant., XV, IX, 3; XVIII, VI, 4; XIII, 1; XVIII, I, 1; II, 1; XIX, VI 2; VIII, 1.

Иродъ Агриппа на нѣкоторое время успѣлъ возстановить все, сдѣланное Иродомъ Великимъ. Такимъ образомъ, подъ именемъ *Воетусимъ* [1]) была создана новая жреческая аристократія, весьма свѣтская, очень мало набожная, почти сливавшаяся съ саддукеями. Въ Талмудѣ и въ сочиненіяхъ раввиновъ *Воетусимы* изображаются въ видѣ невѣрующихъ и всегда отожествляются съ саддукеями [2]). Въ результатѣ всего этого вокругъ храма образовался въ своемъ родѣ римскій дворъ, жившій политикой, отличавшійся малою склонностью къ эксцессамъ религіознаго усердія, даже опасавшійся его, не желавшій ничего слышать о святыхъ людяхъ и новаторахъ, ибо онъ существовалъ на счетъ установившейся рутины. Эти священники эпикурейцы не обладали пылкостью фарисеевъ, они жаждали лишь спокойствія; ихъ безбожность въ вопросахъ нравственности, ихъ холодная нерелигіозность и возмущали Іисуса. Такимъ образомъ, при всей разницѣ между ними первосвященники и фарисеи сливались во едино въ его антипатіи къ нимъ. Но, будучи чужеземцемъ и не имѣя достаточнаго кредита, онъ долженъ былъ долго таить въ самомъ себѣ свое неудовольствіе и сообщать свои чувства только избранному обществу, которое его сопровождало.

---

[1]) Это названіе встрѣчается лишь въ еврейскихъ документахъ. Я полагаю, что подъ „Иродіанами“ въ Евангеліи именно разумѣются *воетусимы*. Глава у Епифана (haer., XX) объ иродіанахъ имѣетъ мало значенія.

[2]) *Аботъ Натанъ*, 5; *Соферимъ*, III, 5; Мишна, *Менахотъ*, X, 3; Вавил. Талм., *Шаббатъ*, 118а. Названіе *воетусимъ* въ талмудическихъ книгахъ часто чередуется съ саддукеями или съ словомъ *минимъ* (еретики). Ср., Тосифта, *Іома*, I, въ Іерус. Талм., подъ тѣмъ же заглавіемъ, I, 5, и въ Вавил. Талм., то-же заглавіе, 19в; Тос. *Сукка*, III, въ Вав. Талм., то-же заглавіе, 43в; Тос., ibid., дальше, съ Вавил. Талм., тоже заглавіе, 48в; Тос., *Рошъ хашана*, 1, съ Мишна, *Хагига*, II, 4 и Мегилла Таанитъ, I; Тос., *Іадаимъ*, II, съ Іерус. Талм., *Вава ватра*, VIII, 4, съ Вавил. Талм., тоже заглавіе, 115в и съ Мегиллатъ Таанитъ, V. Ср. также Марка, VIII, 15, съ Матѳеемъ, XVII, 16.

Однако, передъ своимъ довольно продолжительнымъ последнимъ пребываніемъ въ Іерусалимѣ, окончившимся его смертью, Іисусъ попытался заставить выслушать себя. Онъ началъ проповѣдывать; о немъ заговорили; заговорили и о нѣкоторыхъ дѣлахъ его, которыя почитались чудесами. Но въ результатѣ не создалось ни церкви въ Іерусалимѣ, ни группы іерусалимскихъ учениковъ. Прекрасный учитель, прощавшій всѣмъ грѣхи, лишь бы его любили, не могъ найти особеннаго сочувствія въ этомъ святилищѣ суетныхъ диспутовъ и устарѣлыхъ жертвоприношеній. Все ограничилось тѣмъ, что у него создались нѣкоторыя, добрыя отношенія, плодами которыхъ онъ впослѣдствіи могъ воспользоваться. Нѣтъ основанія думать, что именно съ той поры завязалось его знакомство съ Виѳанской семьей, доставившее ему столько утѣшеній среди тяжкихъ испытаній послѣднихъ мѣсяцевъ его жизни. Но быть можетъ тогда начались его отношенія съ Маріей, матерью Марка, въ домѣ которой нѣсколько лѣтъ спустя происходило собраніе апостоловъ, и съ самимъ Маркомъ [1]). Весьма рано также онъ обратилъ на себя вниманіе Никодима, богатаго фарисея, члена синедріона, человѣка весьма уважаемаго въ Іерусалимѣ [2]). Этотъ, повидимому, честный и добродѣтельный человѣкъ почувствовалъ влеченіе къ молодому Галилеянину. Не желая себя компрометировать, онъ пришелъ къ Іисусу ночью и имѣлъ съ нимъ весьма продолжительную бесѣду [3]). Безъ сомнѣнія онъ вынесъ изъ

---

[1]) Марка, XIV, 51—52, гдѣ νεανίσκος, повидимому, и есть Маркъ; Дѣянія, XII, 12.

[2]) Повидимому, о немъ упоминается въ Талмудѣ. Вавил. Талм., *Таанитъ*, 20а, *Гиттинъ*, 56а; *Кетуботъ*, 66в; *Аботъ Натанъ*, VII; Мидрашъ равва, *Эка*, 64а. Въ *Таанитъ* онъ отожествляется съ Бунаи, который, по *Синедріону* (см. выше, стр. 157, примѣч. 3) былъ ученикомъ Іисуса. Если же, однако, Бунаи то же лицо, что и Бану у Іосифа, то это сопоставленіе не имѣетъ никакого значенія.

[3]) Іоанна, III, 1 и слѣд.; VII, 50. Текстъ этой бесѣды былъ вымы-

нея благопріятное впечатлѣніе, ибо впослѣдствіи онъ защищалъ Іисуса отъ нападокъ своихъ собратьевъ [1]), а послѣ смерти Іисуса мы видимъ, что онъ благочестиво заботится объ останкахъ своего учителя [2]). Никодимъ не сдѣлался христіаниномъ; онъ думалъ, что его положеніе обязываетъ его не присоединяться къ революціонному движенію, которое еще не насчитывало выдающихся людей въ числѣ своихъ приверженцевъ. Но онъ былъ очень дружески расположенъ къ Іисусу и оказывалъ ему услуги, хотя и не былъ въ состояніи спасти его отъ смертнаго приговора, который въ ту эпоху, до какой мы теперь дошли въ нашемъ разсказѣ, былъ уже какъ бы подписанъ.

Что касается знаменитыхъ ученыхъ своего времени, то Іисусъ, повидимому, не имѣлъ съ ними отношеній. Гиллель и Шаммаи въ то время уже умерли. Самымъ крупнымъ авторитетомъ былъ тогда Гамаліилъ, внукъ Гиллеля. Это былъ человѣкъ либеральный и свѣтскій, преданный мірскимъ наукамъ, склонный къ терпимости, благодаря своимъ связямъ съ высшимъ обществомъ [3]). Въ противуположность съ фарисеями, которые ходили, набросивъ на голову покрывало или закрывъ глаза, онъ смотрѣлъ на женщинъ, даже на язычницъ [4]). Это ему прощалось, однако, также какъ и знаніе греческаго языка, въ виду его близости ко двору [5]). Послѣ смерти Іисуса онъ, говорятъ, выражалъ весьма умѣренные взгляды на счетъ новой секты [6]). Изъ его школы вышелъ св.

шленъ авторомъ четвертаго Евангелія; тѣмъ не менѣе едва-ли можно допустить предположеніе, что тѣмъ же авторомъ вымышлена и самая личность Никодима, или по меньшей мѣрѣ роль, которую онъ игралъ въ жизни Іисуса.

1) Іоанна, VII, 50 и слѣд.

2) Іоанна, XIX, 39.

3) Мишна, *Вава метсіа*, V, 8; Вавил. Талм., *Сота*, 49 в.

4) Іерус. Талм., *Веракотъ*, IX, 2.

5) *Сота*, loc. cit., и *Вава кама*, 83 а.

6) Дѣянія, V, 34 и слѣд.

Павелъ [1]). Но весьма вѣроятно, что Іисусъ никогда въ ней не бывалъ.

Іисусъ вынесъ изъ Іерусалима, по крайней мѣрѣ, одно убѣжденіе, которое съ тѣхъ поръ крѣпко въ немъ укоренилось, это, что нечего и думать о соглашеніи съ древнимъ іудейскимъ культомъ. Ему представлялось абсолютно необходимымъ уничтоженіе жертвоприношеній, которыя внушали ему такое отвращеніе, упраздненіе нечестиваго и высокомѣрнаго священства, и въ общемъ смыслѣ, отмѣна Закона. Съ этого момента онъ является уже не реформаторомъ, а разрушителемъ іудаизма. Нѣкоторые изъ послѣдователей мессіанскихъ идей уже допускали, что Мессія дастъ новый законъ, который будетъ общимъ для всего міра [2]). Ессеніане, которые были почти не евреи, тоже относились, повидимому, равнодушно къ храму и моисеевымъ правиламъ. Но то была единичная смѣлая попытка, а не общепризнанная. Іисусъ первый осмѣлился сказать, что, начиная съ него, или, вѣрнѣе, начиная съ Іоанна [3]), Законъ уже не существуетъ. Если иногда онъ пользовался болѣе скромными выраженіями на этотъ счетъ [4]), то единственно, чтобы не слишкомъ задѣвать установившіеся предразсудки. Но, когда его вынуждали къ тому, онъ приподнималъ всѣ завѣсы и объявлялъ, что Законъ болѣе не имѣетъ никакой силы. Въ этомъ отношеніи онъ прибѣгалъ къ сильнымъ сравненіямъ: „Никто къ ветхой одеждѣ не приставляетъ заплаты изъ небѣленной ткани, говорилъ онъ. Не вливаютъ также вина молодого въ мѣхи

---

1) Дѣянія, XXII, 3.

2) Orac. sibyll., 1, III, 573 и сл.; 715 и сл.; 756—758. Ср. Таргумъ Іонаѳана, Исайя, XII, 3.

3) Луки, XVI, 16. Слова Матѳея, XI, 12—13 менѣе ясны, но они не могутъ имѣть иного значенія.

4) Матѳея, V, 17—18 (Ср. Вавил. Талм., *Шаббатъ*, 116 в.). [illegible] нисколько не противорѣчитъ другимъ мѣстамъ, въ которых [illegible] чается уничтоженіе Закона. Оно означаетъ только, что всѣ обр[illegible] хаго Завѣта осуществились въ Іисусѣ. Ср. Луки, XVI, 17.

ветхіе“ [1]). Въ смыслѣ практическомъ это было его главнымъ мастерскимъ, творческимъ дѣяніемъ. Этотъ храмъ изгоняетъ изъ своей ограды всѣхъ не-евреевъ высокомѣрными надписями. Іисусъ это отрицаетъ. Этотъ сухой, узкій, немилосердный Законъ созданъ только для сыновъ Авраама. Іисусъ утверждаетъ, что каждый человѣкъ при добромъ желаніи, каждый, кто его принимаетъ и любитъ, есть сынъ Авраамовъ [2]). Расовая гордость представляется ему главнымъ врагомъ, съ которымъ слѣдуетъ бороться. Другими словами—Іисусъ уже не іудей. Онъ революціонеръ до крайней степени; онъ призываетъ всѣхъ людей къ культу, основанному на томъ ихъ общемъ свойствѣ, что всѣ они дѣти Божіи. Онъ провозглашаетъ права человѣка, а не права іудея; религію человѣка, а не религію іудея; освобожденіе человѣка, а не освобожденіе іудея [3]). О, какъ все это далеко отъ Іуды Гавлонита, отъ Матѳія Марголота, проповѣдывавшихъ революцію во имя Закона! Основана религія человѣчества, но основана не на крови, а на сердцѣ. Міръ переросъ Моисея; нѣтъ смысла въ существованіи храма и онъ осужденъ безповоротно.

---

[1]) Матѳея, IX, 16—17; Луки, V, 36 и слѣд.

[2]) Луки, XIX, 9.

[3]) Матѳея, XXIV, 14; XXVIII, 19; Марка, XIII, 10; XVI, 15; Луки XXIV, 47.

ГЛАВА XIV

Отношенія Іисуса къ язычникамъ и самаритянамъ

Будучи послѣдовательнымъ въ своихъ принципахъ, Іисусъ презиралъ все, что не было религіей сердца. Суетныя обрядности ханжей [1]), внѣшній ригоризмъ, который ищетъ спасенія въ кривляньи, имѣли въ лицѣ его смертельнаго врага. Онъ мало заботился о постахъ [2]). Онъ предпочиталъ жертвоприношенію прощеніе обидъ [3]). Любовь къ Богу, милосердіе, взаимное прощеніе—вотъ весь его законъ [4]). Что можетъ быть менѣе связано съ священствомъ? Священникъ, по самому своему назначенію, всегда побуждаетъ къ общественному богослуженію, въ которомъ его участіе обязательно; онъ отвращаетъ отъ личной молитвы, которая есть способъ обходиться безъ него. Мы тщетно стали бы искать въ Евангеліи какихъ либо религіозныхъ обрядовъ, установленныхъ Іисусомъ. Крещеніе для него имѣетъ лишь второстепенное значеніе [5]), что же касается молитвы, онъ требуетъ только одного, чтобы она была отъ сердца. Какъ это всегда бываетъ, многіе думали замѣнить у людей слабыхъ духомъ

---

[1]) Матѳея, XV, 9.

[2]) Матѳея, IX, 14; XI, 19.

[3]) Матѳея, V, 23 и слѣд.; IX, 13; XII, 7.

[4]) Матѳея, XXII, 37 и слѣд.; Марка, XII, 29 и слѣд.; Лук слѣд.

[5]) Матѳея, XXVIII, 19, и Марка, XVI, 16, не передаютъ в ныхъ словъ Іисуса. Ср. Дѣянія, X, 47; 1 посл. Коринѳ., I 17.

истинную любовь къ добру одними добрыми пожеланіями и воображали достигнуть царства небеснаго, называя Іисуса: *равви, равви*; онъ отвергалъ такихъ людей и говорилъ, что его религія заключается въ дѣланіи добра [1]). Часто онъ цитировалъ текстъ изъ Исайи: „люди сіи чтутъ меня языкомъ, сердце же ихъ далеко отстоитъ отъ меня [2]).

Суббота была главнымъ пунктомъ, на которомъ строилось все зданіе фарисейской мелочности и щепетильности. Это античное и превосходное учрежденіе сдѣлалось поводомъ для жалкихъ казуистическихъ диспутовъ и источникомъ тысячи суевѣрій [3]). Вѣрили, что самая природа соблюдаетъ субботу; всѣ перемежающіеся источники считались „субботниками" [4]). Іисусъ очень любилъ побивать своихъ противниковъ на этомъ пунктѣ [5]). Онъ открыто нарушалъ субботу и на упреки, которые ему дѣлали по этому поводу, отвѣчалъ тонкими насмѣшками. На еще болѣе вѣскихъ основаніяхъ онъ презиралъ цѣлую кучу современныхъ правилъ, прибавленныхъ къ Закону преданіемъ, и поэтому наиболѣе милыхъ сердцу ханжи. Омовенія, черезъ-чуръ мелочная разборчивость въ отношеніи того, что чисто и нечисто, встрѣчали въ немъ безпощаднаго врага: „Можете ли вы тоже омыть вашу душу?— говорилъ онъ.—Не то, что входитъ въ уста оскверняетъ человѣка, но то, что выходитъ изъ его сердца". Фарисеи, проповѣдники этого лицемѣрія, были мишенью всѣхъ его ударовъ. Онъ обвинялъ ихъ въ томъ, что они выходятъ за предѣлы Закона, выдумываютъ неисполнимыя правила, чтобы

---

[1]) Матѳея, VII, 21; Луки, VI, 46.

[2]) Матѳея, XV, 8; Марка, VII, 6. Ср. Исайи, XXIX, 13.

[3]) См. въ особенности Мишна, *Шаббатъ*, и Livre des Jubilés (перев. съ эѳіопскаго Эвальда въ его Jahrbücher, годъ 2 и 3).

[4]) Іос., B. I, VII, V, 1; Плиній, H. N., XXXI, 18. Ср. Томсонъ, The Land and the Book, I, 406 и слѣд.

[5]) Матѳея, XII, 1—14; Марка, II, 23—28; Луки, VI, 1—5; XIII, 4 и сл. XIV, 1 и слѣд.

создать для людей случаи согрѣшить: „Слѣпые, вожди слѣпыхъ, говорилъ онъ, а если слѣпой ведетъ слѣпого, то оба упадутъ въ яму“.—„Зміи, порожденія ехиднины, прибавлялъ онъ, они говорятъ только о добромъ, а внутри злы; они заставляютъ лгать пословицу: отъ избытка сердца говорятъ уста“ [1]).

Онъ не достаточно зналъ язычниковъ, чтобы расчитывать на ихъ обращеніи создать что либо прочное. Въ Галилеѣ было много язычниковъ, но общественнаго, организованнаго культа ложныхъ боговъ, повидимому, не существовало [2]). Іисусъ могъ наблюдать развитіе такого культа въ полномъ блескѣ въ странѣ Тира и Сидона, въ Кесареѣ Филиппійской, и въ Декаполисѣ [3]). Онъ мало обращалъ на него вниманія. У него никогда не замѣчалось этого утомительнаго педантизма евреевъ его времени, этихъ декламацій, направляемыхъ противъ идолопоклонства, столь обычныхъ у его единовѣрцевъ послѣ Александра и наполняющихъ, напр., всю книгу „Премудрости“ [4]). Въ язычникахъ его поражаетъ не идолопоклонство, а ихъ рабство [5]). Молодой еврейскій демократъ, истинный братъ въ этомъ отношеніи Іуды Гавлонита, не признавалъ иного господина, кромѣ Бога, и его очень оскорбляли почести, которыя воздавались царскимъ особамъ, и

---

[1]) Матѳея, XII, 34; XV, 1 и сл.; 12 и сл.; XXIII вся; Марка, VII, 1 и сл.; 15 и сл.; Луки, VI, 45; XI, 39 и слѣд.

[2]) Я думаю, что язычники въ Галилеѣ находились главнымъ образомъ на ея границахъ, въ Кадесѣ напр., самое же сердце страны, за исключеніемъ города Тиверіады, было іудейскимъ. Линія, которой кончаются развалины храмовъ и съ которой начинаются развалины синагогъ, въ настоящее время ясно обозначается на высотѣ озера Чулехъ (Самахонитскаго). Слѣды языческой скульптуры, будто бы открытые въ Телль-Хумѣ, сомнительны. Берегъ моря, въ частности городъ д'Акръ, не входилъ въ составъ Галилеи.

[3]) См. выше, стр. 113—114.

[4]) Главы XIII и слѣд.

[5]) Матѳея, XX, 25; Марка, X, 42; Луки, XXII, 25.

лживые титулы, которые имъ часто присвоивались. Помимо этого, въ большинствѣ случаевъ, гдѣ онъ встрѣчается съ язычниками, онъ обнаруживаетъ къ нимъ большую снисходительность; иногда онъ умышленно возлагаетъ на нихъ больше надеждъ, нежели на іудеевъ [1]). На нихъ перенесется царство Божіе. „Когда хозяинъ недоволенъ тѣми, кому отдалъ въ наемъ свой виноградникъ, что онъ дѣлаетъ? Онъ отдаетъ его другимъ, которые будутъ приносить ему добрые плоды" [2]). Іисусъ тѣмъ болѣе долженъ былъ держаться этой идеи, что, по іудейскимъ понятіямъ, обращеніе язычниковъ является однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ признаковъ пришествія Мессіи [3]). На празднествѣ въ его царствѣ Божіемъ у него возлягутъ рядомъ съ Авраамомъ, Исаакомъ и Іаковомъ люди, пришедшіе отъ всѣхъ четырехъ странъ свѣта, между тѣмъ какъ законные наслѣдники царства будутъ отвергнуты [4]). Правда, нерѣдко можетъ показаться, что въ предписаніяхъ, которыя онъ даетъ своимъ ученикамъ, заключается совершенно противуположная тенденція: онъ какъ будто предписываетъ имъ проповѣдывать спасеніе исключительно правовѣрнымъ евреямъ [5]); онъ отзывается объ язычникахъ сообразно съ іудейскими предубѣжденіями [6]). Но надо припомнить, что его ученики, узкій умъ которыхъ не былъ достаточно воспріимчивъ къ этой высшей индифферентности по отношенію къ достоинству сыновъ Авраамовыхъ, легко могли измѣнить предписанія своего учителя въ духѣ своихъ соб-

---

1) Матѳея, VIII, 5 и слѣд.; XV, 22 и слѣд.; Марка, VII, 25 и слѣд. Луки, IV, 25 и слѣд.

2) Матѳея, XXI, 41; Марка, XII, 9; Луки, XX, 16.

3) Исайя, II, 2 и слѣд.; LX; Амоса, IX, 11 и слѣд.; Іереміи, III, 17; Малахіи, 1, 11; Товита, XIII, 13 и слѣд. Orac. sibyll., III, 715 и сл. Ср. Матѳея, XXIV, 14; Дѣявія, XV, 15 и слѣд.

4) Матѳея, VIII, 11—12; XXI, 33 и слѣд.; XXII, 1 и слѣд.

5) Матѳея, VII, 6; X, 5—6; XV, 24; XXI, 43.

6) Матѳея, V, 46 и слѣд.; VI, 7, 32; XVIII, 17; Луки, VI, 32 и слѣд.; XII, 30.

ственныхъ идей [1]). Сверхъ того весьма возможно, что Іисусъ самъ нѣсколько видоизмѣнялъ свое отношеніе къ язычникамъ, точно также какъ Магометъ отзывается въ Коранѣ объ іудеяхъ, то съ самымъ высокимъ уваженіемъ, то съ крайней жестокостью, смотря по тому, надѣется ли онъ привлечь ихъ къ себѣ или нѣтъ. Дѣйствительно, преданіе приписываетъ Іисусу два совершенно противуположныхъ правила прозелитизма, которыми онъ могъ пользоваться поочередно: „Кто не противъ васъ, тотъ за васъ".—„Кто не со мной, тотъ противъ меня [2])". Страстная борьба почти неизбѣжно влечетъ за собой такого рода противорѣчія.

Несомнѣнно, что среди своихъ учениковъ онъ насчитывалъ много такихъ людей, которыхъ іудеи называли „эллинами" [3]). Это слово имѣло въ Палестинѣ весьма различное значеніе. Такъ назывались то язычники, то іудеи, умѣющіе говорить по-гречески и живущіе среди язычниковъ [4]), то люди языческаго происхожденія, обращенные въ іудаизмъ [5]). Вѣроятно у этой послѣдней категоріи эллиновъ Іисусъ пользовался наибольшей симпатіей [6]). Присоединеніе къ іудаизму имѣло много степеней, но прозелиты всегда оставались въ состояніи болѣе низкомъ, нежели кровные іудеи. Тѣ, о которыхъ идетъ здѣсь рѣчь, назывались „прозелитами вратъ", или „людьми богобоязненными", и они подчинялись правиламъ

---

1) Въ этомъ насъ убѣждаетъ то обстоятельство, что несомнѣнно подлинныя слова Іисуса, Λόγια Матѳея, носятъ характеръ всеобщей морали и нисколько не отзываются іудейскимъ ханжествомъ.

2) Матѳея, XII, 30; Марка, IX, 39; Луки, IX, 50; XI, 23.

3) Іосифъ утверждаетъ это категорически (Ant., XVIII, III, 3) и нѣтъ основанія предполагать здѣсь поддѣлки въ его текстѣ. Ср. Іоанна, VII, 35; XII, 20—21.

4) Іерус. Талм., *Сота*, VIII, 1.

5) См. въ особенности Іоанна, VII, 35; XII, 20; Дѣянія, XIV, 1; XVII, 4; XVIII, 4; XXI, 28.

6) Іоанна, XII, 20; Дѣянія, VIII, 27.

Ноя, а не Моисея [1]). Самая приниженность ихъ была безъ сомнѣнія причиной ихъ сближенія съ Іисусомъ и, благодаря ей, онъ относился къ нимъ благосклонно.

То же самое отношеніе было у него и къ Самаритянамъ. Самарія, втиснутая на подобіе острова между двумя большими провинціями іудаизма (Іудея и Галилея), образовала въ Палестинѣ нѣкотораго рода клинъ, гдѣ еще сохранялся древній культъ Гаризима, родственнаго и соперничавшаго съ культомъ Іерусалима. Эта бѣдная секта, не обладавшая ни геніемъ, ни мудрой организаціей іудаизма въ истинномъ смыслѣ этого слова, встрѣчала у іерусалимскихъ іудеевъ крайне жестокое къ себѣ отношеніе [2]). Ее ставили на одну доску съ язычниками, но относились къ ней съ еще большею ненавистью [3]). Изъ духа противорѣчія Іисусъ былъ къ ней особенно расположенъ. Часто онъ даже предпочитаетъ Самаритянъ правовѣрнымъ іудеямъ. Если же въ другихъ случаяхъ онъ какъ бы запрещаетъ своимъ ученикамъ идти къ нимъ съ проповѣдью, оставляя свое Евангеліе для чистыхъ израильтянъ [4]), то и здѣсь безъ сомнѣнія такое предписаніе вызывалось обстоятельствами и получило въ глазахъ апостоловъ слишкомъ абсолютное значеніе. Дѣйствительно, иногда Самаритяне дурно его принимали, ибо предполагали, что и онъ проникнутъ предубѣжденіями своихъ единовѣрцевъ [5]); совершенно также въ наши дни свободомыслящій европеецъ встрѣчается съ мусульманами, какъ врагъ, ибо они пред-

---

[1]) Мишна, *Вава метсія*, IX, 12; Вавил. Талм., *Синедр.*, 56 в. Дѣянія, VIII, 27; X, 2, 22, 35; XIII, 16, 26, 43, 50; XVI, 14; XVII, 4, 17; XVIII, 7; Посл. Галат., II, 3; Іос., Ant., XIV, VII, 2; Леви, Epigr. Beiträge zur Gesch. der Iuden, стр. 311 и слѣд.

[2]) Екклезіастъ, L, 27—28; Іоанна, VIII, 48, Іос., Ant., IX, XIV, 3; XI, VIII, 6; XII, V, 5; Іерус. Талм., *Абода цара*, V, 4; *Песахимъ*, I, 1.

[3]) Матѳея, X, 5; Луки, XVII, 18; Ср. Вавил. Талм., *Холинъ*, 6а.

[4]) Матѳея X, 5—6.

[5]) Луки, IX, 53.

полагаютъ въ немъ всегда христіанина фанатика. Іисусъ умѣлъ стоять выше подобныхъ недоразумѣній [1]). Повидимому, въ Сихемѣ у него было нѣсколько учениковъ и онъ провелъ здѣсь по меньшей мѣрѣ два дня [2]). Въ одномъ случаѣ онъ нашелъ благодарность и истинное милосердіе только у самаритянина [3]). Притча о раненомъ человѣкѣ на дорогѣ въ Іерихонъ принадлежитъ къ числу прекраснѣйшихъ притчъ. Проходитъ священникъ, видитъ раненаго и продолжаетъ свой путь. Проходитъ левитъ и тоже не останавливается. И сжалился надъ нимъ самаритянинъ, который подошелъ къ нему, помазалъ ему масломъ его раны, перевязалъ ихъ [4]). Отсюда Іисусъ заключаетъ, что истинное братство между людьми создается милосердіемъ, а не религіозными убѣжденіями. „Ближнимъ" для іудея является прежде всего единовѣрецъ [5]), а для Іисуса человѣкъ милосердный къ себѣ подобному безъ различія секты. Братство между людьми въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова проповѣдывается во всѣхъ его поученіяхъ.

Эти мысли, тѣснившіяся въ головѣ Іисуса при выходѣ его изъ Іерусалима, нашли себѣ яркое выраженіе въ одномъ эпизодѣ, который относятъ именно къ его обратному пути изъ Іерусалима [6]). Дорога изъ Іерусалима въ Галилею прохо-

---

[1]) Луки, IX, 56.

[2]) Іоанна, IV, 39—43. Все это подвержено нѣкоторому сомнѣнію, благодаря тому, что только Лука и авторъ четвертаго Евангелія, которые оба были анти-іудейскаго направленія и потому старались доказать, что Іисусъ былъ благосклоненъ къ язычникамъ, одни упоминаютъ объ этихъ отношеніяхъ Іисуса къ Самаритянамъ и при этомъ впадаютъ въ противорѣчіе по данному пункту съ Матѳеемъ (X, 5).

[3]) Луки, XVII, 16 и слѣд.

[4]) Луки, X, 30 и слѣд.

[5]) Текстъ въ книгѣ Левитъ, XIX, 18, 33 и слѣд., имѣетъ лѣе широкій смыслъ; но кругъ братства въ іудейскихъ пон болѣе съуживался. См. словарь *Арухъ*, слово בן־ברית.

[6]) Іоанна, IV, 4 и слѣд.

дитъ въ разстояніи получаса пути отъ Сихема [1]), передъ входомъ въ долину, надъ которой господствуютъ горы Ебалъ и Гаризимъ. Іудейскіе пилигримы по большей части избѣгали этой дороги, предпочитая сдѣлать большой крюкъ черезъ Перею, лишь бы не подвергаться притѣсненіямъ со стороны Самаритянъ и не обращаться къ нимъ съ какими-либо просьбами. Было запрещено ѣсть и пить съ ними [2]); для нѣкоторыхъ казуистовъ считалось аксіомой, что „кусокъ хлѣба Самаритянина то же, что свиное мясо“ [3]). Поэтому если іудеи и шли этой дорогой, то напередъ запасались пищей; и при этомъ все-таки имъ рѣдко удавалось избѣгнуть побоевъ и дурного обращенія [4]). Іисусъ не раздѣлялъ ни этихъ предубѣжденій, ни этихъ опасеній. Дойдя до того мѣста пути, гдѣ съ лѣвой стороны открывается долина Сихема, онъ почувствовалъ усталость и захотѣлъ отдохнуть у колодца. Въ то время, какъ и теперь, самаритяне имѣли обыкновеніе давать всѣмъ пунктамъ своихъ долинъ названія, связанныя съ воспоминаніями изъ эпохи патріарховъ; этотъ колодезь назывался у нихъ „колодцемъ Іакова“; вѣроятно, это былъ тотъ самый, который донынѣ носитъ названіе *Биръ-Якубъ*. Ученики вошли въ долину и направились въ городъ за провизіей. Іисусъ сѣлъ возлѣ колодца; передъ нимъ открывался видъ на гору Гаризимъ.

Около полудня изъ Сихема пришла одна женщина за водой. Іисусъ попросилъ у нея напиться и этимъ чрезвычайно ее удивилъ, такъ какъ обыкновенно іудеи избѣгали всякихъ сношеній съ самаритянами. Разговоръ съ Іисусомъ со-

---

1) Нынѣ *Наплусъ*. Изъ словъ Іоанна, IV, 5, вытекаетъ, что Συχάρ есть Сихемъ; ср. кн. Бытія, XXXIII, 19; XLVIII, 22, и Іисуса Навина, XXIV, 32.

2) Лука, IX, 53; Іоанна, IV, 9.

3) Мишна, *Шебіитъ*, VIII, 10; повторяется и въ другихъ мѣстахъ Талмуда.

4) Іос., Ant., XX, V, 1; B. I., XII, II, 3; Vita, 52.

вершенно покорилъ ее, она признала въ немъ пророка и, ожидая съ его стороны упрековъ за свою вѣру, предупредила ихъ:

„Господи, сказала она, отцы наши поклонялись на этой горѣ, а вы говорите, что мѣсто, гдѣ должно поклоняться, находится въ Іерусалимѣ.—Іисусъ говоритъ ей: повѣрь мнѣ, что наступаетъ время, когда и не на горѣ сей, и не въ Іерусалимѣ, будете поклоняться Отцу. Но истинные поклонники будутъ поклоняться отцу въ духѣ и истинѣ [1])“.

Въ этотъ день, когда онъ произнесъ эти слова онъ поистинѣ былъ сыномъ Божіимъ. Тогда онъ высказалъ то слово, на которомъ должно было покоиться все зданіе вѣчной религіи. Этимъ словомъ онъ создавалъ чистый культъ, не имѣющій ни эпохи, ни родины, находящійся внѣ времени и пространства, культъ, который будутъ исповѣдывать всѣ возвышенныя души впредь до скончанія вѣка. Въ этотъ день его религія стала не только истинной религіей человѣчества, но абсолютной религіей; и если на другихъ планетахъ существуютъ обитатели, одаренные разумомъ и нравственностью, ихъ религія не можетъ быть иной, нежели та, которую возвѣстилъ Іисусъ у колодца Іакова. Человѣкъ не съумѣлъ держаться этой религіи, ибо идеала удается достигнуть лишь на одинъ моментъ. Слово Іисуса было проблескомъ свѣта среди ночного

---

[1]) Іоанна, IV, 21—23. Не слѣдуетъ особенно настаивать на исторической реальности этой бесѣды, такъ какъ передать ея содержаніе могли только Іисусъ и его собесѣдница. Но эпизодъ, передаваемый въ IV гл. Евангелія отъ Іоанна, безъ сомнѣнія, излагаетъ намъ одну изъ сокровеннѣйшихъ мыслей Іисуса и большая часть обстоятельствъ этого повѣствованія по своему характеру поразительно правдива. Ст. 22, по мысли своей, составляющей противуположность стихамъ 21 и 23, представляется неудачнымъ добавленіемъ евангелиста, который самъ испугался смѣлости передаваемыхъ имъ словъ. Это обстоятельство, равно какъ и слабость въ исполненіи всего остального эпизода, съ своей стороны, утверждаютъ въ мысли, что только въ стихахъ 21 и 23 передаются намъ подлинныя слова Іисуса.

мрака и понадобилось восемнадцать вѣковъ для того, чтобы глаза человѣчества (что я говорю!—лишь безконечно малой части человѣчества) привыкли къ этому свѣту. Но проблескъ свѣта обратится въ ясный день и, пройдя весь циклъ заблужденій, человѣчество возвратится къ этому слову, какъ къ безсмертному выраженію своей вѣры и своихъ надеждъ.

ГЛАВА XV

Начало легенды объ Іисусѣ.—Собственное его представленіе о своей сверхъестественной роли

Іисусъ возвратился въ Галилею окончательно отрѣшившимся отъ своихъ еврейскихъ вѣрованій и въ ярко революціонномъ настроеніи. Съ этого времени его идеи начали формулироваться съ полной отчетливостью. Невинные афоризмы перваго пророческаго періода его жизни, частью заимствованные у его предшественниковъ, прекрасныя проповѣди нравственности второго періода—теперь переходятъ въ рѣшительную политику. Законъ будетъ отмѣненъ и именно онъ отмѣнитъ его [1]). Мессія явился, и именно онъ этотъ Мессія [2]). Царство Божіе скоро объявится, и именно онъ его объявитъ. Онъ знаетъ, что падетъ жертвой своей смѣ-

[1]) Противъ этого толкованія приводятъ серьезныя возраженія въ видѣ сомнѣній среди непосредственныхъ учениковъ Іисуса, значительная часть которыхъ осталась вѣрна іудаизму. Но процессъ противъ Іисуса не оставляетъ мѣста для сомнѣній. Мы увидимъ ниже, что синедріонъ относился къ нему какъ къ „соблазнителю". Талмудъ приводитъ процедуру суда противъ него, какъ примѣръ, которому должно слѣдовать по отношенію къ „соблазнителямъ", покушающимся ниспровергнуть законъ Моисея. (Іерус. Талм., *Синедріонъ*, XIV, 16; Вавил. Талм., *Синедріонъ*, 43а, 67а). Ср. Дѣянія, VI, 13—14.

[2]) Постепенное наростаніе заявленій Іисуса въ этом
можно прослѣдить, сравнивъ Матѳея, XVI, 13 и сл.; Марк
VIII, 27 и сл.; XIV, 61; Луки, IX, 18 и сл.

лости, но царство Божіе не можетъ быть завоевано безъ насилія: оно водворится путемъ катастрофъ и раздоровъ [1]). Но послѣ своей смерти Сынъ человѣческій возвратится въ славѣ, въ сопровожденіи легіоновъ ангеловъ, и тѣ, кто его отвергалъ, будутъ посрамлены.

Смѣлость такой идеи не должна насъ удивлять. Іисусъ уже задолго до этого чувствовалъ себя по отношенію къ Богу, какъ сынъ по отношенію къ отцу. То, чтс у всякаго другого показалось бы невыносимой горделивостью, у него не можетъ быть разсматриваемо съ этой точки зрѣнія.

Титулъ „сынъ Давида" былъ первый, который онъ принялъ [2]), причемъ вѣроятно онъ вовсе не участвовалъ въ невинныхъ подтасовкахъ, сдѣланныхъ въ подтвержденіе его правъ на это наименованіе. Повидимому, родъ Давида въ то время давно уже пресѣкся [3]); ни Асмонеи, ни Иродъ, ни римляне, ни на минуту не подозрѣвали, что гдѣ нибудь по сосѣдству съ ними можетъ скрываться кто либо изъ представителей древней династіи. Но съ прекращеніемъ династіи Асмонеевъ мечта о невѣдомомъ потомкѣ древнихъ царей постоянно кружила всѣ головы. Общимъ вѣрованіемъ было, что Мессія будетъ сыномъ Давидовымъ [4]) и подобно

---

1) Матѳея, XI, 12.

2) Посл. къ Римл., I, 3; Апокал. V, 5; XXII, 16.

3) Правда, нѣкоторымъ ученымъ, какъ, напр., Гиллелю, Гамаліилу, приписывалось происхожденіе изъ рода Давида. Но это притязаніе весьма сомнительнаго характера. Ср. Іерус. Талм., *Таанитъ*, IV, 2. Если бы родъ Давида сохранился въ видѣ сколько нибудь замѣтной и имѣющей извѣстность группы, то какимъ образомъ въ великихъ смутахъ той эпохи она никогда не фигурируетъ на ряду съ садокитами, воетузами, асмонеями, иродіанами? Гегезиппъ и Евсевій, Н. Е., III, 19 и 20, сообщаютъ не болѣе какъ отголоски христіанскаго преданія.

4) Матѳея, XXII, 42; Марка, XII, 35; Луки, I, 32; Дѣянія, II, 29 и сл.; книга Ездры, XII, 32 (въ переводахъ сирійскомъ, арабскомъ, эѳіопскомъ и армянскомъ). *Бенъ-Давидъ* въ Талмудѣ зачастую означаетъ Мессію. См., напр., Вав. Талм., *Синедріонъ*, 97а.

ему родится въ Виѳлеемѣ [1]). Но не такова была первоначальная мысль Іисуса. Его небесное царство не имѣло ничего общаго съ воспоминаніемъ о Давидѣ, которымъ были заняты іудейскіе умы. Онъ воображалъ себя сыномъ Божіимъ, а не сыномъ Давида. Его царство и освобожденіе, о которомъ онъ помышлялъ, были совершенно иного порядка. Но въ этомъ отношеніи общее мнѣніе произвело на него давленіе. Необходимымъ слѣдствіемъ первой посылки, что „Іисусъ есть Мессія“, является вторая посылка, что „Іисусъ сынъ Давида“. Онъ позволялъ называть себя этимъ именемъ, ибо безъ него не могъ надѣяться на какой бы то ни было успѣхъ. Повидимому, кончилось тѣмъ, что это стало ему нравиться, ибо онъ охотнѣе совершалъ чудеса, когда, обращаясь къ нему, ему давали это имя [2]). Въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ обстоятельствахъ своей жизни, Іисусъ уступалъ общераспространеннымъ идеямъ своей эпохи, хотя и не вполнѣ раздѣлялъ ихъ. Къ своему догмату о царствѣ Божіемъ онъ прибавлялъ все, что подогрѣвало сердца и воображеніе. Мы видѣли, что такимъ образомъ онъ принялъ крещеніе Іоанна, которое, однако, въ его глазахъ не должно было имѣть особенно важнаго значенія.

Но тутъ явилось крупное затрудненіе въ видѣ всѣмъ извѣстнаго обстоятельства, что онъ родился въ Назаретѣ. Неизвѣстно, оспаривалъ ли это возраженіе самъ Іисусъ. Быть можетъ, оно совсѣмъ не возникало въ Галилеѣ, гдѣ идея, что сынъ Давида долженъ родиться въ Виѳлеемѣ, была менѣе распространена. Сверхъ того, для галилеянина-идеалиста титулъ сына Давидова достаточно оправдывался тѣмъ, что тотъ,

---

1) Матѳея, II, 5—6; Іоанна, VII, 41—42. Въ этомъ отношеніи [illegible] лись довольно произвольно текстомъ Михея, V, 1, быть м[illegible] неннымъ. Ср. Таргумъ Іонафана. Въ первоначальномъ евр[illegible] стѣ значилось вѣроятно *Ветъ-Ефрата*.

2) Матѳея, IX, 27; XII, 23; XV, 22; XX, 30—31; Марка, [illegible] XVIII, 38.

кто его носитъ, возвышаетъ славу своей расы и возвращаетъ на землю прекрасные дни Израиля. Подтверждалъ ли Іисусъ своимъ молчаніемъ вымышленныя родословныя, которыя выдумывали его послѣдователи съ цѣлью доказать его царское происхожденіе [1])? Извѣстны ли были ему хотя бы отчасти легенды, придуманныя для того, чтобы признать мѣстомъ его рожденія Виѳлеемъ [2]) и, въ частности, извѣстна ли ему была та уловка, которая связывала его рожденіе въ Виѳлеемѣ съ переписью, произведенной по распоряженію римскаго легата Квиринія [3])? Мы не можемъ на это отвѣтить. Неточности и противорѣчія, встрѣчающіяся въ его родословныхъ [4]), заставляютъ думать, что онѣ составляютъ результатъ работы народной мысли въ различныхъ мѣстахъ и что ни одна изъ нихъ не была санкціонирована Іисусомъ [5]). Самъ лично онъ никогда не называлъ себя сыномъ Давидовымъ. Ученики его, какъ люди менѣе просвѣщенные, иногда преувеличивали то, что онъ говорилъ о самомъ себѣ; чаще всего онъ и не зналъ ничего объ этихъ преувеличеніяхъ. Прибавимъ еще къ этому, что въ теченіе первыхъ трехъ вѣковъ значительныя фракціи христіанства [6]) упорно отрицали царское происхожденіе Іисуса и достовѣрность его родословныхъ.

---

[1]) Матѳея, I, 1 и слѣд.; Луки, III, 23 и слѣд.

[2]) Замѣчательно сверхъ того, что въ трехъ или четырехъ верстахъ отъ Назарета находился другой Виѳлеемъ. Іисусъ Навинъ, XIX, 15; карта Ванъ де Вельде.

[3]) Матѳея, II, 1 и слѣд.; Луки, II, 1 и слѣд.

[4]) Обѣ родословныя его совершенно не согласуются между собой и мало соотвѣтствуютъ Ветхому Завѣту. Въ повѣствованіи Луки о переписи Квиринія обнаруживается анахронизмъ. См. выше, стр. 15 и 16, примѣчанія. Наконецъ, естественно, что легенда воспользовалась этимъ обстоятельствомъ. Переписи сильно волновали іудеевъ, противорѣчили ихъ узкимъ понятіямъ и о нихъ сохранялось воспоминаніе надолго. Ср. Дѣянія, V, 37.

[5]) Юлій Африканъ (у Евсевія, Н. Е., 1, 7) предполагаетъ, что пытались сочинять родословныя Іисуса его родственники, нашедшіе убѣжище въ Виѳаніи.

[6]) Евіонимы, „евреи", „назореи", Татіенъ, Марсіонъ. Ср. Епиф., Adv.

Такимъ образомъ его легенда явилась плодомъ обширнаго и совершенно произвольнаго замысла и вырабатывалась вокругъ него при его жизни. Ни одно великое событіе въ исторіи не обходилось безъ цѣлаго цикла басенъ и Іисусъ, еслибы и хотѣлъ, не могъ бы остановить этого народнаго творчества. Быть можетъ проницательный глазъ съумѣлъ бы уже съ этой поры различить зародышъ повѣствованій, въ которыхъ Іисусу должны были приписать сверхъестественное происхожденіе [1]), или въ силу весьма распространенной въ древности идеи, что необыкновенный человѣкъ не можетъ родиться отъ обычныхъ половыхъ отношеній; или для того, чтобы согласовать его рожденіе съ неправильно понятой главой изъ Исайи [2]), которая толковалась въ томъ смыслѣ, что Мессія родится отъ дѣвы; или, наконецъ, какъ выводъ изъ идеи, что „Духъ Божій", воплощенный въ божественной ипостаси, есть начало плодовитости [3]). Быть можетъ, относительно дѣтства Іисуса ходилъ уже не одинъ анекдотъ, сочиненный для того, чтобы доказать въ самой біографіи его осуществленіе мессіанскаго идеала [4]) или, лучше сказать, пророчествъ, которыя относились экзегетикой аллегорій того времени къ Мессіи. Общее распространеніе имѣло въ то время повѣрье, что Мессію возвѣститъ звѣзда [5]), что придутъ послы изъ даль-

---

haer., XXIX, 9; XXX, 3, 14; XLVI, 1; Θеодоритъ, Haeret. fab., I, 20; Исидоръ Пелузскій, Epist., I, 371, ad Pansophium.

[1]) Матѳея, 1, 18 и слѣд.; Луки, I, 26 и слѣд. Конечно, въ I вѣкѣ это не было всеобщимъ догматомъ, ибо Іисуса безъ всякихъ оговорокъ называли тогда „сыномъ Іосифа" и обѣ родословныя, предназначавшіяся для установленія его происхожденія отъ линіи Давида, являются родословными Іосифа. Ср. Посл. къ Галат., IV, 4; къ Римл., I, 3.

[2]) Исайя, VII, 14; Ср. Матѳея, I, 22—23.

[3]) Бытія, 1, 2. Объ аналогичныхъ идеяхъ у египтянъ сообщаютъ Геродотъ, III, 28; Pomp. Mela, 1, 9; Плутархъ, Quaest. 3; symp., VIII, 1, 3; De Iside et Osir., 43; Маріэттъ, Mém. sur la mère d'Apis (Paris, 1856).

[4]) Матѳея, I, 15, 23; Исайя, VII, 14 и слѣд.

[5]) *Завѣщаніе двѣнадцати патріарховъ*, Левій, 18. На это вѣрованіе

ихъ странъ поклониться новорожденному и поднести ему ары[1]). Предполагаютъ, что пророчество это осуществилось въ ицѣ халдейскихъ астрологовъ, которые будто бы посѣтили ерусалимъ около этого времени [2]). Другіе приписывали исуєу съ самыхъ пеленокъ сношенія съ знаменитыми людьми его эпохи: каковы Іоаннъ Креститель, Иродъ Великій, двое старцевъ, Симеонъ и Анна, которые по преданію были извѣстны своей святостью [3]). Эти комбинаціи подтверждались довольно сомнительной хронологіей и въ большинствѣ случаевъ основывались на совершенно извращенныхъ реальныхъ фактахъ [4]). Но всѣ эти басни были проникнуты духомъ удивительной нѣжности и доброты, чисто народнымъ чувствомъ и, благодаря этому, онѣ являлись необходимымъ дополненіемъ къ проповѣди [5]). Послѣ смерти Іисуса всѣ подобнаго рода разсказы получили особенно широкое распространеніе, но можно думать, что они ходили также и при жизни его, нигдѣ не встрѣчая ничего, кромѣ набожнаго довѣрія и наивнаго восхищенія.

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что самъ Іисусъ никогда не помышлялъ выдавать себя за воплотившагося Бога. Такого рода идея положительно чужда еврейскому уму и въ Евангеліяхъ синоптиковъ нѣтъ ни слѣда чего либо подобнаго [6]); намеки на нее встрѣчаются лишь въ

казываетъ названіе *Варкокабъ*. Іерус. Талм. *Таанитъ*, IV, 8. Ссылались также на кн. Числъ, XXVII, 17.

[1]) Исайя, LX, 3; Псалтирь, LXXII, 10.

[2]) Матѳея, II, 1 и слѣд.

[3]) Луки, II, 25 и слѣд. (плохой авторитетъ).

[4]) Легенда объ избіеніи младенцевъ относится, вѣроятно, къ какому либо звѣрству, совершенному Иродомъ вблизи Виѳлеема. Ср. Іосифъ, Ant., XIV, IX, 4; B. I., I, XXXIII, 6.

[5]) Матѳея, I и II; Луки, I и II; Св. Іустинъ, Dial. cum Tryph., 78, 106, Первоевангеліе Іакова (апокриф.), 18 и слѣд.

[6]) Нѣкоторыя мѣста, какъ, напр., Дѣянія, II, 22, даже совершенно исключаютъ ее.

той части четвертаго Евангелія, которую менѣе всего можно считать отголоскомъ истинныхъ идей Іисуса. Иногда Іисусъ какъ бы принимаетъ даже мѣры къ тому, чтобы отвергнуть подобнаго рода ученіе [1]). Даже и въ четвертомъ Евангеліи обвиненіе въ томъ, что онъ объявлялъ себя Богомъ или равнымъ Богу, выставляется клеветой со стороны іудеевъ [2]). Въ этомъ же Евангеліи Іисусъ заявляетъ, что Отецъ болѣе его [3]). Сверхъ того онъ признаетъ, что Отецъ открылъ ему не все [4]). Онъ считаетъ себя выше обыкновеннаго человѣка, но отъ Бога его отдѣляетъ цѣлая безконечность. Онъ сынъ Божій, но и всѣ люди сыны Бога, или могутъ до извѣстной степени сдѣлаться таковыми [5]). Всѣ люди ежедневно должны называть Бога своимъ отцомъ; всѣ воскресшіе будутъ сынами Божіими [6]). Въ Ветхомъ Завѣтѣ тоже сыновнее родство съ Богомъ приписывалось личностямъ, которыхъ отнюдь не считали равными Богу [7]). На семитическихъ языкахъ и на языкѣ Новаго Завѣта слово „сынъ“ въ фигуральномъ смыслѣ можетъ имѣть самое широкое значеніе [8]). Сверхъ того Іисусъ составилъ себѣ о чело-

---

1) Матѳея, IV, 10; VII, 21, 22; XIX, 17; Марка, I, 44; III, 12; X, 17, 18, Луки, XVIII, 19.

2) Іоанна, V, 18 и слѣд.; X, 33 и слѣд.

3) Іоанна, XIV, 28.

4) Марка, XIII, 35.

5) Матѳея, V, 9, 45; Луки, III, 38; VI, 35; XX, 36; Іоанна, I, 12—13; X, 34—35. Ср. Дѣянія, XVII, 28—29; Посл. къ Римл., VIII, 14—17; 19, 21, 23; IX, 26; 2 посл. къ Коринѳ. VI, 18; къ Галат., III, 26; IV, I и слѣд.; къ Филим., II, 15; посл. Варнавы, 14 (стр. 10, Гильгенфельдъ, по Codex sinaiticus) и въ Ветхомъ Завѣтѣ, Второзаконіе, XIV, 1 и въ особенности кн. Премудрости Соломона, II, 13, 18.

6) Луки, XX, 36.

7) Бытія, VI, 2; Іова, I, 6; II, I; XXVIII, 7; Псалтирь, II, 7; LXXXII, 6, 2 кн. Царствъ, VII, 14.

8) Сыны діавола (Матѳея, XIII, 38; Дѣянія, XIII, 10); сыны міра сего (Марка, III, 17; Луки, XVI, 8; XX, 34); сыны свѣта (Луки, XVI, 8; Іоанна, XII, 36); сыны воскресенія (Луки, XX, 36); сыны царства (Матѳея, VIII,

вѣкѣ совсѣмъ не то невысокое представленіе, до котораго низвелъ человѣка холодный деизмъ. По его поэтическому познаванію природы вся вселенная проникнута единымъ дыханіемъ: дыханіе человѣка есть дыханіе Бога; Богъ обитаетъ въ человѣкѣ и живетъ человѣкомъ, точно такъ же, какъ и человѣкъ обитаетъ въ Богѣ и живетъ Богомъ [1]). Трансцендентальный идеализмъ Іисуса никогда не позволялъ ему ясно опредѣлять свою собственную личность. Онъ въ своемъ Отцѣ и Отецъ въ немъ. Онъ живетъ въ своихъ ученикахъ и всюду съ ними [2]); онъ и его ученики составляютъ одно цѣлое, какъ и Отецъ его съ нимъ одно цѣлое [3]). Въ идеѣ для него заключается все; тѣло, обусловливающее индивидуальныя отличія, есть ничто.

Такимъ образомъ названіе „сынъ Божій", или просто „сынъ" [4]), стало для Іисуса аналогичнымъ съ „сыномъ человѣческимъ", а, слѣдовательно и, синонимомъ „Мессіи", съ той только разницей, что онъ называлъ самъ себя только „сыномъ человѣческимъ", и повидимому, никогда самъ не присвоивалъ себѣ названія „сына Божія" [5]). Названіемъ „сынъ человѣче-

---

12; XIII, 38); сыны чертога брачнаго (Матѳея, IX, 15; Марка, II, 19; Луки, V, 34); сыны геенны огненной (Матѳея, XXIII, 15), сыны мира (Луки, X, 6) и пр. Напомнимъ, что Юпитеръ язычниковъ былъ πατὴρ ἀνδρῶν τε θεῶν τε

[1]) Ср. Дѣянія, XVII, 28.

[2]) Матѳея, XVIII, 20; XXVIII, 20.

[3]) Іоаннъ, X, 30; XVII, 21; ср. вообще всѣ послѣднія поученія, передаваемыя четвертымъ Евангеліемъ, въ особенности въ главѣ XVII, которыя прекрасно выражаютъ одну изъ сторонъ психологическаго состоянія Іисуса, хотя ихъ и нельзя признать истинно историческими документами.

[4]) Тексты, подтверждающіе это, слишкомъ многочисленны, чтобы приводить ихъ здѣсь.

[5]) Іисусъ пользуется названіемъ „сына Божія" или просто „Сына" вмѣсто мѣстоименія личнаго *я* только въ четвертомъ Евангеліи. У Матѳея, XI, 27; XXVIII, 19; Марка, XIII, 32; Луки, X, 22, онъ даетъ себѣ это названіе лишь косвенно. Сверхъ того тексты гл. XI, 27 Матѳея и X, 22 Луки, въ системѣ синоптиковъ являются позднѣйшими вставками, соотвѣтствующими типу поученій четвертаго Евангелія.

скій" онъ выражалъ свое право судьи, а „сына Божія"—свое участіе въ высшихъ предначертаніяхъ и свое могущество. Это могущество безпредѣльно. Власть эта дана ему его Отцомъ. Онъ получилъ власть даже отмѣнить субботу [1]. Никто не можетъ знать Отца иначе какъ черезъ сына [2]. Отецъ передалъ ему право судить [3]. Природа ему повинуется; но она повинуется также и всякому, кто вѣритъ и молится; вѣра всемогуща [4]. Надо помнить, что ни у него, ни у его слушателей, не было ни малѣйшаго понятія о законахъ природы, ограничивающихъ предѣлы возможнаго. Видѣвшіе его чудеса благодарили Бога за то, что онъ далъ такую власть людямъ [5]. Онъ отпускаетъ грѣхи [6]; онъ выше Давида, Авраама, Соломона, пророковъ [7]. Намъ неизвѣстно, въ какой именно формѣ и въ какой мѣрѣ это утверждалось. Іисуса нельзя судить по правиламъ нашихъ мелочныхъ условностей. Восхищеніе, которое онъ вызывалъ у учениковъ, дѣйствовало на него и увлекало его. Очевидно, что титулъ *равви*, которымъ онъ сперва довольствовался, теперь его уже неудовлетворяетъ; даже титулъ пророка или посланнаго отъ Бога уже не соотвѣтствуетъ настроенію его мыслей. Положеніе, которое онъ себѣ приписываетъ, свойственно сверхчеловѣческому существу; онъ хочетъ, чтобы за нимъ признавали отношенія къ Богу высшаго порядка, нежели у остальныхъ людей. Надо, однако, замѣтить, что слова „сверхчеловѣческій" и „сверхъестественный", заимствованныя у нашей богословіи, не имѣли никакого смысла въ высокомъ религіозномъ по-

---

1) Матѳея, XII, 8; Луки, VI, 5.
2) Матѳея, XII, 27; XXVIII, 18; Луки, X, 22.
3) Іоанна, V, 22.
4) Матѳея, XVII, 18—19; Луки, XVII, 6.
5) Матѳея, IX, 8.
6) Матѳея, IX, 2 и слѣд.; Марка, II, 5 и слѣд.; Луки, V, 20; VI.
7) Матѳея, XII, 41—42; XXII, 43 и слѣд.; Марка, XII, 6; Іоанн и слѣд.

знаніи Іисуса. Для него и природа и развитіе человѣка не составляли собой опредѣленныхъ отграниченныхъ областей внѣ Бога, жалкой реальности, подчиненной законамъ, непреложнымъ до отчаянья. Для него не было ничего сверхъестественнаго, ибо не было для него природы. Въ своемъ опьяненіи безконечной любовью онъ забывалъ тяжелыя цѣпи, которыя держатъ умъ въ плѣну; однимъ скачкомъ онъ переносился черезъ пропасть, которая отдѣляетъ человѣка отъ Бога, благодаря ограниченности человѣческихъ способностей, и которая для большинства людей составляетъ непреодолимое препятствіе.

Нельзя не признать, что въ этихъ положеніяхъ Іисуса заключался зародышъ той доктрины, которая впослѣдствіи возвела его на степень одного изъ лицъ Божества [1]), отожествивъ его съ „Словомъ", или „Вторымъ Богомъ" [2]), или „старшимъ сыномъ Бога" [3]), или съ „Ангеломъ метатрономъ" [4]), этимъ созданіемъ іудейской богословіи [5]). Созданіемъ подоб-

---

[1]) См. въ особенности Іоанна, XIV и слѣд.

[2]) Филонъ, цит. по Евсевію, Praep. evang., VII, 13.

[3]) Филонъ, De migr. Abraham, § 1; Quod Deus immut., § 6; De confus. ling., §§ 14 и 28; De profugis, § 20; De somniis, I, § 37; De agric. Noë, § 12; Quis rerum divin. haeres, § 25 и слѣд., 48 и слѣд. и пр.

[4]) Μετάθρονος, т. е. раздѣляющій престолъ съ Богомъ; божественный секретарь, который ведетъ списокъ заслугъ и грѣховъ: *Берешитъ равва*, V, 6 с.; Вавил. Талм., *Синедріонъ*, 38 в.; *Хагига*, 15 а, Таргумъ Іонаѳана, Бытіе, V, 24.

[5]) Въ этой теоріи Слова (Λόγος) вовсе нѣтъ греческихъ элементовъ. Сопоставленіе этого понятія съ „гоноверъ" Парсовъ также ни на чемъ не основано. *Минохиредъ* или „божественный разумъ" скорѣе представляетъ аналогію съ іудейскимъ Λόγος (см. отрывки изъ книги, озаглавленной *Минохиредъ* у Шпигеля, Parsi-Grammatik, стр. 161—162). Но развитіе, которое получило ученіе *Минохиредъ* у Парсовъ, относится къ болѣе поздней эпохѣ и можетъ внушать мысль о чужеземномъ вліяніи. „Божественный разумъ" (*Майніу-Крату*) встрѣчается въ зендскихъ книгахъ, но не служитъ здѣсь основаніемъ какой либо теоріи; терминъ этотъ входитъ только въ нѣкоторыя призыванія. Сближенія, которыя пытались

ной теологіи руководила потребность внести поправку въ крайнюю суровость древняго монотеизма, и поставить рядомъ съ Богомъ другое существо, ассистента, которому Отецъ Предвѣчный могъ бы ввѣрять управленіе вселенной. Уже начинало распространяться вѣрованіе, что нѣкоторые люди являются воплощеніемъ божественныхъ способностей или „силъ“; у самаритянъ около этой эпохи былъ чудотворецъ, котораго называли „великой силой Божіей“ [1]). Уже въ теченіе двухъ вѣковъ умозрительная философія іудаизма склонялась къ тому, чтобы создавать отдѣльныя лица изъ божественныхъ аттрибутовъ, или изъ опредѣленныхъ выраженій, относящихся къ Божеству. Такимъ образомъ „духъ Божій“, о которомъ часто упоминается въ Ветхомъ Завѣтѣ, разсматривается какъ особое существо, „Святой Духъ“. Точно также „Премудрость Божія“, „Слово Божіе“ становятся также самобытными лицами. То былъ зародышъ процесса, давшаго въ результатѣ *сефиротъ* кабалистики, *эоны* гностицизма, лица или ипостаси христіанъ, словомъ, всю ту сухую миѳологію, состоящую изъ олицетворенныхъ отвлеченій, къ которой долженъ прибѣгать монотеизмъ, когда онъ желаетъ ввести въ понятіе о Богѣ многообразность.

Повидимому, Іисусъ чуждался этихъ богословскихъ тонкостей, которыя вскорѣ должны были наполнить міръ безплодными препирательствами. Метафизическая теорія Слова, въ томъ видѣ, какъ она встрѣчается въ сочиненіяхъ ея современника, Филона, въ халдейскихъ *таргумъ* и даже въ книгѣ „Премудрости“ [2]), нисколько не проглядываетъ ни въ

дѣлать между теоріей іудеевъ и христіанъ о „Словѣ“ и нѣкоторыми пунктами египетской теологіи, быть можетъ, имѣютъ извѣстное значеніе. Но этихъ сближеній все таки недостаточно, чтобы доказывать будто эта теорія является заимствованіемъ у Египта.

[1]) Дѣянія, VIII, 10.

[2]) Премудрость Соломона. IX, 1—2; XVI, 12. Ср. VII, 12; VIII, 5 и сл.; IX и вообще IX—XI. Эти просопопеи олицетворенной Премудрости

Logia Матѳея, ни вообще въ синоптическихъ Евангеліяхъ, столь точно передающихъ подлинныя слова Іисуса. Дѣйствительно, ученіе о Словѣ не имѣло ничего общаго съ мессіанствомъ. „Слово" Филона и *Таргума* отнюдь не то же, что Мессія. Лишь позднѣе начали отожествлять Слово съ Іисусомъ и, исходя изъ этого принципа, создавать цѣлую новую богословію, весьма отличную отъ ученія о царствѣ Божіемъ [1]). По существу Слову принадлежитъ роль создателя и провидѣнія, Іисусъ же никогда не заявлялъ притязаній ни на то, что онъ создалъ міръ, ни на то, что онъ имъ управляетъ. Роль его будетъ въ томъ, чтобы судить міръ, обновить его. Онъ претендовалъ лишь на предсѣдательство въ судѣ при концѣ міра, и всѣ первые христіане приписывали ему именно это значеніе [2]). До наступленія великаго дня онъ сидитъ одесную Отца, въ качествѣ его *метатрона*, перваго министра и будущаго мстителя [3]). Сверхчеловѣческій Христосъ византійскихъ хоровъ, сидящій въ качествѣ судіи среди апостоловъ, которые аналогичны съ нимъ и выше ангеловъ, призванныхъ только ассистировать и служить имъ, вотъ вполнѣ точное образное представленіе понятія о „сынѣ человѣческомъ", первые слѣды котораго такъ рѣзко намѣчаются еще въ книгѣ Даніила.

Во всякомъ случаѣ, тому міру вовсе не была свойственна строгая точность обдуманной схоластики. Вся совокупность из-

---

встрѣчаются даже и въ болѣе древнихъ книгахъ. Притч., XIII, IX, Іова, XXVIII.

1) Апокал., XIX, 13; Іоанна, I, 1—14. Прошу впрочемъ замѣтить, что даже и въ четвертомъ Евангеліи выраженіе „Слово" употребляется только въ прологѣ и повѣствователь ни разу не влагаетъ его въ уста самого Іисуса.

2) Дѣянія, X, 42; Посл. къ Римл., II, 16; 2 посл. къ Кориѳ., V, 10.

3) Матѳея, XXVI, 64; Марка, XVI, 19; Луки, XXII, 69; Дѣянія, VII, 55. Посл. къ Римл., VIII, 34; къ Ефес., I, 20; къ Колос., III, 1; къ Евреямъ, I, 3, 13; VIII, 1; X, 12; XII, 2; 1 Посл. Св. Петра, III, 22. См. цитир. выше тексты о роли еврейскаго метатрона.

ложенныхъ нами идей въ умѣ учениковъ складывалась въ столь неопредѣленную богословскую систему, что сынъ Божій, этотъ двойникъ божества, въ ихъ представленіи дѣйствуетъ совершенно, какъ человѣкъ. Онъ подвергается искушенію, онъ не вѣдаетъ многихъ вещей, онъ исправляется, мѣняетъ свои взгляды [1]); онъ бываетъ угнетенъ, теряетъ мужество; онъ проситъ Отца избавить его отъ испытаній; онъ покоряется Богу, какъ сынъ покоряется Отцу [2]). Ему предстоитъ судить міръ, а дня суда онъ не знаетъ [3]). Онъ принимаетъ мѣры, чтобы обезпечить свою безопасность [4]). Вскорѣ послѣ его рожденія приходится скрыть его, чтобы спасти отъ могущественныхъ людей, желавшихъ убить его [5]). При заклинаніяхъ дьяволъ издѣвается надъ нимъ и не сразу отходитъ [6]). Въ его чудесахъ чувствуется тяжкое усиліе, утомленіе, какъ будто нѣчто выходитъ изъ него [7]). Все это просто дѣянія человѣка посланнаго Богомъ, человѣка, которому Богъ покровительствуетъ и благопріятствуетъ [8]). Тутъ нечего требовать ни логики, ни послѣдовательности. Разнорѣчивость показаній обусловливается потребностью Іисуса внушить въ себя вѣру и энтузіазмомъ его учениковъ. Для мессіанцевъ школы тысячелѣтниковъ, для закоренѣлыхъ читателей книгъ Даніила и Еноха, онъ былъ Сыномъ человѣческимъ; для іудеевъ общей вѣры, для читателей Исайи и Михея, онъ былъ сыномъ Давида; для своихъ послѣдователей онъ былъ сыномъ Божіимъ, или просто Сыномъ. Другіе принимали его за

---

1) Матѳея, X, 5; ср. съ XXVIII, 19; Марка, VII, 24, 27, 29.

2) Матѳея, XXVI, 39 и сл.; Марка, XIV, 32 и слѣд.; Луки, XXII, 42 и слѣд.; Іоанна, XII, 27.

3) Марка, XIII, 32. Ср. Матѳея, XXIV, 36.

4) Матѳея, XII, 14, 16; XIV, 13; Марка, III, 6—7; IX, 29—30; Іоанна, VII, 1 и слѣд.

5) Матѳея, II, 20.

6) Матѳея, XVII, 20; Марка, IX, 25.

7) Луки, VIII, 45, 46; Іоанна, XI, 33, 38.

8) Дѣянія, II, 22.

воскресшаго Іоанна Крестителя, и ученики не порицали ихъ за это; или за Илію, за Іеремію, согласно народному вѣрованію, что древніе пророки возстанутъ, чтобы пріуготовить эпоху Мессіи [1]).

Непоколебимое убѣжденіе, или вѣрнѣе энтузіазмъ, исключавшій у него всякую возможность сомнѣнія, покрывалъ всю эту смѣлость. Мы съ нашими холодными и боязливыми натурами плохо понимаемъ, какъ можно быть до такой степени во власти идеи, апостоломъ которой выступаешь. Для насъ, глубоко серьезныхъ людей, убѣжденіе вмѣстѣ съ тѣмъ предполагаетъ и искренность. Но искренность не имѣетъ особеннаго значенія у восточныхъ народовъ, не очень привычныхъ къ тонкостямъ критическаго ума. Добросовѣстность и обманъ въ нашемъ прямолинейномъ сознаніи — понятія, другъ друга взаимно-исключающія. На востокѣ отъ одного къ другому существуютъ тысячи переходовъ и оттѣнковъ. Авторы апокрифическихъ книгъ (напр. Даніила, Еноха), въ высшей степени экзальтированные люди, совершали ради своего дѣла, и, конечно, безъ малѣйшей тѣни сомнѣнія, дѣяніе, которое мы назвали бы подлогомъ. Для восточнаго человѣка фактическая правда имѣетъ весьма мало значенія; онъ все видитъ сквозь призму своихъ предразсудковъ, интересовъ, страстей.

Исторія станетъ невозможной, если не допустить открыто, что для искренности существуетъ много мѣрокъ. Вѣра не знаетъ иного закона, кромѣ выгоды для того, что она считаетъ истиной. Такъ какъ цѣль, которую она преслѣдуетъ, для нея абсолютно священна, то она безъ всякихъ затрудненій подтверждаетъ свой тезисъ плохими аргументами, когда хорошихъ оказывается недостаточно. Если данное доказательство неосновательно, то сколько другихъ за то неопровержимы!... Если даннаго чуда не было въ дѣйствительности,

---

[1]) Матѳея, XIV, 2; XVI, 14; XVII, 3 и слѣд.; Марка, VI, 14—15; VIII, 28; Луки, IX, 8 и слѣд., 19.

за то сколько было другихъ!... Сколько благочестивыхъ людей, убѣжденныхъ въ истинности своей религіи, пытались восторжествовать надъ упорствомъ людей при помощи средствъ, негодность которыхъ они сами понимали! Сколько стигматиковъ, конвульсіонеровъ, сколько „одержимыхъ“ въ монастыряхъ были вовлечены вліяніемъ міра, среди котораго они жили, и собственной вѣрой въ притворство, то изъ желанія не остаться позади другихъ, то изъ желанія поддержать свое дѣло, которому угрожала опасность! Все великое совершается народомъ, народомъ же нельзя руководить, не раздѣляя его идей. Философъ, который, зная это, уединяется и замыкается въ своемъ благородствѣ, заслуживаетъ высокой похвалы. Но нельзя порицать того, кто беретъ человѣчество со всѣми его иллюзіями и пытается вліять на него и черезъ него. Цезарь отлично зналъ, что онъ не сынъ Венеры. Франція не была бы тѣмъ, что она есть, если бы въ теченіе тысячи лѣтъ не существовало вѣры въ святое муро Реймса. Намъ, въ нашемъ безсиліи, не трудно называть это ложью и, гордясь нашей робкой честностью, презрительно относиться къ героямъ, которые приняли битву съ жизнью при совершенно иныхъ условіяхъ. Когда намъ съ нашей разборчивостью удастся совершить то, что тѣ сдѣлали своими обманами, тогда мы будемъ имѣть право строго судить ихъ. И, по крайней мѣрѣ, слѣдуетъ дѣлать коренное различіе между такими обществами, какъ наше, гдѣ все происходитъ при яркомъ свѣтѣ разума и тѣми наивными и довѣрчивыми обществами, въ которыхъ зародились вѣрованія, господствовавшія въ теченіе вѣковъ. Нѣтъ великаго дѣла, которое бы не было основано на легендѣ. Единственно кто въ этомъ виноватъ, это человѣчество, которое желаетъ быть обманутымъ.

ГЛАВА XVI

Чудеса

По мнѣнію современниковъ Іисуса было только два доказательства сверхъестественности его миссіи — чудеса и осуществленіе пророчествъ, и ученики его прибѣгали къ обоимъ этимъ способамъ доказательства съ полной добросовѣстностью. Уже давно Іисусъ убѣдился въ томъ, что пророки писали, имѣя въ виду именно его. Онъ находилъ себя въ ихъ священныхъ предсказаніяхъ; онъ смотрѣлъ на себя, какъ на зеркало, въ которомъ весь пророческій геній Израиля читалъ будущее своего народа. Христіанская школа быть можетъ еще при жизни Іисуса, пыталась доказать, что онъ совершенно отвѣчаетъ всему, что пророки предсказывали о Мессіи [1]). Во многихъ случаяхъ, однако эти аналогіи представляются чисто внѣшними и для насъ даже почти неуловимыми. Большею частью случайныя или ничтожныя обстоятельства изъ жизни учителя напоминали его ученикамъ нѣкоторыя мѣста въ Псалмахъ или у пророковъ, и благодаря тому, что мысли ихъ постоянно были заняты этимъ, они усматривали въ такихъ мѣстахъ образъ своего учителя [2]). Такимъ образомъ вся экзегетика того времени заключалась почти только въ игрѣ словами, въ цитатахъ, которыя приводились

---

1) Напр. Матѳея, I, 22; II, 5—6; 15, 18; IV, 15.

2) Матѳея, I, 23; IV, 6, 14; XXVI, 31, 54, 56; XXVII, 9, 35; Марка, XIV, 27; XV, 28; Іоанна, XII, 14, 15; XVIII, 9; XIX, 19, 24, 28, 36.

искусственно и произвольно [1]). Синагога не имѣла оффиціально установленнаго перечня текстовъ, относящихся къ будущему царству. Мессіанскія толкованія были свободны и скорѣе представляли собой игру словъ, чѣмъ серьезную аргументацію.

Что касается чудесъ, то въ ту эпоху они считались непремѣннымъ признакомъ божественности и знаменіемъ пророческаго призванія. Легенды объ Ильѣ и Елисеѣ были полны чудесъ. Считалось непреложнымъ, что Мессія тоже будетъ совершать много чудесъ [2]). Въ недалекомъ разстояніи отъ Іисуса, въ Самаріи, волхвъ, по имени Симонъ, своими фокусами создалъ себѣ роль почти божественную [3]). Впослѣдствіи, когда хотѣли раздуть славу Аполлонія Тіанскаго и доказать, что вся жизнь его была странствованіемъ бога на землѣ, это оказалось возможно не иначе, какъ путемъ измышленія цѣлаго ряда чудесъ, которыя онъ будто бы совершилъ [4]). Сами александрійскіе философы, Плотинъ и другіе, увѣряли, будто они совершали чудеса [5]). Такимъ образомъ Іисусу предстояло выбрать одно изъ двухъ, или отказаться отъ своей миссіи, или сдѣлаться чудотворцемъ. Надо припомнить, что весь античный міръ, за исключеніемъ великихъ научныхъ школъ Греціи и ихъ римскихъ послѣдователей, признавалъ чудеса; что Іисусъ съ своей стороны не только вѣрилъ въ нихъ, но и не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о естественномъ порядкѣ и его законахъ. Знанія его въ этомъ отношеніи были ничуть не выше, чѣмъ его современниковъ. Даже болѣе того, однимъ изъ наиболѣе глубоко укоренившихся его убѣжденій было именно то, что человѣкъ,

---

[1]) Мы видимъ это почти на каждой страницѣ Талмуда.

[2]) Іоанна, VII, 34; 4 книга Ездры, XIII, 50.

[3]) Дѣянія, VIII, 9 и слѣд.

[4]) См. его біографію, написанную Филостратомъ.

[5]) См. Евнапа, Жизнеописанія софистовъ; жизнь Плотина. жизнь Прокла, Маринія; жизвь Исидора, приписываемая Да

при помощи вѣры и молитвы можетъ повелѣвать природою [1]). Способность творить чудеса вообще считалась привиллегіею, которою Богъ регулярно надѣляетъ людей [2]) и въ этомъ не находили ничего удивительнаго.

Времена перемѣнились, и то, что составляло славу великаго учителя, намъ теперь представляется какъ бы униженіемъ его достоинства, и если когда либо культъ Іисуса ослабѣетъ среди человѣчества, то несомнѣнно это будетъ именно благодаря тѣмъ его дѣяніямъ, за которыя въ него увѣровали. Критика не находитъ никакихъ затрудненій при оцѣнкѣ этого рода историческихъ явленій. Чудотворецъ нашего времени, если не имѣть въ виду крайней наивности, какая напр. имѣла мѣсто у нѣкоторыхъ стигматизированныхъ въ Германіи, внушалъ бы отвращеніе, ибо онъ совершалъ бы чудеса, въ которыя самъ не вѣритъ; онъ непремѣнно былъ бы шарлатаномъ. Но если мы возьмемъ Франциска Ассизскаго, то положеніе совершенно измѣнится; циклъ чудесъ, связанный съ зарожденіемъ ордена св. Франциска, не только насъ не оскорбляетъ, но даже доставляетъ намъ истинное удовольствіе. Основатели христіанства жили въ состояніи поэтическаго невѣдѣнія, почти столь же полнаго, какъ у св. Клары и у трехъ сотоварищей (tres socii). Имъ казалось совершенно естественнымъ, что учитель ихъ видится съ Моисеемъ и Иліей, что онъ повелѣваетъ стихіями, исцѣляетъ больныхъ. Сверхъ того надо припомнить, что всякая идея утрачиваетъ свою чистоту, лишь только она обнаруживаетъ стремленіе осуществиться. Тутъ никогда нельзя добиться успѣха безъ нѣкотораго тренія, отъ котораго страдаетъ чуткая душа. Но такова уже участь слабаго ума человѣческаго, что обыкновенно все наилучшее достигается лишь плохими средствами. Доказательства первоначальныхъ апологетовъ христіанства основаны на очень сла-

---

1) Матѳея, XVII, 19; XXI, 21—22; Марка, XI, 23—24.

2) Матѳея, IX, 8.

бой аргументаціи. Моисей, Христофоръ Колумбъ, Магометъ восторжествовали надъ препятствіями лишь считаясь изо дня въ день съ слабостью людей и доказывая истину не всегда правдивыми доводами. Возможно, что окружающіе Іисуса были въ большей степени поражены его чудесами, нежели его проповѣдями, при всей ихъ необыкновенной божественной глубинѣ. Прибавимъ еще, что народная молва, какъ при жизни, такъ и послѣ смерти Іисуса, безъ сомнѣнія чудовищно преувеличивала число его чудесъ. Въ самомъ дѣлѣ типы евангельскихъ чудесъ не отличаются большимъ разнообразіемъ; они повторяютъ другъ друга и представляются сколкомъ съ весьма ограниченнаго числа образцовъ, приспособленныхъ къ народному вкусу.

Среди разсказовъ о чудесахъ, утомительно перечисляемыхъ въ Евангеліяхъ, невозможно отличить чудеса, приписанныя Іисусу общественнымъ мнѣніемъ при жизни его, или послѣ смерти, отъ тѣхъ чудесъ, въ которыхъ онъ далъ согласіе играть активную роль. Въ особенности невозможно опредѣлить, насколько исторически достовѣрны нѣкоторыя, непріятно поражающія подробности этого рода событій, въ видѣ, напр., усилій, смущенія, трепета, и другихъ пріемовъ, отзывающихся фокусничествомъ[1]), или же всѣ эти обстоятельства представляютъ собой плоды вѣрованій редакторовъ, сильно озабоченныхъ теургіей и въ этомъ отношеніи жившихъ въ такой же атмосферѣ, какъ спириты нашего времени [2]). Дѣйствительно народное мнѣніе требовало, чтобы божественная сила въ человѣкѣ являлась въ видѣ нѣкоего эпилептическаго или конвульсивнаго припадка[3]). Почти всѣ чудеса, о которыхъ Іисусъ

---

[1]) Луки, VIII, 45—46; Іоанна, XI, 33, 38.

[2]) Дѣянія, II, 2 и слѣд.; IV, 31; VIII, 15 и слѣд.; X, 4[illegible] теченіе почти цѣлаго вѣка апостолы и ихъ ученики грезя[illegible] См. Дѣянія, посланія св. Павла, Евсевія (цитаты изъ П[illegible] III, 39. Ср. Марка, III, 15; XVI, 17, 18, 20.

[3]) Марка, V, 30; Луки, VI, 19; VIII, 46; Іоанна, XI, 33,

думалъ, что онъ ихъ совершилъ, были, какъ кажется, чудесными исцѣленіями. Въ ту эпоху медицина въ Іудеѣ была тѣмъ, чѣмъ она осталась и донынѣ на Востокѣ, т. е. не имѣла ничего общаго съ наукой и предоставлялась исключительно индивидуальному вдохновленію. Научная медицина, основанная въ Греціи пятью вѣками раньше, въ эпоху Іисуса была почти неизвѣстна палестинскимъ іудеямъ. При такомъ состояніи знаній, появленіе высшаго существа, человѣка, который относится къ больному съ нѣжностью и внушаетъ ему увѣренность въ выздоровленіи, часто оказывается самымъ лучшимъ лекарствомъ. Кто осмѣлится утверждать, что во многихъ случаяхъ, за исключеніемъ болѣзней, связанныхъ съ органическими поврежденіями, самое прикосновеніе къ больному особеннаго человѣка не стоитъ всего фармацевтическаго арсенала? Самая радость, удовольствіе повидать его, уже имѣетъ цѣлительное дѣйствіе. Она даетъ, что можетъ: улыбку, надежду на выздоровленіе, и этого не такъ мало.

Іисусъ имѣлъ такое же представленіе о раціональной медицинѣ, какъ и большинство его современниковъ; какъ и всѣ, онъ вѣрилъ, что излеченіе достигается главнымъ образомъ съ помощью религіозныхъ обрядовъ, и такое вѣрованіе было совершенно послѣдовательнымъ. Разъ, что на болѣзнь смотрѣли какъ на наказаніе за грѣхъ [1]), или какъ на навожденіе злого духа [2]), а отнюдь не какъ на результатъ физическихъ причинъ, лучшимъ врачемъ считался святой человѣкъ, обладающій сверхъестественной силой. На исцѣленіе смотрѣли какъ на дѣяніе нравственнаго порядка; Іисусъ, ощущавшій свою нравственную силу, долженъ былъ думать, что онъ одаренъ и спеціальной способностью исцѣлять. При увѣренности, что прикосновеніе къ его одеждѣ [3]), возложеніе рукъ [4]), сма-

[1]) Іоанна, V, 14; IX, 1 и слѣд., 34.
[2]) Матѳея, IX, 32—33; XII, 22; Луки, XIII, 11, 16.
[3]) Луки, VIII, 45—46.
[4]) Луки, 14, 40.

зываніе своей слюной [1]), приноситъ больнымъ пользу, съ его стороны было бы жестокимъ, если бы онъ отказывалъ страждущимъ въ утѣшеніи, которое было въ его власти дать имъ. Исцѣленіе больныхъ считалось однимъ изъ знаменій царства Божія и всегда связывалось съ освобожденіемъ нищихъ [2]). И то и другое было признакомъ великаго переворота, который долженъ былъ закончиться уничтоженіемъ всѣхъ несправедливостей и немощей. Ессеніане, у которыхъ имѣется столько родственнаго съ Іисусомъ, слыли тоже весьма могущественными цѣлителями [3]).

Одинъ изъ видовъ исцѣленій, которыя чаще всего совершалъ Іисусъ, было заклинаніе, или изгнаніе бѣсовъ. Необычайная легкость, съ которой принималась вѣра въ демоновъ, была общей для всѣхъ умовъ той эпохи. По общему мнѣнію, господствовавшему не только въ Іудеѣ, но и во всемъ мірѣ, демоны могли овладѣвать тѣломъ иныхъ людей и заставлять ихъ дѣйствовать противъ собственной ихъ воли. Персидскій *дивъ*, неоднократно упоминаемый въ Авестѣ [4]), *Аешма-даева*, „дивъ любострастныхъ вожделѣній", извѣстный у іудеевъ подъ названіемъ *Асмодея* [5]), считался причиной всѣхъ истерическихъ заболѣваній у женщинъ [6]). Тѣмъ же самымъ объяснялось происхожденіе эпилепсіи, всѣхъ душевныхъ и нервныхъ болѣзней [7]), при которыхъ больной какъ бы не владѣетъ собой, всякаго рода недуги, для которыхъ не усматривается видимой причины, какъ напр., глухота, нѣ-

[1]) Марка, VIII, 23; Іоанна, IX, 6.

[2]) Матѳея, XI, 5; XV, 30—31; Луки, IX, 1—2, 6.

[3]) См. выше примѣч. 5 на стр. 27.

[4]) *Вендидадъ*, XI, 26; *Ясна*, X, 18.

[5]) Товита, III, 8; VI, 14; Вавил. Талм., *Гиттинъ*, 68 а.

[6]) Ср. Марка XVI, 9; Луки, VIII, 2; Еванг. Дѣтства, 16, 33. Сирійскій кодексъ въ Anecdota syriaca у Ланда, I, стр. 452.

[7]) Іосифъ, Bell. Iud., VII, VI, 3; Луціанъ, Philopseud., 16; Филостратъ Vita Apoll., III, 38; IV, 20; Аретей, De causis morb. chron., I, 4.

мота [1]). Превосходный трактатъ Гиппократа „О священной болѣзни“, въ которомъ были установлены еще за четыре съ половиной вѣка до Іисуса истинные принципы медицины по этому предмету, не разсѣялъ общаго заблужденія на этотъ счетъ. Существовало предположеніе, что для изгнанія демоновъ есть болѣе или менѣе дѣйствительные пріемы: заклинаніе составляло такую же опредѣленную профессію, какъ медицина [2]). Нѣтъ сомнѣнія, что Іисусу еще при жизни приписывалось знакомство съ новѣйшими секретами этого искусства [3]). Въ тѣ времена въ Іудеѣ было много сумашедшихъ, вѣроятно вслѣдствіе крайней экзальтаціи умовъ. Эти сумашедшіе, ходившіе на свободѣ, какъ это имѣетъ мѣсто въ тѣхъ странахъ и въ настоящее время, поселялись въ покинутыхъ пещерахъ, служившихъ гробницами, и обычно дававшихъ пріютъ разбойникамъ. Іисусъ часто сталкивался съ подобными несчастливцами [4]). По этому поводу ходило множество странныхъ разсказовъ, въ которыхъ запечатлѣлось все легковѣріе той эпохи. Но и въ этомъ отношеніи не слѣдуетъ преувеличивать вліяніе Іисуса. Душевныя разстройства, которыми страдали одержимые, часто были сами по себѣ довольно легкими. Еще и въ наши дни въ Сиріи сумашедшими или одержимыми бѣсомъ (оба эти понятія извѣстны подъ однимъ общимъ названіемъ *меджнунъ*) считаютъ людей, отличающихся лишь нѣкоторыми странностями [5]). Часто нѣжнаго слова достаточно, чтобы „изгнать демона“ въ подобныхъ случаяхъ.

---

1) Матѳея, IX, 33; XII, 22; Марка, IX, 16, 24; Луки, XI, 44.

2) Товита, VIII, 2—3; Матѳея, XII, 27; Марка, IX, 38; Дѣянія, XIX, 13; Іосифъ, Ant., VIII, 11, 5; Іустинъ, Dial. cum Tryphone, 85; Луціанъ, Epigr.; XXIII (XVII Диндорфа).

3) Матѳея, XVII, 20; Марка, IX, 24 и слѣд.

4) Матѳея, VIII, 28; IX, 34; XII, 43 и слѣд.; XVII, 14 и слѣд.; 20; Марка, V, 1 и слѣд.; Луки, VIII, 27 и слѣд.

5) Фразу „Daemonum habes“ (Матѳея, XI, 18; Лука, VII, 33; Іоанна, VII, 20; VIII, 48 и слѣд.; X, 20 и слѣд.) слѣдуетъ переводить; „Ты сумашедшій“, что по арабски будетъ „*Меджнунъ энте*“. Глаголъ δαιμονᾶν

Безъ сомнѣнія таковы и были средства, которыми пользовался Іисусъ. Кто знаетъ, не распространилась ли его слава заклинателя почти безъ его вѣдома? Люди, живущіе на востокѣ, нерѣдко по прошествіи нѣкотораго времени съ удивленіемъ узнаютъ, что пользуются огромной славой медика, колдуна, отъискивателя кладовъ, причемъ совершенно не могутъ дать себѣ отчета въ томъ, какіе именно факты послужили поводомъ для подобныхъ вымысловъ [1]).

Сверхъ того, многія обстоятельства указываютъ на то, что Іисусъ лишь впослѣдствіи сдѣлался чудотворцемъ и притомъ противъ своего желанія. Нерѣдко онъ совершаетъ чудеса только послѣ усиленныхъ просьбъ, какъ-бы съ неудовольствіемъ и упрекая тѣхъ, которые просятъ объ этомъ, въ умственной грубости [2]). Затѣмъ, необъяснимой съ перваго взгляда особенностью является у него стремленіе совершать свои чудеса тайкомъ, причемъ онъ даетъ людямъ, получившимъ отъ него исцѣленіе, совѣтъ никому объ этомъ не разсказывать [3]). Когда бѣсы хотятъ объявить его Сыномъ Бо-

во всемъ классическомъ античномъ мірѣ имѣлъ также значеніе „быть сумашедшимъ“.

[1]) Одинъ человѣкъ, замѣшанный въ современныя сектантскія движенія въ Персіи, разсказывалъ мнѣ, что когда онъ образовалъ вокругъ себя кружокъ франмасоновъ на началахъ, имѣвшихъ большой успѣхъ, то очень скоро онъ былъ прославленъ въ качествѣ пророка и къ удивленію своему сталъ ежедневно получать свѣдѣнія о чудесахъ, которыя онъ будто бы совершилъ. Нашлась масса людей, готовыхъ чуть ли не идти за него на смерть. Легенда о немъ, такъ сказать, росла у него на глазахъ и увлекла бы его, если бы само персидское правительство не освободило его изъ подъ вліянія его учениковъ. Человѣкъ этотъ говорилъ мнѣ, что едва не сдѣлавшись пророкомъ, онъ знаетъ, какъ происходятъ такого рода вещи, и что конечно онѣ совершаются именно такъ, какъ я ихъ описалъ въ *Жизни Іисуса*.

[2]) Матѳея, XII, 39; XVI, 4; XVII, 16; Марка, VIII, 17 и слѣд.; IX, 18; Луки, IX, 41; XI, 29.

[3]) Матѳея, VIII, 4; IX, 30, 31; XII, 16 и слѣд.; Марка, I, 44; VII, 24 и слѣд.; VIII, 26

жимъ, онъ запрещаетъ имъ говорить; они признаютъ его вопреки его волѣ [1]). Эти черты особенно характерны у Марка, который по преимуществу является повѣствователемъ чудесъ и заклинаній. Повидимому, ученикъ, доставлявшій основныя данныя этого Евангелія, особенно утруждалъ Іисуса своимъ восхищеніемъ по поводу чудесъ, такъ что учитель, тяготившійся такого рода репутаціей, не разъ говаривалъ ему: „молчи объ этомъ“. Одинъ разъ неудовольствіе по этому поводу разразилось странной вспышкой [2]), выраженіемъ гнѣва, въ которомъ сквозитъ, что Іисуса утомляли эти вѣчныя просьбы слабыхъ умовъ. Можно сказать, что моментами роль чудотворца ему непріятна, и что онъ пытается возможно меньше разглашать чудеса, которыя, такъ сказать, родятся на каждомъ его шагу. Когда враги его просятъ у него чуда, особенно небеснаго, метеора, онъ имъ упорно въ этомъ отказываетъ [3]). Слѣдовательно, позволительно думать, что репутація чудотворца была ему навязана, что онъ не слишкомъ этому противился, но ничѣмъ и не содѣйствовалъ этому, и что, во всякомъ случаѣ, онъ сознавалъ неосновательность общественнаго мнѣнія въ этомъ отношеніи.

Если бы мы стали слишкомъ поддаваться нашимъ антипатіямъ, то погрѣшили бы противъ историческаго метода. Чтобы удовлетворить существеннымъ условіямъ истинной критики, необходимо понимать разницу эпохъ и освободиться отъ инстинктивныхъ привычекъ, которыя являются результатомъ чисто раціоналистическаго воспитанія. Для того чтобы избавить характеръ Іисуса отъ нареканій, которыя онъ можетъ на себя навлечь, не слѣдуетъ умалчивать о фактахъ, которые въ глазахъ его современниковъ были бы поставлены

---

1) Марка, I, 24—25, 34; III, 12; Луки, IV, 41. Ср. Жизнь Исидора, приписываемая Дамаскину, § 56.

2) Матѳея, XVII, 16; Марка, IX, 18; Луки, IX, 41.

3) Матѳея, XII, 38 и слѣд.; XVI, 1 и слѣд.; Марка, VIII, 11; Луки, XI, 29 и слѣд.

на первый планъ [1]). Было бы весьма удобно утверждать, что все это добавленія учениковъ, которые стояли гораздо ниже своего учителя и не будучи въ состояніи понять истиннаго его величія, пытались возвеличить его пріемами, совершенно недостойными его. Но всѣ четыре повѣствователя жизни Іисуса единогласно восхваляютъ его чудеса; одинъ изъ нихъ, переводчикъ апостола Петра [2]), Маркъ, до такой степени настаиваетъ на этомъ пунктѣ, что если бы характеръ Христа пришлось изображать единственно по этому Евангелію, то Іисусъ оказался бы заклинателемъ, обладающимъ рѣдкой обаятельностью, чрезвычайно могущественнымъ волшебникомъ, котораго боялись и отъ котораго любили какъ нибудь избавиться [3]). Итакъ, мы, не колеблясь, должны допустить, что дѣянія, которыя въ наше время разсматривались бы какъ признаки иллюзіи или безумія, занимали въ жизни Іисуса видное мѣсто. Но можно-ли пожертвовать этой темной сторонѣ великой стороной подобной жизни? Этого слѣдовало-бы остеречься. Простой волшебникъ не вызвалъ бы нравственной революціи, подобной той, которую совершилъ Іисусъ. Если бы въ Іисусѣ чудотворецъ заслонилъ собой моралиста и религіознаго реформатора, то отъ него произошла бы школа теургіи, а не христіанства.

Тотъ же вопросъ въ сущности можетъ быть одинаково поставленъ по отношенію ко всѣмъ святымъ и основателямъ религій. Тѣ состоянія, которыя въ наше время считаются патологическими, какъ, наприм., эпилепсія, видѣнія, нѣкогда считались признакомъ силы и величія. Нынѣшняя медицина

Іосифъ, Ant., XVIII, III, 3.

2) Папій у Евсевія, Hist. eccl., III, 39.

3) Марка, VI, 40; V, 15, 17, 33; VI, 49, 50; X, 32. Ср. Матѳея, VIII, 27, 34; IX; 8; XIV, 27; XVII, 6—7; Луки, IV, 36; V, 17; VIII, 25, 35, 37; IX, 34. Въ апокрифическомъ евангеліи называемомъ „отъ Ѳомы Израильтянина“, эта черта доведена до самой крайней нелѣпости. Ср. Miracles de l'enfance, у Тило, Cod. apocr., N. T., стр. CX, примѣчаніе.

можетъ опредѣлить ту болѣзнь, которая рѣшила судьбу Магомета[1]). Почти вплоть до нашего времени, люди, больше всего потрудившіеся на благо своихъ ближнихъ (даже самъ прекрасный Венсанъ-де-Поль!), слыли, волей неволей, чудотворцами. Но если исходить изъ того положенія, что каждый историческій человѣкъ, которому приписываются дѣянія, почитающіяся въ XIX вѣкѣ мало осмысленными, или шарлатанскими, самъ былъ сумашедшимъ или шарлатаномъ, то вся критика будетъ направлена по ложному пути. Александрійская школа была благородна, а между тѣмъ она отдавалась пріемамъ экстравагантной теургіи. Сократъ и Паскаль не были свободны отъ галлюцинацій. Всѣ событія должно объяснять причинами, которыя имъ пропорціональны. Слабости человѣческаго ума порождаютъ только слабость; великія событія происходятъ отъ великихъ причинъ, заложенныхъ въ природѣ человѣка, хотя нерѣдко такія событія сопровождаются подробностями, которыя для поверхностнаго ума заслоняютъ собой ихъ величіе.

Итакъ, въ общемъ было бы правильно придти къ заключенію, что Іисусъ былъ чудотворцемъ и заклинателемъ лишь по неволѣ. Какъ всегда бываетъ съ великими божественными натурами, онъ скорѣе подчинялся чудесамъ, которыхъ отъ него требовало общественное мнѣніе, нежели совершалъ ихъ. Обыкновенно чудо является дѣломъ публики, а не того, кому оно приписывается. Если бы Іисусъ и отказывался упорно совершать чудеса, толпа создала бы ихъ для него; самымъ великимъ чудомъ было бы, если бы онъ не дѣлалъ чудесъ; въ этомъ случаѣ всѣ законы исторіи и психологіи толпы потерпѣли бы сильнѣйшее нарушеніе. Онъ былъ не болѣе властенъ умѣрить жадное стремленіе толпы и собственныхъ своихъ учениковъ къ чудесному, нежели св. Бернаръ,

---

1) Hysteria muscularis Шенлейна. Шпренгеръ, Das Leben und die Lehre des Mohammad, I, стр. 207 и слѣд.

или св. Францискъ Ассизскій. Чудеса Іисуса были тѣмъ насиліемъ, которое надъ нимъ совершилъ его вѣкъ, уступкой, которая была вырвана у него потребностью эпохи. Но заклинатель и чудотворецъ пали и забыты, между тѣмъ какъ реформаторъ религіи будетъ вѣчно жить.

Даже тѣ, кто въ него не вѣрилъ, были поражены этими фактами и старались сами ихъ повидать [1]). Язычники и мало освѣдомленные люди испытывали чувство страха и старались выпроводить его изъ своихъ округовъ [2]). Быть можетъ, многіе помышляли воспользоваться его именемъ для возстанія [1]). Но чисто моральное, отнюдь не политическое направленіе дѣятельности Іисуса спасало его отъ подобныхъ увлеченій. Царство его находилось въ кругу дѣтей, которыхъ привлекали къ нему и удерживали возлѣ него одинаковая юность воображенія и одно и то же предвкушеніе царства небеснаго.

---

[1]) Матѳея, XIV, 1 и слѣд.; Марка, VI, 14; Луки, IX, 7; [illegible]

[2]) Матѳея, VIII, 34; V, 17; VIII, 37.

[3]) Іоанна, VI, 14—15. Ср. Луки, XXII, 36—38.

ГЛАВА XVII

Окончательная форма идей Іисуса о царствѣ Божіемъ

Мы должны предположить, что эта послѣдняя фаза дѣя-ельности Іисуса продолжалась около восьмнадцати мѣсяцевъ, о времени возвращенія его изъ паломничества на Пасху въ 1 г. и до путешествія его на праздникъ (поставленія кущей) кинопигіи въ 32 г.[1]) За этотъ промежутокъ времени мысль исуса не обогатилась ни однимъ новымъ элементомъ, но се въ немъ развивалось и выработывалось съ постоянно озрастающей степенью мощности и смѣлости.

Основной идеей Іисуса съ перваго его дня было установленіе царства Божія. Но, какъ уже было сказано, это цар-ство Божіе Іисусъ понималъ въ весьма различномъ смыслѣ. Иногда Іисуса можно было бы счесть демократическимъ во-

---

[1]) Іоанна, V, 1; VII, 2. По изложенію Іоанна общественная жизнь Іисуса, повидимому, продолжалась два или три года. У синоптиковъ въ этомъ отношеніи мы не находимъ точнаго опредѣленія, хотя у нихъ какъ бы замѣчается намѣреніе втиснуть всѣ событія въ рамку одного года. Ср. аналогичное мнѣніе валентиніанъ, у Иринея, Adv. haer., I, III, 3; II, XXII, 1 и слѣд.; и мнѣніе автора псевдо-климентовыхъ Проповѣдей, XVII, 19. Если вѣрно предположеніе, что Іисусъ умеръ въ 33 г., то согласно Лукѣ, III, 1, получится промежутокъ времени въ пять лѣтъ. Во всякомъ случаѣ, такъ какъ Пилатъ былъ смѣщенъ передъ Пасхой 36 г., то продолжительность общественной жизни Іисуса не могла быть больше еми лѣтъ. Недоразумѣніе въ этомъ отношеніи произошло безъ сомнѣнія слѣдствіе того, что начало общественной жизни нельзя считать такимъ ѣзко опредѣленнымъ событіемъ, какъ это обыкновенно предполагается.

ждемъ, желающимъ просто учредить царство бѣдныхъ и обездоленныхъ. Въ другой разъ царство Божіе является буквальнымъ осуществленіемъ апокалипсическихъ видѣній, относящихся къ Мессіи. Наконецъ, часто царство Божіе есть царство душъ, а грядущее освобожденіе—освобожденіе духа. Въ этомъ случаѣ революція, къ которой стремился Іисусъ, является именно той, которая и совершилась въ дѣйствительности, учрежденіемъ новаго культа, болѣе чистаго, нежели культъ Моисея.—Повидимому, всѣ эти мысли жили одновременно въ сознаніи Іисуса. Первая изъ нихъ, идея свѣтской революціи, казалось бы, не очень долго останавливала на себѣ его вниманіе. Іисусъ никогда не считалъ земное, земныя богатства, матеріальную власть, настолько цѣнными, чтобы стоило о нихъ думать. У него не было никакого внѣшняго самолюбія. Иногда, въ силу естественной послѣдовательности, его высокое религіозное значеніе было готово обратиться въ соціальное. Къ нему обращались съ просьбой быть судьей и посредникомъ въ вопросахъ имущественныхъ. Іисусъ съ гордостью отклонялъ подобнаго рода предложенія, почти какъ оскорбительныя для него [1]). Онъ жилъ своимъ небеснымъ идеаломъ и никогда не измѣнялъ бѣдности и своему пренебрежительному отношенію къ богатству. Что касается двухъ другихъ понятій о царствѣ Божіемъ, то въ Іисусѣ они какъ бы уживались одновременно. Если бы онъ былъ не болѣе какъ энтузіастомъ, запутавшимся въ апокалипсахъ, которыми питалось народное воображеніе, то онъ остался бы неизвѣстнымъ сектантомъ, стоящимъ ниже тѣхъ, кому принадлежали плѣнившія его идеи. Если бы онъ былъ только пуританиномъ, въ родѣ Каннинга, или „савоярскаго викарія", то, безспорно, онъ не имѣлъ бы никакого успѣха. Обѣ части его системы, или, лучше сказать, оба его понятія о Божіемъ опирались одно на другое, и это взаим

1) Луки, XII, 13—14.

ваніе увѣнчалось необыкновеннымъ успѣхомъ. Первые христіане были духовидцами, мысли ихъ вращались въ мірѣ идей, который мы бы опредѣлили, какъ міръ мечтаній; но они являются въ то же время героями соціальной борьбы, которая закончилась освобожденіемъ совѣсти и учрежденіемъ новой религіи, а изъ этой религіи, въ концѣ концовъ, долженъ будетъ выйти чистый культъ, возвѣщенный ея основателемъ.

Апокалипсическія идеи Іисуса въ ихъ наиболѣе полномъ видѣ, можно было бы формулировать слѣдующимъ образомъ:

Существующій общественный строй приходитъ къ концу. Концомъ этимъ будетъ громадный переворотъ, „агонія", похожая на родовыя боли, *полингенезія* или „возрожденіе", по собственному выраженію Іисуса [1]), которому будутъ предшествовать зловѣщія бѣдствія и о которомъ предвозвѣстятъ странныя явленія [2]). Въ самый великій день на небѣ вспыхнетъ знаменіе сына человѣческаго; то будетъ громоподобно и молніеносное видѣніе, какъ на горѣ Синаѣ: страшная гроза разразится на небѣ, снопъ огня мгновенно вспыхнетъ отъ

[1]) Матѳея, X, XI 22.

[2]) Матѳея, XXIV, 3 и слѣд.; Марка, XIII, 4 и слѣд.; Луки, XVII, 22 и слѣд.; XXI, 7 и слѣд. Надо замѣтить, что картина кончины міра, приписываемая здѣсь Іисусу синоптиками, заключаетъ въ себѣ много чертъ, относящихся къ осадѣ Іерусалима. Лука писалъ свое Евангеліе спустя нѣкоторое время послѣ этой осады (XXI, 9, 20, 24). Напротивъ, редакція Матѳея (XXVI, 15, 16, 22, 29) переноситъ именно къ моменту самой осады, или къ эпохѣ непосредственно слѣдовавшей послѣ нея. Между тѣмъ, безъ всякаго сомнѣнія, Іисусъ возвѣщалъ великіе ужасы лишь какъ явленія, предшествующія его второму пришествію. Эти ужасы входили въ составъ всѣхъ іудейскихъ апокалипсовъ. Енохъ, XCIX—C, CII, CIII (подраздѣленіе Дилльмана); Carm. sibyll., III, 334 и слѣд.; 633 и слѣд; V, 511 и слѣд.; Успеніе Моисея, гл. 5 и слѣд. (изд. Гильгенфельда); Апокалипсъ Варуха, у Церіани, Monum., т. I, вып. II, стр. 79 и слѣд. Также и у Даніила царство святыхъ наступитъ лишь послѣ того какъ отчаяніе достигнетъ своей высшей точки; (VII, 25 и слѣд.; VIII, 23 и слѣд.; IX, 26—27; XII, 1).

востока до запада. Мессія явится на облакахъ [1]), во всей своей силѣ и славѣ, при трубномъ звукѣ, окруженный ангелами. Ученики его возсядутъ рядомъ съ нимъ на тронахъ. Тогда мертвые воскреснутъ и Мессія воздастъ каждому по дѣламъ его [2]).

На этомъ судѣ, люди будутъ раздѣлены на двѣ категоріи, по ихъ дѣламъ [3]). Исполнителями приговора будутъ ангелы [4]). Избранные войдутъ въ чудное царство, уготованное имъ отъ созданія міра [5]); тамъ они, облеченные свѣтомъ, возлягутъ за пиршество, съ Авраамомъ [6]), патріархами и пророками. Но ихъ будетъ малое число [7]). Прочіе же пойдутъ въ *геенну*. Геенной называлась долина, лежавшая къ западу отъ Іерусалима, Въ различныя эпохи здѣсь предавались культу огня и мѣсто это обратилось въ нѣкотораго рода клоаку. Такимъ образомъ, по представленію Іисуса, геенна есть мрачная, нечистая долина, подземная бездна, пылающая огнемъ [8]). Неудостоенные царства будутъ здѣсь горѣть, ихъ будутъ поѣдать черви, и одну участь съ ними раздѣлятъ Сатана и его мятежные ангелы [9]). Тамъ будетъ плачъ и скре-

---

1) Ср. Даніила, VII, 13; Carm. sibyll., III, 286, 652; Апокал., I, 7.

2) Матѳея, XVI, 27; XIX, 28; XX, 21; XXIII, 39; XXIV, 30 и слѣд.; XXV, 31 и слѣд.; XXVI, 64; Марка, XIV, 62; Луки, XIII, 35; XXII, 30, 69; 1 посл. къ Коринѳ., XV, 52; 1 посл. къ Ѳессалон., IV, 15 и слѣд. Здѣсь христіанская идея сильно отклоняется отъ іудейской. См. 4 книга Ездры, V, 56; VI, 6; XII, 33—34.

3) Матѳея, XIII, 38 и слѣд.; XXV, 33.

4) Матѳея, XIII, 39, 41, 49.

5) Матѳея, XXV, 34. Ср. Іоанна, XIV, 2.

6) Матѳея, VIII, 11, XIII, 43; XXVI, 29; Луки, XIII, 28; XVI, 22; XXII, 30.

7) Луки, XIII, 23 и слѣд.

8) Ср. Вавил. Талм., *Шаббатъ*, 39a.

9) Матѳея, XXV, 41. Идея о падшихъ ангелахъ, получи
ное развитіе въ книгѣ Еноха, была общепринятой въ
Посл. Іуды, 6 и слѣд.; 2-ое посл., приписываемое Св. Пе..
кал., XII, 9; Луки, X, 18; Іоанна, VIII, 44.

жетъ зубовъ [1]). Царство Божіе будетъ какъ замкнутый чертогъ, внутри сіяющій, посреди этого міра мрака и мученій [2]).

Этотъ новый порядокъ вещей будетъ вѣчнымъ. Раю и геённѣ не будетъ конца. Ихъ отдѣляетъ другъ отъ друга непроходимая бездна [3]). Сынъ человѣческій, сидя одесную Бога, будетъ первенствовать въ этомъ окончательномъ состояніи міра и человѣчества [4]).

Изъ сочиненій той эпохи съ абсолютной очевидностью вствуетъ, что все это понималось и учениками, а иногда и амимъ учителемъ, совершенно буквально. Если первое поолѣніе христіанъ обладало какимъ либо глубокимъ и нереложнымъ вѣрованіемъ, то именно въ кончину міра [5]) и ъ то, что великое „явленіе“ [6]) Христа должно произойти въ амомъ непродолжительномъ времени. Энергичное провозлашеніе: „Время близко!“ [7]), которымъ Апокалипсисъ начиается и оканчивается, это безпрестанно повторяемое напоинаніе: „имѣющій уши слышать, да слышитъ“ [8]), были ло-

---

[1]) Матѳея, V, 22, VIII, 12; X, 28, XIII, 40, 42, 50; XVIII, 8; XXIV, 51; XV, 30; Марка, IX, 43 и сл.

[2]) Матѳея, VIII, 12; XXII, 13; XXV, 30. Ср. Іосифъ, В. I., III, VIII, 5.

[3]) Луки, XVI, 28.

[4]) Марка, III, 29; Луки XXII, 69; Дѣянія, VII, 55.

[5]) Луки, XVIII, 8; Дѣянія, II, 17; III, 19 и слѣд.; 1 посл. къ Коринѳ., , 23—24, 52; 1 посл. къ Ѳессалон., III, 13; IV, 14 и слѣд.; V, 23; 2 сл. къ Ѳессал., II, 1—11 (ἐνέστηκεν, ст. 2, означаетъ непосредственную изость; св. Павелъ отрицаетъ, чтобы конецъ міра былъ настолько блиъ, но поддерживаетъ, ст. 7—8, его близость вообще); 1 посл. къ Ти. VI, 14; 2 посл. къ Тимоѳ., IV, 1—8; посл. къ Титу, II, 13; посл. Іаа, V, 3, 8; посл. Іуды, 16—21; 2 посл. Петра, III вся. Апокалипсисъ ь, и въ частности: I, 1; II, 5, 16; III, 11; VI, 11; XI, 14; XXII, 6, 7, 12, Ср. 4 книга Ездры, IV, 26.

[6]) Луки, XVIII, 30; 1 посл. къ Коринѳ., 1, 7—8; 2 посл. къ Ѳессалон. ; 1 посл. св. Петра, I, 7, 13; Апокалипсисъ, I, 1.

[7]) Апокалипсисъ, I, 3; XXII, 10. Ср. I, 1.

[8]) Матѳея, XI, 15; XIII, 9, 43; Марка, IV, 9, 23; VII, 16; Луки, VIII, 8; 35; Апокал., II, 7, 11, 27, 29; III, 6, 13, 32; XIII, 9.

зунгами надеждъ и единенія въ теченіе всего апостольскаго вѣка. Одно изъ сирійскихъ выраженій: *Маранъ аөа*, „Господь нашъ приближается“! [1]), сдѣлалось ходячимъ среди вѣрующихъ; они его повторяли между собой, чтобы утвердиться въ своей вѣрѣ и въ своихъ упованіяхъ. Апокалипсисъ, написанный въ 68 г. по Р. Х. [2]), назначаетъ самый срокъ пришествія черезъ три съ половиной года [3]). Въ „Вознесеніи Исайи“ [4]) приводится расчетъ очень близкій къ этому.

Іисусъ никогда не пускался въ такія опредѣленія. Когда его спрашивали о времени его пришествія, онъ всегда отказывался отвѣчать; однажды онъ заявилъ даже, что дату этого великаго дня знаетъ только Отецъ, который не открывалъ этой тайны ни ангеламъ, ни Сыну [5]). Онъ говорилъ, что въ тотъ моментъ, когда царство Божіе ожидается съ безпокойнымъ любопытствомъ, оно именно и не придетъ [6]). Онъ постоянно повторялъ, что это будетъ такой же неожиданностью, какъ неожиданны были для Ноя и Лота катастрофы, поразившія ихъ; что нужно быть всегда готовымъ къ нему, что всякій долженъ бодрствовать и держать свою лампаду зажженной, какъ для свадебной процессіи, которая назначается неожиданно [7]); что сынъ человѣческій придетъ какъ тать въ ночи, въ часъ когда его не ожидаютъ [8]); что онъ появится, какъ молнія, которая пробѣжитъ отъ одного края горизонта до

---

[1]) 1 посл. къ Коринө. XVI, 22.

[2]) Апокал., XVII. Шестымъ императоромъ, о которомъ авторъ упоминаетъ, какъ о царствующемъ въ данное время, былъ Гальба. Звѣрь, который долженъ вернуться, это Неронъ, имя котораго дается въ цифрахъ (XIII, 18).

[3]) Апокал., XI, 2, 3; XII, 6, 14. Ср. Даніила, VII, 25; XII, 7.

[4]) Гл. IV, ст. 12 и 14. Ср. Цедренусъ, стр. 68 (Paris, 1647).

[5]) Матөея, XXIV, 36; Марка, XIII, 32.

[6]) Луки, XVII, 20. Ср. Вавил. Талм., *Синедріонъ*, 97а.

[7]) Матөея, XXIV, 36 и сл.; Марка, XIII, 32 и сл.; Луки, II, 5, 10 и сл. XVII, 20 и сл.

[8]) Луки, XII, 40; 2 посл. Петра, III, 10.

другого [1]). Но всѣ его заявленія о близости катастрофы не оставляютъ мѣста для разныхъ толкованій [2]). „Нынѣшній родъ, говорилъ онъ, не пройдетъ, какъ все это сбудется. Нѣкоторые изъ стоящихъ здѣсь не вкусятъ смерти, какъ уже увидятъ Сына человѣческаго, грядущаго въ царствѣ своемъ [3])“ Тѣхъ, кто ему не вѣритъ, онъ упрекаетъ въ томъ, что они не умѣютъ различать предвозвѣстниковъ будущаго царства, „Вечеромъ вы говорите: будетъ ведро, потому что небо красно; и поутру: сегодня ненастье, потому что небо багрово. Лицемѣры! различать лице неба вы умѣете, а знаменій времени не можете [4])?“ Благодаря иллюзіи, свойственной всѣмъ великимъ реформаторамъ, Іисусъ представлялъ себѣ конечную цѣль гораздо болѣе близкой, нежели она была въ дѣйствительности; онъ не принималъ въ расчетъ медлительности человѣческихъ движеній; онъ воображалъ, что въ одинъ день осуществится то, что спустя и восемнадцать вѣковъ все еще не закончило своего осуществленія.

Эти столь опредѣленныя заявленія занимали умы христіанской семьи въ теченіе почти семидесяти лѣтъ. Предполагалось, что нѣкоторые изъ учениковъ увидятъ день конечнаго пришествія раньше нежели умрутъ. Въ особенности Іоаннъ *причислялся* къ этимъ ученикамъ [5]). Многіе вѣрили, что онъ никогда не умретъ. Быть можетъ таково было позднѣйшее мнѣніе, возникшее въ концѣ перваго вѣка, въ виду той глубокой старости, до которой Іоаннъ дожилъ, такъ какъ это давало поводъ думать, что Богъ хочетъ оставить его въ живыхъ до великаго дня, чтобы осуществить

---

1) Луки, XVII, 24.

2) Матѳея, X, 23; XXIV—XXV цѣликомъ, въ особенности XXIV, 29, 34; Марка, XIII, 30; Луки, XIII, 35; XXI, 28 и слѣд.

3) Матѳея, XVI, 28; XXIII, 36, 39; XXIV, 34; Марка, VIII, 39; Луки, IX, 27; XXI, 32.

4) Матѳея, XVI, 2—4; Луки XII, 54—56.

5) Іоанна, XXI, 22—23.

такимъ образомъ слово Іисуса. Послѣ того какъ онъ умеръ, у многихъ вѣра поколебалась, а его ученики съ тѣхъ поръ давали предсказанію Христа уже болѣе умѣренное толкованіе[1]).

Признавая полностью апокалипсическія вѣрованія въ томъ видѣ, какъ они изложены въ іудейскихъ апокрифическихъ книгахъ, Іисусъ въ то же время признавалъ и догматъ о воскресеніи изъ мертвыхъ, который является пополненіемъ, или вѣрнѣе, однимъ изъ условій этихъ вѣрованій. Какъ мы уже говорили [2]), это ученіе для Израиля было еще новинкой; масса людей его не знала, или не вѣрила въ него [3]). Для фарисеевъ и горячихъ приверженцевъ мессіанскихъ вѣрованій этотъ догматъ былъ твердо установленнымъ [4]). Іисусъ принялъ его безъ оговорокъ, но понималъ его всегда въ самомъ идеалистическомъ смыслѣ. Многіе представляли себѣ дѣло такъ, что воскресшіе въ будущей жизни будутъ ѣсть, пить, жениться. Іисусъ вполнѣ допускаетъ въ своемъ царствѣ новую пасху, столъ и вино новое [5]), но категорически исключаетъ браки. Саддукеи по этому поводу приводили аргументъ съ виду грубый, но по существу въ достаточной степени соотвѣтствовавшій старой теологіи. Слѣдуетъ припомнить, что по древнимъ мудрецамъ человѣкъ продолжаетъ жить послѣ своей смерти въ своихъ дѣтяхъ. Кодексъ Моисея посвятилъ этой патріархальной теоріи особое оригиналь-

---

[1]) Іоанна, XXI, 22—23. Вся XXI глава четвертаго Евангелія является добавленіемъ, какъ это можно думать, по заключительной формулѣ первоначальной редакціи въ стихѣ 31 главы XX. Но это прибавленіе, повидимому, относится къ той эпохѣ, когда названное Евангеліе было обнародовано.

[2]) См. выше, стр. 41 и 42.

[3]) Марка, IX, 9; Луки, XX, 27 и слѣд.

[4]) Даніилъ, XII, 2 и сл.; 2 книга Маккавейская, гл. VII вся; XII, 45—46; XIV, 46; Дѣянія, XXIII, 6—8; Іосифъ, Ant., XVIII, 1, 3; B. I., II, VIII, 14; III, VIII, 5.

[5]) Матѳея, XXVI, 29, Луки, XXII, 30.

ное учрежденіе, левиратъ. Отсюда саддукеи вывели весьма хитроумныя заключенія, говорившія противъ воскресенія.

Іисусъ вышелъ изъ этого затрудненія, объявивъ категорически, что въ вѣчной жизни разницы между полами не будетъ, и что человѣкъ уподобится ангеламъ [1]). Иногда онъ обѣщаетъ воскресеніе только праведнымъ [2]), а всю кару нечестивцевъ сводитъ къ тому, что они умрутъ безъ остатка и перейдутъ въ состояніе небытія [3]). Однако чаще Іисусъ думаетъ, что и злые воскреснутъ для вѣчной муки [4]).

Какъ видно, во всѣхъ этихъ теоріяхъ не было абсолютно ничего новаго. Ни Евангелія, ни сочиненія апостоловъ, въ отношеніи апокалипсическихъ доктринъ не заключаютъ ничего такого, чего нѣтъ у Даніила [5]), Еноха [6]), въ Сивилльскихъ пророчествахъ [7]), въ Успеніи Моисея [8]), —книгахъ еврейскаго происхожденія. Іисусъ раздѣлялъ эти идеи, общераспространенныя среди его современниковъ. Онъ принялъ ихъ за основу своего дѣла, или лучше сказать, за одну изъ его основъ, ибо онъ имѣлъ слишкомъ глубокое понятіе объ истинномъ значеніи своего дѣла для того чтобы строить его единственно на столь непрочныхъ принципахъ, какъ пророчества, ко-

---

1) Матѳея, XXII, 24 и сл.; Луки, XX, 34—38; евіонитское евангеліе такъ наз. „отъ Египтянъ" у Климента Алекс., Strom., II, 9, 13; Клим. Римск. Посл. II, 12; Вавил. Талм., *Веракотъ*, 17а.

2) Луки, XIV, 14; XX, 35—36. Таково также мнѣніе апостола Павла: I посл. къ Коринѳ., XV, 23 и слѣд. (относительно стиха 51 не слѣдуетъ довѣряться Вульгатѣ); I посл. къ Ѳессалон., IV, 12 и сл. См. выше стр. 41 и 42.

3) Ср. 4 книга Ездры, IX, 22.

4) Матѳея, XXV, 32 и слѣд.

5) См. въ особенности главы II, VI—VIII, X—XIII.

6) Гл. I (главы XLV—LII, LXII внушаютъ подозрѣніе, что онѣ вставлены впослѣдствіи), XCIII, 9 и слѣд.

7) Кн. III, 573 и сл.; 652 и слѣд.; 766 и слѣд.; 795 и слѣд.

8) У Гильгенфельда, Novum. Test. extra canonem. recept., стр. 99 и слѣд.

торыя подвергаются опасности, что событія блистательно опро-вергнутъ ихъ.

Дѣйствительно, подобное ученіе, если его понимать въ буквальномъ смыслѣ, очевидно не могло имѣть будущаго. Міръ, продолжая существовать вопреки этому ученію, былъ бы нагляднымъ опроверженіемъ его. Слѣдовательно, оно могло бы сохраниться самое большее въ теченіе одного поколѣнія. Вѣра въ него перваго поколѣнія христіанъ было бы понятна, но уже для второго поколѣнія она была бы необъяснима. Послѣ смерти Іоанна, или послѣдняго изъ современниковъ Іисуса, кто бы онъ ни былъ, слова учителя оказались бы ложью [1]. Если бы ученіе Іисуса сводилось лишь къ вѣрованію въ близкую кончину міра, несомнѣнно въ настоящее время оно преспокойно было бы предано забвенію. Что же спасло его ученіе? Большой просторъ евангельскихъ взглядовъ, который допускалъ отъискиваніе подъ однимъ и тѣмъ же символомъ идеи, свойственныя весьма различному интеллектуальному состоянію. Кончина міра не послѣдовала, хотя Іисусъ возвѣщалъ ее, а ученики въ нее вѣрили. Но міръ обновился и обновился именно въ томъ смыслѣ, о которомъ говорилъ Іисусъ. Мысль его была плодотворна именно потому, что она имѣла двѣ стороны. Химера, заключавшаяся въ ней, не подверглась общей участи столькихъ другихъ химеръ, порожденныхъ человѣческимъ умомъ, потому что въ ней гнѣздился зародышъ жизни, который, проникнувъ благодаря своей сказочной оболочкѣ въ сознаніе человѣчества, принесъ въ немъ вѣчные плоды.

Не говорите, что такое толкованіе подсказано снисходительностью, измышлено съ цѣлью очистить память нашего великаго учителя отъ жестокаго обличенія его мечтаній суровой дѣйствительностью. Нѣтъ и нѣтъ! Іисусъ понималъ,

---

[1]) Вызванныя этимъ терзанія христіанской совѣсти переданы съ большой наивностью во 2-мъ посланіи, приписываемомъ св. Петру, III, 8 и слѣд.

елалъ и основалъ это истинное царство Божіе, царство ха, гдѣ каждый станетъ царемъ и пастыремъ; царство, коpoe, подобно горчичному зерну, превратится въ могучее рево, осѣняющее весь міръ и дающее въ своихъ вѣтвяхъ ютъ птицамъ и ихъ гнѣздамъ. На ряду съ ложной, ходной, невозможной идеей страшнаго суда, онъ позналъ инный градъ Божій, истинную „палингенезію“, нагорную оповѣдь, апоѳеозъ слабаго, любовь къ народу, любовь къ дности, возвеличеніе всего, что унижено, правдиво и наивно. ъ передалъ намъ это возвеличеніе съ искусствомъ несравнаго артиста такими чертами, которыя не изгладятся во ки. Каждый изъ насъ обязанъ ему лучшей частью своего . Простимъ же ему его вѣру въ несбыточный апокалипъ, въ торжественное пришествіе на облакахъ. Быть мотъ, и это было заблужденіемъ не столько его личнымъ, лько его учениковъ, и если правда, что онъ раздѣлялъ обю иллюзію, то что за бѣда, разъ что его мечта дала ему у встрѣтить смерть и поддержала его въ борьбѣ, которая противномъ случаѣ была бы для него слишкомъ неной?

Итакъ, слѣдуетъ придавать различный смыслъ божественлу граду по идеѣ Іисуса. Если бы его единственная мысль лючалась въ томъ, что близокъ конецъ міра и что къ му надо готовиться, то онъ не далеко ушелъ бы отъ Іоанна стителя. Послѣднимъ словомъ его проповѣди былъ бы зывъ къ тому, чтобы отказаться отъ міра, который готовъ нуть, постепенно отрѣшиться отъ настоящей жизни, стреься къ грядущему царству. Но ученіе Іисуса всегда имѣло аздо болѣе широкій размахъ. Іисусъ стремился къ тому, бы создать новое состояніе для человѣчества, а не только тому, чтобы подготовить кончину существующаго. Илія Іеремія, воскреснувъ, чтобы приготовить людей къ поднимъ катастрофамъ, проповѣдывали бы совсѣмъ не такъ, ь онъ. Это настолько вѣрно, что та нравственность, ко-

торая пріурочивалась къ послѣднимъ днямъ міра, сдѣлалась вѣчной нравственностью и спасла человѣчество. Самъ Іисусъ во многихъ случаяхъ пользуется такими способами проповѣди, которые вовсе не соотвѣтствуютъ апокалипсической теоріи. Нерѣдко онъ заявляетъ, что царство Божіе уже началось, что оно внутри каждаго человѣка, который и можетъ имъ наслаждаться, если онъ этого достоинъ, что каждый создаетъ это царство безъ всякаго шума истиннымъ обращеніемъ къ правдѣ своего сердца [1]). Въ такомъ случаѣ царство Божіе сводится лишь къ добру [2]), къ такому порядку вещей, который лучше существующаго, къ царству правды, водворенію котораго каждый долженъ содѣйствовать по мѣрѣ своихъ силъ; или также къ свободѣ духа, къ состоянію до нѣкоторой степени аналогичному съ буддистскимъ „освобожденіемъ", какъ результатомъ отрѣшенія отъ міра. Эти истины, представляющіяся намъ чисто отвлеченными, для Іисуса были живой дѣйствительностью. Въ его мысляхъ все это имѣетъ конкретную и вещественную форму: Іисусъ самъ былъ человѣкомъ, который наиболѣе твердо вѣрилъ въ реальность своего идеала.

Раздѣляя утопіи своей эпохи и своей расы, Іисусъ съумѣлъ создать изъ нихъ высокія истины, благодаря недоразумѣніямъ, чреватымъ своими послѣдствіями. Его царство Божіе безъ сомнѣнія было апокалипсическимъ, которому скоро предстояло явиться на небѣ. Но сверхъ того, и вѣроятно главнымъ образомъ, это было царство духа, создаваемое свободой и сыновнимъ чувствомъ, которыя испытываетъ добродѣтельный человѣкъ на лонѣ своего Отца. Это была религія необыкновенной чистоты, безъ обрядовъ, безъ храма, безъ жрецовъ; это было нравственное осужденіе міра, переданнаго совѣсти праведнаго человѣка и въ руки народа. Вотъ что было соз-

[1]) Матѳея, VI, 10, 33; Марка, XII, 34; Луки, XI, 2; XII, 31; XVII, 20, 21 и слѣд.

[2]) См. въ особенности Марка, XII, 34.

дано для того, чтобы жить, и дѣйствительно осталось жить. Когда послѣ цѣлаго столѣтія тщетныхъ ожиданій, матеріалистическое упованіе на близкую кончину міра изсякло, истинное царство Божіе отдѣлилось отъ него. Снисходительныя объясненія набросили покрывало на реальное царство, которое не желаетъ наступать. Упрямые умы, въ родѣ Папія, продолжали держаться буквы ученія Іисуса, но къ нимъ относились какъ къ людямъ узкимъ и отсталымъ [1]). Откровеніе Іоанна, эта первая книга Новаго Завѣта [2]) въ собственномъ смыслѣ слова, была отодвинута на второй планъ, такъ какъ въ ней слишкомъ категорически высказывалась идея катастрофы въ ближайшемъ будущемъ; ее признали непонятной, искажали на тысячу ладовъ, и почти что отвергали [3]). Или, по крайней мѣрѣ, осуществленіе ея пророчествъ отодвинули въ безконечно далекое будущее. Немногіе отставшіе бѣдняки, которые въ эпоху расцвѣта критики все еще хранили въ себѣ надежды первыхъ учениковъ, были объявлены еретиками, затерялись въ нижнихъ слояхъ христіанства. Человѣчество перешло къ другому царству Божію. Истина, составлявшая извѣстную часть идеи Іисуса, отвлекла человѣчество отъ химеры, затемнявшей эту идею.

Но не будемъ относиться къ этой химерѣ съ презрѣніемъ; она была лишь грубой корой священнаго ядра, которымъ мы живы. Фантастическое царство небесное, неустанное исканіе

---

[1]) Ириней, Adv. haer., V, XXXIII, 3, 4; Евсевій, Hist. eccl., III, 39.

[2]) Іустинъ, Dial. cum Tryph., 81.

[3]) Греческая церковь долгое время выкидывала ее изъ канона. Евсевій, H. E., III, 25, 28, 39; VII, 25; Кириллъ Іерусалимскій, Catech., IV, 33—36; XV, 16; Григорій Назіанзъ, Carm., стр. 261, 1104, изд. Кайо; Лаодикейскій Соборъ, канонъ 60; продолж. *хронографіи* Никифора, стр. 419 (Paris, 1652). Арминіане также относятъ апокалипсисъ къ книгамъ, принадлежность коихъ къ канону сомнительна. Саркисъ Шноргали, цит. въ Exercice de la foi héret., съ одобренія католикоса Нерсеса (Москва, 1850, на армянскомъ языкѣ), стр. 115—117. Наконецъ апокалипсисъ не упоминается въ древней версіи Пескито.

града Божьяго, которымъ всегда было занято христіанство за всю его длинную исторію, было главнымъ принципомъ великаго инстинкта будущаго, который воодушевлялъ всѣхъ реформаторовъ, упрямыхъ послѣдователей апокалипсиса, отъ Іоахима Флора до протестантскаго сектанта нашего времени. Это стремленіе, не будучи въ силахъ создать совершенное общество, было источникомъ необычайнаго напряженія, которое всегда превращало истиннаго христіанина въ атлета въ его борьбѣ противъ настоящаго. Такимъ образомъ идея „царства Божія" и Апокалипсисъ, который даетъ полную картину его, представляютъ въ извѣстномъ смыслѣ наиболѣе возвышенное и наиболѣе поэтическое выраженіе человѣческаго прогресса. Разумѣется отсюда же должны были исходить и великія заблужденія. Кончина міра, какъ угроза, постоянно висѣвшая надъ человѣчествомъ, вызывая періодическіе страхи, принесла не мало вреда всякому общественному развитію [1]). Общество, не будучи увѣрено въ прочности своего существованія, нажило себѣ отъ этого нѣкоторый вѣчный трепетъ и тѣ привычки унизительнаго смиренія, благодаря которымъ средніе вѣка стоятъ значительно ниже античнаго міра и современной эпохи. Сверхъ того произошло глубокое измѣненіе во взглядѣ на пришествіе Христа. Когда въ первый разъ человѣчеству было возвѣщено, что планетѣ его приходитъ конецъ, оно, какъ дитя, встрѣчающее смерть улыбкой, приняло эту вѣсть съ искреннѣйшей и живѣйшей радостью, какую когда либо испытывало. Но старѣясь, міръ привязался къ жизни. День избавленія, котораго такъ долго ждали чистыя души Галилеи, для этихъ желѣзныхъ вѣковъ сдѣлался днемъ гнѣва: Dies irae, dies illa! Но и въ нѣдрахъ варварства идея царства Божія оставалась плодотворной. Нѣкоторые изъ актовъ первой половины среднихъ вѣковъ, начинавшіеся формулой: „Въ виду приближенія вечернихъ су-

[1]) См. напр. прологъ Григорія Турскаго въ его Histoire ecclésiastique des Francs.

мерокъ міра...“, были хартіями свободы. Не взирая на феодальную церковь, многія секты, религіозные ордена, святые люди не переставали протестовать противъ несправедливостей міра. Даже въ наши дни, въ наше смутное время, когда у Іисуса нѣтъ болѣе истинныхъ продолжателей его дѣла, нежели именно тѣ, кто какъ бы отрицаетъ его, мечты объ идеальномъ строѣ общества, имѣющія столько сходства съ мечтами первоначальныхъ христіанскихъ сектъ, въ извѣстномъ смыслѣ представляютъ собой лишь развитіе той же идеи, одну изъ вѣтвей того громаднаго дерева, въ которомъ прозябаютъ всѣ мысли о будущемъ, а стволъ и корень котораго вѣчно будетъ составлять „царство Божіе“. Всѣ соціальныя революціи человѣчества будутъ прививками идеи, заключающейся въ этихъ словахъ. Но будучи запятнаны грубымъ матеріализмомъ, стремясь къ невозможному, т. е. къ основанію всеобщаго счастья путемъ политическихъ и экономическихъ мѣропріятій, попытки „соціалистовъ“ нашего времени останутся безплодными до тѣхъ поръ, пока они не примутъ за основу истинный духъ Іисуса, подъ которымъ я разумѣю абсолютный идеализмъ, тотъ принципъ, что для того чтобы владѣть землей, надо отъ нея отказаться.

Съ другой стороны, слова „царство Божіе“ необыкновенно удачно выражаютъ потребность души въ нѣкоторомъ дополненіи къ судьбѣ человѣческой, въ компенсаціи за существующую на землѣ неправду жизни. Тѣ, кто не хочетъ признать, что человѣкъ состоитъ изъ двухъ сущностей, кто находитъ, что догматъ деизма о безсмертіи души противорѣчитъ физіологіи, любятъ убаюкивать себя надеждой на конечное возмѣщеніе, которое такъ или иначе, въ неизвѣстной формѣ, удовлетворитъ потребности человѣческаго сердца. Какъ знать, не принесетъ ли намъ послѣдняя степень прогресса спустя милліоны вѣковъ абсолютнаго познанія вселенной и не произойдетъ ли въ этомъ познаніи возрожденіе всего пережитаго? Сонъ въ теченіе милліона вѣковъ не длиннѣе сна въ

теченіе часа. Имѣя въ виду эту гипотезу можно признать что св. Павелъ опять таки былъ правъ говоря [1]): in ictu oculi! (въ мгновеніе ока!) Несомнѣнно, что нравственность и добродѣтель человѣчества восторжествуютъ, что рано или поздно чувство честнаго бѣднаго человѣка будетъ судить міръ и что въ тотъ день идеальный образъ Іисуса смутитъ суетнаго человѣка, не вѣрившаго въ добродѣтель, эгоиста, не умѣвшаго съ ней сообразоваться. Такимъ образомъ любимое выраженіе Іисуса остается исполненнымъ вѣчной красоты. Словно даръ грандіознаго предвидѣнія руководилъ въ этомъ отношеніи великимъ учителемъ и удерживалъ его на безпредѣльной высотѣ, на которой онъ совмѣщалъ въ себѣ въ одно и то же время истины различнаго порядка.

---

[1]) 1 посл. къ Коринѳ., XV. 52.

ГЛАВА XVIII

Учрежденія Іисуса

Мы видимъ доказательство тому, что Іисусъ никогда не былъ весь поглощенъ апокалиптическими идеями, въ томъ, что въ то самое время, когда онъ былъ болѣе всего занятъ ими, онъ съ изумительною увѣренностью въ своихъ взглядахъ набрасывалъ основы Церкви, предназначенной для долготы дней. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что онъ самъ выбралъ изъ числа своихъ учениковъ тѣхъ, которыхъ по преимуществу называли „апостолами“ или „двѣнадцатью“, такъ какъ уже на другой день послѣ его смерти мы встрѣчаемъ ихъ какъ организацію, которая путемъ выбора пополняетъ выбывшаго изъ ихъ среды [1]). Въ числѣ ихъ были двое сыновей Іоны, двое сыновей Зеведея, Іаковъ, сынъ Алфея, Филиппъ, Наѳанаилъ Варѳоломей, Ѳома, Матвій, Симонъ Зилотъ, Ѳаддей или Леввій, Іуда изъ Керіота [2]). Возможно, что при опредѣленіи этого числа играла извѣстную роль идея двѣнадцати колѣнъ Израиля [3]). Какъ бы то ни было эти „двѣнадцать“ составляли группу привиллегированныхъ учениковъ, среди которой Петръ сохранялъ за собой чисто брат-

---

[1]) Матѳея, X, 1 и слѣд.; Марка, III, 13 и слѣд.: Луки, IV, 13; Іоанна, VI, 70; XIII, 18; XV, 16; Дѣянія, I, 15 и слѣд.; 1 посл. къ Коринѳ., XV, 5; Посл. къ Галат., I, 10; Апокал., XXI, 12.

[2]) Матѳея, X, 2 и слѣд.; Марка, III, 16 и слѣд.; Лука, VI, 14, и слѣд. Дѣянія, I, 13; Папій у Евсевія, Hist. eccl., III, 39.

[3]) Матѳея, XIX, 28; Луки, XXII, 30.

ское [1]) старшинство и которой Іисусъ довѣрилъ пропаганду своего ученія. Но тутъ не было и помина о правильно организованной жреческой коллегіи; самые списки „двѣнадцати“, дошедшіе до насъ, представляютъ много неточностей и противорѣчій; двое или трое изъ лицъ, внесенныхъ въ нихъ, остались въ полнѣйшей неизвѣстности. По меньшей мѣрѣ двое изъ нихъ, Петръ и Филиппъ [2]), были женаты и имѣли дѣтей.

Очевидно Іисусъ сообщалъ этимъ двѣнадцати тайны, которыя запрещалось доводить до общаго свѣдѣнія [3]). Иногда представляется, будто онъ хотѣлъ облечь свою личность въ нѣкотораго рода таинственность, отложить главнѣйшія доказательства до времени, которое наступитъ послѣ его смерти, открыться вполнѣ только своимъ ученикамъ, поручивъ имъ впослѣдствіи объявить объ этомъ всему міру [4]). „Что говорю вамъ въ темнотѣ, говорите при свѣтѣ; и что на ухо слышите, проповѣдуйте на кровляхъ“. Такимъ образомъ онъ избавлялся отъ слишкомъ точныхъ объясненій и создавалъ нѣкотораго рода посредничество между собой и общественнымъ мнѣніемъ. Несомнѣнно, что для апостоловъ существовали тайныя поученія и что онъ развивалъ имъ нѣкоторыя притчи, смыслъ которыхъ для толпы оставлялъ неопредѣленнымъ [5]). Нѣкоторая загадочность и оригинальность въ связи между отдѣльными мыслями были тогда общеприняты въ поученіяхъ книжниковъ, какъ объ этомъ можно судить по сентенціямъ

---

[1]) Дѣянія, I, 15; II, 14; V, 2—3, 29; VIII, 19; XV, 7; посл. къ Галат. I, 18.

[2]) Относительно Петра см. выше стр. 116; относительно Филиппа см. у Папія, Поликрата и Климента Александрія, по цит. у Евсевія, Hist. eccl., III, 30, 31, 39; V, 24.

[3]) Матѳея, XVI, 20; XVII, 9; Марка, VIII, 30; IX, 8.

[4]) Матѳея, X, 27, 26; XVI, 20; Марка, IV, 21 и слѣд.; VIII, VIII, 17; IX, 21; XII, 2 и слѣд.; Іоанна, XIV, 22; Посл. Варнавь

[5]) Матѳея, XIII, 10 и слѣд.; 34 и слѣд.; Марка, IV, 10 и с слѣд.; Луки, VIII, 9 и слѣд.; XII, 41.

въ *Пиркэ-Аботъ:* Іисусъ объяснялъ своимъ ближайшимъ ученикамъ то, что казалось страннымъ въ его апоѳегмахъ и апологахъ и для нихъ очищалъ свое поученіе отъ изобиловавшихъ въ немъ и иногда затемнявшихъ его смыслъ сравненій [1]). Многія изъ такихъ объясненій, повидимому, тщательно сохранялись [2]).

Апостолы начали проповѣдывать еще при жизни Іисуса [3]), но никогда сколько нибудь не отклонялись отъ него. Впрочемъ ихъ проповѣдь ограничивалась тѣмъ, что они возвѣщали скорое пришествіе царства Божія [4]). Они переходили изъ города въ городъ, пользовались гостепріимствомъ, или лучше сказать, согласно обычаямъ того времени, сами забирали все, что требовалось. На востокѣ гость пользуется большимъ авторитетомъ; онъ старше хозяина дома; хозяинъ оказываетъ ему величайшее довѣріе. Проповѣдь у домашняго очага превосходное средство для пропаганды новыхъ ученій. Пришелецъ показываетъ припрятанное у него сокровище; въ этомъ заключается плата за гостепріимство; благодаря вѣжливости и добрымъ отношеніямъ весь домъ такимъ образомъ оказывается завоеванъ, обращенъ. Безъ восточнаго гостепріимства распространеніе христіанства было бы невозможно объяснить. Іисусъ, высоко цѣнившій добрые старые нравы, приглашалъ своихъ учениковъ, не стѣсняясь, пользоваться этимъ древнимъ общественнымъ правомъ, которое въ большихъ городахъ, гдѣ существовали и гостинницы [5]), вѣроятно уже не соблюдалось. „Работникъ, говорилъ онъ, достоинъ своей платы“. Водворившись у кого нибудь, они здѣсь и оставались, ѣли

---

[1]) Матѳея, XVI, 6 и слѣд.; Марка, VII, 17—23.

[2]) Матѳея, XIII, 18 и слѣд.; Марка, VII, 18 и слѣд.

[3]) Луки, IX, 6.

[4]) Луки, X, 11.

[5]) Греческое слово πανδοκεῖον на всѣхъ восточныхъ нарѣчіяхъ одинаково и означаетъ гостинницу.

и пили то, что имъ предлагали хозяева, до окончанія своей миссіи [1]).

Іисусъ желалъ, чтобы по его примѣру, благовѣствующіе послы при помощи доброжелательныхъ манеръ и привѣтливости сообщали бы своей проповѣди пріятный характеръ. Онъ требовалъ, чтобы, входя въ домъ, они произносили: „миръ дому сему", или пожеланіе счастья. Нѣкоторые колебались, такъ какъ такое привѣтствіе на востокѣ въ то время, какъ и нынѣ, считалось знакомъ религіознаго общенія, заявлять о которомъ людямъ неизвѣстной вѣры было бы рискованно [2]). „Не бойтесь, говорилъ Іисусъ, если въ домѣ никто не будетъ достоинъ вашего мира, миръ вашъ къ вамъ возвратится" [3]). Иногда, дѣйствительно, случалось, что апостоловъ царства Божія худо принимали и они приходили жаловаться Іисусу, который обыкновенно старался ихъ успокоить. Нѣкоторые изъ нихъ, убѣжденные во всемогуществѣ своего учителя, обижались такой его снисходительностью. Сыновья Зеведея просили его послать съ неба огонь на негостепріимные города [4]). Іисусъ относился къ такимъ вспышкамъ съ свойственной ему тонкой ироніей и сдерживалъ ихъ словами: „я пришелъ не губить души, а спасать".

Онъ пытался всѣми способами установить тотъ принципъ, что апостолы его то же, что онъ самъ [5]). Думали, что онъ передалъ имъ свои чудесныя силы. Они изгоняли демоновъ, пророчествовали, и образовали школу знаменитыхъ заклинателей [6]), хотя несомнѣнно, что нѣкоторые случаи оказывались имъ не по силамъ [7]). Они совершали также исцѣленія,

1) Марка, VI, 10 и слѣд.

2) 2 посл. Іоанна, 10—11.

3) Матѳея, X, 11 и слѣд.; Луки, X, 5 и слѣд.

4) Луки, IX, 52 и слѣд.

5) Матѳея, X, 40—42; XXV, 35 и слѣд.; Марка, IX, 40; Луки, X, 16; Іоанна, XIII, 20.

6) Матѳея, VII, 22; X, 1; Марка, III, 15; VI, 13; Луки, X, 17.

7) Матѳея, XVII, 18—19.

или возложеніемъ рукъ, или при помощи помазыванія масломъ [1]), что было однимъ изъ главныхъ пріемовъ восточной медицины. Наконецъ, подобно „псилламъ" они могли брать въ руки змѣй и безнаказанно принимать внутрь смертельные яды [2]). И по мѣрѣ того, какъ эпоха Іисуса уходила въ прошлое, эта теургія становилась все болѣе отталкивающей. Но нѣтъ сомнѣнія, что она входила въ обычное право первоначальной церкви и что она болѣе всего привлекала къ себѣ вниманіе современниковъ [3]). Какъ и слѣдовало ожидать шарлатаны начали эксплоатировать такое легковѣріе народа. Еще при жизни Іисуса многіе, не будучи его учениками, изгоняли бѣсовъ его именемъ. Истинные ученики сильно гнѣвались на это и старались помѣшать такимъ заклинателямъ. Іисусъ, не усматривая въ этомъ никакого ущерба для своей славы, напротивъ не обнаруживалъ къ нимъ особенной строгости [4]). Надо еще замѣтить, что такого рода сверхъестественная власть, если можно такъ выразиться, становилась уже ремесломъ. Доводя свои логическіе выводы до абсурда, нѣкоторые люди изгоняли бѣсовъ именемъ Вельзевула [5]), князя демоновъ. Предполагалось, что этотъ князь тьмы и адскихъ легіоновъ долженъ былъ имѣть неограниченную власть надъ своими поданными и, слѣдовательно, дѣйствуя черезъ него, можно было съ полной увѣренностью заставить бѣса обратиться въ бѣгство [6]). Нѣкоторые дѣлали даже попытки купить у учениковъ Іисуса секретъ ихъ чудеснаго дара, который имъ былъ довѣренъ [7]).

Съ этого времени уже проявляется первый зародышъ

---

1) Марка, VI, 13; XVI, 18; Посл. Іакова, V, 14.

2) Марка, XVI, 18; Луки, X, 19.

3) Марка, XVI, 20.

4) Марка, IX, 37—38; Луки, IX, 49—50.

5) Древнее божество филистимлянъ, превращенное іудеями въ демона.

6) Матѳея, XII, 24 и слѣд.

7) Дѣянія, VIII, 18 и слѣд.

Церкви. Плодотворная идея власти людей, соединившихся между собой (ecclesia), повидимому, принадлежитъ именно Іисусу. Проникшись своимъ чисто идеалистическимъ ученіемъ, что въ союзѣ, основанномъ на любви, имѣется на лицо участіе душъ, онъ заявлялъ, что гдѣ нѣсколько человѣкъ соберется во имя его, тамъ и онъ будетъ посреди нихъ. Онъ ввѣряетъ церкви право связывать и разрѣшать (т. е. объявлять то или другое дозволеннымъ или недозволеннымъ), отпускать грѣхи, облегчать, давать предупрежденія, молиться съ увѣренностью, что молитва будетъ услышана [1]). Возможно, что многія изъ этихъ словъ были приписаны учителю позднѣе, чтобы создать такимъ образомъ основу для коллективной власти, которую впослѣдствіи пытались поставить на мѣсто его авторитета. Во всякомъ случаѣ мы видимъ, что отдѣльныя церкви начали организоваться лишь послѣ его смерти и притомъ первая ихъ конституція создавалась просто по образцу синагогъ. Многія лица, сильно привязавшіяся къ Іисусу и возлагавшія на него большія ожиданія, какъ напр. Іосифъ Аримаѳейскій, Марія Магдалина, Никодимъ, повидимому, не вошли въ эти церкви и остались при нѣжныхъ и почтительныхъ воспоминаніяхъ, которыя у нихъ сохранились о немъ.

Въ концѣ концовъ въ поученіяхъ Іисуса нѣтъ ни слѣда прикладной морали, ни сколько нибудь опредѣленнаго каноническаго права. Лишь въ одномъ случаѣ, именно, по поводу брака, онъ выразился съ полной опредѣленностью и запретилъ разводы [2]). Точно также въ его ученіи нѣтъ ни богословіи, ни символовъ. Едва лишь намѣчены нѣкоторые взгляды на Отца, Сына, Св. Духа [3]), изъ которыхъ впослѣдствіи были созданы Троичность и Воплощеніе, но которые у него оста-

---

[1]) Матѳея, XVII, 17 и слѣд.; Іоанна, XX, 23.
[2]) Матѳея, XIX, 3 и слѣд.
[3]) Матѳея, XXVIII, 19; Ср. Матѳея, III, 16—17; Іоанна, XV, 26.

вались лишь въ видѣ неопредѣленныхъ образовъ. Въ послѣднихъ книгахъ іудейскаго канона уже упоминается о Св. Духѣ, какъ о нѣкоторой ипостаси божества, иногда отождествляемой съ Мудростью или Словомъ [1]). Іисусъ на этомъ пунктѣ не настаивалъ [2]), но обѣщалъ дать своимъ ученикамъ крещеніе огнемъ и Духомъ Святымъ [3]), которое будетъ имѣть преимущество передъ крещеніемъ Іоанна. Для Іисуса Духъ Святой не отдѣлялся отъ понятія объ вдохновеніи, постоянно исходившемъ отъ Бога Отца [4]). Впослѣдствіи появились болѣе тонкія различія. Представляли себѣ дѣло такимъ образомъ, что Іисусъ обѣщалъ своимъ ученикамъ послать къ нимъ послѣ своей смерти вмѣсто себя Духа, который научитъ ихъ всему и будетъ свидѣтельствовать объ истинахъ, возвѣщенныхъ имъ самимъ [5]). Однажды апостолы получили увѣренность въ томъ, что они и восприняли это крещеніе Святымъ Духомъ, сошедшимъ на нихъ въ видѣ сильнаго вѣтра и огненныхъ языковъ [6]). Для означенія того же самаго понятія о Св. Духѣ пользовались терминомъ *Параклитъ*, заимствованнымъ сирійско-халдейскимъ языкомъ у греческаго (παράκλητος), и, повидимому, получивщимъ въ этомъ случаѣ значеніе „Ходатая“ [7]), Утѣшителя [8])“, „наставника въ небесныхъ истинахъ“, на котораго возложено „возвѣстить людямъ тайны, еще скрытыя отъ нихъ [9])“. Весьма сомнительно, чтобы Іисусъ

---

1) Премудрость Соломона, I, 7; VII, 7; IX, 17; XII, 1; Еклез., 1, 9; XV, 5; XXIV, 27; XXXIX, 8; Юдиѳь, XVI, 17.

2) Матѳея, X, 20; Луки XII, 12; XXIV, 49; Іоанна, XIV, 26; XV, 26.

3) Матѳея, III, 11; Марка, I, 8; Луки, III, 16; Іоанна, I, 26, III, 5; Дѣянія, I, 5, 8; X, 47.

4) Матѳея, X, 20; Марка, XIII, 11; Луки, XII, 12; XXI, 15.

5) Іоанна, XV, 26; XVI, 13, 16. Ср. Луки, XXIV, 49; Дѣянія, I, 8.

6) Дѣянія, II, 1—4; XI, 15; XIX, 6. Ср. Іоанна, VII, 39.

7) *Параклиту* противупоставлялся *катигоръ* (κατήγορος), „обвинитель“.

8) Іоанна, XIV, 16; 1-е посл. Іоанна, II, 1.

9) Іоанна, XIV, 26; XV, 26; XVI, 7 и слѣд. Это слово встрѣчается въ четвертомъ Евангеліи и у Филона, De mundi opificio, § 6.

употреблялъ это слово. Въ этомъ отношеніи примѣнялся пріемъ, которымъ впослѣдствіи въ теченіе вѣковъ пользовались іудейское богословіе и христіанское богословіе, и отъ котораго долженъ былъ произойти цѣлый рядъ божественныхъ ассистентовъ, *метатронъ*, *синадельфъ* или *сандальфонъ*, и всѣ олицетворенія каббаллы, съ той только разницей, что въ іудаизмѣ этимъ созданіямъ богословія суждено было остаться въ видѣ частичныхъ и свободныхъ умозрѣній, тогда какъ въ христіанствѣ, уже начиная съ IV вѣка, они должны были войти въ самую сущность православія и всеобщаго догмата.

Безполезно было бы отмѣчать, насколько самая мысль о религіозной книгѣ, въ которую бы вошли кодексъ и правила вѣры, была чужда идеямъ Іисуса. Не только онъ не составлялъ такой книги, но даже всему духу нарождавшейся секты противорѣчило составленіе священныхъ книгъ. Всѣ вѣрили въ канунъ великой конечной катастрофы. Ожидался Мессія, который наложитъ печать на Законъ и Пророковъ, а новыхъ текстовъ возвѣщать уже не будетъ. И за исключеніемъ Апокалипсиса, который въ извѣстномъ смыслѣ является единственной книгой откровенія первоначальнаго христіанства [1]), всѣ сочиненія апостольскаго вѣка носятъ случайный характеръ и нисколько не обнаруживаютъ притязаній дать полный догматическій сводъ. Евангелія имѣли сперва чисто частный характеръ и пользовались гораздо меньшимъ авторитетомъ, нежели преданіе [2]).

Однако, не имѣла ли новая секта какого-либо таинства, обряда, внѣшняго знака сообщества? Одинъ такой знакъ, по всѣмъ преданіямъ установленный самимъ Іисусомъ, дѣйствительно былъ. Одной изъ любимыхъ идей учителя была та, что онъ есть новый хлѣбъ, хлѣбъ, имѣющій несомнѣнное преимуще-

---

[1]) Іустинъ, Dial. cum. Tryph., 81.
[2]) Папій, у Евсевія, Hist. eccl., III, 39.

ство передъ манной, хлѣбъ, которымъ будетъ жить все человѣчество. Эта идея, зародышъ таинства Евхаристіи, въ его устахъ иногда принимала до странности конкретную форму. Однажды въ синагогѣ въ Капернаумѣ онъ дошелъ въ этомъ отношеніи до такой смѣлости, что она ему стоила многихъ изъ его учениковъ: „Истинно, истинно говорю вамъ, сказалъ онъ, не Моисей далъ вамъ хлѣбъ съ неба, а Отецъ Мой даетъ вамъ истинный хлѣбъ съ небесъ [1])". И затѣмъ прибавилъ: „Я есмь хлѣбъ жизни: приходящій ко мнѣ не будетъ алкать, и вѣрующій въ меня—не будетъ жаждать никогда [2])". Эти слова вызвали оживленный протестъ. „И возроптали на него іудеи за то, что онъ сказалъ: я есмь хлѣбъ, сшедшій съ небесъ, и говорили, не Іисусъ ли это, сынъ Іосифовъ, котораго отца и мать мы знаемъ? Какъ же говоритъ Онъ: Я сшелъ съ небесъ?" Но Іисусъ настаивалъ усиленно на этомъ. „Я есмь хлѣбъ жизни: отцы ваши ѣли манну въ пустынѣ и умерли; хлѣбъ же, сходящій съ небесъ, таковъ, что ядущій его не умретъ. Я—хлѣбъ живый, сшедшій съ небесъ; ядущій хлѣбъ сей будетъ жить во вѣкъ; хлѣбъ-же, который Я дамъ, есть Плоть Моя, которую Я отдамъ за жизнь міра [3])". Общее негодованіе дошло до высшей точки: „какъ онъ можетъ дать намъ ѣсть Плоть Свою?" Но Іисусъ пошелъ еще дальше: „Истинно, истинно говорю вамъ: если не будете ѣсть Плоти Сына Человѣческаго и пить Крови Его, то не будете имѣть въ себѣ жизни: ядущій Мою Плоть и піющій Мою Кровь имѣетъ жизнь вѣчную, и Я воскрешу его въ послѣдній день; ибо Плоть Моя истинно есть Пища, и Кровь Моя истинно есть

---

[1]) Іоанна, VI, 32 и слѣд.

[2]) Подобный же оборотъ рѣчи, вызывающій недоразумѣнія, находится у Іоанна, IV, 10 и слѣд.

[3]) Всѣ эти рѣчи носятъ на себѣ слишкомъ явный отпечатокъ стиля, свойственнаго четвертому Евангелію, для того чтобы возможно было признать ихъ точность. Тѣмъ не менѣе въ инцидентѣ, сообщаемомъ въ VI главѣ этого Евангелія, нельзя не признать исторической реальности.

теченіе часа. Имѣя въ виду эту гипотезу можно призн
что св. Павелъ опять таки былъ правъ говоря [1]): in ictu o
(въ мгновеніе ока!) Несомнѣнно, что нравственность и до
дѣтель человѣчества восторжествуютъ, что рано или по
чувство честнаго бѣднаго человѣка будетъ судить мір
что въ тотъ день идеальный образъ Іисуса смутитъ сует
человѣка, не вѣрившаго въ добродѣтель, эгоиста, не ум
шаго съ ней сообразоваться. Такимъ образомъ любимое
раженіе Іисуса остается исполненнымъ вѣчной красоты. Сл
даръ грандіознаго предвидѣнія руководилъ въ этомъ о
шеніи великимъ учителемъ и удерживалъ его на безпредѣ
ной высотѣ, на которой онъ совмѣщалъ въ себѣ въ одн
то же время истины различнаго порядка.

---

[1]) 1 посл. къ Коринѳ., XV. 52.

ГЛАВА XVIII

Учрежденія Іисуса

видимъ доказательство тому, что Іисусъ никогда не
ѣесь поглощенъ апокалиптическими идеями, въ томъ,
то самое время, когда онъ былъ болѣе всего занятъ
нъ съ изумительною увѣренностью въ своихъ взгля-
абрасывалъ основы Церкви, предназначенной для дол-
ней. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что онъ
ыбралъ изъ числа своихъ учениковъ тѣхъ, которыхъ
имуществу называли „апостолами" или „двѣнадцатью",
акъ уже на другой день послѣ его смерти мы встрѣ-
ихъ какъ организацію, которая путемъ выбора попол-
выбывшаго изъ ихъ среды [1]). Въ числѣ ихъ были двое
й Іоны, двое сыновей Зеведея, Іаковъ, сынъ Алфея,
пъ, Наѳанаилъ Варѳоломей, Ѳома, Матвій, Симонъ Зи-
Ѳаддей или Леввій, Іуда изъ Керіота [2]). Возможно, что
редѣленіи этого числа играла извѣстную роль идея
дцати колѣнъ Израиля [3]). Какъ бы то ни было эти
дцать" составляли группу привиллегированныхъ уче-
, среди которой Петръ сохранялъ за собой чисто брат-

атѳея, X, 1 и слѣд.; Марка, III, 13 и слѣд.: Луки, IV, 13; Іоанна,
XIII, 18; XV, 16; Дѣянія, I, 15 и слѣд.; 1 посл. къ Коринѳ., XV, 5;
ь Галат., I, 10; Апокал., XXI, 12.
атѳея, X, 2 и слѣд.; Марка, III, 16 и слѣд.; Лука, VI, 14, и слѣд.
I, 13; Папій у Евсевія, Hist. eccl., III, 39.
Iатѳея, XIX, 28; Луки, XXII, 30.

вина [1]). У ессеніанъ и терапевтовъ священная трапеза уже составляла важный обрядъ и получила то развитіе, которое пріобрѣла впослѣдствіи и христіанская вечеря [2]). Участіе въ раздѣлѣ хлѣба разсматривалось, какъ взаимная связь между всѣми участниками, причастіе ихъ къ союзу [3]). Іисусъ въ этомъ отношеніи выражался въ крайне энергичныхъ словахъ, которыя впослѣдствіи были приняты буквально. Іисусъ былъ въ одно и тоже время крайнимъ идеалистомъ въ понятіяхъ и крайнимъ матеріалистомъ въ выраженіяхъ. Желая внушить ту мысль, что вѣрующій живетъ имъ, что самъ онъ, Іисусъ, всецѣло (всей душой, кровью и тѣломъ) составляетъ жизнь вѣрующаго, онъ говорилъ своимъ ученикамъ: „Я есмь ваша пища", и эта фраза передѣланная въ образный стиль превратилась въ положеніе: „Плоть моя вашъ хлѣбъ, кровь моя— ваше питіе". Затѣмъ способъ выражаться, усвоенный Іисусомъ, заводитъ его еще дальше, и за столомъ, указывая на пищу, онъ говоритъ: „Вотъ я", а взявшись за хлѣбъ: „Сіе есть тѣло мое", и за вино: „Сія есть кровь моя". Все это тотъ же образный способъ выраженія одной и той же мысли: „Я есмь ваша пища".

Этотъ мистическій обрядъ получилъ важное значеніе еще при жизни Іисуса. Онъ былъ установленъ вѣроятно задолго до послѣдняго путешествія его въ Іерусалимъ и былъ скорѣе результатомъ общаго ученія, нежели отдѣльнаго опредѣленнаго акта. Послѣ смерти Іисуса онъ превратился въ великій символъ христіанскаго общенія [4]) и самое установленіе его было связано съ однимъ изъ торжественнѣйшихъ моментовъ въ жизни Спасителя. Въ актѣ освященія хлѣба и вина же-

---

1) Матѳея, XIV, 19; Луки, XXIV, 30; Дѣянія, XXVII, 35; Вавил. Талм., *Беракотъ*, 37 в. Такой обычай и донынѣ существуетъ израильтянъ.

2) Филонъ, De vita contempl., § 6—11; Іосифъ, B. I., I

3) Дѣянія, II, 46; XX, 7, 11; 1 посл. къ Коринѳ., X, 16

4) Дѣянія, II, 42, 46.

лали видѣть достопамятное прощаніе Іисуса съ своими учениками въ моментъ, когда онъ оставлялъ жизнь [1]). Въ самомъ таинствѣ усматривали возобновленіе общенія съ самимъ Іисусомъ [2]). Чисто спиритуалистическая идея о присутствіи душъ, которая была одной изъ наиболѣе свойственныхъ учителю, подъ вліяніемъ которой онъ говорилъ, напримѣръ, что самъ присутствуетъ среди своихъ учениковъ, когда они собираются во имя его [3]), облегчало такого рода толкованіе. Мы уже говорили [4]), что Іисусъ никогда не имѣлъ опредѣленнаго мнѣнія о томъ, что дается индивидуальностью. Въ той степени экзальтаціи, до которой онъ дошелъ, идея у него преобладала надъ всѣмъ остальнымъ до такой степени, что тѣло не ставилось ни во что. Тѣ кто любятъ другъ друга, кто живетъ другъ другомъ, составляютъ одно цѣлое; слѣдовательно могутъ ли онъ и его ученики не быть единымъ [5])? Его ученики усвоили такой же способъ выражаться [6]). Тѣ изъ нихъ, кто годами жили имъ, всегда видѣли его передъ собой съ хлѣбомъ и чашей „въ своихъ святыхъ и досточтимыхъ рукахъ“ [7]), предающимъ себя имъ въ пищу. И они вкушали именно его самого въ видѣ хлѣба и вина; онъ сталъ истинной Пасхой, такъ какъ пролитіемъ его крови древняя Пасха отмѣнялась. Нашимъ точно опредѣленнымъ языкомъ, въ которомъ собственный смыслъ и метафора всегда должны строго различаться другъ отъ друга, невозможно передать особенности того стиля, существенной чертой котораго является присвоеніе полной реальности метафорѣ, или вѣрнѣе сказать—идеѣ.

---

1) Луки, XXII, 19; 1 посл. къ Коринѳ., XI, 20 и слѣд.; Іустинъ, Dial. cum Tryph., 41, 70; Апол., I, 66.

2) 1 посл. къ Коринѳ., X, 16.

3) Матѳея, XVIII, 20.

4) См. выше, стр. 191.

5) Іоанна, XII вся.

6) Посл. къ Ефес., III, 17.

7) Слова одного весьма древняго канона греческихъ и латинскихъ мессъ.

ГЛАВА XIX

Прогрессивное наростаніе энтузіазма и экзальтаціи

Совершенно ясно, что подобное религіозное сообщество, основанное исключительно на ожиданіи царства Божія, должно было само по себѣ представляться далеко несовершеннымъ. Все первое поколѣніе христіанъ жило ожиданіемъ и мечтами. Наканунѣ конца міра считалось безцѣльнымъ все, что служитъ только къ продленію существующаго. Собственность была запрещена[1]). Полагалось избѣгать также всего, что привязываетъ человѣка къ земному, всего, что отвлекаетъ его мысли отъ небеснаго. Хотя многіе ученики были женаты, тѣмъ не менѣе всѣ вновь вступавшіе въ секту, повидимому, не женились [2]). Предпочиталось безбрачіе; даже людямъ, состоявшимъ въ бракѣ, предлагалось воздержаніе [3]). Казалось былъ такой моментъ, когда учитель одобрялъ поступокъ тѣхъ, которые увѣчили себя ради царства Божія [4]). Въ этомъ отношеніи онъ былъ только послѣдователенъ, исходя изъ принципа: „если же рука твоя или нога твоя соблазняетъ тебя, отсѣки ихъ и брось отъ себя; лучше тебѣ войти въ жизнь безъ руки или безъ ноги, нежели быть ввержену въ огонь вѣчный съ двумя руками и двумя ногами. И если глазъ твой соблазняетъ тебя, вырви его и брось отъ себя; лучше тебѣ съ однимъ глазомъ войти въ жизнь, нежели съ двумя глазами

[1]) Матѳея, XIX, 21; Луки, XIV, 33; Дѣянія, IV, 32 и слѣд.; V, 1—11.
[2]) Матѳея, XIX, 10 и слѣд.; Луки, XVIII, 29 и слѣд.
[3]) Павелъ всегда проповѣдывалъ это. Ср. Апокалипсисъ, XIV, 4.
[4]) Матѳея, XIX, 2.

быть ввержену въ геенну огненную [1])". Прекращеніе рода нѣкоторые считали признакомъ и необходимымъ условіемъ царства Божія [2]).

Изъ этого видно, что первоначальная христіанская церковь никогда бы не могла образовать прочнаго общества, если бы зародыши, вложенные Іисусомъ въ его ученіе, не отличались большимъ разнообразіемъ. Понадобилось еще болѣе столѣтія, чтобы истинная христіанская церковь, завоевавшая міръ, отдѣлилась отъ этой небольшой секты „святыхъ послѣдняго дня" и обратилась въ кадры, пригодные для всего человѣческаго общества. Въ концѣ концовъ, то же самое случилось съ буддизмомъ, который сперва былъ основанъ только для иноковъ. То же постигло бы и орденъ св. Франциска, если бы ему удалось осуществить свое притязаніе сдѣлаться общимъ правиломъ для всего человѣческаго общества. Великія организаціи, о которыхъ мы упомянули, зародившись въ видѣ утопій и пользуясь успѣхомъ именно благодаря заключавшимся въ нихъ преувеличеніямъ, могли завоевывать міръ только при условіи глубокихъ видоизмѣненій въ нихъ и при согласіи отказаться отъ всѣхъ своихъ чрезмѣрныхъ требованій. Іисусъ не пережилъ этого перваго всецѣло монашескаго періода, когда считали возможнымъ безнаказанно пытаться осуществить неосуществимое. Онъ не дѣлалъ никакихъ уступокъ. Онъ смѣло проповѣдывалъ войну съ природой, полный разрывъ съ кровью. „Истинно говорю вамъ, поучалъ Іисусъ, кто оставитъ свой домъ, жену, братьевъ, родныхъ, дѣтей, ради царства Божія, тому возвратится сторицей въ этомъ мірѣ, а въ будущемъ онъ получитъ жизнь вѣчную [3])".

---

[1]) Матѳея, XVIII, 8, 9. См. Вавил. Талм., *Ниддахъ*, 13 в.

[2]) Матѳея, XXII, 30; Марка, XII, 25; Луки, XX, 35; евіонитское евангеліе, т. наз., „отъ Египтянъ", у Климента Александрійскаго, Strom., [I]II, 9 и 13, и у Климента Римскаго, Epist., II, 12.

[3]) Луки, XVIII, 29—30.

Такой же экзальтаціей дышатъ предписанія, которыя, какъ полагаютъ, Іисусъ давалъ своимъ ученикамъ [1]). Снисходительный къ постороннимъ, довольствуясь иногда полу-приверженностью [2]), по отношенію къ своимъ онъ обнаруживаетъ крайнюю суровость. Тутъ онъ не мирится съ полумѣрами. Это какъ бы „орденъ“, основанный на самыхъ строгихъ правилахъ. Исходя изъ мысли, что житейскія заботы смущаютъ и унижаютъ человѣка, Іисусъ требуетъ отъ своихъ послѣдователей полнаго отрѣшенія отъ земного и абсолютной преданности его дѣлу. Они не должны брать съ собой денегъ, ни съѣстныхъ припасовъ въ дорогу, даже дорожнаго мѣшка, или смѣны платья. Они обязуются быть абсолютно нищими, питаться подаяніемъ, жить изъ милости. „То что вы получили даромъ, отдавайте другимъ даромъ [3])“, такъ выражался онъ на своемъ дивномъ языкѣ. Когда васъ арестуютъ, приведутъ къ судьямъ, не приготовляйтесь, что отвѣчать; небесный ходатай вдохновитъ васъ и внушитъ вамъ отвѣты. Отецъ пошлетъ вамъ свыше своего Духа, который станетъ принципомъ всѣхъ вашихъ дѣяній, руководителемъ вашихъ мыслей, руководителемъ среди міра [4]). Когда васъ изгонятъ изъ какого либо города, отряхните прахъ съ своей обуви, но во всякомъ случаѣ пусть этотъ городъ знаетъ, что дѣлаетъ, чтобы онъ не могъ ссылаться на свое невѣдѣніе о близкомъ пришествіи царства Божія. „И прежде чѣмъ вы обойдете всѣ города Израиля, прибавлялъ онъ, сынъ человѣческій уже появится“.

Страшная горячность воодушевляетъ всѣ эти поученія, которыя отчасти быть можетъ созданы энтузіазмомъ учени-

---

[1]) Матѳея, X вся.; XXIV, 9; Марка, VI, 8 и слѣд.; IX, 40; XIII, 9—13; Луки, IX, 3 и слѣд.; X, 1 и слѣд., XII, 4 и слѣд.; XXI, 17; Іоанна, XV, 18 и слѣд.; XVII, 14.

[2]) Марка, IX, 38 и слѣд.

[3]) Матѳея, X, 8. Ср. Мидрашъ Ялкутъ, *Второзаконіе*, отд. 824:

[4]) Матѳея, X, 20; Іоанна, XIV, 16 и слѣд., 26; XV, 26; XVI, 7, 13.

ковъ [1]), но и въ такомъ случаѣ все-таки косвенно исходятъ тъ самого Іисуса, ибо самый энтузіазмъ этотъ былъ дѣломъ го рукъ. Іисусъ возвѣщалъ тѣмъ, кто желаетъ за нимъ поѣдовать, что ихъ ожидаютъ большія преслѣдованія и невисть со стороны человѣческаго рода. Онъ посылаетъ ихъ къ агнцевъ къ волкамъ. Ихъ будутъ бичевать въ синагохъ, влачить по тюрьмамъ. Братъ будетъ выдавать брата, ецъ своего сына. Когда ихъ будутъ преслѣдовать въ одной ранѣ, пусть бѣгутъ въ другую.

„Ученикъ не выше учителя и слуга не выше господина оего, говорилъ онъ. И не бойтесь убивающихъ тѣло, души не могущихъ убить. Не двѣ ли малыя птицы продаются ассарій? И ни одна изъ нихъ не упадетъ на землю безъ ли Отца вашего; у васъ же и волосы на головѣ всѣ соены; не бойтесь же: вы лучше многихъ малыхъ птицъ [2])".— Итакъ всякаго, кто исповѣдаетъ меня передъ людьми, того повѣдаю и я передъ Отцемъ Моимъ Небеснымъ; а кто речется отъ Меня передъ людьми, отрекусь отъ того и я, гда пріиду въ славѣ Отца Своего со святыми ангелами [3])".

Среди такихъ приступовъ ригоризма онъ доходилъ до ерщвленія плоти. Требованія его становились безграничми. Пренебрегая здравыми предѣлами, которые кладетъ ловѣческая природа, онъ требуетъ, чтобы его послѣдовали жили только для него, любили одного его. „Если кто иходитъ ко мнѣ, говоритъ онъ, и не возненавидитъ отца оего и матери, и жены и дѣтей, и братьевъ и сестеръ, и и томъ и самой жизни своей, тотъ не можетъ быть Моимъ еникомъ [4])".—„Такъ, всякій изъ васъ, кто не отрѣшится отъ

---

[1]) Тексты Матѳея, X, 38; XVI, 24; Марка, VIII, 34; Луки, XIV, 27, гли быть составлены не иначе, какъ послѣ смерти Іисуса.

[2]) Матѳея, X, 24—31; Луки, XII, 4—7.

[3]) Матѳея, X. 32—33; Марка, VIII, 38; Луки, IX, 26; XII, 8—9.

[4]) Луки, XIV, 26. Здѣсь надо считаться съ преувеличеннымъ харакомъ стиля Луки.

всего, что имѣетъ, не можетъ быть моимъ ученикомъ [1])". Въ это время къ его словамъ примѣшивалось нѣчто сверхъ-человѣческое и страшное; то было какъ бы пламя, уничтожавшее всю жизнь въ самомъ ея корнѣ, и превращавшее все въ ужасную пустыню. Рѣзкое и печальное чувство отвращенія къ міру, преувеличеннаго отреченія отъ него, характеризующее христіанское совершенство, было основано не радостнымъ и тонкимъ моралистомъ первыхъ дней, а мрачнымъ гигантомъ, который подъ вліяніемъ нѣкотораго грандіознаго предчувствія все болѣе и болѣе удалялся отъ всего человѣческаго. Можно было бы сказать, что въ эти моменты борьбы съ законнѣйшими изъ требованій сердца онъ забывалъ всѣ радости бытія, удовольствія, которыя испытываетъ человѣкъ, когда онъ любитъ, видитъ, чувствуетъ. Выходя изъ всякой мѣры, онъ осмѣливался говорить: „Кто хочетъ идти за мной, отвергнись отъ себя и возьми крестъ свой и слѣдуй за мною! Кто любитъ отца или мать болѣе, нежели меня, не достоинъ меня; и кто любитъ сына или дочь болѣе, нежели меня, не достоинъ меня. Ибо кто хочетъ душу (жизнь) свою сберечь, тотъ потеряетъ ее, а кто потеряетъ душу свою ради меня тотъ обрѣтетъ ее. Какая польза человѣку, если онъ пріобрѣтетъ весь міръ, а душѣ своей повредитъ [2])"? Два эпизода изъ разряда тѣхъ, которые нельзя считать историческими, но которые предназначены для того, чтобы передать характерную черту, преувеличивъ ее, прекрасно рисуютъ этотъ вызовъ, брошенный природѣ. Іисусъ говоритъ одному человѣку: „Слѣдуй за мной!—Господи, отвѣчаетъ тотъ, позволь мнѣ прежде пойти и похоронить отца моего. — Но Іисусъ сказалъ ему: предоставь мертвымъ погребать своихъ мертвецовъ, а ты иди благовѣствуй Царство Божіе.—Еще другой сказалъ: я пойду

---

[1]) Луки, XIV, 33.

[2]) Матѳея, X, 37—39; XVI, 24—26; Марка, VIII, 34—37; Луки, IX, 23—25; XIV, 26—27; XVII, 33; Іоанна, XII, 25.

тобой, Господи, но прежде позволь мнѣ проститься съ машними своими. Но Іисусъ сказалъ: никто, возложившій ку свою на плугъ и озирающійся назадъ, не благонадеженъ я царствія Божія[1])". Среди такихъ преувеличеній проскальваетъ необычайная увѣренность, а иногда и оттѣнки странй кротости, которыя перевертываютъ вверхъ дномъ всѣ ши представленія. „Придите ко мнѣ, восклицаетъ онъ, всѣ уждающіеся и обремененные, и я успокою васъ; возьмите о мое на себя и научитесь отъ меня, ибо я кротокъ и сминъ сердцемъ и найдете покой душамъ вашимъ; ибо иго е благо и бремя мое легко[2])".

Эта экзальтированная мораль, проповѣдуемая съ страшной ергіей и гиперболическимъ языкомъ, угрожала будущему рьезной опасностью. Отрѣшая человѣка отъ земли, она разиваетъ его жизнь. Христіанинъ получитъ репутацію дурного ына, плохого патріота, такъ какъ ради Христа онъ протиится своему отцу и борется съ своей родиной. Античный родъ, республика общая мать, государство, общій законъ ля всѣхъ, всѣ они построены на враждебномъ отношеніи ъ царству Божію. Такимъ образомъ въ міръ вносится рокоой зародышъ теократіи.

Съ этого момента можно уже предвидѣть и другое послѣдствіе. Перенесенная въ общество, находящееся въ спокойномъ состояніи и увѣренное въ своей собственной прочюсти, эта мораль, созданная для момента кризиса, должна ыла представиться невозможной. Такимъ образомъ Евангеію суждено было сдѣлаться для христіанъ утопіей, объ осуществленіи которой стали бы безпокоиться лишь весьма немногіе. Для огромнаго же большинства эти громоносныя правила осуждены были на полное забвеніе, которое поддерживалось и самимъ духовенствомъ; человѣкъ евангельскаго духа

---

1) Матѳея, VIII, 21—22; Луки, IX, 56—62.
2) Матѳея, XI, 28—30.

будетъ считаться опаснымъ. И для человѣка наиболѣе заинтересованнаго въ жизни, наиболѣе горделиваго, наиболѣе жестокаго, наиболѣе лишеннаго поэтическаго чувства, въ родѣ, напримѣръ, Людовика XIV, должны были найтись священники, которые, наперекоръ Евангелію, стали бы его убѣждать въ томъ, что онъ христіанинъ. Но всегда будутъ встрѣчаться также и святые люди, которые примутъ буквально высокіе парадоксы Іисуса. Тѣмъ самымъ, что совершенство ставилось внѣ обычныхъ общественныхъ условій, а вполнѣ евангельская жизнь оказывалась возможной только внѣ міра, устанавливались принципы аскетизма и монашества. Христіанскія общины должны будутъ усвоить двѣ морали, одну, умѣренно-героическую, для обыкновенныхъ людей, другую, экзальтированную до крайностей, для совершеннаго человѣка; и совершеннымъ человѣкомъ будетъ считаться инокъ, подчиненный правиламъ, которыя будто бы осуществляютъ евангельскій идеалъ. Несомнѣнно, что подобный идеалъ не можетъ получить значенія общаго правила, хотя бы въ виду обязательности безбрачія и нищеты. Такимъ образомъ только монахъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ можетъ считаться истиннымъ христіаниномъ. Здравый смыслъ возмущается подобными крайностями; если считаться съ ними, то въ невозможности исполненія ихъ слѣдуетъ видѣть признакъ слабости и заблужденія. Но обычный здравый смыслъ плохой судья, когда рѣчь идетъ о великихъ вещахъ. Чтобы добиться отъ человѣчества немногаго, слѣдуетъ требовать отъ него побольше. Громадный нравственный прогрессъ, которымъ мы обязаны Евангелію, произошелъ отъ его преувеличеній. Благодаря именно этому, Евангеліе, подобно стоицизму, но въ безконечно большей степени, послужило живымъ доказательствомъ существованія божественныхъ силъ, скрытыхъ въ человѣкѣ, памятникомъ, воздвигнутымъ могуществу человѣческой воли.

Можно легко себѣ представить, что въ тотъ моментъ

кизни Іисуса, до котораго мы теперь дошли, для него абсолютно уже не существовало все, что не относилось къ царству Божію. Онъ былъ, если можно такъ выразиться, совершенно внѣ природы: семья, дружба, родина не имѣли для него никакого смысла. Безъ сомнѣнія уже съ этого времени онъ приносилъ свою жизнь въ жертву. Иногда можно даже придти къ заключенію, что, видя въ своей смерти средство основать свое царство, онъ сознательно и обдуманно велъ къ тому, чтобы заставить убить себя [1]). Въ другихъ случаяхъ (хотя подобная мысль была возведена на степень догмата лишь впослѣдствіи) смерть представляется ему жертвой, предназначенной для примиренія съ его Отцомъ и для спасенія людей [2]). Онъ былъ проникнутъ страннымъ вкусомъ къ преслѣдованіямъ и мученіямъ [3]). Собственная кровь представлялась ему водой второго крещенія, которою ему предстояло омыться, и, казалось, будто имъ овладѣла странная поспѣшность идти на встрѣчу этому крещенію, которое одно только и могло утолить его жажду [4]).

Величіе его взглядовъ на будущее по временамъ бываетъ поразительнымъ. Онъ не скрываетъ отъ себя той страшной бури, которую ему суждено поднять въ мірѣ. „Не думайте, говорилъ онъ съ красивой смѣлостью, что я пришелъ принести миръ на землю; не миръ пришелъ я принести, но мечъ; ибо отнынѣ пятеро въ одномъ домѣ станутъ раздѣляться, трое противъ двухъ, и двое противъ трехъ. Ибо я пришелъ раздѣлить человѣка съ отцомъ его, и дочь съ матерью ея, и невѣстку со свекровью ея. И отнынѣ враги человѣку—домашніе его“ [5]).—„Огонь пришелъ я низвести на

---

1) Матѳея, XVI, 21—23; XVII, 12, 21—22.
2) Марка, X, 45.
3) Луки, VI, 22 и слѣд.
4) Луки, XII, 50
5) Матѳея, X, 34—36; Луки, XII, 51—58. Ср. прор. Михея, VII, 5—6.

землю и какъ желалъ бы, чтобы онъ уже возгорѣлся“
„Изгонятъ васъ изъ синагогъ, говорилъ онъ, и даже наст
паетъ время, когда всякій, убивающій васъ, будетъ думат
что онъ тѣмъ служитъ Богу [2]). Если міръ васъ ненавидит
знайте, что Меня прежде васъ возненавидѣлъ. Помнит
слово, которое Я сказалъ вамъ: рабъ не больше господин
своего. Если меня гнали, будутъ гнать и васъ“ [3]).

Увлекаемый этимъ ужасающимъ наростаніемъ энтузіазма
находясь подъ вліяніемъ требованій своей все болѣе и бол
возбуждающей проповѣди, Іисусъ болѣе уже не былъ своб
денъ въ своихъ дѣйствіяхъ; теперь онъ принадлежалъ свое
роли и въ нѣкоторомъ смыслѣ человѣчеству. Порой мож
бы сказать, что разумъ его мутится. У него появляют
приступы смертельной тоски и внутренняго волненія [4]). Г
лова у него идетъ кругомъ подъ вліяніемъ величественны
видѣній царства Божія, которыя постоянно огнемъ горят
передъ его глазами. Слѣдуетъ напомнить, что минутами е
близкіе говорили о немъ, что онъ вышелъ изъ себя [5]),
враги объявляли, что онъ одержимъ бѣсомъ [6]). Его чрезв
чайно страстный темпераментъ побуждалъ его на каждом
шагу выходить изъ границъ человѣческой природы. Так
какъ дѣло его не было дѣломъ разума и не считалось съ д
водами человѣческаго ума, то онъ и требовалъ наиболѣ
властно одной только „вѣры“ [7]). Это слово наиболѣе част
повторялось въ маленькой общинѣ. Но это слово являетс
лозунгомъ всѣхъ народныхъ движеній. Совершенно ясно, чт
ни одно изъ нихъ не произошло бы, если бы тому, кт

---

[1]) Луки, XII, 49. См. греческій текстъ.
[2]) Іоанна, XVI, 2.
[3]) Іоанна, XV, 18—20.
[4]) Іоанна, XII, 27.
[5]) Марка, III, 21 и слѣд.
[6]) Марка, III, 22; Іоанна, VII, 20; VIII, 48 и слѣд.; X, 20 и слѣд.
[7]) Матѳея, VIII, 10; IX, 2, 22, 28—29; XVII, 19; Іоанна, VI, 29 и пр.

ихъ возбуждаетъ, понадобилось пріобрѣтать себѣ послѣдователей одного за другимъ путемъ логически выведенныхъ неопровержимыхъ доводовъ. Размышленіе можетъ только наводить на сомнѣнія и еслибы участниковъ французской революціи, напримѣръ, предварительно требовалось убѣждать достаточно пространными соображеніями, то всѣ они дожили бы до глубокой старости, ничего не сдѣлавъ. Точно также Іисусъ мѣтилъ не столько на правильно сложившееся убѣжденіе, сколько на увлеченіе. Настойчивый, властный, онъ не терпѣлъ никакой оппозиціи: обращаться надо, онъ ждетъ этого. Его природная кротость словно покинула его; онъ бывалъ рѣзкимъ и грознымъ [1]). Въ нѣкоторые моменты собственные ученики перестаютъ его понимать и онъ внушаетъ имъ даже чувство нѣкотораго страха [2]). Негодованіе по поводу всякаго сопротивленія увлекало его до того, что онъ совершалъ непонятные и съ виду абсурдные поступки [3]).

Но это не значитъ, что добродѣтель его поколебалась; борьба его во имя идеала съ дѣйствительностью становилась невыносимой. Онъ страдалъ и возмущался отъ соприкосновенія съ землей. Препятствіе раздражало его. Его представленіе о Сынѣ Божіемъ становилось смутнымъ и преувеличеннымъ. Божественность имѣетъ свои перерывы; нельзя быть постоянно всю свою жизнь Сыномъ Божіимъ. Можно быть имъ въ извѣстные часы, подъ вліяніемъ внезапнаго наитія, но эти моменты должны смѣняться продолжительными темными промежутками. Роковой законъ, осуждающій каждую идею и приходящій въ упадокъ, лишь только дѣлаются попытки привлечь людей на ея сторону, примѣнялся и къ Іисусу. Люди, соприкасаясь съ нимъ, понижали его до своего уровня.

---

1) Матѳея, XVII, 17 (vulg. 16); Марка, III, 5; IX, 19 (vulg. 18): Луки, VIII, 45; IX, 41.

2) Эта черта особенно характерна у Марка: IV, 40; V, 15; IX, 31; X, 32.

3) Марка, XI, 12,—14; 20 и слѣд.

Болѣе нѣсколькихъ мѣсяцевъ нельзя было выдержать тотъ тонъ, который онъ взялъ; наступалъ моментъ, когда смерть должна была дать выходъ изъ положенія, напряженнаго до крайней степени, поднять его выше непреодолимыхъ препятствій на его безвыходномъ пути и, избавивъ его отъ черезчуръ затянувшагося испытанія, сдѣлать его отнынѣ уже непогрѣшимымъ и возвратить ему его небесную невозмутимость.

ГЛАВА XX

Противодѣйствіе, которое встрѣчалъ Іисусъ

Въ первый періодъ своей дѣятельности Іисусъ, повиди-
ıу, не встрѣчалъ сколько нибудь серьезнаго противодѣй-
іія. Благодаря полнѣйшей свободѣ, которою пользовалась
ıилея, и множеству учителей, которые выступали со всѣхъ
ронъ, его проповѣдь произвела впечатлѣніе лишь среди
ьма ограниченнаго кружка лицъ. Но съ того времени,
къ Іисусъ выступилъ на широковѣщательное поприще чу-
съ и общественнаго успѣха, надъ нимъ начала собираться
оза. Уже не разъ ему приходилось скрываться и бѣжать [1].
мъ не менѣе Антипа никогда его не стѣснялъ, хотя иной
зъ Іисусъ выражался на его счетъ весьма сурово [2]. Тет-
рхъ находился въ своей обычной резиденціи [3], Тиверіадѣ,
его въ какихъ нибудь двухъ трехъ льё отъ того округа, ко-
рый Іисусъ избралъ ареной своей дѣятельности; до прави-
ля доходили слухи объ его чудесахъ, и хотя онъ безъ
мнѣнія принималъ ихъ за ловкіе фокусы, тѣмъ не менѣе
ъ пожелалъ ихъ видѣть [4]. Невѣрующіе въ то время сильно
тересовались этого рода фактами [5]. Но Іисусъ съ своимъ
ычнымъ тактомъ отказалъ въ этомъ тетрарху. Онъ сильно

1) Матѳея, XII, 14—16; Марка, III, 7; IX, 29—30.
2) Марка, VIII, 15; Луки, XIII, 32.
3) Іосифъ, Vita, 9; Madden, History of jewish coinage, стр. 97 и слѣд.
4) Луки, IX, 9; XXIII, 8.
5) Луцій, приписанный Луціану, 4.

остерегался входить въ сношенія съ невѣрующимъ міромъ, который хотѣлъ доставить себѣ суетную забаву; онъ стремился привлекать къ себѣ только народъ; онъ берегъ для простыхъ людей средства, годныя только для нихъ.

Однажды распространился слухъ, будто бы Іисусъ не кто иной, какъ Іоаннъ Креститель, воскресшій изъ мертвыхъ. Антипа былъ сильно этимъ озабоченъ и смущенъ [1]) и употребилъ хитрость съ цѣлью удалить пророка изъ предѣловъ своихъ владѣній. Фарисеи, подъ видомъ интереса къ участи Іисуса, предупредили его, будто бы Антипа замышляетъ его убить. Однако, Іисусъ, при всей своей простотѣ, замѣтилъ ловушку и не ушелъ [2]). Но его миролюбивые пріемы, его непричастность къ политической агитаціи среди народа, въ концѣ концовъ успокоили тетрарха, и опасность разсѣялась.

Однако, далеко не во всѣхъ городахъ Галилеи новое ученіе было принято одинаково благосклонно. Не только невѣрующій Назаретъ продолжалъ отрицать того, кому суждено было его прославить, не только собственные братья по прежнему не вѣрили въ него [3]), даже пріозерные города, въ общемъ благоволившіе къ нему, не всѣ были имъ обращены. Іисусъ часто жалуется на невѣріе и жестокость сердецъ, которыя онъ встрѣчаетъ, и хотя естественно видѣть въ подобныхъ упрекахъ отчасти пріемъ преувеличенія со стороны проповѣдника, хотя въ нихъ чувствуется нѣкотораго рода convicium seculi, который подчеркивался Іисусомъ изъ подражанія Іоанну Крестителю [4]), тѣмъ не менѣе ясно, что далеко не вся страна цѣликомъ обратилась къ ученію о царствѣ Божіемъ. „Горе тебѣ, Хоразинъ! горе тебѣ, Виѳсаида!—воскликнулъ онъ однажды.—Ибо если бы въ Тирѣ и Сидонѣ явлены были чудеса, явленныя въ васъ, то давно бы они въ

---

[1]) Матѳей, XIV, 1 и слѣд.; Марка, VI, 14 и слѣд.; Луки, IX, 7 и слѣд.
[2]) Луки, XVIII, 31 и слѣд.
[3]) Іоанна, VII, 5.
[4]) Матѳея, XII, 39, 45; XIII, 15; XVI, 4; Луки, XI, 29.

ретищѣ и пеплѣ покаялись. Но говорю вамъ: Тиру и Сидону отраднѣе будетъ въ день суда, нежели вамъ. И ты, Капернаумъ, до неба вознесшійся, до ада низвергнешься; ибо еслибы въ Содомѣ явлены были чудеса, явленныя въ тебѣ, то онъ оставался бы до сего дня. Но говорю вамъ, что землѣ Содомской отраднѣе будетъ въ день суда, нежели тебѣ" [1]). — „Царица Южная, — прибавилъ онъ, — возстанетъ на судъ съ родомъ симъ и осудитъ его, ибо она приходила отъ предѣловъ земли послушать мудрости Соломоновой, и вотъ здѣсь больше Соломона. Ниневитяне возстанутъ на судъ съ родомъ симъ и осудятъ его, ибо они покаялись проповѣди Іониной, и вотъ здѣсь больше Іоны" [2]). Его скитальческій образъ жизни, сперва такъ прельщавшій его, начиналъ уже казаться ему тягостнымъ. „Лисицы имѣютъ норы, говорилъ онъ, и птицы небесныя—гнѣзда; а Сынъ Человѣческій не имѣетъ гдѣ преклонить голову" [3]). Онъ обвинялъ невѣрующихъ въ томъ, что они отрицаютъ очевидность. Горечь и упреки все болѣе и болѣе переполняли его сердце.

Дѣйствительно, Іисусъ не могъ относиться къ противодѣйствію съ холодностью философа, который, понимая причину происхожденія различныхъ мнѣній, циркулирующихъ въ мірѣ, находитъ вполнѣ естественнымъ, что не всѣ держатся однихъ взглядовъ съ нимъ. Однимъ изъ главныхъ недостатковъ еврейской расы является ея упорство въ спорахъ и обидный тонъ, который она всегда вноситъ въ пренія. Нигдѣ въ мірѣ не бывало такихъ страстныхъ споровъ, какъ у евреевъ между собой. Чуткость къ оттѣнкамъ дѣлаетъ человѣка вѣжливымъ и умѣреннымъ. Но отсутствіе оттѣнковъ и составляетъ одну изъ наиболѣе постоянныхъ чертъ семитическаго ума. Тонкія произведенія, напримѣръ

[1]) Матѳея, XI, 21—24; Луки, X, 12—15.
[2]) Матѳея, XII, 41—42; Луки, XI, 31—32.
[3]) Матѳея, VIII, 20; Луки, IX, 58.

діалоги Платона, совершенно чужды этимъ народамъ. Іисусъ, который былъ свободенъ почти отъ всѣхъ недостатковъ своей расы и у котораго господствующей чертой характера была именно безконечная деликатность, вопреки самому себѣ былъ вынужденъ прибѣгать къ общераспространеннымъ полемическимъ пріемамъ [1]). Подобно Іоанну Крестителю [2]), онъ употреблялъ по адресу своихъ противниковъ весьма рѣзкія выраженія. Будучи изысканно кроткимъ съ простосердечными людьми, онъ ожесточался, встрѣчаясь съ невѣріемъ, даже если оно не носило агрессивнаго характера [3]). Это уже не простой кроткій учитель, произносившій Нагорную Проповѣдь, еще не встрѣчавшій на своемъ пути ни противодѣйствія, ни препятствій. Страстность, лежавшая въ основѣ его характера, побуждала его на самыя рѣзкія выходки. Не слѣдуетъ удивляться такой странной смѣси противорѣчій. Въ наши дни одинъ человѣкъ отличался такими же рѣзко выраженными контрастами въ своемъ характерѣ, именно Ламеннэ. Въ его прекрасномъ трудѣ „Paroles d'un croyant", какъ въ миражѣ чередуются взрывы самаго бѣшеннаго гнѣва съ самыми нѣжными переходами. Этотъ человѣкъ, отличавшійся въ общежитіи рѣдкой добротой, становился неукротимымъ до безумія по отношенію къ тѣмъ, кто мыслилъ иначе, нежели онъ. Самъ Іисусъ не безъ основанія примѣнялъ къ себѣ одинъ текстъ изъ книги Исайи [4]): „не воспрекословитъ, ни возопіетъ, и никто не услышитъ на улицахъ голоса его; трости надломленной не переломитъ и льна курящагося не угаситъ" [5]). И тѣмъ не менѣе многое изъ того, что онъ совѣтуетъ своимъ ученикамъ, уже носитъ въ себѣ зародыши

---

1) Матѳея, XII, 34; XV, 14; XXIII, 33.
2) Матѳея, III, 7.
3) Матѳея, XII, 30; Луки, XXI, 23.
4) XLII, 2—3.
5) Матѳея, XII, 19—20.

истиннаго фанатизма [1]), тѣ самые зародыши, которымъ суждено было въ средніе вѣка развиться такимъ жестокимъ способомъ. Но слѣдуетъ ли упрекать его въ этомъ? Никакая революція немыслима безъ нѣкоторой рѣзкости. Если бы Лютеръ или дѣятели французской революціи должны были соблюдать правила вѣжливости, не совершилось бы ни реформаціи, ни революціи. Надо радоваться, что Іисусъ не имѣлъ дѣла ни съ какимъ закономъ, карающимъ за оскорбленіе цѣлаго класса гражданъ. Фарисеи были бы неприкосновенны. Всѣ великія пріобрѣтенія человѣчества были совершены во имя абсолютныхъ принциповъ. Одинъ философъ сказалъ своимъ ученикамъ: „Уважайте мнѣніе другихъ и вѣрьте, что никто не бываетъ настолько же вполнѣ правъ, насколько вполнѣ не правъ его противникъ". Но дѣятельность Іисуса не имѣетъ ничего общаго съ безстрастнымъ умозрѣніемъ философа. Для пылкой души невыносима самая мысль, что въ извѣстный моментъ идеалъ былъ бы почти достигнутъ, если бы этому не помѣшала чья либо злоба. Каково же испытать это основателю новаго міра!

Непреодолимое препятствіе идеямъ Іисуса шло главнымъ образомъ со стороны фарисеевъ. Іисусъ все болѣе и болѣе отдалялся отъ того іудаизма, который слылъ правовѣрнымъ. Фарисеи же были нервомъ и силой іудаизма. Хотя центръ этой партіи находился въ Іерусалимѣ, тѣмъ не менѣе она имѣла приверженцевъ, жившихъ въ Галилеѣ или, по крайней мѣрѣ, часто посѣщавшихъ сѣверъ [2]). Вообще это были люди узкаго ума, сильно погрязшіе во внѣшности, отличавшіеся презрительной оффиціальной, самодовольной и самоувѣренной набожностью [3]). Они усвоили себѣ странныя

[1]) Матѳея, X, 14—15, 21 и слѣд.; 34 и слѣд.; Луки, XIX, 27.

[2]) Марка, VII, 1; Луки, V, 17 и слѣд.; VII, 36.

[3]) Матѳея, VI, 2, 5, 16; IX, 11, 14; XII, 2; XXIII, 5, 15, 23; Луки, V, 30; VI, 2, 7; XI, 39 и слѣд.; XVIII, 12; Іоанна, IX, 16; *Пирке Аботъ*, 1, 16: Іосифъ, Ant., XVII, II, 4; XVIII, I, 3; Vita, 38; Вавилонск. Талм., *Сота*, 22 в.

манеры, надъ которыми смѣялись даже тѣ, кто къ нимъ самимъ относился съ уваженіемъ. Доказательствомъ этому служатъ тѣ прозвища, которыя они получили въ народѣ и которыя отзываются карикатурой. Такъ были фарисеи „кривоногіе“ (*никфи*), которые волочили ноги, когда ходили по улицамъ и задѣвали за всѣ булыжники; фарисеи „съ окровавленнымъ лбомъ“ (*кицаи*), которые ходили съ зажмуренными глазами, чтобы не видѣть женщинъ, и потому такъ часто натыкались на стѣны, что лобъ у нихъ всегда былъ въ крови; фарисеи „колотушки“, которые держались согнувшись вдвое, подобно рукояткѣ колотушки (*медукіи*); фарисеи „съ сильными плечами“ (*тикми*), ходившіе сгорбившись, какъ будто взваливъ себѣ на плечи всю тяжесть Закона; фарисеи „что надо сдѣлать? я дѣлаю“, всегда готовящіеся выполнить какое либо предписаніе, и, наконецъ, „крашенные“ фарисеи, для которыхъ вся внѣшняя сторона набожности являлась лишь лакомъ, скрывавшимъ подъ собой ихъ лицемѣріе [1]. Дѣйствительно, зачастую весь ихъ ригоризмъ былъ видимостью, подъ которой скрывалась большая нравственная распущенность [2]). Тѣмъ не менѣе народъ обманывался на ихъ счетъ. Инстинктъ народа вообще всегда вѣренъ, хотя онъ можетъ сильнѣйшимъ образомъ заблуждаться въ оцѣнкѣ лицъ; ложная набожность весьма легко его обманываетъ. То, что народъ любитъ въ набожныхъ людяхъ дѣйствительно хорошо

---

1) Мишна, *Сота*, III, 2; Іерусалимскій Талмудъ, *Веракотъ* IX и до конца; *Сота*, V, 7; Вавилонскій Талм., *Сота*, 22 в. Эти двѣ редакціи даннаго любопытнаго мѣста въ Талмудѣ значительно разнятся между собой. Мы руководствовались почти всюду вавилонской редакціей, которая кажется болѣе естественной. Ср. *Епифанъ*, Adv. haer., XVI, 1. Въ концѣ концовъ характерныя черты, приводимыя Епифаномъ, равно какъ и многія изъ чертъ, находящихся въ Талмудѣ, могутъ относиться къ эпохѣ позднѣйшей, нежели эпоха Іисуса, къ той эпохѣ, когда „фарисей“ стало синонимомъ слова „набожный“.

2) Матѳея, V, 20; XV, 4; XXIII, 3, 16 и слѣд.; Іоанна, VIII, 7; Іосифъ Ant., XII, IX, 1; XIII, X, 5.

и достойно любви, но у него нѣтъ достаточно проницательности, чтобы отличить притворство отъ дѣйствительной набожности.

Не трудно понять ту антипатію, которая должна была возникнуть въ столь страстномъ обществѣ непремѣнно между Іисусомъ и личностями подобнаго характера. Іисусъ признавалъ только религію сердца; религія фарисеевъ заключалась почти исключительно въ соблюденіи правилъ. Іисусъ искалъ униженныхъ и всякаго рода отверженцевъ; фарисеи видѣли въ этомъ оскорбленіе для ихъ религіи порядочныхъ людей. Фарисей былъ человѣкомъ непогрѣшимымъ и безгрѣшнымъ, педантомъ, который увѣренъ въ своей правотѣ; онъ занималъ первыя мѣста въ синагогахъ, молился на улицахъ, громогласно подавалъ милостыню, обращая вниманіе на то, благодарятъ ли его при этомъ. Іисусъ проповѣдывалъ, что каждый долженъ со страхомъ и трепетомъ ждать суда Божія. Дурное религіозное направленіе, представителемъ котораго было фарисейство, господствовало безконтрольно. До Іисуса, также какъ и въ его время, было много людей, каковы, напр., Іисусъ, сынъ Сираховъ, одинъ изъ истинныхъ предковъ Іисуса Назарейскаго, Гамаліилъ, Антигонъ изъ Соко, кроткій и благородный Гиллель, которые проповѣдывали гораздо болѣе возвышенныя, почти уже евангельскія религіозныя ученія. Но эти добрыя сѣмена заглохли. Прекрасныя правила Гиллеля, резюмировавшія весь Законъ въ справедливости [1]), правила Іисуса, сына Сирахова, сводившаго весь культъ къ добрымъ дѣламъ [2]), были или забыты, или преданы проклятію [3]). Одержалъ верхъ Шаммаи съ своимъ одностороннимъ, узкимъ духомъ. Громадная масса „преданій“ заглушила Законъ [4]) подъ предлогомъ его поддержанія или истол-

[1]) Вавил. Талм., *Шаббатъ*, 31а; *Жома*, 35 в.

[2]) Екклезіастъ, XVII, 21 и слѣд.; XXXV, 1 и слѣд.

[3]) Іерус. Талм., *Синедріонъ*, XI, 1; Вавил. Талм., *Синедріонъ*, 100в.

[4]) Матѳея, XV, 2.

кованія. Безъ сомнѣнія это консервативное направленіе имѣл свою хорошую сторону; очень хорошо, что еврейскій народ до безумія любилъ свой Законъ, ибо эта безумная любовь спасая моисеевъ законъ при Антіохѣ Епифанѣ и при Иродѣ, сохранила въ то же время и закваску, необходимую для возникновенія христіанства. Но взятыя сами по себѣ предосторожности, о которыхъ идетъ рѣчь, были не болѣе, какъ ребячествомъ. Синагога, являвшаяся ихъ складомъ, сдѣлалась источникомъ заблужденій. Царство ея кончалось, но требовать отъ нея, чтобы она отреклась, это значило бы требовать отъ установленной власти того, чего она никогда не дѣлала и не можетъ дѣлать.

Іисусъ велъ непрерывную борьбу съ оффиціальнымъ лицемѣріемъ. Обычной тактикой реформаторовъ, выступающихъ при томъ религіозномъ состояніи, которое мы только что описали и которое можно бы назвать „традиціоннымъ формализмомъ“, бываетъ противупоставленіе „традиціямъ“ текстовъ священныхъ книгъ. Религіозное усердіе всегда является новаторомъ, даже въ то время, когда оно выдаетъ себя за консерватора въ самой высокой степени. Подобно тому, какъ неокатолики нашего времени безпрестанно удаляются отъ Евангелія, такъ и фарисеи на каждомъ шагу удалялись отъ Библіи. Поэтому пуританскій реформаторъ обыкновенно бываетъ по существу „библейскимъ“; исходя изъ непреложнаго текста, онъ критикуетъ ту ходячую теологію которая создалась путемъ эволюціи изъ рода въ родъ; тоже самое дѣлали впослѣдствіи караиты, протестанты. Іисусъ гораздо болѣе энергично принялся подрывать основы. Правда, мы видимъ, что иногда онъ ссылается на священный текстъ, оспаривая лживыя *мазоры*, или преданія фарисеевъ [1]). Вообще же онъ мало занимается экзегетикой; онъ взываетъ къ совѣсти. Онъ однимъ ударомъ уничтожаетъ и текстъ и комментаріи. Он

---

[1]) Матѳея, XV, 2 и слѣд.; Марка, VII, 2 и слѣд.

прекрасно доказываетъ фарисеямъ, какъ тяжко они измѣняютъ своими преданіями моисеевъ Законъ, но отнюдь не утверждаетъ, что самъ онъ вернется къ Моисею. Цѣль его была идти впередъ, а не назадъ. Іисусъ былъ болѣе, чѣмъ просто реформаторомъ обветшавшей религіи; онъ былъ создателемъ вѣчной религіи человѣчества.

Споры возникали въ особенности по поводу массы внѣшнихъ обрядностей, которыя были введены преданіемъ и которыхъ ни Іисусъ, ни его ученики не соблюдали [1]). Фарисеи рѣзко упрекали его за это. Когда онъ обѣдалъ съ ними, то приводилъ ихъ въ негодованіе тѣмъ, что не совершалъ обычныхъ омовеній. „Подавайте лучше милостыню, говорилъ онъ, тогда все будетъ у васъ чисто“ [2]). Его въ высшей степени оскорбляла та самоувѣренность, которую фарисеи вносили въ вопросы религіи, ихъ низменная набожность, которая вела лишь къ тщеславной погонѣ за первенствомъ, титулами, а вовсе не къ улучшенію сердецъ. Мысль эта съ безконечной правдивостью и очарованіемъ выражена въ одной превосходной притчѣ. „Два человѣка вошли въ храмъ помолиться: одинъ—фарисей, а другой—мытарь. Фарисей, ставъ, молился самъ въ себѣ такъ: Боже, благодарю тебя, что я не таковъ, какъ прочіе люди, грабители, обидчики, прелюбодѣи, или какъ этотъ мытарь; пощусь два раза въ недѣлю, даю десятую часть изъ всего, что пріобрѣтаю. Мытарь же, стоя вдали, не смѣлъ даже поднять глазъ на него; но ударяя себя въ грудь, говорилъ: Боже, будь милостивъ ко мнѣ грѣшному! Сказываю вамъ, что сей пошелъ оправданнымъ въ домъ свой болѣе, нежели тотъ!“ [3]).

Результатомъ этой борьбы была ненависть, которую могла утолить только смерть. Еще Іоаннъ Креститель вызывалъ

---

[1]) Матѳея, XV, 2 и слѣд.; Марка, VII, 4, 8; Луки, V до конца и VI начало; XI, 38 и слѣд.

[2]) Луки, XI, 41.

[3]) Луки, XVIII, 9—14; ср. тамъ же, XIV, 7—11.

противъ себя такую же вражду [1]). Но іерусалимскіе аристократы, относившіеся къ нему съ презрѣніемъ, предоставили простымъ людямъ считать его пророкомъ [2]). На этотъ же разъ война была не на животъ, а на смерть. На свѣтъ появился новый духъ, который уничтожилъ все предшествовавшее. Іоаннъ Креститель былъ еврей до мозга костей; Іисусъ едва лишь заслуживалъ бы названіе еврея. Онъ постоянно обращается къ воспріимчивости моральнаго чутья. Онъ вступаетъ въ диспутъ, лишь когда приводитъ аргументы противъ фарисеевъ, и противникъ принуждаетъ его, какъ это всегда и бываетъ, говорить въ одномъ тонѣ съ нимъ [3]). Его превосходныя насмѣшки, его лукавые вызовы поражали противниковъ всегда въ самое сердце. И онъ запечатлѣвалъ ими навѣки нанесенныя раны! Никто иной, какъ Іисусъ съ божественнымъ искусствомъ выткалъ ту Нессову рубаху осмѣянія, лохмотья которой еврей, сынъ фарисеевъ, таскаетъ на себѣ съ тѣхъ поръ въ теченіе восемнадцати вѣковъ. Письмена этого образцоваго по мастерству высшаго посмѣянія огненными чертами выжжены на тѣлѣ лицемѣра и лженабожнаго. Несравненныя письмена, достойныя сына Божія письмена! Только богъ въ состояніи убивать такимъ способомъ. Сократъ и Мольеръ едва лишь царапаютъ кожу. А у этого огонь и бѣшенство прожигаютъ до самыхъ костей.

Но справедливость требовала, чтобы этотъ великій мастеръ ироніи заплатилъ жизнью за свой тріумфъ. Еще съ самаго начала его дѣятельности въ Галилеѣ фарисеи старались погубить его и употребляли противъ него то средство, которое должно было увѣнчаться успѣхомъ впослѣдствіи въ Іерусалимѣ. Они старались вовлечь въ свой споръ приверженцевъ новаго политическаго строя, который въ то время

---

[1]) Матѳея, III, 7, и слѣд.; XVII, 12—13.
[2]) Матѳея, XIV, 5; XXI, 26; Марка, XI, 32; Луки, XX, 6.
[3]) Матѳея, XII, 3—8; XXIII, 16 и слѣд.

установился [1]). Однако, эти попытки окончились неудачно, благодаря той легкости, съ какой Іисусъ могъ отъ нихъ ускользать въ Галилеѣ, и благодаря слабости правительства Антипы. Но онъ самъ пошелъ навстрѣчу опасности. Онъ отлично понималъ, что вліяніе его неизбѣжно будетъ ограниченнымъ, если онъ не выйдетъ изъ предѣловъ Галилеи. Іудея влекла его къ себѣ словно чарами, онъ хотѣлъ попытаться сдѣлать послѣднее усиліе, чтобы пріобрѣсти этотъ мятежный городъ, и словно взялъ на себя задачу оправдать на себѣ пословицу, что пророкъ не долженъ умирать гдѣлибо внѣ Іерусалима [2]).

---

[1]) Марка, III, 6.
[2]) Луки, XIII, 33.

ГЛАВА XXI

Послѣднее путешествіе Іисуса въ Іерусалимъ

Уже давно Іисусъ чувствовалъ, что его окружаютъ опасности [1]. Въ теченіе длиннаго промежутка времени, который опредѣляютъ въ восемнадцать мѣсяцевъ, онъ избѣгалъ паломничества въ святой городъ [2]. Въ 32 г. (по той гипотезѣ, которую мы приняли) его родные, по прежнему невѣрившіе въ него [3] и недоброжелательно относившіеся къ нему, пригласили его придти въ Іерусалимъ на праздникъ Скинопигіи (поставленія кущей). Евангелистъ, повидимому, намекаетъ на то, что подъ этимъ приглашеніемъ скрывался какой-то планъ погубить его. „Яви себя міру, говорили они; никто не дѣлаетъ чего либо подобнаго втайнѣ. Пойди въ Іудею, чтобы и тамъ видѣли дѣла, которыя ты дѣлаешь". Іисусъ, опасаясь какого либо предательства, сперва отказался; потомъ когда караванъ паломниковъ ушелъ, онъ также пустился въ дорогу, но не сказавъ объ этомъ никому и почти одинъ [4]. Тутъ онъ окончательно сказалъ „прости" Галилеѣ. Праздникъ поставленія кущей приходится на осеннее равноденствіе. До роковой развязки должно было пройти еще шесть мѣсяцевъ. Но въ этотъ промежутокъ времени Іисусъ уже не видалъ болѣе милыхъ его сердцу сѣверныхъ провинцій. Мир-

---

1) Матѳея, XVI, 20—21; Марка, VIII, 30—31.
2) Іоанна, VII, 1.
3) Іоанна, VII, 5.
4) Іоанна, VII, 10.

времена кончились; теперь приходилось идти шагъ за ѳмъ по скорбному пути, которому суждено было закон-ѕся смертельными муками.

Ученики Іисуса и набожныя женщины, служившія ему, встрѣ-ись съ нимъ въ Іудеѣ [1]). Но какъ все окружающее из-илось для него! Для Іерусалима Іисусъ былъ чужезем-ъ. Онъ чувствовалъ здѣсь передъ собой сопротивленіе, роницаемое для него подобно стѣнѣ. Всюду кругомъ за-ни и возраженія, вѣчныя преслѣдованія со стороны зло-ышляющихъ фарисеевъ [2]). Вмѣсто безграничной способ-ти вѣрить, которой одарены юныя натуры и которую встрѣчалъ въ Галилеѣ, вмѣсто этихъ добрыхъ и крот-ъ людей, которымъ возраженіе, всегда составляющее ре-ьтатъ нѣкотораго недоброжелательства и нетерпѣнія, со-ршенно недоступно, онъ встрѣчалъ здѣсь на каждомъ гу упорное невѣріе, почти не поддававшееся тѣмъ сред-амъ, которыя ему такъ хорошо удавались на Сѣверѣ. еники, въ качествѣ Галилеянъ, встрѣчали здѣсь пре-ніе. Никодимъ, имѣвшій съ нимъ длинную бесѣду ночью одно изъ его прежнихъ путешествій, чуть не ском-рметировалъ себя передъ синедріономъ, когда взду-ъ за него заступиться. „И ты не изъ Галилеи ли? ска-и ему на это. Разсмотри и увидишь, что изъ Галилеи не ходитъ пророкъ!“ [3]).

Какъ уже было упомянуто, и самый городъ не нравился усу. До сихъ поръ онъ всегда избѣгалъ крупныхъ цен-въ, предпочитая для своего дѣла селенія и менѣе значи-ьные города. Многія изъ предписаній, которыя онъ да-ъ своимъ ученикамъ, были абсолютно непримѣнимы внѣ щества простыхъ маленькихъ людей [4]). Благодаря тому,

---

[1]) Матѳея, XXVII, 55; Марка, XV, 41; Луки, XXIII, 49, 55.
[2]) Іоанна, VII, 20, 25, 30, 32.
Іоанна, VII, 50 и слѣд.
[4]) Матѳея, X, 11—13; Марка VI, 10; Луки, X, 5—8.

что онъ не имѣлъ никакого представленія о свѣтѣ и привыкъ къ привѣтливому коммунизму галилеянъ, у него постоянно вырывались наивности, которыя въ Іерусалимѣ могли казаться странными [1]). Его воображенію, любви къ природѣ было тѣсно въ этихъ стѣнахъ. Истинная религія должна была выйти не изъ городского шума, а изъ мирной ясности полей.

Благодаря высокомѣрію священниковъ, посѣщеніе папертей храма было для него непріятно. Однажды нѣкоторые изъ его учениковъ, знавшихъ Іерусалимъ лучше, нежели онъ, хотѣли обратить его вниманіе на красоту построекъ храма, на превосходные матеріалы, изъ которыхъ онъ былъ выстроенъ, на богатство приношеній по обѣту, покрывавшихъ его стѣны: „Видите ли все это? сказалъ имъ Іисусъ. Истинно говорю вамъ; не останется здѣсь камня на камнѣ“ [2]). И онъ ничѣмъ не сталъ восхищаться здѣсь, кромѣ поступка бѣдной вдовы, которая, проходя въ это время, положила въ сокровищницу двѣ лепты. „Она положила больше всѣхъ, сказалъ онъ; ибо всѣ клали отъ избытка своего, а она отъ скудости своей [3])“. Это критическое отношеніе ко всему, что дѣлалось въ Іерусалимѣ, стремленіе возвеличить бѣдняка, который жертвуетъ мало, и унизить богатаго, жертвующаго много [4]), порицать духовенство, которое не дѣлаетъ ничего для народнаго блага, разумѣется, приводило въ отчаяніе жреческую касту. Резиденція консервативной аристократіи, храмъ, подобно мусульманскому *хараму*, который былъ его преемникомъ, былъ послѣднимъ пунктомъ въ мірѣ, гдѣ революція могла бы имѣть успѣхъ. Представить себѣ, что въ наше время какой либо новаторъ отправился бы къ мечети

---

1) Матѳея, XXI, 3; Марка, XI, 3; XIV, 13—14; Луки, XIX 31; XXII. 10—12.

2) Матѳея, XXIV, 1—2; Марка, XIII, 1—2; Луки, XIX, Ср. Марка, XI, 11,

3) Марка, XII, 41 и слѣд.; Луки, XXI, 1 и слѣд.

4) Марка, XII, 41.

Омара проповѣдывать ниспроверженіе ислама. А между тѣмъ здѣсь находился центръ еврейской жизни, здѣсь нужно было или побѣдить, или умереть. На этомъ лобномъ мѣстѣ, гдѣ Іисусъ выстрадалъ, конечно, больше чѣмъ на Голгоѳѣ, всѣ дни его проходили въ диспутахъ и раздраженіи, среди скучныхъ словопреній о каноническомъ правѣ и экзегетикѣ, т. е. въ занятіяхъ, для которыхъ его нравственная возвышенность являлась неважнымъ преимуществомъ,—что я говорю!—создавала для него невыгодное положеніе по сравненію съ его противниками.

Но и въ нѣдрахъ этой безпокойной жизни, доброе и чувствительное сердце Іисуса съумѣло создать для себя убѣжище, гдѣ онъ пользовался большимъ покоемъ. Проведя весь день въ преніяхъ въ храмѣ, вечеромъ Іисусъ спускался въ долину Кедронскую, и немного отдыхалъ въ саду одного земледѣльческаго учрежденія (вѣроятно предназначеннаго для производства масла), носившаго названіе *Геѳсиманіи* [1]), и служившаго для жителей мѣстомъ для прогулокъ, а затѣмъ шелъ провести ночь на горѣ Елеонской, которая лежитъ къ востоку отъ города [2]). Въ окрестностяхъ Іерусалима это единственное мѣсто, сколько нибудь веселящее взоры и покрытое зеленью. Вокругъ деревень, фермъ или усадьбъ Виѳфагіи, Геѳсиманіи, Виѳаніи, было много оливковыхъ плантацій, смоковницъ, пальмъ [3]). На Елеонской горѣ росли два большихъ кедра, воспоминаніе о которыхъ долго сохранялось у евреевъ, послѣ того какъ они разсѣялись по свѣту; вѣтви ихъ давали

---

[1]) Марка, XI, 19; Луки, XXII, 39; Іоанна, XVIII, 1—2. Садъ этотъ былъ не далеко отъ того мѣста, гдѣ нынѣ набожные католики огородили нѣсколько старыхъ оливковыхъ деревьевъ. Названіе *Геѳсиманъ*, повидимому, означаетъ „прессъ для выжиманія оливковаго масла“.

[2]) Луки, XXI, 37; XXII, 39; Іоанна, VIII, 1—2.

[3]) Это можно заключить по самой этимологіи этихъ трехъ словъ (хотя *Виѳфагія* и *Виѳанія* быть можетъ имѣютъ и другое значеніе). Ср. Вавил. Талм., *Песахимъ* 53 а.

убѣжище цѣлымъ стаямъ голубей, и подъ тѣнью ихъ устраивались небольшіе базары [1]). Все это предмѣстье служило въ нѣкоторомъ родѣ резиденціей Іисуса и его учениковъ; мы видимъ, что они знали здѣсь почти каждое поле, каждый домъ.

Въ частности деревня Виѳанія [2]), расположенная на вершинѣ холма и на склонѣ его, обращенномъ къ Мертвому морю и къ Іордану, въ разстояніи полутора часа пути отъ Іерусалима, была любимымъ мѣстомъ пребыванія Іисуса [3]). Здѣсь онъ познакомился съ семействомъ изъ трехъ лицъ, двухъ сестеръ и третьяго брата, дружбой которыхъ онъ чрезвычайно дорожилъ [4]). Изъ двухъ сестеръ, одна, по имени Марѳа, была чрезвычайно обязательной, доброй и усердной женщиной [5]); другая, по имени Марія, полная противуположность ей, нравилась Іисусу своей чуткостью [6]) и своей весьма развитой склонностью къ умозрѣнію. Нерѣдко, сидя у ногъ Іисуса и слушая его, она забывала о требованіяхъ дѣйствительной жизни. Тогда сестра ея, на долю которой приходился весь трудъ, кротко жаловалась на нее. „Марѳа! Марѳа! говорилъ ей Іисусъ, ты заботишься и суетишься о многомъ, а одно только нужно. Марія же избрала благую часть, которая не отнимется у нея [7])". Владѣлецъ этого дома, Симонъ прокаженный, былъ вѣроятно братомъ Маріи и Марѳы, или, по

---

1) Іерусал. Талм., *Таанитъ*, IV, 8.

2) Нынѣ *Ель-Азиріе* (отъ *Ель-Азиръ*, арабское имя Лазарь); въ средневѣковыхъ христіанскихъ текстахъ *Лазаріумъ*.

3) Матѳея, XXI, 17—18; Марка, XI, 11—12.

4) Іоанна, XI, 5, 35—36.

5) Луки, X, 38—42; Іоанна, XII, 2. Лука, повидимому, помѣщаетъ домъ двухъ сестеръ на пути изъ Галилеи въ Іерусалимъ. Но топографію Луки съ гл. IX, 51, и до гл. XVIII, 31, нельзя понять, если принять ее буквально. Нѣкоторые эпизоды этой части третьяго Евангелія имѣли мѣсто, повидимому, въ Іерусалимѣ, или его окрестностяхъ.

6) Іоанна, XI, 20.

7) Луки, X, 38 и слѣд.

еньшей мѣрѣ, принадлежалъ къ ихъ семьѣ [1]). Здѣсь, окруженный дружбой благочестивой семьи, Іисусъ забывалъ всѣ епріятности общественной жизни. Въ этомъ мирномъ уголкѣ онъ отдыхалъ отъ придирокъ, которымъ не переставалъ подвергаться со стороны фарисеевъ и книжниковъ. Часто онъ усаживался на горѣ Елеонской, въ виду горы Морія [2]), имѣя передъ глазами великолѣпную перспективу терассъ храма и его вышекъ, покрытыхъ блестящей чешуей. Видъ этотъ приводилъ чужеземцевъ въ восторгъ; особенно при восходѣ солнца священная гора ослѣпительно сіяла и представлялась глыбой снѣга и золота [3]). Но чувство глубокой грусти отравляло для Іисуса это зрѣлище, наполнявшее душу другихъ израильтянъ радостью и гордостью. „Іерусалимъ, Іерусалимъ! избивающій пророковъ и камнями побивающій посланныхъ къ тебѣ, сколько разъ хотѣлъ я собрать дѣтей твоихъ, какъ птица собираетъ птенцовъ своихъ подъ крылья, и вы не захотѣли!“ воскликнулъ онъ въ одну изъ такихъ горькихъ минутъ [4]).

Однако, многія добрыя души все же, и здѣсь, какъ и въ Галилеѣ, были тронуты. Но гнетъ господствующаго право-

---

[1]) Матѳея. XXVI, 6; Марка, XIV, 3; Луки, VII, 40, 43; Іоанна, XI, 1 и слѣд.; XII, 1 и слѣд. Имя Лазарь, которое даетъ четвертое Евангеліе брату Маріи и Марѳы, повидимому, взято изъ притчи, приведенной Лукой, XVI, 19 и слѣд. (обратите вниманіе особенно на ст. 30—31). Эпитетъ „прокаженнаго“, присвоенный Симону и совпадающій съ „язвами“, о которыхъ пишетъ Лука, XVI, 20—21, быть можетъ, и послужилъ поводомъ для странной версіи четвертаго Евангелія. Неловкость ея (Іоанна, XI, 1—2) доказываетъ, что Лазарь въ преданіи менѣе реаленъ, нежели образы Маріи и Марѳы.

[2]) Марка, XIII, 3.

[3]) Іосифъ, В. I., V, V, 6.

[4]) Матѳея, XXIII, 37; Луки, XIII, 34. Эти слова, какъ и ст. 34—35, гл. XXIII, Матѳея, повидимому, представляютъ собой цитату изъ какого-либо апокрифическаго пророчества, быть можетъ Еноха. Ср. прим. 4 къ стр. XXXIV „Введенія“ и ниже прим. 1 къ стр. 275.

вѣрія былъ такъ силенъ, что немногіе осмѣливались въ этомъ сознаваться. Боялись уронить себя въ глазахъ іерусалимскихъ гражданъ, открыто вступивъ въ школу галилеянина. При этомъ былъ рискъ, что за это изгонятъ изъ синагоги, а въ обществѣ ханжества и ничтожества это считалось самымъ ужаснымъ посрамленіемъ [1]). Кромѣ того отлученіе отъ церкви влекло за собой конфискацію имущества [2]). Исключеніе изъ среды евреевъ не означало собой пріобрѣтенія правъ римскаго гражданства; исключенный оставался беззащитнымъ отъ ударовъ со стороны теократическаго законодательства, отличавшагося самой свирѣпой строгостью. Однажды низшіе служители храма, присутствовавшіе при проповѣди Іисуса и очарованные ею, пришли повѣрить свои сомнѣнія священникамъ. „Увѣровалъ ли въ него кто изъ начальниковъ, или изъ фарисеевъ? отвѣтили имъ тѣ. Но этотъ народъ невѣжда въ законѣ, проклятъ онъ [3])“. Такимъ образомъ, Іисусъ оставался для Іерусалима провинціаломъ, которымъ восхищаются такіе же, какъ и онъ, провинціалы, но котораго вся аристократія націи отвергаетъ. Начальниковъ школъ здѣсь было слишкомъ много, для того чтобы появленіе одного лишняго кого либо особенно поражало. Голосъ его имѣлъ мало вліянія въ Іерусалимѣ. Предразсудки расы и секты, непосредственные враги евангельскаго духа, здѣсь черезъ-чуръ укоренились.

Ученіе Іисуса по необходимости значительно видоизмѣнилось въ этомъ новомъ мірѣ. Его прекрасныя проповѣди, эффектъ которыхъ былъ всегда расчитанъ на молодое вообраafженіе и чистую нравственную совѣсть слушателей, падали здѣсь на каменистую почву. И самъ онъ, чувствовавшій себя такъ хорошо на берегахъ своего прелестнаго маленькаго озера, здѣсь стѣснялся, терялъ почву подъ ногами пе-

---

[1]) Іоанна, VII, 13; XII, 42—43; XIX, 38.

[2]) 1 кн. Ездры, X, 8; посл. къ Евреямъ, X, 34; Іерусал. Талм., *Моэдъ Катонъ*, III, 1.

[3]) Іоанна, VII, 45 и слѣд.

едъ лицемъ міра педантовъ. Его вѣчныя заявленія о самомъ себѣ начали принимать нѣсколько скучный характеръ [1]). Ему пришлось сдѣлаться толкователемъ, юристомъ, экзегетомъ, теологомъ. Его бесѣды, обыкновенно полныя прелести, превратились въ трескучіе диспуты [2]), въ безконечныя схоластическія битвы. Его гармоничный геній напрягался надъ нелѣпыми аргументаціями по поводу Закона и пророковъ [3]), и мы предпочли бы не видать его иной разъ въ роли нападающей стороны [4]). Съ досадной уступчивостью онъ позволялъ лукавымъ спорщикамъ подвергать себя ненужному допросу [5]). Вообще онъ выходилъ изъ затрудненій съ большой находчивостью. Правда, нерѣдко его разсужденія бывали хитроумными (душевная простота и хитроуміе соприкасаются между собой: когда простодушный человѣкъ пускается въ разсужденія, онъ всегда становится немного софистомъ); можно сказать, что иногда онъ ищетъ недоразумѣній и умышленно запутываетъ ихъ [6]); аргументація его, если судить по правиламъ аристотелевской логики, весьма слаба. Но когда представлялся случай выказаться его несравненному по чарующей силѣ уму, то это былъ настоящій тріумфъ. Однажды попробовали поставить его въ затруднительное положеніе, представивъ ему женщину, обвиненную въ прелюбодѣяніи, и потребовавъ у него указаній, какъ слѣдуетъ поступить съ ней. Всѣмъ извѣстенъ великолѣпный отвѣтъ Іисуса [7]). Самая

---

[1]) Іоанна, VIII, 13 и слѣд.

[2]) Матөея, XXI, 23 и слѣд.

[3]) Матөея, XXII, 23 и слѣд.

[4]) Матөея, XXII, 41 и слѣд.

[5]) Матөея, XXII, 36 и слѣд., 46.

[6]) См. въ особенности поученія, приведенныя въ четвертомъ Евангеліи, напр. въ гл. VIII. При этомъ мы спѣшимъ предупредить, что эти мѣста четвертаго Евангелія имѣютъ значеніе лишь какъ весьма старинныя предположенія о жизни Іисуса.

[7]) Іоанна, VIII, 3 и слѣд. Сперва этого мѣста не было въ четвертомъ Евангеліи; его нѣтъ въ наиболѣе древнихъ рукописяхъ и текстъ его не

тонкая насмѣшливость свѣтскаго человѣка, смягченная божественной добротой, не могла бы выразиться болѣе изящно. Но глупцы менѣе всего въ состоянiи прощать уму, который сочетается съ нравственнымъ величiемъ. Произнеся эти столь справедливыя и чистыя слова: „кто изъ васъ безъ грѣха, первый брось въ нее камень!“, Iисусъ пронзилъ сердце лицемѣра и тѣмъ самымъ подписалъ свой смертный приговоръ.

Дѣйствительно, очень возможно, что не будь раздраженiя, вызваннаго столь горькими обидами, Iисусъ долго оставался бы незамѣченнымъ и, быть можетъ, затерялся бы среди страшной грозы, которая въ скоромъ времени должна была смести всю еврейскую нацiю цѣликомъ. Первосвященники и саддукеи относились къ нему скорѣе съ презрѣнiемъ, нежели съ ненавистью. Знатныя первосвященническiя фамилiи, *Воетусимы*, фамилiя Анны, обнаруживали свой фанатизмъ только когда дѣло касалось ихъ спокойствiя. Саддукеи, подобно Iисусу, отрицали „преданiя“ фарисеевъ [1]). По удивительно странной случайности, эти невѣрующiе, отрицавшiе воскресенiе, устный законъ, существованiе ангеловъ, были настоящими евреями; вѣрнѣе было бы сказать, что такъ какъ древнiй законъ по своей простотѣ уже не удовлетворялъ религiознымъ потребностямъ эпохи, то тѣ люди, которые держались его съ буквальной точностью и отвергали современныя измышленiя, производили на набожныхъ лицъ впечатлѣнiе нечестивцевъ, почти также, какъ въ наше время евангелическiй протестантъ

особенно устойчивъ. Тѣмъ не менѣе оно принадлежитъ къ первоначальному Евангельскому преданiю, какъ это доказываютъ странныя особенности стиховъ 6, 8, не соотвѣтствующихъ вкусу Луки и компиляторовъ второй руки, которые не вносятъ ничего такого, что не понятно само собой. Повидимому, этотъ эпизодъ былъ извѣстенъ Папiю и находился въ евангелiи отъ евреевъ (Евсевiй, Hist. eccl. III, 39; см. ниже Прибавленiе, стр. 378, прим. 2).

[1]) Iосифъ, Ant., XIII, X, 6; XVIII, I, 4.

ортодоксальныхъ странахъ представляется невѣрующимъ. всякомъ случаѣ, не отъ такой партіи могла исходить доаточно рѣзкая реакція противъ Іисуса. Оффиціальный первовященникъ, обращавшій все вниманіе лишь на политичекую власть и находившійся съ ней въ тѣсномъ общеніи, ичего не понималъ въ этихъ движеніяхъ энтузіастовъ. Треогу забила фарисейская буржуазія, безчисленные *соферимы*, ли книжники, которые жили наукой о „преданіяхъ“, и котоымъ дѣйствительно угрожала доктрина новаго учителя, атрогивавшая ихъ предубѣжденія или ихъ интересы.

Фарисеи постоянно пытались увлечь Іисуса на почву политическихъ вопросовъ и набросить на него подозрѣніе въ участіи въ партіи Іуды Гавлонита. Пріемъ этотъ былъ очень искусенъ; нужно было обладать глубокимъ простодушіемъ Іисуса, чтобы не навлечь на себя неудовольствія со стороны римской власти, не взирая на провозглашеніе имъ царства Божія. Фарисеи хотѣли раскрыть эту двусмысленнность и заставить его объясниться. Однажды группа фарисеевъ и политиковъ, извѣстныхъ подъ именемъ „иродіанъ“ (вѣроятно *Воетусимы*), подошли къ нему и подъ видомъ благочестивой ревнительности спросили его: „Учитель, мы знаемъ, что ты справедливъ и истинно пути Божію учишь, и не заботишься объ угожденіи кому-либо, ибо не смотришь ни на какое лице. И такъ скажи намъ: какъ тебѣ кажется? позволительно ли давать подать кесарю, или нѣтъ“? Они надѣялись получить отвѣтъ, который послужилъ бы предлогомъ для того чтобы выдать его Пилату. Отвѣтъ Іисуса былъ великолѣпенъ. Онъ велѣлъ показать ему изображеніе на *монетѣ*: „*Отдайте кесарево кесарю, а Божіе Богу*“, отвѣтилъ онъ [1]).

[1]) Матѳея, XXII, 15 и слѣд.; Марка, XII, 13 и слѣд.; Луки, XX, 20 и слѣд.; ср. Іерусал. Талм., *Синедріонъ*, II, 3; посл. къ Римл., XIII, 6—7. Можно сомнѣваться въ томъ, что этотъ анекдотъ буквально точенъ. На монетахъ Ирода, Архелая, Антипы до вступленія Калигулы, не было ни имени, ни изображенія императора. На монетахъ, выбитыхъ въ Іеруса-

что онъ не имѣлъ никакого представленія о свѣтѣ и прив
къ привѣтливому коммунизму галилеянъ, у него постоя
вырывались наивности, которыя въ Іерусалимѣ могли каза
странными [1]). Его воображенію, любви къ природѣ б
тѣсно въ этихъ стѣнахъ. Истинная религія должна б
выйти не изъ городского шума, а изъ мирной ясности по.

Благодаря высокомѣрію священниковъ, посѣщеніе па
тей храма было для него непріятно. Однажды нѣкоторые
его учениковъ, знавшихъ Іерусалимъ лучше, нежели онъ,
тѣли обратить его вниманіе на красоту построекъ храма,
превосходные матеріалы, изъ которыхъ онъ былъ выстрое
на богатство приношеній по обѣту, покрывавшихъ его стѣ
„Видите ли все это? сказалъ имъ Іисусъ. Истинно гов
вамъ; не останется здѣсь камня на камнѣ“ [2]). И онъ ничѣ
не сталъ восхищаться здѣсь, кромѣ поступка бѣдной вдо
которая, проходя въ это время, положила въ сокровищн
двѣ лепты. „Она положила больше всѣхъ, сказалъ онъ;
всѣ клали отъ избытка своего, а она отъ скудости своей
Это критическое отношеніе ко всему, что дѣлалось въ Іе
салимѣ, стремленіе возвеличить бѣдняка, который жертву
мало, и унизить богатаго, жертвующаго много [4]), пориц
духовенство, которое не дѣлаетъ ничего для народн
блага, разумѣется, приводило въ отчаяніе жреческую ка
Резиденція консервативной аристократіи, храмъ, подо
мусульманскому *хараму*, который былъ его преемнико
былъ послѣднимъ пунктомъ въ мірѣ, гдѣ революція
гла бы имѣть успѣхъ. Представить себѣ, что въ на
время какой либо новаторъ отправился бы къ меч

---

[1]) Матѳея, XXI, 3; Марка, XI, 3; XIV, 13—14; Луки, XIX, 31; X
10—12.

[2]) Матѳея, XXIV, 1—2; Марка, XIII, 1—2; Луки, XIX, 44; XXI,
Ср. Марка, XI, 11.

[3]) Марка, XII, 41 и слѣд.; Луки, XXI, 1 и слѣд.

[4]) Марка, XII, 41.

Омара проповѣдывать ниспроверженіе ислама. А между тѣмъ здѣсь находился центръ еврейской жизни, здѣсь нужно было или побѣдить, или умереть. На этомъ лобномъ мѣстѣ, гдѣ Іисусъ выстрадалъ, конечно, больше чѣмъ на Голгоѳѣ, всѣ дни его проходили въ диспутахъ и раздраженіи, среди скучныхъ словопреній о каноническомъ правѣ и экзегетикѣ, т. е. въ занятіяхъ, для которыхъ его нравственная возвышенность являлась неважнымъ преимуществомъ,—что я говорю!—создавала для него невыгодное положеніе по сравненію съ его противниками.

Но и въ нѣдрахъ этой безпокойной жизни, доброе и чувствительное сердце Іисуса съумѣло создать для себя убѣжище, гдѣ онъ пользовался большимъ покоемъ. Проведя весь день въ преніяхъ въ храмѣ, вечеромъ Іисусъ спускался въ долину Кедронскую, и немного отдыхалъ въ саду одного земледѣльческаго учрежденія (вѣроятно предназначеннаго для производства масла), носившаго названіе *Геѳсиманіи* [1]), и служившаго для жителей мѣстомъ для прогулокъ, а затѣмъ шелъ провести ночь на горѣ Елеонской, которая лежитъ къ востоку отъ города [2]). Въ окрестностяхъ Іерусалима это единственное мѣсто, сколько нибудь веселящее взоры и покрытое зеленью. Вокругъ деревень, фермъ или усадьбъ Виѳфагіи, Геѳсиманіи, Виѳаніи, было много оливковыхъ плантацій, смоковницъ, пальмъ [3]). На Елеонской горѣ росли два большихъ кедра, воспоминаніе о которыхъ долго сохранялось у евреевъ, послѣ того какъ они разсѣялись по свѣту; вѣтви ихъ давали

---

[1]) Марка, XI, 19; Луки, XXII, 39; Іоанна, XVIII, 1—2. Садъ этотъ былъ не далеко отъ того мѣста, гдѣ нынѣ набожные католики огородили нѣсколько старыхъ оливковыхъ деревьевъ. Названіе *Геѳсиманъ*, повидимому, означаетъ „прессъ для выжиманія оливковаго масла".

[2]) Луки, XXI, 37; XXII, 39; Іоанна, VIII, 1—2.

[3]) Это можно заключить по самой этимологіи этихъ трехъ словъ (хотя *Виѳфагія* и *Виѳанія* быть можетъ имѣютъ и другое значеніе). Ср. Вавил. Талм., *Песахимъ* 53 а.

убѣжище цѣлымъ стаямъ голубей, и подъ тѣнью ихъ устраивались небольшіе базары [1]). Все это предмѣстье служило въ нѣкоторомъ родѣ резиденціей Іисуса и его учениковъ; мы видимъ, что они знали здѣсь почти каждое поле, каждый домъ.

Въ частности деревня Виѳанія [2]), расположенная на вершинѣ холма и на склонѣ его, обращенномъ къ Мертвому морю и къ Іордану, въ разстояніи полутора часа пути отъ Іерусалима, была любимымъ мѣстомъ пребыванія Іисуса [3]). Здѣсь онъ познакомился съ семействомъ изъ трехъ лицъ, двухъ сестеръ и третьяго брата, дружбой которыхъ онъ чрезвычайно дорожилъ [4]). Изъ двухъ сестеръ, одна, по имени Марѳа, была чрезвычайно обязательной, доброй и усердной женщиной [5]); другая, по имени Марія, полная противуположность ей, нравилась Іисусу своей чуткостью [6]) и своей весьма развитой склонностью къ умозрѣнію. Нерѣдко, сидя у ногъ Іисуса и слушая его, она забывала о требованіяхъ дѣйствительной жизни. Тогда сестра ея, на долю которой приходился весь трудъ, кротко жаловалась на нее. „Марѳа! Марѳа! говорилъ ей Іисусъ, ты заботишься и суетишься о многомъ, а одно только нужно. Марія же избрала благую часть, которая не отнимется у нея [7])“. Владѣлецъ этого дома, Симонъ прокаженный, былъ вѣроятно братомъ Маріи и Марѳы, или, по

---

[1]) Іерусал. Талм., *Таанитъ*, IV, 8.

[2]) Нынѣ *Ель-Азиріе* (отъ *Ель-Азиръ*, арабское имя Лазарь); въ средневѣковыхъ христіанскихъ текстахъ *Лазаріумъ*.

[3]) Матѳея, XXI, 17—18; Марка, XI, 11—12.

[4]) Іоанна, XI, 5, 35—36.

[5]) Луки, X, 38—42; Іоанна, XII, 2. Лука, повидимому, помѣщаетъ домъ двухъ сестеръ на пути изъ Галилеи въ Іерусалимъ. Но топографія Луки съ гл. IX, 51, и до гл. XVIII, 31, нельзя понять, если при[illegible] вально. Нѣкоторые эпизоды этой части третьяго Евангелія [illegible] повидимому, въ Іерусалимѣ, или его окрестностяхъ.

[6]) Іоанна, XI, 20.

[7]) Луки, X, 38 и слѣд.

меньшей мѣрѣ, принадлежалъ къ ихъ семьѣ [1]). Здѣсь, окруженный дружбой благочестивой семьи, Іисусъ забывалъ всѣ непріятности общественной жизни. Въ этомъ мирномъ уголкѣ онъ отдыхалъ отъ придирокъ, которымъ не переставалъ подвергаться со стороны фарисеевъ и книжниковъ. Часто онъ усаживался на горѣ Елеонской, въ виду горы Моріа [2]), имѣя передъ глазами великолѣпную перспективу терассъ храма и его вышекъ, покрытыхъ блестящей чешуей. Видъ этотъ приводилъ чужеземцевъ въ восторгъ; особенно при восходѣ солнца священная гора ослѣпительно сіяла и представлялась глыбой снѣга и золота [3]). Но чувство глубокой грусти отравляло для Іисуса это зрѣлище, наполнявшее душу другихъ израильтянъ радостью и гордостью. „Іерусалимъ, Іерусалимъ! избивающій пророковъ и камнями побивающій посланныхъ къ тебѣ, сколько разъ хотѣлъ я собрать дѣтей твоихъ, какъ птица собираетъ птенцовъ своихъ подъ крылья, и вы не захотѣли!“ воскликнулъ онъ въ одну изъ такихъ горькихъ минутъ [4]).

Однако, многія добрыя души все же, и здѣсь, какъ и въ Галилеѣ, были тронуты. Но гнетъ господствующаго право-

[1]) Матѳея, XXVI, 6; Марка, XIV, 3; Луки, VII, 40, 43; Іоанна, XI, 1 и слѣд.; XII, 1 и слѣд. Имя Лазарь, которое даетъ четвертое Евангеліе брату Маріи и Марѳы, повидимому, взято изъ притчи, приведенной Лукой, XVI, 19 и слѣд. (обратите вниманіе особенно на ст. 30—31). Эпитетъ „прокаженнаго“, присвоенный Симону и совпадающій съ „язвами“, о которыхъ пишетъ Лука, XVI, 20—21, быть можетъ, и послужилъ поводомъ для странной версіи четвертаго Евангелія. Неловкость ея (Іоанна, XI, 1—2) доказываетъ, что Лазарь въ преданіи менѣе реаленъ, нежели образы Маріи и Марѳы.

[2]) Марка, XIII, 3.

[3]) Іосифъ, В. І., V, V, 6.

[4]) Матѳея, XXIII, 37; Луки, XIII, 34. Эти слова, какъ и ст. 34—35, гл. XXIII, Матѳея, повидимому, представляютъ собой цитату изъ какого-либо апокрифическаго пророчества, быть можетъ Еноха. Ср. прим. 4 къ стр. XXXIV „Введенія“ и ниже прим. 1 къ стр. 275.

вѣрія былъ такъ силенъ, что немногіе осмѣливались въ этомъ сознаваться. Боялись уронить себя въ глазахъ іерусалимскихъ гражданъ, открыто вступивъ въ школу галилеянина. При этомъ былъ рискъ, что за это изгонятъ изъ синагоги, а въ обществѣ ханжества и ничтожества это считалось самымъ ужаснымъ посрамленіемъ [1]). Кромѣ того отлученіе отъ церкви влекло за собой конфискацію имущества [2]). Исключеніе изъ среды евреевъ не означало собой пріобрѣтенія правъ римскаго гражданства; исключенный оставался беззащитнымъ отъ ударовъ со стороны теократическаго законодательства, отличавшагося самой свирѣпой строгостью. Однажды низшіе служители храма, присутствовавшіе при проповѣди Іисуса и очарованные ею, пришли повѣрить свои сомнѣнія священникамъ. „Увѣровалъ ли въ него кто изъ начальниковъ, или изъ фарисеевъ? отвѣтили имъ тѣ. Но этотъ народъ невѣжда въ законѣ, проклятъ онъ [3])". Такимъ образомъ, Іисусъ оставался для Іерусалима провинціаломъ, которымъ восхищаются такіе же, какъ и онъ, провинціалы, но котораго вся аристократія націи отвергаетъ. Начальниковъ школъ здѣсь было слишкомъ много, для того чтобы появленіе одного лишняго кого либо особенно поражало. Голосъ его имѣлъ мало вліянія въ Іерусалимѣ. Предразсудки расы и секты, непосредственные враги евангельскаго духа, здѣсь черезъ-чуръ укоренились.

Ученіе Іисуса по необходимости значительно видоизмѣнилось въ этомъ новомъ мірѣ. Его прекрасныя проповѣди, эффектъ которыхъ былъ всегда расчитанъ на молодое вооображеніе и чистую нравственную совѣсть слушателей, падали здѣсь на каменистую почву. И самъ онъ, чувствовавшій себя такъ хорошо на берегахъ своего прелестнаго маленькаго озера, здѣсь стѣснялся, терялъ почву под[illegible]

1) Іоанна, VII, 13; XII, 42—43; XIX, 38.

2) 1 кн. Ездры, X, 8; посл. къ Евреямъ, X, 34; Іерусал. [illegible] *Катонъ*, III, 1.

3) Іоанна, VII, 45 и слѣд.

редъ лицемъ міра педаитовъ. Его вѣчныя заявленія о самомъ себѣ начали принимать нѣсколько скучный характеръ [1]). Ему пришлось сдѣлаться толкователемъ, юристомъ, экзегетомъ, теологомъ. Его бесѣды, обыкновенно полныя прелести, превратились въ трескучіе диспуты [2]), въ безконечныя схоластическія битвы. Его гармоничный геній напрягался надъ нелѣпыми аргументаціями по поводу Закона и пророковъ [3]), и мы предпочли бы не видать его иной разъ въ роли нападающей стороны [4]). Съ досадной уступчивостью онъ позволялъ лукавымъ спорщикамъ подвергать себя ненужному допросу [5]). Вообще онъ выходилъ изъ затрудненій съ большой находчивостью. Правда, нерѣдко его разсужденія бывали хитроумными (душевная простота и хитроуміе соприкасаются между собой: когда простодушный человѣкъ пускается въ разсужденія, онъ всегда становится немного софистомъ); можно сказать, что иногда онъ ищетъ недоразумѣній и умышленно запутываетъ ихъ [6]); аргументація его, если судить по правиламъ аристотелевской логики, весьма слаба. Но когда представлялся случай выказаться его несравненному по чарующей силѣ уму, то это былъ настоящій тріумфъ. Однажды попробовали поставить его въ затруднительное положеніе, представивъ ему женщину, обвиненную въ прелюбодѣяніи, и потребовавъ у него указаній, какъ слѣдуетъ поступить съ ней. Всѣмъ извѣстенъ великолѣпный отвѣтъ Іисуса [7]). Самая

---

[1]) Іоанна, VIII, 13 и слѣд.

[2]) Матѳея, XXI, 23 и слѣд.

[3]) Матѳея, XXII, 23 и слѣд.

[4]) Матѳея, XXII, 41 и слѣд.

[5]) Матѳея, XXII, 36 и слѣд., 46.

[6]) См. въ особенности поученія, приведенныя въ четвертомъ Евангеліи, напр. въ гл. VIII. При этомъ мы спѣшимъ предупредить, что эти мѣста четвертаго Евангелія имѣютъ значеніе лишь какъ весьма стариныя предположенія о жизни Іисуса.

[7]) Іоанна, VIII, 3 и слѣд. Сперва этого мѣста не было въ четвертомъ Евангеліи; его нѣтъ въ наиболѣе древнихъ рукописяхъ и текстъ его не

тонкая насмѣшливость свѣтскаго человѣка, смягченная божественной добротой, не могла бы выразиться болѣе изящно. Но глупцы менѣе всего въ состояніи прощать уму, который сочетается съ нравственнымъ величіемъ. Произнеся эти столь справедливыя и чистыя слова: „кто изъ васъ безъ грѣха, первый брось въ нее камень!“, Іисусъ пронзилъ сердце лицемѣра и тѣмъ самымъ подписалъ свой смертный приговоръ.

Дѣйствительно, очень возможно, что не будь раздраженія, вызваннаго столь горькими обидами, Іисусъ долго оставался бы незамѣченнымъ и, быть можетъ, затерялся бы среди страшной грозы, которая въ скоромъ времени должна была смести всю еврейскую націю цѣликомъ. Первосвященники и саддукеи относились къ нему скорѣе съ презрѣніемъ, нежели съ ненавистью. Знатныя первосвященническія фамиліи, *Боэтусимы*, фамилія Анны, обнаруживали свой фанатизмъ только когда дѣло касалось ихъ спокойствія. Саддукеи, подобно Іисусу, отрицали „преданія“ фарисеевъ [1]). По удивительно странной случайности, эти невѣрующіе, отрицавшіе воскресеніе, устный законъ, существованіе ангеловъ, были настоящими евреями; вѣрнѣе было бы сказать, что такъ какъ древній законъ по своей простотѣ уже не удовлетворялъ религіознымъ потребностямъ эпохи, то тѣ люди, которые держались его съ буквальной точностью и отвергали современныя измышленія, производили на набожныхъ лицъ впечатлѣніе нечестивцевъ, почти также, какъ въ наше время евангелическій протестантъ

особенно устойчивъ. Тѣмъ не менѣе оно принадлежитъ къ первоначальному Евангельскому преданію, какъ это доказываютъ странныя особенности стиховъ 6, 8, не соотвѣтствующихъ вкусу Луки и компиляторовъ второй руки, которые не вносятъ ничего такого, что не понятно само собой. Повидимому, этотъ эпизодъ былъ извѣстенъ Папію и находился въ евангеліи отъ евреевъ (Евсевій, Hist. eccl. III, 39; см. ниже Прибавленіе, стр. 378, прим. 2).

[1]) Іосифъ, Ant., XIII, X, 6; XVIII, I, 4.

ъ ортодоксальныхъ странахъ представляется невѣрующимъ. Во всякомъ случаѣ, не отъ такой партіи могла исходить достаточно рѣзкая реакція противъ Іисуса. Оффиціальный первосвященникъ, обращавшій все вниманіе лишь на политическую власть и находившійся съ ней въ тѣсномъ общеніи, ничего не понималъ въ этихъ движеніяхъ энтузіастовъ. Тревогу забила фарисейская буржуазія, безчисленные *соферимы*, или книжники, которые жили наукой о „преданіяхъ", и которымъ дѣйствительно угрожала доктрина новаго учителя, затрогивавшая ихъ предубѣжденія или ихъ интересы.

Фарисеи постоянно пытались увлечь Іисуса на почву политическихъ вопросовъ и набросить на него подозрѣніе въ участіи въ партіи Іуды Гавлонита. Пріемъ этотъ былъ очень искусенъ; нужно было обладать глубокимъ простодушіемъ Іисуса, чтобы не навлечь на себя неудовольствія со стороны римской власти, не взирая на провозглашеніе имъ царства Божія. Фарисеи хотѣли раскрыть эту двусмысленность и заставить его объясниться. Однажды группа фарисеевъ и политиковъ, извѣстныхъ подъ именемъ „иродіанъ" (вѣроятно *Воетусимы*), подошли къ нему и подъ видомъ благочестивой ревнительности спросили его: „Учитель, мы знаемъ, что ты справедливъ и истинно пути Божію учишь, и не заботишься объ угожденіи кому-либо, ибо не смотришь ни на какое лице. И такъ скажи намъ: какъ тебѣ кажется? позволительно ли давать подать кесарю, или нѣтъ"? Они надѣялись получить отвѣтъ, который послужилъ бы предлогомъ для того чтобы выдать его Пилату. Отвѣтъ Іисуса былъ великолѣпенъ. Онъ велѣлъ показать ему изображеніе на *монетѣ*: „*Отдайте кесарево кесарю, а Божіе Богу*", отвѣтилъ онъ [1]).

[1]) Матѳея, XXII, 15 и слѣд.; Марка, XII, 13 и слѣд.; Луки, XX, 20 и слѣд.; ср. Іерусал. Талм., *Синедріонъ*, II, 3; посл. къ Римл., XIII, 6—7. Можно сомнѣваться въ томъ, что этотъ анекдотъ буквально точенъ. На монетахъ Ирода, Архелая, Антипы до вступленія Калигулы, не было ни имени, ни изображенія императора. На монетахъ, выбитыхъ въ Іеруса-

Глубокая мысль, предрѣшившая будущее христіанства! Мысль полнѣйшаго спиритуализма и удивительно вѣрная, на которой было основано различіе между духовнымъ и свѣтскимъ мірами, которая также легла въ основу истиннаго либерализма и истиннаго христіанства!

Его кроткій и проникновенный геній внушалъ ему, когда онъ оставался наединѣ съ своими учениками, выраженія, исполненныя необыкновенной чарующей привлекательности. „Истинно, истинно говорю вамъ, кто не дверью входитъ во дворъ овчій, тотъ воръ и разбойникъ; а входящій дверью есть истинный пастырь овцамъ. Овцы слушаются голоса его; и онъ зоветъ своихъ овецъ по имени и выводитъ ихъ на пастбища; онъ идетъ передъ ними и овцы за нимъ идутъ, потому что знаютъ голосъ его. Воръ приходитъ только для того чтобы украсть, убить и погубить. Наемникъ, которому овцы не свои, видитъ приходящаго волка и оставляетъ овецъ и бѣжитъ. Я есмь пастырь добрый и знаю моихъ овецъ и мои овцы знаютъ меня и я жизнь мою полагаю за нихъ [1]".

лимѣ при прокураторахъ, было имя, но не было изображенія императора (Эккель, Doctr., III, 497—498). На монетахъ Филиппа находится и имя и изображеніе императора (Леви, Gesch. der jüdischen Münzen, стр. 17 и слѣд.; Мадденъ, History of jewish coinage, стр. 80 и слѣд.). Но эти монеты, чеканенныя въ Панеасѣ, чисто языческія; кромѣ того, онѣ не были ходячей монетой въ Іерусалимѣ и разсужденіе Іисуса по поводу такихъ монетъ не имѣло бы подъ собой почвы. Весьма мало вѣроятно предположеніе, что Іисусъ далъ свой отвѣтъ по поводу монетъ съ изображеніемъ Тиверія, выбитыхъ внѣ Палестины (Revue numismatique, 1860, стр. 159). Поэтому можно думать, что этотъ прекрасный христіанскій афоризмъ получилъ невѣрную дату заднимъ числомъ. Идея, что изображеніе на монетахъ есть признакъ владычества, сказывается впрочемъ и въ томъ, что, по крайней мѣрѣ, послѣ второго возстанія евреи позаботились поскорѣе перечеканить римскую монету и выставить на ней еврейскія изображенія (Леви, стр. 104 и слѣд.; Мадденъ, стр. 176, 203 и слѣд.).

[1]) Іоанна, X, 1—16; текстъ, подтверждаемый въ псевдоклиментовыхъ Проповѣдяхъ, III, 52.

ысль, что приближается развязка кризиса человѣчества, часто повторяется въ его поученіяхъ. „Когда смоковница, говорилъ онъ, покрывается молодыми вѣтвями и пускаетъ листья, то знайте, что близко лѣто. Возведите ваши очи и посмотрите на міръ; онъ побѣлѣлъ и поспѣлъ къ жатвѣ [1])“.

Вся сила его краснорѣчія обнаруживается каждый разъ, когда ему приходится бороться съ лицемѣріемъ. „На Моисеевомъ сѣдалищѣ сѣли книжники и фарисеи; и такъ все, что они велятъ вамъ соблюдать, соблюдайте и дѣлайте; по дѣламъ же ихъ не поступайте, ибо они говорятъ и не дѣлаютъ. Связываютъ бремена тяжелыя и неудобоносимыя и возлагаютъ на плечи людямъ, а сами не хотятъ и перстомъ двинуть ихъ.

„Всѣ же дѣла свои дѣлаютъ съ тѣмъ, чтобы видѣли ихъ люди; расширяютъ хранилища свои [2]) и увеличиваютъ воскрилія одеждъ своихъ [3]); также любятъ предвозлежанія на пиршествахъ и предсѣданія въ синагогахъ; и привѣтствія въ народныхъ собраніяхъ и чтобы люди звали ихъ: Учитель! Горе имъ!...

„Горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемѣры, что взяли ключъ разумѣнія, чтобы затворить Царство небесное человѣкамъ [4])! Ибо сами не входите и хотящихъ войти не допускаете. Горе вамъ, что поѣдаете домы вдовъ и лицемѣрно долго молитесь: за то примете тѣмъ большее осужденіе. Горе

---

[1]) Матѳея, XXIV, 32; Марка, XIII, 28; Луки, XXI, 30; Іоанна, IV, 35.

[2]) *Тотафотъ* или *тефиллинъ*, металлическія пластинки или ленты пергамента съ текстами изъ Закона, которыя надѣваются набожными евреями на лобъ и на лѣвую руку; этимъ выполняется буквально текстъ Исхода, XIII, 9; Второзаконія, VI, 8; XI, 18.

[3]) *Зизитъ*, красныя каймы или кисти на краяхъ одежды, которыя носились евреями въ отличіе отъ язычниковъ (Числъ, XV, 38—39; Второзаконія, XXII, 12).

[4]) При помощи своей казуистики, чрезвычайно затрудняющей входъ въ царство небесное и способной привести въ уныніе простодушныхъ людей, фарисеи исключали массу человѣчества изъ царства Божія.

вамъ, что обходите море и сушу, дабы обратить хотя бы одного, и когда это случится, дѣлаете его сыномъ геенны! Горе вамъ, ибо вы, какъ гробы скрытые, надъ которыми люди ходятъ, и не знаютъ того! [1])

„Неразумные и слѣпые! вы даете десятину съ мяты, аниса и тмина и оставили важнѣйшее въ законѣ: судъ, милость и вѣру; сіе надлежало дѣлать и того не оставлять. Вожди слѣпые, оцѣживающіе комара, а верблюда поглощающіе!"

„Горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемѣры, что очищаете внѣшность чаши и блюда [2]), между тѣмъ какъ внутри они полны хищенія и неправды. Фарисей слѣпой [3]), очисти прежде внутренность чаши и блюда, чтобы чиста была и внѣшность ихъ [4])".

„Горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемѣры, что уподобляетесь окрашеннымъ гробамъ [5]), которые снаружи кажутся

---

[1]) Соприкосновеніе съ могилами оскверняетъ людей. Поэтому было принято тщательно отмѣчать очертанія могилъ на поверхности земли. Вавил. Талм., *Вава ватра*, 58 а; *Вава метсія*, 45 в. Здѣсь заключается упрекъ Іисуса фарисеямъ въ томъ, что они измыслили массу мелкихъ правилъ, нарушаемыхъ невольно и имѣющихъ цѣлью лишь увеличить число случаевъ отступленія отъ Закона.

[2]) Очищеніе посуды у фарисеевъ регламентировалось чрезвычайно сложными правилами (Марка, VII, 4).

[3]) Этотъ весьма употребительный эпитетъ (Матѳея, XXIII, 16, 17, 19, 24, 26), быть можетъ, заключаетъ въ себѣ намекъ на обычай, усвоенный нѣкоторыми фарисеями, ходить съ зажмуренными глазами, преувеличенно выставляя такимъ образомъ свою святость. См. выше стр. 256.

[4]) Лука, (XI. 37 и слѣд.) быть можетъ, не безъ основанія предполагаетъ, что это поученіе было сказано за обѣдомъ въ отвѣтъ на замѣчанія фарисеевъ.

[5]) Такъ какъ могилы считались нечистыми, то существовалъ обычай бѣлить ихъ известью, чтобы предостеречь отъ соприкосновенія съ ними. См. выше прим. 1 на этой стр., а также *Мишна*, *Маазаръ шени* V, 1; Іерусал, Талм., *Шекалимъ*, I, 1; *Маазаръ шени*, V, 1; *Моедъ катонъ* I, 2; *Сота*, IX, 1; Вавил. Талм., *Моедъ катонъ*, 5а. Быть можетъ, въ сравненіи, которое здѣсь употреблено Іисусомъ, заключается намекъ на „крашеныхъ" фарисеевъ (см. выше стр. 256).

и всякой не-
юдямъ правед-
онія.
что строите
авeдныхъ, и
хъ, то не
ороковъ!
ствуете,
допол-
ость Бо-
, и муд-
, а иныхъ
орода въ
пролитая
Захарія,
мъ и жер-
идетъ на

вамъ, что обход
одного, и когд
Горе вамъ, и
люди ходят

„Неразу
и тмина
вѣру; сіе
пые, оцѣ

„Горе
щаете в
они пол
прежде
внѣшнос

„Горе
бляетесь

¹) Сопр
принято т
вил. Талм.,
Іисуса фар
нарушаемы
случаевъ о

²) Очиш
сложными п

³) Этотъ
24, 26), быт
нѣкоторыми
ченно выста

⁴) Лука,
гаетъ, что э
чанія фарис

⁵) Такъ
бѣлить ихъ
См. выше пр
Іерусал, Тал
Сота, IX, 1;
которое здѣсь
фарисеевъ (с

асивыми, а внутри полны костей мертвыхъ и всякой нестоты. Такъ и вы по наружности кажетесь людямъ праведіми, а внутри исполнены лицемѣрія и беззаконія.

„Горе вамъ, книжники, фарисеи и лицемѣры, что строите обницы пророкамъ и украшаете памятники праведныхъ, и ворите: если бы мы были во дни отцовъ нашихъ, то не іли бы сообщниками ихъ въ пролитіи крови пророковъ! кимъ образомъ вы сами противъ себя свидѣтельствуете, о вы сыновья тѣхъ, которые избили пророковъ; дополйте же мѣру отцовъ вашихъ. Потому-то премудрость Боя сказала: [1]) „вотъ, я посылаю къ вамъ пророковъ, и мудыхъ, и книжниковъ; и вы иныхъ убьете и распнете, а иныхъ будете бить въ синагогахъ вашихъ и гнать изъ города въ ородъ; да придетъ на васъ вся кровь праведная, пролитая а землѣ, отъ крови Авеля праведнаго до крови Захарія, сына Варахина [2]), котораго вы убили между храмомъ и жерзенникомъ“. Истинно говорю вамъ, что все сіе придетъ на ародъ сей“ [3]).

[1]) Эта цитата, повидимому, заимствована изъ книги Еноха. Нѣкоорыя изъ откровеній, будто бы сдѣланныхъ этому патріарху, были ложены въ уста божественной Премудрости. Ср. Еноха, XXXVII, 1—4; LVIII, 1, 7; XLIX, 1, и книгу Юбилеевъ, гл. 7, съ Лукой, XI. 49. См. ыше, Введеніе, стр. XXXIV, прим. 4. Быть можетъ, цитируемый апорифъ имѣетъ христіанское происхожденіе. (Замѣтьте въ особенности Іатөея, XXIII, стихъ 34, нѣкоторыя черты котораго несомнѣнно приавлены уже послѣ смерти Іисуса). Въ такомъ случаѣ весь этотъ текстъ лѣдуетъ признать позднѣйшей вставкой; у Марка его совсѣмъ нѣтъ.

[2]) Здѣсь произошла путаница, которая повторяется и въ т. н. Таргумѣ Іонафана (Lamentations, II, 20): Захарій, сынъ Іоіады, принятъ за ахарія пророка, сына Варахіи. Рѣчь идетъ о первомъ (2 кн. Паралип., XIV, 21). Книга эта, въ которой разсказывается объ убіеніи Захаріи, ына Іоіады, заключаетъ собой еврейскій канонъ. Убійство это было ослѣднимъ въ спискѣ убійствъ праведниковъ, составленномъ въ томъ орядкѣ, въ какомъ они разсказаны въ Библіи. Первымъ изъ этихъ біиствъ будетъ убійство Авеля.

[3]) Матөея, XXIII, 2—86; Марка, XII, 38—40; Луки, XI, 39, 52; XX, 6—47.

Его грозный догматъ о правѣ язычниковъ войти въ царство небесное, мысль, что царство Божіе достанется другимъ, такъ какъ тѣ, кому оно предназначалось, не захотѣли его [1]), повторялась въ видѣ кровной угрозы, направленной противъ аристократіи, и самый титулъ Сына Божія, который онъ открыто присвоивалъ себѣ въ своихъ живыхъ притчахъ [2]), причемъ враги его играютъ въ нихъ роль убійцъ небесныхъ посланцевъ, былъ вызовомъ, брошеннымъ легальному іудаизму. Смѣлый призывъ, съ которымъ онъ обращался къ смиреннымъ, былъ еще бо̀льшимъ соблазномъ. Онъ объявилъ, что и пришелъ просвѣтить слѣпыхъ и ослѣпить тѣхъ, которые думаютъ, что видятъ [3]). Однажды его неудовольствіе противъ храма вылилось въ слѣдующихъ неосторожныхъ словахъ: „Я разрушу храмъ сей рукотворенный и, черезъ три дня воздвигну другой нерукотворенный [4])“. Неизвѣстно, что подъ этимъ разумѣлъ Іисусъ, ученики же его старались отыскивать въ этихъ словахъ разнаго рода весьма натянутыя аллегоріи. Но такъ какъ нуженъ былъ только предлогъ, то слова эти были тотчасъ же подхвачены. Они будутъ приведены въ видѣ уликъ въ смертномъ приговорѣ Іисуса, ихъ будутъ кричать ему въ послѣднія минуты его мученій на Голгоѳѣ. Эти ожесточенные споры всегда кончались бурей. Фарисеи бросали въ него камнями [5]); но этимъ они только исполняли правило Закона, предписывавшаго побивать камнями, не выслушивая, каждаго пророка, даже совершающаго чудеса, который сталъ бы со-

---

[1]) Матѳея, VIII, 11—12; XX, 1 и слѣд.; XXI, 28 и слѣд.; 33 и сл., 43; XXII, 1 и сл.; Марка, XII, 1 и сл.; Луки, XX, 9 и слѣд.

[2]) Матѳея, XXI, 37 и слѣд.; Марка; XII, 6; Луки, XX, 9; Іоанна X, 36 и слѣд.

[3]) Іоанна, IX, 39.

[4]) Наиболѣе достовѣрна, повидимому, та форма этихъ словъ, которая находится у Марка, XIV, 58; XV, 29. Ср. Іоанна, II, 19; Матѳея, XXVI, 61; XXVII, 40; Дѣянія, VI, 13—14.

[5]) Іоанна, VIII, 39; X, 31; XI, 8.

вращать народъ изъ старой вѣры [1]). Въ другихъ случаяхъ они называли его безумнымъ, одержимымъ бѣсомъ, самаритяниномъ [2]), или даже пытались убить его [3]). Слова его запоминали, чтобы привлечь его къ отвѣтственности по законамъ нетерпимой теократіи, которые не были отмѣнены римскимъ владычествомъ [4]).

---

[1]) Второзаконіе, XIII, 1 и слѣд. Ср. Луки, XX, 6; Іоанна, X, 33; 2 посл. къ Коринѳ., XI, 25.

[2]) Іоанна, X, 20.

[3]) Іоанна, V, 18; VII, 1, 20, 25, 30; VIII, 37, 40.

[4]) Луки, XI, 53—54.

ГЛАВА XXII

Замыслы враговъ Іисуса

Іисусъ провелъ въ Іерусалимѣ осень и часть зимы. Въ это время года здѣсь бываетъ довольно холодно [1]). Обыкновенно онъ прогуливался въ портикѣ Соломона и по его крытымъ галлереямъ [2]). Этотъ портикъ, единственный сохранившійся изъ построекъ древняго храма, состоялъ изъ двухъ галлерей, образованныхъ двумя рядами колоннъ и стѣной, господствовавшей надъ долиной Кедронской [3]). Выходъ отсюда наружу былъ черезъ Сузскія ворота, остатки которыхъ еще видны внутри мѣста, называемаго нынѣ „Золочеными Воротами" [4]). По другой сторонѣ долины въ то время уже существовали украшавшія ее пышныя гробницы. Нѣкоторые изъ находящихся здѣсь монументовъ были воздвигнуты, быть можетъ, въ память древнихъ пророковъ [5]), о которыхъ помышлялъ Іисусъ, когда, сидя подъ портикомъ, громилъ оффиціальные

---

[1]) Іерусалимъ находится выше уровня моря на высотѣ 779 метровъ по даннымъ г. Винь (Vignes, Conn. des temps pour 1866) и на высотѣ 2440 англ. футовъ по Вильсону (Le Lien, 4 авг. 1866).

[2]) Іоанна, X, 23. См. реставрацію храма по де-Вогюэ: le Temple de Ierusalem, табл. XV и XVI, стр. 12, 22, 50 и слѣд.

[3]) Іосифъ, Ant., XX, IX, 7; B. I, V, V, 2.

[4]) Этотъ монументъ, повидимому, воздвигнутъ приблизительно около эпохи Юстиніана.

[5]) См. выше, стр. 275. Быть можетъ, т. н. гробница Захарія была монументомъ въ этомъ родѣ. См. Itin. a Burdig. Hierus., стр. 153. (изд. Шотта).

ассы, давшіе за этими колоссальными массами пріютъ сво-
у лицемѣрію и своему тщеславію [1]).

Въ концѣ декабря въ Іерусалимѣ праздновался день очи-
енія храма послѣ святотатствъ Антіоха Епифана [2]), празд-
ікъ, установленный въ память этого событія Іудой Макка-
емъ. Торжество это носило названіе „праздника обновле-
я или огней“, потому что въ теченіе восьми дней, которые
ъ продолжался, во всѣхъ домахъ постоянно были зажжены
ѣ лампады [3]). Вскорѣ послѣ этого Іисусъ предпринялъ пу-
шествіе въ Перею и на берега Іордана, т. е. въ тѣ самыя
ѣстности, которыя онъ посѣтилъ нѣсколько лѣтъ тому на-
дъ, когда еще былъ послѣдователемъ школы Іоанна [4]), и гдѣ
нъ, какъ и другіе, получилъ крещеніе. Здѣсь онъ, повидимому,
ѣсколько утѣшился, особенно въ Іерихонѣ. Въ этомъ городѣ
аходилась довольно значительная таможня, потому-ли что
нъ былъ расположенъ въ исходной точкѣ весьма важнаго
ути, или потому, что здѣсь существовали плантаціи аромат-
ыхъ травъ и богатыя фермы [5]). Главный сборщикъ податей,
акхей, человѣкъ богатый, пожелалъ видѣть Іисуса [6]). Такъ какъ
нъ былъ маленькаго роста, то взобрался на сикомору возлѣ
ороги, по которой должно было двигаться шествіе. Іисусъ
ылъ тронутъ такой наивностью довольно высокопоставлен-

---

[1]) Матѳея, XXIII, 29; Луки, XI, 47.

[2]) Іоанна, X, 22. Ср. 1 кн. Маккав., IV, 52 и слѣд.; 2 кн. Маккав., X
и слѣд.

[3]) Іосифъ, Ant., XII, VII, 7.

[4]) Іоанна, X, 40. Ср. Матѳея, XIX, I; XX, 29; Марка, X, I, 46; Луки,
VIII, 35; XIX, 1. Путешествіе это извѣстно синоптикамъ. Но Матѳей и
аркъ думаютъ, что Іисусъ совершилъ его по пути изъ Галилеи въ
русалимъ черезъ Перею. Топографія Луки будетъ непонятна, если не
опустить, что Іисусъ въ главахъ X—XVIII этого Евангелія проходилъ
ерезъ Іерусалимъ.

[5]) Екклез. XXIV, 18; Страбонъ, XVI, II, 41; Іустинъ, XXXVI, 3; Іосифъ
nt., IV, VI, I; XIV, IV, I; XV, IV, 2; Вавил. Талм., *Веракотъ*, 43 а, и пр.

[6]) Луки, XIX, 1 и слѣд. (эпизодъ сомнительнаго характера).

наго должностного лица. Онъ пожелалъ остановиться у Закхея, рискуя вызвать этимъ цѣлый скандалъ. Дѣйствительно, многіе сильно роптали, видя, что онъ оказываетъ честь своего посѣщенія дому грѣшника. Уходя, Іисусъ назвалъ своего хозяина добрымъ чадомъ Авраама, и какъ бы съ тѣмъ, чтобы сильнѣе задѣть правовѣрныхъ, Закхей сдѣлался праведникомъ: говорятъ, будто онъ роздалъ половину своего имѣнія бѣднымъ и возмѣстилъ вчетверо всѣ несправедливости, которыя онъ могъ совершить. Но не въ этомъ одномъ заключалось удовольствіе, полученное здѣсь Іисусомъ. При выходѣ изъ города, нищій, по имени Вартимей [1]), очень порадовалъ его, упорно называя его „сыномъ Давидовымъ", хотя многіе заставляли его молчать. На одинъ моментъ казалось, что въ этой странѣ, представлявшей много сходства съ сѣверными провинціями, открывается рядъ такихъ же чудесъ, какъ и въ Галилеѣ. Прелестный оазисъ Іерихона, въ то время хорошо орошенный, долженъ былъ представляться однимъ изъ самыхъ красивыхъ мѣстъ въ Сиріи. Іосифъ говоритъ о немъ съ тѣмъ же восхищеніемъ, какъ о Галилеѣ, и также, какъ и Галилею, называетъ „божественной страной" [2]).

Окончивъ это въ нѣкоторомъ родѣ паломничество въ мѣстность своей первоначальной пророческой дѣятельности, Іисусъ возвратился въ свое любимое мѣстопребываніе въ Виѳаніи [3]). Вѣрныхъ Галилеянъ, находившихся въ Іерусалимѣ, больше всего огорчало то, что здѣсь не было совершено ни одного чуда. Друзья Іисуса, истомившись тѣмъ дурнымъ пріемомъ, который царство Божіе встрѣтило въ столицѣ, иногда жаждали великаго чуда, которое нанесло бы сильный ударъ іерусалимскому невѣрію. Имъ казалось, что всего убѣдительнѣе подѣйствовало бы воскресеніе изъ мертвыхъ.

---

[1]) Матѳея, XX, 29; Марка, X, 46 и слѣд.; Луки, XVIII, 35.
[2]) B. I., IV, VIII, 3. Ср. тамъ же, I, VI, 6; I, XVIII, 5 и Antiq., XV, IV, 2.
[3]) Іоанна, XI, 1.

Можно предполагать, что Марія и Мареа признались въ этомъ Іисусу. Слухи уже приписывали ему два три факта въ этомъ родѣ [1]). „Если кто нибудь воскреснетъ изъ мертвыхъ, безъ сомнѣнія, говорили ему эти благочестивыя сестры, то, быть можетъ, живые и покаются.—Нѣтъ, долженъ былъ отвѣтить имъ Іисусъ, если бы кто и изъ мертвыхъ воскресъ, не повѣрятъ“ [2]). Припоминая одинъ изъ его разсказовъ, именно, о добромъ нищемъ, покрытомъ язвами, который умеръ и отнесенъ былъ ангелами на лоно Авраама [3]), можно допустить, что тутъ же онъ прибавилъ: „Если бы и Лазарь вернулся, то не повѣрили бы“. Впослѣдствіи по этому поводу возникли разнаго рода недоумѣнія. Предположеніе превратилось въ совершившійся фактъ. Заговорили объ воскресшемъ Лазарѣ, о непростительномъ упорствѣ, которое нужно было имѣть, чтобы устоять даже и передъ такимъ свидѣтельствомъ. „Язвы“ Лазаря и „проказа“ Симона слились между собой [4]) и въ преданіи сохранилось, что у Маріи и Мареы былъ братъ, по имени Лазарь [5]), котораго Іисусъ воскресилъ изъ мертвыхъ [6]). Кто извѣдалъ, изъ какихъ несообразностей, изъ

---

1) Матеея, IX, 18 и слѣд.; Марка, V, 22 и слѣд.; Луки, VII, 11 и слѣд.; VIII, 41 и слѣд.

2) Луки, XVI, 30—31.

3) Возможно, что аллегорической фигурѣ Лазаря (לא־עזר, „которому Богъ помогаетъ“, или אלעזר, „который ни откуда не получаетъ помощи“), подъ которой понимается народъ Израильскій („нищій“, котораго Богъ возлюбилъ, по общепринятому выраженію пророковъ и псалмопѣвцевъ), еще до Іисуса была посвящена какая-либо народная легенда или какая либо нынѣ затерянная книга.

4) Замѣтьте, какъ мало естественности въ переходѣ къ ст. Луки, XVI, 23. Здѣсь чувствуется соединеніе между собой разнородныхъ элементовъ, свойственное Лукѣ. См. выше Введеніе, стр. LXI—LXII.

5) Замѣтьте странную непослѣдовательность у Іоанна, XI, 1—2. Сперва Лазарь упоминается, какъ неизвѣстное лицо, τίς ἀσθενῶν Λάζαρος, затѣмъ онъ вдругъ оказывается братомъ Маріи и Мареы.

6) Я болѣе не сомнѣваюсь въ соотвѣтствіи между текстами Іоанна, XI, 1—46, и Луки, XVI, 19—31; авторъ четвертаго Евангелія могъ не

какого вздора возникаютъ сплетни въ восточныхъ городахъ, тотъ не сочтетъ невозможнымъ, чтобы такого рода слухъ распространился по Іерусалиму еще при жизни Іисуса и повелъ бы за собой пагубныя для него послѣдствія.

Дѣйствительно довольно вѣсскія указанія позволяютъ думать, что нѣкоторыя причины, исходившія изъ Виѳаніи, содѣйствовали тому, чтобы ускорить гибель Іисуса [1]). По нѣкоторымъ даннымъ можно заподозрить, что семья изъ Виѳаніи совершила какую нибудь неосторожность, или допустила какія либо излишества въ своемъ усердіи. Быть можетъ, горячее желаніе зажать ротъ тѣмъ, кто обидно отрицалъ божественность миссіи Іисуса, ихъ друга, увлекло этихъ страстныхъ его поклонниковъ за границы всякаго благоразумія. Надо также припомнить, что въ нечистой и тяжелой городской атмосферѣ Іерусалима Іисусъ не былъ уже самимъ собой. По винѣ людей, а не его лично, совѣсть его утратила свою первоначальную чистоту. Доведенный до отчаянія, до крайностей, онъ уже не владѣлъ собой. Миссія его подавляла его и онъ отдавался теченію. Спустя нѣсколько дней смерти предстояло возвратить ему его божественную свободу и вырвать его изъ власти роковыхъ, съ часу на часъ все болѣе настоятельныхъ требованій роли, которую было все труднѣе и труднѣе выдерживать.

Контрастъ между постоянно наростающей экзальтаціей его и равнодушіемъ евреевъ все болѣе и болѣе усиливался. Въ то же время общественныя власти все болѣе ожесточались противъ него. Въ февралѣ или въ началѣ марта первосвященники собрали совѣтъ [2]), на которомъ категорически

имѣть передъ глазами текста третьяго евангелиста, но оба безъ сомнѣнія черпали изъ аналогичныхъ преданій. См. Прибавленіе въ концѣ книги, стр. 366—367, 392—393, 394—395, 397—398, 398—399, 400, 401, 402—403, 405, 406, 407, 408, 408—409.

[1]) Іоанна, XI, 46 и слѣд.; XII, 2, 9 и слѣд., 17 и слѣд.

[2]) Іоанна, XI, 47 и слѣд.

былъ поставленъ вопросъ, могутъ ли Іисусъ и іудаизмъ существовать совмѣстно? Поставить такой вопросъ то же, что рѣшить его, и первосвященникъ, не будучи даже пророкомъ, какъ это думаетъ евангелистъ, могъ съ полной увѣренностью произнести свою кровавую аксіому: „лучше, чтобы одинъ человѣкъ умеръ за весь народъ".

„Первосвященникомъ на этотъ годъ", говоря языкомъ четвертаго Евангелія, прекрасно выражающаго этими словами то состояніе упадка, въ которомъ тогда находилась первосвященническая власть, былъ Іосифъ Каіафа, назначенный Валеріемъ Гратомъ и всецѣло преданный римлянамъ. Съ тѣхъ поръ какъ Іерусалимомъ управляли прокураторы, должность первосвященника стала смѣняемой; смѣна первосвященниковъ происходила почти ежегодно [1]). Тѣмъ не менѣе Каіафа продержался долѣе другихъ. Онъ вступилъ въ эту должность въ 25 и потерялъ ее только въ 36 году. О характерѣ его намъ ничего неизвѣстно. Судя по многимъ обстоятельствамъ, можно думать, что власть его была лишь номинальной. Рядомъ съ нимъ и надъ нимъ мы постоянно встрѣчаемъ другое лицо, пользовавшееся, повидимому, преобладающимъ значеніемъ въ тотъ рѣшительный моментъ, которымъ мы въ настоящее время занимаемся.

Лицомъ этимъ былъ тесть Каіафы, Хананъ или Анна [2]), сынъ Сета, старый смѣщенный первосвященникъ, въ сущности сохранявшій за собой всю власть, благодаря этой постоянной смѣнѣ первосвященниковъ. Онъ былъ назначенъ первосвященникомъ при легатѣ Квириніи, въ 7 г. по Р. Х. При вступленіи Тиверія, въ 14 г., онъ потерялъ это мѣсто, но продолжалъ пользоваться большимъ вліяніемъ. Его по-прежнему называли первосвященникомъ, хотя онъ уже и не зани-

---

[1]) Іосифъ, Ant., XV, III, 1; XVIII, II, 2; V, 3; XX, IX, 1, 4; Іерусал. Талм., *Жома*, I, 1; Вавил. Талм., *Жома*, 47a.

[2]) По Іосифу *Ананусъ*. Точно также еврейское имя *Іохананъ* по-гречески обращается въ *Іоанна*.

малъ этой должности [1]), съ нимъ совѣщались во всѣхъ важныхъ случаяхъ. Должность первосвященника оставалась въ рукахъ его рода въ теченіе пятидесяти лѣтъ почти безъ перерыва; пятеро изъ его сыновей занимали ее одинъ послѣ другого [2]), не считая Каіафы, который былъ его зятемъ. Это былъ что называется „первосвященническій родъ", какъ будто бы самая должность сдѣлалась наслѣдственной [3]). Всѣ высшія должности при храмѣ также были почти въ полномъ распоряженіи этой семьи [4]). Правда, въ первосвященничествѣ съ фамиліей Анны чередовался и другой родъ, именно Воэта [5]). Но Воэтусимы, обязанные своимъ богатствомъ одному обстоятельству, которое дѣлало имъ мало чести, далеко не пользовались такимъ же уваженіемъ среди благочестивой буржуазіи. Такимъ образомъ, главой первосвященнической партіи въ дѣйствительности былъ Анна. Каіафа ничего не дѣлалъ по собственному почину; ихъ имена привыкли соединять вмѣстѣ и при томъ имя Анны всегда даже и ставилось впереди [6]). Очень понятно, что при такомъ порядкѣ назначенія первосвященниковъ на годъ и при передачѣ этой должности по капризу прокураторовъ, старый первосвященникъ, хранитель древнихъ традицій, на глазахъ котораго другъ за другомъ слѣдовали роды гораздо болѣе молодые, нежели его, пользовавшійся достаточнымъ вліяніемъ для того, чтобы власть переходила въ руки лицъ, подчиненныхъ ему по родственнымъ связямъ, самъ по себѣ былъ весьма важной особой. Подобно всей храмовой аристократіи [7]) онъ также былъ саддукеемъ,

---

[1]) Іоанна, XVIII, 15—23; Дѣянія, IV, 6.

[2]) Іосифъ, Ant., XX, IX, 1. Ср. Іерус. Талм., *Хорайотъ*, III, 5; Тосифта, *Менахотъ*, II.

[3]) Іосифъ, Ant., XV, III, 1; B. I., IV, V, 6 и 7; Дѣянія, IV, 6.

[4]) Іосифъ, Ant., XX, IX, 3; Вавил. Талм., *Песахимъ*, 57а.

[5]) Іосифъ, Ant., XV, IX, 3; XIX, VI, 2; VIII, 1.

[6]) Луки, III, 2.

[7]) Дѣянія, V, 17.

принадлежалъ къ сектѣ, которая, по словамъ Іосифа, отличалась особенно жестокими приговорами [1]). Всѣ его сыновья были тоже горячими преслѣдователями. По распоряженію одного изъ нихъ, котораго звали, какъ и отца его, Анной, былъ побитъ камнями Іаковъ, братъ Господа, при условіяхъ, въ которыхъ есть много сходства съ обстоятельствами, сопровождавшими смерть Іисуса [2]). Весь этотъ родъ отличался коварствомъ, смѣлостью и жестокостью [3]), той особенной, презрительной и подозрительной злобой, которой характеризуется еврейская политика. Такимъ образомъ, отвѣтственность за всѣ послѣдующія событія, которыя здѣсь будутъ описаны, всей своей тяжестью падаетъ на Анну и его родъ. Іисуса умертвилъ именно Анна (или, если угодно, партія, представителемъ которой онъ былъ). Анна былъ главнымъ виновникомъ этой ужасной драмы, и проклятія человѣчества должны бы всей своей тяжестью тяготѣть скорѣе на немъ, нежели на Каіафѣ, или на Пилатѣ.

Авторъ четвертаго Евангелія влагаетъ въ уста Каіафы то рѣшительное слово, которое повлекло за собой смертный приговоръ Іисусу [4]). Предполагалось, что первосвященникъ обладаетъ нѣкоторымъ даромъ пророчества; такимъ образомъ, для христіанской общины его изреченіе получало глубокій смыслъ оракула. Но, въ сущности, кто бы ни произнесъ его, таково было мнѣніе всей первосвященнической партіи. Партія эта всегда сильно противодѣйствовала соблазну народа. Она старалась арестовывать религіозныхъ энтузіастовъ, ибо не безъ основанія предвидѣла, что они доведутъ своими возбуждающими проповѣдями страну до полной гибели. Хотя

---

1) Іосифъ, Ant., XX, IX, 1. Ср. *Мегиллатъ Таанитъ*, гл. IV; Тосифта *Менахотъ*, II.

2) Іосифъ, Ant., XX, IX, 1. Нѣтъ достаточныхъ основаній для того чтобы сомнѣваться въ достовѣрности этого мѣста.

3) Тамъ-же.

4) Іоанна, XI, 49—50. Ср. тамъ-же, XVIII, 14.

движеніе, вызванное Іисусомъ, не заключало въ себѣ ничего политическаго, священники предвидѣли, что послѣдствіемъ его въ концѣ концовъ будетъ обостреніе римскаго ига и ниспроверженіе храма, источника ихъ богатствъ и почестей [1]. Несомнѣнно, что причины, которымъ суждено было спустя тридцать пять лѣтъ повлечь за собой разрушеніе Іерусалима, лежали въ другихъ явленіяхъ, а не въ нарождающемся христіанствѣ. Тѣмъ не менѣе нельзя утверждать, что мотивъ, на который въ данномъ случаѣ ссылались священники, былъ настолько неправдоподобенъ, чтобы усматривать въ немъ одну только злую волю. Въ общемъ, если бы Іисусъ имѣлъ успѣхъ, то онъ дѣйствительно привелъ бы еврейскую націю къ погибели. Слѣдовательно, исходя изъ принциповъ, прочно установленныхъ всей древней политикой, Анна и Каіафа были въ правѣ сказать: „лучше намъ, чтобы одинъ человѣкъ погибъ за людей, нежели чтобъ весь народъ погибъ". По нашему мнѣнію, такое разсужденіе не можетъ быть терпимо. Но оно свойственно всѣмъ консервативнымъ партіямъ съ самаго возникновенія человѣческихъ обществъ. „Партія порядка" (я употребляю это выраженіе въ его узкомъ и низменномъ смыслѣ) всегда была одинакова. Полагая, что все назначеніе правительства сводится къ тому, чтобы не допускать народныхъ волненій, она думаетъ, что совершаетъ патріотическое дѣло, предупреждая помощью юридическаго убійства бурное кровопролитіе. Ни мало не заботясь о будущемъ, она не помышляетъ о томъ, что, объявляя войну всякой иниціативѣ, она рискуетъ вступить въ борьбу съ идеей, которой суждено рано или поздно восторжествовать. Смерть Іисуса была однимъ изъ тысячи случаевъ примѣненія подобной политики. Движеніе, во главѣ котораго онъ стоялъ, было чисто духовнымъ; но это было движеніе; съ этого момента, люди порядка, убѣжденные въ томъ, что существеннѣе всего для

---

[1]) Іоанна, IX, 48.

человѣчества, чтобы оно именно не испытывало движеній, должны были принять мѣры противъ распространенія новой идеи. Не бывало болѣе поразительнаго примѣра того, до какой степени подобная политика приводитъ къ совершенно противоположнымъ результатамъ. Если бы Іисуса оставили въ покоѣ, то онъ только истощилъ бы свои силы въ отчаянной борьбѣ съ непреодолимыми препятствіями. Неразумная ненависть его враговъ рѣшила побѣду его дѣла и запечатлѣла его божественность.

Такимъ образомъ, участь Іисуса была рѣшена уже въ февралѣ или мартѣ мѣсяцѣ [1]). Но на нѣкоторое время Іисусъ еще отсрочилъ свою погибель. Онъ удалился въ мало извѣстный городъ, называвшійся Ефраимъ или Ефронъ, близъ Вифеля, въ разстояніи неполнаго дня пути отъ Іерусалима, расположенный на границѣ пустыни [2]). Здѣсь онъ прожилъ съ своими учениками нѣсколько недѣль, пока опасность разсѣялась. Но уже отданы были распоряженія арестовать его, лишь только онъ появится въ окрестности храма. Приближался праздникъ Пасхи и враги Іисуса думали, что по своему обыкновенію онъ придетъ его праздновать въ Іерусалимъ [3]).

---

[1]) Іоанна, XI, 53.

[2]) Іоанна, XI, 54. Ср. II Хрон., XIII, 19; Іосифъ, B. I., IV, IX, 9; Евсевій и св. Іеремія, De situ et nom. loc. hebr., на слова 'Εφρὼν и 'Εφραΐμ. Обыкновенно этотъ городъ отождествляютъ съ *Тайибеемъ*.

[3]) Іоанна, XI, 55, 56. Въ отношеніи порядка событій во всей этой части мы слѣдуемъ плану Іоанна. Повидимому, синоптики были мало освѣдомлены о томъ періодѣ жизни Іисуса, который предшествовалъ Страстямъ.

ГЛАВА XXIII

Послѣдняя недѣля жизни Іисуса

Дѣйствительно, онъ отправился въ сопровожденіи своихъ учениковъ въ послѣдній разъ посѣтить невѣрующій городъ. Надежды его окружающихъ пріобрѣтали все болѣе и болѣе экзальтированный характеръ. Поднимаясь на гору въ Іерусалимъ, всѣ были увѣрены, что тамъ откроется царство Божіе [1]). Нечестивость человѣческая достигла высшихъ размѣровъ, а это былъ великій признакъ близкой кончины міра. Въ этомъ отношеніи всѣ питали такую увѣренность, что уже шли споры о первенствѣ въ царствѣ Божіемъ [2]). Говорятъ именно въ это время Саломея обратилась къ Іисусу съ просьбой предоставить ея сыновьямъ мѣста по правую и лѣвую стороны Сына Человѣческаго [3]). Напротивъ, самъ учитель былъ погруженъ въ глубокую думу. Иногда онъ выражалъ мрачное чувство досады противъ своихъ недруговъ; онъ разсказалъ притчу о благородномъ человѣкѣ, который отправился въ отдаленныя страны добывать себѣ царство; едва онъ успѣлъ уѣхать, какъ сограждане пожелали отъ него совсѣмъ избавиться. Царь возвращается, приказываетъ привести къ себѣ тѣхъ, кто не желалъ, чтобы онъ былъ надъ ними царемъ, и всѣхъ ихъ предаетъ смерти [4]). Въ другіе моменты онъ

---

[1]) Луки, XIX, 11.
[2]) Луки, XXII, 24 и слѣд.
[3]) Матѳея, XX, 20 и слѣд.; Марка, X, 35 и слѣд.
[4]) Луки, XIX, 12—27.

апрямикъ разрушаетъ иллюзіи своихъ учениковъ. Когда они роходили по каменистымъ дорогамъ къ сѣверу отъ Іерусаима, Іисусъ въ задумчивости уходилъ впередъ отъ своихъ спутниковъ. Всѣ молча смотрѣли на него, испытывая къ нему чувство страха и не смѣя заговорить съ нимъ. Уже раньше онъ неоднократно говорилъ имъ о предстоящихъ страданіяхъ и они слушали его, скрѣпя сердце [1]). Наконецъ онъ прервалъ молчаніе и, не скрывая болѣе своихъ предчувствій, повѣдалъ имъ свою близкую кончину [2]). Всѣ присутствующіе сильно огорчились. Ученики ожидали съ часу на часъ появленія знаменія въ облакахъ. Уже среди ихъ толпы начинали раздаваться радостные клики, возвѣщающіе открытіе царства Божія: „Благословенъ грядый во имя Господне [3])“! Кровавая перспектива, открытая передъ ними Іисусомъ, смутила ихъ. На каждомъ шагу этого рокового пути царство Божіе то приближалось, то удалялось отъ нихъ въ миражѣ ихъ грезъ. Онъ же утверждался въ мысли, что ему предстоитъ умереть, но что его смерть спасетъ міръ [4]). Съ минуты на минуту ихъ взаимное непониманіе, его и учениковъ его, становилось все глубже.

По обычаю слѣдовало приходить въ Іерусалимъ за нѣсколько дней передъ Пасхой, чтобы приготовиться къ празднику. Іисусъ прибылъ позднѣе другихъ и былъ моментъ, когда враги его потеряли надежду схватить его [5]). Наконецъ, за шесть дней до праздника (въ субботу, 8 низана или 28 марта [6]) онъ дошелъ до Виѳаніи. По обыкновенію онъ

---

1) Матѳея, XVI, 21 и слѣд.; Марка, VIII, 31 и слѣд.

2) Матѳея, XX, 17 и слѣд.; Марка, X, 31 и слѣд.; Луки, XVIII, 31 и слѣд.

3) Матѳея, XXIII, 39; Луки, XIII, 35.

4) Матѳея, XX, 28.

5) Іоанна, XI, 56.

6) Пасха праздновалась 14 низана. Въ 33 г. 1 число низана приходилось, повидимому, на субботу, 21 марта. Благодаря неточности еврей-

остановился въ домѣ Мареы и Маріи, или Симона прокаженнаго. Ему былъ сдѣланъ большой пріемъ. У Симона прокаженнаго [1]) было устроено пиршество, на которое собралось много народа, привлеченнаго желаніемъ видѣть новаго пророка и, какъ говорятъ, также и Лазаря, о которомъ въ послѣдніе дни распространялось много слуховъ. Быть можетъ, многіе принимали Симона прокаженнаго, возлежавшаго за столомъ, за то лицо, которое Іисусъ будто бы воскресилъ. Мареа, какъ обыкновенно, служила за столомъ [2]). Повидимому, хозяева старались усиленнымъ проявленіемъ внѣшнихъ знаковъ уваженія побѣдить холодность толпы и рѣзче отмѣтить высокое достоинство гостя, котораго они принимали. Для того чтобы придать пиршеству характеръ большого торжества, Марія во время стола вошла съ сосудомъ съ ароматами и обмыла ими ноги Іисуса. Затѣмъ она разбила сосудъ, по старинному обычаю разбивать посуду, которая служила при пріемѣ особенно почетныхъ гостей [3]). Наконецъ, она дошла въ своемъ культѣ до крайностей, которыя до тѣхъ поръ были невиданы: распростерлась у ногъ своего учителя и отерла ихъ своими длинными волосами [4]). Комната наполнилась благоуханіемъ ароматовъ, къ великому удовольствію всѣхъ присутствовавшихъ, за исключеніемъ скупого Іуды изъ

скаго календаря, всѣ эти вычисленія довольно сомнительны. См. Mém. de l'Acad. des Inscr. et B.—L., т. XXIII, ч. 2, стр. 367 и слѣд. (новая серія).

[1]) Матеея, XXVI, 6; Марка, XIV, 3. Ср. Луки, VII, 40, 43—44.

[2]) Это обстоятельство не теряетъ своего правдоподобія даже и въ томъ случаѣ, если бы пиршество происходило и не въ домѣ Мареы. На Востокѣ очень принято, чтобы лицо, связанное съ вами узами преданности, или находящееся у васъ въ услуженіи, служило вамъ и въ томъ случаѣ, когда вы обѣдаете гдѣ либо въ гостяхъ.

[3]) Я видѣлъ, что этотъ обычай до сихъ поръ соблюдается въ Сурѣ.

[4]) Слѣдуетъ припомнить, что во время обѣда ноги присутствующихъ не были скрыты, какъ у насъ, подъ столомъ, такъ какъ гости возлежали на диванахъ.

ріота. Дѣйствительно, принимая во вниманіе скромный разъ жизни общины, это было крупной расточительностью. купой казначей тотчасъ же расчиталъ за сколько можно ило бы продать этотъ ароматическій составъ и сколько де- :гъ поступило бы такимъ образомъ въ кассу для бѣдныхъ. о этотъ расчетъ вызвалъ неудовольствіе Іисуса: этимъ какъ удто допускалась мысль, что есть что либо выше него. Онъ юбилъ почести, ибо онѣ служили его цѣли, закрѣпляя за имъ титулъ сына Давидова. И когда упомянули по этому оводу о нищихъ, онъ довольно рѣзко отвѣтилъ: „нищихъ сегда имѣете съ собою, а меня не всегда имѣете". И, воз- уждаясь все больше, онъ обѣщалъ безсмертіе женщинѣ, оторая въ этотъ критическій моментъ, выказала ему свою юбовь [1]).

На слѣдующій день (воскресенье, 9 низана) Іисусъ спу- стился изъ Виѳаніи въ Іерусалимъ [2]). Когда на поворотѣ до- роги на вершинѣ горы Елеонской передъ нимъ развернулся видъ города, онъ, какъ говорятъ, прослезился и въ послѣд- ній разъ обратился къ нему съ воззваніемъ[3]). На склонѣ горы близъ предмѣстья, населеннаго главнымъ образомъ священ- никами, и называвшагося *Виѳфагіей* [4]), Іисусъ еще разъ по- лучилъ удовлетвореніе своихъ человѣческихъ чувствъ[5]). Слухъ

---

[1]) Матѳея, XXVI, 6 и слѣд.; Марка, XIV, 3 и слѣд.; Іоанна, XI, 2; XII, 2 и сл. Ср. Луки, VII, 36 и слѣд.

[2]) Іоанна, XII, 12.

[3]) Луки, XIX, 41 и слѣд.

[4]) Матѳея, XXI, 1; Марка, XI, 1 (греческій текстъ); Луки, XIX, 29. Мишна, *Менахотъ*, XI, 2; Вавил. Талм., *Синедріонъ*, 14 в., *Песахимъ*, 63 в, 91а; *Сота*, 45а; *Вава метсія*, 88а; *Менахотъ*, 78 в.; *Шифра*, 104 в.; Евсевій и св. Іеремія, De situ et nom. loc. hebr., въ S. Hier. Opp., изд. Маріанай, II, т. 442; св. Іеремія, Epitaphium Paulae, Opp., IV, т. 676; его-же Comm. in. Matth., XXI, 1 (Opp., IV, т. 94); его-же, Lex. graec. nom. hebr., Opp., II, т. 121—122.

[5]) Матѳея, XXI, 1 и слѣд.; Марка, XI, 1 и слѣд.; Луки, XIX, 29 и слѣд.; Іоанна, XII, 12 и слѣд. Совпаденіе съ текстомъ Захаріи, IX, 9

объ его прибытіи успѣлъ распространиться. Галилеяне, пришедшіе на праздникъ, чрезвычайно этому обрадовались и приготовили ему маленькое торжество. Привели ему ослицу съ осленкомъ, какъ этого требовалъ обычай [1]). Галилеяне покрыли спину ея вмѣсто попоны лучшими своими одеждами и посадили его на нее. Тѣмъ временемъ другіе постилали впереди него дорогу своими плащами и зелеными вѣтвями. Толпа, шедшая впереди и сзади него, съ пальмовыми вѣтвями въ рукахъ, восклицала: „Осанна сыну Давидову! Благословенъ грядый во имя Господне“! Нѣкоторые называли его при этомъ даже царемъ Израиля [2]). „Равви, прикажи имъ замолчать“, говорили ему фарисеи. — „Если они замолчатъ, камни возопіютъ“, отвѣчалъ Іисусъ и такимъ образомъ вошелъ въ городъ. Іерусалимскіе жители, мало знавшіе его, спрашивали, кто онъ такой. „Это Іисусъ, пророкъ изъ Назарета въ Галилеѣ“, отвѣчали имъ. Въ Іерусалимѣ въ то время было около 50.000 душъ жителей [3]). При обыкновенныхъ условіяхъ слухъ о небольшомъ событіи, вродѣ прибытія сколько нибудь извѣстнаго чужеземца, или толпы провинціаловъ, или какого нибудь народнаго волненія на улицахъ городахъ, быстро распространялся между жителями. Но во время праздниковъ

внушаетъ сомнѣніе во всемъ этомъ эпизодѣ. Тріумфальное шествіе верхомъ на ослѣ носитъ мессіанскій характеръ. Ср. Вавил. Талм., *Синедріонъ*, 98 в.; Мидрашъ *Берешитъ равва*, гл. XCVIII; Мидрашъ *Когелетъ*, I, 9.

[1]) Эта маленькая подробность быть можетъ обязана своимъ происхожденіемъ тому, что текстъ Захаріи былъ понятъ неправильно. Повидимому, авторы книгъ Новаго Завѣта не знали еврейскаго закона параллелизма. Ср. Іоанна, XIX, 24.

[2]) Лука, XIX, 38; Іоанна, XII, 13.

[3]) Цифра 120,000, которую приводитъ Гекатей (у Іосифа, Contre Apion, I, 22), повидимому, преувеличена. Цицеронъ говоритъ объ Іерусалимѣ, какъ о мѣстечкѣ (Ad Atticum, II, IX). Древняя ограда, во всякомъ случаѣ, не вмѣстила бы болѣе нежели вчетверо противъ нынѣшняго населенія, которое достигаетъ лишь 15000. См. Робинсонъ, Bibl. Res., I, 421—422 (2 изд.); Фергюссонъ, Topogr. of Ierus., стр. 51; Форстеръ, Syria and Palestine, стр. 82.

уета въ городѣ доходила до крайнихъ предѣловъ[1]). Въ эти ни Іерусалимъ принадлежалъ пришельцамъ. И волненіе было собенно сильно, повидимому, именно между ними. Новообра-ценные, говорившіе на греческомъ языкѣ и пришедшіе на раздникъ, были очень заинтересованы и хотѣли видѣть исуса. Они обратились къ его ученикамъ [2]); съ точностью не-звѣстно чѣмъ кончилась эта встрѣча. Іисусъ, по своему быкновенію, отправился на ночь въ свое любимое мѣсто-пребываніе, Виѳанію [3]). Въ теченіе трехъ слѣдующихъ дней понедѣльникъ, вторникъ, среда) онъ точно также приходилъ ъ Іерусалимъ и, послѣ заката солнца, удалялся или въ Ви-анію, или на фермы, лежавшія по западному скату Елеон-кой горы, гдѣ у него было много друзей [4]).

Въ эти послѣдніе дни великая скорбь переполняла, пови-цимому, душу Іисуса, обыкновенно столь радостную, ясную. Зсѣ разсказы сходны въ томъ, что передъ арестомъ у него былъ моментъ смущенія, тоски. По словамъ однихъ, онъ вне-запно воскликнулъ: „Душа моя теперь возмутилась: Отче! избавь меня отъ часа сего [5])“! Увѣряли, что тогда послышался голосъ съ неба; другіе говорили, что ангелъ приходилъ утѣ-шать его [6]). По одной, весьма распространенной версіи, это произошло въ Геѳсиманскомъ саду. Іисусъ, будто бы, ото-шелъ отъ своихъ уснувшихъ учениковъ „на верженіе камня“, взявъ съ собой лишь Кифу и двухъ сыновей Зеведеевыхъ. Тутъ онъ палъ лицемъ на землю и молился. Душа его скор-

[1]) Іосифъ, B. I., II, XIV, 3; VI, IX, 3.

[2]) Іоанна, XII, 20 и слѣд.

[3]) Матѳея, XXI, 17; Марка, XI, 11.

[4]) Матѳея, XXI, 17—18; Марка, XI, 11—12, 19; Луки, XXI, 37—38.

[5]) Іоанна, XII, 27 и слѣд. Понятно, что экзальтированный тонъ чет-вертаго евангелиста и исключительный интересъ, который онъ питаетъ въ божественной роли Іисуса, были причиной того, что въ его повѣст-вованіи не упоминается о моментахъ естественной слабости, о которыхъ разсказываютъ синоптики.

[6]) Луки, XXII, 43; Іоанна, XII, 28—29.

бѣла смертельно; ужасная тоска давила его; но преданность волѣ Божіей одержала верхъ [1]). Благодаря художественному чутью, съ которымъ производилась редакція синоптиковъ и которое часто заставляло ихъ въ веденіи разсказа повиноваться требованіямъ условности или эффекта, эта сцена относится ими къ послѣдней ночи Іисуса и къ моменту его ареста. Если бы это было дѣйствительно такъ, то трудно было бы понять, какимъ образомъ Іоаннъ, который будто бы былъ свидѣтелемъ столь трогательнаго факта, не разсказалъ бы о немъ своимъ ученикамъ, и какимъ образомъ редакторъ четвертаго Евангелія не передалъ бы этого эпизода въ своемъ чрезвычайно пространномъ разсказѣ о вечерѣ четверга [2]). Все, что можно сказать, это, что страшное бремя миссіи, принятой на себя Іисусомъ, жестоко угнетало его въ теченіе послѣднихъ его дней. На минуту въ немъ заговорила человѣческая натура. Быть можетъ, онъ усомнился въ своемъ дѣлѣ. Страхъ, сомнѣнія овладѣли имъ и повергли его въ состояніе слабости, которое хуже самой смерти. Человѣкъ, пожертвовавшій великой идеѣ своимъ спокойствіемъ и законными дарами жизни, всегда печально оглядывается на самого себя, когда передъ нимъ въ первый разъ встаетъ образъ смерти и старается убѣдить его въ томъ, что все тщетно. Быть можетъ, въ эту минуту его посѣтили тѣ трогательныя воспоминанія, которыя могутъ сохраняться въ самой сильной душѣ и которыя въ извѣстные моменты пронизываютъ душу подобно острому мечу. Вспомнились ли ему прозрачныя струи фонтановъ въ Галилеѣ, въ которыхъ было бы такъ пріятно

---

[1]) Матѳея, XXVI, 36 и слѣд.; Марка, XIV, 32 и слѣд.; Лука, XXII, 39 и слѣд.

[2]) Это было бы тѣмъ менѣе понятно, что редакторъ четвертаго Евангелія съ особеннымъ жаромъ излагаетъ обстоятельства, относящіяся лично къ Іоанну, или такія, при которыхъ онъ былъ единственнымъ свидѣтелемъ очевидцемъ (I, 35 и слѣд.; XIII, 23 и слѣд.; XVIII, 15 и слѣд.; XIX, 26 и слѣд., 35; XX, 2 и слѣд.; XXI, 20 и слѣд.).

ѣжиться; виноградники и смоковницы, подъ которыми онъ гъ бы отдохнуть; молодыя дѣвушки, которыя быть мотъ согласились бы подарить его своей любовью? Проклилъ ли онъ жестокую судьбу свою, которая запретила ему дости, предоставленныя всѣмъ другимъ? Сожалѣлъ ли онъ томъ, что онъ одаренъ слишкомъ возвышенной натурой, оплакивалъ ли онъ, жертва собственнаго своего величія, о не остался простымъ назаретскимъ ремесленникомъ? Это извѣстно. Всѣ эти внутреннія волненія очевидно остались йной для его учениковъ. Они ничего въ этомъ не понили и дополняли своими наивными предположеніями все, о оставалось для нихъ темнымъ въ великой душѣ ихъ ителя. По крайней мѣрѣ, несомнѣнно, что божественная щность скоро одержала въ немъ побѣду. Онъ еще могъ бы збѣжать смерти, но не захотѣлъ. Любовь къ своему дѣлу влекла его. Онъ рѣшилъ выпить чашу до дна. И дѣйствиельно, съ этого момента мы видимъ его снова цѣльнымъ и езъ малѣйшаго пятнышка. Всѣ уловки полемиста, легковѣіе чудотворца и заклинателя бѣсовъ теперь забыты. Остается ишь несравненный герой Страстей, основатель правъ свооды совѣсти, совершеннѣйшій образецъ, воспоминаніе о котороромъ впредь будетъ укрѣплять и утѣшать всѣ страждуція души.

Торжество въ Виѳаніи, эта дерзость провинціаловъ, праздующихъ у вратъ Іерусалима прибытіе ихъ Царя — Мессіи, кончательно озлобило фарисеевъ и храмовую аристократію. Въ среду (12 низана) состоялось новое совѣщаніе у Іосифа Каіафы [1]). Рѣшено было немедленно арестовать Іисуса. Во всѣхъ мѣропріятіяхъ руководствовались чувствомъ порядка и консервативности. Необходимо было избѣжать шума. Такъ какъ праздникъ Пасхи, начинавшійся въ этомъ году въ пятницу вечеромъ, былъ моментомъ народнаго скопленія и воз-

[1]) Матѳея, XXVI, 1—5; Марка, XIV, 1—2; Луки, XXII, 1—2.

бужденія, то рѣшено было все покончить къ тому врем
Іисусъ былъ популяренъ [1]); можно было опасаться бу
Хотя и былъ обычай открывать торжества, на которыя
биралась вся нація, казнями преступниковъ противъ пер
священническаго авторитета, нѣкотораго рода аутодафе, пр
назначенными для того, чтобы внушить народу религіозн
ужасъ [2]), тѣмъ не менѣе вѣроятно желательно было, что
подобныя зрѣлища не приходились на празднуемые дни
Такимъ образомъ, арестъ было назначено совершить на сл
дующій день, въ четвергъ. Рѣшено было также не бра
его въ храмѣ, куда онъ являлся ежедневно [4]), но высл
дить его и арестовать въ какомъ нибудь глухомъ мѣст
Агенты первосвященниковъ разспросили учениковъ, надѣя
воспользовавшись ихъ слабостью или простотой, получи
отъ нихъ необходимыя свѣдѣнія. Они и нашли то, чт
искали въ лицѣ Іуды изъ Керіота. Этотъ несчастный,
совершенно необъяснимымъ мотивамъ, предалъ своего уч
теля, далъ всѣ нужныя указанія, и даже взялся (хотя под
ная крайняя степень низости едва вѣроятна) быть пров
никомъ отряда, на который былъ возложенъ арестъ. Ужасн
воспоминаніе, которое сохранилось въ христіанскомъ пр
даніи о глупости или злобѣ этого человѣка, должно бы
внести сюда нѣкоторое преувеличеніе. До тѣхъ поръ Іу
былъ такимъ же ученикомъ, какъ и всѣ остальные; онъ да
носилъ званіе апостола; онъ совершалъ чудеса и изгоня
бѣсовъ. Легенда, допускающая только рѣзкія краски, може
признавать, что въ общемъ было одиннадцать святыхъ
одинъ отверженникъ. Но въ дѣйствительности абсолютны
категорій не бываетъ. Скупость, которую синоптики выст

[1]) Матѳея, XXI, 46.

[2]) Мишна, *Синедріонъ*, XI, 4; Вавил. Талм., *Синедріонъ*, 89а. Дѣянія, XII, 3 и слѣд.

[3]) Мишна, *Синедріонъ*, IV, 1.

[4]) Матѳея, XXVI, 55.

яютъ причиной преступленія, ничего не объясняетъ. Странно было бы, чтобы человѣкъ, завѣдывавшій кассой и понимавшій, что онъ потеряетъ со смертью своего главы, промѣнялъ бы выгоды своей должности [1]), на весьма ничтожную сумму денегъ [2]). Не было ли задѣто самолюбіе Іуды выговоромъ, который онъ получилъ на пиршествѣ въ Виѳаніи? Но этого тоже было бы недостаточно. Четвертый евангелистъ хотѣлъ бы представить его воромъ, человѣкомъ, который съ самаго начала былъ невѣрующимъ [3]), что уже совсѣмъ неправдоподобно. Скорѣе можно предполагать какое-либо чувство ревности, какой-нибудь внутренній разрывъ. Эта гипотеза подтверждается той особенной ненавистью къ Іудѣ, которая замѣчается въ Евангеліи, приписываемомъ Іоанну [4]). Будучи не столь чистъ сердцемъ, какъ прочіе, Іуда, самъ того не замѣчая, быть можетъ усвоилъ себѣ узкіе взгляды своей должности. Поддавшись превратному взгляду, весьма обыкновенному у людей, занимающихъ активныя должности, онъ быть можетъ дошелъ до того, что ставилъ интересы кассы выше того дѣла, для котораго она была предназначена. Администраторъ убилъ въ немъ апостола. По ропоту его въ Виѳаніи можно было бы предположить, что иной разъ онъ находилъ, что учитель обходится ихъ духовной семьѣ черезъ-чуръ дорого. Безъ сомнѣнія такая низменная бережливость могла не разъ вызывать треніе въ маленькой общинѣ.

Не отрицая факта, что Іуда изъ Керіота содѣйствовалъ аресту своего учителя, мы все же думаемъ, что проклятія, которыми его осыпаютъ, до нѣкоторой степени несправед-

---

[1]) Іоанна, XII, 6.

[2]) Въ четвертомъ Евангеліи о вознагражденіи даже и совсѣмъ не говорится. Легенда о тридцати серебренникахъ, о которыхъ упоминаютъ синоптики, заимствована у Захаріи, XI, 12—13.

[3]) Іоанна, VI, 65; XII, 6.

[4]) Іоанна, VI, 65, 71—72; XII, 6; XIII, 2, 27 и слѣд.

ливы. Въ этомъ дѣлѣ, быть можетъ, съ его стороны было больше поспѣшности, чѣмъ коварства. Сужденія человѣка изъ народа въ области морали отличаются живостью и справедливостью, но они бываютъ непостоянны и непослѣдовательны. Мораль его не можетъ устоять передъ аффектомъ. Тайныя сообщества республиканской партіи скрывали въ своихъ нѣдрахъ много убѣжденности и искренности, и тѣмъ не менѣе доносчики среди нихъ были весьма многочисленны. Легкаго негодованія бывало достаточно для того, чтобы превратить сектанта въ измѣнника. Но если безумное желаніе получить нѣсколько серебрянныхъ монетъ вскружило голову бѣднаго Іуды, то все же не видно, чтобы онъ окончательно утратилъ нравственное чувство, ибо, увидавъ послѣдствія своего проступка, онъ раскаялся, и по преданію окончилъ самоубійствомъ [1]).

Съ этого момента всѣ минуты жизни Іисуса принимаютъ торжественный характеръ и каждая изъ нихъ можетъ считаться въ исторіи человѣчества за цѣлый вѣкъ. Мы дошли въ нашемъ разсказѣ до четверга, 13 низана (2 апрѣля). На слѣдующій день вечеромъ наступалъ праздникъ Пасхи, который начинается ужиномъ, причемъ на столъ подаютъ ягненка. Праздникъ продолжается затѣмъ семь дней, въ теченіе которыхъ ѣдятъ опрѣсноки. Особенной торжественностью отличаются первый и послѣдній дни праздника. Ученики были уже заняты приготовленіями къ празднеству [2]). Что касается Іисуса, то можно предполагать, что онъ зналъ о предательствѣ Іуды и не сомнѣвался въ той участи, которая его ожидала. Вечеромъ онъ въ послѣдній разъ ужиналъ съ своими учениками. То не былъ обрядовый пасхальный столъ, какъ это предполагалось впослѣдствіи, при чемъ происходила ошибка

---

[1]) Матөея, XXVII, 3 и слѣд.

[2]) Матөея, XXVI, и слѣд.; Марка, XIV, 12; Луки, XXII, 7; Іоанна, XIII, 29.

а одинъ день [1]); но для первой Церкви ужинъ въ четвергъ былъ настоящей Пасхой, печатью новаго союза. Каждый зъ учениковъ сохранилъ объ этомъ ужинѣ свои самыя доогія воспоминанія, и много трогательныхъ чертъ учителя, апечатлѣвшихся у нихъ въ памяти, они тоже сосредоточили а этой трапезѣ, сдѣлавшейся краеугольнымъ камнемъ христіанскаго благочестія и исходной точкой плодотворнѣйшихъ чрежденій.

Дѣйствительно, нельзя сомнѣваться въ томъ, что въ этотъ моментъ сердце Іисуса было переполнено нѣжной любовью съ маленькой Церкви, которая его окружала [2]). Его сильная спокойная душа чувствовала себя теперь легко подъ тякестью мрачныхъ предчувствій, осаждавшихъ ее. Для каждаго изъ своихъ друзей у него нашлось доброе слово. Двое изъ нихъ, Іоаннъ и Петръ, получили особенно нѣжныя из-

---

[1]) Это гипотеза синоптиковъ (Матѳея, XXVI, 17 и слѣд.; Марка, XIV, 2 и слѣд.; Луки, XXII, 7 и слѣд., 15), а слѣдовательно также и Іустина Dial. cum Tryph., 17, 88, 97, 100, 111). Напротивъ, въ четвертомъ Еванелія положительно указывается, что Іисусъ умеръ въ тотъ самый день когда ѣдятъ ягненка (XIII, 1—2, 29; XVIII, 28; XIX, 14, 31). Талмудъ также относитъ смерть Іисуса къ „кануну Пасхи", но конечно это слаый авторитетъ въ подобномъ вопросѣ (Вавил. Талм., *Синедріонъ*, 43 а, 7 а). Весьма серьезное возраженіе противъ этого мнѣнія основывается а томъ обстоятельствѣ, что во второй половинѣ II вѣка малоазіатскія Церкви, исповѣдывавшія относительно Пасхи ученіе, повидимому, наодившееся въ противорѣчіи съ гипотезой четвертаго Евангелія, тѣмъ е менѣе ссылались именно на авторитетъ апостола Іоанна и его учеиковъ въ подтвержденіе доктрины, повидимому, соотвѣтствующей повѣтвованію синоптиковъ. (Поликратъ, у Евсевія, Hist. eccl., V, 24. Ср. Chron. asc., стр. 6 и слѣд., изд. Дю-Канжа). Вопросъ этотъ весьма темный. оаннъ и его ученики могли праздновать Пасху, какъ и вся первонаальная апостольская школа, 14-го низана, не потому, чтобы они дуали, будто бы Іисусъ ѣлъ ягненка въ этотъ день, а потому что вѣрили, то Іисусъ, истинный пасхальный агнецъ (см. Іоанна, 1, 29; XIX, 36, по равненію съ Апокал., V, 6 и пр.), умеръ въ этотъ день.

[2]) Іоанна, XIII, 1 и слѣд.

ліянія любви съ его стороны. Іоаннъ возлежалъ на диванѣ рядомъ съ Іисусомъ и голова его покоилась на груди учителя [1]). Въ концѣ ужина тайна, тяготившая душу Іисуса, чуть у него не вырвалась. „Истинно говорю вамъ, сказалъ онъ, одинъ изъ васъ предастъ меня“ [2]). Эти наивные люди почувствовали въ тотъ моментъ смертельную тоску; они переглядывались и каждый внутренно задавалъ себѣ вопросъ. Тутъ же былъ и Іуда; быть можетъ, Іисусъ, имѣвшій съ нѣкоторыхъ поръ основаніе не довѣрять ему, имѣлъ въ виду этими словами вырвать у него признаніе своей вины, прочесть это признаніе у него въ глазахъ, или въ его смущеніи. Но невѣрный ученикъ не потерялъ самообладанія; онъ даже осмѣлился, какъ говорятъ, спросить его вмѣстѣ съ другими: „не я-ли, равви?“

Между тѣмъ добрый и прямодушный Петръ тоже терзался. Онъ сдѣлалъ знакъ Іоанну, чтобы тотъ постарался вывѣдать у учителя, на кого онъ намекаетъ. Іоаннъ, имѣвшій возможность бесѣдовать съ Іисусомъ не слышно для другихъ, спросилъ у него разгадку этого таинственнаго намека. Іисусъ, питавшій только подозрѣнія, не захотѣлъ называть никакого имени, онъ только сказалъ Іоанну, чтобы онъ хорошенько обратилъ вниманіе на того, кому онъ дастъ кусокъ хлѣба, обмокнувъ его въ соусъ [3]). Въ тоже время онъ обмокнулъ кусокъ хлѣба и подалъ его Іудѣ. Одни Іоаннъ и Петръ поняли въ чемъ дѣло. Іисусъ обратился къ Іудѣ со словами, въ которыхъ заключался кровавый упрекъ, непонятный для остальныхъ присутствующихъ. Они думали, что Іисусъ от-

---

[1]) Іоанна, XIII, 23; Поликратъ у Евсевія, H. E., V. 24.

[2]) Матѳея, XXVI, 21 и слѣд.; Марка, XIV, 18 и слѣд.; Луки, XX, 21 и слѣд.; Іоанна, XIII, 21 и сл.; XXI, 20.

[3]) На востокѣ распорядитель трапезы выражаетъ свое вниманіе къ гостю тѣмъ, что за столомъ одинъ или два раза приготовляетъ и подаетъ ему закуску, причемъ составляетъ ее по своему собственному вкусу.

етъ приказанія относительно завтрашняго праздника; послѣ того Іуда вышелъ [1]).

Въ тотъ моментъ этотъ ужинъ никого не поразилъ, и, е считая намековъ, которые Іисусъ дѣлалъ своимъ ученикамъ, уловившимъ смыслъ ихъ лишь на-половину, за ужиомъ не произошло ничего необыкновеннаго. Но послѣ смерти исуса этому вечеру стали придавать особенно торжественое значеніе и фантазія вѣрующихъ придала ему оттѣнокъ ѣжной таинственности. Въ воспоминаніяхъ о дорогомъ чеовѣкѣ больше всего запечатлѣваются его послѣднія минуты. лагодаря неизбѣжной иллюзіи, приписываютъ бесѣдамъ, оторыя въ это время съ нимъ происходили, то значеніе, акое онѣ могли принять только вслѣдствіе его смерти; оспоминанія, копившіяся въ теченіе многихъ лѣтъ, группируются вокругъ нѣсколькихъ часовъ. Большая часть учениковъ послѣ Вечери, о которой идетъ рѣчь, уже не видала больше своего учителя. Это былъ прощальный пиръ. За этимъ столомъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ этого рода [2]), Іисусъ также совершилъ свой мистическій обрядъ преломленія хлѣба. Такъ какъ съ первыхъ лѣтъ возникновенія Церкви предполагалось, что ужинъ этотъ имѣлъ мѣсто въ самый день Пасхи и былъ пасхальной трапезой, то естественно возникла мысль, что установленіе Евхаристіи относится къ этому послѣднему моменту. Исходя изъ гипотезы, что Іисусъ зналъ напередъ вполнѣ опредѣленно часъ своей смерти, ученики должны были придти къ предположенію, что онъ отложилъ на свои послѣдніе часы много важныхъ актовъ. Сверхъ того, такъ какъ одной изъ основныхъ идей первыхъ христіанъ была та, что смерть Іисуса имѣетъ значеніе жертвы, замѣняющей всѣ жертвы, установленныя древ-

¹) Іоаннъ, XIII, 21 и слѣд., разъясняетъ неправдоподобіе въ разсказахъ синоптиковъ.

²) Лука, XXIV, 30—31, 35, изображаетъ преломленіе хлѣба какъ обыновеніе Іисуса.

нимъ Закономъ, то „Тайная Вечеря“, относительно которой разъ на всегда было рѣшено, что она имѣла мѣсто наканунѣ „Страстей“, получила значеніе жертвоприношенія по преимуществу, основнаго акта новаго единенія, знаменія крови, пролитой за спасеніе всѣхъ людей [1]). Хлѣбъ и вино, въ связи съ самой смертью, стали образомъ Новаго Завѣта, который Іисусъ запечатлѣлъ своими страданіями, напоминаніемъ о жертвѣ, принесенной Іисусомъ, которое слѣдовало повторять впредь до его пришествія [2]).

Съ очень ранней эпохи, это таинство было фиксировано въ небольшомъ повѣствованіи, которое сохранилось у насъ въ четырехъ, весьма сходныхъ между собой, формахъ [3]). Но четвертому евангелисту, столь озабоченному идеей объ Евхаристіи [4]), разсказывающему о послѣднемъ ужинѣ такъ пространно, связывающему съ нимъ столько подробностей и поученій [5]), это повѣствованіе было неизвѣстно. Это служитъ доказательствомъ тому, что секта, преданіемъ которой представляютъ этотъ разсказъ, вовсе не считала установленіе Евхаристіи особенностью Тайной Вечери. Для четвертаго евангелиста обрядомъ Тайной Вечери является омовеніе ногъ. Весьма вѣроятно, что этотъ обрядъ въ нѣкоторыхъ первобытныхъ христіанскихъ общинахъ имѣлъ извѣстное, впослѣдствіи утраченное, значеніе [6]). Безъ сомнѣнія, въ извѣстныхъ случаяхъ Іисусъ прибѣгалъ къ нему, чтобы показать своимъ ученикамъ примѣръ братскаго смиренія. Его отнесли къ кануну смерти Іисуса въ силу того же стремленія сосредоточивать

---

1) Луки, XXII, 20.

2) 1 посл. къ Коринѳ. XI, 26.

3) Матѳея, XXVI, 26—28; Марка, XIV, 22—24; Луки, XXII, 19—21; 1 посл. къ Коринѳ., XI, 23—25.

4) Глава VI.

5) Главы XIII—XVII.

6) Іоанна, XIII, 14—15. Ср. Матѳея, XX, 26 и слѣд.; Луки, XXII, 2[illegible] и слѣд.

въ Тайной Вечери всѣ важнѣйшія моральныя и обрядовыя предписанія Іисуса.

Въ концѣ концовъ, воспоминанія, которыя сохранились о послѣднемъ вечерѣ Іисуса, воодушевлены высокимъ чувствомъ любви, согласія, милосердія, взаимнаго уваженія [1]). И душой всѣхъ символовъ и поученій, которыя относятся христіанскимъ преданіемъ къ этому благословенному часу, всегда является единство Церкви, созданной имъ или его духомъ. „Заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга, какъ Я возлюбилъ васъ. Потому узнаютъ всѣ, что вы Мои ученики, если будете имѣть любовь между собою“ [2]). Въ этотъ священный моментъ все еще обнаруживалось среди нѣкоторыхъ изъ учениковъ соперничество, споры изъ за первенства [3]). Іисусъ въ отвѣтъ на это далъ понять, что если онъ, учитель, былъ среди своихъ учениковъ ихъ слугой, то тѣмъ болѣе они должны были смиряться другъ передъ другомъ. По словамъ нѣкоторыхъ, онъ сказалъ, глотнувъ вина: „отнынѣ не буду пить отъ плода сего винограднаго до того дня, когда буду пить съ вами новое вино въ царствѣ Отца Моего“ [4]). По словамъ другихъ, онъ обѣщалъ имъ въ ближайшемъ будущемъ трапезу въ своемъ царствѣ, гдѣ они будутъ сидѣть рядомъ съ нимъ на престолахъ [5]).

---

[1]) Іоанна, XIII, 1 и слѣд. Поученія, которыя приводитъ четвертый евангелистъ въ заключеніе повѣствованія о Тайной Вечери, не могутъ быть приняты, какъ историческій фактъ. Въ нихъ встрѣчается множество оборотовъ и поученій совершенно несвойственныхъ стилю поученій Іисуса и напротивъ чрезвычайно подходящихъ къ обычному языку произведеній Іоанна. Такъ, напр., выраженіе „дѣти“ въ звательномъ падежѣ (Іоанна, XIII, 33) очень часто употребляется въ первомъ посланіи, которое приписывается Іоанну. Выраженіе это, повидимому, вовсе не свойственно Іисусу.

[2]) Іоанна, XIII, 33—35; XV, 12—17.

[3]) Луки, XXII, 24—27. Ср. Іоанна, XIII, 4 и слѣд.

[4]) Матѳея, XXVI, 29; Марка, XIV, 25; Луки, XXII, 18.

[5]) Луки, XXII, 29—30.

Повидимому, къ концу вечера предчувствія Іисуса сообщились и ученикамъ. Всѣ чувствовали, что серьезная опасность угрожаетъ учителю и что развязка приближается. Былъ моментъ, когда Іисусъ подумалъ о томъ, чтобы принять нѣкоторыя предосторожности, и заговорилъ о мечахъ. На лицо оказалось два меча. „Довольно", сказалъ онъ [1]). Но онъ больше не распространялся объ этомъ; онъ видѣлъ отлично, что робкіе провинціалы не устоятъ передъ вооруженной силой іерусалимской верховной власти. Кифа, какъ человѣкъ съ мужественнымъ сердцемъ и самоувѣренный, поклялся, что послѣдуетъ за нимъ въ темницу и на смерть. Іисусъ съ своей обычной проницательностью выразилъ по этому поводу нѣкоторыя сомнѣнія. По преданію, источникомъ котораго былъ вѣроятно самъ Петръ, Іисусъ пріурочилъ отреченіе Петра отъ него къ пѣнію пѣтуха [2]). Всѣ поклялись, какъ и Петръ, что не поддадутся слабости.

---

[1]) Луки, XXII, 36—38.

[2]) Матѳея, XXVI, 31 и слѣд.; Марка, XIV, 29 и слѣд.; 33 и слѣд.; Іоанна, XIII, 36 и слѣд.

ГЛАВА XXIV

Арестъ Іисуса и судъ надъ нимъ

Ночь уже совершенно спустилась [1]), когда они вышли изъ дому [2]). Іисусъ, по своему обыкновенію, прошелъ черезъ Кедронскую долину и въ сопровожденіи учениковъ направился въ Геѳиманскій садъ у подножія горы Елеонской [3]). Здѣсь онъ сѣлъ. Такъ какъ превосходство его надъ своими друзьями было неизмѣримо, то онъ не спалъ и молился, они же спали возлѣ него, когда вдругъ при свѣтѣ факеловъ появилась толпа вооруженныхъ людей. Это были служители храма, вооруженные палками, въ нѣкоторомъ родѣ полицейская стража, оставшаяся въ распоряженіи священниковъ; ихъ подкрѣплялъ отрядъ римскихъ воиновъ, вооруженныхъ мечами; приказъ объ арестѣ исходилъ отъ первосвященника и синедріона [4]). Іуда, зная всѣ обыкновенія Іисуса, указалъ это мѣсто, гдѣ его можно было легче всего захватить. Іуда, по единодушному заявленію всѣхъ преданій первыхъ временъ

---

[1]) Іоанна, XIII, 30.

[2]) Подробность, что ученики, выходя, пѣли религіозный гимнъ (Матѳея, XXVI, 30; Марка, XIV, 26; Іустинъ, Dial. cum Tryph., 106), обязана своимъ происхожденіемъ тому мнѣнію, котораго держатся синоптики, что послѣдній ужинъ Іисуса былъ пасхальной трапезой. Передъ ней и послѣ нея обыкновенно пѣли псалмы. Вавил. Талм., *Песахимъ*, гл. IX, ст. 3 и л. 118а, и пр.

[3]) Матѳея, XXVI, 36; Марка, XIV, 32; Луки, XXII, 39; Іоанна, XVIII, 1—2.

[4]) Матѳея, XXVI, 47; Марка, XIV, 43; Іоанна, XVIII, 3, 12.

христіанства, лично сопровождалъ этотъ отрядъ [1]), а по словамъ нѣкоторыхъ [2]), онъ даже довелъ гнусность до того, что обратилъ поцѣлуй въ условный знакъ предательства. Вѣрна ли эта подробность, или нѣтъ, несомнѣнно, что со стороны учениковъ послѣдовало сопротивленіе [3]). Какъ говорятъ, Петръ выхватилъ мечъ [4]) и отсѣкъ ухо одному изъ служителей первосвященника, по имени Малху. Іисусъ остановилъ эту попытку сопротивленія. Онъ самъ отдался въ руки стражи. Слабые и неспособные оказать дѣйствительное сопротивленіе, особенно властямъ, пользовавшимся такимъ авторитетомъ, ученики обратились въ бѣгство и разсѣялись. Одни только Петръ и Іоаннъ не теряли учителя изъ вида. Еще и другой молодой человѣкъ (быть можетъ Маркъ) слѣдовалъ за нимъ издали. Его хотѣли арестовать, но онъ убѣжалъ, оставивъ въ рукахъ стражи легкую тунику [5]).

Мѣры, которыя было рѣшено первосвященниками примѣнить къ Іисусу, соотвѣтствовали установленному праву. Судебная процедура противъ „соблазнителя“ (*мессить*), который покушается на чистоту религіи, разъяснена въ Талмудѣ съ подробностями, способными вызвать улыбку своимъ наивнымъ безстыдствомъ. Юридическая западня составляетъ въ ней существенную часть уголовнаго слѣдствія. Когда человѣкъ подвергается обвиненію въ томъ, что онъ производитъ соблазнъ, подговариваютъ двухъ свидѣтелей и прячутъ ихъ за перегородкой; затѣмъ устраиваютъ такъ, чтобы за-

---

[1]) Матѳея, XXVI, 47; Марка, XIV, 43; Луки, XXII, 47; Іоанна, XVIII, 3; Дѣянія, I, 16; 1 посл. къ Коринѳ., XI, 23.

[2]) Такъ значится у синоптиковъ. Въ повѣствованіи четвертаго Евангелія Іисусъ самъ себя называетъ.

[3]) Этотъ пунктъ въ обоихъ преданіяхъ изложенъ одинако

[4]) Іоанна, XVIII, 10.

[5]) Марка, XIV, 51—52. Маркъ дѣйствительно былъ род
русалима. Дѣянія, XII, 12.

манить обвиняемаго въ комнату по другую сторону перегородки, гдѣ бы слова его могли быть услышаны невидимыми ему свидѣтелями. Возлѣ него зажигаютъ двѣ свѣчи, для того чтобы безспорно констатировать, что свидѣтели „видѣли его“ [1]). Тогда его заставляютъ повторить свое богохульство. Затѣмъ приглашаютъ его отречься отъ своего взгляда. Если онъ отказывается, то свидѣтели, слышавшіе его слова, представляютъ его въ судъ и по рѣшенію послѣдняго его побиваютъ камнями. Талмудъ прибавляетъ, что этотъ способъ былъ примѣненъ также и къ Іисусу, что онъ былъ осужденъ на основаніи показаній двухъ подставныхъ свидѣтелей, и что въ концѣ концовъ „соблазнъ“ единственное преступленіе, при преслѣдованіи котораго подготовляютъ такимъ образомъ свидѣтелей [2]).

Дѣйствительно, ученики Іисуса сообщаютъ, что преступленіе, въ которомъ обвиняли ихъ учителя, было именно „соблазнъ“ [3]), и за исключеніемъ нѣкоторыхъ мелочей, представляющихъ плодъ фантазіи раввиновъ, повѣствованіе въ Евангеліяхъ вполнѣ соотвѣтствуетъ процедурѣ, описанной въ Талмудѣ. Планъ враговъ Іисуса заключался въ томъ, чтобы уличить его путемъ свидѣтельскихъ показаній и собственнаго сознанія въ богохульствѣ и посягательствѣ на моисеевъ Законъ, приговорить за это къ смертной казни и затѣмъ добиться у Пилата утвержденія этого приговора. Какъ мы уже видѣли, первосвященническая власть находилась фактически всецѣло въ рукахъ Анны. Вѣроятно отъ него шло и распоряженіе объ арестѣ. Къ этому сановнику прежде всего и повели Іисуса [4]). Анна началъ допрашивать его объ его уче-

---

[1]) Въ уголовныхъ дѣлахъ допускались лишь свидѣтели очевидцы. Мишна, *Синедріонъ*, IV, 5.

[2]) Іерус. Талм., *Синедріонъ*, XIV, 16; Вавил. Талм., *Синедріонъ*, 43а, 67а, Ср. *Шаббатъ*, 104в.

[3]) Матѳея, XXVII, 63; Іоанна, VII, 12, 47.

[4]) Іоанна, XVIII, 13 и слѣд. Эта подробность отмѣчена лишь чет-

ніи и ученикахъ. Іисусъ съ законной гордостью отказался давать какія-либо объясненія. Онъ сослался на свои проповѣди, которыя произносились публично, онъ объявилъ, что никогда не проповѣдывалъ никакого тайнаго ученія и предложилъ эксъ-первосвященнику допросить тѣхъ, кто слышалъ эти проповѣди. Такой отвѣтъ былъ вполнѣ естественъ, но уваженіе, которымъ пользовался старый жрецъ, придавало отказу Іисуса отъ показаній дерзкій характеръ. Одинъ изъ присутствующихъ, по преданію, далъ Іисусу за это пощечину.

Петръ и Іоаннъ послѣдовали за своимъ учителемъ до жилища Анны. Іоанна знали въ этомъ домѣ и пропустили безъ всякихъ затрудненій, но Петра остановили при входѣ и Іоанну пришлось просить привратника, чтобы Петра пропустили. Ночь была холодная. Петръ, оставшись въ прихожей, подошелъ къ очагу, у котораго грѣлась прислуга. Вскорѣ въ немъ узнали ученика обвиняемаго. Несчастнаго выдало его галилейское произношеніе и когда слуги, изъ коихъ одинъ былъ родственникомъ Малха и видѣлъ Петра въ Геѳсиманскомъ саду, стали преслѣдовать его разспросами, онъ трижды отрекся отъ Іисуса и отъ какихъ бы то ни было сношеній съ нимъ. Онъ думалъ, что Іисусъ не можетъ этого слышать, и ему не пришло въ голову, какая великая измѣна заключается въ его малодушіи. Но его хорошая натура скоро заставила его понять, какой проступокъ онъ совершилъ. Случайное обстоятельство, пѣніе пѣтуха, напомнило ему слова Іисуса по этому поводу. Это тронуло его за сердце, онъ вышелъ и плакалъ горькими слезами [1].

Хотя Анна былъ истиннымъ виновникомъ замышляемаго юридическаго убійства, но онъ не имѣлъ власти произнести смертный приговоръ надъ Іисусомъ. Онъ отослалъ его къ Каіафѣ,

---

вертымъ Евангеліемъ, что и является сильнымъ аргументомъ въ пользу исторической достовѣрности этого Евангелія.

[1]) Матѳея, XXVI, 69 и слѣд.; Марка, XIV, 66 и слѣд.; Луки, XXII, 54 и слѣд.; Іоанна, XVIII, 15 и слѣд., 25 и слѣд.

который былъ оффиціально первосвященникомъ. Этотъ человѣкъ, слѣпое орудіе въ рукахъ своего тестя, разумѣется, долженъ былъ утвердить рѣшеніе Анны. Синедріонъ собрался у Каіафы [1]). Началось слѣдствіе; многіе заранѣе подготовленные свидѣтели появились передъ судилищемъ, согласно инквизиторской процедурѣ, установленной Талмудомъ. Два свидѣтеля привели роковыя слова, дѣйствительно произнесенныя Іисусомъ: „я разрушу храмъ Божій и снова воздвигну его въ три дня". По еврейскому Закону хула противъ храма Божія была хулой противъ самого Бога [2]). Іисусъ молчалъ и отказывался объяснять слова, въ произнесеніи которыхъ его обвиняли. Если вѣрить повѣствованію, то первосвященникъ заклиналъ Іисуса сказать, онъ ли Мессія; Іисусъ будто бы призналъ это и даже возвѣстилъ въ собраніи близкое пришествіе его небеснаго царствія [3]). Но мужество Іисуса, рѣшившагося умереть, этого, собственно говоря, не требовало. Вѣроятнѣе, что здѣсь, какъ и у Анны, онъ тоже хранилъ молчаніе. Вообще въ эти послѣднія минуты онъ предпочиталъ молчать. Приговоръ былъ подписанъ; искали только предлоговъ для него. Іисусъ это чувствовалъ и не предпринималъ безполезной самозащиты. Съ точки зрѣнія ортодоксальнаго іудаизма онъ конечно былъ богохульникомъ, разрушителемъ установленнаго культа, а такія преступленія по Закону карались смертью [4]). Собраніе единогласно признало его заслуживающимъ смертной казни. Тѣ члены собранія, которые втайнѣ сочувствовали ему, были въ отсутствіи, или воздержались отъ голосованія [5]). Обычный для всѣхъ существующихъ долгое время аристократій произволъ побуж-

---

[1]) Матѳея, XVI, 57; Марка, XIV, 53; Луки, XVII, 66.

[2]) Матѳея, XXIII, 16 и слѣд.

[3]) Матѳея, XXVI, 64; Марка, XIV, 62; Луки, XXII, 69. Въ четвертомъ Евангеліи нѣтъ и слѣда подобной сцены.

[4]) Левитъ, XXIV, 14 и слѣд.; Второзаконіе, XIII, 1 и слѣд.

[5]) Луки, XXIII, 50—51.

далъ судей не особенно останавливаться на послѣдствіяхъ приговора, который они произнесли. Жизнь человѣческая въ тѣ времена легко приносилась въ жертву; безъ сомнѣнія, члены синедріона не думали также о томъ, что ихъ дѣтямъ, придется отдавать отчетъ потомству, раздраженному приговоромъ, который былъ произнесенъ съ такой презрительной беззаботностью.

Но синедріонъ не имѣлъ права приводить въ исполненіе смертные приговоры [1]). Тѣмъ не менѣе при той путаницѣ властей, которая въ то время господствовала въ Іудеѣ, съ этого момента Іисуса можно уже было считать осужденнымъ. На всю эту ночь онъ былъ отданъ во власть гнусныхъ холоповъ, и не было тѣхъ оскорбленій, которыхъ бы ему не пришлось отъ нихъ вынести [2]).

На утро первосвященники и старѣйшины собрались снова [3]). Надо было получить утвержденіе Пилата, ибо смертный приговоръ, произнесенный синедріономъ, въ виду римской оккупаціи не имѣлъ законной силы. Прокураторъ въ качествѣ императорскаго легата не былъ облеченъ правомъ жизни и смерти. Но Іисусъ не былъ римскимъ гражданиномъ и достаточно было утвержденія губернаторомъ, чтобы произнесенный приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе. Какъ это бываетъ во всѣхъ странахъ, гдѣ политически организованная нація покоряетъ народность, у которой гражданскіе и религіозные законы сливаются между собой, римляне вынуждены были оказывать нѣкотораго рода оффиціальную поддержку еврейскому закону. Римское право по отношенію къ евреямъ не примѣнялось. Евреи подчинялись каноническому праву, изложенному въ Талмудѣ, подобно тому, какъ арабы

---

[1]) Іоанна, XVIII, 31; Іосифъ, Ant., XX, IX, 1; Іерус. Талм., *Синедріонъ*, I, 1.

[2]) Матѳея, XXVI, 67—68; Марка, XIV, 65; Луки, XXII, 63—65.

[3]) Матѳея, XXVII, 1; Марка, XV, 1; Луки, XXII, 66; XXIII, 1; Іоанна, XVIII, 28.

въ Алжирѣ до сихъ поръ живутъ по кодексу Ислама. Сохраняя нейтралитетъ въ вопросахъ религіи, римляне такимъ образомъ очень часто санкціонировали кары, опредѣляемыя за преступленія противъ религіи. Положеніе было почти тоже какъ въ священныхъ городахъ Индіи подъ владычествомъ англичанъ, или какъ было бы, навѣрное, теперь въ Дамаскѣ, если бы въ одинъ прекрасный день Сирія была завоевана какой либо европейской націей. Іосифъ утверждаетъ (но, конечно, въ этомъ можно и сомнѣваться), что когда въ Іерусалимѣ случалось, что римлянинъ вступалъ въ такія мѣста храма, входъ въ которыя былъ запрещенъ язычникамъ особыми надписями, то будто бы сами римляне выдавали іудеямъ такого преступника для преданія его смерти [1]).

Стража священниковъ, связавъ Іисуса, повела его въ преторію, которая помѣщалась въ бывшемъ дворцѣ Ирода [2]), примыкавшемъ къ башнѣ Антоніи [3]). Это было утромъ въ тотъ день, когда полагалось ѣсть пасхальнаго агнца (пятница, 14 низама, т. е. 3 апрѣля). Іудеи осквернились бы, если бы вошли въ преторію, и въ такомъ случаѣ не могли бы участвовать въ священной трапезѣ. Они остались у входа въ преторію [4]). Пилатъ, которому сообщили объ этомъ, взошелъ на биму [5]), или судилище, расположенное подъ открытымъ небомъ [6]), въ мѣстѣ, которое называлось *Гаввавой*, или по-гречески *Литостротонъ*, такъ какъ оно было вымощено каменными плитами.

Узнавъ въ чемъ заключалось обвиненіе, Пилатъ выразилъ неудовольствіе по поводу того, что его вмѣшиваютъ въ это

---

[1]) Іосифъ, Ant., XV, XI, 5; B. I., VI, II, 4.

[2]) Филонъ, Legatio ad Cajum, § 38; Іосифъ, B. I., II, XIV, 8.

[3]) Въ томъ мѣстѣ, гдѣ еще донынѣ помѣщается сераль іерусалимскаго паши.

[4]) Іоаннъ, XVIII, 28.

[5]) Греческое слово βῆμα перешло и въ сирійско-халдейскій языкъ.

[6]) Іосифъ, B. I., II, IX, 3; XIV, 8; Матѳея, XXVII, 27; Іоанна, XVIII, 33.

дѣло [1]). Затѣмъ онъ заперся съ Іисусомъ въ преторіи. Здѣсь произошелъ разговоръ, подробности котораго намъ неизвѣстны, такъ какъ ни одинъ свидѣтель не могъ передать его ученикамъ Іисуса, но характеръ этого діалога повидимому былъ хорошо угаданъ четвертымъ евангелистомъ. По крайней мѣрѣ повѣствованіе его вполнѣ согласуется съ историческими данными объ обоихъ участникахъ этой бесѣды.

Прокураторъ Понтій, по прозванію Пилатъ, происходившему, безъ сомнѣнія, отъ слова pilum, почетное копье, которое было пожаловано ему или кому либо изъ его предковъ [2]), до сихъ поръ не имѣлъ никакихъ отношеній къ нарождавшейся сектѣ. Будучи индифферентнымъ къ внутреннимъ распрямъ евреевъ, онъ видѣлъ во всѣхъ ихъ сектантскихъ движеніяхъ не болѣе какъ результаты необузданной фантазіи и заблужденій. Вообще онъ не любилъ евреевъ. Но евреи еще больше его ненавидѣли; они считали его жестокимъ, презрительнымъ, заносчивымъ, обвиняли его въ невѣроятныхъ преступленіяхъ [3]). Будучи центромъ народнаго броженія, Іерусалимъ былъ чрезвычайно мятежнымъ городомъ и для чужестранца жизнь въ немъ была невыносима. Люди экзальтированные утверждали, что у новаго прокуратора было предвзятое намѣреніе уничтожить еврейскій законъ [4]). Ихъ узкій фанатизмъ, религіозная нетерпимость возмущали широкое чувство справедливости и гражданскаго права, которое всюду приносили съ собой даже самые дюжинные римляне. Всѣ извѣстныя намъ свѣдѣнія о Пилатѣ доказываютъ, что онъ былъ хорошимъ администраторомъ [5]). Въ первое время

[1]) Іоанна, XVIII, 29.

[2]) Виргилій, Энеида, XII, ст. 121; Марціалъ, Эпигр., I, XXXII; X, XLIII; Плутархъ, Жизнь Ромула, 29. Ср. Hasta pura, военный орденъ. Орелли и Генценъ, Inscr. lat., № 3574, 6852 и пр. По этой гипотезѣ Pilatus такая же форма, какъ Torquatus.

[3]) Филонъ, Leg. ad Cajum, § 38.

[4]) Іосифъ, Ant., XVIII, III, 1.

[5]) Іосифъ, Ant., XVIII, II—IV.

оего вступленія въ должность у него произошли съ под-
ıастнымъ ему народомъ нѣкоторыя столкновенія, которыя
нъ порѣшилъ довольно грубо, причемъ, повидимому, онъ
ылъ правъ. Евреи должны были казаться ему людьми от-
талыми; безъ сомнѣнія онъ судилъ объ нихъ также, какъ нѣ-
огда судилъ какой нибудь либеральный префектъ о жи-
еляхъ Нижней Бретани, когда они возмущались по поводу
роведенія новой дороги, или открытія новой школы. При
осуществленіи лучшихъ своихъ проектовъ для блага страны,
особенно же всего, что касалось общественныхъ работъ, Пи-
атъ всегда встрѣчалъ непреодолимое препятствіе въ лицѣ
Закона. Законъ сковывалъ жизнь до такой степени, что не-
возможны были никакія перемѣны въ ней, никакія улуч-
шенія. Римскія сооруженія, даже самыя полезныя, воз-
буждали къ себѣ со стороны евреевъ, ревнителей Закона,
величайшую антипатію [1]). Два щита съ надписями, поста-
вленные Пилатомъ у своей резиденціи, которая находилась
по сосѣдству съ священной оградой, вызвали еще болѣе
сильную бурю [2]). Сперва прокураторъ не особенно счи-
тался съ этими предразсудками; это привело его къ крова-
вымъ репрессіямъ [3]), которыя впослѣдствіи были причиной
его смѣщенія [4]). Испытавъ столько столкновеній, онъ сдѣ-
лался гораздо благоразумнѣе въ своихъ отношеніяхъ къ этой
невозможной націи, которая мстила своимъ владыкамъ тѣмъ,
что вынуждала ихъ примѣнять къ ней отвратительныя мѣры
строгости. И онъ видѣлъ съ величайшимъ неудовольствіемъ,
что вынужденъ въ этой новой исторіи играть жестокую роль
ради того самого Закона, который онъ ненавидѣлъ [5]). Онъ

---

[1]) Вавил. Талм., *Шаббатъ*, 33 в.
[2]) Филонъ, Leg. ad Cajum, § 38.
[3]) Іосифъ, Ant., XVIII, III, 1 и 2; Bell. Iud., II, IX, 2 и слѣд.; Луки, XIII,1.
[4]) Іосифъ, Ant., XVIII, IV, 1 и 2.
[5]) Іоанна, XVIII, 35.

зналъ, что религіозный фанатизмъ, добившись жестокой мѣры со стороны гражданскихъ властей, самъ первый возложитъ на нихъ всю отвѣтственность, будетъ почти обвинять ихъ въ насиліи. Это высшая несправедливость, ибо въ подобныхъ случаяхъ истиннымъ виновникомъ является подстрекатель!

Итакъ, Пилатъ сдѣлалъ попытку спасти Іисуса. Быть можетъ на него произвела впечатлѣніе спокойная осанка обвиняемаго. По одному преданію [1]), правда не очень достовѣрному, Іисусъ будто бы встрѣтилъ поддержку въ лицѣ собственной жены прокуратора, которая утверждала, что видѣла по этому поводу зловѣщій сонъ. Она могла видѣть кроткаго галлилеянина изъ какого либо окна, выходившаго на дворъ храма. Быть можетъ, она снова увидала его во снѣ, и кровь этого прекраснаго молодого человѣка, которая должна была пролиться, вызвала у нея кошмаръ. Вѣрно во всякомъ случаѣ то, что Пилатъ оказался настроеннымъ въ пользу Іисуса. Губернаторъ былъ къ нему добръ и допрашивалъ его съ намѣреніемъ найти способъ отослать его оправданнымъ.

Титулъ „царя Іудейскаго“, котораго Іисусъ никогда себѣ не присвоивалъ, но который былъ выставленъ его врагами въ видѣ итога всей его роли и всѣхъ его притязаній, былъ, разумѣется, лучшимъ поводомъ для того, чтобы возбудить противъ него римское правительство. Въ эту сторону и было направлено обвиненіе противъ него какъ бунтовщика и государственнаго преступника. Это была крайняя несправедливость; Іисусъ всегда признавалъ римскую имперію, какъ установленную власть. Но консервативныя религіозныя партіи не имѣютъ обыкновенія останавливаться передъ клеветой. Вопреки Іисусу, изъ его ученія дѣлали всевозможные выводы; его самого превратили въ ученика Іуды Гавлонита; утверждали, что онъ запрещалъ платить подать Кесарю [2]). Пилатъ спросилъ его,

---

[1]) Матѳея, XXVII, 19.
[2]) Луки, XXIII, 2, 5.

правда-ли, что онъ царь Іудейскій [1]). Іисусъ ни чѣмъ не выдавалъ своихъ мыслей. Но великая двусмысленность, которая составляла его силу, и которой послѣ его смерти суждено было создать его царство, на этотъ разъ погубила его. Будучи идеалистомъ, то-есть не отдѣляя духа отъ матеріи, Іисусъ, уста котораго, по изображенію въ Апокалипсисѣ, были вооружены двусторοннимъ мечомъ, никогда не могъ вполнѣ успокоить на свой счетъ земную власть. Если вѣрить четвертому Евангелію, онъ призналъ свое царское достоинство, но въ то же время произнесъ эти глубокія по своему смыслу слова: „Царство мое не отъ міра сего". Потомъ онъ будто бы объяснилъ характеръ своего царства, которое все сводилось къ обладанію истиной и къ возвѣщенію ея. Пилатъ не понялъ ни одного слова въ этомъ высшемъ идеализмѣ [2]). Безъ сомнѣнія, Іисусъ произвелъ на него впечатлѣніе невиннаго мечтателя. Полное отсутствіе религіознаго и философскаго прозелитизма у римлянъ той эпохи побуждало ихъ смотрѣть на преданность истинѣ, какъ на химеру. Пренія по этому предмету казались имъ скучными и лишенными всякаго смысла. Не видя той опасной для имперіи закваски, которая таилась въ новыхъ умозрѣніяхъ, они не находили основанія прибѣгать въ подобныхъ случаяхъ къ насилію. Все неудовольствіе ихъ направлялось скорѣе на тѣхъ, кто являлся къ нимъ требовать казней по поводу такихъ пустыхъ мелочей. Спустя двадцать лѣтъ такой же политики по отношенію къ евреямъ держался Галліонъ [3]). Вплоть до разрушенія Іерусалима римляне въ своемъ управленіи страной принимали за правило совершенно не вмѣшиваться въ сектантскія распри евреевъ между собою [4]).

---

[1]) Матѳея, XXVII, 11; Марка, XV, 2; Луки, XXIII, 3; Іоанна, XVIII, 33.

[2]) Іоанна, XVIII, 38.

[3]) Дѣянія, XVIII, 14—15.

[4]) Тацитъ (Ann., XV, 44) изображаетъ смерть Іисуса въ видѣ политической казни, совершенной по распоряженію Понтія Пилата. Но въ ту

Губернатору пришло въ голову прибѣгнуть кь одному способу примирить собственныя чувства съ требованіями фанатическаго народа, гнетъ котораго онъ уже столько разъ испытывалъ на себѣ. Тогда былъ обычай отдавать народу по случаю праздника Пасхи одного изъ осужденныхъ. Пилатъ, зная, что Іисусъ былъ схваченъ лишь благодаря ревности священниковъ [1]), попробовалъ примѣнить этотъ обычай въ его пользу. Онъ снова вышелъ на *виму* и предложилъ народу отпустить „царя Іудейскаго". Предложеніе, сдѣланное въ такихъ выраженіяхъ, носило на себѣ отпечатокъ широкаго взгляда на вещи и въ то же время иронія. Первосвященники увидали опасность. Они моментально стали агитировать [2]) и, чтобы преодолѣть уловку Пилата, внушили толпѣ имя узника, пользовавшагося въ Іерусалимѣ большой популярностью. По странной случайности имя его было тоже Іисусъ [3]), а прозвище Варрава или Варъ-Раввань [4]). То была довольно извѣстная личность [5]). Онъ былъ задержанъ въ качествѣ наемнаго убійцы во время бунта, сопровождавшагося смертоубійствомъ [6]). Поднялся общій крикъ: „отпусти намъ не этого, а Іисуса Варраву". Пилатъ принужденъ былъ освободить Варраву.

эпоху, когда писалъ Тацитъ, римская политика по отношенію къ христіанамъ уже подверглась измѣненію; ихъ обвиняли въ составленіи тайнаго сообщества, направленнаго противъ государства. Естественно, что римскій историкъ думалъ, будто Пилатъ, совершая казнь надъ Іисусомъ, повиновался требованіямъ общественной безопасности. Въ этомъ отношеніи свѣдѣнія Іосифа гораздо болѣе точны. (Ant., XVIII, III, 3).

[1]) Марка, XV, 10.

[2]) Матѳея, XXVII, 20; Марка XV, 11.

[3]) Въ большей части рукописи имя его: „Іисусъ" исчезло. Но за него говорятъ, по крайней мѣрѣ, весьма вѣскіе авторитеты.

[4]) Матѳея, XXVII, 16; Еванг. отъ Евреевъ (Гильгенфельдъ, стр. 17. 28).

[5]) Ср. св. Іеремія, In Matth., XXVII, 16.

[6]) Марка, XV, 7; Луки, XXIII, 19. По четвертому Евангелію это былъ воръ (XVIII, 40), но тутъ свѣдѣнія Марка, повидимому, гораздо вѣрнѣе.

Затруднительность его положенія увеличивалась. Онъ боя, чтобы черезчуръ большая снисходительность къ обвиному, котораго называли „царемъ Іудейскимъ“, не скомэметировала его самого. Сверхъ того фанатизмъ выну-аетъ всякія власти дѣйствовать съ нимъ за-одно. Пилатъ ілъ себя обязаннымъ пойти на уступки, но, все еще не рѣясь пролить кровь ради людей, которыхъ онъ терпѣть могъ, онъ попытался повернуть все дѣло въ комедію. Подъ домъ осмѣянія торжественнаго титула, который давали сусу, онъ велѣлъ его бичевать [1]. Бичеваніе обычно совершлось предварительно распятія [2]. Не имѣлъ ли виду Пилатъ ть этимъ понять, что приговоръ къ крестной смерти этимъ мымъ уже произнесенъ, надѣясь, что народъ удовлетворится ной лишь предварительной мѣрой? Тогда произошла, судя всѣмъ разсказамъ, возмутительная сцена. Солдаты надѣли Іисуса красную власяницу, на голову вѣнецъ изъ колючаго рновника, дали ему жезлъ въ руки. Въ такомъ унизительомъ видѣ его вывели на трибуну къ народу. Воины дефипровали передъ ними, поочереди заушали его, и преклоняя олѣни, говорили: „Радуйся, царь Іудейскій! [3]“ Другіе плевли въ него и били тростью по головѣ. Съ трудомъ можно онять, чтобы римская серьезность допускала подобные поыдные поступки. Правда, что у Пилата, какъ прокуратора, ыли въ распоряженіи лишь наемныя войска [4]. Римскіе гражне, какими были напримѣръ легіонеры, не унизились бы до кого недостойнаго поведенія.

Думалъ ли Пилатъ, что подобной выставкой на позорище

[1] Матѳея, XXVII. 26; Марка, XV, 15; Іоанна, XIX, 1.

[2] Іосифъ, B. I., II, XIV, 9; V, XI, 1; VII, VI. 4; Титъ Ливій, XXXIII, 36; интъ Курцій, VII, XI, 28.

[3] Матѳея, XXVII, 27 и слѣд.; Марка, XV, 16 и слѣд.; Луки, XXIII, 11; нна, XIX, 2 и слѣд.

[4] См. Ренье, Inscript. rom. de l'Algérie, № 5, отр. B. Сбиры и чужезем- палачи при арміяхъ появляются лишь позднѣе. Тѣмъ не менѣе см. церонъ, In Verrem, act. II, во многихъ мѣстахъ; Epist. ad. Quintum fr., 4.

онъ избавитъ себя отъ отвѣтственности? Надѣялся ли онъ предотвратить смерть, угрожавшую Іисусу, сдѣлавъ нѣкоторую уступку ненависти Іудеевъ [1]) и замѣнивъ трагическую развязку каррикатурной казнью, изъ которой какъ бы напрашивался выводъ, что ничего другого дѣло само по себѣ не заслуживало? Если такова была его затаенная мысль, то онъ не достигъ цѣли. Шумъ увеличивался и обратился въ настоящій бунтъ. Крики: „распни его! распни его!“ раздавались со всѣхъ сторонъ. Священники, принимая все болѣе вызывающій тонъ, объявляли, что Законъ въ опасности, если соблазнитель не будетъ преданъ смерти [2]). Пилатъ ясно видѣлъ, что для того чтобы спасти Іисуса, придется прибѣгнуть къ кровавому усмиренію бунта. Однако онъ попытался еще выиграть время. Онъ взошелъ въ преторію, справился откуда Іисусъ былъ родомъ; онъ хотѣлъ найти въ этомъ предлогъ, чтобы отклонить отъ себя отвѣтственность [3]). По одному преданію онъ будто бы отослалъ даже Іисуса къ Антипѣ, который, какъ говорили, былъ въ то время въ Іерусалимѣ [4]). Іисусъ не поддавался на эти признаки благоволенія къ нему; какъ и у Каіафы онъ замкнулся въ молчаніи, полномъ достоинства и важности, что удивило Пилата. Крики извнѣ принимали все болѣе угрожающій характеръ. Слышались уже инсинуаціи на

---

1) Луки, XXIII, 16, 22.

2) Іоанна, XIX, 7.

3) Іоанна, XIX, 9. Ср. Луки, XXIII, 6 и слѣд.

4) Возможно, что въ этомъ скрывается первая попытка къ „гармонизаціи Евангелій“. Лука имѣлъ передъ глазами повѣствованіе, въ которомъ смерть Іисуса по ошибкѣ приписывалась Ироду. Не желая пожертвовать этимъ указаніемъ цѣликомъ, онъ привелъ полностью оба преданія, тѣмъ болѣе, что ему смутно было извѣстно (какъ это мы узнаемъ по четвертому Евангелію), что Іисусъ былъ представленъ на судъ по очереди трехъ сановниковъ. Во многихъ другихъ случаяхъ Лука какъ будто имѣетъ отдаленное понятіе о фактахъ, передаваемыхъ Іоанномъ. Наконецъ, въ разсказѣ о крестной смерти третьяго Евангелія находится рядъ прибавленій, повидимому, заимствованныхъ авторомъ изъ документовъ болѣе свѣжаго происхожденія, въ которыхъ чувствовалось стремленіе приладить эти произведенія къ опредѣленной цѣли.

тему о томъ, что римскій сановникъ, покровительствуя врагу кесаря, обнаруживаетъ весьма мало преданности своему дѣлу. Самые рьяные противники римскаго владычества вдругъ превратились въ вѣрноподданныхъ Тиверія, только чтобы имѣть право обвинять прокуратора, обнаруживающаго слишкомъ большую терпимость въ оскорбленіи величества. „У насъ нѣтъ другого царя, кромѣ кесаря, кричали они; всякій, дѣлающій себя царемъ, противникъ Кесарю. Если губернаторъ отпуститъ этого человѣка, то онъ не другъ кесарю [1])". Слабый Пилатъ не могъ устоять; ему уже мерещились доносы, которые будутъ посланы его врагами въ Римъ, и въ которыхъ его будутъ обвинять въ томъ, что онъ оказалъ поддержку сопернику Тиверія. По дѣлу о щитахъ, выставленныхъ по обѣту [2]), евреи уже писали императору и жалоба ихъ имѣла успѣхъ. Онъ побоялся потерять свое мѣсто. И онъ уступилъ изъ угодливости, благодаря которой имени его было суждено подвергаться въ исторіи бичеванію; при этомъ, какъ передаетъ преданіе, онъ сложилъ съ себя на евреевъ всю отвѣтственность за то, что произойдетъ. По разсказамъ христіанъ, евреи приняли ее на себя, съ крикомъ: „кровь его на насъ и на нашихъ дѣтей! [3])"

Дѣйствительно-ли были произнесены эти слова? Этому мы не обязаны вѣрить. Но они являются выраженіемъ глубокой исторической правды. Въ виду того положенія, которое римляне заняли въ Іудеи, Пилатъ, конечно, не могъ сдѣлать ничего другого кромѣ того, что онъ сдѣлалъ. Сколько смертныхъ приговоровъ, продиктованныхъ религіозной нетерпимостью, произвели насиліе надъ гражданской властью! Король испанскій, посылавшій въ угоду фанатическому духовенству на костеръ сотни своихъ подданныхъ, заслуживалъ

[1]) Іоанна, XIX, 12, 15. Ср. Луки, XXIII, 2. Для того, чтобы оцѣнить точность окраски этой сцены у евангелистовъ, ср. Филонъ, Leg. ad Cajum, § 38.

[2]) См. выше, стр.

[3]) Матѳея, XXVIII, 24—25.

большаго порицанія, нежели Пилатъ, такъ какъ являлся представителемъ болѣе организованной власти, нежели римская власть въ Іерусалимѣ въ 33 году до Р. Х. Когда гражданская власть по требованію священника становится преслѣдователемъ и начинаетъ дѣйствовать, то это лучшій признакъ ея слабости. Но пусть то правительство, которое въ этомъ отношеніи не имѣетъ грѣха, первое броситъ камень въ Пилата. „Свѣтская власть“, за которой прячется жестокость духовенства, не можетъ считаться виновникомъ. Но никто изъ тѣхъ, кто заставляетъ своихъ исполнителей проливать кровь, не имѣетъ права говорить, будто питаетъ отвращеніе къ крови.

Такимъ образомъ не Тиверій и не Пилатъ осудили Іисуса. Осудила его старо-еврейская партія, этого требовалъ законъ Моисея. По нашимъ современнымъ понятіямъ, не существуетъ передачи нравственной отвѣтственности отъ отца къ сыну; каждый отвѣчаетъ передъ судомъ человѣчества и передъ божественнымъ правосудіемъ лишь за то, что онъ самъ совершилъ. Слѣдовательно, каждый еврей, который еще въ наши дни страдаетъ за умерщвленіе Іисуса, имѣетъ полное право жаловаться; быть можетъ въ ту эпоху онъ былъ бы на мѣстѣ Симона Киринеянина; или по меньшей мѣрѣ не былъ бы въ числѣ тѣхъ, которые кричали: „Распни его“. Но націи несутъ свою отвѣтственность, также какъ и индивидуумы. И если когда либо бывало преступленіе, совершенное цѣлой націей, то такимъ было убійство Іисуса. Казнь его была „законной“, въ томъ смыслѣ, что непосредственной ея причиной былъ законъ, который составлялъ самую душу націи. Законъ Моисея, правда, въ его современной формѣ, но форма эта была принятой, каралъ смертью за всякую попытку измѣнить установленный имъ культъ. Іисусъ же несомнѣнно нападалъ на этотъ культъ и покушался его низвергнуть. Евреи выразили это Пилату съ наивной откровенностью и совершенно справедливо: „мы имѣемъ законъ, и по закону нашему Онъ долженъ умереть, потому

что сдѣлалъ Себя Сыномъ Божіимъ" [1]). Законъ этотъ былъ отвратителенъ; но таковъ былъ законъ античной жестокости и герой, выступавшій противъ него съ цѣлью его низвергнуть, первый долженъ былъ испытать его на себѣ.

Увы! понадобилось восемнадцать вѣковъ на то, чтобъ кровь, которая готова была пролиться, принесла свои плоды. Во имя Іисуса, въ теченіе вѣковъ, будутъ подвергать пыткамъ и смерти мыслителей столь же благородныхъ, какъ и онъ. И до сихъ поръ въ странахъ, называющихъ себя христіанскими, религіозные проступки подвергаются карамъ. Іисусъ не можетъ быть отвѣтственнымъ за подобныя заблужденія. Онъ не могъ предвидѣть, что тотъ или другой народъ съ разстроеннымъ воображеніемъ въ одинъ прекрасный день увидитъ въ немъ страшнаго Молоха, алчущаго жаренаго мяса. Христіанство страдало нетерпимостью; но нетерпимость не составляетъ его сущности. Это еврейское свойство, въ томъ смыслѣ, что іудаизмъ впервые создалъ теорію абсолютизма въ вопросахъ вѣры и установилъ, чтобы каждый провинившійся въ совращеніи народа изъ истинной религіи, даже если въ подтвержденіе своего ученія онъ совершалъ бы чудеса, долженъ быть побитъ камнями, побитъ руками всего народа, безъ суда [2]). Несомнѣнно, что и языческія націи обнаруживали религіозную жестокость. Но если бы и у нихъ существовалъ такой законъ, то какимъ образомъ онѣ могли бы принять христіанство? Такимъ образомъ, Пятикнижіе было первымъ кодексомъ религіознаго террора. Іудаизмъ первый далъ примѣръ неприкосновеннаго догмата, вооруженнаго мечомъ. Если бы христіанство, вмѣсто того чтобы преслѣдовать евреевъ съ слѣпой ненавистью, уничтожило бы только тотъ режимъ, который предалъ смерти основателя христіанства, то насколько оно оказалось бы болѣе послѣдовательнымъ, насколько выше была бы его заслуга передъ человѣчествомъ!

[1]) Іоанна, XIX, 7.

[2]) Второзаконіе, XIII, 1 и слѣд.

ГЛАВА XXV

Смерть Іисуса

Несмотря на то, что дѣйствительный мотивъ казни Іисуса былъ чисто религіознаго характера, врагамъ его удалось выставить его передъ преторіей государственнымъ преступникомъ; за обыкновенную ересь они бы не добились приговора отъ скептика Пилата. Будучи послѣдовательными въ этомъ отношеніи, священники заставили толпу требовать для Іисуса крестной казни. Этотъ родъ казни былъ не іудейскаго происхожденія; если бы приговоръ надъ Іисусомъ былъ произнесенъ по чисто Моисееву закону, то онъ былъ бы побитъ камнями [1]). Крестъ былъ римскимъ способомъ казни, предназначеннымъ для рабовъ и для тѣхъ случаевъ, когда смертную казнь имѣлось въ виду усилить безславіемъ. Примѣняя этотъ родъ казни къ Іисусу, его подвергали участи грабителей на большихъ дорогахъ, разбойниковъ, бандитовъ, вообще тѣхъ преступниковъ изъ подонковъ общества, которыхъ римляне не считали достойными чести подвергнуться

---

[1]) Іосифъ, Ant., XX, IX, I. Талмудъ, изображая приговоръ Іисуса чисто религіознымъ, дѣйствительно, утверждаетъ, что онъ былъ приговоренъ къ избіенію камнями; далѣе, правда, говорится, что онъ былъ повѣшенъ. Быть можетъ, этимъ хотѣли выразить, что сперва онъ былъ побитъ камнями, а затѣмъ повѣшенъ, какъ это часто дѣлалось (Мишна, *Синедріонъ*, VI, 4; ср. Второзаконіе, XXI, 22). Іерусал. Талм., *Синедріонъ*, XIV, 16; Вавил. Талм., *Синедріонъ*, 43 а, 67 а.

обезглавленію мечомъ. [1]) Въ данномъ случаѣ карѣ подвергался химерическій „царь Іудейскій“, а не догматикъ ересіархъ. Въ силу этихъ же соображеній и приведеніе казни въ исполненіе было предоставлено римлянамъ. Въ ту эпоху у римлянъ обязанности палачей, по крайней мѣрѣ, въ случаяхъ политическихъ преступленій возлагались на воиновъ [2]). Такимъ образомъ Іисусъ былъ отданъ въ руки отряда наемныхъ войскъ, подъ начальствомъ центуріона [3]), и ему пришлось подвергнуться всей гнусности казни, введеной въ употребленіе жестокими нравами новыхъ завоевателей. Было около полудня [4]). Его одѣли въ его собственную одежду, которую съ него снимали, когда выставляли на позорище. Такъ какъ сверхъ того въ рукахъ когорты уже находились два разбойника, которыхъ нужно было тоже казнить, то всѣхъ трехъ осужденныхъ соединили вмѣстѣ и шествіе тронулось къ мѣсту казни.

Мѣсто это находилось на Голгоѳѣ, расположенной внѣ города, но близъ его стѣнъ [5]). Слово *Голгоѳа* означаетъ *черепъ*; повидимому, оно соотвѣтствуетъ нашему „Лысая Гора“ французскому Chaumont и, вѣроятно, означаетъ обнаженный холмъ, имѣющій форму лысой головы. Мѣсто нахожденія этого кургана съ точностью неизвѣстно. Навѣрно онъ находился гдѣ либо къ сѣверу или сѣверо-западу отъ города, на высокомъ неправильномъ плоскогорьи, которое простирается между стѣнами и долинами Кедрона и Гиннома [6]).

---

[1]) Іосифъ, Ant., XVII, X, 10; XX, VI, 2; B. I., V, XI, 1; Апулей, Metam III, 9; Светоній, Galba, 9; Лампридій, Alex. Sev., 23.

[2]) Тацитъ, Ann., III, 14. См. выше прим.

[3]) Матѳея, XXVII, 54; Марка, XV, 39, 44, 45; Луки, XXIII, 47.

[4]) Іоанна, XIX, 14. По Марку, XV, 25, въ это время было не болѣе восьми часовъ утра, ибо, согласно разсказу этого евангелиста, Іисусъ былъ распятъ въ девять часовъ.

[5]) Матѳея, XXVII, 33; Марка, XV, 22; Іоанна, XIX, 20; Посл. къ Евр., XIII, 12. Ср. Плавтъ, Miles gloriosus, II, IV, 6—7.

[6]) *Голгоѳа*, дѣйствительно, имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ холму

въ довольно заброшенной мѣстности, представлявшейся еще болѣе печальной, благодаря непріятнымъ результатамъ, вытекающимъ изъ сосѣдства съ большимъ городомъ. Нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній помѣщать Голгоѳу въ то опредѣленное мѣсто, на которомъ, со временъ Константина, все христіанство привыкло ее чтить [1]). Но не существуетъ также основательныхъ возраженій, которыя бы побуждали вносить въ этомъ отношеніи смуту въ христіанскія воспоминанія [2]).

Гаребъ и къ мѣстности *Гоаѳъ*, упоминаемыхъ Іереміей, XXXI, 39. Оба же эти пункта, повидимому, находились къ сѣверо-западу отъ города. Въ видѣ предположенія можно допустить, что мѣсто, гдѣ былъ распятъ Іисусъ, находилось близь крайняго угла, который нынѣшняя стѣна образуетъ къ западу, или, пожалуй, на холмахъ, господствующихъ надъ долиной Гинномъ, повыше *Биркетъ Мамиллы*. Позволительно также думать о холмикѣ, господствующемъ надъ „гротомъ Іереміи".

[1]) Доказательства, которыя приводились въ пользу того, что послѣ Константина гробъ Господень былъ перемѣщенъ, не достаточно основательны.

[2]) Весь вопросъ сводится къ тому, находилось ли во времена Іисуса мѣсто, нынѣ называемое Голгоѳой, и довольно углубленное внутрь нынѣшняго города, внѣ городской ограды. Въ 76 метрахъ къ востоку отъ традиціоннаго мѣстоположенія Голгоѳы былъ открытъ кусокъ стѣны іудейской постройки, сходный со стѣной Хеврона; если онъ входилъ въ составъ ограды временъ Іисуса, то вышеуказанное традиціонное мѣстоположеніе Голгоѳы находилось внѣ города. (Де Вогюэ, Le Temple de Jérus., стр. 117 и слѣд). Существованіе пещеры, служившей гробницей (которая носитъ названіе „гробницы Іосифа Аримаѳейскаго") подъ стѣной купола Гроба Господня, повидимому, служитъ доказательствомъ тому (см. однако, Мишна, *Парахъ*, III, 2; *Вава кама*, VII), что это мѣсто нѣкогда лежало внѣ стѣнъ; указанный же подвалъ, повидимому, не особенно древняго происхожденія (см. Де Вогюэ, op. cit., стр. 115) и потому нельзя предположить, будто онъ сооруженъ раньше постройки ограды, существовавшей во времена Іисуса. Далѣе, еще два историческихъ соображенія, и въ томъ числѣ одно весьма вѣское, могутъ быть приведены въ пользу преданія. Первое то, что странно было бы, если бы тѣ, кто при Константинѣ старались установить евангельскую топографію, не остановились бы на предположеніи, вытекающемъ и-

Приговоренный къ смерти на крестѣ долженъ былъ самъ нести орудіе своей казни [1]). Іисусъ, менѣе сильный, нежели два преступника, осужденные вмѣстѣ съ нимъ, не могъ вынести тяжести своего креста. На встрѣчу шествію попался нѣкто Симонъ изъ Каринеи, возвращавшійся въ городъ, и воины, съ грубостью, свойственной иноземнымъ гарнизонамъ, заставили его нести роковое дерево. Быть можетъ, въ этомъ отношеніи они воспользовались правомъ натуральной повинности, такъ какъ сами римляне не могли унизиться до того чтобы носить такое позорное бремя. Повидимому, впослѣдствіи Симонъ вступилъ въ христіанскую общину. Два его сына, Александръ и Руфъ [2]), были въ ней довольно извѣстны.

словъ евангелиста Іоанна, XIX, 20, и посл. къ Евр., XIII, 12. Какимъ образомъ, пользуясь свободой выбора, они могли бы не задуматься надъ такимъ серьезнымъ затрудненіемъ? Можно слѣдовательно думать, что благочестивые топографы временъ Константина относились къ своему дѣлу съ извѣстной серьезностью, что они старались найти указанія и если и не отказывались отъ нѣкоторыхъ благочестивыхъ подтасовокъ, то все же руководствовались аналогіями. Если бы ими руководилъ одинъ только капризъ, то они скорѣе помѣстили бы Голгоѳу на болѣе видное мѣсто, на вершину одного изъ сосѣднихъ съ Іерусалимомъ бугровъ, чтобы тѣмъ самымъ удовлетворить и воображеніе христіанъ, которые непремѣнно хотѣли, чтобы мѣсто смерти Іисуса находилось на горѣ. Второе соображеніе, которое говоритъ въ пользу преданія, то, что въ эпоху Константина можно было руководствоваться мѣстоположеніемъ храма Венеры на Голгоѳѣ, воздвигнутаго, какъ говорятъ, Адріаномъ или, по меньшей мѣрѣ, принять за точку опоры воспоминанія, сохранившіяся объ этомъ храмѣ. Но это далеко не убѣдительно. Евсевій (Vita Const., III, 26), Сократъ (H. E., I, 17), Созоменъ (H. E., II, 1), св. Іеремія (Epist., XLIX къ Павл.), правда, говорятъ, что въ мѣстности, которую они отождествляютъ съ гробомъ Господнимъ, находилось святилище Венеры, но далеко не установлено: во 1) что оно было воздвигнуто Адріаномъ; во 2) что онъ имѣлъ намѣреніе воздвигнуть его именно на томъ мѣстѣ, которое при немъ носило названіе „Голгоѳы“; въ 3) что у него было намѣреніе построить это сооруженіе на томъ именно мѣстѣ, гдѣ Іисусъ былъ преданъ смерти.

[1]) Плутархъ, De sera num. vind., 9; Артемидоръ, Onirocrit., II, 56.

[2]) Марка, XV, 21.

Быть можетъ, онъ разсказалъ не одну изъ подробностей, при которыхъ онъ присутствовалъ. Ни одного ученика возлѣ Іисуса въ этотъ моментъ не было [1]).

Наконецъ шествіе достигло мѣста казни. По еврейскому обычаю осужденнымъ былъ предложенъ напитокъ изъ весьма ароматнаго вина, сильно охмѣляющій; его давали передъ казнью изъ милосердія, чтобы оглушить осужденнаго [2]). Повидимому, іерусалимскія жены часто сами приносили несчастнымъ, которыхъ вели на казнь, этотъ напитокъ смертнаго часа, а если никто изъ нихъ не являлся, то его покупали на общественный счетъ [3]). Іисусъ, омочивъ въ немъ губы, отказался отъ него [4]). Это печальное утѣшеніе обыкновенныхъ осужденныхъ не соотвѣтствовало его высокой натурѣ. Онъ предпочелъ оставить жизнь въ полной ясности ума и въ полномъ сознаніи ожидалъ желанной, призываемой смерти. Тогда съ него сняли его одежды [5]) и пригвоздили къ кресту. Крестъ состоялъ изъ двухъ брусьевъ, сколоченныхъ въ формѣ буквы Т [6]). Онъ былъ невысокъ, такъ что ноги казненнаго почти касались земли [7]). Прежде всего крестъ

---

[1]) Подробность, приведенная Лукой, XXIII, 27—31, принадлежитъ къ числу тѣхъ, въ которыхъ чувствуется работа благочестивой и растроганной фантазіи. Слова, влагаемыя здѣсь въ уста Іисуса, могли быть ему приписаны только послѣ осады Іерусалима.

[2]) Вавил. Талм., Синедріонъ, 43 a; Николай изъ Лиры, In Matth. XXVII, 34. Ср. Притчи Солом., XXXI, 6.

[3]) Вавил. Талм., *Синедріонъ*, l. c.

[4]) Марка, XV, 23. У Матѳея, XXVII, 34, эта подробность подтасована, чтобы получился намекъ на мессіанское пророчество, находящееся въ Псалмахъ, LXIX, 22.

[5]) Матѳея, XXVII, 35; Марка, XV, 24; Іоанна, XIX, 23. Ср. Артемидоръ, Onirocr., II, 53.

[6]) Посл. Варнавы, 9; Луціанъ, Iud. voc., 12. См. каррикатурное изображеніе распятія въ Римѣ на стѣнѣ на холмѣ Палатинскомъ. *Гарруччи*, Il. crocifisso graffito in casa dei Cesari, (Roma, 1857).

[7]) Это можно заключить по слову ὑσσώπῳ, Іоанна, XIX, 29. Дѣйствительно тростью изъ иссопа нельзя достать высоко. Правда, что можно думать будто въ этомъ случаѣ иссопъ заимствованъ изъ кн. Исхода, XII, 22.

ставили стоймя [1]); затѣмъ къ нему прикрѣпляли казненнаго, прибивая его руки къ дереву гвоздями; ноги часто тоже прибивали гвоздями, иногда же только привязывали веревками [2]). Къ подножію креста приколачивали брусъ дерева, въ родѣ рейки, которая проходила между ногъ осужденнаго, опиравшагося на нее [3]). Безъ этого руки его были бы разодраны гвоздями и тѣло опустилось бы внизъ [4]). Въ другихъ случаяхъ на высотѣ ногъ, для опоры ихъ, приколачивали горизонтальную дощечку [5]).

Іисусъ испыталъ всѣ эти ужасы во всей ихъ жестокости. По сторонамъ его были распяты два разбойника. Исполнители казни, въ распоряженіе которыхъ обыкновенно поступали скромныя одежды, снятыя съ осужденныхъ (pannicularia) [6]), бросили жребій объ его одеждѣ [7]), и сидя у подножія креста, стерегли его [8]). По преданію, Іисусъ въ это время произнесъ слова, которыя были у него если не на устахъ, то на сердцѣ: „Отче, прости имъ, не вѣдаютъ бо, что творятъ“ [9]).

---

1) Іосифъ, B. I., VII, VI, 4; Цицеронъ, In Verr, V, 66.; Ксеноф. Эфес., Ephesiaka, IV, 2.

2) Луки, XXIV, 39; Іоанна, XX, 25, 27; Плавтъ, Mostellaria, II, I, 13. Луканъ, Phars., VI, 543 и сл.; 547; Іустинъ, Dial. cum Tryph., 97; Apol., I, 35; Тертулліанъ, Adv. Marcionem, III, 19.

3) Ириней, Adv. haer., II, XXIV, 4; Іустинъ, Dial. cum Tryph., 91.

4) См. описаніе крестной казни въ Китаѣ, сдѣланное свидѣтелемъ очевидцемъ, въ Revue germanique et franç., авг. 1864, стр. 358.

5) См. graffito, о которомъ говорится выше (прим. 4) и нѣкоторые другіе монументы. Dictionn. des antiqu. chrèt., стр. 193). Ср. Григорій Турскій, De gloria mart., 1, 6.

6) Dig., XLVII, XX, De bonis damnat., 6. Адріанъ отмѣнилъ этотъ обычай.

7) Подробность, прибавленная Іоанномъ, XIX, 23—24, повидимому, принята a priori. Ср. Іосифъ, Ant., III, VII, 4.

8) Матѳея, XXVII, 36. Ср. Петроній, Iatyr., CXI, CXII.

9) Луки, XXIII, 34. Вообще послѣднія слова, приписываемыя Іисусу, какъ ихъ передаетъ Лука, внушаютъ сомнѣнія. Въ нихъ чувствуется преднамѣренный вымыселъ или желаніе доказать осуществленіе проро-

По римскому обычаю [1]) надъ головой казненнаго къ кресту была прикрѣплена табличка съ надписью на трехъ языкахъ, на еврейскомъ, греческомъ и латинскомъ: *Царь Іудейскій*. Въ такой редакціи надписи заключалось нѣчто непріятное и обидное для націи. Многочисленные зрители, проходившіе здѣсь, читали ее и оскорблялись ею. Священники замѣтили Пилату, что слѣдовало принять другую редакцію надписи, которая поясняла бы только, что Іисусъ называлъ себя царемъ Іудейскимъ. Но Пилатъ, уже достаточно раздосадованный этимъ дѣломъ, отказался измѣнять что либо въ томъ, что было написано [2]).

Ученики Іисуса разбѣжались [3]). По одному преданію, однако, Іоаннъ будто бы все время стоялъ у креста [4]). Можно съ увѣренностью утверждать, что вѣрные друзья изъ Галилеи, послѣдовавшіе за Іисусомъ въ Іерусалимъ и продолжавшіе здѣсь служить ему, не покидали его. Марія Клеопа, Марія изъ Магдалы, Іоанна изъ Кузы, Саломея и еще другія стояли въ нѣкоторомъ разстояніи [5]) и не спускали съ него

чествъ. Сверхъ того, въ такихъ случаяхъ, каждый понимаетъ по своему. Послѣднія слова знаменитыхъ осужденныхъ всегда передаются даже самыми близкими свидѣтелями въ двухъ или трехъ совершенно различныхъ редакціяхъ. Такъ было и при казни Баба. Гобино, Les Relig. et les Philos. de l'Asie centrale, стр. 268.

[1]) Возможно, что во время шествія ее несли впереди Іисуса. Светоній, Caligula, 32; письма церквей Вѣнской и Ліонской, у Евсевія. Hist. eccl., V, I, 19.

[2]) Матѳея, XXVII, 37; Марка, XV, 26; Луки, XXIII, 38; Іоанна, XIX, 19—22. Быть можетъ, это было мелочное требованіе закона. Апулей. Florida, 1. 9.

[3]) Іустинъ, Dial. cum Tryph., 106.

[4]) Іоанна, XIX, 25 и слѣд.

[5]) Синоптики согласны въ томъ, что группа вѣрныхъ послѣдователей стояла „далеко" отъ креста. Четвертый евангелистъ говоритъ „возлѣ", такъ какъ имъ руководитъ желаніе показать, что Іоаннъ близко подходилъ къ кресту Іисуса.

глазъ [1]). Если вѣрить четвертому Евангелію [2]), то у подножія креста находилась также и Марія, мать Іисуса, и Іисусъ, увидавъ вмѣстѣ свою мать и любимаго изъ учениковъ, сказалъ послѣднему: „Вотъ мать твоя", а той: „Вотъ сынъ твой" [3]). Но было-бы непонятно, какимъ образомъ евангелисты синоптики, перечисляя другихъ женъ, пропустили ту, присутствіе которой имѣло бы столь поразительное значеніе. Быть можетъ также при крайне возвышенномъ характерѣ Іисуса такія личныя трогательныя чувства мало вѣроятны въ тотъ моментъ, когда, весь поглощенный уже своимъ дѣломъ, онъ существовалъ только лишь для человѣчества.

За исключеніемъ этой небольшой группы женщинъ, которая издали утѣшала его своими взорами, передъ его глазами не было ничего, кромѣ зрѣлища человѣческой низости

---

1) Матѳея, XXVII, 55—56; Луки, XV, 40—41; Луки, XXIII, 49, 55; XXIV, 10; Іоанна, XIX, 25. Ср. Луки, XXIII, 27—31.

2) Іоанна, XIX, 26 и слѣд. Лука, который всегда является посредникомъ между двумя первыми синоптиками и Іоанномъ, также упоминаетъ о „всѣхъ друзьяхъ", но помѣщаетъ ихъ на разстояніи (XXIII, 49) Правда, выраженіе γνωστοί можетъ относиться и къ „роднымъ". Лука отличаетъ, однако (II, 44), γνωστοί отъ συγγενεῖς. Прибавимъ, что въ лучшихъ рукописяхъ значится οἱ γνωστοὶ αὐτῷ, а не οἱ γνωστοὶ αὐτοῦ. Въ Дѣяніяхъ (I, 14) Марія, мать Іисуса, причисляется къ галилейскимъ женамъ; сверхъ того и Лука (II, 35) предсказываетъ, что мечъ скорби пронзитъ ея душу. И тѣмъ менѣе понятно, что онъ пропускаетъ ее при крестной смерти.

3) Повидимому, дѣйствительно, послѣ смерти Іисуса Іоаннъ взялъ къ себѣ мать своего учителя и какъ бы былъ ею усыновленъ (Іоанна, XIX, 27). Большое почтеніе, съ которымъ въ нарождающейся Церкви относились къ Маріи, безъ сомнѣнія, побудило учениковъ Іоанна утверждать, что Іисусъ, умирая, завѣщалъ все, что было у него самаго дорогого, Іоанну, котораго они хотѣли выставить наиболѣе любимымъ изъ учениковъ Іисуса. Дѣйствительно ли находилось при Іоаннѣ это драгоцѣнное наслѣдіе Іисуса, или же это было только предположеніе, во всякомъ случаѣ оно давало ему нѣкоторое главенство надъ прочими апостолами, и сообщало тому ученію, за которое онъ считался отвѣтственнымъ, высокую степень авторитетности.

и тупости. Проходящіе надругались надъ нимъ. Онъ слышалъ вокругъ себя глупыя насмѣшки, и послѣдніе стоны, вырванные у него муками, истолковывались въ видѣ отвратительной игры словъ: „Вотъ тотъ, говорили зрители, кто называлъ себя Сыномъ Божіимъ! Пусть теперь Отецъ избавитъ Его, если онъ угодилъ Ему!“—„Другихъ спасалъ, бормотали еще другіе, а Себя Самого не можетъ спасти. Если онъ царь Израилевъ, пусть теперь сойдетъ съ креста, и увѣруемъ въ него!“—„Разрушающій храмъ, говорили третьи, и въ три дня Созидающій! спаси Себя Самого! Посмотримъ! [1])“ Нѣкоторымъ изъ присутствующихъ, имѣвшимъ смутное понятіе объ его апокалипсическихъ идеяхъ, представлялось, что онъ зоветъ Илію, и они говорили: „Посмотримъ, придетъ ли Илія спасти Его“. Повидимому, и разбойники, распятые по сторонамъ его, также злословили его [2]). Небо было сумрачно [3]); земля, какъ и вообще въ окрестностяхъ Іерусалима, суха и угрюма. По нѣкоторымъ разсказамъ, былъ одинъ моментъ, когда Іисусъ упалъ духомъ; облако скрыло отъ него ликъ его Отца; онъ почувствовалъ смертельную тоску отчаянія, въ тысячу разъ болѣе жгучую, нежели всякія муки. Передъ нимъ не было ничего, кромѣ человѣческой неблагодарности; быть можетъ имъ овладѣло раскаяніе въ томъ, что онъ принялъ страданія ради столь низкой расы, и онъ воскликнулъ: „Боже мой, Боже мой, почто ты меня оставилъ?“ Но божественный инстинктъ его снова взялъ верхъ. По мѣрѣ того, какъ жизнь угасала въ его тѣлѣ, душа его прояснялась и мало-по-малу возвращалась къ своему небесному началу. Онъ снова отдался своему призванію; онъ видѣлъ въ своей смерти спасеніе міра; изъ глазъ его исчезло гнусное зрѣлище, развертывавшееся у его ногъ, и, тѣсно слившись съ своимъ

---

[1]) Матѳея, XXVII, 40 и слѣд.; Марка, XV, 29 и слѣд.

[2]) Матѳея, XXVII, 44; Марка, XV, 32. Лука, по своей склонности къ обращенію грѣшниковъ, въ этомъ отношеніи видоизмѣнилъ преданіе.

[3]) Матѳея, XXVII, 45; Марка, XV, 33; Луки, XXIII, 44.

домъ, онъ вступилъ еще на крестѣ въ ту божественную знь, которая была ему суждена въ сердцахъ человѣчества вѣчныя времена.

Жестокая особенность крестной казни заключалась въ томъ, въ этомъ ужасномъ состояніи можно было жить въ ашныхъ мукахъ три-четыре дня [1]). Кровотеченіе изъ нъ въ рукахъ скоро прекращалось и вообще не могло ть смертельнымъ. Истинной причиной смерти являлось отивуестественное положеніе тѣла, которое вызывало ашное разстройство кровообращенія, ужасныя головныя ли, боль въ сердцѣ и, наконецъ, оцѣпененіе членовъ. Распятые на крестѣ, если они обладали крѣпкимъ тѣлосложемъ, могли даже спать и умирали только отъ голода [2]). новной мыслью этой жестокой казни было не непосредвенное умерщвленіе осужденнаго помощью опредѣленныхъ врежденій его тѣла, а выставленіе раба съ пригвожденми руками, изъ которыхъ онъ не съумѣлъ сдѣлать хороаго употребленія, къ позорному столбу, гдѣ его и предостаяли гніенію. Нѣжная организація Іисуса избавила его отъ добной медленной агоніи. Жгучая жажда, составляющая но изъ мучительнѣйшихъ ощущеній у распятаго [3]), какъ при всякаго рода казняхъ, сопряженныхъ съ обильнымъ овотеченіемъ, пожирала его. Онъ попросилъ пить. Тутъ по изости стоялъ сосудъ, наполненный обычнымъ питьемъ мскихъ воиновъ, состоящимъ изъ смѣси уксуса съ водой называемымъ *posca*. Воины обязаны были брать эту *posca* всякія экспедиціи [4]), къ которымъ причислялись и казни.

---

[1]) Петроній, Sat. CXI и слѣд.; Оригенъ, In Matth. Comment. series, ; арабскій текстъ, опубликованный у Козегартена, Chrest. arab., стр. и слѣд.; Revue german., loc. cit.

[2]) Евсевій, Hist. eccl., VIII, 8; Revue germ., ibid.

[3]) См. арабскій текстъ Козегартена, Chrest. arab., стр. 64 и Revue m., 1 c.

[4]) Спартіанъ, Жизнь Адріана, 10; Вулкатій Галиканъ, Жизнь Авидія сія, 5.

Одинъ воинъ обмокнулъ въ эту смѣсь губку [1]), укрѣпилъ ее на концѣ трости и поднесъ къ губамъ Іисуса; онъ пососалъ ее [2]). На Востокѣ существовало предубѣжденіе, будто бы, если давать пить распятымъ или посаженнымъ на колъ, то они умираютъ скорѣе [3]); многіе считали, что Іисусъ испустилъ духъ тотчасъ послѣ того какъ выпилъ уксуса [4]). Гораздо вѣроятнѣе, что апоплексія, или внезапный разрывъ сосуда въ области сердца, послужила у него причиной скоропостижной смерти послѣ трехъ часовъ мученій. За нѣсколько мгновеній передъ тѣмъ, какъ испустить духъ, голосъ его былъ еще твердымъ [5]). Вдругъ онъ испустилъ ужасный крикъ [6]), въ которомъ присутствующіе услыхали слова: „Отче, въ руки твои предаю духъ мой!"; другіе же, болѣе занятые мыслью объ осуществленіи пророчествъ, передали этотъ вопль въ видѣ одного слова: „Свершилось!" Голова его склонилась на грудь и онъ умеръ.

Покойся отнынѣ въ своей славѣ, благородный наставникъ! Дѣло твое закончено; положена основа твоей божественности. Не опасайся, чтобы подъ вліяніемъ какихъ либо ошибокъ погибло то, что создано твоими усиліями. Отнынѣ, независимо отъ какихъ бы то ни было превратностей судьбы, ты будешь съ высоты твоей божественности присутствовать при всѣхъ неисчислимыхъ послѣдствіяхъ твоихъ дѣяній. Цѣной нѣсколькихъ часовъ страданій, почти даже не коснувшихся твоей великой души, ты купилъ самое совершенное безсмертіе.

---

1) Вѣроятно, то была небольшая губка, которая служила затычкой для сосуда съ *поской* (posca).

2) Матѳея, XXVII, 48; Марка, XV, 36; Луки, XXIII, 36; Іоанна, XIX 28—30.

3) См. Николай изъ Лира, In Matth., XXVII, 34, и in Ioh., XIX, 29, равно какъ разсказы о казни убійцы Клебера. Ср. Revue germ., l. c.

4) Матѳей, Маркъ и Іоаннъ, повидимому, ставятъ оба эти факты въ связь между собой.

5) Матѳея, XXVII, 46; Марка, XV, 34.

6) Матѳея, XXVII, 50; Марка, XV, 37; Луки, XXIII, 46; Іоанна XIX, 30.

На тысячи лѣтъ ты будешь служить міру откровеніемъ! Ты будешь служить знаменемъ нашихъ противорѣчій, символомъ, вокругъ котораго произойдутъ самыя горячія битвы. Послѣ своей смерти ты будешь въ тысячу разъ болѣе живымъ, въ тысячу разъ болѣе любимымъ, нежели въ теченіе твоего земного странствія, ты сдѣлаешься до такой степени краеугольнымъ камнемъ человѣчества, что вырвать у міра твое имя станетъ невозможнымъ безъ потрясенія его до самыхъ глубокихъ основаній. Между тобой и Богомъ не будетъ никакого различія. Вполнѣ побѣдивъ смерть, вступай же во владѣніе тѣмъ царствомъ, въ которое за тобой послѣдуютъ намѣченнымъ тобой царственнымъ путемъ цѣлые вѣка твоихъ поклонниковъ!

ГЛАВА XXVI

Іисусъ въ гробницѣ

Было около трехъ часовъ пополудни по нашему счету [1]), когда Іисусъ испустилъ духъ. По еврейскому закону [2]) запрещалось оставлять трупъ казненнаго на крестѣ долѣе вечера того дня, когда была совершена казнь. Мало вѣроятій, чтобы это правило соблюдалось при казняхъ, которыя исполнялись римлянами. Но такъ какъ слѣдующій день былъ субботой, и при томъ субботой, имѣвшей особенное значеніе, то евреи выразили римской власти [3]) свое желаніе, чтобы священный день не былъ оскверненъ подобнымъ зрѣлищемъ [4]). Желаніе ихъ было удовлетворено; были отданы распоряженія ускорить смерть всѣхъ трехъ осужденныхъ и снять тѣла ихъ съ крестовъ. Воины исполнили это приказаніе, примѣнивъ по отношенію къ обоимъ разбойникамъ вторую казнь, гораздо быстрѣе оканчивающуюся смертью, нежели крестная, *crurifragium*, при которой раздробляли ноги осужденнаго [5]).

---

1) Матѳея, XXVII, 46; Марка, XV, 37; Луки, XXIII, 44. Ср. Іоанна XIX, 14.

2) Второзаконіе, XXI, 22—23; Іисусъ Навинъ, VIII, 29; X, 26 и слѣд. Ср. Іосифъ, B. I., IV, V, 2; Мишна, *Синедріонъ*, VI, 5.

3) Іоаннъ говоритъ „Пилату", но этого не могло быть, ибо, по Марку (XV, 44—45), вечеромъ Пилатъ не зналъ еще о смерти Іисуса.

4) Ср. Филона, In Flaccum, § 10.

5) Нѣтъ другого примѣра, чтобы *crurifragium* примѣнялся вслѣдъ за распятіемъ на крестѣ. Но часто для сокращенія мученій осужденному

было обычной казнью для рабовъ и военноплѣнныхъ. касается Іисуса, то его нашли мертвымъ и потому не залось надобности раздроблять его ноги [1]). Одинъ изъ новъ, чтобы устранить всякое сомнѣніе въ дѣйствитель- смерти третьяго распятаго, только пронзилъ его уда- ъ копья [2]). Всѣмъ показалось, будто потекла кровь и а [3]), что считалось признакомъ прекращенія жизни.

Четвертый евангелистъ очень настаиваетъ на этой по- обности и заставляетъ апостола Іоанна присутствовать при мъ въ качествѣ свидѣтеля очевидца [4]). Очевидно, что дѣй- ительно возникали сомнѣнія на счетъ смерти Іисуса. Для дей, привыкшихъ видѣть распятыхъ, казалось совсѣмъ достаточно нѣсколькихъ часовъ, чтобы получился такой зультатъ. Приводятъ много случаевъ, гдѣ при помощи ергическаго лѣченія удавалось возвращать къ жизни рас- тыхъ, если они были во время сняты съ креста [5]). ослѣдствіи Оригенъ считалъ нужнымъ объяснять такую струю смерть на крестѣ чудомъ [6]). Тоже самое удивленіе ражается и въ повѣствованіи Марка [7]). По правдѣ ска- ть, лучшей гарантіей для историка въ этомъ отноше- и является подозрительная ненависть враговъ Іисуса. Ко- чно, весьма сомнительно, чтобы уже съ той поры евреи ли озабочены опасеніями, какъ бы Іисусъ не прослылъ вос-

---

носили ударъ милосердія. См. у Ибнъ-Гашима, въ переводѣ въ Zeit- rift für die Kunde des Morgenlandes, I, стр. 99—100.

1) Быть можетъ, это вымыселъ a priori для уподобленія Іисуса пас- ьному агнцу (Исходъ, XII, 46; Числъ, IX, 12).

2) Это обстоятельство могло быть вымышлено для соотвѣтствія съ каріей, XII, 10. Ср. Іоанна, XIX, 37; Апокал., I, 7.

3) Здѣсь также можно заподозрить символизмъ a priori. Ср. 1 посл. нна, V, 6 и слѣд.; Аполлинарій, Chronique pascale, стр. 7.

4) Іоанна, XIX, 31—35.

5) Геродотъ, VII, 194; Іосифъ, Vita, 75.

6) In Matth. Comment. series, 140.

7) Марка, XV, 44—45.

кресшимъ изъ мертвыхъ, но, во всякомъ случаѣ, они должны были наблюсти за тѣмъ, что онъ дѣйствительно умеръ. Какова бы ни была небрежность древнихъ въ нѣкоторыя эпохи во всемъ, что касалось законной точности и строгаго производства дѣлъ, въ этомъ случаѣ нельзя предполагать, чтобы заинтересованныя лица не приняли нѣкоторыхъ предосторожностей по поводу того, что представлялось имъ столь важнымъ [1]).

По римскому обычаю, трупъ Іисуса долженъ былъ оставаться на крестѣ, до тѣхъ поръ пока не сдѣлается добычей птицъ [2]). По еврейскому обычаю, его сняли бы вечеромъ, чтобы бросить въ какое либо нечистое мѣсто, предназначенное для погребенія казненныхъ преступниковъ [3]). Еслибы у Іисуса не было другихъ учениковъ, кромѣ его бѣдныхъ земляковъ изъ Галилеи, робкихъ и невліятельныхъ, то дѣло и произошло бы по этому послѣднему способу. Но мы уже видѣли, что, несмотря на свой малый успѣхъ въ Іерусалимѣ, Іисусъ пріобрѣлъ здѣсь симпатіи нѣсколькихъ важныхъ лицъ, которыя ожидали царства Божія и, не признавая себя открыто учениками Іисуса, питали къ нему чувство глубокой преданности. Одинъ изъ такихъ людей, Іосифъ, изъ небольшого города Аримаѳеи (*Гарамаѳаимъ*) [4]), вечеромъ явился къ прокуратору просить у него тѣло Іисуса [5]). Іосифъ былъ человѣкъ богатый и уважаемый, членъ синедріона. Римскій обы-

---

1) Христіанской аргументаціи впослѣдствіи потребовалось преувеличить эти предосторожности, особенно когда евреи приняли за систему утверждать, будто тѣло Іисуса было похищено. Матѳея, XXVII, 62 и слѣд.; XXVIII, 11—15.

2) Горацій, Письма, I, XVI, 48; Ювеналъ, XIV, 77; Луканъ, VI, 544; Плавтъ, Miles glor., II, IV, 19; Артемидоръ, Onir., II, 53; Плиній, XXXVI, 25; Плутархъ, Жизнь Клеомена, 39; Петроній, Sat., CXI—CXII.

3) Мишна, *Синедріонъ*, VI, 5 и 6.

4) Вѣроятно то же, что Рама Самуила, въ колѣнѣ Ефраимовомъ.

5) Матѳея, XXVII, 57 и сл.; Марка, XV, 42 и слѣд.; Луки, XXIII, 50 и сл.; Іоанна, XIX, 38 и слѣд.

й того времени предписывалъ выдавать трупъ казненнаго му, кто его потребуетъ [1]). Пилатъ, которому не были извѣны подробности вторичной казни помощью crurifragium, удился тому, что Іисусъ такъ быстро умеръ, и позвалъ сотника, торый распоряжался казнью, чтобы узнать отъ него, какъ ыло дѣло. Получивъ надлежащее удостовѣреніе отъ сотника, илатъ далъ свое согласіе на просьбу Іосифа. Тѣмъ временемъ ѣло, вѣроятно, уже было снято съ креста. Его выдали Іоифу въ полное его распоряженіе.

Другой тайный другъ Іисуса, Никодимъ [2]), который, акъ мы видѣли, однажды уже употреблялъ свое вліяніе ъ пользу Іисуса, также явился въ этотъ моментъ. Онъ дотавилъ обильный запасъ веществъ, необходимыхъ для бальамированія. Іосифъ и Никодимъ приготовили тѣло Іисуса ъ погребенію по еврейскому обычаю, то-есть завернули го въ саванъ съ миррой и алоэ. Тутъ же присутствовали галилейскія жены [3]), которыя, безъ сомнѣнія, плакали и оглашали воздухъ пронзительными криками скорби.

Было уже поздно и все это происходило съ большой попѣшностью. Мѣсто для окончательнаго погребенія не было ще въ то время выбрано. Сверхъ того, перенесеніе тѣла могло ы затянуться до поздняго часа и тогда пришлось бы нарушить субботу; между тѣмъ ученики въ то время соблюдали ще вполнѣ добросовѣстно предписанія еврейскаго закона. Поэтому рѣшились положить тѣло въ временной гробницѣ [4]). акая находилась по близости, въ саду, въ недавно высѣченной ъ скалѣ пещерѣ, и еще не была въ употребленіи. Вѣроятно на принадлежала кому либо изъ послѣдователей Іисуса [5]).

---

1) Digeste, XLVII, XXIV, De cadaveribus punitorum.

2) Іоанна, XIX, 39 и слѣд.

3) Матѳея, XXVII, 61; Марка, XV, 47; Луки, XXIII, 55.

4) Іоанна, XIX, 41—42.

5) По преданію (Матѳея, XXVII, 60), собственникомъ этой пещеры былъ мъ Іосифъ Аримаѳейскій.

Погребальные гроты, если они предназначались лишь для одного трупа, состояли изъ небольшого покоя, въ глубинѣ котораго мѣсто для тѣла устраивалось въ видѣ выступа, или ниши, высѣченной въ стѣнѣ и увѣнчанной аркою [1]). Такъ какъ такого рода гроты устраивались съ нависшей стороны утеса, то входъ въ нихъ находился на уровнѣ земли; вмѣсто двери входъ обыкновенно заваливали большимъ, тяжелымъ камнемъ. Въ такой пещерѣ и положили тѣло Іисуса [2]); ко входу въ нее прикатили камень и условились вернуться для болѣе полнаго погребенія. Но слѣдующій день былъ субботой, имѣвшій особенно торжественный характеръ, и потому погребеніе было отложено до послѣ-завтра [3]).

Женщины удалились, замѣтивъ хорошенько, какъ тѣло было положено. Оставшіеся свободные часы этого вечера пошли на новыя приготовленія для бальзамированія. Въ субботу всѣ отдыхали [4]).

Въ воскресенье утромъ жены (Марія изъ Магдалы раньше прочихъ) пришли къ гробницѣ очень рано [5]). Камень у входа былъ отваленъ и тѣла не было въ томъ мѣстѣ, гдѣ его по-

---

[1]) Пещера, которая считалась въ эпоху Константина могилой Христа, была именно такой формы, насколько можно судить, по описанію Аркульфа (у Мабилльона, Acta S. S. Ord. S. Benedict., отд. III, ч. II, стр. 504) и по смутнымъ преданіямъ, которыя сохранились у греческаго духовенства въ Іерусалимѣ относительно состоянія скалы, въ настоящее время скрытой подъ небольшимъ сооруженіемъ Гроба Господня. Но тѣ доказательства, на которыхъ при Константинѣ основывались, принимая эту гробницу за ту именно, гдѣ былъ погребенъ Христосъ, были очень слабы, или ихъ вовсе не было (см. въ особенности у Созомена, H. E., II, 1). Если бы даже допустить, что мѣстоположеніе Голгоѳы приблизительно точно установлено, то все же мѣстоположеніе Гроба Господня вслѣдствіе этого не получитъ въ свою пользу сколько-нибудь серьезныхъ доводовъ. Во всякомъ случаѣ, внѣшній видъ этихъ мѣстъ совершенно измѣнился.

[2]) 1 посл. къ Коринѳ., XV, 4.

[3]) Луки, XXIII, 56.

[4]) Луки, XXIII, 54—56.

[5]) Матѳея, XXVIII, 1; Марка, XVI, 1; Луки, XXIV, 1; Іоанна, XX, 1.

ложили. Въ то же время во всей христіанской общинѣ распространились самые странные слухи. Крикъ: „Онъ воскресъ!“, какъ молнія, пробѣжалъ среди учениковъ. Любовь къ Іисусу давала всюду легкій доступъ этому извѣстію. Что же произошло на самомъ дѣлѣ? Вопросъ этотъ мы изслѣдуемъ при обработкѣ исторіи апостоловъ и разслѣдованіи источниковъ происхожденія легендъ, относящихся къ воскресенію изъ мертвыхъ. Для историка жизнь Іисуса кончается съ его послѣднимъ вздохомъ. Но слѣдъ, оставленный Іисусомъ въ сердцахъ его учениковъ и нѣкоторыхъ изъ его преданныхъ друзей, былъ такъ глубокъ, что въ теченіе многихъ недѣль онъ все еще какъ бы жилъ съ ними и утѣшалъ ихъ. Кто могъ бы похитить тѣло Іисуса [1])? При какихъ условіяхъ энтузіазмъ, всегда легковѣрный, могъ создать всю совокупность разсказовъ, которыми устанавливалась вѣра въ воскресеніе? Этого мы никогда не будемъ знать, за отсутствіемъ какихъ бы то ни было документовъ. Замѣтимъ, однако, что въ этомъ играла видную роль [2]) сильная фантазія Маріи Магдалины [3]). Божественная сила любви! благословенны тѣ моменты, въ которые страстное чувство галлюцинирующей женщины дало міру воскресшаго Бога!

---

[1]) См. Матѳея, XXVIII, 15; Іоанна, XX, 2.

[2]) Это въ особенности чувствуется въ ст. 9 и слѣд. главы XVI Евангелія отъ Марка. Эти стихи составляютъ заключеніе второго Евангелія, которое разнится съ заключительнымъ характеромъ ст. 1—8 главы XVI; этими послѣдними и заканчивается рукопись *B* въ Ватиканѣ и Codex Sinaïticus. По четвертому Евангелію (XX, 1—2, 11 и слѣд., 18), Марія Магдалина была также и единственной первой свидѣтельницей воскресенія.

[3]) Она была одержима семью бѣсами (Марка, XVI, 9; Луки, VIII, 2).

ГЛАВА XXVII

Участь враговъ Іисуса

По принятому нами исчисленію, смерть Іисуса приходится на 33 годъ нашей эры [1]). Во всякомъ случаѣ, она не могла послѣдовать раньше 29 года, такъ какъ проповѣдь Іоанна и Іисуса началась только въ 28 году [2]), и не позднѣе 35 года, ибо въ 36 и, повидимому, именно передъ Пасхой Пилатъ и Каіафа оба лишились своихъ мѣстъ [3]). Впрочемъ смерть Іисуса не имѣла никакого отношенія къ этимъ смѣщеніямъ [4]). Получивъ отставку, Пилатъ, вѣроятно, совсѣмъ и не думалъ объ эпизодѣ, которому суждено было передать его печальную славу самому отдаленному потомству. Что касается Каіафы, то преемникомъ его былъ Іонаѳанъ, его шуринъ, сынъ того самаго Анны, который игралъ главную роль въ судѣ надъ Іисусомъ. Саддукейская фамилія Анны еще долго не выпускала перво-

---

[1]) 33 годъ вполнѣ соотвѣтствуетъ одному изъ условій задачи, ибо 14 число низана въ этомъ году приходится на пятницу. Если отвергнуть этотъ годъ и найти другой, удовлетворяющій тому же условію, то придется годъ смерти Іисуса отнести или назадъ, раньше 29 г., или впередъ, позднѣе 36 г. См. выше стр. 289, примѣч. 6.

[2]) Луки, III, 1.

[3]) Іосифъ, Ant., XVIII, IV, 2 и 3.

[4]) Противуположное увѣреніе Тертулліана и Евсевія основано на апокрифѣ, или на легендѣ, не имѣющей никакой достовѣрности. (См. Ѳилонъ, Cod. apocr. N. T., стр. 813 и слѣд.) Самоубійство Пилата (Евсевій, H. E., II, 7; Chron. ad ann. I Caiї) носитъ также легендарный характеръ (Тишендорфъ, Evang. apocr., стр. 432 и слѣд.).

священничество изъ своихъ рукъ и, сдѣлавшись могущественнѣе, нежели когда либо, не переставала вести съ учениками и фамиліей Іисуса ожесточенную борьбу, начатую еще противъ самого основателя христіанства. Христіанство, обязанное ей заключительнымъ актомъ своего основанія, было ей обязано и первыми своими мучениками. Анна считался однимъ изъ счастливѣйшихъ людей своего вѣка [1]). Истинный виновникъ смерти Іисуса, онъ кончилъ жизнь на высотѣ почестей и всеобщаго уваженія, не сомнѣваясь ни на минуту въ томъ, что онъ оказалъ крупныя услуги своей націи. Сыновья его продолжали господствовать среди аристократіи храма, едва сдерживаемые прокураторами и нерѣдко обходясь безъ ихъ согласія въ дѣлѣ удовлетворенія своей жестокости и высокомѣрія [2]). Антипа и Иродіады также скоро сошли съ политической сцены. Когда Иродъ Агриппа былъ возведенъ въ царское достоинство Калигулой, ревнивая Иродіада поклялась, что будетъ тоже царицей. Подъ постояннымъ давленіемъ со стороны этой самолюбивой женщины, которая обходилась съ нимъ, какъ съ трусомъ, за то, что онъ терпѣлъ старшаго въ своемъ родѣ, Антипа преодолѣлъ свою природную инертность и отправился въ Римъ выхлопотать себѣ такой же титулъ, какой получилъ его племянникъ (39 г. новой эры). Но дѣло повернулось какъ нельзя быть хуже. Иродъ Агриппа повредилъ ему во мнѣніи императора, Антипа былъ низложенъ и влачилъ остатки своей жизни въ изгнаніи, переѣзжая съ мѣста на мѣсто, въ Ліонъ, въ Испанію. Иродіада раздѣляла съ нимъ эту немилость [3]). Должны были пройти еще сто лѣтъ, прежде нежели имя одного изъ неизвѣстныхъ подданныхъ ихъ, ставшаго Богомъ, дошло до этихъ отдаленныхъ странъ и надъ могилами этихъ людей напомнило объ убійствѣ ими Іоанна Крестителя.

---

1) Іосифъ, Ant., XX, IX, 1.
2) Іосифъ, loc. cit.; Тосифта *Менахотъ*, II.
3) Іосифъ, Ant., XVIII, VII, 1, 2; B. I., II, IX, 6.

По поводу смерти несчастнаго Іуды изъ Керіота ходили страшныя легенды. Увѣряли, что цѣной своего предательства онъ купилъ поле гдѣ-то въ окрестностяхъ Іерусалима. Къ югу отъ Сіона дѣйствительно существовала мѣстность, называвшаяся *Хакельдама* [1]) (поле крови). Полагали, что это и была собственность, пріобрѣтенная предателемъ [2]). Преданіе говоритъ, что онъ покончилъ самоубійствомъ [3]). По другому преданію, на этомъ полѣ его постигло несчастіе: онъ упалъ и внутренности его при этомъ выпали на землю [4]). Наконецъ, по словамъ третьяго преданія, онъ умеръ отъ водянки, сопровождавшейся такими отвратительными явленіями, что болѣзнь его всѣ считали небесной карой [5]). Въ основѣ всѣхъ этихъ легендъ лежало желаніе изобразить Іуду на подобіе Ахитофеля [6]) и показать на немъ, какъ осуществляются угрозы Псалмопѣвца по поводу коварно измѣнившаго друга [7]). Быть можетъ, уединившись на своемъ полѣ Хакельдама, Іуда велъ въ неизвѣстности мирный образъ жизни, въ то время какъ его бывшіе друзья подготовляли завоеваніе міра и распространяли въ немъ слухъ объ его позорѣ. Быть можетъ также,

---

1) Св. Іеремія, De situ et nom. loc. hebr., на слово *Ахельдама*. Евсевій (тамъ же) указываетъ это мѣсго къ сѣверу отъ Сіона. Но путеводители подтверждаютъ указанія св. Іереміи. Преданіе, по которому Хакельдамой называлось кладбище, расположенное въ долинѣ Хинномъ, относится, по меньшей мѣрѣ, къ эпохѣ Константина.

2) Дѣянія, I, 18—19. Матѳей, или вѣрнѣе его переписчикъ, придалъ этому преданію нѣсколько иной характеръ, съ цѣлью связать съ нимъ происхожденіе кладбища для чужестранцевъ, находившееся неподалеку, и найти въ этомъ оправданіе изреченію Захаріи, XI, 12—13.

3) Матѳея, XXVII, 3.

4) Дѣянія, l. c.; Папій, у Экуменія, Enarr. in Act. Apost., II, и у Фр. Мюнтера, Fragm. Patrum graec., (Hafniae, 1788), fasc. I, стр. 17 и слѣд. Ѳеофилактъ, In Matth., XXVII, 5.

5) Папій, у Мюнтера, l. c.; Ѳеофилактъ, l. c.

6) 2 кн. Самуила, XVII, 23.

7) Псалтырь, LXIX и CIX.

что страшная ненависть, обрушившаяся на него, довела его до крайности, въ которой былъ усмотрѣнъ перстъ Божій.

Но эпоха великой мести со стороны христіанства должна была наступить еще очень не скоро. Новая секта была не причемъ въ той катастрофѣ, которую вскорѣ суждено было іудаизму испытать на себѣ. Синагога поняла лишь много позже, какой опасности подвергается тотъ, кто руководствуется нетерпимостью. Конечно, имперія была еще болѣе далека отъ подозрѣнія, что уже народился ея будущій разрушитель. Ей суждено было идти своимъ путемъ еще около трехъсотъ лѣтъ, не вѣдая, что рядомъ съ ней вырабатываются принципы, которымъ было предназначено преобразовать человѣчество. Идея Іисуса, теократическая и демократическая въ одно и то же время, будучи брошена въ міръ, вмѣстѣ съ нашествіемъ Германцевъ, послужила одной изъ наиболѣе активныхъ причинъ распаденія дѣла, созданнаго Цезарями. Съ одной стороны—было возвѣщено право всѣхъ людей принять участіе въ царствѣ Божіемъ. Съ другой стороны—съ этого времени религія въ принципѣ отдѣлилась отъ государства. Права совѣсти, неподчиненныя политическому закону, создаютъ новую силу, „духовную власть". Сила эта не одинъ разъ со времени своего происхожденія должна была уклониться отъ правды; въ теченіе многихъ вѣковъ епископы были князьями, а папа—королемъ. Эта предполагаемая имперія душъ неоднократно проявляла себя въ видѣ ужасной тираніи, пользуясь, какъ средствами для своего сохраненія, пыткой и костромъ. Но настанетъ день, когда отдѣленіе церкви отъ государства принесетъ свои плоды, когда владычество въ сферѣ духа будетъ называться не „властью", а „свободой". Христіанство, порожденное идеей человѣка изъ народа, развившееся на глазахъ народа, привлекшее къ себѣ прежде всего любовь и восхищеніе народа, носило на себѣ отпечатокъ оригинальности, который никогда не изгладится. Это было первое торжество революціи, побѣда народнаго чувства,

выступленіе смиренныхъ сердцемъ, тріумфъ прекраснаго, какъ его понимаетъ народъ. Такимъ образомъ, Іисусъ пробилъ брешь въ аристократическихъ обществахъ античнаго міра и открылъ черезъ нее доступъ всему міру.

Дѣйствительно, какъ ни мало была повинна въ смерти Іисуса гражданская власть (она только утвердила его приговоръ, и то вопреки своему желанію), ей все-таки пришлось нести на себѣ за это тяжелую отвѣтственность. Играя роль начальства въ трагедіи на Голгоѳѣ, государство нанесло самому себѣ самый тяжкій ударъ. Легенда, полная всякаго рода непочтительности къ начальству, взяла верхъ надъ всѣмъ и облетѣла весь свѣтъ, и въ этой легендѣ установленныя власти исполняютъ гнусную роль: обвиняемый совершенно правъ, а судьи и полиція составляютъ сообщество, направленное противъ истины. Исторія Страстей, въ высшей степени возмутительная, распространившись въ тысячахъ популярныхъ образовъ, рисуетъ, какъ римскіе орлы санкціонировали самую несправедливую изъ всѣхъ казней, какъ римскіе воины приводили ее въ исполненіе, а римскій префектъ отдалъ приказаніе ее совершить. Какой ударъ всѣмъ установленнымъ властямъ! Имъ уже не суждено никогда оправиться отъ него. Какъ можетъ тотъ, у кого на совѣсти тяготѣетъ великая Геѳсиманская ошибка, принимать на себя по отношенію къ бѣдному люду видъ непогрѣшимости[1])?

---

[1]) Это народное чувство было еще живо въ Бретани, въ эпоху моего дѣтства. На всякаго жандарма здѣсь смотрѣли, какъ въ другихъ мѣстностяхъ смотрятъ на еврея, съ нѣкоторымъ набожнымъ отвращеніемъ; вѣдь никто иной, какъ жандармы, арестовали Іисуса!

ГЛАВА XXVIII

Существенныя черты дѣла Іисуса

Какъ мы видѣли, Іисусъ никогда не распространялъ своей дѣятельности за предѣлы іудаизма. Хотя симпатія его ко всѣмъ отверженцамъ правовѣрія побуждала его допустить язычниковъ въ царство Божіе, хотя онъ не разъ посѣщалъ языческія страны и жилъ въ нихъ, хотя одинъ или два раза отмѣчается его благосклонное отношеніе къ невѣрнымъ [1]), все же можно сказать, что жизнь его вся цѣликомъ протекла въ небольшомъ, тѣсно замкнутомъ мірѣ, въ которомъ онъ родился. Греческія и римскія страны о немъ и не слыхивали; имя его появляется у свѣтскихъ авторовъ лишь спустя сто лѣтъ и то лишь косвенно, по поводу бунтовъ, вызванныхъ его ученіемъ, или преслѣдованій, которымъ подвергались его ученики [2]). Въ нѣдрахъ самаго іудаизма Іисусъ не произвелъ также сколько нибудь сильнаго впечатлѣнія. Филонъ, умершій около 50 г., не имѣлъ о немъ ни малѣйшаго понятія. Іосифъ, родившійся въ 37 г., упоминаетъ объ его казни лишь въ нѣсколькихъ строкахъ [3]), какъ объ явленіи второстепенной важности; перечисляя секты своей эпохи, онъ даже пропускаетъ христіанъ [4]). Юстъ Тиверіадскій, историкъ, современный Іосифу,

---

1) Матѳея, VIII, 5 и сл.; Луки, VII, 1 и сл.; Іоанна, XII, 20 и сл. Ср. Іосифъ, Ant., XVIII, III, 3.

2) Тацитъ, Ann., XV, 45; Светоній, *Клавдій*, 25.

3) Ant., XVIII, III, 3. Это мѣсто было передѣлано рукой христіанина.

4) Ant., XVIII, 1; B. I., II, VIII; Vita, 2.

даже не называетъ Іисуса по-имени [1]). Съ другой стороны, и въ *Мишнѣ* нѣтъ ни слѣда новаго ученія; соотвѣтствующія мѣста въ двухъ Гемарахъ, гдѣ основатель христіанства названъ по-имени, были редактированы не раньше IV или V вѣковъ [2]). Существо дѣла Іисуса заключалось въ томъ, чтобы создать вокругъ себя кругъ учениковъ, которымъ онъ внушилъ безграничную привязанность къ себѣ, и въ грудь которыхъ онъ заронилъ зародышъ своего ученія. Заставить полюбить себя „до такой степени, чтобы и послѣ смерти его не переставали бы любить", таково было мастерское дѣло Іисуса и именно это болѣе всего поражало его современниковъ [3]). Ученіе его было до такой степени мало догматичнымъ, что онъ никогда не подумалъ записать его, или поручить сдѣлать это другимъ. Человѣкъ дѣлался его ученикомъ не потому, что вѣрилъ въ то или другое, но потому что привязывался къ его личности и начиналъ его любить. Все, что осталось отъ него, это нѣсколько сентенцій, собранныхъ по памяти его слушателями, и, въ особенности, его нравственный типъ и произведенное имъ впечатлѣніе. Іисусъ не былъ основателемъ догматовъ, создателемъ символовъ; онъ былъ иниціаторомъ міра, проникнутаго новымъ духомъ. Менѣе всего были христіанами, съ одной стороны, учители греческой Церкви, которые, начиная съ IV вѣка, увлекли христіанство на путь наивныхъ метафизическихъ словопреній, и, съ другой стороны, схоластики латинскихъ среднихъ вѣковъ, пожелавшіе извлечь изъ Евангелія тысячи пунктовъ одной ко-

---

[1]) Фотій, Bibl., cod. XXXIII.

[2]) Іерусал. Талм., *Синедріонъ*, XIV, 16. *Авода цара*, II, 2; *Шаббатъ*, XIV, 4; Вавил. Талм., *Синедріонъ*, 43a, 67a; *Шаббатъ*, 104 в, 116 в. Ср. *Шагига*, 4 в; *Гиттинъ*, 57a, 90a. Обѣ Гемары заимствуютъ большую часть своихъ данныхъ объ Іисусѣ въ одной шуточной и непристойной легендѣ, вымышленной противниками христіанства и не имѣющей историческаго значенія. Ср. Оригенъ, Contre celse, I, 28, 32.

[3]) Іосифъ, Ant., XVIII, III, 3.

лоссальной „Соммы“. Быть христіаниномъ означало въ первыя времена христіанства—прилѣпиться къ Іисусу съ тѣмъ, чтобы удостоиться царства Божія.

Послѣ этого понятно, какимъ образомъ, благодаря своей исключительной судьбѣ, чистое христіанство до-нынѣ, по прошествіи восемнадцати вѣковъ, сохраняетъ характеръ всеобщей и вѣчной религіи. Это потому, что, дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ религія Іисуса представляется окончательной. Христіанство, какъ результатъ совершенно самобытнаго духовнаго движенія, отрѣшившись съ самаго своего рожденія отъ всякихъ догматическихъ рамокъ, выдержавъ трехсотъ-лѣтнюю борьбу за свободу совѣсти, несмотря на всѣ послѣдующія свои паденія, до сихъ поръ пожинаетъ плоды столь выдающагося своего происхожденія. Чтобы обновиться, ему остается лишь вернуться къ Евангелію. Царство Божіе въ нашемъ познаніи значительно отличается отъ сверхъестественнаго пришествія, которое, по понятіямъ первыхъ христіанъ, должно было явиться въ облакахъ. Но чувство, которое Іисусъ внесъ въ міръ, то самое, что и у насъ. Его совершенный идеализмъ есть высшее правило жизни добродѣтельной и полной отрѣшенія. Онъ создалъ небо чистыхъ душъ, гдѣ находится то, чего тщетно ищутъ на землѣ, совершеннѣйшее благородство дѣтей Божіихъ, полная святость, полное отрѣшеніе отъ мірской грязи, наконецъ свобода, которую реальное общество исключаетъ, какъ нѣчто недостижимое, и которая можетъ имѣть всю свою полноту только лишь въ области мысли. И великимъ учителемъ тѣхъ, кто находитъ себѣ прибѣжище въ этомъ идеальномъ раѣ, является опять-таки Іисусъ. Онъ первый возвѣстилъ царство духа; онъ первый возвѣстилъ и притомъ своими дѣлами: „царство мое не отъ міра сего“. Ему принадлежитъ, конечно, основаніе истинной религіи. Послѣ него остается лишь развивать ее и заставлять ее приносить свои плоды.

Такимъ образомъ, „христіанство“ сдѣлалось почти сино-

нимомъ „религіи“. Все, что будетъ совершаться внѣ этой великой и прекрасной христіанской традиціи, останется безплоднымъ. Іисусъ создалъ въ человѣчествѣ религію, какъ Сократъ создалъ въ немъ философію, Аристотель — науку. Философія существовала и до Сократа, какъ наука—до Аристотеля. Со временъ Сократа и Аристотеля философія и наука сдѣлали громадные успѣхи, но все было основано на томъ фундаментѣ, который они заложили. Точно также до Іисуса религіозная мысль претерпѣла нѣсколько переворотовъ; со временъ Іисуса она сдѣлала великія пріобрѣтенія, но тѣмъ не менѣе человѣчество не вышло и не выйдетъ изъ существа, созданнаго Іисусомъ: онъ установилъ навсегда способъ, какимъ слѣдуетъ познавать чистый культъ. Религія Іисуса не имѣетъ границъ. У Церкви были свои эпохи и фазы: она замкнулась въ символахъ, которые имѣли или будутъ имѣть лишь одну эпоху: Іисусъ же основалъ религію абсолютную, которая ничего не исключаетъ, которая ничего не опредѣляетъ кромѣ развѣ чувства. Его символы—не установленные догматы; это образы, которые могутъ подлежать самымъ безконечнымъ толкованіямъ. Тщетно старались найти въ евангеліи богословскую предпосылку. Всѣ вѣроисповѣданія представляютъ собой идею Іисуса въ различномъ одѣяніи, почти также какъ средневѣковая схоластика, провозглашая Аристотеля единственнымъ творцомъ законченной науки, извращала въ то же время мысль Аристотеля. Если бы Аристотель могъ присутствовать при преніяхъ, которыя вела эта школа, онъ отвергнулъ бы ея узкую доктрину; онъ всталъ бы на сторонѣ прогрессивной партіи ученыхъ противъ рутины, прикрывавшейся его авторитетомъ, и апплодировалъ бы ея противникамъ. Точно также, если бы Іисусъ вернулся и жилъ среди насъ, онъ призналъ бы своими учениками не тѣхъ, кто пытается замкнуть всего его цѣликомъ въ нѣсколько фразъ катехизиса, но тѣхъ, кто продолжаетъ его дѣло. Во всѣхъ великихъ орденахъ вѣчная слава принадлежитъ тѣмъ, кто по-

ложилъ первый камень. Возможно, что въ „Физикѣ“ и „Метеорологіи“ нашего времени не найдется ни одного слова изъ трактатовъ Аристотеля, озаглавленныхъ этими словами; и тѣмъ не менѣе Аристотель остается основателемъ естествовѣдѣнія. Каковы бы ни были преобразованія догмата, Іисусъ останется въ религіи создателемъ чистаго чувства; нагорную проповѣдь ничто не превзойдетъ. Никакой переворотъ не уничтожитъ нашей связи съ той великой интеллектуальной и моральной семьей, во главѣ которой сіяетъ имя Іисуса. Въ этомъ смыслѣ мы остаемся христіанами, даже когда расходимся почти во всѣхъ пунктахъ съ христіанскимъ преданіемъ, которое намъ завѣщано прошлымъ.

И это великое дѣло было личнымъ дѣломъ Іисуса. Для того, чтобы заставить до такой степени обожать себя, нужно заслуживать обожаніе. Любовь не можетъ существовать безъ объекта, способнаго ее зажечь и если бы даже мы не знали объ Іисусѣ ничего, кромѣ той страстной любви, которую онъ внушалъ къ себѣ окружающимъ, то этого было бы достаточно для насъ, чтобы утверждать, что онъ былъ великъ и чистъ. Вѣра, энтузіазмъ, стойкость перваго христіанскаго поколѣнія объясняются только предположеніемъ, что все движеніе было обязано своимъ происхожденіемъ личности колоссальныхъ размѣровъ. Изслѣдуя чудесныя дѣла эпохи вѣры, наша мысль получаетъ два впечатлѣнія, одинаково роковыя для вѣрной исторической критики. Съ одной стороны, является побужденіе признавать эти дѣла безличными, приписывать коллективному воздѣйствію то, что составляетъ дѣло личной могучей воли и высокаго ума. Съ другой стороны, мысль отказывается признать такими же обыкновенными людьми, какъ и мы, виновниковъ этихъ необычайныхъ движеній, рѣшившихъ судьбы человѣчества. Но возьмемъ силы, скрытыя въ природѣ человѣка въ болѣе широкомъ смыслѣ. Наши цивилизаціи, управляемыя полицейской регламентаціей, не могутъ имѣть отдаленнаго представленія о томъ, что значила лич-

ность въ эпоху, когда для развитія оригинальности каждаго человѣка представлялось самое широкое и свободное поприще. Возможно ли предположить, чтобы въ какой нибудь каменоломнѣ по сосѣдству съ какой нибудь столицей нашей эпохи поселился отшельникъ, который временами являлся бы оттуда во дворецъ государей, не обращая вниманія на стражу, и повелительнымъ тономъ возвѣщалъ бы царю, что приближается переворотъ, вызванный его проповѣдью. Самая мысль о возможнсcти въ наше время подобнаго факта вызываетъ у насъ усмѣшку. Между тѣмъ таковъ былъ пророкъ Илія. Илія Ѳезбитъ нашего времени не прошелъ бы даже за рѣшетку Тюльери. Не менѣе не понятны при соціальныхъ условіяхъ, въ которыхъ мы живемъ, проповѣдь Іисуса и его свободная дѣятельность въ Галилеѣ. Будучи свободны отъ нашей условной вѣжливости, не получивъ, подобно намъ, однообразнаго воспитанія, которое такъ ограничиваетъ нашу индивидуальность, эти цѣльныя натуры вносили въ свою дѣятельность поразительную энергію. Они представляются намъ гигантами героической эпохи, лишенными всякой реальности. Какое глубокое заблужденіе! Люди эти были нашими братьями; они были нашего роста, чувствовали и мыслили также, какъ мы. Но дыханіе Бога свободно доходило къ нимъ, у насъ же оно сковано желѣзными цѣпями мѣщанскаго общества и осуждено на безнадежную посредственность.

Поэтому, поставимъ личность Іисуса на высшую точку человѣческаго величія. Не дадимъ преувеличенному недовѣрію къ легендѣ, которая постоянно вводитъ насъ въ міръ сверхъестественнаго, поселить въ насъ заблужденіе. Жизнь Франциска Ассизскаго тоже вся соткана изъ чудесъ. Сомнѣвался ли кто-либо на этомъ основаніи въ существованіи и роли Франциска Ассизскаго? Не будемъ доказывать, что слава основанія христіанства должна принадлежать толпѣ первыхъ христіанъ, а не тому, кого обоготворила легенда. Неравенство людей на Востокѣ выражено гораздо рѣзче,

чѣмъ у насъ. Тамъ мы нерѣдко можемъ встрѣтить въ общей атмосферѣ злобы такіе характеры, вліяніе которыхъ насъ приводитъ въ изумленіе. Іисусъ не только далеко не былъ созданъ своими учениками, но представляется неизмѣримо выше ихъ во всѣхъ отношеніяхъ. Они были, за исключеніемъ св. Павла и, быть можетъ, св. Іоанна, людьми безъ инициіативы, и безъ идеальности. Самъ св. Павелъ не выдерживаетъ никакого сравненія съ Іисусомъ, что же касается св. Іоанна, то въ своемъ Апокалипсисѣ онъ только вдохновлялся поэзіей Іисуса. Отсюда неизмѣримое превосходство Евангелія надъ всѣми книгами Новаго Завѣта. Отсюда то ощущеніе тягостнаго паденія, которое испытываешь, переходя отъ исторіи Іисуса къ исторіи апостоловъ. Сами евангелисты, завѣщавшіе намъ образъ Іисуса, настолько ниже того, о комъ говорятъ, что безпрестанно искажаютъ его, не будучи способны возвыситься до него. Ихъ сочиненія полны заблужденій и противорѣчій. Въ каждой строкѣ проглядываетъ оригиналъ, обладающій божественной красотой, противъ котораго грѣшатъ редакторы, не понимающіе его и потому подставляющіе собственныя мысли на мѣсто идей, лишь на половину доступныхъ ихъ пониманію. Въ общемъ характеръ Іисуса не только не приукрашенъ, а скорѣе умаленъ его біографами. Для того, чтобы возстановить его соотвѣтственно дѣйствительности, критикѣ приходится очистить его отъ цѣлаго ряда недоразумѣній, источникомъ которыхъ является посредственный умъ его учениковъ.

Я знаю, что наши современные принципы не разъ чувствовали себя оскорбленными легендой, созданной иной расой, подъ другимъ небомъ, среди другихъ соціальныхъ условій. Бываютъ добродѣтели, которыя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ болѣе соотвѣтствуютъ нашимъ вкусамъ. Честный и кроткій Маркъ Аврелій, смиренный и нѣжный Спиноза не думали, что они могутъ совершать чудеса, и потому избѣгнули нѣкоторыхъ изъ заблужденій, которыя раздѣлялъ Іисусъ.

Спиноза въ своей глубокой темнотѣ обладалъ преимуществомъ, котораго Іисусъ не добивался. Благодаря нашей крайней разборчивости въ выборѣ средствъ для убѣжденія, благодаря нашей абсолютной добросовѣстности и нашей безпристрастной любви къ чистой идеѣ, всѣ мы, посвятившіе нашу жизнь наукѣ, основали новый идеалъ нравственности. Но оцѣнка, которую дѣлаетъ всеобщая исторія, не должна ограничиваться разборомъ личныхъ заслугъ. Маркъ Аврелій и его благородные учителя не имѣли длительнаго вліянія на міръ. Маркъ Аврелій оставилъ по себѣ превосходныя книги, негоднаго сына, разрушающійся міръ. Іисусъ остается для человѣчества неистощимымъ источникомъ нравственныхъ возрожденій. Для большинства человѣчества одной философіи недостаточно. Ему надо святости. Аполлоній Тіанскій съ своей чудесной легендой долженъ былъ имѣть больше успѣха, нежели Сократъ съ своимъ холоднымъ разсудкомъ. „Сократъ оставляетъ людей на землѣ; Аполлоній переноситъ ихъ на небеса. Сократъ не болѣе, какъ мудрецъ, Аполлоній богъ“ [1]. Вплоть до нашихъ временъ религія никогда не существовала безъ доли аскетизма, набожности, чудеснаго. Когда послѣ Антоніевъ явилось желаніе создать религію изъ Философіи, то пришлось преобразить философовъ въ святыхъ, написать „Vie edifiante“ Пиѳагора и Плотина, навязать имъ легенду, добродѣтели воздержанія и созерцательности, сверхъестественную силу, безъ чего современный имъ вѣкъ не признавалъ ихъ авторитета.

Итакъ, не будемъ искажать исторію для удовлетворенія нашей мѣщанской щепетильности. Кто изъ насъ, пигмеевъ, могъ совершить то, что совершили необузданный Францискъ Ассизскій, истерическая св. Тереза? Пусть медицинѣ извѣстны термины для опредѣленія этихъ великихъ отклоненій отъ че-

---

[1]) Филостратъ, Жизнь Аполлонія, IV, 2; VII, 11; VIII, 7; Евнапъ, Жизнь софистовъ, стр. 454, 500 (изд. Didot).

вѣческой природы; пусть она утверждаетъ, что геній есть ушевная болѣзнь; пусть она видитъ въ извѣстной нравственой чуткости начальную степень этизіи; пусть она относитъ энтузіазмъ и любовь къ нервнымъ припадкамъ, — что амъ за дѣло? Слова „святой“ и „больной“ имѣютъ лишь относительное значеніе. Кто бы не предпочелъ быть больнымъ Паскалемъ, нежели здоровымъ дюжиннымъ человѣкомъ? Узкія тенденціи, распространившіяся въ наше время относительно безумія, вносятъ самыя серьезныя заблужденія въ наши историческія сужденія о вопросахъ этого рода. Состояніе, въ которомъ произносятся безсознательныя рѣчи, въ которомъ мысль рождается безъ участія и управленія воли, въ настоящее время является достаточнымъ поводомъ, для того чтобы человѣка, подверженнаго ему, удаляли изъ общества, какъ галлюцинанта. Прежде это называлось пророчествомъ и вдохновеніемъ. Прекраснѣйшія явленія міра были порождаемы приступами лихорадки; каждый выдающійся творческій актъ сопряженъ съ нарушеніемъ равновѣсія; по закону природы являются насильственнымъ актомъ.

Конечно, мы признаемъ, что христіанство дѣло слишкомъ сложное для того, чтобы оно могло быть совершено однимъ человѣкомъ. Въ извѣстномъ смыслѣ все человѣчество было здѣсь сотрудникомъ. Нѣтъ такого общества, какъ бы оно ни было замкнуто, куда не доходило бы ни малѣйшаго дуновенія вѣтра извнѣ. Исторія полна удивительныхъ синхронизмовъ, которые доказываютъ, что различные отдѣлы рода человѣческаго, не сообщаясь между собою, чрезвычайно удаленные одинъ отъ другого, одновременно приходили къ однѣмъ и тѣмъ же идеямъ, и къ фантазіямъ, почти вполнѣ тожественнымъ между собой. Въ XIII вѣкѣ латины, греки, сирійцы, евреи, мусульмане создаютъ схоластику, и притомъ одну и ту же схоластику отъ Іорка до Самарканда; въ XIV вѣкѣ весь міръ получаетъ склонность къ мистической аллегоріи, въ Италіи, Персіи, Индіи; въ XVI вѣкѣ искусство раз-

вивается почти одинаковымъ образомъ въ Италіи и въ сердцѣ Великихъ Моголовъ, хотя св. Ѳома, Варевреусъ, нарбоннскіе раввины, багдадскіе *мотекаллеминъ* не знали другъ о другѣ, хотя Данте и Петрарка не видывали ни единаго *суфи*, хотя ни одинъ изъ воспитанниковъ школъ Перузы и Флоренціи не бывалъ никогда въ Дели. Словно эпидеміи проносятся въ мірѣ, великія вліянія, не стѣсняясь ни границами, ни расами. Обращеніе идей въ человѣческомъ родѣ происходитъ не только при посредствѣ книгъ, или непосредственнаго обученія. Іисусъ не зналъ даже по-имени ни Будды, ни Зороастра, ни Платона; онъ никогда не прочелъ ни одной греческой книги, ни одной буддійской *сутры*, а между тѣмъ безъ его вѣдома у него находятся элементы, взятые у буддизма, парсизма, у греческой мудрости. Все это передавалось по тайнымъ каналамъ и по той нѣкотораго рода симпатіи, которая существуетъ между различными отдѣлами человѣчества. Великій человѣкъ, съ одной стороны, все получаетъ отъ своей эпохи, а, съ другой стороны, господствуетъ надъ нею. Показать, что религія, основанная Іисусомъ, была естественнымъ слѣдствіемъ всего предшествовавшаго, не значитъ умалить ея значеніе; это значитъ лишь доказать, что она имѣла свои разумныя основанія, была законной, то-есть соотвѣтствовала инстинктамъ и потребностямъ сердца даннаго вѣка.

Развѣ было бы справедливѣе сказать, что Іисусъ обязанъ всѣмъ іудаизму и что все его величіе ничто иное, какъ величіе еврейскаго народа? Никто не склоненъ болѣе меня высоко ставить этотъ народъ, который словно получилъ особенный даръ совокуплять въ своихъ нѣдрахъ всѣ крайности добра и зла. Безъ сомнѣнія, Іисусъ вышелъ изъ іудаизма; но онъ вышелъ изъ него, какъ Сократъ вышелъ изъ школъ софистовъ, какъ Лютеръ вышелъ изъ среднихъ вѣковъ, Ламменэ—изъ католицизма, Руссо, изъ XVIII вѣка. Даже тотъ, кто протестуетъ противъ своего вѣка и своей расы, все же принадлежитъ своему вѣку и своей расѣ. Іисусъ не только не

ылжатель іудаизма, но его дѣло характеризуется именно ивомъ съ еврейскимъ духомъ. Предполагая, что въ этомъ шеніи мысль его можетъ дать поводъ къ недоразумѣ- все-таки общее направленіе христіанства послѣ него не допускаетъ. Христіанство все болѣе и болѣе уда- я отъ іудаизма. Его совершенствованіе будетъ заклю- я въ томъ, чтобъ вернуться къ Іисусу, а, конечно, не удаизму. Такимъ образомъ, великая оригинальность осно- ія остается неприкосновенной; слава его не допускаетъ инаго соучастника.

єзспорно, что условія имѣли большое значеніе для успѣха чудесной революціи; но условія являются на помощь ко правильнымъ и добрымъ попыткамъ. Всякая отрасль вѣческаго духа, искусство, поэзія, религія, въ теченіе вѣ- встрѣчаетъ благопріятную ей эпоху, когда она дости- совершенства безъ особыхъ усилій и благодаря нѣ- раго рода самопроизвольному инстинкту. Впослѣдствіи ни- й работой мысли не удается создать такихъ образцовыхъ зведеній, какія въ этотъ моментъ создаетъ сама при- при посредствѣ верховныхъ геніевъ. То, что сдѣлали расные вѣка Греціи для искусствъ свѣтской литера- , эпоха Іисуса сдѣлала для религіи. Еврейское общество дилось въ самомъ необычайномъ нравственномъ со- іи, какое когда-либо переживалось человѣчествомъ. ылъ одинъ изъ тѣхъ божественныхъ моментовъ, когда ве- явленія происходятъ сами собой, подъ вліяніемъ взаимо- твія тысячи скрытыхъ силъ, когда великія души встрѣ- ъ поддержку въ видѣ цѣлаго потока восхищенія и атіи. Міръ, отдѣлавшись отъ чрезвычайно обремени- ой тираніи небольшихъ городскихъ республикъ, поль- ся большой свободой. Римскій деспотизмъ лишь гораздо нѣе далъ почувствовать свое губительное вліяніе и, сверхъ онъ былъ всегда менѣе ощутителенъ въ отдаленныхъ инціяхъ, нежели въ центрѣ имперіи. Наши мелкія пре- едительныя мѣропріятія, гораздо болѣе убійственныя для

духа, нежели казни, еще не существовали. Въ теченіе трехъ лѣтъ Іисусъ велъ образъ жизни, благодаря которому въ нашихъ обществахъ онъ десятки разъ попадалъ бы подъ судъ. Достаточно было бы современныхъ законовъ о лѣченіи безъ надлежащихъ на то правъ, чтобы прикончить его карьеру. Съ другой стороны, династія невѣрующихъ Иродовъ въ то время мало интересовалась религіозными вопросами: при Асмонеяхъ Іисусъ вѣроятно былъ бы арестованъ на первыхъ же порахъ своей дѣятельности. При такомъ состояніи общества всякій новаторъ рисковалъ лишь жизнью, а для тѣхъ, кто работаетъ для будущаго, смерть является желанной. Представимъ только себѣ, что Іисусъ тянулъ бы лямку своей божественности до шестидесяти или семидесяти лѣтъ, теряя мало по малу свой небесный огонь, мало-по-малу изнашиваясь подъ бременемъ небывалой ноши! Но все благопріятствуетъ тому, кто отмѣченъ судьбой; онъ идетъ къ славѣ, повинуясь непреодолимому влеченію и роковому закону.

Эту великую личность, ежедневно до сихъ поръ главенствующую надъ судьбами міра, позволительно назвать божественной, не въ томъ, однако, смыслѣ, что Іисусъ вмѣщалъ все божественное, или можетъ быть отождествленъ съ божествомъ, а въ томъ смыслѣ, что онъ научилъ родъ человѣческій сдѣлать одинъ изъ самыхъ крупныхъ его шаговъ къ идеалу, къ божественному. Взятое въ массѣ, человѣчество представляетъ собой скопище существъ низкихъ, эгоистовъ. стоящихъ выше животнаго только въ томъ одномъ отношеніи, что ихъ эгоизмъ болѣе обдуманъ, чѣмъ у животнаго. Тѣмъ не менѣе среди этого однообразія обыденщины къ небесамъ возвышаются колонны, свидѣтельствующія о болѣе благородномъ призваніи людей. Изъ всѣхъ этихъ колоннъ, показывающихъ человѣку откуда онъ происходитъ и куда долженъ стремиться, Іисусъ—самая высокая. Въ немъ сосредоточилось все, что есть прекраснаго и возвышеннаго въ нашей природѣ. Онъ не былъ безгрѣшенъ; онъ побѣждалъ въ себѣ тѣ же страсти, съ какими мы боремся; никакой ан-

лъ Божій не подкрѣплялъ его, кромѣ его собственной чистой овѣсти; никакой Сатана не искушалъ его, кромѣ того, котораго каждый носитъ въ своемъ сердцѣ. Какъ многія изъ го великихъ чертъ потеряны для насъ, благодаря непониманію его учениковъ, точно также вѣроятно и многіе изъ его недостатковъ были скрыты. Но никогда ни у кого интересы человѣчества не преобладали до такой степени, какъ у него надъ свѣтской суетой. Беззавѣтно преданный своей идеѣ, онъ съумѣлъ все подчинить ей до такой степени, что вселенная не существовала для него. Этими усиліями героической воли онъ и завоевалъ небо. Не было человѣка, быть можетъ, за исключеніемъ Сакья-Муни, который до такой степени попиралъ ногами семью, всѣ радости бытія, всѣ мірскія заботы. Онъ жилъ только своимъ Отцомъ и божественной миссіей, относительно которой онъ былъ убѣжденъ, что выполнитъ ее.

Для насъ, вѣчныхъ дѣтей, которые осуждены на безсиліе, которые работаютъ, не пожиная, и которымъ никогда не суждено увидать плодовъ того, что ими посѣяно, остается только преклоняться передъ этими полу-богами. Они умѣли то, что намъ недоступно, умѣли создавать, утверждать, дѣйствовать. Возродится ли подобная великая оригинальность, или отнынѣ міръ удовольствуется лишь тѣмъ, что будетъ слѣдовать по путямъ, открытымъ ему смѣлыми создателями древнихъ временъ?

Это неизвѣстно. Но каковы бы ни были неожиданности, которыя готовитъ намъ будущее, Іисуса никто не превзойдетъ. Культъ его будетъ вѣчно обновляться; легенда его будетъ вѣчно вызывать слезы; его страданіями будутъ терзаться лучшія сердца; и во всѣ времена всѣ будутъ провозглашать, что среди сыновъ человѣческихъ никогда не рождалось болѣе великаго, нежели Іисусъ.

КОНЕЦЪ

Прибавленіе

О томъ какъ слѣдуетъ пользоваться четвертымъ Евангеліемъ при составленіи жизнеописанія Іисуса

Для историка Іисуса наибольшую трудность представляетъ оцѣнка источниковъ, на которыхъ должна основываться подобная исторія. Съ одной стороны, возникаетъ вопросъ, какова цѣнность Евангелій, называемыхъ синоптическими? Съ другой, какъ слѣдуетъ пользоваться четвертымъ Евангеліемъ при составленіи жизнеописанія Іисуса? Относительно перваго вопроса всѣ, кто занимается этого рода работами по методу критики, въ сущности, согласны между собою. Синоптики представляютъ традицію, зачастую легендарную, двухъ или трехъ первыхъ христіанскихъ поколѣній о личности Іисуса. Это вноситъ большую неувѣренность въ пользованіе ими, и обязываетъ постоянно употреблять въ повѣствованіи выраженія: „Говорятъ, что...", „Разсказываютъ, что..." и т. д. Но этого достаточно, чтобы уяснить себѣ общую физіономію основателя христіанства, пріемы и главныя черты его ученія, и даже важнѣйшія изъ событій его жизни. Біографы Іисуса, ограничивающіеся въ качествѣ источниковъ одними синоптиками, отличаются одинъ отъ другого не болѣе, чѣмъ біографы Магомета, пользующіеся *гадиѳомъ*. Біографы арабскаго пророка могутъ различно смотрѣть на достовѣрность того или другого анекдота о немъ. Но въ общемъ всѣ согласны относительно цѣнности *гадиѳа*; всѣ относятъ его къ разряду преданій и легендъ, по своему правдивыхъ, но не имѣющихъ значенія точныхъ историческихъ документовъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова.

Относительно второго пункта, то-есть по вопросу о томъ, какъ слѣдуетъ пользоваться четвертымъ Евангеліемъ, существуетъ разногласіе. Я пользовался этимъ документомъ съ безконечными оговорками и предосторожно-

тями. По мнѣнію знатоковъ этого дѣла, мнѣ не слѣдовало бы совсѣмъ пользоваться имъ, за исключеніемъ, можетъ быть, главъ XVIII и XIX, заключающихъ въ себѣ повѣствованіе о Страстяхъ. Почти всѣ критическіе отзывы, которые я получилъ по поводу моего труда, согласны между собою по этому пункту. Я не былъ этимъ удивленъ; я не могъ не считаться въ вопросѣ объ исторической цѣнности четвертаго Евангелія съ довольно отрицательнымъ отношеніемъ къ нему, господствующимъ въ свободомыслящихъ школахъ богословія [1]). Возраженія со стороны столь компетентныхъ людей обязывали меня подвергнуть мое мнѣніе на этотъ счетъ новой провѣркѣ. Оставивъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, кто именно написалъ четвертое Евангеліе, я намѣренъ прослѣдить его стихъ за стихомъ, какъ будто бы это была вновь открытая рукопись неизвѣстнаго автора. Отрѣшимся же отъ всякой предвзятой идеи и попробуемъ дать себѣ безпристрастный отчетъ о тѣхъ впечатлѣніяхъ, какія произвело бы на насъ это удивительное сочиненіе.

§ 1. Начало (I, 1—14) Евангелія повергло бы насъ прежде всего въ жестокое сомнѣніе. Оно вводитъ насъ въ глубины апостольскаго богословія, не имѣетъ никакого сходства съ синоптиками, и внушаетъ идеи, конечно, довольно отличныя отъ идей Іисуса и его истинныхъ учениковъ. Прежде всего этотъ прологъ возвѣщаетъ намъ, что подобнаго рода трудъ не можетъ быть простой исторіей, ясной и безличной, какъ, напримѣръ, повѣствованіе Марка, что авторъ имѣетъ свою богословскую теорію, что онъ желаетъ доказать тезисъ, именно, что Іисусъ есть божественное „Слово“, logos. Но слѣдуетъ ли отвергнуть всю книгу на основаніи этой первой ея страницы, и признать обманомъ то мѣсто въ ст. 14 [2]), гдѣ авторъ объявляетъ, что онъ былъ свидѣтелемъ событій, составляющихъ жизнь Іисуса?

Я думаю такой выводъ былъ бы скороспѣлымъ. Трудъ, наполненный теологическими тенденціями, можетъ все же заключать въ себѣ и цѣнныя историческія указанія. Развѣ синоптики не преисполнены постояннымъ стремленіемъ

[1]) Всѣ аргументы, которые приводятся учеными этихъ школъ противъ четвертаго Евангелія, излагаются въ трудѣ Шольтена, переведенномъ на французскій языкъ Ревиллемъ (Revue de théologie, 3 серія, томы II, III и IV).

[2]) Ср. 1 посл. Іоанна, I, 1.

доказать, что Іисусъ осуществилъ всѣ мессіанскія пророчества? Разв
достаточная причина для того, чтобы отказаться отыскивать въ этих
вѣствованіяхъ историческую основу? Теорія „Слова", такъ сильно р
ваемая четвертымъ Евангеліемъ, не можетъ быть основаніемъ для
чтобы относить это Евангеліе къ срединѣ или къ концу II вѣка. Вѣ
то, что Іисусъ есть „Слово" александрійской богословіи, должна был
никнуть очень рано и весьма логическимъ путемъ. Къ счастью, у
основателя христіанства не было подобнаго рода идей. Но уже съ
его называютъ „Словомъ Божіимъ" [1]). Аполлоній, родомъ изъ Алекс
и, повидимому, очень походившій на Филона, уже около 57 г. сч
новымъ проповѣдникомъ своихъ особыхъ доктринъ. Его идеи вполнѣ
совались съ тѣмъ состояніемъ умовъ, въ какомъ находилась христі
община, когда она отчаялась увидать въ ближайшемъ будущемъ при
Сына человѣческаго въ облакахъ. Повидимому, такая же перемѣна п
шла и въ мысляхъ св. Павла. Извѣстно, какая разница замѣчается
первыми и послѣдними посланіями этого апостола. Надежда на б
пришествіе Христа, которою полны, напримѣръ, оба посланія къ Ѳ
никійцамъ, къ концу жизни Павла у него совершенно исчезаетъ; а
въ это время перешелъ уже къ фантазіямъ иного рода. Ученіе, и
ное въ посланіи къ Колоссянамъ, представляетъ большое сходство
ніемъ четвертаго Евангелія; въ этомъ посланіи Іисусъ изобра
образѣ невидимаго Бога, перворожднымъ его сыномъ, которымъ
создано, который существовалъ раньше всякаго творенія и кот
стоитъ, въ которомъ тѣлесно обитаетъ всякая полнота Бога [2]
ли это „Слово", какъ у Филона? Я знаю, что подлинность
Колоссянамъ отрицается, но, по моему мнѣнію, основанія для
шенно недостаточны. Такія перемѣны въ теоріи, или скорѣе да
у людей того времени, отличавшихся пылкой страстностью, в
предѣлахъ явленіе допустимое. Почему кризисъ, происшедшій
Павла, не могъ бы произойти у другихъ апостолическихъ люде
годы перваго вѣка? Когда „царство Божіе" въ томъ видѣ,

---

[1]) Апокалипсисъ, XIX, 13.
[2]) I, 15 и слѣд.; II, 9 и слѣд.

бражается синоптиками и Апокалипсисомъ, превратилось въ химеру, они погрузились въ метафизику. Теорія „Слова“ была результатомъ разочарованія перваго христіанскаго поколѣнія. То, что надѣялись увидать осуществившимся на дѣлѣ, теперь было отнесено къ идеалу. Каждое промедленіе въ пришествіи Іисуса было лишнимъ шагомъ къ его обоготворенію; это настолько вѣрно, что именно въ тотъ день, когда исчезаетъ послѣдняя мечта тысячелѣтниковъ, божественность Іисуса была возвѣщена въ видѣ абсолюта.

§ 2. Вернемся къ тексту четвертаго Евангелія. Согласно обычаю, освященному преданіемъ, евангелистъ начинаетъ свое повѣствованіе съ Іоанна Крестителя. То, что онъ говоритъ объ отношеніяхъ между Іоанномъ и Іисусомъ, во многихъ пунктахъ параллельно даннымъ синоптиковъ; въ другихъ же пунктахъ они значительно расходятся. И въ этомъ отношеніи предпочтеніе оказывается не въ пользу четвертаго Евангелія. Теорія, которая вскорѣ сдѣлалась для всѣхъ христіанъ дорогой, и въ силу которой Іоаннъ объявилъ роль Іисуса божественной, чрезвычайно преувеличена авторомъ четвертаго Евангелія. У синоптиковъ въ этомъ отношеніи замѣтно больше осторожности; у нихъ Іоаннъ до самаго своего конца питаетъ нѣкоторыя сомнѣнія относительно роли Іисуса и посылаетъ къ нему своихъ учениковъ разспросить его [1]). Повѣствованіе четвертаго Евангелія производитъ впечатлѣніе вполнѣ опредѣленнаго рѣшенія этого вопроса, и утверждаетъ насъ въ томъ мнѣніи, которое намъ внушаетъ и прологъ, именно, что авторъ имѣетъ въ виду не столько разсказывать, сколько убѣждать. Тѣмъ не менѣе мы видимъ, что авторъ, сильно расходясь съ синоптиками, обладалъ многими общими съ ними преданіями. Онъ цитируетъ одни и тѣ же пророчества; онъ вмѣстѣ съ ними вѣритъ въ голубя, который будто бы спустился на голову Іисуса послѣ его крещенія. Но разсказъ его не такъ наивенъ, болѣе обработанъ, болѣе зрѣлъ, если можно такъ выразиться. Лишь одна черта останавливаетъ на себѣ вниманіе, это ст. 28, въ которомъ заключается точное обозначеніе мѣста. Допустимъ, что *Виѳанія* упомянута по ошибкѣ (въ этой мѣстности Виѳаніи не существуетъ, и греческіе переводчики произвольно замѣнили ее Виѳаварой), но что изъ

1) Матѳея, XI, 2 и слѣд.; Луки, VII, 19 и слѣд.

этого слѣдуетъ? Богословъ, въ которомъ нѣтъ ничего еврейскаго, у котораго не сохранилось ни прямыхъ, ни косвенныхъ воспоминаній о Палестинѣ, чистый теоретикъ, въ родѣ того, кто составлялъ прологъ, не помѣстилъ бы этого. Какая надобность въ подобной топографической подробности какому нибудь сектанту изъ Малой Азіи или изъ Александріи? Если авторъ помѣстилъ ее, то очевидно у него была на то матеріальная причина, находившаяся или въ документахъ, которыми онъ обладалъ, или въ воспоминаніяхъ. Отсюда мы приходимъ къ мысли, что нашъ богословъ можетъ, пожалуй, сообщить намъ о жизни Іисуса такія подробности, которыя неизвѣстны синоптикамъ. Конечно, ничто не доказываетъ того, что онъ былъ свидѣтелемъ очевидцемъ. Но слѣдуетъ, по меньшей мѣрѣ, предположить, что у него были еще другіе источники, кромѣ нашихъ, и что для насъ онъ, конечно, можетъ имѣть значеніе оригинала.

§ 3. Начиная съ ст. 35, мы видимъ цѣлый рядъ обращеній въ ученики, причемъ отдѣльные факты связаны между собой не особенно естественно и не соотвѣтствуютъ повѣствованіямъ синоптиковъ. Быть можетъ, однако, эти послѣднія имѣютъ болѣе цѣнное историческое значеніе? Нѣтъ. Разсказы объ обращеніи апостоловъ у синоптиковъ всѣ вылиты по одному образцу; чувствуется легендарный и идиллическій характеръ, который типиченъ для всѣхъ разсказовъ этого рода безъ различія. Небольшіе эпизоды, разсказываемые четвертымъ Евангеліемъ, болѣе характерны, очерчены не столь ясно. Они очень похожи на плохо редактированныя воспоминанія апостоловъ. Извѣстно, что разсказы простыхъ людей, дѣтей всегда бываютъ болѣе подробны. На мелочныхъ подробностяхъ ст. 39 я не настаиваю. Но откуда эта мысль, связать первое обращеніе учениковъ съ пребываніемъ Іисуса у Іоанна Крестителя? [1]) Откуда эти столь опредѣленныя подробности объ обращеніи Филиппа, о родинѣ Андрея и Петра и, въ особенности, о Наѳанаилѣ? Эта личность принадлежитъ четвертому Евангелію. Я не могу считать вымысломъ, созданнымъ сотню лѣтъ позднѣе Іисуса и на

[1]) Не могу не замѣтить, хотя и не придаю этому особеннаго значенія, что три первые апостола, перечисленные Папіемъ (у Евсевія, H. E., III, 39), приводятся въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ они приведены въ четвертомъ Евангеліи.

большомъ разстояніи отъ Палестины, столь опредѣленныя черты этой личности. Если это личность символическая, то зачѣмъ понадобилось сообщать, что онъ былъ родомъ изъ Каны Галилейской [1]), изъ города, который, повидимому, особенно хорошо знакомъ четвертому евангелисту? Зачѣмъ было бы выдумывать все это? Тутъ нельзя усмотрѣть никакой догматической тенденціи, развѣ только въ ст. 51, который влагается въ уста Іисуса. И въ особенности здѣсь нѣтъ никакого символизма. Я вѣрю въ такого рода тенденціи, когда онѣ намѣчаются, или, такъ сказать, подчеркиваются авторомъ. Но не вѣрю въ нихъ, если мистическій намекъ самъ собою не выясняется. Экзегетъ-аллегористъ никогда не говоритъ полу-слова; онъ развиваетъ свои аргументы, настаиваетъ на нихъ съ особенной охотой. То же я скажу о священныхъ числахъ. Противники четвертаго Евангелія подмѣтили, что чудесъ, о которыхъ оно разсказываетъ, было семь. Если бы авторъ самъ ихъ подсчиталъ, то это было бы очень важно и доказывало бы предвзятое мнѣніе. Но такъ какъ авторъ ихъ не пересчитывалъ, то въ этомъ остается предположить не болѣе какъ случайность.

Итакъ, до сихъ поръ разборъ оказывается довольно благопріятнымъ для даннаго текста. Стихи 35—51 носятъ болѣе историческій характеръ, нежели соотвѣтствующія мѣста у синоптиковъ. Повидимому четвертый евангелистъ зналъ лучше другихъ біографовъ Іисуса то, что относится къ призванію апостоловъ; я допускаю, что Іисусъ пріобрѣлъ первыхъ учениковъ, имя которыхъ прославилось, въ школѣ Іоанна Крестителя; я думаю, что главные апостолы были прежде учениками Іоанна Крестителя, а затѣмъ стали учениками Іисуса, и этимъ объясняю то важное значеніе, которое приписывало Іоанну Крестителю все первое поколѣніе христіанъ. Если это значеніе, какъ предполагаетъ голландская школа, было отчасти раздуто и разсчитано исключительно на то, чтобы подтвердить роль Іисуса ссылкой на несомнѣнный авторитетъ, то почему для этого выборъ палъ именно на Іоанна Крестителя, на человѣка, пользовавшагося большой славой только у христіанской общины? По моему мнѣнію, суть дѣла въ томъ, что для учениковъ Іисуса Іоаннъ Креститель являлся не просто порукой за Іисуса, но что онъ былъ для нихъ ихъ первымъ учителемъ, и воспоминанія о немъ

[1]) Іоанна, XXI, 2.

у нихъ были неразрывно связаны съ самымъ началомъ дѣятельности Іисуса [1]). Обстоятельство болѣе важное, признаніе крещенія христіанствомъ за первый обязательный шагъ къ новой жизни, является, такъ сказать, родовымъ признакомъ, наглядно доказывающимъ, что христіанство было сперва вѣтвью, отдѣлившеюся отъ школы Іоанна Крестителя.

Еслибы четвертое Евангеліе ограничилось этою первою главою, то все же его слѣдовало бы опредѣлить „какъ отрывокъ, составленный изъ преданій или воспоминаній, записанныхъ позднѣе и углубившихся въ богословію, довольно отдаленную отъ первоначальнаго евангельскаго духа, какъ страницу изъ легендарной біографіи, въ которой авторъ приводитъ факты преданія, нерѣдко ихъ передѣлываетъ, но никогда ничего не измышляетъ". Если говорить о біографіи, составленной апріористическимъ путемъ, то скорѣе всего я призналъ бы именно Евангеліе синоптиковъ за подобную біографію. Синоптики заставляютъ Іисуса родиться въ Виѳлеемѣ, отправляютъ его въ Египетъ, приводятъ къ нему волхвовъ и т. п., какъ того требуетъ предметъ ихъ повѣствованія. Никто другой, какъ Лука, создаетъ личностей, которыхъ, быть можетъ, никогда не было на свѣтѣ [2]). Въ частности мессіанскія пророчества гораздо меньше интересуютъ четвертаго евангелиста, нежели синоптиковъ, и на этихъ пророчествахъ у него построено меньше баснословныхъ разсказовъ. Другими словами, по отношенію къ четвертому Евангелію, мы уже приходимъ къ установленію различія между основами повѣствовательной и доктринерской. Относительно первой мы приходимъ къ тому, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ въ четвертомъ Евангеліи она, быть можетъ, заслуживаетъ предпочтенія передъ синоптической; вторая же стоитъ весьма далеко отъ истиннаго ученія Іисуса въ томъ видѣ, какъ оно сохранилось у синоптиковъ и, въ особенности, у Матѳея.

Еще одно обстоятельство поражаетъ насъ уже съ этого мѣста. Авторъ говоритъ, что первыми двумя учениками Іисуса были Андрей и еще другой ученикъ. Затѣмъ Андрей обращаетъ Петра, своего брата, который, такимъ

---

1) Дѣянія, I, 21—22; X, 37; XIII, 24; XIV, 4.

2) У Луки имена родителей Іоанна Крестителя, повидимому, вымышлены. Анна, дочь Фануила, старецъ Симеонъ, Захарій,—также личности сомнительной достовѣрности.

разомъ, нѣсколько отодвинутъ на второй планъ. Второй ученикъ не на-анъ по имени. Сравнивая, однако, это мѣсто съ другими, къ которымъ мы рнемся впослѣдствіи, можно подумать, что этотъ, не названный по имени, еникъ былъ никто иной, какъ авторъ Евангелія, или, по меньшей мѣрѣ, лицо, которое хотятъ выдать за этого автора. Дѣйствительно, въ по-тѣднихъ главахъ книги мы видимъ, что авторъ ея говоритъ о самомъ бѣ съ нѣкоторой таинственностью, и, поразительное явленіе, снова уси-енно ставитъ себя впереди Петра, признавая, однако, іерархическое пер-енство его. Замѣтимъ также, что у синоптиковъ призваніе Іоанна проис-одитъ по времени очень близко къ обращенію Петра, и что въ Дѣяніяхъ аннъ обыкновенно фигурируетъ въ качествѣ сотоварища Петра. Такимъ бразомъ, передъ нами возникаетъ двойное затрудненіе. Ибо, если не на-занный по имени ученикъ дѣйствительно Іоаннъ, сынъ Зеведеевъ, то при-дится думать, что Іоаннъ, сынъ Зеведеевъ, и есть авторъ четвертаго вангелія; предположить, что подставной авторъ, желая увѣрить, что Еван-ліе написано Іоанномъ, нарочно не назвалъ его по имени, и упомянулъ немъ въ загадочныхъ словахъ, значило бы приписывать этому подстав-му автору довольно странную уловку. Съ другой стороны, можно ли пустить, чтобы дѣйствительный авторъ четвертаго Евангелія, еслибы онъ лъ сначала ученикомъ Іоанна Крестителя, могъ говорить объ этомъ слѣднемъ въ выраженіяхъ, имѣющихъ столь мало историческаго значенія, въ этомъ отношеніи синоптическія Евангелія заслуживали бы передъ мъ предпочтеніе?

§ 4. Стихи 1—12 главы II повѣствуютъ о чудѣ, какихъ много встрѣ-ется у синоптиковъ. Въ самомъ веденіи разсказа замѣчается болѣе дѣлки, меньше наивностей; тѣмъ не менѣе по существу здѣсь нѣтъ ни-го, что бы противорѣчило общему колориту преданія. Синоптики ничего говорятъ объ этомъ чудѣ; но весьма естественно, что разнымъ людямъ ли извѣстны различные эпизоды изъ числа входившихъ въ циркулиро-вшую среди народа легенду о чудесахъ Іисуса. Аллегорическое объясне-е, основанное главнымъ образомъ на ст. 10, по которому вода и вино начаютъ ветхій и новый завѣты, я полагаю, приписываетъ автору мысль, торой у него не было. Стихъ 11 доказываетъ, что въ глазахъ автора это повѣствованіе преслѣдуетъ лишь одну цѣль: выставить могущество

Іисуса. Упоминаніе о небольшомъ городкѣ Канѣ и пребываніи въ немъ матери Іисуса, факты, которыми не слѣдуетъ пренебрегать. Если чудо претворенія воды въ вино было вымышлено авторомъ четвертаго Евангелія, какъ это предполагаютъ противники признанія за нимъ историческаго значенія, то зачѣмъ эти подробности? Между тѣмъ стихи 11 и 12 представляются вполнѣ послѣдовательными. Какая надобность въ подобныхъ топографическихъ подробностяхъ эллинскимъ христіанамъ II вѣка? Апокрифическія Евангелія не прибѣгаютъ къ такимъ пріемамъ. Они туманны, мѣстностей не называютъ, такъ какъ написаны людьми, нисколько не интересующимися Палестиной. Прибавимъ, кромѣ того, что четвертый евангелистъ говоритъ именно о Канѣ Галилейской [1]), небольшомъ, совершенно неизвѣстномъ городкѣ. Почему бы ему хотѣлось заднимъ числомъ создавать славу этого мѣстечка, о которомъ христіане Малой Азіи, на половину гностики, конечно, помнили очень мало?

§ 5. То, что затѣмъ слѣдуетъ, начиная съ 13 стиха представляетъ большой интересъ и составляетъ рѣшительный тріумфъ четвертаго Евангелія. По синоптикамъ, Іисусъ, съ того времени, какъ началась его общественная жизнь, совершилъ лишь одно путешествіе въ Іерусалимъ. Пребываніе Іисуса въ этомъ городѣ ограничивается немногими днями, по прошествіи которыхъ онъ былъ преданъ смерти. Въ этомъ заключаются огромныя несообразности, о которыхъ я здѣсь не буду говорить, такъ какъ касался ихъ въ соотвѣтствующихъ главахъ „Жизни Іисуса“. Нѣсколькихъ недѣль (предполагая, что синоптики имѣли намѣреніе ограничить такимъ именно срокомъ промежутокъ времени между торжественнымъ входомъ въ Іерусалимъ и казнью Іисуса) далеко недостаточно для всего того, что долженъ былъ сдѣлать Іисусъ въ Іерусалимѣ [2]). Многія изъ событій, перенесенныхъ синоптиками въ Галилею, особенно столкновенія съ фарисеями, имѣютъ смыслъ только въ Іерусалимѣ. Всѣ событія, слѣдующія за смертью Іисуса, доказываютъ, что его секта пустила крѣпкіе корни въ Іерусалимѣ. Если бы все происходило такъ, какъ описываютъ Матѳей и Маркъ, то христіанство развилось бы главнымъ образомъ въ Галилеѣ. Сектанты, пришед-

---

[1]) IV, 46; XXI, 2.

[2]) Замѣтьте, напр., какъ плохо изложены факты въ главахъ XXI—XXV Матѳея, внѣ времени и пространства.

шіе въ Іерусалимъ всего за нѣсколько дней передъ тѣмъ, не избрали бы его своей столицей [1]). Св. Павелъ ни разу не вспоминаетъ о Галилеѣ; для него новая религія и родилась въ Іерусалимѣ. Поэтому четвертое Евангеліе, которое допускаетъ нѣсколько путешествій Іисуса въ Іерусалимъ и продолжительныя пребыванія его тамъ, повидимому, ближе къ истинѣ. Въ этомъ отношеніи у Луки оказывается нѣкоторая скрытая гармонія съ четвертымъ евангелистомъ, или вѣрнѣе, онъ колеблется между двумя противуположными системами [2]). Это весьма важно; ибо мы откроемъ скоро еще другіе случаи, гдѣ Лука тоже согласуется съ авторомъ четвертаго Евангелія и, повидимому, знакомъ съ тѣми же преданіями, какъ и онъ.

Но вотъ что очень странно. Первая изъ подробностей о пребываніяхъ Іисуса въ Іерусалимѣ, сообщаемая четвертымъ Евангеліемъ, упоминается также и синоптиками, но относится ими къ днямъ, предшествующимъ смерти Іисуса. Это его столкновеніе съ торговцами, которыхъ онъ изгналъ изъ храма. Можно ли приписывать подобное дѣяніе галилеянину, только что явившемуся въ Іерусалимъ, есть ли въ этомъ тѣнь правдоподобія, между тѣмъ какъ самый фактъ этотъ долженъ былъ имѣть нѣкоторую реальность, такъ какъ онъ передается во всѣхъ четырехъ текстахъ? Въ отношеніи хронологіи въ передачѣ этого разсказа, преимущество принадлежитъ всецѣло четвертому евангелисту. Очевидно, что синоптики пріурочили къ послѣднимъ днямъ жизни Іисуса всѣ случаи, которые упоминались въ преданіи и относительно которыхъ они не знали куда ихъ отнести.

Теперь является еще вопросъ, который настало время разъяснить. Мы уже нашли, что четвертый евангелистъ обладалъ многими преданіями сообща съ синоптиками (роль Іоанна Крестителя, голубь, явившійся при крещеніи Іисуса, этимологическое происхожденіе имени Кифы, имена, по меньшей мѣрѣ, трехъ апостоловъ, изгнаніе торговцевъ изъ храма). Не черпаетъ ли четвертый евангелистъ эти свѣдѣнія у синоптиковъ? Очевидно нѣтъ; ибо относительно самыхъ этихъ фактовъ онъ впадаетъ съ ними въ серьезное разногласіе. Откуда же у него берутся эти общіе разсказы? Очевидно изъ преданій, или изъ собственныхъ воспоминаній. А что же это означаетъ,

[1]) Лука какъ бы понимаетъ это и выходитъ изъ затрудненія при помощи обѣтованія (XXIV, 49; Дѣянія, I, 4).

[2]) IX, 51 и слѣд.; X, 25 и слѣд.; 38 и слѣд.; XVII, 11.

если не то, что этотъ авторъ оставилъ намъ оригинальный варіантъ жизнеописанія Іисуса, что его жизнеописаніе слѣдуетъ ставить на одну доску съ прочими біографіями Іисуса, прежде нежели приступать затѣмъ къ оцѣнкѣ преимуществъ тѣхъ или другихъ подробностей? Авторъ апріористическаго жизнеописанія Іисуса или не имѣлъ бы ничего общаго съ синоптиками, или перефразировалъ бы ихъ, какъ это и дѣлаютъ апокрифы. Символическія и догматическія тенденціи были бы у него болѣе замѣтны. У него не встрѣчались бы безразличныя, въ нѣкоторомъ родѣ безпристрастныя подробности, которыми изобилуетъ четвертое Евангеліе. Тутъ нѣтъ ни малѣйшаго сходства съ біографіей эона; совсѣмъ не такъ пишетъ Индія свои жизнеописанія Кришны, не такъ разсказываетъ она о воплощеніяхъ Вишну. Примѣромъ такого рода сочиненія, принадлежащаго первымъ вѣкамъ нашей эры, можетъ служить *Пистэ Софіа*, приписываемая Валентину[1]). Здѣсь нѣтъ ничего реальнаго, все носитъ чисто символическій и идеалистическій характеръ. Я сказалъ бы то же самое объ „Евангеліи Никодима", искусственной композиціи, основанной цѣликомъ на метафорахъ. Цѣлая пропасть отдѣляетъ четвертое Евангеліе отъ подобнаго рода риторическихъ произведеній, и если бы необходимо было во что бы то ни стало найти аналогію между ними и однимъ изъ каноническихъ Евангелій, то скорѣе слѣдовало бы поискать ее у синоптиковъ, а никакъ не въ четвертомъ Евангеліи.

§ 6. Затѣмъ слѣдуетъ (II, 18 и слѣд.) другой эпизодъ, соотношеніе котораго съ повѣствованіемъ синоптиковъ не менѣе замѣчательно. Синоптики, по крайней мѣрѣ, Матѳей и Маркъ, передаютъ по поводу суда надъ Іисусомъ и его смерти на Голгоѳѣ слова, будто бы сказанныя Іисусомъ и послужившія однимъ изъ главныхъ мотивовъ его осужденія: „Разрушьте этотъ храмъ, и я въ три дня воздвигну его". Но синоптики не говорятъ, что Іисусъ дѣйствительно сказалъ это; напротивъ, они относятся къ этому, какъ къ лжесвидѣтельству. Четвертый евангелистъ разсказываетъ, что дѣйствительно Іисусъ произнесъ слова, поставленныя ему въ вину. Заимствовалъ-ли онъ это изреченіе у синоптиковъ? Это мало вѣроятно,—ибо онъ приводитъ ихъ

---

[1]) Найденная въ видѣ коптскаго варіанта и переведенная М. Шварце (Берлинъ, 1864).

ъ другомъ варіантѣ и даетъ имъ аллегорическое значеніе (ст. 21—22), оторое неизвѣстно синоптикамъ. Повидимому, въ этомъ случаѣ авторъ етвертаго Евангелія пользовался оригинальнымъ преданіемъ, даже болѣе ригинальнымъ, нежели синоптики, ибо эти послѣдніе не цитируютъ словъ Іисуса непосредственно, а только сообщаютъ ихъ, какъ эхо. Правда, что относя эти слова къ эпохѣ, двумя годами предшествовавшей смерти Іисуса, четвертый евангелистъ поступаетъ не особенно удачно.

Замѣтьте себѣ подробность еврейской исторіи, которая заключается въ ст. 20; подробность эта достаточно достовѣрна и согласуется съ данными Іосифа [1]).

§ 7. Ст. 23—25, гл. II, скорѣе неблагопріятны для анализируемаго нами текста, они тягучи, холодны, безцвѣтны; въ нихъ чувствуется апологистъ, полемистъ. Они доказываютъ обдуманность ихъ редакціи, значительно болѣе поздней, нежели редакція синоптиковъ.

§ 8. Теперь слѣдуетъ эпизодъ съ Никодимомъ (гл. III, 1—21). Разумѣется, я готовъ пожертвовать всѣмъ этимъ разговоромъ Іисуса съ фарисеемъ. Это отрывокъ изъ апостольской, а не евангельской богословіи. Содержаніе такой бесѣды могло быть передано только Іисусомъ или Никодимомъ. Но обѣ эти гипотезы одинаково неправдоподобны. Сверхъ того, начиная съ ст. 12 авторъ забываетъ о лицѣ, выведенномъ на сцену, и пускается въ общее разсужденіе, направленное по адресу всѣхъ евреевъ. Въ этомъ мы видимъ одну изъ существеннѣйшихъ характерныхъ чертъ этого писателя, его пристрастіе къ богословскимъ бесѣдамъ, его наклонность пріурочивать подобныя бесѣды къ болѣе или менѣе историческимъ обстоятельствамъ. Отрывки этого рода даютъ намъ не болѣе понятія объ ученіи Іисуса, нежели діалоги Платона объ идеѣ Сократа. Это—искусственныя сочиненія, а не преданія. Ихъ можно также сравнить съ тирадами, которыя, не задумываясь, приписываютъ своимъ героямъ древніе историки. Эти поученія довольно далеки отъ стиля Іисуса и его идеи; напротивъ они представляютъ полную аналогію съ богословіемъ пролога (І, 1—14), гдѣ авторъ говоритъ отъ своего имени. Самое обстоятельство, съ которымъ авторъ связываетъ эту бесѣду, можно ли считать историческимъ фактомъ, или

---

1) Antiq., XX, IX, 7.

оно тоже вымыселъ собственнаго произведенія? Это трудно сказать. Самый фактъ упоминается и впослѣдствіи (XIX, 39), а Никодимъ фигурируетъ и въ другихъ мѣстахъ (VII, 50 и слѣд.). Я склоненъ вѣрить, что Іисусъ дѣйствительно имѣлъ сношенія съ важнымъ лицомъ, носившимъ это имя, и что авторъ четвертаго Евангелія, которому это было извѣстно, выбралъ Никодима, какъ Платонъ выбиралъ Федона или Алкивіада своимъ собесѣдникомъ, для того чтобы написать большой діалогъ теоретическаго характера.

§ 9. Ст. 22 и слѣд. до ст. 2 гл. IV, по моему мнѣнію, исторически вѣрны. Здѣсь мы снова видимъ Іисуса съ Іоанномъ Крестителемъ, но на этотъ разъ съ группой учениковъ, которые его сопровождаютъ. Іисусъ совершаетъ крещеніе, подобно Іоанну, привлекаетъ къ себѣ толпу въ большей степени, нежели Іоаннъ, и имѣетъ больше успѣха, нежели онъ. Ученики также крестятъ съ своей стороны и между обѣими школами начинается соревнованіе, причемъ сами вожди обѣихъ сектъ остаются выше такой мелочности. Это чрезвычайно замѣчательно, ибо у синоптиковъ нѣтъ ничего подобнаго. Для меня этотъ эпизодъ очень правдоподобенъ. Если есть въ немъ нѣкоторыя необъяснимыя подробности, то это вовсе не подрываетъ исторической цѣнности всего эпизода. То были вещи, которыя всѣ понимали съ полу-слова и которыя отлично подходятъ къ гипотезѣ личныхъ мемуаровъ, написанныхъ для избраннаго кружка. Напротивъ, подобныя неясности непонятны въ трудѣ, составленномъ исключительно съ цѣлью дать преобладаніе опредѣленнымъ идеямъ. Такія идеи проглядывали бы въ немъ на каждомъ шагу и въ самомъ разсказѣ не попадалось бы столько странныхъ обстоятельствъ, не имѣющихъ никакого значенія для богословской теоріи. Сверхъ того, здѣсь дается точная топографія (ст. 22—23). Правда, извѣстно, гдѣ находится Салимъ, но названіе Αἰνών проливаетъ въ этомъ отношеніи лучъ свѣта. Это измѣненное слово *Енаванъ*, множественное число отъ халдейскаго слова *Аинъ* или *Енъ*, „колодезь“. Какимъ образомъ могли бы угадать это эллинскіе сектанты Ефеса? Они бы не могли назвать ни одной мѣстности, или назвали бы какую либо общеизвѣстную, или изобрѣли бы небывалое слово, воспользовавшись семитической этимологіей. Подробность, заключающаяся въ ст. 24, точно также отличается правдивостью и точностью. Стихъ 25, связь котораго съ предъидущимъ и съ послѣдующимъ не особенно ясна, противорѣчитъ предположенію объ искусственномъ вы-

слѣ. Можно бы сказать, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ плохо редактированными замѣтками, съ отрывочными воспоминаніями прошлаго, очень арыми, но порой чрезвычайно свѣтлыми. Что можетъ быть наивнѣе повтонія содержанія стиха 26 въ стихѣ 1 гл. IV? Стихи же 27—36 носятъ всѣмъ другой характеръ. Здѣсь авторъ вдается въ разсужденія, которымъ возможно придавать характеръ достовѣрности. Но стихъ 1 главы IV обладаетъ рѣдкой ясностью, а стихъ 2 имѣетъ и капитальное значеніе. Авторъ, акъ бы раскаявшись въ томъ, что имъ написано, и опасаясь, чтобы его овѣствованіе не имѣло дурныхъ послѣдствій, вмѣсто того чтобы вычеркнуть написанное дѣлаетъ въ скобкахъ оговорку, которая явно противорѣчитъ всему предъидущему. Онъ уже не хочетъ, чтобы Іисусъ крестилъ; нъ увѣряетъ, что крестили только его ученики. Допустимъ, что ст. 2 ылъ позднѣйшей вставкой. Во всякомъ случаѣ, это доказываетъ, что весь азсказъ, заключающійся въ гл. III, 22 и слѣд., никакъ не отрывокъ изъ пріористической богословіи, что напротивъ богословъ этого направленія ерется за перо только на ст. 2, чтобы опровергнуть этотъ разсказъ и странить тѣ затрудненія, которыя онъ могъ бы собой представлять для го теоріи.

§ 10. Мы дошли до бесѣды Іисуса съ Самаритянкой и къ миссіи къ Самарянамъ (IV, 1—42). Лукѣ [1]) эта миссія была извѣстна, и вѣроятно на дѣйствительно имѣла мѣсто. Тѣмъ не менѣе здѣсь можно было бы примѣнить теорію тѣхъ ученыхъ, которые видятъ въ четвертомъ Евангеліи лишь рядъ вымысловъ, имѣющихъ цѣлью изложеніе извѣстныхъ принциповъ. Подробности діалога очевидно вымышлены. Съ другой же стороны топографическія данныя, приведенныя въ ст. 3—6, удовлетворительны. Только палестинскій еврей, часто проходившій неподалеку отъ входа въ Сихемскую долину, могъ бы написать это. Стихи 5—6 не точны; но преданіе, заключающееся въ нихъ, могло быть заимствовано въ кн. Бытія, XXXIII, 19, XLVIII, 22; въ кн. Іисуса Навина, XXIV, 32. Повидимому авторъ прибѣгаетъ къ игрѣ словъ (*Сихаръ* вмѣсто *Сихемъ* [2]), въ которой заключалась горькая иронія евреевъ по адресу самаритянъ [3]). Не думаю, чтобы

[1]) IX, 51 и слѣд.; XVII, 11.

[2]) *Сихаръ* означаетъ „ложь“.

[3]) Мусульмане донынѣ прибѣгаютъ къ такимъ оскорбительнымъ ка-

въ Ефесѣ такъ интересовались ненавистью и взаимными раздорами, которые существовали между іудеями и самаритянами (ст. 9). Намеки на религіозную исторію Самаріи, которые будто бы заключаются въ ст. 16—18, я считаю натянутыми. Капитальную важность представляетъ стихъ 22. Онъ словно раздѣляетъ на двѣ части превосходную мысль, начинающуюся словами: „Повѣрь мнѣ, что наступаетъ время...“ и выражаетъ какъ разъ противуположное мнѣніе. Здѣсь мы имѣемъ дѣло, повидимому, съ такою же поправкой, какъ и въ ст. 2, той же главы; самъ авторъ, или кто-либо изъ его учениковъ, выправляетъ мысль, которую онъ находитъ слишкомъ опасной, или слишкомъ смѣлой. Во всякомъ случаѣ, эта вставка проникнута чисто еврейскими предразсудками. Я отказываюсь ее понимать, если она была написана около 130 или 150 г. въ христіанской фракціи, наиболѣе отрѣшившейся отъ іудаизма. Ст. 35 совершенно въ стилѣ синоптиковъ и истинныхъ словъ Іисуса. Остается великолѣпное изреченіе, заключающееся въ ст. 21 и 23 (пропуская ст. 22). Для подобныхъ словъ не существуетъ строгаго мѣрила ихъ подлинности. Какъ предположить, чтобы Іисусъ или Самарянка разсказали кому-либо бесѣду, которая произошла между ними? Восточная манера вести разсказъ по существу своему имѣетъ повѣствовательный характеръ; все переводится на языкъ точныхъ и осязаемыхъ фактовъ. Наши фразы общаго смысла, выражающія тенденцію, общій взглядъ, востоку невѣдомы. Слѣдовательно, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ анекдотомъ, который слѣдуетъ принимать также буквально, какъ и любой другой изъ историческихъ анекдотовъ. Но въ анекдотѣ нерѣдко заключается истина. Если Іисусъ никогда не произносилъ этого изреченія, тѣмъ не менѣе слова эти принадлежатъ ему, и если бы его не было, то и ихъ не существовало бы. Я знаю, что у синоптиковъ часто встрѣчаются совершенно противуположные принципы, и случаи, гдѣ Іисусъ обходится съ не-евреями очень жестко. Но есть и другія мѣста, гдѣ мы снова находимъ у него тотъ же широкій взглядъ, какой господствуетъ въ этой главѣ Евангелія отъ Іоанна [1]). Надо выбирать между тѣми и другими, и ду-

---

ламбурамъ, въ которыхъ скрыты ихъ ненависть къ Франкамъ и христіанамъ.

[1]) Матѳея, VIII, 11 и слѣд.; XXI, 43; XXII, 1 и сл.; XXIV, 14; XXVIII, 19; Марка, XIII, 10; XVI, 15; Луки, IV, 26; XXIV, 47.

маю, что истинная мысль Іисуса заключается въ текстахъ второго раза. Мѣста противуположнаго характера, по моему мнѣнію, не болѣе, какъ lapsus, обмолвки, которыя принадлежатъ ученикамъ, не вполнѣ понимавшимъ своего учителя и искажавшимъ его мысли.

§ 11. Стихи 43—45 главы IV заключаютъ въ себѣ нѣчто удивительное. Авторъ полагаетъ, что Іисусъ совершалъ свои великія дѣла именно въ Іерусалимѣ, во время праздниковъ. Повидимому, это входитъ у него въ систему. И то обстоятельство, что онъ ссылается (ст. 44) на слова Іисуса, приводимыя также и синоптиками и имѣющія весьма достовѣрный характеръ, доказываетъ, что эта система, хотя и ложная, основывается у него на воспоминаніяхъ.

§ 12. Въ ст. 46 мы находимъ упоминаніе о небольшомъ городѣ Канѣ, что было бы непонятно въ сочиненіи искусственномъ и чисто догматическомъ. Далѣе идетъ (ст. 46—54) описаніе чудеснаго исцѣленія, весьма сходнаго съ подобными же чудесами, наполняющими разсказы синоптиковъ, и соотвѣтствующаго, съ нѣкоторыми варіантами, чуду, разсказанному у Матѳея, VIII, 5 и слѣд., и у Луки, VII, 1 и слѣд. Это весьма замѣчательно; ибо это показываетъ, что авторъ не измышляетъ чудесъ и, разсказывая о нихъ, держится преданія. Въ общемъ, изъ семи чудесъ, о которыхъ онъ разсказываетъ, только относительно двухъ (бракъ въ Канѣ и воскрешеніе Лазаря) нѣтъ ни слѣда у синоптиковъ, остальныя же пять находятся у нихъ только съ иными подробностями.

§ 13. Гл. V составляетъ совершенно обособленный отрывокъ. Здѣсь пріемы автора обнаруживаются. Онъ разсказываетъ чудо, будто бы совершенное въ Іерусалимѣ, и всю обстановку его пріурочиваетъ къ тому, чтобы самое чудо представлялось болѣе поразительнымъ, а затѣмъ пользуется этимъ случаемъ, чтобы вставить пространныя догматическія и полемическія разсужденія, направленныя противъ евреевъ. Измышляетъ ли авторъ это чудо или заимствуетъ его въ преданіи? Если измышляетъ, то надо, по меньшей мѣрѣ, признать, что онъ живалъ въ Іерусалимѣ, ибо онъ обнаруживаетъ хорошее знакомство съ городомъ (ст. 2 и слѣд.). Нигдѣ въ другихъ Евангеліяхъ не упоминается о Виѳездѣ; но чтобы выдумать это названіе и связанныя съ нимъ обстоятельства, автору четвертаго Евангелія необходимо было знать еврейскій языкъ, а противники сказаннаго Еванге-

лія этого не допускаютъ. Болѣе вѣроятно, что суть своего разсказа онъ почерпнулъ въ преданіи; дѣйствительно, разсказъ этотъ представляетъ замѣтное сходство съ аналогичными мѣстами у Марка [1]). Отсюда вытекаетъ, что часть христіанской общины приписывала Іисусу чудеса, будто бы происшедшія въ Іерусалимѣ. Это чрезвычайно важно. Вполнѣ естественно, что Іисусъ пріобрѣлъ огромную славу чудотворца среди сельскаго, безхитростнаго населенія Галилеи, особенно благоволившаго къ нему. Если бы онъ ни разу не обнаруживалъ здѣсь своей готовности совершить чудо, чудеса все равно ему приписали бы. Слава чудотворца все равно о немъ распространилась бы, независимо отъ того, приложилъ ли онъ къ этому стараніе, безъ его вѣдома. Чудо само собой объясняется для публики, расположенной къ чудотворцу; въ этихъ случаяхъ, въ сущности, публика сама дѣлаетъ чудо. Но передъ лицомъ неблагосклонной публики положеніе совершенно мѣняется. Это отлично было видно по размноженію чудесъ въ Италіи пять или шесть лѣтъ тому назадъ. Чудеса, которыя совершались въ римскихъ государствахъ, неизмѣнно удавались; напротивъ, когда чудотворцы рискнули появиться въ провинціяхъ итальянскихъ, гдѣ тотчасъ же по поводу чуда начиналось разслѣдованіе, то чудеса быстро прекратились. Лица, объ исцѣленіи которыхъ распущенъ былъ слухъ, признавались, что они вовсе не болѣли. Сами чудотворцы при допросѣ показывали, что имъ ничего неизвѣстно, но что такъ какъ распространился слухъ, будто бы они совершали чудеса, то они и сами этому повѣрили. Другими словами, для того чтобы чудо удалось, необходимо немножко снисходительности. Если же присутствующіе не помогаютъ чуду, то приходится помогать ему самимъ актерамъ. Такимъ образомъ, если допустить, что Іисусъ совершалъ чудеса въ Іерусалимѣ, то придется сдѣлать весьма обидныя для него предположенія. Пока я не буду произносить своего сужденія по этому предмету, ибо сейчасъ мнѣ надо будетъ говорить объ одномъ іерусалимскомъ чудѣ, которое представляетъ важность совсѣмъ съ другой стороны, и которое гораздо тѣснѣе связано съ главнѣйшими событіями жизни Іисуса.

§ 14. Гл. VI, 1—14: галилейское чудо, тоже совершенно сходное съ однимъ изъ чудесъ, описываемыхъ синоптиками; рѣчь идетъ о насыщеніи

---

[1]) Ср. Іоанна, V, 8, 9, 16, съ Маркомъ, II, 9, 12, 27.

хлѣбомъ пяти тысячъ. Очевидно, что это чудо принадлежало къ числу тѣхъ, которыя приписывались Іисусу еще при его жизни. Въ основѣ этого чуда лежитъ реальный фактъ. Нѣтъ ничего легче, какъ представить себѣ подобную иллюзію у людей легковѣрныхъ, наивныхъ, относящихся къ чудотворцу съ симпатіей. „Пока мы были съ нимъ, намъ не хотѣлось ни пить, ни ѣсть"; эта совершенно обычная фраза превратилась въ чудесный фактъ, который передавали другъ другу съ разными дополненіями. Какъ и всегда, повѣствованіе четвертаго Евангелія объ этомъ эпизодѣ немножко болѣе разсчитано на эффектъ, нежели тотъ же разсказъ у синоптиковъ. Въ этомъ отношеніи его можно считать сортомъ ниже. Но слѣдуетъ отмѣтить роль, которую здѣсь играетъ апостолъ Филиппъ. Филиппъ особенно хорошо извѣстенъ автору четвертаго Евангелія (ср. I, 43 и слѣд.; XII, 21 и слѣд.) Филиппъ же жилъ въ Гіераполисѣ въ Малой Азіи и Папій зналъ здѣсь его дочерей [1]). Все это отлично согласуется одно съ другимъ. Можно сказать, что авторъ заимствовалъ описаніе этого чуда у синоптиковъ или въ аналогичномъ источникѣ, а затѣмъ воспользовался имъ по собственному усмотрѣнію. Но какимъ образомъ черта, которую онъ прибавляетъ къ этому описанію, могла бы такъ хорошо гармонировать со всѣмъ, что намъ объ этомъ извѣстно изъ другихъ источниковъ, если бы самая эта черта не была почерпнута изъ непосредственнаго преданія?

§ 15. Авторъ описываетъ цѣлый рядъ чудесъ и видѣній (VI, 16 и слѣд.), которыя соединяетъ между собой явно искусственной связью, прекрасно подтверждающей, что всѣ эти воспоминанія (если только это воспоминанія) записаны довольно поздно. Во время бури Іисусъ появляется на волнахъ и какъ бы идетъ по морю; самая лодка чудесно движется сама собою. Чудо это описывается и синоптиками [2]). Очевидно и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ преданіемъ, а никакъ не съ индивидуальной фантазіей. Ст. 23 устанавливаетъ пунктъ, гдѣ это произошло, устанавливаетъ связь между этимъ чудомъ и насыщеніемъ хлѣбомъ пяти тысячъ, и все это, повидимому, доказываетъ, что данныя мѣста Евангелія слѣдуетъ отнести къ числу

[1]) У Евсевія, Hist. eccl., III, 39. Ср. Поликратъ у Евсевія, H. E., V, 24. Правда, что апостола Филиппа и діакона, носившаго то же имя, нерѣдко смѣшиваютъ между собой.

[2]) Матѳея, XIV, 22 и слѣд.; Марка, VI, 45 и слѣд.

тѣхъ разсказовъ о чудесахъ, которые имѣютъ историческую основу. Чудо, о которомъ идетъ рѣчь, объясняется, вѣроятно, какою либо галлюцинаціей спутниковъ Іисуса, которая у нихъ была, когда они плыли по озеру, и вслѣдствіе которой, въ минуту опасности, имъ казалось, что учитель идетъ къ нимъ на помощь. Идея, которую они себѣ внушили, что тѣло Іисуса легко, какъ духъ [1]), придавала этому большую вѣроятность. Мы скоро увидимъ (гл. XXI) еще другое преданіе, основанное на аналогичной игрѣ воображенія.

§ 16. Оба предшествующія чуда служатъ введеніемъ къ одной изъ важнѣйшихъ проповѣдей, какія только произносились Іисусомъ въ Капернаумской синагогѣ. Эта проповѣдь очевидно относится къ комплексу символовъ, особенно свойственныхъ древнѣйшей изъ христіанскихъ общинъ, къ символамъ, изображающимъ Христа въ видѣ хлѣба для вѣрующаго. Я уже говорилъ выше, что почти всѣ поученія, приписываемыя Христу четвертымъ Евангеліемъ, представляютъ собой искусственное произведеніе; быть можетъ, сюда же слѣдуетъ отнести и эту проповѣдь. Если угодно, я могу признать, что этотъ отрывокъ имѣетъ болѣе значенія для исторіи идеи Евхаристіи въ 1 вѣкѣ, нежели для изложенія подлиннаго ученія Іисуса. Но, по моему мнѣнію, и въ этомъ случаѣ само четвертое Евангеліе проливаетъ лучъ свѣта на этотъ вопросъ. По синоптикамъ, учрежденіе таинства Евхаристіи относится къ послѣднему вечеру, проведенному Іисусомъ съ учениками. Ясно, что въ очень старое время этому вѣрили и таково было ученіе св. Павла [2]). Но для того, чтобы согласиться съ этимъ, надо предположить, что Іисусъ точно зналъ день своей смерти, а этого мы не можемъ допустить. Слѣдовательно, обычаи, изъ которыхъ возникла Евхаристія, существовали раньше Тайной вечери и, я думаю, что четвертое Евангеліе совершенно правильно пропускаетъ разсказъ о вечери въ Великій Четвергъ и разсѣиваетъ идеи Евхаристіи по всему жизнеописанію Іисусу. Все, что есть существеннаго въ разсказѣ объ Евхаристіи, не болѣе какъ описаніе подробностей любой іудейской трапезы [3]). Іисусу приходилось не одинъ, а сотни разъ благо-

---

[1]) Отсюда произошелъ доцетизмъ, ересь, современная апостоламъ.
[2]) 1 посл. къ Коринө., XI, 23 и сл.
[3]) См. выше, стр. 237 и сл.

ловлять хлѣбъ, преломлять его, раздавать присутствующимъ, благословлять вино. Я отнюдь не утверждаю, будто бы четвертый евангелистъ приводитъ подлинныя слова Іисуса. Но весьма опредѣленныя черты, которыя описываются въ ст. 60 и слѣд., 68, 70 и 71, во всякомъ случаѣ носятъ оригинальный характеръ. Ниже мы снова замѣтимъ особенную ненависть автора къ Іудѣ изъ Керіота. Правда, синоптики тоже не очень мягко къ нему относятся. Но у четвертаго евангелиста эта ненависть носитъ болѣе обдуманный, болѣе личный характеръ; ее можно подмѣтить въ двухъ или трехъ мѣстахъ, кромѣ разсказа о самой измѣнѣ; благодаря ей, авторъ взводитъ на голову преступнаго ученика обвиненія, о которыхъ прочіе евангелисты не упоминаютъ.

§ 17. Глава VII, 1—10 представляетъ собой маленькое историческое сокровище. Здѣсь съ восхитительной наивностью переданы угрюмое неудовольствіе братьевъ Іисуса, предосторожности, которыя приходится принимать Іисусу. Здѣсь совершенно отсутствуютъ символистика и догматизмъ. Можно ли подозрѣвать догматическую или символическую тенденцію въ этомъ небольшомъ разсказѣ, который скорѣе можетъ вызвать возраженія, нежели служить цѣлямъ христіанской апологетики? Зачѣмъ писатель, единственнымъ девизомъ котораго былъ бы: Scribitur ad probandum, сталъ бы выдумывать подобную странную подробность? Нѣтъ, нѣтъ, въ этомъ мѣстѣ девизомъ его было несомнѣнно: Scribitur ad narrandum. Это вполнѣ оригинальное воспоминаніе, съ какой бы стороны оно ни шло и какимъ бы перомъ ни было написано. Можно ли послѣ этого утверждать, что личности, описываемыя четвертымъ Евангеліемъ, типы, характеры, а не историческія существа съ плотью и кровью? Скорѣе именно у синоптиковъ повѣствованіе носитъ идиллическій и легендарный характеръ; по сравненію съ ними четвертое Евангеліе пользуется пріемами исторіи, а въ его повѣствованіи видно намѣреніе достигнуть точности.

§ 18. Затѣмъ слѣдуетъ диспутъ между Іисусомъ и евреями (ст. 11 и слѣд.), которому я придаю лишь небольшую цѣну. Такого рода сцены должны были происходить въ большомъ числѣ. На всемъ, что разсказываетъ четвертый евангелистъ, сильно отражается характеръ его фантазіи; въ подобныхъ картинахъ краски его, поэтому, не должны быть особенно жизненными. Поученія, которыя здѣсь приписываются Іисусу, вполнѣ соотвѣтствуютъ

обычному стилю этого автора. Одно лишь вмѣшательство Никодима (ст. 50 и слѣд.) во всемъ этомъ эпизодѣ и имѣетъ нѣкоторую историческую цѣнность. Ст. 52 вызывалъ возраженія. Въ немъ, говорятъ, заключается ошибка, которой не сдѣлалъ бы ни Іоаннъ, ни даже любой еврей. Могъ ли авторъ не знать, что Іона и Наумъ были родомъ изъ Галилеи? Конечно, могъ не знать, или, по меньшей мѣрѣ, не подумать о нихъ. Евангелисты и вообще авторы книгъ Новаго Завѣта, за исключеніемъ св. Павла, обладали весьма слабымъ знаніемъ исторіи и экзегетики. Во всякомъ случаѣ, они писали по памяти и не заботились о точности.

§ 19. Разсказъ о грѣшницѣ оставляетъ мѣсто для большихъ критическихъ сомнѣній. Этого эпизода совсѣмъ нѣтъ въ лучшихъ рукописяхъ; тѣмъ не менѣе я думаю, что онъ входилъ въ первоначальный текстъ. Топографическія данныя ст. 1 и 2 вѣрны. Ни одинъ штрихъ во всемъ отрывкѣ не противорѣчитъ стилю четвертаго Евангелія. Я думаю, что эти строки были вычеркнуты лишь по неумѣстной щепетильности, пришедшей въ голову какимъ-нибудь лже-ригористамъ по поводу морали этого эпизода, съ виду покровительствующей распутству, между тѣмъ какъ эти самыя строки, если бы онѣ относились къ другимъ частямъ текстовъ, несомнѣнно были бы сохранены въ виду ихъ красоты. Во всякомъ случаѣ, если разсказъ о женщинѣ, взятой въ прелюбодѣяніи, сперва и не входилъ въ четвертое Евангеліе, то онъ несомнѣнно былъ почерпнутъ въ евангельскихъ преданіяхъ. Онъ былъ извѣстенъ Лукѣ, хотя и въ другой редакціи [1]). Повидимому, Папій [2]) читалъ аналогичный эпизодъ въ Евангеліи отъ евреевъ. Слова: „кто изъ васъ безъ грѣха...“ до такой степени въ духѣ Іисуса, такъ хорошо согласуются съ

[1]) VII, 37 и слѣд.

[2]) У Евсевія, Hist. eccl., III, 39. Ученый арменологъ, г. Прюдоммъ, на мой вопросъ, не встрѣчались ли ему цитаты изъ Папія у другихъ армянскихъ авторовъ, сообщилъ мнѣ любопытную цитату, взятую имъ у Вартана Вартобеда („Explications sur divers passages de l'Écriture Sainte“, n⁰ 12, fol. 40 v.); „Разсказъ о женщинѣ, взятой въ прелюбодѣяніи, который у прочихъ христіанъ существуетъ въ ихъ Евангеліи, принадлежитъ перу нѣкоего ученика Іоанна, Папія, который писалъ еретическія книги и былъ отлученъ. Такъ сообщаетъ Евсевій. Разсказъ этотъ написанъ впослѣдствіи“. Дѣйствительно, армяне совершенно отрицаютъ этотъ эпизодъ или же помѣщаютъ его въ концѣ Евангелія отъ Іоанна.

другими штрихами синоптиковъ, что мы вправѣ считать ихъ настолько же подлинными, какъ и всѣ изреченія, приводимыя синоптиками. Во всякомъ случаѣ легче понять, что подобный отрывокъ былъ вычеркнутъ, нежели то, что его прибавили.

§ 20. Богословскіе диспуты, которыми наполнена вся остальная часть главы VIII, для исторіи Іисуса не представляютъ никакой цѣнности. Очевидно авторъ приписываетъ Іисусу свои собственныя идеи, не основываясь ни на какомъ источникѣ, ни на какомъ непосредственномъ воспоминаніи. Какимъ образомъ, скажутъ мнѣ, могли бы до такой степени передѣлывать слова своего учителя его непосредственный ученикъ, или авторъ, изучающій преданіе и состоящій въ непосредственныхъ отношеніяхъ къ кому либо изъ апостоловъ? Но Платонъ былъ несомнѣнно непосредственнымъ ученикомъ Сократа и тѣмъ не менѣе не стѣснялся приписывать ему вымышленныя поученія. „Федонъ“ содержитъ историческія указанія въ высокой степени правдивыя, и поученія, не имѣющія ни малѣйшей достовѣрности. Въ преданіи факты сохраняются гораздо лучше, нежели поученія. Активная христіанская школа, быстро эволюціонируя, должна была за пятьдесятъ—шестьдесятъ лѣтъ радикально измѣнить представленіе, которое было ею составлено объ Іисусѣ, но въ то же время она могла лучше чѣмъ кто-либо другой пояснить извѣстныя особенности и общее строеніе біографіи реформатора. Напротивъ, безхитростные и кроткіе христіане въ Виѳаніи, среди которыхъ сложился сборникъ, т. н. „Λόγια“,—небольшія общины людей, очень чистыхъ сердцемъ и очень добросовѣстныхъ, *евіонитовъ* (Божій нищій), остававшихся вѣрными ученію Іисуса, благочестиво хранившихъ его поученія и образовавшихъ небольшой обособленный міръ, въ которомъ почти не было никакого движенія мысли,—могли въ одно и то же время отлично сохранить въ памяти тэмбръ голоса учителя и имѣть о немъ довольно мало біографическихъ свѣдѣній, такъ какъ имъ они не придавали большого значенія. Указанное различіе между тѣми и другими христіанскими общинами отразилось на первомъ Евангеліи. Несомнѣнно, что это Евангеліе лучше другихъ передаетъ намъ поученія Іисуса, а между тѣмъ въ отношеніи фактовъ, оно менѣе точно, нежели второе. Тщетно было бы ссылаться на единство редакціи четвертаго Евангелія. Я признаю это единство, но сочиненіе, редактированное однимъ лицомъ, можетъ заключать данныя весьма различныя

по своей цѣнности. Жизнь Магомета, написанная Ибнъ-Гишамомъ, несомнѣнно обладаетъ, какъ біографія, извѣстнымъ единствомъ, и тѣмъ не менѣе одни мѣста этого жизнеописанія мы признаемъ, а другія отрицаемъ.

§ 21. Глава IX и стихи 1—21 главы X составляютъ одно цѣлое, начинающееся съ разсказа о новомъ іерусалимскомъ чудѣ, объ исцѣленіи слѣпорожденнаго; намѣреніе подчеркнуть демонстративное значеніе этого чуда чувствуется здѣсь больше, нежели гдѣ либо. Тѣмъ не менѣе замѣтно довольно хорошее знакомство съ топографіей Іерусалима (ст. 7); объясненіе слова Σιλωάμ сдѣлано довольно хорошо. Невозможно допустить, чтобы это чудо было плодомъ символической фантазіи автора,—тѣмъ болѣе, что мы встрѣчаемъ разсказъ объ этомъ исцѣленіи у Марка (VIII, 22 и слѣд.), причемъ въ обоихъ разсказахъ упоминается объ одной и той же оригинальной подробности (ср. Іоанна, IX, 6, и Марка, VIII, 23). Я признаю, что въ послѣдующихъ преніяхъ и поученіяхъ было бы опасно отъискивать отголосокъ мысли Іисуса. Существенная черта автора четвертаго Евангелія, отнынѣ выступающая съ особенной яркостью, заключается въ томъ, что онъ пользуется чудомъ, какъ исходною точкою для пространныхъ разсужденій. Описываемыя имъ чудеса являются темою для разсужденій, комментарій. У синоптиковъ этого нѣтъ. У нихъ теургія отличается полнѣйшей наивностью; они никогда не возвращаются назадъ, чтобы использовать чудеса, о которыхъ они разсказали. Напротивъ, въ четвертомъ Евангеліи теургія является сознательной, чудо изображается съ искуственными пріемами, которые расчитаны на то, чтобы убѣдить невѣрующаго; авторъ старается использовать чудо для подтвержденія извѣстныхъ проповѣдей, которыми онъ и сопровождаетъ разсказъ о чудѣ. Если бы четвертое Евангеліе ограничивалось лишь подобными страницами, то мнѣніе о немъ, какъ о простомъ богословскомъ сочиненіи на заданную тему, было бы вполнѣ обоснованнымъ.

§ 22. Но этимъ четвертое Евангеліе не ограничивается. Начиная съ 22 стиха X главы, мы читаемъ топографическія подробности самой строгой точности, которая была бы необъяснима, еслибы мы признали, что четвертое Евангеліе ни въ какомъ отношеніи не можетъ считаться палестинскимъ преданіемъ. Я готовъ пожертвовать всѣмъ споромъ, который переданъ въ ст. 24—39. Напротивъ, путешествіе въ Перею, указанное въ ст. 40,

актъ историческій. Синоптикамъ также извѣстно объ этомъ путешествіи, ъ которымъ они связываютъ различные инциденты въ Іерихонѣ.

§ 23. Стихи 1—45 главы XI представляютъ собой мѣсто чрезвычайной важности. Рѣчь идетъ тоже о чудѣ, но о чудѣ, рѣзко отличающемся отъ другихъ и происшедшемъ при особенныхъ условіяхъ. Всѣ другія чудеса, описанныя какъ бы мимоходомъ, касаются людей неизвѣстныхъ, впослѣдствіи болѣе не встрѣчающихся въ евангельской исторіи. Здѣсь чудо происходитъ въ извѣстной семьѣ, пользовавшейся извѣстностью [1]), съ которой былъ хорошо знакомъ и авторъ четвертаго Евангелія, если только онъ правдивъ. Прочія чудеса представляютъ собой небольшіе побочные эпизоды, предназначенные для того, чтобы самой своей численностью подтвердить божественную миссію учителя, и взятые по одиночкѣ, ничего не доказывающіе, ибо ни объ одномъ изъ нихъ впослѣдствіи уже не споминаютъ и ни одно изъ нихъ не входитъ въ жизнеописаніе Іисуса, акъ составная часть его. О всѣхъ этихъ чудесахъ можно говорить ъ совокупности, какъ я и поступилъ въ моемъ сочиненіи, не нарушая и цѣлости всего зданія, ни послѣдовательности событій. Напротивъ, удо, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, глубоко вплетается въ повѣствоніе о послѣднихъ недѣляхъ жизни Іисуса, какъ оно передано четверымъ Евангеліемъ. И ниже мы увидимъ, что именно въ этомъ повѣствованіи о послѣднихъ недѣляхъ жизни Іисуса текстъ четвертаго Евангелія дѣляется своимъ несомнѣннымъ превосходствомъ надъ текстами другихъ Евангелій. Такимъ образомъ, это чудо само по себѣ составляетъ особую атегорію; съ перваго взгляда видно, что оно должно быть причислено къ бытіямъ, составляющимъ жизнь Іисуса. Но меня поражаютъ вовсе не мелкія одробности разсказа. Два другія іерусалимскія чуда Іисуса, о которыхъ воритъ авторъ четвертаго Евангелія, разсказаны совершенно также. Если ы даже всѣ обстоятельства воскрешенія Лазаря были плодомъ воображенія азсказчика, еслибы было доказано, что всѣ эти обстоятельства скомбинированы ради эффекта, соотвѣтственно обыкновенію, которое мы уже подмѣтили у этого автора, —все же самый фактъ останется исключительнымъ въ вангельской исторіи. Чудо въ Виѳаніи относится къ чудесамъ въ Галилеѣ

[1]) Лука, X, 38 и слѣд.

также, какъ стигматы Франциска Ассизскаго относятся къ остальнымъ чудесамъ этого святого. Карлъ Газе составилъ превосходное жизнеописаніе умбрійскаго святителя, не настаивая особенно ни на одномъ изъ этихъ послѣднихъ; но онъ отлично понялъ, что не могъ бы назваться правдивымъ біографомъ, если бы не остановился на стигматахъ; онъ посвятилъ имъ длинную главу, оставивъ полный просторъ для всякаго рода предположеній и гипотезъ.

Чудеса, которыми усѣяны всѣ четыре редакціи жизнеописанія Іисуса, сами собой раздѣляются на двѣ категоріи. Одни являются просто-на-просто созданіями легенды. Ни одно изъ нихъ не основано на реальныхъ фактахъ изъ жизни Іисуса. Всѣ они—плодъ той работы воображенія, которая происходитъ вокругъ всѣхъ популярныхъ личностей. Другія основываются на реальныхъ фактахъ. Такъ, напр., легенда вовсе не произвольно приписываетъ Іисусу исцѣленія одержимыхъ бѣсами. Безъ сомнѣнія, Іисусъ не разъ былъ самъ увѣренъ въ томъ, что совершалъ такія исцѣленія. Къ той же категоріи слѣдуетъ отнести насыщеніе пяти тысячъ, многіе случаи исцѣленія больныхъ, быть можетъ, нѣкоторыя видѣнія. Эти чудеса представляютъ собой не просто плоды фантазіи; они созданы по поводу реальныхъ, но преувеличенныхъ и видоизмѣненныхъ фактовъ. Надо абсолютно отказаться отъ весьма распространеннаго убѣжденія, будто-бы чудеса никогда не передаются свидѣтелемъ очевидцемъ. Авторъ послѣднихъ главъ „Дѣяній“ несомнѣнно свидѣтель очевидецъ жизни св. Павла, однако, этотъ авторъ разсказываетъ о чудесахъ, которыя должны были происходить на его глазахъ [1]). Но, что я говорю! Св. Павелъ самъ разсказываетъ о своихъ чудесахъ и ими подтверждаетъ истинность своей проповѣди [2]). Нѣкоторыя изъ чудесъ составляли постоянное явленіе въ Церкви и въ нѣкоторомъ родѣ входили въ то, что называется обычнымъ правомъ [3]). „Какимъ образомъ, говорятъ

[1]) Дѣянія, XX, 7—12; XXVII, 11, 21 и слѣд.; XXVIII, 3 и слѣд., 8 и слѣд.

[2]) 2 посл. къ Коринѳ., XII, 12; Посл. къ Римл., XV, 19. Онъ называетъ чудеса σημεῖα τοῦ ἀποστόλου, „признаками, по которымъ можно узнавать апостоловъ“. Ср. Посл. къ Галат., III, 5.

[3]) 1 Посл. къКоринѳ., I, 22; XII, 9 и сл.; 28 и слѣд.; ср. 2 посл. къ Ѳессалон., II, 9. Въ еврейскомъ преданіи Іисусъ и его ученики изображаются чудо-

нѣкоторые, выдавать себя за свидѣтеля очевидца и въ то же время разсказывать вещи, которыя никакъ нельзя было ни слышать, ни видѣть?" Но въ такомъ случаѣ и tres socii не знали Франциска Ассизскаго, ибо они разсказываютъ много такого, чего никакъ невозможно было ни слышать, ни видѣть.

Къ какой же категоріи слѣдуетъ отнести то чудо, о которомъ идетъ рѣчь? Послужилъ ли для него поводомъ какой-нибудь реальный фактъ, преувеличенный и пріукрашенный впослѣдствіи? Или, быть можетъ, въ немъ нѣтъ ничего реальнаго? Чистая ли эта легенда, или вымыселъ разсказчика? Затрудненіе увеличивается вслѣдствіе того, что въ третьемъ Евангеліи, отъ Луки, мы находимъ самыя странныя совпаденія по этому поводу. Дѣйствительно, Лука зналъ Мароу и Марію [1]), зналъ даже и то, что онѣ родомъ не изъ Галилеи; словомъ, онѣ у него являются въ освѣщеніи довольно сходномъ съ тѣмъ, которое имъ дается и четвертымъ Евангеліемъ. Въ этомъ послѣднемъ текстѣ Мареа играетъ роль служанки (διηκόνει), Марія—роль пылкой, воспріимчивой личности. Извѣстенъ восхитительный эпизодъ, который отсюда извлекъ Лука. Если мы сравнимъ соотвѣтствующія мѣста у Луки и въ четвертомъ Евангеліи, то станетъ очевиднымъ, что здѣсь роль оригинала принадлежитъ четвертому Евангелію, не въ томъ смыслѣ, что Лука, или авторъ третьяго Евангелія, кто бы онъ ни былъ, читалъ четвертое Евангеліе, а въ томъ, что въ четвертомъ Евангеліи мы находимъ данныя, объясняющія легендарный анекдотъ третьяго Евангелія. Извѣстенъ ли Лазарь третьему Евангелію? Послѣ того какъ я въ теченіе долгаго времени отказывался это допустить, теперь я пришелъ къ тому, что это весьма возможно. Въ настоящее время я дѣйствительно думаю, что Лазарь въ притчѣ о богатомъ не кто иной, какъ воскресшій Лазарь въ передѣланномъ видѣ [2]). Пусть не возражаютъ на это, что для такой метаморфозы ему пришлось бы въ пути порядочно измѣниться. Въ этомъ предположеніи нѣтъ ничего невозможнаго; пиршество у Маріи, Мареы и Лазаря,

---

творцами и заклинателями (Мидрашъ, *Когелетъ*, I, 8; VII, 26; Вавил. Талм., *Авода цара*, 27 в.; *Шаббатъ*, 104 в.; Іерусалим. Талм., *Шаббатъ*, XIV, 4.

[1]) X, 38—42.

[2]) См. выше, стр. 266, 280—282.

играющее видную роль въ четвертомъ Евангеліи, переносится синоптиками къ нѣкоему Симону прокаженному, а въ третьемъ Евангеліи превращается въ пиршество у Симона Фарисея, и здѣсь фигурируетъ грѣшница, которая, подобно Маріи въ четвертомъ Евангеліи, умащаетъ ноги Іисуса и отираетъ ихъ своими волосами. Какой путеводной нити слѣдуетъ держаться въ этомъ лабиринтѣ отрывочныхъ и перефразированныхъ легендъ? Что касается меня, то я допускаю, что виѳанская семья дѣйствительно существовала и въ извѣстныхъ развѣтвленіяхъ христіанскаго преданія породила цѣлый циклъ легендъ. Одною изъ такихъ легендъ было воскрешеніе Іисусомъ главы этого дома. Безъ сомнѣнія, подобный слухъ могъ возникнуть и послѣ смерти Іисуса. Но я не считаю невозможнымъ, чтобы поводомъ для него послужилъ какой-либо реальный фактъ изъ жизни Іисуса. Умалчиваніе синоптиковъ объ эпизодѣ въ Виѳаніи меня не особенно поражаетъ. Синоптикамъ вообще мало извѣстно все, что непосредственно предшествовало послѣдней недѣлѣ жизни Іисуса. У нихъ недостаетъ не только случая въ Виѳаніи, но и всего періода жизни Іисуса, къ которому относится этотъ случай. Тутъ мы постоянно возвращаемся къ основному спорному пункту. Надо рѣшить, какая изъ двухъ системъ вѣрнѣе, та-ли, по которой главной ареной дѣятельности Іисуса является Галилея, или та, по которой Іисусъ провелъ часть своей жизни въ Іерусалимѣ.

Мнѣ небезъизвѣстны усилія символистики разъяснить этотъ пунктъ. По мнѣнію ученыхъ и преданныхъ защитниковъ этой системы, чудо въ Виѳаніи означаетъ, что Іисусъ для вѣрующихъ есть воскресеніе и жизнь въ духовномъ смыслѣ. Лазарь это—нищій ,*евіонъ*, воскрешенный Іисусомъ изъ состоянія духовной смерти. Именно за это, за пробужденіе народа, которое начинало ихъ безпокоить, имущіе классы и рѣшили погубить Іисуса. Такова система, на которой останавливаются лучшіе богословы христіанской Церкви нашего времени. По моему мнѣнію, система эта ошибочна. Я признаю, что четвертое Евангеліе догматично, но оно отнюдь не носитъ аллегорическаго характера. Дѣйствительно, аллегорическія книги первыхъ вѣковъ отличаются совершенно другими пріемами, какъ, напр., Апокалипсисъ, *Пастырь* Гермаса, *Писте Софіа*. По существу этотъ символизмъ вполнѣ соотвѣтствуетъ миѳизму Штрауса: послѣднее прибѣжище богослововъ, доведенныхъ до крайности, — аллегорія, миѳъ, символъ. Мы же, отыскивая

только голую историческую истину безъ малѣйшей тѣни задней богословской или политической мысли, должны быть гораздо свободнѣе. Для насъ во всемъ этомъ нѣтъ ничего ни миѳическаго, ни символическаго; это исторія сектантская и народная. Къ ней нужно отнестись съ большой осторожностью, но безъ всякаго предвзятаго мнѣнія въ видѣ подобранныхъ объясненій.

Можно сослаться на различные примѣры. Александрійская школа, въ томъ видѣ, какъ она намъ извѣстна по сочиненіямъ Филона, безспорно имѣла сильное вліяніе на богословіе апостольскаго вѣка. И развѣ мы не видѣли, что эта школа доводитъ склонность къ символизму до безумія? Развѣ весь Ветхій Завѣтъ не сталъ въ ея рукахъ лишь предлогомъ для мелочныхъ аллегорій? Развѣ *Мидрашимъ* и Талмудъ не наполнены мнимыми историческими разъясненіями, лишенными всякой правдивости, что объясняется только религіозными тенденціями или желаніемъ создать аргументы въ пользу тезиса? Но дѣло другое, когда идетъ рѣчь о четвертомъ Евангеліи. Принципы, критики, которые слѣдуетъ примѣнять по отношенію къ Талмуду или *Мидрашимъ*, не приложимы къ сочиненію, не имѣющему ничего общаго съ духомъ палестинскихъ евреевъ. Филонъ усматриваетъ аллегоріи въ старинныхъ текстахъ, но самъ онъ не создаетъ аллегорическихъ текстовъ. Существуетъ священная книга; истолкованіе ея представляется затруднительнымъ или неудовлетворительнымъ; тогда пытаются открыть въ ней затаенный, таинственный смыслъ; мы знаемъ массу такихъ примѣровъ. Но обширнаго историческаго повѣствованія, написаннаго съ задней мыслью скрыть въ немъ символическія тонкости, которыя удалось бы открыть лишь спустя семнадцать вѣковъ, такого примѣра, конечно, никто никогда не видалъ. Въ этомъ случаѣ роль александрійцевъ принадлежитъ приверженцамъ аллегорическаго объясненія. Затрудняясь толкованіемъ четвертаго Евангелія, они обходятся съ нимъ также, какъ Филонъ съ книгой Бытія, какъ все еврейское и христіанское преданія обходятся съ Пѣснью Пѣсней. Для насъ, просто историковъ, допускающихъ, во-первыхъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло лишь съ легендами, частью правдивыми, частью ложными, какъ и всякія легенды вообще, и, во-вторыхъ, что реальные факты, послужившіе основой этихъ легендъ, были прекрасны, великолѣпны, трогательны, восхитительны, но что какъ всякое человѣческое дѣло, такъ и

эта реальность, была сильно запятнана слабостями, которыя возмутили бы насъ, если бы мы были ихъ очевидцами, для насъ, повторяю я, здѣсь нѣтъ никакихъ трудностей. Существуютъ тексты, и рѣчь идетъ о томъ, чтобы извлечь изъ нихъ елико возможно больше исторической правды; вотъ и все.

Здѣсь намъ представляется другой, довольно деликатный вопросъ. Не примѣшивалась ли иной разъ нѣкоторая доза угодливости къ чудесамъ второй категоріи, т. е. къ тѣмъ чудесамъ, въ основѣ которыхъ лежатъ реальные факты изъ жизни Іисуса. Я въ этомъ увѣренъ, или, по крайней мѣрѣ, могу заявить, что если бы это было не такъ, то нарождающееся христіанство слѣдовало бы признать явленіемъ, которое въ этомъ отношеніи не имѣетъ себѣ абсолютно ничего аналогичнаго. Явленіе это можно признать величайшимъ и прекраснѣйшимъ изъ всѣхъ явленій въ этомъ родѣ, но оно все таки должно было подчиняться общимъ законамъ всѣхъ событій въ исторіи религій. Ни одно великое религіозное дѣло не обходилось безъ фактовъ, которые въ настоящее время заслужили бы названіе поддѣлокъ. Древнія религіи изобилуютъ такого рода фактами [1]). Немногія изъ учрежденій прошлаго заслуживаютъ съ нашей стороны такой признательности, какъ дельфійскій оракулъ, ибо ему принадлежатъ крупныя заслуги въ дѣлѣ спасенія Греціи, родоначальницы всѣхъ знаній и искусствъ. Просвѣщенный патріотизмъ Пиѳіи впадалъ въ ошибку не болѣе какъ въ одномъ или двухъ случаяхъ. Всегда этотъ оракулъ былъ органомъ мудрецовъ, одаренныхъ самымъ вѣрнымъ чутьемъ въ вопросахъ, связанныхъ съ интересами Греціи. Эти мудрецы, основатели цивилизаціи, никогда не стѣснялись давать совѣты жрицѣ, которую будто-бы воодушевляли боги. Если признать сколько нибудь историческими преданія о Моисеѣ, то оказывается, что онъ пользовался въ видахъ своей политики [2]) естественными явленіями природы, въ родѣ грозы, случайныхъ повальныхъ болѣзней и т. п. Всѣ древ-

[1]) Мы видимъ фактическія доказательства этому въ храмѣ Изиды въ Помпеѣ, въ Эрехтеумѣ, въ Аѳинахъ и др.

[2]) Возобновленіе и въ нѣкоторомъ родѣ вторичное основаніе ваггабизма въ центральной Азіи произошло благодаря холерѣ 1855 г., которою ревнители искусно воспользовались. Пальгрэвъ, Narrative of a journey trought Arabia, т. I, стр. 407 и слѣд.

ніе законодатели выдавали свои законы за внушеніе боговъ. Всѣ пророки нисколько не стѣснялись утверждать, что ихъ высшія требованія продиктованы имъ Всевышнимъ. Буддизмъ, преисполненный столь высокаго религіознаго чувства, живетъ постоянными чудесами, которыя не могутъ же происходить сами собой. Тироль, одна изъ самыхъ наивныхъ странъ въ Европѣ, родина стигматиковъ, слава которыхъ невозможна безъ примѣси сплетень или кумовства. Исторія церкви, по своему заслуживающая полнаго уваженія, переполнена лже-реликвіями, лже-чудесами. Бывало ли религіозное движеніе болѣе наивное, нежели то, во главѣ котораго стоялъ св. Францискъ Ассизскій? И между тѣмъ вся исторія стигматъ необъяснима безъ нѣкотораго соучастія со стороны ближайшихъ друзей этого святого [1]).

„Никто не подготовляетъ поддѣльныхъ чудесъ, скажутъ мнѣ на это, когда существуетъ увѣренность, что всюду происходятъ настоящія чудеса". Какое заблужденіе! Именно при вѣрѣ въ чудеса люди безсознательно стремятся увеличивать ихъ число. При нашихъ точныхъ знаніяхъ мы съ трудомъ можемъ себѣ представить тѣ удивительныя иллюзіи, благодаря которымъ эти темныя, но сильныя натуры, какъ бы играя съ сверхъестественнымъ, если можно такъ выразиться, безпрестанно скользили какъ по наклонной плоскости отъ легковѣрія къ угодливости и отъ угодливости къ легковѣрію. Что можетъ быть удивительнѣе маніи, распространяющейся въ извѣстныя эпохи, приписывать апокрифическія книги древнимъ святымъ? Апокрифическія книги Ветхаго Завѣта, книги герметическаго цикла, безчисленныя псевдоэпиграфическія произведенія Индіи соотвѣтствуютъ великому подъему религіознаго чувства. Полагали, что приписывая эти произведенія древнимъ мудрецамъ, этимъ самымъ оказываютъ имъ честь; выдавали себя за ихъ сотрудниковъ, не помышляя о томъ, что въ одинъ прекрасный день такой поступокъ будетъ названъ обманомъ. Авторы средневѣковыхъ легендъ, спокойно раздувавшихъ, сидя за своими пюпитрами, чудеса своего святого, очень бы удивились если бы услыхали, что ихъ называютъ теперь обманщиками.

Въ XVIII вѣкѣ всю исторію религій объясняли обманомъ. Критика нашего времени цѣликомъ отвергла такое объясненіе. Слово это, разумѣется,

---

[1]) К. Газе, Franz von Assisi, гл. XIII и прибавленіе (переводъ Шарля Берту, стр. 125 и слѣд., 149 и слѣд.).

обидно; но въ какой именно степени прекраснѣйшія личности прошлаго способствовали своимъ собственнымъ иллюзіямъ, или иллюзіямъ, которыя создавались на ихъ счетъ, этого нашъ разсудительный вѣкъ уже не въ состояніи выяснить. Чтобы понять это, необходимо побывать на Востокѣ. На Востокѣ душой всего является страсть, легковѣріе же безпредѣльно. Вы никогда не проникнете до основъ мысли восточнаго человѣка, ибо нерѣдко этихъ основъ для него самого не существуетъ. Обманъ создаетъ страсть, съ одной стороны, и легковѣріе—съ другой. И никакое крупное движеніе въ этой странѣ не происходитъ безъ нѣкотораго плутовства. Мы уже не умѣемъ ни желать, ни ненавидѣть; хитрости нѣтъ мѣста въ нашемъ обществѣ, ибо для нея не существуетъ объекта. Но страсть и экзальтація не выносятъ такой холодности, этого равнодушія къ результатамъ, которое лежитъ въ основѣ нашего прямодушія. Но если абсолютныя, на подобіе восточныхъ, натуры берутся за какое либо дѣло, то онѣ уже не отступаютъ и въ тотъ день, когда иллюзія станетъ необходимой для дѣла, они передъ этимъ не остановятся. Развѣ это по недостатку прямодушія? Напротивъ, это потому, что убѣжденіе у подобныхъ натуръ слишкомъ интенсивно, потому что онѣ неспособны вернуться къ самимъ себѣ, потому что онѣ неразборчивы въ средствахъ. Называть это мошенничествомъ было бы несправедливо; именно та сила, съ которой онѣ увлекаются своей идеей, заглушаетъ въ нихъ всѣ другія мысли; разъ цѣль представляется имъ абсолютно хорошей, они считаютъ законнымъ все, что служитъ для ея достиженія. Фанатизмъ всегда бываетъ искрененъ въ своемъ тезисѣ и является обманщикомъ только по выбору средствъ для доказательствъ. Если публика сразу же не поддается доводамъ, которые фанатизмъ считаетъ хорошими, т. е. его подтвержденіямъ, то онъ прибѣгаетъ къ завѣдомо дурнымъ доводамъ. Вѣра для него—все; мотивы, по которымъ вѣрятъ, для него безразличны. Возьмемъ ли мы на себя отвѣтственность за всѣ аргументы, при помощи которыхъ совершалось обращеніе варваровъ? Въ наши дни къ обману прибѣгаютъ, какъ къ средству, только если извѣстно, что приходится доказывать ложь. Въ прежнія времена, употребленіе такихъ средствъ предполагало глубокое убѣжденіе, которое сочеталось съ самой высокой нравственностью. Мы, критики, обязанные по своей профессіи разобраться въ этой лжи и выдѣлить правду изъ цѣлой сѣти обмановъ и всякаго рода иллюзій, въ которую облечена

исторія, въ виду подобныхъ фактовъ испытываемъ чувство нѣкотораго отвращенія. Но не будемъ навязывать нашу щепетильность тѣмъ, кто былъ обязанъ вести за собой бѣдное человѣчество. Въ выборѣ между общей истиной принципа и правдивостью мелкаго факта, человѣкъ глубокой вѣры никогда не колеблется. Въ эпоху коронованія Карла X были на лицо всѣ самыя достовѣрныя доказательства тому, что святая ампула уничтожена. Затѣмъ она отыскалась, ибо она была необходима. Съ одной стороны, дѣло шло о спасеніи королевской власти (или по меньшей мѣрѣ этому вѣрили); на другой чашкѣ вѣсовъ находился вопросъ о подлинности нѣсколькихъ капель елея; ни одинъ хорошій роялистъ не затруднится въ выборѣ.

Въ итогѣ, среди чудесъ, приписываемыхъ Евангеліями Іисусу, есть случаи чисто легендарные. Но были, вѣроятно, и такіе, гдѣ онъ согласился играть роль чудотворца. Оставимъ пока въ сторонѣ четвертое Евангеліе; Евангеліе отъ Марка, наиболѣе оригинальное изъ синоптическихъ, представляетъ собой жизнеописаніе чудотворца и заклинателя. Черты, въ родѣ тѣхъ, которыя передаетъ Лука, VIII, 45—46, ничуть не менѣе досадны, нежели тѣ, наличность коихъ въ эпизодѣ воскрешенія Лазаря заставляетъ богослововъ взывать громогласно о миѳѣ и символѣ. Я не дорожу признаніемъ чуда, о которомъ идетъ рѣчь, историческимъ реальнымъ фактомъ. Гипотеза, которую я предлагаю въ настоящемъ моемъ трудѣ, объясняетъ все дѣло недоразумѣніемъ. Я хотѣлъ только показать, что этотъ старинный эпизодъ въ четвертомъ Евангеліи не можетъ служить рѣшительнымъ возраженіемъ противъ признанія исторической цѣнности этого Евангелія. Въ той части жизнеописанія Іисуса, къ которой мы теперь перейдемъ, четвертое Евангеліе заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя частныя разъясненія, безконечно болѣе цѣнныя, нежели данныя синоптиковъ. И странная вещь! разсказъ о воскрешеніи Лазаря связанъ съ этими послѣдними страницами до такой степени тѣсно, что если признать его вымышленнымъ и отвергнуть, то мы разрушимъ однимъ ударомъ все зданіе послѣднихъ недѣль жизни Іисуса, столь прочно воздвигнутое четвертымъ Евангеліемъ.

§ 24. Стихи 46—54 главы XI изображаютъ первый совѣтъ, который держатъ евреи съ цѣлью погубить Іисуса, какъ непосредственный результатъ чуда въ Виѳаніи. Можно сказать, что эта связь сдѣлана искусственно. Однако, насколько авторъ четвертаго Евангелія ближе къ истинѣ, нежели

синоптики, по которымъ заговоръ евреевъ противъ Іисуса начинается всего лишь за два или три дня до его смерти! Кромѣ того, весь этотъ разсказъ чрезвычайно натураленъ; онъ заканчивается подробностью, которая, конечно, не была вымышлена, бѣгствомъ Іисуса въ Ефроннъ или Ефронъ. Какого аллегорическаго смысла можно искать въ такомъ обстоятельствѣ? Не очевидно ли, что авторъ четвертаго Евангелія обладаетъ данными совершенно неизвѣстными синоптикамъ, которые, очень мало заботясь о томъ, чтобы составить вѣрную біографію, втискиваютъ въ нѣсколько дней шесть послѣднихъ мѣсяцевъ жизни Іисуса? Ст. 55—56 представляютъ довольно удовлетворительныя хронологическія данныя.

§ 25. Затѣмъ слѣдуетъ (гл. XII, 1 и слѣд.) эпизодъ, общій всѣмъ евангелистамъ, кромѣ Луки, который въ этомъ мѣстѣ обработалъ свой матеріалъ совсѣмъ инымъ способомъ; это вечеря въ Виѳаніи. Въ словахъ „за шесть дней“ въ ст. 1 усматривали символическій смыслъ, я хочу сказать, намѣреніе пріурочить день помазанія мvромъ къ 10-му низана, когда происходитъ выборъ пасхальнаго агнца (Исходъ, XII, 3, 6). Это не особенно ясно выражено. Въ главѣ XIX, ст. 36, гдѣ сквозитъ намѣреніе уподобить Іисуса пасхальному агнцу, редакторъ высказывается болѣе опредѣленно. Что касается всѣхъ обстоятельствъ вечери, то неужели только по чистой фантазіи авторъ пускается въ подробности, неизвѣстныя Матѳею и Марку? Я не думаю. Скорѣе это оттого, что онъ знаетъ больше другихъ. Женщина, неназванная по имени синоптиками, была Марія изъ Виѳаніи. Ученикъ, сдѣлавшій замѣчаніе по поводу ея поступка, это Іуда и самое имя его вовлекаетъ разсказчика въ довольно рѣзкія личности (ст. 6). Въ этихъ строкахъ (ст. 6) сквозитъ взаимная ненависть двухъ учениковъ, которые долго жили вмѣстѣ, между которыми не разъ возникало треніе и которые пошли по противуположнымъ дорогамъ. А эти слова „Μάρθα διηκόνει“, которыми такъ хорошо объясняется цѣлый эпизодъ, разсказанный Лукой [1]). О томъ, какъ женщина отираетъ своими волосами ноги Іисуса, разсказываетъ и Лука [2]). Словомъ все внушаетъ мысль, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ оригинальнымъ источникомъ, который является клю-

[1]) X, 40 и слѣд.

[2]) VII, 38.

чемъ и къ другимъ, болѣе искаженнымъ разсказамъ. Я не отрицаю, что стихи 1—2, 9—11, 17—18, въ которыхъ три раза разсказчикъ возвращается къ воскрешенію Лазаря, производятъ странное впечатлѣніе; ими подчеркивается сказанное въ гл. XI, 45 и слѣд. Напротивъ, я не вижу ничего неправдоподобнаго въ намѣреніи, которое приписывается семьѣ изъ Виѳаніи, поколебать равнодушіе іерусалимскихъ жителей внѣшними проявленіями, совершенно неизвѣстными простодушной Галилеѣ. Не слѣдуетъ утверждать, что тѣ или другія предположенія невѣрны, потому что они обидны для кого либо, или рисуютъ чью либо мелочность. Если бы мы видѣли оборотную сторону самыхъ великихъ событій, которыя только совершались въ мірѣ, событій, которыя насъ очаровываютъ, которыми мы живемъ, то ни одно изъ нихъ не выдержало бы критики. Замѣтьте, кромѣ того, что здѣсь дѣйствующими лицами являются женщины, охваченныя тѣмъ чувствомъ любви, ни съ чѣмъ несравнимымъ, которое Іисусъ умѣлъ внушать окружающимъ, женщины, убѣжденныя, что онѣ живутъ среди чудесъ, убѣжденныя въ томъ, что Іисусъ совершилъ безчисленныя чудеса, и теперь оказавшіяся лицомъ къ лицу съ невѣрующими, которые насмѣхались надъ тѣмъ, кого онѣ любили. Если бы какое либо сомнѣніе и зародилось въ ихъ душахъ, то воспоминаніе о другихъ чудесахъ Іисуса заставило бы его замолчать. Представьте себѣ даму легитимистку, которой суждено помочь небу спасти Жоаса. Будетъ ли она колебаться? Страсть всегда приписываетъ Богу свой гнѣвъ, свои интересы; она вступаетъ въ совѣщаніе съ Богомъ, заставляетъ его говорить, дѣйствовать. Получается увѣренность въ собственной правотѣ; кто поддерживаетъ Его дѣло, выказываетъ рвеніе, котораго у Него нѣтъ, тотъ служитъ Ему.

§ 26. Разсказъ о торжественномъ входѣ Іисуса въ Іерусалимъ (XII, 12 и слѣд.) согласуется съ соотвѣтствующимъ мѣстомъ у синоптиковъ. Здѣсь изумительно лишь новое напоминаніе о чудѣ въ Виѳаніи (ст. 17—18). Именно по поводу этого чуда фарисеи и рѣшаютъ предать Іисуса смерти; это чудо заставило іерусалимскихъ жителей увѣровать въ Іисуса; это же чудо послужило причиной торжества въ Виѳаніи. Я охотно отнесъ бы все это на счетъ редактора, работавшаго въ 150 г., не вѣдая реальнаго характера и наивной невинности галилейскаго движенія. Но прежде всего надо остерегаться мнѣнія, будто невинность и иллюзія, сознающая

себя таковой, взаимно исключаютъ одна другую. Въ этомъ отношенiи аналогiй слѣдуетъ искать въ быстрой смѣнѣ состоянiй души восточной женщины. Страсть, наивность, безпомощность, вѣроломство, идиллiя и преступленiе, легкомыслiе и глубина, искренность и ложь, смѣняютъ другъ друга въ этого рода натурахъ, и дѣлаютъ невозможными какiя-либо абсолютныя опредѣленiя. Въ подобныхъ случаяхъ критика не должна позволять себѣ какихъ либо исключительныхъ мѣрокъ. Часто вѣрнѣе всего дѣло объясняется миѳическимъ характеромъ факта; но это не должно исключать и историческаго объясненiя. Стихи 20 и слѣд. главы XII носятъ несомнѣнно историческiй характеръ. Здѣсь заключается темный и обособленный эпизодъ обращенiя эллиновъ къ Филиппу. Замѣтьте роль этого апостола; одно лишь четвертое Евангелiе имѣетъ нѣкоторыя свѣдѣнiя о ней. Замѣтьте, въ особенности до какой степени въ этомъ эпизодѣ нѣтъ ничего догматическаго или символическаго. Было бы довольно неосновательно утверждать, что эти греки такiя же разумныя существа, какъ Никодимъ и Самаритянка. Поученiе, которое сказано Iисусомъ по этому поводу, не имѣетъ къ нимъ никакого отношенiя (ст. 23 и слѣд.).

Афоризмъ, заключающiйся въ ст. 25, находится и у синоптиковъ; очевидно это подлинныя слова Iисуса. Авторъ не списываетъ его у синоптиковъ. Итакъ, даже заставляя говорить Iисуса, авторъ четвертаго Евангелiя иногда руководствуется преданiемъ.

§ 27. Стихи 27 и слѣд. представляютъ большую важность. Iисусъ смущенъ. Онъ проситъ Отца „избавить его отъ часа сего". Потомъ онъ смиряется. Слышится голосъ съ неба, или какъ показалось другимъ, ангелъ говоритъ Iисусу. Что это за эпизодъ? Можно не сомнѣваться въ томъ, что это параллель съ томленiемъ духа въ Геѳсиманскомъ саду, сцена, дѣйствительно, пропущенная авторомъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ ей слѣдовало находиться, послѣ Тайной вечери. Замѣтьте обстоятельство появленiя ангела, извѣстное одному Лукѣ; это еще лишняя черта въ серiи совпаденiй между третьимъ и четвертымъ Евангелiями, составляющихъ весьма цѣнный фактъ для евангельской критики. Но существованiе двухъ столь различныхъ варiантовъ подробности, относящейся къ послѣднимъ днямъ жизни Iисуса и несомнѣнно имѣющей историческiй характеръ, само по себѣ фактъ, имѣющiй рѣшающее значенiе. Кому здѣсь отдать предпочтенiе? По моему мнѣ-

нію, четвертому Евангелію. Во-первыхъ, повѣствованіе этого Евангелія носитъ не столь драматическій характеръ, менѣе искусственно, менѣе послѣдовательно (прибавлю отъ себя, и не такъ прекрасно). Во-вторыхъ, моментъ, къ которому четвертое Евангеліе относитъ разсматриваемый эпизодъ, болѣе подходящій. Синоптики отнесли сцену въ Геѳсиманскомъ саду, равно какъ и другія торжественныя обстоятельства, къ послѣднему вечеру Іисуса, въ силу свойственной человѣку наклонности пріурочивать всѣ свои воспоминанія къ послѣднимъ часамъ жизни любимаго существа. Сверхъ того, при такомъ расположеніи событій они производятъ болѣе сильное впечатлѣніе. Но для того чтобы согласиться съ порядкомъ, принятымъ синоптиками, нужно предположить, что Іисусъ съ точностью зналъ день своей смерти. Вообще мы неоднократно замѣчали, что синоптики уступаютъ желанію перетасовать событія, вносятъ въ свое повѣствованіе нѣкоторую искусственность. Тѣмъ не менѣе искусственность эта чисто божественная, ибо она создала лучшую народную поэму, которая когда либо была написана, исторію Страстей! Но безспорно, что въ такихъ случаяхъ историческая критика всегда будетъ на сторонѣ варіанта съ менѣе драматическимъ характеромъ. Этотъ принципъ заставляетъ насъ ставить Матѳея ниже Марка, и Луку ниже Матѳея, когда рѣчь идетъ объ опредѣленіи исторической цѣнности разсказовъ синоптиковъ.

§ 28. Мы дошли до послѣдняго вечера (гл. XIII). Прощальная вечеря разсказана, какъ и у синоптиковъ, съ большими подробностями. Но странная вещь! капитальнѣйшее обстоятельство этой трапезы по синоптикамъ здѣсь пропущено; нѣтъ ни слова объ учрежденіи Евхаристіи, которая однако такъ сильно занимаетъ мысли автора четвертаго Евангелія (гл. VI). А между тѣмъ какой обдуманный характеръ носитъ здѣсь разсказъ (ст. 1)! Какъ авторъ настаиваетъ на сентиментальномъ и мистическомъ значеніи послѣдней вечери! Какъ понять такое умолчаніе? Здѣсь, какъ и въ сценѣ въ Геѳсиманскомъ саду, я вижу въ умолчаніи признаки превосходства четвертаго Евангелія. Утверждать, что Іисусъ отложилъ до вечера Четверга столь важное ритуальное учрежденіе, это значило бы допустить чудо въ своемъ родѣ, значило бы предположить, будто онъ былъ увѣренъ, что умретъ на слѣдующій день. Хотя у Іисуса были предчувствія (это позволительно думать), но безъ вмѣшательства сверхъестественной силы нельзя допустить

такой точности предвидѣнія. Поэтому, я думаю, что ученики Іисуса сгруппировали всѣ свои воспоминанія объ Евхаристіи вокругъ послѣдней вечери подъ вліяніемъ весьма понятной перестановки событій. За тайной вечерей Іисусъ исполнилъ, какъ исполнялъ это уже много разъ, обыкновенный обрядъ, принятый за еврейскимъ столомъ, придавая ему мистическое значеніе по своему вкусу, а такъ какъ послѣдняя трапеза запечатлѣлась у всѣхъ въ памяти гораздо больше, чѣмъ всѣ прочія, то всѣ и согласились относить къ ней установленіе основного обряда. Авторитетъ св. Павла, который въ этомъ отношеніи согласенъ съ синоптиками, не имѣетъ рѣшающаго значенія, ибо самаго Павла на вечерѣ не было; его подтвержденіе доказываетъ только то, въ чемъ и такъ никто не сомнѣвался, что преданіе большей частью относило учрежденіе таинства въ воспоминаніе Іисуса къ кануну его смерти. Это преданіе соотвѣтствуетъ общепринятой идеѣ, что въ этотъ вечеръ Іисусъ ввелъ взамѣнъ еврейской Пасхи новую Пасху; эта идея основывалась на другомъ мнѣніи синоптиковъ, опровергаемомъ четвертымъ Евангеліемъ, именно, что Іисусъ раздѣлилъ съ своими учениками пасхальный ужинъ и умеръ, слѣдовательно, на слѣдующій день послѣ того, въ который полагалось вкушать пасхальнаго агнца.

Замѣчательно, что вмѣсто Евхаристіи, четвертое Евангеліе приводитъ въ качествѣ установленнаго на тайной вечери, другой обрядъ, омовеніе ногъ. Безъ сомнѣнія, четвертый евангелистъ въ этомъ случаѣ также поддался весьма естественной тенденціи относить къ послѣднему вечеру наиболѣе торжественные акты изъ жизни Іисуса. Ненависть автора къ Іудѣ все болѣе и болѣе сказывается особеннымъ вниманіемъ къ нему, которое побуждаетъ его говорить объ этомъ несчастномъ, даже когда въ обстоятельствахъ дѣла нѣтъ къ нему непосредственнаго отношенія (ст. 2, 10—11, 18). Въ разсказѣ о томъ, какъ Іисусъ обличаетъ измѣну, также обнаруживается превосходство четвертаго Евангелія надъ остальными. Тотъ же анекдотъ находится и у синоптиковъ, но у нихъ онъ происходитъ неправдоподобно и заключаетъ въ себѣ противорѣчія. Синоптики говорятъ, что Іисусъ указалъ на предателя намеками, а между тѣмъ при этомъ онъ употребляетъ у нихъ такія выраженія, что всѣ не могли не понять ихъ. Четвертый евангелистъ прекрасно объясняетъ это небольшое недоразумѣніе. По его словамъ, Іисусъ потихоньку сообщаетъ о своемъ предчувствіи уче-

нику, который положилъ къ нему на грудь свою голову, а тотъ передаетъ Петру, что сказалъ ему Іисусъ. По отношенію къ другимъ присутствующимъ Іисусъ хранитъ тайну и никто не подозрѣваетъ, что произошло между нимъ и Іудой. Небольшія подробности въ разсказѣ, хлѣбъ, обмокнутый въ соусъ, черта изъ внутренней жизни секты, заключающаяся въ ст. 29, также носятъ характеръ жизненной правды, такъ что когда авторъ ясно говоритъ: „я тутъ былъ", то хочется вѣрить, что онъ говоритъ правду. Аллегорія по существу своему холодна и суха. Дѣйствующія лица въ ней словно отлиты изъ бронзы и движутся, какъ манекены. Не то мы видимъ у автора четвертаго Евангелія. Въ его сочиненіи поражаетъ именно жизненность, реальность образовъ. Чувствуется человѣкъ страстный, ревнивый, потому что онъ сильно любитъ, воспріимчивый, похожій на восточныхъ людей нашего времени. Искусственныя сочиненія никогда не носятъ столь личнаго характера; всегда ихъ выдаетъ нѣкоторая неясность, неловкость разсказа.

§ 29. Затѣмъ слѣдуетъ длинное поученіе, не лишенное красоты, но безспорно неимѣющее ничего общаго съ преданіемъ. Тутъ мы видимъ отрывки богословія и риторики, не имѣющія никакого сходства съ поученіями Іисуса въ синоптическихъ Евангеліяхъ: они настолько же заслуживаютъ названія историческихъ, какъ тѣ поученія, которыя Платонъ приписываетъ своему учителю въ моментъ его смерти. Но отсюда нельзя дѣлать никакого вывода, относительно цѣнности контекста. Рѣчи, вставляемыя Саллюстіемъ и Титомъ Ливіемъ въ ихъ исторіи несомнѣнно вымышлены; но слѣдуетъ ли изъ этого, что и всѣ ихъ разсказы тоже вымышлены? Впрочемъ, очень возможно, что въ длинныхъ поученіяхъ, приписываемыхъ Іисусу, найдется не одно выраженіе, представляющее историческую цѣнность. Такъ обѣщаніе ниспослать Св. Духа (XIV, 16 и слѣд., 26; XV, 26; XVI, 7, 13), которое ни Маркъ, ни Матѳей, не приводятъ въ опредѣленныхъ выраженіяхъ, находится у Луки (XXIV, 49) и соотвѣтствуетъ одному эпизоду въ Дѣяніяхъ (II) [1]), который долженъ былъ произойти въ дѣйствительности. Во всякомъ случаѣ, идея о духѣ, котораго Іисусъ пошлетъ послѣ своей смерти изъ лона своего Отца, является еще лишней

[1]) Ср. Іоанна, VII, 20.

чертой, общей съ Лукою (Дѣянія, I и II). Идея о Св. Духѣ, какъ о ходатаѣ (*Параклетъ*) также встрѣчается у синоптиковъ, особенно у Луки (XII, 11—12; ср. Матѳея, X, 20; Марка, XIII, 11). Картинка вознесенія, начерченная Лукою, имѣетъ свой неясный зародышъ у четвертаго евангелиста (XVI, 7).

§ 30. Послѣ Тайной Вечери, четвертый евангелистъ, какъ и синоптики, ведетъ Іисуса въ Геѳсиманскій садъ (гл. XVIII). Топографія въ ст. 1 совершенно вѣрна. Слова Τῶν κέδρων, быть можетъ, представляютъ недосмотръ переписчиковъ, или, если можно такъ выразиться, издателя, лица, приготовлявшаго рукопись для публики. Та же ошибка повторяется въ библіи (2 кн. Царствъ, XV, 23). Въ Codex Sinaiticus значится τοῦ κέδρον. Правильная орѳографія τοῦ κεδρῶν должна была казаться странной людямъ, незнавшимъ иного языка, кромѣ греческаго. Выше я уже высказывалъ свое мнѣніе о пропускѣ въ этомъ мѣстѣ сцены томленія Іисуса, причемъ, по моему, этотъ пропускъ является аргументомъ въ пользу четвертаго Евангелія. Сцена ареста Іисуса разсказана здѣсь тоже лучше. Поцѣлуй Іуды, эта подробность, столь трогательная, столь прекрасная, но и отзывающаяся легендой, обходится молчаніемъ. Іисусъ самъ себя называетъ и самъ отдается въ руки стражѣ. Правда здѣсь упоминается, довольно безцѣльно, новое чудо (ст. 6); но просьба Іисуса отпустить его учениковъ зато такъ правдоподобна (ст. 8). Весьма возможно, что въ первый моментъ и ихъ схватили вмѣстѣ съ ихъ учителемъ. Вѣрный своей привычкѣ къ дѣйствительной или мнимой точности, авторъ называетъ по имени двухъ лицъ, между которыми произошла короткая схватка, окончившаяся легкимъ кровопролитіемъ.

§ 31. Вотъ, однако, наиболѣе вѣское доказательство тому, что авторъ четвертаго Евангелія имѣетъ касательно Страстей болѣе оригинальные документы, нежели прочіе евангелисты. Только у него одного Іисуса ведутъ сперва къ Аннѣ, тестю Каіафы. Іосифъ подтверждаетъ это, а Лука въ свою очередь является какъ бы отголоскомъ четвертаго Евангелія [1]). Анна уже давно лишился должности первосвященника, но во всю свою долгую жизнь, онъ въ сущности сохранялъ за собой власть, которою и пользовался отъ

---

[1]) III, 2. Ср. Дѣянія, IV, 6.

именъ своихъ сыновей и зятьевъ, послѣдовательно занимавшихъ постъ первосвященника [1]). Это обстоятельство, о которомъ и не подозрѣваютъ первые два синоптика, весьма мало освѣдомленные въ іерусалимскихъ дѣлахъ, проливаетъ лучъ свѣта. Могъ ли знать объ этомъ сектантъ II вѣка, писавшій Евангеліе въ Египтѣ, или въ Малой Азіи? Мнѣніе, будто авторъ четвертаго Евангелія не зналъ ни Іерусалима, ни положенія еврейскихъ дѣлъ, какъ ни часто оно повторялось, по моему совершенно неосновательно.

§ 32. Такого же предпочтенія заслуживаетъ разсказъ объ отреченіи Петра. Весь этотъ эпизодъ у автора четвертаго Евангелія разсказанъ подробнѣе, лучше объясненъ. Подробности въ ст. 16 поразительно правдивы. Я не только не нахожу ихъ неправдоподобными, но для меня онѣ носятъ печать наивности, напоминающей наивность провинціала, который хвалится своимъ кредитомъ въ министерствѣ на томъ основаніи, что онъ знакомъ тамъ съ привратникомъ или съ прислугой. Можно ли и тутъ усматривать какую либо мистическую аллегорію? Риторъ, жившій много лѣтъ спустя послѣ событій и составлявшій свое сочиненіе по готовымъ текстамъ, не такъ писалъ бы. Посмотрите на синоптиковъ; у нихъ все расчитано, хотя наивно, на эффектъ. Конечно, во многихъ выраженіяхъ четвертаго Евангелія тоже чувствуется искусственность; но иныя черточки въ немъ, кажется, только потому и получили мѣсто, что правдивы, до такой степени онѣ случайны и живы.

§ 33. Мы у Пилата. Ст. 28 имѣетъ весь обликъ правды. Авторъ впадаетъ въ разногласіе съ синоптиками по поводу опредѣленія дня смерти Іисуса. По его словамъ, это тотъ день, когда вкушаютъ агнца, 14 низанъ; по синоптикамъ, это второй день Пасхи. Четвертый евангелистъ могъ быть и правъ. Ошибка синоптиковъ совершенно естественно объясняется желаніемъ превратить Тайную вечерю въ пасхальный ужинъ, чтобы придать ей больше торжественности и въ то же время имѣть въ ней мотивъ для празднованія еврейской Пасхи. Правда, можно также сказать, что четвертое Евангеліе относитъ смерть Іисуса къ тому дню, когда ѣдятъ агнца, съ цѣлью внушить мысль, что Іисусъ истинный агнецъ пасхальный; авторъ четвертаго Евангелія признается въ этой мысли въ другомъ мѣстѣ (XIX,

---

[1] Іосифъ, Ant., XV, III, 1; XX, IX, 1, 3; B. I., IV, V, 6, 7.

36) и, быть можетъ, она не совсѣмъ чужда и другимъ текстамъ (XII, 1; XIX, 29). Но насилованіе исторической реальности синоптиками доказывается во всякомъ случаѣ тѣмъ, что они прибавляютъ еще одну подробность, заимствованную изъ обычнаго церемоніала Пасхи, а не изъ положительной традиціи: я говорю о пѣніи псалмовъ [1]). Еще нѣкоторыя подробности, сообщаемыя синоптиками, напр. Симонъ изъ Киринеи, возвращающійся съ полевыхъ работъ, заставляютъ также предполагать, что казнь Іисуса была приведена въ исполненіе до начала праздника. Наконецъ было бы непонятно, чтобы евреи устроили казнь, или даже чтобы римляне исполняли ее въ столь торжественный день [2]).

§ 34. Я обхожу молчаніемъ разговоръ Пилата съ Іисусомъ, очевидно, составленный по предположеніямъ, но съ довольно точнымъ знаньемъ взаимныхъ отношеній обоихъ лицъ. Вопросъ, заключающійся въ ст. 9 имѣетъ опять-таки отголосокъ у Луки, и какъ и всегда эта довольно ничтожная черта у третьяго евангелиста превращается въ цѣлую легенду [3]). Топографія и характеристика евреевъ въ ст. 13 вѣрны. Вообще, вся эта сцена очень вѣрна исторически, хотя рѣчи, приписываемыя дѣйствующимъ лицамъ, построены по способу разскащика. Напротивъ, то, что относится къ Варравѣ, изложено у синоптиковъ болѣе удовлетворительно. Безъ сомнѣнія, авторъ заблуждается, считая эту личность разбойникомъ. Синоптики ближе къ истинѣ и правдоподобнѣе, изображая Варраву любимцемъ народа, который заключенъ въ тюрьму за бунтъ. Что касается бичеванія, то и тутъ у Матѳея и Марка имѣется одинъ лишній небольшой штрихъ. Изъ ихъ разсказа становится болѣе понятно, что бичеваніе являлось только предварительной церемоніей крестной казни, по общему праву. Авторъ четвертаго Евангелія, повидимому, не подозрѣваетъ, что бичеваніе означаетъ безповоротный приговоръ къ распятію на крестѣ. И въ этомъ случаѣ, онъ слѣдуетъ тому же пути, какъ и Лука (XXIII, 16) и подобно этому послѣднему, старается во всемъ, что относится къ Пилату, оправдать римскую власть и обвинить евреевъ.

---

1) Матѳея, XXVI, 30; Марка, XV, 26.

2) Мишна, *Синедріонъ*, IV, 1. Ср. Филонъ, In Flacc., § 10.

3) Лука, XXIII, 6 и слѣд.

§ 35. Подробность о туникѣ безъ швовъ является аргументомъ противъ автора. Можно сказать, что онъ ее сочинилъ, не понявъ хорошенько параллелизма въ текстѣ Псалма XXII, который онъ цитируетъ. Примѣръ такой же ошибки мы видимъ у Матѳея, XXI, 2—5. Быть можетъ, во всемъ этомъ играла роль и туника безъ швовъ, которую носили первосвященники (Іосифъ, Ant., III, VII, 4).

§ 36. Переходимъ къ наиболѣе серьезному возраженію противъ правдивости автора. По Матѳею и Марку при распятіи присутствуютъ лишь галилейскія женщины, неразлучныя спутницы Іисуса. Лука присоединяетъ къ нимъ „всѣхъ знакомыхъ Іисуса“ (πάντες οἱ γνωστοὶ αὐτῷ), что противорѣчитъ двумъ первымъ Евангеліямъ [1]), а также и тѣмъ свѣдѣніямъ о состояніи учениковъ послѣ казни Іисуса, которыя сообщаетъ Іустинъ [2]) (οἱ γνώριμοι αὐτοῦ πάντες). Во всякомъ случаѣ, въ трехъ первыхъ Евангеліяхъ эта группа вѣрныхъ друзей держится „въ отдаленіи“ отъ креста и не разговариваетъ съ Іисусомъ. Четвертое Евангеліе прибавляетъ къ этому три существенныя подробности: 1) Марія, мать Іисуса, присутствуетъ при распятіи; 2) присутствуетъ также и Іоаннъ; 3) всѣ стоятъ у подножія креста, Іисусъ говоритъ съ ними и ввѣряетъ свою мать своему любимому ученику. Странная вещь! „Мать сыновей Зеведеевыхъ“ или Саломея, которую Матѳей и Маркъ причисляютъ къ вѣрнымъ друзьямъ Іисуса, лишена почетнаго мѣста въ разсказѣ, который написанъ ея сыномъ. Странно также и то, что сестрѣ Маріи, матери Іисуса, приписывается также имя Маріи. Въ этомъ отношеніи я рѣшительно на сторонѣ синоптиковъ. „Гораздо труднѣе понять, пишетъ Штраусъ, какимъ образомъ затерялись данныя о присутствіи Маріи у креста и о трогательной сценѣ, въ которой Іисусъ завѣщаетъ Іоанну свои сыновнія обязанности, нежели то, что всѣ эти подробности родились въ самомъ кружкѣ, въ которомъ слагалось четвертое Евангеліе. Припомнимъ, что въ этомъ кружкѣ апостолъ Іоаннъ пользовался особеннымъ уваженіемъ, и доказательство этому мы видимъ въ томъ стараніи, съ которымъ

---

[1]) Матѳея, XXVI, 56; Марка, XIV, 50. Параллельный ст. Луки, XXII, 54, измѣненъ соотвѣтственно Лукѣ, XXIII, 49. Ср. выше, стр. 329, примѣч.

[2]) Apol., 1, 50.

четвертое Евангеліе выдвигаетъ его впередъ изъ числа трехъ болѣе близкихъ друзей Іисуса, для того чтобы представить его какъ единственнаго апостола, котораго Іисусъ горячо любилъ; можно ли было придумать болѣе вѣрный способъ запечатлѣть это предпочтеніе, нежели торжественное заявленіе самого Іисуса, въ которомъ выражается его послѣдняя воля; такимъ образомъ, Іисусъ самъ завѣщалъ Іоанну свою мать, какъ самое драгоцѣнное наслѣдіе свое, какъ бы ставилъ этимъ Іоанна на свое мѣсто и назначалъ его „викаріемъ Христа"; сверхъ того, какъ по поводу Маріи, такъ и по поводу любимаго апостола, естественно было бы задать себѣ вопросъ, возможно ли допустить, чтобы въ этотъ великій моментъ оба они покинули Іисуса?"

Все это весьма логично. Это прекрасно доказываетъ, что у четвертаго евангелиста была задняя мысль, и притомъ не одна, что въ его сочиненіи нѣтъ искренности, абсолютной наивности Матѳея и Марка. Но въ то же время въ этомъ мы видимъ отчетливо печать происхожденія разбираемаго сочиненія. Сближая это мѣсто съ другими пунктами, въ которыхъ выставляются привиллегіи „ученика, котораго любилъ Іисусъ", мы окончательно разсѣеваемъ всѣ сомнѣнія относительно христіанской семьи, изъ которой вышла эта книга. Это еще не доказываетъ, что Евангеліе это написано непосредственнымъ ученикомъ Іисуса; но этимъ доказывается, что авторъ его самъ вѣритъ или желаетъ увѣрить другихъ, будто онъ разсказываетъ воспоминанія непосредственнаго ученика Іисуса, и что цѣль, которую онъ себѣ поставилъ, именно преувеличить прерогативу этого ученика, показать, что ученикъ этотъ былъ тѣмъ, чѣмъ не были ни Іаковъ, ни Петръ,—истиннымъ братомъ, духовнымъ братомъ Іисуса.

Во всякомъ случаѣ, это новое совпаденіе текстовъ четвертаго и третьяго Евангелій, найденное нами, весьма замѣчательно. Текстъ Евангелія отъ Луки (XXIII, 49) не исключаетъ присутствія Маріи у креста и авторъ Дѣяній, которому несомнѣнно принадлежитъ и третье Евангеліе, упоминаетъ о присутствіи Маріи среди учениковъ въ Іерусалимѣ, спустя нѣсколько дней послѣ смерти Іисуса. Этотъ фактъ не представляетъ особенной исторической цѣнности, ибо авторъ третьяго Евангелія и Дѣяній (или, по крайней мѣрѣ, первыхъ главъ этой послѣдней книги) пользуется наименьшимъ авторитетомъ въ качествѣ традиціониста среди другихъ авторовъ книгъ Новаго Завѣта. Но

этимъ все болѣе и болѣе подтверждается то, по моему мнѣнію, весьма важное, обстоятельство, что преданіе, передаваемое Іоанномъ, не стояло обособленнымъ въ первоначальной Церкви, что многія изъ преданій, свойственныхъ школѣ Іоанна, были извѣстны и другимъ христіанскимъ Церквамъ и даже раньше редактированія четвертаго Евангелія, или, по крайней мѣрѣ, независимо отъ него. Ибо мнѣ представляется весьма невѣроятнымъ предположеніе, что авторъ четвертаго Евангелія, сочиняя этотъ трудъ, имѣлъ передъ глазами Евангеліе отъ Луки.

§ 37. Въ отношеніи напитка, который пилъ Іисусъ на крестѣ, преимущество снова оказывается на сторонѣ четвертаго Евангелія. Это обстоятельство, по поводу котораго Матѳей и Маркъ выражаются глухо и которое у Луки совершенно перепначено (XXIII, 36), здѣсь получаетъ настоящее объясненіе. Іисусъ, мучимый жаждой, самъ проситъ пить. Воинъ подноситъ къ его устамъ губку, пропитанную водой съ уксусомъ. Это весьма естественно и археологически вѣрно. Здѣсь нѣтъ ни глумленія, ни отягченія казни, какъ это думали синоптики. Это гуманное побужденіе воина.

§ 38. Въ четвертомъ Евангеліи пропущено землетрясеніе и прочіе феномены, которыми, по словамъ наиболѣе распространенной легенды, сопровождалась смерть Іисуса.

§ 39. Эпизодъ съ раздробленіемъ голеней (crurifragium) и прободеніемъ копьемъ, разсказываемый четвертымъ Евангеліемъ, весьма возможенъ. Еврейская и римская археологіи въ ст. 31 вѣрны. Crurifragium, конечно, казнь римскаго происхожденія. Что касается возможности ст. 34 съ точки зрѣнія медицины, то здѣсь можетъ быть высказано много разныхъ соображеній. Но если бы даже эти строки доказывали несовершенство физіологическихъ знаній автора, то это ничего бы не доказывало. Я знаю, что ударъ копьемъ могъ быть вымышленъ для соотвѣтствія съ текстомъ Захаріи, XII, 10; ср. Апокал., I, 7. Я признаю, что апріористическое символическое объясненіе очень хорошо прилаживается къ тому факту, что crurifragium не коснулось Іисуса. Автору желательно уподоблять Іисуса пасхальному агнцу [1]) и ему очень выгодно доказывать для защиты своего тезиса, что кости Іисуса не были раздроблены [2]). Быть можетъ, онъ ничего не имѣлъ

[1]) Ср. Іоанна, I, 29.
[2]) Исходъ, XII, 46; Числъ, IX, 12.

противъ привлеченія къ дѣлу иссопа [1]). Что касается воды и крови, которыя полились изъ бока, то и этому обстоятельству не трудно подъискать догматическое значеніе [2]). Но развѣ этого достаточно, чтобы обвинять автора четвертаго Евангелія въ томъ, что всѣ эти подробности имъ вымышлены? Я отлично понимаю, что въ этомъ отношеніи разсуждаютъ слѣдующимъ образомъ: Іисусъ, какъ Мессія, долженъ былъ родиться въ Виѳлеемѣ; слѣдовательно, всѣ разсказы, сами по себѣ довольно неправдоподобные, по которымъ родители Іисуса ко времени его рожденія должны были придти въ Виѳлеемъ, представляютъ собой вымыселъ. Но можно ли утверждать, будто бы заранѣе было написано, что Іисусу не будутъ раздроблять костей, что у него изъ бока потечетъ кровь и вода? Не проще ли допустить, что это обстоятельства, которыя на самомъ дѣлѣ имѣли мѣсто, которыя были подмѣчены учениками, и что ихъ умъ, направленный на мелочи, усмотрѣлъ въ нихъ глубокія провинденціальныя комбинаціи? Въ этомъ отношеніи для для меня нѣтъ ничего болѣе поучительнаго, какъ сравненіе между собой разсказовъ о напиткѣ, предложенномъ Іисусу передъ казнью, по Марку (XV, 23) и по Матѳею (XXVIII, 34). Маркъ въ этомъ мѣстѣ, какъ и вездѣ, болѣе оригиналенъ. По его разсказу Іисусу предлагаютъ, согласно обычаю, ароматическое вино съ цѣлью оглушить его. Въ этомъ нѣтъ ровно ничего мессіанскаго. У Матѳея ароматическое вино превращается въ уксусъ съ желчью; такимъ образомъ достигается полное осуществленіе ст. 22 Псалма LXIX. Вотъ случай, гдѣ мы застигаемъ процессъ передѣлки на мѣстѣ преступленія. Если бы мы располагали однимъ лишь повѣствованіемъ Матѳея, мы были бы вправѣ признать все это обстоятельство чистымъ вымысломъ, созданнымъ для того, чтобы получить осуществленіе текста, относительно котораго предполагается, что онъ относится къ Мессіи. Но разсказъ Марка доказываетъ, что въ основѣ этого эпизода лежалъ реальный фактъ, который нѣсколько переиначили ради мессіанскаго истолкованія.

§ 40. При погребеніи Іисуса вновь появляется Никодимъ, личность, упоминаемая лишь въ четвертомъ Евангеліи. Отмѣчено, что это лицо не

---

[1]) Іоанна, XIX, 29. Ср. Исходъ, XII, 22; Левитъ, XIV, 4, 6, 49, 51, 52; Числъ, XIX, 6; Посл. къ Евр., IX, 19.

[2]) Ср. Іоанна, III, 5; 1 посл. Іоанна, V, 6.

играетъ никакой роли въ первоначальной апостольской исторіи. Но изъ двѣнадцати апостоловъ семь или восемь также совершенно стушевываются послѣ смерти Іисуса. Повидимому, послѣ Іисуса образовались группы, которыя довольно различно его понимали и изъ которыхъ нѣкоторыя не фигурируютъ въ исторіи церкви. Авторъ разъясненій, составляющихъ основу четвертаго Евангелія, могъ знать друзей Іисуса, оставшихся неизвѣстными для синоптиковъ и жившихъ въ менѣе широкомъ кругѣ. Евангельскій персоналъ въ различныхъ христіанскихъ общинахъ былъ весьма различный. Іаковъ, братъ Господа, лицо первостепенной важности для св. Павла, играетъ лишь весьма второстепенную роль въ глазахъ синоптиковъ и автора четвертаго Евангелія. Марія изъ Магдалы, которая, по всѣмъ четыремъ текстамъ, играла капитальную роль при воскресеніи Іисуса, пропущена св. Павломъ въ перечисленіи лицъ, которымъ Іисусъ являлся, и вообще послѣ того торжественнаго момента она больше не фигурируетъ. То же самое было съ бабизмомъ. Въ повѣствованіяхъ, которыя мы имѣемъ о происхожденіи этой религіи, по существу сходныхъ между собой, персоналъ довольно значительно разнится. Каждый изъ свидѣтелей очевидцевъ наблюдалъ фактъ съ своей точки зрѣнія и приписывалъ особую важность тѣмъ основателямъ, которыхъ зналъ лично.

Замѣтьте новое совпаденіе текстовъ Луки (XXIII, 53) и Іоанна (XIX, 41).

§ 41. Изъ приведеннаго здѣсь разбора вытекаетъ фактъ капитальной важности. Четвертое Евангеліе, значительно противорѣчащее синоптикамъ вплоть до послѣдней недѣли жизни Іисуса, въ отношеніи повѣствованія о Страстяхъ въ общемъ съ ними согласно. Тѣмъ не менѣе нельзя было бы сказать, что оно дѣлаетъ у нихъ позаимствованія, ибо съ другой стороны оно значительно отъ нихъ отклоняется и вовсе не копируетъ ихъ выраженій. Если авторъ четвертаго Евангелія и читалъ какую либо изъ рукописей синоптическаго преданія, что весьма возможно, то слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, признать, что этой рукописи у него не было передъ глазами, когда онъ писалъ. Что слѣдуетъ изъ этого заключить? Что у него было свое собственное преданіе, преданіе существовавшее параллельно съ синоптическимъ, причемъ предпочтеніе тому или другому изъ этихъ преданій можетъ быть отдано только на основаніи анализа ихъ внутреннихъ достоинствъ. Искусственное сочиненіе, нѣчто въ родѣ апріористическаго

Евангелія, не могло бы носить такого характера. Авторъ скопировалъ бы синоптиковъ, какъ это дѣлали апокрифы, при случаѣ пополнилъ бы ихъ соотвѣтственно собственному разумѣнію. Положеніе писателя іоанновыхъ сочиненій это положеніе автора, которому не безъизвѣстно, что на тему, которую онъ обрабатываетъ, уже писали другіе, который признаетъ многое изъ того, что разсказываютъ другіе, но при этомъ думаетъ, что въ его распоряженіи имѣются свѣдѣнія, заслуживающія предпочтенія, и вставляетъ ихъ, не безпокоясь о разногласіи съ другими источниками. Сравните съ этимъ то, что намъ извѣстно объ Евангеліи Марсіона. Марсіонъ написалъ Евангеліе въ идеяхъ аналогичныхъ съ тѣми, какія приписываются автору четвертаго Евангелія. Но какая разница: Марсіонъ прибѣгаетъ къ нѣкоторому согласованію или къ извлеченіямъ со спеціальной цѣлью. Мы абсолютно не знаемъ другого примѣра сочиненія въ родѣ того, которое приписывается автору четвертаго Евангелія, предполагая, что авторъ этотъ жилъ, во II вѣкѣ и писалъ съ тѣми намѣреніями, какія ему навязываются. Это и не эклектическій примирительный методъ Таціена и Марсіона, и не пополненіе и подражаніе въ родѣ апокрифическихъ Евангелій, и не полнѣйшая произвольная фантазія, безъ тѣни историческаго элемента, какъ въ *Пистэ Софіа*. Такимъ образомъ, желая избавиться отъ нѣкоторыхъ догматическихъ затрудненій, мы попадаемъ въ безвыходныя затрудненія въ исторіи литературы.

§ 42. Той согласованности четвертаго Евангелія съ синоптиками, которая поражаетъ насъ въ повѣствованіи о Страстяхъ, уже не существуетъ, по крайней мѣрѣ, съ Евангеліемъ отъ Матѳея, въ разсказѣ о воскресеніи Іисуса и о послѣдующихъ событіяхъ. Но и тутъ опять-таки я полагаю, что ближе къ истинѣ авторъ четвертаго Евангелія. По его словамъ Марія изъ Магдалы сперва одна идетъ къ гробницѣ; она одна является первымъ вѣстникомъ о воскресеніи, что согласуется и съ послѣдними строками Евангелія отъ Марка (гл. XVI, 9 и слѣд.). Услыхавъ отъ Маріи Магдалины эту новость, къ гробницѣ идутъ Петръ и Іоаннъ; здѣсь новое, и при томъ одно изъ наиболѣе замѣчательныхъ, совпаденіе даже въ выраженіяхъ и въ мелкихъ подробностяхъ съ Лукой (XXIV, 1, 2, 12, 24) и съ заключительными строками Марка, сохранившимися въ рукописи L и на

поляхъ филоксеніанскаго варіанта [1]). Два первыхъ евангелиста не упоминаютъ о посѣщеніи апостолами гробницы Іисуса. Авторитетъ, имѣющій значеніе рѣшающаго, отдаетъ предпочтеніе разсказу Луки и Іоанна: это авторитетъ св. Павла. По словамъ перваго посланія къ Коринѳянамъ [2]), написаннаго около 57 г., и навѣрное раньше Евангелій отъ Луки и Іоанна, Іисусъ являлся первому Кифѣ. Правда, что это сообщеніе Павла согласуется скорѣе съ разсказомъ Луки, который упоминаетъ объ одномъ Петрѣ, нежели съ разсказомъ четвертаго Евангелія, по словамъ котораго любимый апостолъ сопровождалъ Петра. Но и въ первыхъ главахъ Дѣяній мы всегда видимъ, что Петръ и Іоаннъ были неразлучны. Весьма возможно, что и въ этотъ критическій моментъ они были вмѣстѣ, что они вмѣстѣ услыхали новость и вмѣстѣ побѣжали къ гробницѣ. Заключеніе Марка въ рукописи L употребляетъ менѣе ясное выраженіе: οἱ περὶ τον Πέτρον [3]).

Наивное самолюбіе, которымъ характеризуется это мѣсто повѣствованія четвертаго евангелиста, представляется почти знаменательной чертой. Завзятые противники подлинности четвертаго Евангелія берутъ на себя трудную задачу, когда считаютъ себя обязанными принимать эту черту за признакъ искусственности и поддѣлки. Стараніе автора во всѣхъ важныхъ случаяхъ ставитъ себя впереди Петра или на ряду съ нимъ (I, 35 и слѣд.; XIII, 23 и слѣд.; XVIII, 15 и слѣд.), само по себѣ фактъ замѣчательный. Пусть объясняютъ его, какъ угодно, но очевидно редакція этихъ мѣстъ не могла имѣть мѣста послѣ кончины Іоанна. Разсказъ о первыхъ дѣйствіяхъ апостоловъ въ воскресенье утромъ, довольно неясный у синоптиковъ, у четвертаго евангелиста отличается отмѣнной точностью. Несомнѣнно, что здѣсь передъ нами оригинальное преданіе; обрывки его были приведены въ порядокъ тремя синоптиками по тремъ различнымъ способамъ, но всѣ эти способы въ смыслѣ правдоподобія уступаютъ разсказу четвертаго

---

[1]) Изд. Грисбахъ-Шультца, I, стр. 291, примѣчаніе. Это заключеніе хотя не имѣетъ характера первоисточника, но тѣмъ не менѣе не лишено цѣнности, какъ итогъ древняго преданія.

[2]) XV, 5 и слѣд.

[3]) Это выраженіе, въ крайнемъ случаѣ, можетъ означать, что Петръ былъ одинъ. Ср. Іоанна, XI, 19, и греческіе словари, разъясняющіе выраженіе οἱ περὶ.

Евангелія. Замѣтьте, что въ рѣшительный моментъ, въ воскресенье утромъ, ученикъ, которому приписывается это Евангеліе, не говоритъ объ особомъ явленіи ему одному. Подставное лицо, которое пишетъ, не заботясь о преданіи, съ цѣлью возвысить главу школы, не вмѣнило бы себѣ въ преступленіе измыслить еще одно лишнее явленіе Іисуса любимому ученику среди этого бѣглаго огня явленій, относимыхъ преданіемъ къ первымъ днямъ [1],— по крайней мѣрѣ, для Іакова такой вымыселъ былъ сдѣланъ.

Замѣтьте еще совпаденіе словъ Луки (XXIV, 4) и Іоанна (XX, 12—13). У Матѳея и Марка въ этотъ моментъ упоминается лишь объ одномъ ангелѣ. Лучемъ свѣта является ст. 9. Синоптики не заслуживаютъ никакого довѣрія, когда утверждаютъ, что Іисусъ предсказывалъ свое воскресеніе.

§ 43. Слѣдующее явленіе, описываемое авторомъ четвертаго Евангелія, именно явленіе Іисуса апостоламъ, собравшимся въ воскресенье вечеромъ, вполнѣ совпадаетъ съ перечисленіемъ явленій у Павла [2]). Но совпаденіе съ Лукой здѣсь еще поразительнѣе и имѣетъ рѣшающее значеніе. Не только самое явленіе происходитъ въ томъ же мѣстѣ и въ то же время, при томъ же обществѣ, но и слова, произнесенныя Іисусомъ, тѣ же; разсказъ о томъ, какъ Іисусъ показываетъ свои ноги и руки, слегка видоизмѣненъ, но у обоихъ авторовъ онъ тотъ же, между тѣмъ какъ у двухъ первыхъ синоптиковъ его совсѣмъ нѣтъ [3]). Въ этомъ отношеніи Евангеліе отъ Евреевъ вполнѣ согласно съ третьимъ и четвертымъ Евангеліями [4]). „Но какимъ образомъ, скажутъ мнѣ, принять за разсказъ свидѣтеля-очевидца описаніе случая, который самъ по себѣ представляется невозможнымъ? Тотъ, кто не допускаетъ чуда, высказываясь въ пользу достовѣрности четвертаго Евангелія, не долженъ ли назвать обманомъ категорическое утвержденіе, заключающееся въ ст. 30—31?“ Конечно, нѣтъ. Св. Павелъ также утверждаетъ, что видѣлъ Іисуса, и тѣмъ не менѣе, мы не отрицаемъ ни подлинности перваго посланія къ Коринѳянамъ, ни правдивости св. Павла.

§ 44. Особенностью четвертаго Евангелія можно считать, что сошествіе

[1]) 1 посл. къ Коринѳ., XV, 5—8.

[2]) Loc. cit.

[3]) Ср. Луку, XXIV, 36 и слѣд. съ Іоанномъ, XX, 19 и слѣд.

[4]) Отрывокъ въ посл. св. Игнатія къ Смирнійцамъ, 3, и у св. Іеремія. De viris illustr., 16.

Св. Духа, по его словамъ, происходитъ въ вечеръ того же дня, какъ и воскресеніе Христа (XX, 22) [1]). Лука относитъ (Дѣянія, II и слѣд.) это событіе къ эпохѣ послѣ вознесенія. Тѣмъ не менѣе, замѣчательно, что слова Іоанна, XX, 22, повторяются и у Луки, XXIV, 49. Только контуры разсказа у Луки неясны, и, очевидно, неясность внесена сюда во избѣжаніе противорѣчія съ повѣствованіемъ въ Дѣяніяхъ (II, 1 и слѣд.). И здѣсь мы видимъ, что третье и четвертое Евангелія сообщаются между собой какими то тайными путями.

§ 45. Подобно всѣмъ критикамъ, я считаю, что первоначальная редакція четвертаго Евангелія заканчивается заключительными строками главы XX. Глава XXI является добавленіемъ, но добавленіемъ почти современнаго происхожденія, принадлежащимъ или самому автору, или его ученикамъ. Въ этой главѣ описывается новое явленіе Іисуса. Здѣсь снова замѣчаются важныя совпаденія съ третьимъ Евангеліемъ (ср. Іоанна, XXI, 12—13, съ Лукою, XXIV, 41—43), не считая уже нѣкоторыхъ аналогій съ Евангеліемъ отъ Евреевъ [2]).

§ 46. Затѣмъ слѣдуютъ довольно неясныя подробности (15 и слѣд.), въ которыхъ, однако, болѣе живо, чѣмъ гдѣ либо, чувствуется отпечатокъ школы Іоанна. Здѣсь снова мы встрѣчаемъ постоянное вниманіе къ отношеніямъ, существующимъ между Іоанномъ и Петромъ. Весь этотъ конецъ Евангелія напоминаетъ заключительныя строки интимныхъ записокъ, имѣющія смыслъ для того, кто ихъ писалъ, или для лицъ, посвященныхъ въ тайну. Намекъ на кончину Петра, чувство товарищескаго и братскаго соревнованія между обоими апостолами, увѣренность въ томъ, что Іоаннъ не умретъ, не увидавъ пришествія Іисуса, все это производитъ впечатлѣніе искренности. Гипербола дурного тона, заключающаяся въ ст. 25, не представляетъ собой несообразности для сочиненія, которое въ литературномъ отношеніи стоитъ далеко ниже синоптическихъ Евангелій. Сверхъ того, въ Codex Sinaiticus этого стиха и нѣтъ вовсе. Стихъ 24 представляетъ собой какъ бы подпись. Слова „и знаемъ, что истинно свидѣтельство его“ прибавлены учениками автора, или, скорѣе, даютъ основаніе предполагать,

---

[1]) Ср. Іоанна, VII, 39.

[2]) Св. Іеремія. De viris illustr., 2.

что послѣдніе редакторы Евангелія пользовались замѣтками или воспоминаніями апостола. Такія же удостовѣренія правдивости встрѣчаются, и почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, въ двухъ другихъ рукописяхъ, написанныхъ той же рукой, какъ и четвертое Евангеліе [1]).

§ 47. Такимъ образомъ, въ повѣствованіи о загробной жизни Іисуса четвертое Евангеліе сохраняетъ за собой свое преимущество. Преимущество это видно въ особенности при общемъ взглядѣ на эту часть. Въ Евангеліяхъ отъ Луки и отъ Марка, XVI, 9—20, жизнь Іисуса на землѣ послѣ воскресенія продолжается, повидимому, не болѣе одного дня. По Матѳею также она была, повидимому, не продолжительна. По словамъ Дѣяній (гл. I) она продолжалась сорокъ дней. У трехъ синоптиковъ, какъ и въ Дѣяніяхъ, она заканчивается прощаніемъ или вознесеніемъ на небо. Въ четвертомъ Евангеліи это расположено менѣе условно. Здѣсь загробная жизнь не имѣетъ точныхъ предѣловъ; она продолжается въ нѣкоторомъ родѣ въ безконечность. Въ другомъ моемъ сочиненіи [2]), я доказываю, что эта система заслуживаетъ предпочтенія. Здѣсь достаточно напомнить, что она болѣе соотвѣтствуетъ основному положенію св. Павла, 1 посл. къ Коринѳ., XV, 5—8.

Итакъ, каковъ выводъ изъ этого подробнаго анализа? Во-первыхъ, что разсказъ о фактической сторонѣ жизни Іисуса, разсматриваемый самъ по себѣ, въ томъ видѣ, какъ его даетъ четвертое Евангеліе, въ отношеніи правдоподобія заслуживаетъ предпочтенія передъ повѣствованіемъ синоптиковъ; во-вторыхъ, что напротивъ, поученія, которыя четвертый Евангелистъ приписываетъ Іисусу, въ общемъ, не имѣютъ характера подлинныхъ словъ Іисуса; въ-третьихъ, что авторъ обладаетъ собственнымъ преданіемъ, сильно отличающимся отъ преданія синоптиковъ, именно по отношенію къ послѣднимъ днямъ жизни Іисуса; въ-четвертыхъ, что это преданіе, тѣмъ не менѣе, было довольно распространено, ибо Лука, не принадлежавшій къ школѣ, изъ которой вышло четвертое Евангеліе, имѣетъ болѣе или менѣе смутное представленіе о фактахъ, извѣстныхъ Іоанну, и неизвѣстныхъ Матѳею и Марку; въ-пятыхъ, что произведеніе это не имѣетъ той красоты, какъ синоптическія Евангелія, ибо Евангелія Матѳея и Марка являются образцо-

[1]) Первое посл. Іоанна, I, 1—4; третье посл. Іоанна, 12.
[2]) Апостолы, гл. I—III.

выми произведеніями самобытнаго творчества, Евангеліе Луки представляетъ превосходную смѣсь наивнаго искусства и рефлексіи, между тѣмъ, какъ четвертое Евангеліе не болѣе какъ рядъ дурно расположенныхъ замѣтокъ, въ которыхъ плохо согласованы между собой легенда и преданіе, рефлексія и наивность; въ-шестыхъ, что авторъ четвертаго Евангелія, кто бы онъ ни былъ, писалъ съ цѣлью возвысить авторитетъ одного изъ апостоловъ, съ цѣлью показать, что этотъ апостолъ игралъ роль также и въ тѣхъ событіяхъ, при которыхъ въ другихъ повѣствованіяхъ о немъ не упоминается, съ цѣлью доказать, что ему были извѣстны вещи, о которыхъ не знали другіе ученики; въ-седьмыхъ, что авторъ четвертаго Евангелія писалъ въ то время, когда христіанство было уже болѣе зрѣлымъ, чѣмъ въ эпоху синоптиковъ, и находилось подъ вліяніемъ болѣе экзальтированнаго представленія о божественности роли Іисуса, благодаря чему и образъ Іисуса вышелъ у него менѣе живымъ, гіератическимъ, какъ образъ эона или божественной ипостаси, дѣйствующихъ согласно одной лишь своей воли; въ-восьмыхъ, что если фактическія данныя четвертаго Евангелія точнѣе данныхъ синоптиковъ, то историческія краски въ немъ менѣе точны, такъ что для того, чтобы уловить общую физіономію Іисуса, синоптическія Евангелія, не взирая на всѣ ихъ пробѣлы и ошибки, являются все-таки истинными руководителями.

Само собой разумѣется, что всѣ эти заключенія, благопріятныя для четвертаго Евангелія, были бы еще болѣе вѣскими, если бы удалось доказать, что авторомъ его былъ именно апостолъ Іоаннъ, сынъ Зеведеевъ. Но это относится къ разслѣдованію совсѣмъ другого порядка. Цѣль наша заключалась въ изслѣдованіи четвертаго Евангелія, какъ таковаго, независимо отъ автора его. Несомнѣнно, что вопросъ объ авторѣ четвертаго Евангелія одинъ изъ самыхъ удивительныхъ во всей исторіи литературы. Я не знаю другого вопроса критики, гдѣ самыя разнорѣчивыя показанія до такой степени балансировались бы и до такой степени вносили бы путаницу.

Прежде всего, ясно, что авторъ желаетъ выдать себя за свидѣтеля-очевидца евангельскихъ фактовъ (I, 14; XIX, 35) и за любимаго друга Іисуса (XIII, 22 и слѣд.; XIX, 26 и слѣд., по сравненію съ XXI, 24). Ни къ чему не ведетъ заключеніе, что глава XXI есть прибавленіе, такъ какъ это прибавленіе могло быть сдѣлано одинаково самимъ авторомъ или

его школой. Въ двухъ другихъ пунктахъ (I, 35 и слѣд., XVIII, 15 и слѣд.) мы ясно видимъ, что авторъ любитъ говорить о себѣ намеками. Одно изъ двухъ: или авторъ четвертаго Евангелія ученикъ Іисуса, ученикъ близкій къ нему и относящійся къ числу старѣйшихъ учениковъ; или же авторъ, желая увеличить свою авторитетность, прибѣгнулъ къ уловкѣ, которою и пользуется отъ начала книги до конца, стараясь увѣрить, что онъ былъ очевидцемъ, настолько близкимъ, какъ только возможно, чтобы этимъ засвидѣтельствовать правдивость всѣхъ фактовъ.

Кто же можетъ быть этимъ ученикомъ, авторитетъ котораго такъ высоко цѣнится авторомъ? Заголовокъ указываетъ намъ на это: Іоаннъ. Нѣтъ ни малѣйшаго основанія предполагать, чтобы этотъ заголовокъ былъ поставленъ вопреки желанію истиннаго автора. Несомнѣнно, что онъ появился во главѣ четвертаго Евангелія въ концѣ II вѣка. Съ другой стороны, въ евангельской исторіи кромѣ Іоанна Крестителя и апостола Іоанна, другихъ Іоанновъ нѣтъ. Остается выбирать одну изъ двухъ гипотезъ: или признать авторомъ четвертаго Евангелія Іоанна, сына Зеведеева, или смотрѣть на эту книгу, какъ на апокрифическое сочиненіе, написанное лицомъ, имѣвшимъ намѣреніе выдать это Евангеліе за произведеніе Іоанна, сына Зеведеева. Дѣйствительно, здѣсь рѣчь идетъ не о легендахъ, созданныхъ толпой, за которыя никто не несетъ на себѣ отвѣтственности. Человѣкъ, который, желая, чтобы дали вѣру тому, что онъ разсказываетъ, обманываетъ публику не только относительно своего имени, но еще и относительно цѣнности своего свидѣтельства, такой человѣкъ не просто сочиняетъ легенду, а совершаетъ подлогъ. Какой-нибудь біографъ Франциска Ассизскаго, жившій на сто или двѣсти лѣтъ позже этого необыкновеннаго человѣка, можетъ разсказывать о массѣ чудесъ, созданныхъ преданьемъ, оставаясь, тѣмъ не менѣе, самымъ чистосердечнымъ и непорочнымъ человѣкомъ въ мірѣ. Но если тотъ же біографъ заявитъ: „я былъ его близкимъ другомъ; онъ любилъ меня больше, чѣмъ кого-либо; все, что я вамъ разскажу—истина, ибо я самъ это видѣлъ“, то безспорно, такого автора мы назовемъ совсѣмъ иначе.

И этотъ подлогъ, въ сущности, былъ бы не единственнымъ преступленіемъ подставного автора. Мы знаемъ три посланія, которыя точно также носятъ имя апостола Іоанна. Если вообще въ области критики что-либо можетъ быть признано вѣроятнымъ, такъ это именно тотъ фактъ, что, по меньшей мѣрѣ,

Первое изъ этихъ посланій принадлежитъ тому же автору, какъ и четвертое Евангеліе. Можно даже сказать, что это посланіе, какъ бы глава, отдѣлившаяся отъ Евангелія. Оба сочиненія пользуются однимъ и тѣмъ же словаремъ, между тѣмъ языкъ въ книгахъ Новаго Завѣта до такой степени бѣденъ выраженіями, такъ мало въ немъ разнообразія, что подобныя аналогіи сами по себѣ могутъ имѣть значеніе почти абсолютно вѣрнаго доказательства. Авторъ этого посланія, подобно автору четвертаго Евангелія, выдаетъ себя за свидѣтеля-очевидца (1 посл. Іоанна, I, 1 и слѣд.; IV, 14) евангельской исторіи. Онъ рекомендуется человѣкомъ извѣстнымъ, пользующимся въ Церкви большимъ уваженіемъ. Съ перваго взгляда наиболѣе естественной гипотезой слѣдовало бы признать ту, по которой всѣ эти произведенія дѣйствительно принадлежатъ Іоанну, сыну Зеведееву.

Однако поспѣшимъ оговориться: первоклассные критики отрицали подлинность четвертаго Евангелія не безъ серьезныхъ основаній для этого. Произведеніе это слишкомъ мало цитируется древней христіанской литературой; авторитетъ его начинаетъ распространяться лишь значительно позднѣе [1]. Подобнаго Евангелія меньше всего можно было бы ожидать отъ Іоанна, бывшаго рыбака на Генисаретскомъ озерѣ. Греческій языкъ, на которомъ онъ пишетъ, совсѣмъ не тотъ, который былъ въ ходу въ Палестинѣ и который намъ извѣстенъ по другимъ книгамъ Новаго Завѣта. И, въ особенности, идеи этого Евангелія относятся къ совершенно другому порядку идей. Здѣсь мы съ головой погружаемся въ филонову метафизику, почти въ гностику. Поученія Іисуса, въ томъ видѣ, какъ ихъ намъ передаетъ этотъ мнимый свидѣтель-очевидецъ, этотъ близкій ученикъ, невѣрны, нерѣдко безвкусны, невозможны. Наконецъ, Апокалипсъ также выдаетъ себя за произведеніе Іоанна, который, правда, не называетъ себя апостоломъ, но приписываетъ себѣ въ Церквахъ Азіи такое главенство, что, разумѣется, невозможно не отождествлять его съ апостоломъ Іоанномъ. Если же мы сравнимъ стиль и мысли автора Апокалипса съ стилемъ и мыслями четвертаго Евангелія и перваго посланія Іоанна, мы увидимъ поразительную разницу между ними. Гдѣ же выходъ изъ этого лабиринта удивительныхъ противорѣчій и непреодолимыхъ затрудненій?

---

[1]) См. выше, Введеніе, стр. XLIV и слѣд.

Я лично вижу только одинъ выходъ. Надо держаться того, что четвертое Евангеліе въ извѣстномъ смыслѣ заслуживаетъ названія κατὰ Ἰωάννην, именно въ томъ, что оно написано не самимъ Іоанномъ, что въ теченіе долгаго времени оно было эзотерическимъ и держалось въ тайнѣ одной изъ школъ, примыкавшихъ къ Іоанну. Проникнуть въ тайны этой школы, узнать какимъ образомъ изъ нея вышло сочиненіе, о которомъ идетъ рѣчь, вещь невозможная. Не служили ли основаніемъ для того текста, который мы читаемъ, замѣтки или записки, продиктованныя самимъ апостоломъ? [1]) Не придалъ ли разсказамъ и письмамъ своего учителя тотъ характеръ, который они нынѣ имѣютъ, какой-либо секретарь апостола, вскормленный на чтеніи Филона и выработавшій собственный свой стиль? Не имѣемъ ли мы здѣсь дѣло съ случаемъ, аналогичнымъ тому, который произошелъ съ посланіями св. Екатерины Сіеннской, редактированными ея секретарями, или съ откровеніями Екатерины Эммерихъ, о которыхъ также можно сказать, что они принадлежатъ въ равной мѣрѣ, какъ самой Екатеринѣ, такъ и Брентано, потому что фантазіи Екатерины изложены стилемъ Брентано? Не могли ли сектанты, на-половину гностики, въ виду близкой кончины апостола, взяться за перо и подъ предлогомъ помощи ему въ составленіи мемуаровъ и въ веденіи корреспонденціи, навязать ему свои идеи, свои любимыя выраженія, и затѣмъ все это покрыть его авторитетомъ? [2]). Что это за пресвитеръ Іоаннъ, въ нѣкоторомъ родѣ двойникъ апостола, могилу котораго показывали рядомъ съ могилой самого апостола [3])? Представляетъ ли онъ собой другое лицо, отличное отъ апостола? или, быть можетъ, это не кто иной, какъ самъ апостолъ, продолжительная жизнь котораго въ теченіе многихъ лѣтъ служила

---

[1]) Іоанна, XIX, 35: XXI, 24.

[2]) Этой гипотезой объясняется молчаніе Папія, составляющее важный аргументъ противъ абсолютнаго признанія подлинности четвертаго Евангелія. Можно даже предположить, что именно на четвертое Евангеліе, Папій и дѣлаетъ неблагопріятный для него намекъ въ этихъ словахъ: Οὐ γὰρ τοῖς τὰ πολλὰ λέγουσιν ἔχαιρον, ὥσπερ οἱ πολλοί... οὐδὲ τοῖς τὰς ἀλλοτρίας ἐντολὰς μνημονεύουσιν. Это вполнѣ отвѣчало бы длиннымъ поученіямъ, довольно чуждымъ Іисусу, и наполняющимъ Евангеліе, приписываемое Іоанну.

[3]) Евсевій, Н. Е. III, 39.

основой для упованій всѣхъ вѣрующихъ? [1]). Этихъ вопросовъ я уже касался въ другомъ мѣстѣ [2]). Я еще не разъ вернусь къ нимъ. Но на этотъ разъ у меня была лишь одна цѣль: показать, что, пользуясь такъ часто при составленіи жизнеописанія Іисуса четвертымъ Евангелистомъ, я имѣлъ достаточно для этого основаній, даже въ томъ случаѣ, если это Евангеліе написано и не апостоломъ Іоанномъ.

---

[1]) Іоанна, XXI, 22 и слѣд.

[2]) См. выше, Введеніе, стр. LIII и слѣд.